

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 1 2023

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 1 2023

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:

канд. ист. наук *Е.Е. Воробьева*, канд. ист. наук *М.Ш. Галимова*, *Е.Н. Голубева*

Редакционная коллегия номера:

Бессуднов А. Н., к.и.н., доц. (Липецк); **Галимова М. Ш.**, к.и.н. (Казань); **Жилин М. Г.**, д.и.н. (Москва); **Колесник А. В.**, д.и.н., проф. (Ростов-на-Дону); **Королев А. И.**, к.и.н., доц. (Самара); **Мартинез Фернандез Г.**, д-р, проф. (Гранада, Испания); **Мосин В. С.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Павлик А.**, д-р, проф. (Кесон-Сити, Филиппины); **Разгильдеева И. И.**, к.и.н., доц. (Чита); **Чаиркина Н. М.**, д.и.н. (Екатеринбург).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evraststep.ru>

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 1 2023

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Elena E. Vorob'eva**,
Candidate of Historical Sciences **Madina Sh. Galimova**,
Ekaterina N. Golubeva

Editorial board:

Bessudnov Alexander N., Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Lipetsk); **Galimova Madina Sh.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Zhilin Mikhail G.**, Doctor of Historical Sciences (Moscow); **Kolesnik Alexander V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Rostov-na-Donu); **Korolev Arkady I.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Samara); **Martínez Fernández Gabriel**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Mosin Vadim S.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Pawlik Alfred**, PhD, Associate Prof. (Quezon-City, Philippines); **Razgildeeva Irina I.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Chita); **Chairkina Natalia M.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg).

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrzstep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы*

Богданов В.О., Ведехин О.В. (<i>Тверь, Россия</i>) Историко-археологическое изучение городища Опоки (Ржевский район, Тверская область)	8
Валеева В.А. (<i>Казань, Россия</i>) Некоторые проблемы информационного сопровождения археологического предмета на примере комплекса погребения 1101 Танкеевского могильника	18
Гельман Е.И. (<i>Владивосток, Россия</i>) Стратиграфия, хронология и периодизация Краскинского городища	25
Григорьева И.М. (<i>Самара, Россия</i>) Животные в погребальном обряде кочевников раннего железного века Оренбургского Приуралья в IV–II вв. до н. э.	39
Дерябина С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Колесничные сюжеты в петроглифах Алтае-Саяно-Хангайского нагорья: аналитический обзор историографической традиции	45
Джуракулова Д.М. (<i>Самарканд, Узбекистан</i>) Бронзовые украшения у поселения Муминабад	57
Дмитриева Ю.В. (<i>Москва, Россия</i>) Значение и функции бога Хонсу в «текстах пирамид» и «текстах саркофагов»	63
Зыль А.В. (<i>Минск, Беларусь</i>) О фауне городища Тясты Верхнедвинского района Витебской области по итогам раскопок 1981 и 2019 гг.	70
Калашников М.Г., Воробьева Е.Е., Сайфутдинова Г.М. (<i>Казань, Россия</i>) Анализ пространственного распределения археологических памятников Марийского Поволжья на основе ГИС-технологий	78
Калугина Е.М. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Текстиль домонгольской Руси по данным берестяных грамот XI – первой трети XIII века	86
Крючко Е.И. (<i>Благовещенск, Россия</i>) Особенности ориентации погребенных у представителей Мохэской археологической культуры на территории Западного Приамурья	93
Кузнецов В.Е. (<i>Пермь, Россия</i>) Сухоно-Вычегодский путь в эпоху средневековья: к вопросу об экономических и этнокультурных контактах Пермского Предуралья с Древней Русью	100
Курбонов А.М. (<i>Термез, Узбекистан</i>) Алтын-Депе – древнейшее место культовое место в Средней Азии	107
Леонов Л.Л. (<i>Москва, Россия</i>), Чемодуров Н.Н. (<i>Симферополь, Россия</i>) Металлические разновески памятников Северного Причерноморья в неопубликованном научном наследии П. Н. Шульца	111
Смертин А.Р. (<i>Пермь, Россия</i>) Железообрабатывающее производство средневекового археологического комплекса Анюшкар в Верхнем Прикамье	127
Смертин А.Р., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Красновских М.П., Мокрушин И.Г., Сарапулов А.Н. (<i>Пермь, Россия</i>) Внутримогильные конструкции в погребальной обрядности средневекового населения Пермского Предуралья (опыт определения древесины методом сканирующей электронной микроскопии)	142
Фейзулаев А.Л. (<i>Самарканд, Узбекистан</i>) Опыт консервации сырцовых памятников археологии в рамках создания археологического парка на примере городища Культобе	156

* Материалы IX Международной археологической школы.

Храмцов М.В. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Каменный инвентарь Липчинского поселения в Нижнем Притоболье	170
Шмырина М.Е. (<i>Пермь, Россия</i>) История изучения средневековых костяных изделий с территории Прикамья	182
Эргашев О.Т. (<i>Самарканд, Узбекистан</i>) Место памятников Кукаяз 1-8 в классификации центральноазиатских мастерских каменного века	190
Проблемы изучения, охраны и музеефикации памятников археологии в городском пространстве**	
Кузнецова Л.В. (<i>Самара, Россия</i>) Постников Овраг III: этапы заселения памятника	195
Галимова М.Ш. (<i>Казань, Россия</i>) Стоянка Постников овраг в свете концепции А.Х. Халикова о сибирских культурных традициях в позднем палеолите Среднего Поволжья	211
Бессуднов А.Н. (<i>Липецк, Россия</i>), Захарова Е.Ю. (<i>Воронеж, Россия</i>) Трубицыно 5 – новый памятник мезолита-энеолита на Верхнем Дону	225
Андреев К.М., Сомов А.В. (<i>Самара, Россия</i>) Сравнительный анализ неолитических кремневых комплексов лесостепного Поволжья и Верхнего Подонья	239
Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф. (<i>Самара, Россия</i>) Каменные индустрии неолита полупустынной зоны как культурные индикаторы	252
Кудашов А.С. (<i>Самара, Россия</i>) О раннеолитическом каменном инвентаре Марийского Поволжья	263
Дога Н.С. (<i>Самара, Россия</i>) Каменная Индустрия Прикаспийской культуры	271
Гилязов Ф.Ф. (<i>Самара, Россия</i>) Сравнительный анализ каменных индустрий Орловской и Джангарской культур	280
Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. (<i>Самара, Россия</i>) Каменный инвентарь погребений могильника Екатериновский мыс	288
Козлов Д.А. (<i>Саранск, Россия</i>) Комплекс парного погребения 9–10 Барбашинского могильника (из раскопок Б.А. Латынина) в системе хронологии мордовских древностей золотоордынского периода	301
Королев А.И., Шалапинин А.А. (<i>Самара, Россия</i>) Скорченные погребения грунтового могильника Максимовка I эпохи энеолита	314
Глазистова Н.И. (<i>Самара, Россия</i>) К характеристике коллекций из раскопок А.С. Башкирова на Барбашинском могильнике в 1921 г. в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина	328
Бугарчев А.И. (<i>Казань, Россия</i>), Крыласова Н.Б. (<i>Пермь, Россия</i>) Находки джучидских монет XIII–XIV вв. в Пермском крае	339
Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. (<i>Самара, Россия</i>) Памятники археологии на территории г. Самары: анализ топографии и перспективы сохранения	343
Хроника	
Ситдииков А.Г., Сагтаров Р.Р. (<i>Казань, Россия</i>) Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2022 году	358
Список сокращений	378
Правила для авторов	379

** Материалы Всероссийской археологической конференции «Проблемы изучения, охраны и музеефикации памятников археологии в городском пространстве», посвященной 100-летию открытия комплекса «Постников овраг» на территории г. Самары. (г. Самара, 24–25 ноября 2022 г.)

CONTENT

Interdisciplinary Research in Archaeology: achievements and challenges

Bogdanov V.O., Vedekhin O.V. (<i>Tver, Russian Federation</i>) Historical and Archaeological Study of the Opoki Hillfort (Rzhevsky District, Tver Region)	8
Valeeva V.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Some Issues of the Archaeological Object's Information Support on the Case the Complex of Grave 1101 Tankeevka Burial Ground	18
Gelman E.I. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) Stratigraphy, Chronology and Periodization of the Kraskinsky Walled Town	25
Grigoryeva I.M. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Animals in the Burial Rite of the Early Iron Age Nomads in the Orenburg Pre-Urals in the IV – II Centuries BC	39
Deriabina S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Chariot Scenes in Petroglyphs of the Altai-Sayan-Khangai Highlands: an analytical review of the historiographical tradition.....	45
Djurakulova D.M. (<i>Samarkand, Uzbekistan</i>) The Bronze Jewelry from Muminabad Settlement	57
Dmitriyeva Yu.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Meaning and Functions of the God Khonsu in the “Pyramid Texts” and “Coffin Texts”	63
Zyl A.V. (<i>Minsk, Belarus</i>) On the Fauna of the Hillfort of Tiasty, Verkhnedvinsky District, Vitebsk Region, Based on the Results of Excavations in 1981 and 2019	70
Kalashnikov M.G., Vorobeva E.E., Sayfutdinova G.M. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Spatial Analysis of Bronze Age Settlements of the Mari Volga Region	78
Kalugina E.M. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Pre-Mongol Rus Textiles According to Birchbark Letters of the 11th – First Third of the 13th Century	86
Kryuchko E.I. (<i>Blagoveshchensk, Russian Federation</i>) Orientational Features of the Buried Persons Among the Representatives of the Mohe Archaeological Culture in the Territory of the Western Amur Region.....	93
Kuznetsov V.E. (<i>Perm, Russian Federation</i>) The Sukhona–Vychehda Way During the Middle Ages: on the question of economic and ethnic-cultural contacts of the Permian Urals with ancient Russia	100
Kurbonov A.M. (<i>Termez, Uzbekistan</i>) Altyn-Depe is the Oldest Place of Worship in Central Asia ...	107
Leonov L.L. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Chemodurov N.N. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) Metal Balance Weights of the Northern Black Sea Region Sites in the Unpublished Scientific Heritage of P.N. Shults.....	111
Smertin A.R. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Ironworking Production of the Medieval Archaeological Complex Anyushkar in the Upper Kama Region.....	127
Smertin A.R., Ivanov P.A., Kamenshikov O.Y., Krasnovskih M.P., Mokrushin I.G., Sarapulov A.N. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Grave Structures in the Burial Ritual of the Medieval Population of the Permian Urals (experience in determining wood by scanning electron microscopy).....	142
Feyzulaev A.L. (<i>Samarkand, Uzbekistan</i>) The Conservation Experience of Mudbrick Archaeological Monuments in the Framework of the Creation of the Archaeological Park on the Example of Kultobe Settlement.....	156
Khramtsov M.V. (<i>Ekaterinburg, Russian Federation</i>) Stone Inventory of the Lipchinsky Site in the Lower Tobol Region	170

Shmyrina M.E. (<i>Perm, Russian Federation</i>) The History of the Study Medieval Bone Artefacts from the Cis-Kama Territory	182
Ergashev O.T. (<i>Samarkand, Uzbekistan</i>) Place of Kukayaz 1-8 Sites in the Classification of Central Asian Stone Age Workshops	190
Issues of the study, protection and museification of archaeological monuments in urban space	
Kuznetsova L.V. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Postnikov Ravine III: stages of settlement of site	195
Galimova M.Sh. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Postnikov Ovrag Site in the Light of A.Kh. Khalikov's Concept of Siberian Cultural Traditions in the Late Paleolithic Middle Volga Region	211
Bessudnov A.N. (<i>Lipetsk, Russian Federation</i>), Zakharova E.Y. (<i>Voronezh, Russian Federation</i>) Trubitsyno 5 – a New Mesolithic-Eneolithic Site in the Upper Don Region	225
Andreev K.M., Somov A.V. (<i>Samara, Russian Federation</i>) The Comparative Analysis of Neolithic Stone Complexes of the Forest-Stepping Volga and the Upper Donregions	239
Vybornov A.A., Gilyazov F.F. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Stone Industries of the Neolithic Semidesert Zone as Cultural Indicators	252
Kudashov A.S. (<i>Samara, Russian Federation</i>) About the Early Neolithic Stone Inventory of the Mari Volga Region	263
Doga N.S. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Stone Industry of the Caspian Culture	271
Gilyazov F.F. (<i>Samara, Russian Federation</i>) The Comparative Analysis of Stone Industries of the Orlovka and Dzhangar Cultures	280
Korolev A.I., Kochkina A.F., Stashenkov D.A. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Stone Inventory of Burials of Ekaterinovskiy Cape Burial Ground	288
Kozlov D.A. (<i>Saransk, Russian Federation</i>) The Complex of Paired Burial of the 9-10 Barbashinsky Burial Ground (from the excavations of B.A. Latynin) in the Chronology System of the Mordovian Antiquities of the Golden Horde Period.....	301
Korolev A.I., Shalapinin A.A. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Bent Burials at Maksimovka I Eneolithic Burial Ground	314
Glazistova N. I. (<i>Samara, Russian Federation</i>) To Characteristics of the Collections from the Excavation by A.S. Bashkirov at the Barbashinsky Burial Ground in 1921 in the Funds of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin	328
Bugarchev A.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Krylasova N.B. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Finds of Juchid Coins of the XIII–XIV Centuries In Perm Region.....	339
Stashenkov D.A., Kochkina A.F. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Archaeological Sites on the Territory of Samara: topography analysis and prospects for conservation	343
Chronicle	
Sitdikov A.G., Sattarov R.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) A Brief Overview of the Scientific Activity of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2022	358
List of Abbreviations	378
Instructions for Authors	379

**Междисциплинарные исследования в археологии:
достижения и вызовы**

УДК 902.2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.8.17>**ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩА
ОПОКИ (РЖЕВСКИЙ РАЙОН, ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

© 2023 г. В.О. Богданов, О.В. Ведехин

Данная статья вводит в научный оборот новые данные о современном состоянии известного археологического памятника периода средневековья Ржевского района Тверской области – городища Опоки. Авторами летом 2022 года были зафиксированы многочисленные антропогенные разрушения, собран и проанализирован подъемный материал из отвалов. Изучение данных письменных источников позволило проследить развитие первоначального селища в городище Опоки в 1403 году и повышение его политической значимости в междукняжеских отношениях. По типам керамики и времени бытования найденных на участках разрушений городища предметов памятник датирован второй половиной XIII – второй половиной XVII / началом XVIII века. Обоснованы перспективы дальнейших историко-археологических исследований городища. Картографическая фиксация разрушений поспособствует в определении перспективного места проведения полевого археологического изучения памятника.

Ключевые слова: археология, средневековье, Верхнее Поволжье, Ржевский уезд, Тверское княжество, городище, керамика.

**HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE OPOKI
HILLFORT (RZHEVSKY DISTRICT, TVER REGION)**

V.O. Bogdanov, O.V. Vedekhin

This article introduces into scientific discourse new data on the current state of the famous archaeological monument of the Middle Ages in the Rzhevsky district of the Tver region – the fortified settlement of Opoki. In summer 2022, numerous anthropogenic destructions were recorded, lifting material from dumps was collected and analyzed by the authors. The study of these written sources made it possible to trace the development of the original settlement in the fortified settlement of Opoki in 1403 and the increase of its political significance in inter-princely relations. According to the types of ceramics and the time of existence of the objects found on the destroyed parts of the hillfort, the monument is dated to the second half of the XIII – second half of the XVII / beginning of the XVIII century. The prospects of further historical and archaeological research of the hillfort are substantiated. Cartographic fixation of the destruction will contribute to determining a promising place for conducting a field archaeological study of the monument.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Upper Volga region, Rzhevsky district, Tver Principality, ancient settlement, ceramics.

На территории Верхнего Поволжья располагается археологический памятник с уникальной средневековой историей – городище Опоки. Памятник расположен в двух километрах от городища Ржевы Володимировой – крупного городского центра XIII–XV вв. Уникальность обоих крепостей заключается в том, что данные поселения относились к разным княжествам. Несмотря на короткое время функционирования, на городище Опоки отложился культурный слой, насыщенный находками. Данное поселение можно считать

закрытым комплексом, эталонным объектом для позднесредневековой городской археологии Верхневолжья.

Ржевский регион имел пограничное положение на протяжении XIII–XVI вв. Данный факт повлиял на становление территориально-административной и хозяйственной специфики Ржевской земли в эпоху средневековья. Особую значимость здесь имели укрепленные поселения как объекты силового влияния.

Первое упоминание городища Опоки встречается в завещании великого тверского князя

Михаила Александровича 1399 г. (ПСРЛ, Т. IV, с. 360). В 1403 г. были созданы новые укрепления его сыном Иваном Михайловичем. Как отмечается в летописи, они были возведены в промежутке с весны до осени этого года (ПСРЛ, Т. XV, с. 470). Таким образом, можно предположить, что крепость возникла в конце XIV в. Для чего было необходимо создание укрепленного пункта на близком расстоянии от Ржевы? Благодаря тесным отношениям между Москвой и Тверью, которые фиксируются в Софийской второй летописи (ПСРЛ, Т. VI, с. 128), и стремлению Москвы распространить влияние на северо-запад, Ржева после короткого срока владения тверским князем Иваном Михайловичем отходит к Москве. Л.В. Черепнин предположил, что создание укреплений в Опоках было вызвано желанием тверского князя укрепить рубежи княжества из-за перехода Ржевы под власть Москвы (Черепнин, 1948, с. 71). Вышеуказанные факты указывают на политическую уникальность поселения и Ржевской земли в целом.

В дальнейшем письменных упоминаний крепости Опоки мало. Очевидно, что редкие упоминания об Опоках говорят о малой значимости города в политической жизни Тверского княжества. В 1446 г. крепость была резиденцией князя Бориса Александровича и базой тверских войск при взятии Ржева. По мирному договору 1449 г. между Литвой и Тверью Ржев отходит к последней (Исланова, Оруджев, 2017, с. 93–94). В XV в. поселение Опоки сохраняло значение феодального центра, так как в Судебнике 1497 г. оно упомянуто в числе судебно-административных центров Русского государства (Сахаров, 1959, с. 122).

В XVI в. после присоединения Тверского княжества к Московскому великому княжеству Ржев и Опоки уже не находились в противоречии друг другу. Конец истории поселения приходится на 1613 г. Опоки были сожжены польским отрядом во главе с полковником Лисовским и больше не восстанавливались (Исланова, Оруджев, 2017, с. 93–94).

Дальнейшую судьбу поселения можно проследить в писцовых книгах по Ржевскому уезду. Опубликована писцовая приправочная книга 1588–1589 гг., но она не охватывает левый берег реки Волги, где, собственно, и располагается городище. Одним из круп-

нейших по объему (более 1300 л.) является писцовое описание Леонтия Скобельцына и Макара Чукарина 1624–1625 г. (РГАДА. Ф.1209 Оп.1. № 373). Книга включает в себя описание поместных, вотчинных, церковно-монастырских земель. Эта книга создавалась уже после событий Смутного времени и непосредственного разорения крепости Опоки. В книге поселение под таким названием не упоминается. Территориально городище размещалось в Поддобринской волости Ржевского уезда. В описании волости в писцовой книге Л. Скобельцына имеется пустошь Городище на реке Волга – единственная в стане с таким названием. Пустошь числилась за ржевскими рассыльщиками. Предположительно, пустошь может соответствовать городищу Опоки, однако необходима дальнейшая проверка данных в писцовых описаниях дворянских земель.

Первыми археологическими сведениями о городище Опоки принято считать краеведческие данные инспектора ржевской мужской шестиклассной прогимназии Д.Ф. Щеглова за 1878 г. о наличии около одноименной деревни на восточной окраине Ржева остатков вала и рва, опубликованные В.А. Плетнёвым в информационно-статистической сводке – приложении к археологической карте 1903 г. «Об остатках древности и старины в Тверской губернии» (Плетнёв, 1903, с. 72). В 1888 г. в описях коллекции приобретений тверского музея отмечается целый комплекс предметов от XII до XVI в., обнаруженных в деревне Опоки и на поле близ неё, что позволило косвенно относить их в будущем исследователями к посаду юго-западнее детинца (Жизневский, 1888, с. 112, 226 и др.). В 1903 г. поселение и синхронный ему близлежащий грунтовый могильник с белокаменными надгробиями тверского типа с Т-образными крестами были осмотрены и описаны Н.Е. Макаренко в ходе его археологической поездки по верхнему течению Волги. Упоминается неправильная четырёхугольная форма площадки длиной около 150 саж. и шириной у подножия вала до 70–80 саж. Впервые обозначается наличие въезда и ворот на вале, зафиксированных впоследствии на плане в 40-е гг. XX в. К пойме Волги ведёт естественный крутой и высокий обрыв (Макаренко, 1904, с. 80–81).

В 1947 г. на памятнике проводил обследование Э.А. Рикман. Был создан план городища, описан состав вала (глина с вкраплениями обломков известняка), достигающего в некоторых местах 5 м в высоту, обозначена максимальная глубина современного состояния оплывшего рва до 4 м, отмечены обнаружения в валу серебряных копеек и медных пулов первой четверти XV – первой половины XVI вв., прослежена мощность культурного слоя до 0,6 м с фрагментами круговой керамики XIV–XV вв. по шкале М.Г. Рабиновича, обозначена возможность отнесения территории современной деревни Опоки к ремесленно-торговому посадскому поселению крепости XV–XVII вв. (Рикман, 1947; Рикман, 1951, с. 72). В 1983 г. на площадке проводили исследования П.Д. Малыгин, В.М. Воробьёв и Е.В. Бодунов. Была зафиксирована стратиграфия напластований в мысовой части и на площадке у подножия вала: до 0,36 м и до 0,5 м соответственно, обнаружены обломок железного ножа и круговая керамика из красножгущихся глин XV – второй половины XVII вв. (Малыгин, 1988).

Начиная с рубежа XX–XXI вв. ежегодно наблюдаются грабительские повреждения памятника, которых в настоящий момент насчитывается несколько десятков, в том числе, в задернованном состоянии. В 2004 г. городище обследовалось Р.А. Оруджев, было зафиксировано использование площадки под огороды, собран подъёмный материал, представленный керамическим комплексом фрагментов круговых сосудов из красно- и беложгущихся глин XV–XVI вв. (Оруджев, 2004). В 2006 г. Р.А. Оруджев и А.С. Дворников обследовали повреждённый грабительскими разрушениями в виде подпрямоугольной ямы-раскопа площадью 20,5×3,2 м северо-западный участок городища. На отвалах повреждения и при зачистке были обнаружены фрагменты круговых сосудов из красно-, серо-, беложгущихся глин с примесью песка XV–XVI вв., зафиксирована общая мощность культурного слоя до 0,6 м. Состав напластований включал три горизонта с фиксацией древесного тлена, вкрапления углей, красной обожжённой глины, столбовых ям, что было интерпретировано как остатки жилых, отопительных и хозяйственных сооружений (Оруджев, 2006).

В 2010 г. в рамках инвентаризации объектов культурного наследия, проводимой ТГОМ, городище обследовано И.В. Ислановой. В отвалах грабительских ям и траншей был собран комплекс круговых сосудов из бело- и серожгущихся глин XV–XVI вв., а также 3 фрагмента лепных сосудов I тыс. н.э. Зачистка траншеи выявила общую мощность культурных супесных напластований в повреждении до 0,76 м. Также был заложен шурф на уступе склона городища к р. Волге, который выявил общую мощность супесных культурных напластований до 0,4 м с фрагментами круговых сосудов из красножгущихся глин XIV–XVI вв. По фиксации стратиграфии стенки ямы в 70 м восточнее рва культурные напластования средневековья не обнаружены, но выявлены следы огородов и поздних кирпичных построек (Исланова, 2018, с. 251–252; Исланова, Оруджев, 2017, с. 93–94).

Также начиная с начала XX в. на площадке и у подножия мыса постоянно находили следы кремнеобработки, представленные отщепами и нуклеусами. П.Ф. Симсон упоминал находки кремнёвых изделий под городищем (Симсон, 1903, с. 9), за все первые два десятилетия XXI в. местными краеведами отмечалось наличие в грабительских отвалах на площадке отщепов, в 2010 г. на бечевнике были собраны заготовка подпризматического нуклеуса с двумя площадками и массивный скол с известняковой коркой. На склоне были обнаружены дистальная часть пластины со скошенным концом и обломок первичного отщепа кремня (Исланова, 2018, с. 251–252). Все сведения об изучении городища в последней трети XIX – начале XXI вв. были включены в Археологическую карту России (Ржевский район..., 2007, с. 234–245).

Городище находится на восточной окраине Ржева, через овраг приблизительно в 200 м от бывшей деревни Опоки в урочище Троицкая гора (рис. 1: 3). Расположено на площадке мыса высокого левого коренного берега Волги, представляющим из себя известняковое плато с многочисленными выходами кремнесодержащих известняков, откуда и название поселения, при впадении в неё ручья Студёного на его левом берегу. Максимальные высоты достигают отметок 27–36 м над уровнем р. Волги с незначительными естественными уклонами на юг и юго-запад. Внутрен-

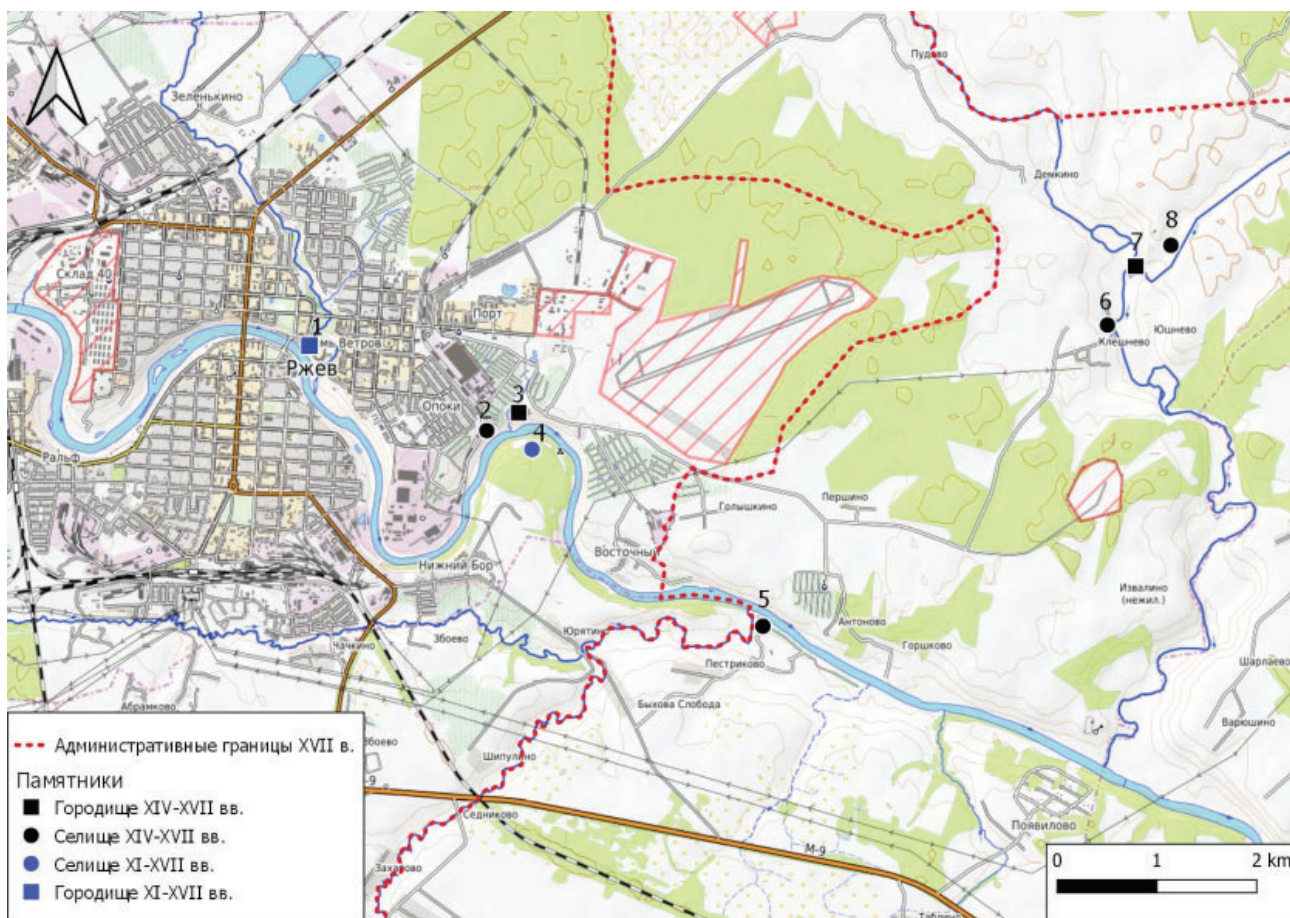

Рис. 1. Карта средневековых археологических поселений Ржевского района (по данным Археологической карты России): 1 – городище Ржев; 2 – селище Ржев (Опоки); 3 – городище Опоки; 4 – селище Юрятино; 5 – селище Пестриково; 6 – селище Клешнево; 7 – городище Юшнево; 8 – селище Юшнево.

Fig 1. Map of medieval archaeological settlements of the Rzhev district (according to the Archaeological map of Russia): 1 – the hillfort of Rzhev; 2 – the settlement of Rzhev (Opoki); 3 – the hillfort of Opoki; 4 – the settlement of Yuryatino; 5 – the settlement of Pestrikovo; 6 – the settlement of Kleshnevo; 7 – the hillfort of Yushnevo; 8 – the settlement of Yushnevo).

няя площадка имеет трапециевидную форму длиной с ЮЗ на СВ около 180 м и шириной 100–140 м. Склоны к реке и ручью крутые, в мысовой части имеется уступ длиной около 40 м и шириной 15–20 м, связанный с памятником, но его функциональное назначение точно не определено. С напольной стороны располагается оплывший изрытый задернованными ямами вал длиной около 130 м, шириной в основании 30–40 м и высотой от поверхности до 4 м, через северную часть которого проложена грунтовая дорога на площадку памятника и на центральной части которого ранее прослеживался въезд на городище. За валом располагается оплывший ров шириной около 20 м и глубиной от 2 до 4 м. Наиболее прослеживаемые следы огородов находятся у

внутреннего подножия северной части вала, вдоль северо-западного склона к ручью и близ южного склона к реке (Исланова, 2016, с. 177).

Судя по материалам предшествующих археологических исследований, прослеживается многослойность городища Опоки и его сопредельной территории. В период мезолита-неолита на коренном плато и у его подножия располагались, по всей видимости, стоянки-мастерские без чётко выраженной специализации производства. В I тыс. н.э. площадку занимало поселение, но находки данного периода единичны и определить тип поселения – укрепленное или неукрепленное, пока не представляется возможным. С XIV в. по 1613 г. городище являлось детинцем тверской пограничной крепости, при котором распола-

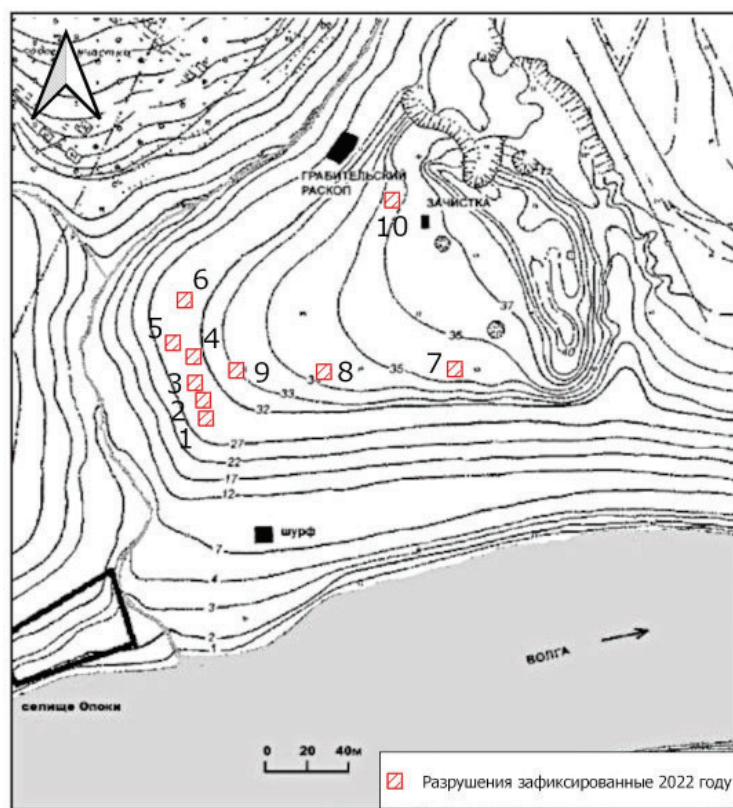

Рис. 2. План городища Опoki (по: Исланова И.В., Оруджев Р.А., 2017) с местоположениями разрушений 2022 года.

Fig. 2. Plan of the hillfort of Opoki (according to I.V. Islanova, R.A. Orujev, 2017) with the locations of the destruction in 2022.

Рис. 3. Разрушение №6 на западной части площадки городища. Вид с юга.
Fig. 3. Destruction No. 6 on the western side of the hillfort. View from the south.

гался обширный посад на обе стороны Волги. В XVII в. остатки городища уже относились к пустошам. Более поздние периоды поселения связаны с использованием площадки памятника в хозяйственных и аграрных целях. Основными примесями в керамике, обнаруженной в подъемном материале, являлись мелкозернистая дресва и песок; наиболее распространённые орнаменты – узколинейный и волнистый однорядные и многорядные.

Территория городища нарушена большим количеством антропогенных разрушений разного времени. В их число входят также не менее трёх траншей, по-видимому, единой сети обороны Вермахта территории у излучины р. Волги северо-восточнее деревни Апоки во время боёв августа-сентября 1942 г. (ЦАМ О. Ф.1490. Оп.1. Д.15. Л.64), в задренованных отвалах которых обнаружены гильзы винтовочно-пулемётных патронов Mauser, сигнальных патронов, большое количество осколков.

В 2022 году авторами статьи был проведен мониторинг состояния памятника, зафиксировано 10 крупных незадренованных грабительских ям и траншей длиной от 1,7 м до 6 м и шириной от 1 м до 3 м, средняя глубина – 0,60 м., а также отмечено большое количество мелких разрушений, связанных, по всей видимости, с применением грабителями металлодетектора (рис. 2). Стоит отметить разрушение №6 длиной в 20 м и шириной 10 м при глубине 0,70 м (рис. 3). Основная масса новых повреждений сосредоточена в западной части площадки городища.

Большая часть керамического подъемного материала была собрана с поверхности грабительских отвалов и представляет собой случайную выборку общим количеством 38 фрагментов профильных частей сосудов.

Из грабительских ям №1–2 собрано 7 фр. сосудов двух типов (по типологии керамики Тверского кремля В.А. Лапшина, 2009, с. 128–129):

II тип: 2 фр. венчиков круговых сосудов из красножгущихся глин, обожжённых в окислительной атмосфере с неполным обжигом с узковолнистым орнаментом, 1 фр. венчика с полным прокаливанием;

XII тип: 4 фр. венчиков круговых сосудов из красножгущихся глин, обожжённых в окислительной атмосфере с неполным обжигом (рис. 4: 2).

Из грабительских ям №3–4 собрано 10 фр. керамики:

I тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённый в окислительной атмосфере с неполным обжигом (рис. 4:3);

II тип: 7 фр. венчиков круговых сосудов из красножгущихся глин, обожжённых в окислительной атмосфере с неполным обжигом (1 фр. – узковолнистый орнамент);

XIV тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом (рис. 4: 4);

VIII тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в восстановительной атмосфере с неполным обжигом с широковолнистым орнаментом (рис. 4: 5).

Из грабительской ямы №6 собрано 7 фр. посуды:

II тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом с неявновыраженным широковолнистым орнаментом;

XIII тип: 2 фр. венчиков круговых сосудов из красножгущихся глин, обожжённых в окислительной атмосфере с неполным обжигом;

4 фр. венчиков круговых сосудов из красножгущихся глин, обожжённых в окислительной атмосфере с неполным обжигом, сосудов I группы (Попова, 2010, с. 224) (рис. 4: 1).

Из грабительской ямы №10 собрано 8 фр. керамики:

II тип: 3 фр. венчиков круговых сосудов из красножгущихся глин, обожжённых в окислительной атмосфере с неполным обжигом с широковолнистым орнаментом;

V тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом с широковолнистым орнаментом (рис. 4: 9);

X тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом с широковолнистым орнаментом (рис. 4:8);

XII тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из серожгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом с двумя рядами широколинейного орнамента, 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом;

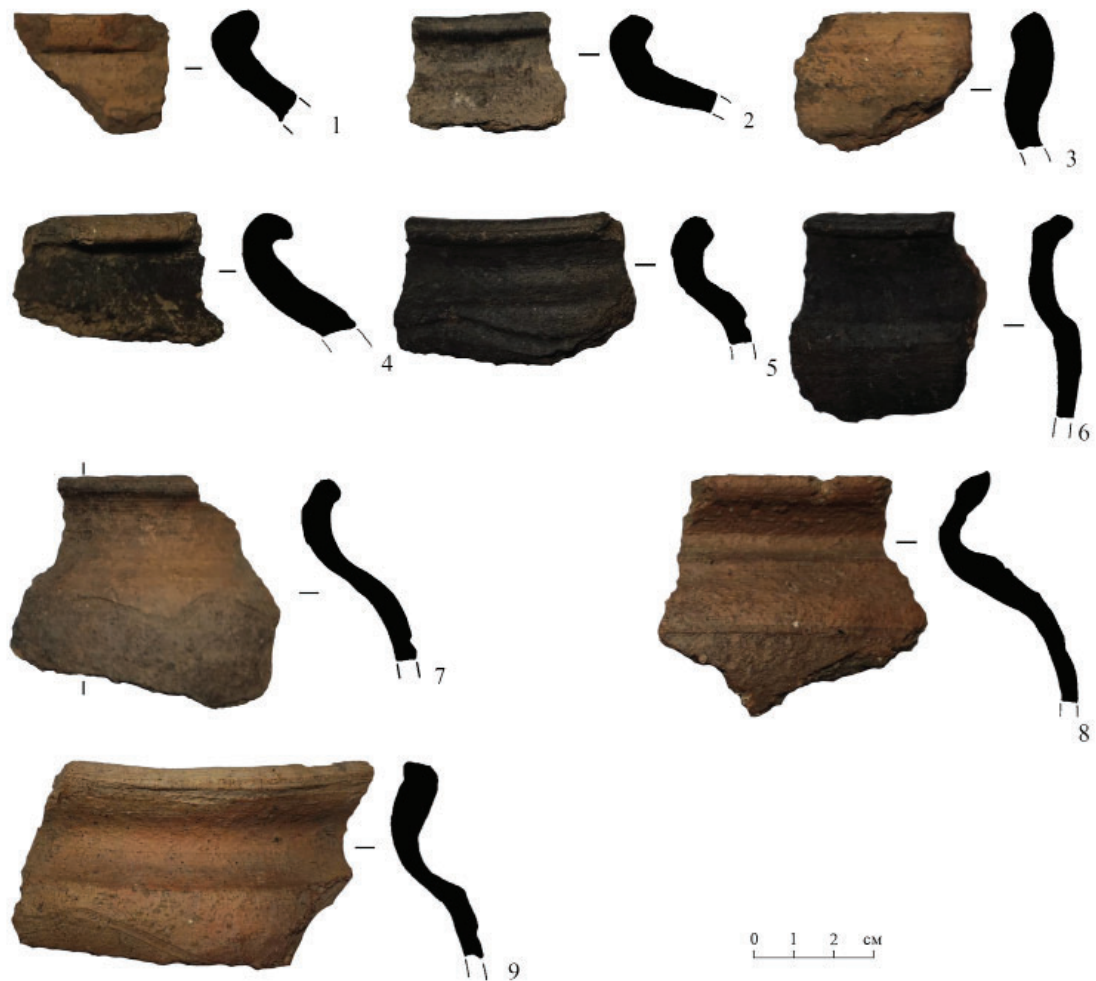

Рис. 4. Городище Опoki, Ржевский район, Тверская область.
Подъемный материал: 1-9 – фрагменты гончарной керамики.

Fig. 4. The hillfort of Opoki in Rzhev district,
Tver region. Surface finds: 1-9 – fragments of pottery.

XIII тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом (рис. 4: 6);

XIV тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из беложгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом с многорядным узколинейным орнаментом.

С дневной поверхности западной части площадки 2 фр.:

II тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом с однорядным узколинейным орнаментом;

1 фр. донной части кругового сосуда из красножгущихся с неатрибутированным клеймом.

С дневной поверхности центральной части площадки 4 фр. типов:

II тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом с широковолнистым орнаментом (рис. 4: 7);

X тип: 2 фр. венчиков круговых сосудов из красножгущихся глин, обожжённых в окислительной атмосфере с неполным обжигом (1 фр. – широколинейный, 1 фр. – однорядный узковолнистый орнамент);

XII тип: 1 фр. венчика кругового сосуда из красножгущихся глин, обожжённого в окислительной атмосфере с неполным обжигом с узколинейным орнаментом.

Исходя из аналогий комплекса керамики Тверского кремля, вышеописанные находки с городища Опoki можно отнести к следующим периодам:

I тип: XIII – первая половина XV вв. (1 фр.);

II тип: XIII – начало XV вв. (16 фр.);

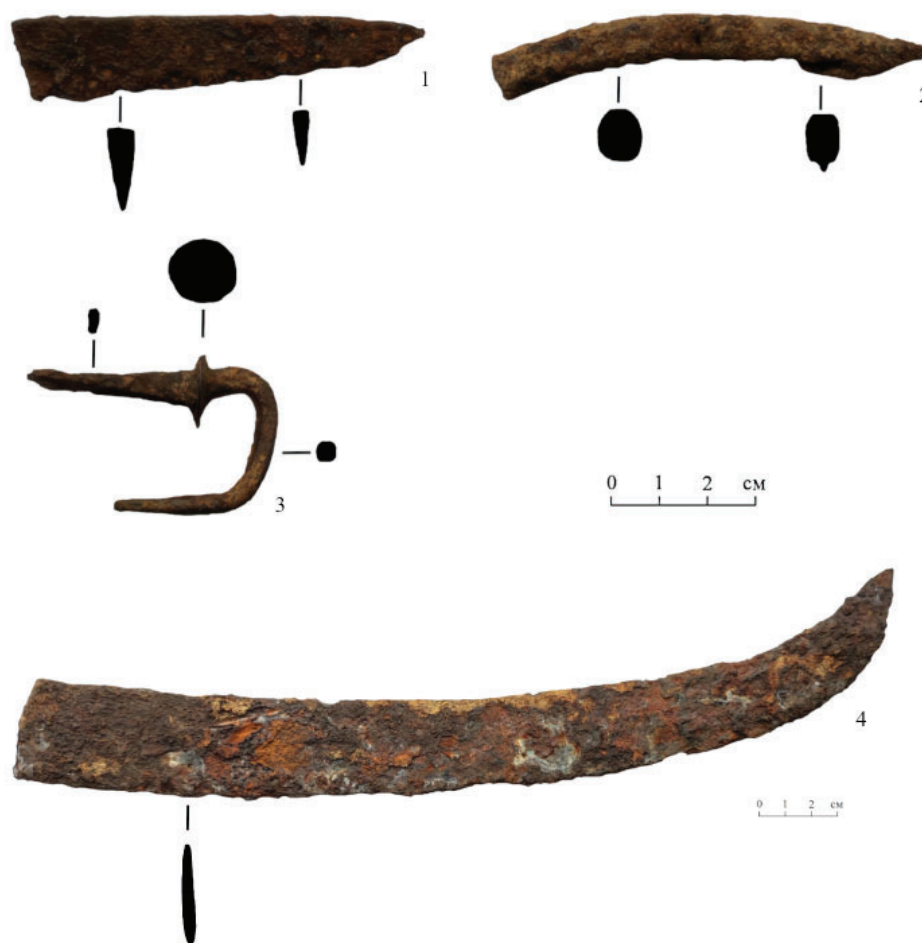

Рис. 5. Предметы из подъемного материала городища Опoki.

Fig. 5. Surface finds of the hillfort of Opoki.

V тип: XIII – первая треть XIV вв. (1 фр.);

X тип: XIII – первая треть XIV вв. (3 фр.);

XII тип: вторая треть XIV – первая половина XV вв. (7 фр.);

XIII тип: вторая треть XIV – первая половина XV вв. (3 фр.);

XIV тип: конец XIV – начало XVIII вв. (2 фр.).

Следовательно, по керамическому материалу нижняя хронологическая граница памятника – вторая половина XIII в., верхняя граница – вторая половина XVII/ начало XVIII вв.

Исходным сырьём выступают, по всей видимости, моренные глины региона, на что указывает наличие на внешней поверхности зёрен неокатанного песка – естественной примеси, следов органического белёсого раствора. Для всех фрагментов сосудов характерно наличие в формовочной массе крупнозернистой дресвы гранито-гнейсовых пород (преобладают зерна до 3 мм гранита и квар-

ца, меньшую долю занимают слюда, полевошпат и иные породы).

Индивидуальными находками являются оставленные грабителями на поверхности отвалов грабительских ям №1, 4, 6, 9: 3 кованых железных ножа (рис. 5: 1), кованая железная дужка навесного цилиндрического замка (рис. 5: 3), фрагмент железной кованой остроги (рис. 5: 2), фрагмент кованой косы (рис. 5: 4). Все предметы относятся к периоду конца XIII/начала XIV – конца XV/ начала XVI вв. (Лапшин, 2009, с. 87, 93).

Остеологический материал (17 фрагментов костей животных) из отвалов повреждений был определен на секции «Археозоология» IX Международной археологической школы в Болгаре: 1 фрагмент черепа мелкого рогатого скота (МРС), 1 правая ветка дорсальной челюсти МРС, плечевая и диафиз большой берцовой костей собак, 1 большая берцовая кость свиньи, 2 вторые фаланги крупного рогатого

скота (КРС), 2 фрагмента ребра КРС, один из которых имеет следы кухонной разделки режущим предметом, 1 фрагмент диафиза метатарзуса КРС, 1 фрагмент правой ветки вентральной челюсти КРС, 1 фрагмент левой ветки вентральной челюсти КРС, 2 левые ветки вентральных челюстей КРС, 3 неопределяемых фрагмента млекопитающих.

Как видим, данные письменных и археологических источников по истории городища Опоки хорошо согласуются в вопросе хронологии существования детинца. Поселение выступало важным элементом в коммуникации между Тверским, Московским и Литовским княжествами. Археологические данные позволяют предположить, что поселение Опоки возникло во второй половине XIII века, на что указывает найденная в отвалах керамика, имеющая схожие формы с керамикой Тверского кремля данного периода. Находки

керамики второй половины XVII – начала XVIII вв. свидетельствуют о том, что поселение использовалось некоторое время после разорения в 1613 г.

Необходимы дальнейшие археологические исследования городища Опоки, которые позволят составить представление о характере фортификационных сооружений и жилищ периода позднего средневековья и раннего нового времени, их изменениях до и после 1403 года. Это особенно актуально в связи с активным разрушением культурного слоя памятника грабительскими раскопками, и с каждым полевым сезоном столь важная для истории Тверского региона историческая информация о крепости Опоки становится все менее доступной для профессиональных археологов в результате уничтожения черными копателями уникального объекта культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. М.: Синодальная тип., 1888. 242 с.
- Исланова И.В.* Объекты археологического наследия на территории современного г. Ржева (по материалам инвентаризации 2010 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада. 2016. С. 244–262.
- Исланова И.В.* Археологические исследования укрепленных поселений на территории современного г. Ржева // Ржев в истории и современности: мат. межрег. науч.-пр. конф. «800 лет. История Ржева в лицах и событиях». Ржев: филиал АО «ТОТ» Ржевская тип., 2017. С. 174–179.
- Исланова И.В., Оруджев Р.А.* Укрепленные поселения на территории современного города Ржева (археологические материалы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. №1 (67). С. 91–101.
- Лапшин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
- Макаренко Н.Е.* Поездка 1903 г. по верхнему течению реки Волги // Известия ИАК. Вып. 6. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1904. С. 79–100.
- Оруджев Р.А.* Памятники археологии на территории современного г. Ржева от каменного века до позднего Средневековья // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2007. С. 446–450.
- Плетнёв В.А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия, 1904. 519 с.
- Попова С.В.* К изучению керамики середины XVIII в. (по материалам Загородского посада г. Твери) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской науч.-исслед. историко-археологический и реставрационный центр, 2010. С. 219–233.
- Ржевский район // Археологическая карта России. Тверская область. Ч. II. / Под ред. А. В. Кашкина. М.: Ин-тут археологии, 2007. С. 229–297.
- Рикман Э.А.* Обследование городов Тверского княжества // КСИИМК. Вып. 41 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1951. С. 71–84.
- Сахаров А.М.* Города северо-восточной Руси XIV–XV веков. М.: МГУ, 1959. 236 с.
- Симсон П.Ф.* Каменный век под городом Ржевом. Тверь: типо-литография Н.М. Родионова, 1903. 142 с.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. I. М.–Л.: АН СССР, 1948. 472 с.

Информация об авторах:

Богданов Владимир Олегович, аспирант, Тверской государственный университет (г. Тверь, Россия); bogdanoff.vowa2011@yandex.ru

Ведехин Олег Вадимович, магистрант, Тверской государственный университет (г. Тверь, Россия); ovvedekhin2000@mail.ru

REFERENCES

Zhiznevsky, A. K. 1888. *Opisanie Tverskogo muzeya. Arkheologicheskii otdel (Description of the Tver Museum. Archaeological Department)*. Moscow: “Synodalnaya Tipografiia” Publ. (in Russian).

Islanova, I. V. 2016. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 11. Tver: “Triada” Publ., 244–262 (in Russian).

Islanova I. V. 2017. In *Rzhev v istorii b sovremennosti: materialy mezhhregionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “800 let. Istoriia Rzheva v litsakh I sobyttyakh” (Rzhev in History and Modernity: mat. mezhhreg. nauch.-conf. ave. “800 years. The history of Rzhev in persons and events”)*. Rzhev: branch of JSC “TOT” Rzhevskaya typ., 174–179 (in Russian).

Islanova, I. V., Orudzhev, R. A. 2017. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. (Ancient Russia. Issues of Medieval Studies)* 67 (1), 91–101 (in Russian).

Lapshin, V. A. 2009. *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) (Tver in the XIII–XV centuries (on the materials of the excavations in 1993–1997))*. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of Saint Petersburg State University, 2009. 540 p. (in Russian).

Makarenko, N. E. 1904. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 6. Saint Petersburg, 79–100 (in Russian).

Orudzhev, R. A. 2007. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6 (II). Tver: Tver State United Museum, 446–450 (in Russian).

Pletnev, V. A. 1904. *Ob ostatkakh drevnosti i stariny v Tverskoy gubernii: k arkheologicheskoy karte gubernii (About the remains of antiquity in the Tver Governorate: to the archaeological map of the governorate)*. Tver: Tver Scientific Archival Commission (in Russian).

Popova, S. V. 2010. In Khokhlov, A. N. (ed.). *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Region and Neighbour Territories in The Middle Ages)* (6). Tver: Tver Scientific-Research Centre of the History, Archaeology and Restoration Publ., 219–233 (in Russian).

In Kashkin, A. V. (ed.). 2007. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Tverskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Tver Oblast)* II. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 229–297 (in Russian).

Rickman, E. A. 1951. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 41. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 71–84 (in Russian).

Sakharov, A. M. 1959. *Goroda severo-vostochnoy Rusi XIV–XV vekov (Towns of north-eastern Russia in XIV–XV centuries)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Simson, P. F. 1903. *Kamennyi vek pod gorodom Rzhevom (Stone Age near Rzhev)*. Tver: “typo-lithographiia N.M. Rodionova” Publ. (in Russian).

Cherepnin, L. V. 1948. *Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vv. (Russian feudal archives of the XIV–XV centuries)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Authors:

Bogdanov Vladimir O. Tver State University. Treckhsvyatskaya, st. 16/31, Tver, 170100, Russian Federation; bogdanoff.vowa2011@yandex.ru

Vedekhin Oleg V. Tver State University. Treckhsvyatskaya, st. 16/31, Tver, 170100, Russian Federation; ovvedekhin2000@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902, 069.42

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.18.24>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДМЕТА НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСА ПОГРЕБЕНИЯ 1101 ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2023 г. В.А. Валеева

В ходе многолетних археологических раскопок на территории Танкеевского могильника был получена уникальная коллекция предметов, которая неоднократно становилась объектом исследований различной направленности: археологической, естественнонаучной, культурологической и др. В статье на примере комплекса погребения 1101 Танкеевского могильника описываются процессы, происходящие с информационным полем археологического предмета в результате его изучения и музейного бытования. Археологический предмет проходит этапы музеефикации (от его обнаружения и изъятия из археологического объекта до получения статуса музейного предмета), музейного хранения и использования. При этом накапливается определенный объем информации, который, будучи зафиксированным на различных носителях, формирует его информационное поле. Оно является переменной величиной, изменяющейся как в сторону увеличения (при выявлении и сохранении информации), так и в сторону уменьшения (в случае утраты информации). Поэтому извлечение, фиксация и сохранение информации о предмете в максимально полном объеме и качественном содержании является важнейшей задачей исследователей.

Ключевые слова: археологический предмет, музейный предмет, информационное поле, информационное сопровождение, Танкеевский могильник, ранние болгары.

SOME ISSUES OF THE ARCHAEOLOGICAL OBJECT'S INFORMATION SUPPORT ON THE CASE THE COMPLEX OF GRAVE 1101 TANKEEVKA BURIAL GROUND

V.A. Valeeva

A unique collection of objects was obtained during the long-term archaeological excavations on the territory of the Tankeevka burial ground, which has repeatedly become the object of research of various directions: archaeological, natural science, cultural, etc. The author describes the processes occurring with the information field of an archaeological object at the stages of its study and museum existence on the case the complex of grave 1101 of Tankeevka burial ground. An archaeological object goes through the stages of museification (from its detection and removal from an archaeological object to obtaining the status of a museum object), museum storage and use. A certain amount of information is accumulating while, which forms its information field in case of its fixation. It is a variable value that changes both in the direction of increase (in case of identification and preservation of information) and in the direction of decrease (in case of loss of information). Therefore, the most important task of researchers is the extraction, fixation and preservation of information about the subject in the fullest possible volume and qualitative content.

Keywords: archaeological object, museum object, information field, information support, Tankeevka burial ground, early Bulgars.

С 1961 г. начались масштабные археологические исследования Танкеевского могильника, которые продолжались до 1988 г. За почти тридцатилетний период исследований на изученной площади более 5300 м² было выявлено 1165 захоронений. Эти исследования дали огромный и уникальный вещевой материал (Казаков, 1992; Валеева, Каплан, 2022), ныне хранящийся в Национальном музее

Республики Татарстан (далее НМРТ) и, главным образом, в Музее археологии Республики Татарстан (далее МАРТ). В 1978 г. Раннеболгарской археологической экспедицией под руководством Е.П. Казакова была обнаружена группа погребений (1100, 1101 и 1102), погребальный инвентарь и обряд которых отличался от раннеболгарских. Исследователь определил их датировку в рамках второй

половины - конца X века (Казаков, 1979, с. 11) и соотнес с окскими финнами (мурома или мешера) (Казаков, 1992, с. 318; Казаков 1997, с. 38). Погребение 1101 было обнаружено на участке В/3-4, на глубине 130 см. Костяк, ориентированный головой на запад-юго-запад лежал вытянуто на спине, череп свален на правый бок. Правая рука вдоль, левая согнута в локте и уложена кистью на таз (Казаков, 1979, с. 8). Предметом рассмотрения данной статьи является информационное сопровождение материалов погребения 1101.

Накопление археологических материалов (предметов) в результате полевых исследований составляют источниковую базу не только для археологических, но и для музейных исследований. Информация о предмете закодирована в различной форме, как в самом предмете, так и в связанном с ним контексте. Извлечение её в максимально полном объеме и качественном содержании является важнейшей задачей исследователей. Результаты этой работы, зафиксированные на различных носителях, образуют информационное сопровождение предмета. Археологический предмет, как носитель информации, в ходе различного рода исследований проходит последовательные этапы его музеефикации – от обнаружения и изъятия из археологического объекта до использования в качестве музейного предмета. На каждом из этих этапов его информационное сопровождение дополняется, изменяется или утрачивается, формируя его информационное поле. Под информационным полем предмета подразумевается совокупность всей выявленной и зафиксированной информации о нём. Информационное поле музейного предмета, имеет внутреннюю и внешнюю составляющую. Под внутренним информационным полем подразумевается совокупность информации, которая содержится в самом предмете. Под внешним информационным полем - вся совокупность информации в музейном предмете, относящаяся к истории и характеристике среды его бытования (Шулепова, 2015; Юренева, 2020; Шляхтина, 2021).

Целью данной статьи является попытка проследить на конкретном примере комплекса погребения 1101 Танкеевского могильника процессы, происходящие с информационным сопровождением и информационным полем археологического предмета на разных этапах его изучения и музейного бытования.

Первичное информационное сопровождение археологического предмета формируется в результате археологических исследований. В процессе извлечения археологического предмета из культурного слоя начинается процесс фиксации первичной информации и возникает его связь с научными документами. Исходя из общепризнанной практики археологических исследований, каждому предмету выписывается индивидуальная этикетка (Положение ОПИ..., 2018, с. 27, п. 4.32), фиксирующая его позицию в раскопе, в плане и по глубине; параллельно производится запись в полевом дневнике в соответствии с присвоенными находкам номерами по плану.

Именно на этом этапе фиксируется информация, которая связывает археологический предмет с объектом археологического наследия. Археологический предмет и коллекция (шире – археологические материалы) – это единственный материальный след, который остается от археологического объекта после его изучения. Все остальное (состав и характер культурного слоя, объекты и др.) переходит в исключительно информационную форму и существует далее в виде научно-документальных отражений: полевой документации, отчетов, научных статей и т.п. Во время извлечения из культурного слоя, предмет непосредственно отчуждается от археологического контекста, в котором он существовал прежде. Соответственно, прерывается связь между археологическим предметом и археологическим объектом (Баранов и др., 2022).

Археологические предметы из погребения 1101 Танкеевского могильника получили свое первое информационное сопровождение в полевых паспортах (полевой этикетке), где указана информация об исследуемом археологическом объекте (памятник и год исследования), наименование находки; дата и место обнаружения предмета (номер погребения, раскоп, участок, глубина).

Следующей ступенью наращивания информационного сопровождения археологического предмета является **этап камеральной обработки и первичной консервации**. Лабораторная обработка и научный анализ собранного материала (камеральная обработка) являются неотъемлемой частью археологических работ (Положение ОПИ..., 2018, с.7).

В результате лабораторной и консервационной обработки, полученного археологиче-

ского материала расширяется информационное поле археологического предмета, чему сопутствует документальное отражение в виде полевой описи. В полевой описи 1978 г. информация об археологических предметах погребения 1101 имеет стандартный набор: порядковый номер, наименование предмета, номер раскопа, номер погребения, глубину, участок и дату обнаружения. В нескольких случаях описание предмета по сравнению с полевыми этикетками было немного расширено, так, например, добавлялась форма предмета: «перстень – ромбоцифтовый перстень» (Полевая опись..., 1978, с.3, № п/п 81). Полевая опись связывается с археологическим предметом путем нанесения на предмет индивидуального полевого шифра (или его сопровождением на отдельной этикетке). Полевые описи являются основанием для дальнейшего формирования коллекционных описей археологических предметов, поэтому очевидна важность точной и достоверной фиксации первичной информации в данном документе. Основной задачей полевых описей, кроме фиксации состояния предмета, является функция его распознавания для сохранения связи с утраченным (перешедшим в информационно-документальную форму) контекстом.

В ходе изучения и анализа собранного материала, до передачи предметов на музейный учет, по отношению к ним могут быть применены консервационные процедуры (так например, сборка сосуда из развала и т.п.), проведены исследования с применением разрушающих/неразрушающих методов. Это меняет как внешние характеристики находок (изменение количества фрагментов, вносимых в опись, определение формы и типа предмета, восстановленного их фрагментов и т.п.), так и внутренние (уточнение материала и техники изготовления, конструктивных особенностей и др.). Все изменения необходимо отражать соответствующей записью в описи.

В научном отчете находит свое отражение вся информация, зафиксированная, переработанная и систематизированная в процессе археологического исследования. В отчете Е.П. Казакова о проведении археологических работ в 1978 г., когда было обнаружено погребение 1101, содержится информация о местонахождении погребения в раскопе, его нивелировочные отметки, отмечена привязка археологических предметов относительно костяка,

например, «у правого и левого виска комплекс из двух лунниц и височных подвесок», «справа и слева на груди находились подвески с трапециевидными щитками», «на лучевых костях левой руки зафиксировано два дровых и один спиральный браслет» (Казаков, 1979, с. 8-9). Погребение было определено исследователем как женское. Так же в научном отчете присутствуют рисунки погребения с точным обнаружением находок, и прорисовки отдельных предметов.

На этом этапе (а чаще позже, на стадии научной публикации) может измениться и внешняя составляющая информационного поля предмета. У археологических предметов оно имеет свои особенности, образуя два блока или «круга». Первый, так называемый «ближний», содержит информацию о предмете, определяемую его археологическим контекстом внутри исследованного памятника: местонахождением предмета, условиями залегания, его связью с другими предметами, обнаруженными в одном с ним комплексе, погребении или слое. Второй «круг» – условно «дальний» – включает информацию о культурной принадлежности, датировке и происхождении предмета, его связи с местными и географически отдаленными объектами и определяется главным образом на основании подбора археологических аналогий или по результатам естественнонаучных исследований.

Именно этим путём происходило дальнейшее увеличение внешнего информационного поля предметов из погребения 1101. Е.П. Казаков, базируясь на аналогиях погребального инвентарю, подтвердил ранее обозначенную им датировку погребения на основании сходства погребального инвентаря с окскими муромскими (Казаков, 1992, с. 318) и/или мещерскими памятниками (Казаков 1997, с. 38). Он проследил усиление связей ранних болгар с волжскими или окскими финно-угорскими этническими группами в рассматриваемый период.

На следующем этапе, по окончании полевых работ, камеральной обработки и научного изучения, исследователь сдает обнаруженные археологические предметы в музей. Музей осуществляет *прием на временное ответственное хранение* для подготовки к рассмотрению на экспертной фондово-закупочной комиссии (далее ЭФЗК). Для осуществления

процесса приема-передачи археологических предметов в музей формируется предусмотренный инструкциями пакет документов, который связывает археологические предметы/коллекцию с коллекционной описью, полевой документацией (отчет и дневник), открытым листом, и экспертным заключением (Баранов, 2019, с. 68).

Пройдя несколько ступеней государственного учета (государственный первичный и централизованный учет; специальный учет для предметов из драгоценных металлов и камней), археологический предмет, поступивший на хранение в музей, становится музейным предметом, который теперь входит в поле законодательства в музейной сфере. Археологический предмет вновь обрастает документальным сопровождением (акты приема-передачи, протоколы ЭФЗК, книга поступления, инвентарная книга и т.п.). Вся эта информация отражает «учетно-хранительскую» историю предмета.

Так, информационное сопровождение предмета дополняется музейной документацией, к задачам которой, кроме распознавания, относится и юридическое определение статуса владения и управления, что становится маркером и отправной точкой для дальнейшего бытования предмета и коллекции в музейном собрании.

Археологические находки из погребения 1101 вместе с другими обнаруженными в исследуемый год находками, были переданы в Институт Языка Литературы и Искусств (далее ИЯЛИ) им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Затем они хранились в помещениях Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (далее АН РТ), изначально в составе Национального центра археологических исследований (далее НЦАИ), после чего в Музеи археологии обособленного структурного подразделения АН РТ – Института археологии им. А.Х. Халикова (Абдуллин и др., 2015, с. 256-257). В процессе реорганизации академических структур Татарстана, неоднократного изменения юридического, организационного статуса и самой структуры археологического подразделения, изменялось место хранения, как самих находок, так и связанной с ними документации, что не могло не наложить отпечаток на состояние коллекции и её документального сопровождения.

Информационное сопровождение археологических предметов *в период использования в качестве музейного предмета* имеет свои тонкости и особенности.

Музейный предмет – это не просто предмет в музее, это отобранный, хранимый, классифицированный и документированный предмет (ван Менш, 2014, с. 145). Он становится источником для глубокого исследования, или, в качестве экспоната – источником для обозрения зрителей.

Учет, хранение, обеспечение физической сохранности и безопасности, правовая защита, изучение и использование музейных предметов/коллекций являются основными задачами музейной деятельности. Все эти мероприятия применительно к информационному полю археологического предмета предполагают как раскрытие возможностей или потенциала предмета, так и факторы риска утраты информации.

Использование археологических предметов, находящихся на музейном хранении, является обязательной частью их бытования в музейном собрании. Следовательно, кроме организации сохранения археологических коллекций/предметов, музей обязан постоянно предоставлять их для изучения и презентации, результатом чего могут быть научные статьи и монографии, выставки и экспозиции, каталоги и т.п.

Главной из возникающих при этом проблем является тот факт, что предметы чаще всего покидают места постоянного хранения. Хотя эта сфера, как правило, очень тщательно регламентируется законодательством и инструкциями, экспонирование предметов часто сопровождается физическими рисками, связанными с изменением температурно-влажностных условий, случайностями при транспортировке и экспонировании, которые могут способствовать нарушению или изменению физического состояния предмета.

Научное исследование предмета, безусловно, раскрывает новые возможности его информационного поля. Однако использование разрушающих методов исследования является всегда проблемной темой, так как затрагивает возможность частичного (а иногда и полного) физического разрушения предмета или изменения состояния его сохранности, что влечет за собой изменение информационного поля предмета, утрату (вероятную) части

информационного потенциала, а с организационно-юридической точки зрения – необходимость внесения изменений в учетную документацию. Часто действия исследователей приводят и к утрате предметом экспозиционного облика. Баланс между получением новой информации и негативными последствиями для дальнейшего хранения и музейного использования предмета требуют всегда индивидуального рассмотрения и коллегиального решения (Баранов и др., 2022).

В последнее десятилетие задачи по учету, сохранению, реставрации и изучению археологических предметов и коллекций, обнаруженных в ходе археологических работ на территории Республики Татарстан, находятся в ведении МАРТ.

В 2016 г. в ходе сверки предметов из коллекции Танкеевского могильника была составлена коллекционная опись на фактически присутствующие на момент сверки предметы из погребения 1101. В результате этой работы добавилась информация о внешних объективных признаках и отличиях одного предмета от другого, их морфологическом строении и физических свойствах (материал, форма, цвет, размер), которая фиксировалась путем визуального обследования и анализа. После чего комплекс был поставлен на музейный учет, внесен в книгу поступлений и инвентарную книгу. Так, предметы впервые приобрели официальное музейное учетно-документальное сопровождение.

В ходе дальнейшей сверки, учета и систематизации коллекции Танкеевского могильника были обнаружены недостающие ранее упомянутые в полевой описи развалы двух сосудов и фрагменты «охристой глины». С развалами сосудов были проведены реставрационно-консервационные работы: поверхность керамических фрагментов была очищена и укреплена, проведена их идентификация, подборка и склейка, мастиковка швов склейки и их тонировка. По причине этого решением ЭФЭК МАРТ в 2021 г. коллекционная опись была отправлена на доработку, что позволило провести дополнительную работу по изучению и детальному научному описанию всех предметов; у некоторых из них были уточнены размеры, изменена атрибуция, групповые записи были индивидуализированы и добавлены вновь обнаруженные предметы, в связи с чем изменилось количество записей.

Свой отпечаток на информационное поле комплекса погребения 1101 наложила и его экспозиционная история. В конце 1990-х - начале 2000-х гг. погребение было отобрано для временной выставки в НМ РТ. Часть украшений из медного сплава была подвергнута механической очистке от рыхлых почвенно-коррозионных загрязнений. По организационным причинам выставка не состоялась, и предметы были отправлены обратно в хранение.

В 2007 г. в рамках мероприятий к 10-летию Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и в связи с проведением в г. Казани Учредительного съезда Международного конгресса «Средневековая археология евразийских степей» НЦАИ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ была организована временная выставка «Археология Татарстана», где были представлены и предметы из погребения 1101. Интересным экспозиционным решением стала реконструкция женского погребального костюма на основе данного комплекса, подготовленная ещё в ходе разработки выставки в НМ РТ (авторы Д.Г. Бугров, Н.А. Бугрова). Спустя 10 лет, в апреле 2017 г. комплекс погребения 1101 снова стал ключевым экспонатом временной выставки «На перепутье миров», открытой в музее истории Казанского Университета.

С 2021 г. начали проводиться систематические официальные реставрационные работы с предметами из погребения 1101. На текущий момент полному циклу консервационно-реставрационных работ, а, следовательно, и изменению состояния сохранности, подверглись 76 предметов: шумящие подвески, бутыльчатые и трапециевидные привески, серьги-лунницы, нагрудное украшение – бляха «с дверцей» дисковидной формы, керамические сосуды. Серьги-лунницы и нагрудное украшение были подвергнуты рентгено-флуоресцентному анализу (РФА), что позволило уточнить основные компоненты их химического состава. Все полученные данные были отражены в реставрационных паспортах, что автоматически привело к изменению информационного поля предметов.

Таким образом, расширение информационного поля происходит в процессе накопления информации о предмете. Информация накапливается в процессе археологического, реставрационного, музееведческого и пр. изучения объекта и способствует расшире-

нию информационного поля только в случае ее фиксации в той или иной форме. Любые выявленные сведения, не будучи закреплёнными в документации, никак не влияют на информационное поле предметов.

Пример исследования археологических материалов из погребения 1101 Танкеевского могильника показывает справедливость данного тезиса. Так как с одной стороны, накопление научной документации приводило к расширению информационного поля и соответственно к увеличению объема, актуализации, научной значимости информационного сопровождения данной коллекции. С другой, утрата отдельных элементов этого сопрово-

ждения вела к потере информации, что в свою очередь послужило сокращению информационного поля.

Очевидно, что объем и качество информационного сопровождения имеет переменную величину, отражая изменения информационного поля, которые могут происходить как в сторону увеличения, так и в сторону утраты информации.

Эффективность и качество наращивания объема информационного поля напрямую связана с организацией музейного триединства «сохранение-изучение-использование», которое зависит как от археологов-исследователей, так и от музейных сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Дроздова Г.И., Мухаметшина А.С., Ситдигов А.Г. 10 лет музею археологии Республики Татарстан Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 256–263.

Баранов В.С. Целостность археологических коллекций в музейном хранении: эффект "распредмечивания" // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 66–74.

Баранов В.С., Бугров В.С., Шайхутдинова Е.Ф. Проблемы музеефикации археологического наследия и формирования музейных археологических коллекций (опыт и перспективы работы МАРТ). Доклад представлен на Итоговой Всероссийской (с международным участием) научной конференции Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, 24-25 февраля 2022 г.

ван Мениш П. Предмет как носитель данных // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9). С. 145–156.

Казаков Е.П. Отчет о работах в зонах водохранилищ на территории Татарии в 1978 году / НФ МАРТ. Казань, 1979. С. 1–28.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. 1997. № 1. С. 34–56.

Каплан П.Ю., Валеева В.А. К вопросу об анализе состояния и сохранении археологической керамики из коллекции Танкеевского могильника (Музей археологии Республики Татарстан) // Актуальная археология. Вып. 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых (4–7 апреля 2022 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А.М. Киселева. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 295–299.

Полевая опись предметов с Танкеевского могильника 1978 г. // НФ МАРТ.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. М.: ИА РАН, 2018. 64 с.

Шляхтина Л.М. Основы музейного дела: теория и практика. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2021. 248 с.

Шулепова Э.А. Основы музееведения. М.: Либроком, 2015. 432 с.

Юренева Т.Ю. Музееведение. М.: Академический Проект, 2020. 560 с.

Информация об авторе:

Валеева Валентина Александровна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); valushka.valeeva@mail.ru

REFERENCES

Abdullin, Kh. M., Baranov, V. S., Drozdova, G. I., Mukhametshina, A. S., Sitdikov, A. G. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 256–263 (in Russian).

Baranov, V. S. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 66–74 (in Russian).

Baranov, V. S., Bugrov, V. S., Shaikhutdinova, E. F. 2022. *Problemy muzeifikatsii arheologicheskogo naslediya I formirovaniya muzeinyh arheologicheskikh kollektiy Doklad predstavlen na Itogovoj Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii Instituta arheologii im. A.Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Kazan, 24–25 fevralya 2022 g. (Issues of museification of archaeological heritage and the formation of museum archaeological collections (experience and prospects of Museum of Archaeology of Tatarstan). Report presented at the Final All-Russian (with international participation) scientific conference of the Institute of Archaeology named after A.H. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, February, 24–25, 2022))* (in Russian).

van Mensch, P. 2014. In *Voprosy muzeologii (The Issues of Museology)*. 9 (1), 145–156 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1979. *Otchet o rabotakh v zonakh vodokhranilishch na territorii Tatarii v 1978 godu (Report on works in the reservoir zones in Tatarstan in 1978)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, 1–28 (in Russian)

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1997. In *Finno-Ugrica* (1), 34–56 (in Russian).

Kaplan, P. Yu., Valeeva, V. A. 2022. In Kiseleva, A. M. (ed.) *Aktual'naia arkheologiya: kompleksnye issledovaniia v arkheologii (Current Archaeology: Comprehensive Studies in Archaeology)* 6. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 295–299 (in Russian).

1978. *Polevaya opis' predmetov s Tankeevskogo mogil'nika (List of finds (compiled in the field) from Tankeyevka burial ground)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

2018. *Polozhenie o poryadke provedeniya arkheologicheskikh polevykh работ i sostavleniya nauchnoy otchetnoy dokumentatsii (Regulations on the procedure of archaeological field works and compilation of scientific reporting documents)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, (in Russian).

Shlyakhtina, L. M. 2021. *Osnovy muzeynogo dela: teoriya i praktika (Bases of museum business: theory and practice)*. Saint Petersburg: “Planeta muzyki” Publ. (in Russian).

Shulepova, E. A. 2015. *Osnovy muzevedeniya (Bases of museology)*. Moscow: “Librokom” Publ. (in Russian).

Yureneva, T. Y. 2020. *Muzevedenie (Museology)*. Moscow: “Akademicheskii Proekt” Publ. (in Russian).

About the Author:

Valeeva Valentina A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; valushka.valeeva@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902(571.63)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.25.38>

СТРАТИГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА

©2023 г. Е.И. Гельман

За время многолетних исследований городища накопились противоречивые данные о датировке, хронологии и периодизации ключевых объектов на памятнике. Они сформировались на протяжении более, чем 250-летней истории государства Бохай (698–926 гг.) и образовали разновременные строительные горизонты. Раскопки участка жилого квартала вблизи храмового комплекса и фортификационных сооружений сделали возможным соотнести этапы их сооружения и модификации, предложить общую периодизацию и уточнить хронологию городища, учитывая сведения из письменных источников. В первый период существования, когда памятник являлся поселением, жители строили жилища-полуземлянки. В последующие периоды они использовали наземные жилища с канами. Во второй период началось строительство городских стен из каменных блоков, и сложилась квартальная планировка города; в третий период были построены защитные сооружения ворот и башни; в четвертый период производился существенный ремонт стен; в пятый период стены были перекрыты галечно-земляной насыпью. Во все периоды функционировал буддийский храмовый комплекс.

Ключевые слова: археология, Приморский край, государство Бохай (698–926 гг.), поселение, городище, фортификация, буддийский храмовый комплекс, жилища.

STRATIGRAPHY, CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF THE KRASKINSKY WALLED TOWN

E.I. Gelman

During long-term studies on the walled town contradictory data have been accumulated on the dating, chronology and periodization of main objects. They were formed during more than 250 years of the Bohai state history (698–926) and formed asynchronous building horizons. Excavations on the part of the residential area near the temple complex and fortifications made it possible to correlate the stages of their construction and modification, propose a general periodization and define more exactly the chronology of the site, taking into account information from written sources. In the first period of its existence, when the site was a settlement, the inhabitants built half-earth dwellings. In the next periods they built surface constructions with kang (heating system). In the second period the construction of town walls made of stone blocks began and a quarterly layout of the town was formed; in the third period the defensive structures of the gates and towers were built; in the fourth period significant repairs of the walls were made; in the fifth period the walls were covered with a pebble-earth embankment. Buddhist temple complex functioned in all periods of the existence of the site.

Keywords: archaeology, Primorsky Krai, Bohai state (698–926), settlement, walled town, fortification, Buddhist temple complex.

Введение. Памятник датируется эпохой существования государства Бохай (698–926 гг.), территория которого входит в настоящий момент в границы России, КНДР и КНР. Полиэтническое государство создано преимущественно тунгусо-маньчжурскими племенами сумо-мохэ (Государство Бохай, 1994). Городище находится на правом берегу реки Цукановки (в приустьевой части), впадающей в бухту Экспедиции залива Посьета (рис. 1). Впервые обследование памятника было начато в 1960 г. Э.В. Шавкуновым, который составил его первый план (Шавкунов,

1966), площадь которого составила 12,6 га, а периметр 1380 м. Систематические раскопки велись на протяжении 30 полевых сезонов (Болдин, 1981; Гельман, 2021). Большое внимание к исследованиям Краскинского городища обусловлено его расположением в районе бассейна р. Тумэньцзян (Туманной), где по мнению китайских историков и археологов находился первоначальный центр Бохая (Ван Пэйсинь, 2018).

За этот период была проделана большая работа, которая дала значимые для бохайской археологии результаты. Многие из них

требуют дальнейшего осмысления и интерпретации. Одной из важнейших проблем в изучении памятника, как и в археологии в целом (Вишняцкий, Колпаков, 1991), является решение вопросов хронологии и периодизации. Они всегда находились в центре внимания исследователей, знакомых с материалами Краскинского городища. Существуют разные представления о его временных границах и основных этапах существования памятника, так как авторы выбирают различные точки отсчета в своих рассуждениях, а имеющиеся многочисленные радиоуглеродные датировки слишком противоречивы (Ивлиев, Болдин, 2006; Гельман, 2021; Иваи, 2022). Вместе с тем, существенное значение имеют новые факты, установленные в процессе недавних археологических раскопок, и которые влияют на окончательные выводы о периодизации и хронологических рамках функционирования городища. Также, для решения этого вопроса необходим комплексный подход с учетом исторических и археологических данных, среди которых важнейшее значение имеет стратиграфия памятника.

Исторические сведения о хронологии Краскинского городища

В настоящее время большинство бохаеведов согласны с тем, что Краскинское городище являлось упоминаемым в летописи «Синь тан шу» городом Яньчжоу - центром округа Янь, подчинявшегося Восточной столице Бохая Луньюаньфу. Это предположение сначала высказал Палладий Кафаров, а Э.В.Шавкунов также обратил внимание на гидроним реки Яньчихэ, который схож с названием города и округа (Шавкунов, 1968, с. 59; Государство Бохай, 1994, с. 58; Ивлиев, Болдин, 2006). Главной функцией города, судя по летописным данным, помимо добычи соли, являлось обеспечение бесперебойной работы государственной дороги из Бохая в Японию. Из залива Посьета и бухты Экспедиции начинался морской участок этого пути. Поскольку первое бохайское посольство отправилось к берегам Японии в 727 г., это означает, что морская гавань использовалась и раньше для подобных целей, а с началом обменов посольствами бохайцев с Японией Яньчжоу получил новый статус. Стал ли он центром округа именно с этого времени пока остается неизвестным.

После гибели Бохая и образования киданями на его землях вассального и зависимо-

го государства Дундань, в 930 г. в Японию прибыло последнее посольство. После чего округ Яньчжоу был перемещен в Ляодун (Ivliev, 2013, с. 142). В 928-929 гг. уже началось массовое переселение бохайцев на территорию Ляо (Ивлиев, 2005, с. 469-472), которое затронуло и население Краскинского городища. Так как на памятнике отсутствуют следы длительного присутствия киданей на памятнике, встречаются лишь единичные предметы киданьского происхождения, как вазовидный сосуд, обнаруженный в колодце (Гельман и др., 2000), можно сделать вывод о том, что в конце 1-ой трети X века город пришел в запустение.

Археологические сведения о хронологии и периодизации

Представления о хронологии и периодизации Краскинского городища постоянно корректировались по мере его изучения и получения новых данных. Важное значение в решении этих вопросов имела стратегия раскопок: после многолетнего исследования храмового комплекса (рис. 2), началось систематическое изучение крепостных сооружений на западном и восточном участках, а также жилых кварталов городища (Болдин и др., 2001; Болдин и др., 2005; Гельман и др., 2020). Были получены детальные представления о стратиграфии памятника на различных его участках. Периодизация памятника может быть рассмотрена на основании изучения разных объектов, наиболее значимые из которых – фортификационные сооружения, постройки храмового буддийского комплекса, жилища и дороги в жилых кварталах.

1. Храмовый буддийский комплекс. Находится на самой возвышенной части памятника, в его северо-западной части (рис. 1, 2, 3). Объекты на территории буддийского комплекса изучались более 10 лет, в результате которых получены данные о наличии на этом участке не менее трех строительных горизонтов (Гельман, 2021, с. 18). Эти сведения стали основой для выделения трех периодов в истории городища.

Первый, ранний период, связан с частично сохранившейся оградой храмового двора нижнего горизонта в виде каменного фундамента, сложенного из 1-2 слоев камней, скрепленных глинистым раствором (рис. 2: 1). Длина сохранившегося северо-западно-

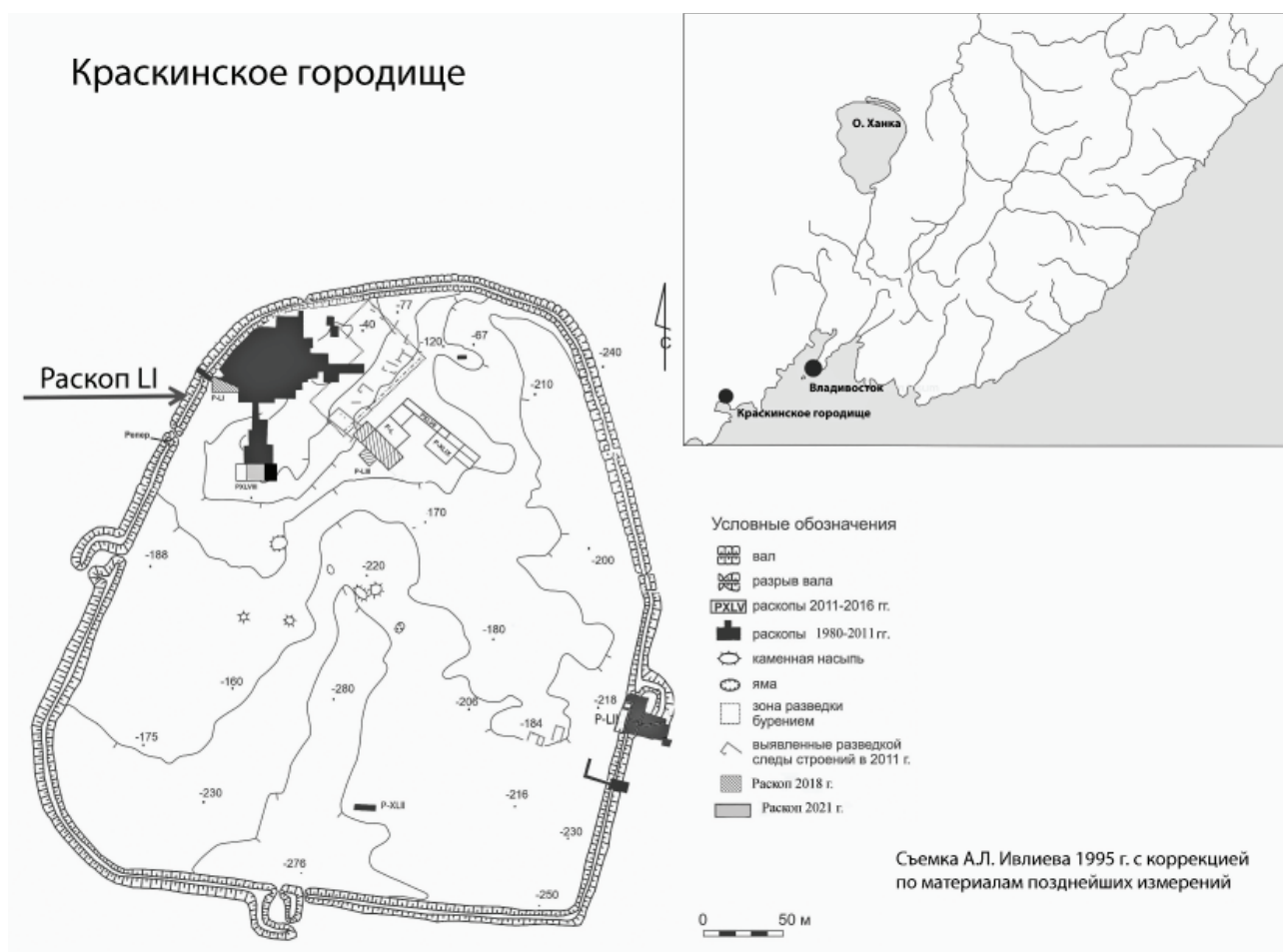

Рис. 1. План Краскинского городища и место его расположения на карте Приморского края.
Fig. 1. Plan of the Kraskinskoye walled town and its location on the map of Primorsky Krai.

го участка составила 17,5 м, ширина кладки не превышала 40 см и высота 35 см. Вдоль фундамента, для которого использовался камень, идентичный тому, что использовался при постройке первоначальных городских стен, была найдена черепица и обломки декоративных украшений крыши (Болдин и др., 2001, с. 82, 84). Судя по тому, что они были встроены в фундамент ограды, эти строительные и архитектурные детали принадлежат еще более ранним постройкам.

Второй период представлен средним горизонтом частично сохранившегося фундамента храмовой постройки (рис. 2: П), длина одной сохранившейся стороны которой составила почти 8 м (Болдин и др., 2001, с. 82). Он был обнаружен под слоем почвы, на котором лежала упавшая черепица храма последующего этапа. Вдоль сохранившихся участков каменной опорной стенки земляного фундамента и частично в заполнении фундамента найдены остатки черепицы и декоративных

украшений крыши храма, использовавшихся как для более ранних сооружений, так и для этого же здания.

К третьему периоду относятся остатки центрального храма, обнаруженного на глубине (Болдин 1981, 1993) и, который относится к верхнему горизонту (рис. 3: а-г). Он сооружен на искусственной земляной платформе высотой от 0,43-0,49 м по краям до 0,8 м в центре, размерами 10,4×11,8 м (122,7 м²). Платформа ориентирована углами по сторонам света, ее края по периметру укреплены подпорной каменной стенкой, сложенной в два ряда. Для постройки колоннадного типа использованы 30 каменных баз, из которых сохранились 25. Пол храма был вымощен речной галькой, а в его центральной части сохранилось место алтаря, в виде возвышения до 0,2 м высотой и площадью 1,5 м. Площадь здания на платформе составляла 8,3-9,5 м (78,8 м²).

К этому же горизонту относится еще одна постройка, северный угол которой обнаружен

Рис. 2. Расположение раскопов на территории храмового комплекса с остатками объектов I-III периодов: I – остатки фундамента платформы храма раннего периода, II – остатки фундамента здания буддийского храма среднего периода.

Fig. 2. Location of excavations on the territory of the temple complex with the remains of objects of I-III periods: I - the remains of the platform foundation of the temple of the early period, II - the remains of the Buddhist temple building foundation of the middle period.

в 9 м от южного угла храма (рис. 3: д-ж). Она имела каменный фундамент и ориентирована углами по сторонам света (Болдин, 1994). Предполагалось, что она является башней для колокола или барабана, однако не исключено, что это остатки пагоды, судя по количеству собранной вокруг нее черепицы, ее разнообразию и большим размерам керамического

лотоса, украшавшего крышу. Пагода обычно является второй по значимости постройкой после центрального храма. Размеры почти квадратного фундамента составили $4,4 \times 4,4$ м ($19,36$ м²). Ширина кладки фундамента стен составила 0,8 м. По углам фундамента находились большие плоские камни, которые являлись базами для основных столбов. Чере-

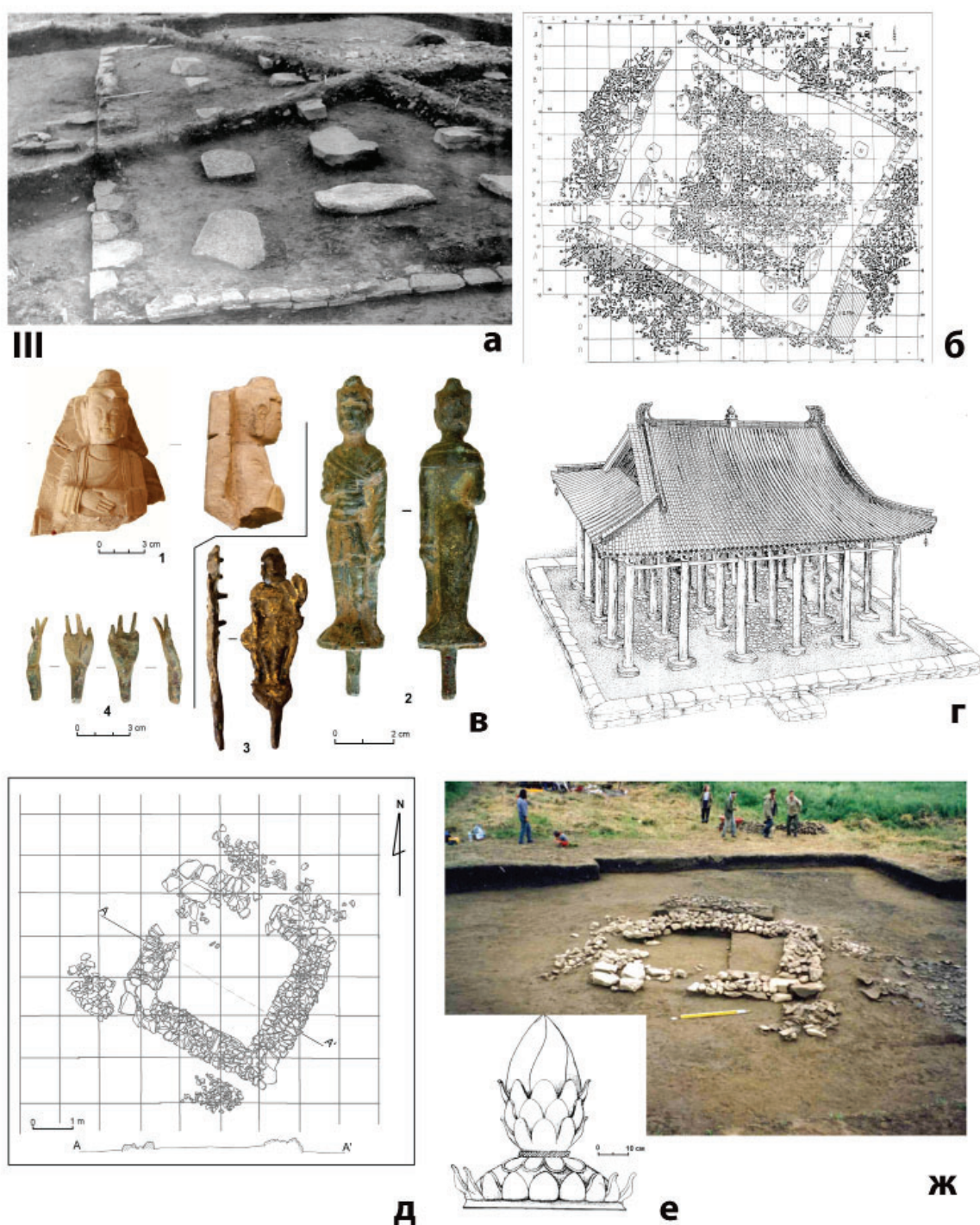

Рис. 3. Остатки зданий храмового комплекса III позднего периода: а – вид с юга на остатки храма, б – план остатков храма после расчистки фундамента, каменных баз и развалов черепицы, в – образцы буддийской скульптуры из храмового комплекса (1 – фрагмент каменного Будды, 2,3 – бронзовые бодхисаттвы Гуаньинь, 4 – фрагмент руки бронзового Будды), г – графическая реконструкция храма позднего периода, д – план каменного фундамента башни после расчистки, е – графическая реконструкция украшения крыши башни, ж – вид с северо-запада на фундамент башни после расчистки.

Fig. 3. Remains of the temple complex buildings of the III late period: а - view from the south on the temple remains, б - plan of temple remains after cleaning of the foundation, stone bases and collapsed tiles, в - samples of Buddhist sculpture from the temple complex (1 - a fragment of a stone Buddha, 2,3 - bronze Guanyin Bodhisattvas, 4 - fragment of a bronze Buddha's hand), г - graphic reconstruction of the temple of the late period, д - plan of the stone foundation of the tower after cleaning, е - graphic reconstruction of the tower roof decoration, ж - view from the northwest of the tower foundation after cleaning.

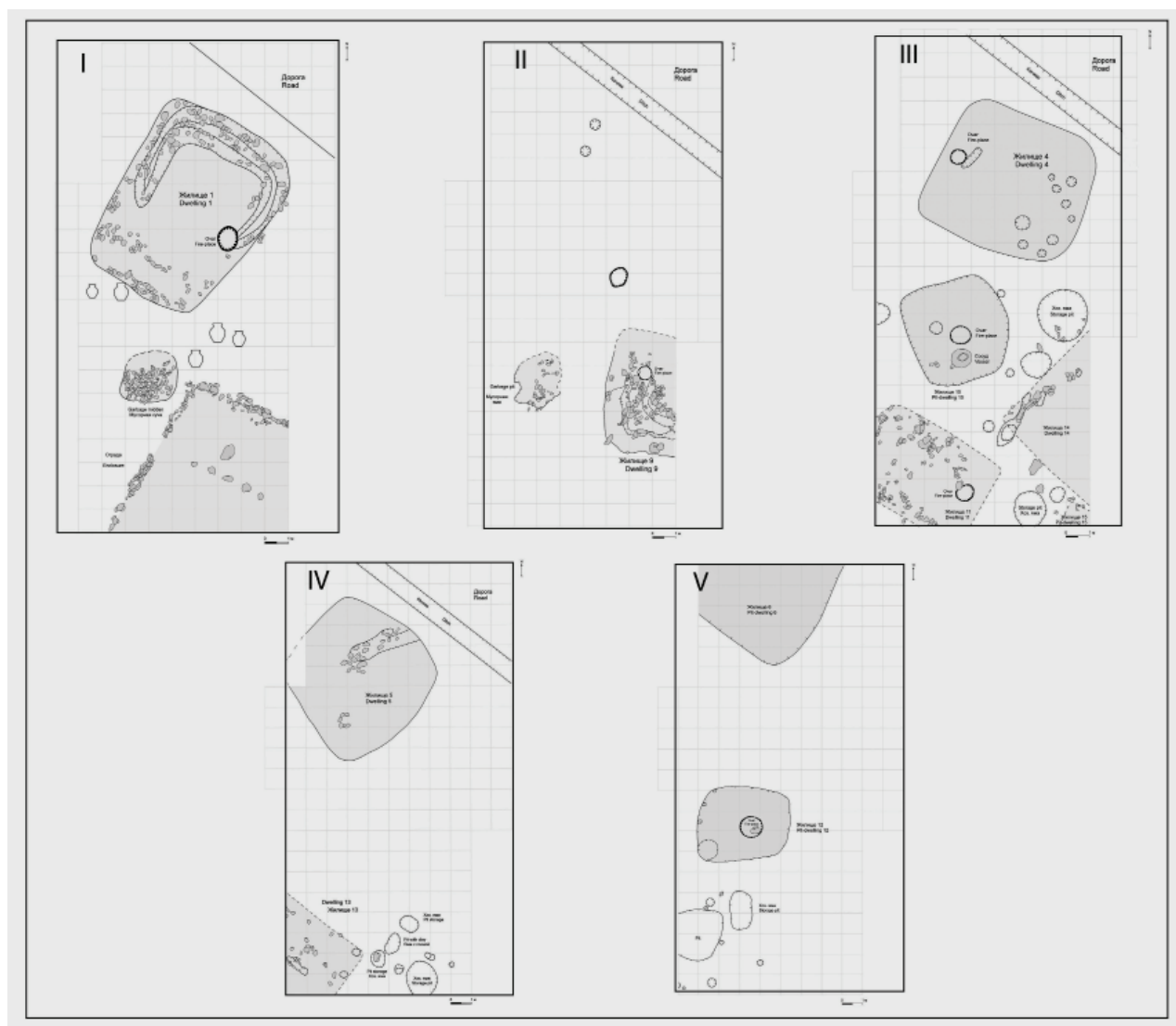

Рис. 4. Жилища Краскинского городища I-V строительных горизонтов.
 Fig. 4. Dwellings of the Kraskinskoye walled town of I-V building horizons.

пица с рухнувшей крыши находилась в метре от фундамента, что указывает, примерно на ширину свеса крыши.

В 14 м к востоку от восточного угла храма было обнаружено полуподземное хозяйственное сооружение со стенами сложенными из черепицы (Болдин и др., 2005; Болдин, Гельман, 2005). Оно получило условное название «черепичной камеры», размеры внутреннего пространства которой составили 2,6×2,3 м (5,98 м²). Длина стен почти квадратной постройки снаружи составила 2,75-3 м. Глубина камеры не превышала 1,2 м. Углами постройка ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. При возведении стен использовалась старая, фрагментированная (вторичное использование),

преимущественно плоская черепица, которая укладывалась пачками, скреплявшимися железными скобами. Среди обломков черепицы в заполнении камеры и в ее стенах найдены фрагменты пяти типов дисков полуцилиндрической черепицы, которые аналогичны тем, что использовали для покрытия крыши храма и башни. Это послужило основанием считать, что эти три сооружения существовали в границах одного строительного горизонта, который составляет примерно 40-50 лет.

Вместе с тем, во время раскопок камеры было установлено, что на одной из ее стен был вкопан крупный сосуд типа корчаги, который частично разрушил кладку. Он относился, как выяснилось позднее, к одному из ближайших жилищ верхнего горизонта. Этот

факт означает, что и полуподземная камера с черепичными стенами и «башня» и центральный храм в северо-западной части городища были построены значительно раньше, чем жилища верхнего горизонта на городище. Не исключено, конечно, что храм мог еще функционировать в период строительства указанных жилищ, но подземная камера, по крайней мере, к этому времени была уже заброшена мусором и засыпана.

2. Жилые кварталы города

Исследования в жилых кварталах выявили пять строительных горизонтов на городище (рис. 4), которые представляют собой «читаемые» хронологические срезы (Болдин и др., 2008; Гельман и др., 2010, 2011, 2012, 2019). Изучены остатки зданий общественного назначения, 30 жилищ разной степени сохранности, хозяйственные сооружения и дороги. В нижнем 5-ом горизонте заглубленные жилища сооружались в котлованах с очагами, в остальных четырех строились наземные, с преимущественно двухканальным и П-образной формы каном - отопительной системой, состоящей из дымоходных каналов, очага и трубы. В 4-1-ом горизонтах планировка в кварталах сходная и отличается лишь разной плотностью расположения жилищ и хозяйственных построек, в нижнем горизонте застройка была более свободная. Жилища 1-го горизонта отличаются лучшей сохранностью и самыми крупными размерами (свыше 53-57 м²).

Размеры кварталов пока остаются не известны, но ясно, что они разделялись дорогами, прослеженными в разных районах памятника: в северо-западной, северной и южной частях, а также в восточных воротах (в проходе, в границах защитных сооружений и за их пределами). Судя по выявленным фрагментам дорог, они ориентированы по сторонам света, а их ширина составляет от 2 до 4 м, а в среднем около 2,5 м. В северном районе раскопан перекресток дорог, ориентированных по направлениям север-юг и запад-восток (Гельман и др., 2012). На участке первой из них были изучены наслоения из пяти уровней дорожного полотна, которые совпадают со строительными горизонтами с остатками жилищ. Наблюдения и сравнительный анализ отложений с остатками дорог и жилищ дали возможность, помимо изучения внутренней планировки памятника, выстроить относи-

тельную периодизацию Краскинского городища на основании совокупности данных раскопанной территории.

3. Фортификационные сооружения

Изучение фортификационных сооружений велось на двух участках – на северо-западном отрезке крепостных стен (рис. 1, 5: I) (российскими археологами в 1996-1998 гг.) и в районе восточных ворот (1998-2018 гг.) (рис. 5: II-IV), где раскопки велись совместно с командой японских археологов токийского университета Аояма гаккуин (Гельман и др., 2020). Установлено, что первоначально построены две стены (внутренняя и внешняя) из грубо оббитых каменных блоков из туфов белого цвета с желтоватым оттенком сахаровидного облика и окисленной красновато-коричневой поверхностью (рис. 1: I). Внешняя стена имеет небольшой наклон, а общая толщина стен составила около 5 м. Пространство между ними заполнялось теми же супесями, которыми сложен холм, где построено городище, и содержали отдельные артефакты. Первоначально ворота представляли собой просто проход в стене шириной около 5 м.

На втором этапе, судя по стратиграфии и строительному материалу, были возведены защитные сооружения ворот (захабы) с использованием местных горных пород (рис. 4: II). В окрестностях Краскинского городища известно не менее 6 разных месторождений, откуда привозился камень для строительства и ремонта стен (Съедин и др., 2013). Захаб имеет прямоугольную форму (14,4×16,6 м), и прикрывает глухой стеной проход в городских воротах и может служить защитой от разливов реки. Толщина стен защитных сооружений составила 5,5 м, а проход в короткой стене, обращенной в сторону моря, 5 м.

На третьем этапе, через значительный промежуток времени, скорее всего, в результате последствий сезонов дождей, многочисленных наводнений и застоя воды (следы которых отмечены как снаружи крепостных стен, так и внутри города), осуществлялся перманентный ремонт стен с использованием окатанных и слабоокатанных серых валунов типа габбро и частично каменных блоков туфов (Съедин и др., 2013; Города, 2018) (рис. 5: II). Вероятно, именно на этом этапе были пристроены и фронтальные башни (раскопана только одна на восточном участке стены), для чего была разрушена часть блочной стены (рис. 5: III).

Рис. 5. Фортификационные сооружения Краскинского городища I–IV этапов.

Fig. 5. Fortifications of the Kraskinskoye walled town of I–IV stages.

Но не исключено, что их строительство могло произойти в промежутке между 2-ым и 3-им этапами.

На четвертом этапе, после того как мощность культурных отложений внутри и снаружи города существенно увеличилась, возникла необходимость в наращивании стен. Для этих целей была использована речная галька из русловых отложений реки Цукановки (Яньчихэ) (рис. 5: IV). Галечно-земляная насыпь была насыпана сверху на стены, в том числе на башни и защитные сооружения ворот (Болдин и др., 2001; Гельман и др., 2020). Общая толщина стен в ее основании в настоящее время достигает 10–12 м, а на вершине – 1 м, а общая высота 1,5–2 м. Исследования насыпи показали, что она насыпалась на слой почвы толщиной в среднем 20–30 см, лежащий на блочной кладке. Насыпь покрывала как городские стены, так и защитные сооружения ворот. Таким образом, если судить по

изменениям в фортификации Краскинского городища, мы можем выделить четыре периода в истории города.

Сводная периодизация городища

По мере изучения различных видов объектов на городище, накапливалась информация о детальной стратиграфии на разных участках памятника. Одновременно множились противоречия при сопоставлении полученных выводов, появлялись вопросы, требующие дополнительного анализа. Для того, чтобы найти ответы и разрешить противоречия в результатах исследования жилых кварталов с дорогами, буддийского храмового комплекса и фортификационных сооружений был раскопан участок в северо-западной части городища, примыкавший с запада к крепостной стене, а с севера – к ограде храмового комплекса (раскоп LI) (рис. 6). Раскопки дали результаты, которые позволяют, наконец, выстроить общую периодизацию истории

Рис. 6. Этапы строительства дороги вблизи храмового комплекса.

Fig. 6. Stages of road construction near the temple complex.

Краскинского городища с учетом совокупности всех данных, собранных при обследовании разных объектов.

На изучаемом участке обнаружены остатки дороги с каменным покрытием, которая функционировала на протяжении всего времени существования памятника. Всего выявлено пять строительных горизонтов дороги, которые соотносятся с периодизацией, построенной на основании изучения жилищ и дорог из жилых кварталов.

Первый период. Самые ранние отложения на памятнике сформировались задолго до строительства крепостных стен (рис. 6: I). На месте города существовало поселение, жители которого занимались разнообразной хозяйственной деятельностью, в том числе сельским хозяйством, обработкой железа, производством чугуна, керамики и черепицы (Гельман, 2021). Предположительно, в нижнем, 5-ом строительном горизонте дорога, обнаруженная рядом с территорией

буддийского комплекса, начиналась за пределами поселения, на это указывает ее направление (юго-запад – северо-восток) и вела по направлению к храму, который пока не обнаружен на этом уровне. Однако, на факт его существования указывают находки декоративных украшений крыши и диски черепиц, найденные рядом с дорожным полотном и в его заполнении. Аналогичные украшения и диски фронтальной черепицы с таким же декором использовались и в более позднее время для покрытия крыши храмовых зданий. Таким образом, также был установлен наиболее ранний декор на черепичных дисках Краскинского городища, который характеризуется сильным когурёским влиянием.

Второй период. Дорога в четвертом строительном горизонте находилась на одном уровне с основанием крепостной стены, что позволило установить начало строительства фортификационных сооружений относительно горизонтов жилых кварталов и дорог (рис. 6: II). Установление этого факта является одним из важнейших открытий на Краскинском городище. Дорога шла от западных ворот вдоль западного участка крепостной стены по направлению, видимо, к храму. О его существовании в этот период времени свидетельствуют отложения дорожного покрытия, содержащего остатки черепицы и украшений крыши храма. Кроме того, аналогичные артефакты обнаружены на этом уровне и в жилых кварталах городища.

Третий период. В третьем строительном горизонте дорога сменила направление, и от крепостной стены она повернула в восточном направлении (рис. 6: III). Этот факт позволил заключить, что на этом участке территория храмового комплекса ограничивалась оградой, а дорога проходила параллельно на этом участке. Вместе с тем, на изучаемом раскопе остатков какой-либо ограды не выявлено. Дорожное полотно содержало также остатки черепицы, использованной первоначально для крыши храмовых построек, а затем для ремонта дороги.

Четвертый период. Во втором горизонте также прослежены следы периодических ремонтных работ дорожного полотна, а дорога сохраняла направление, заданное ей в третьем периоде (рис. 6: IV). Для ремонта, как и на предыдущем уровне, использовались те строительные материалы, которые были

в ближайшем доступе, то есть с территории храмового комплекса, где шел перманентный ремонт крыш зданий.

Пятый период. Дорога верхнего (первого) горизонта с каменным покрытием сохранилась очень хорошо (рис. 6: V). Она пролегла, как и в предыдущих строительных горизонтах вдоль ограды храма с востока на запад и, достигнув крепостной стены, поворачивала к югу, в сторону западных ворот. Этот горизонт дороги продемонстрировал высокий уровень дорожного строительства на Краскинском городище. Ранее дорога такого же высокого качества была исследована во время исследований восточных ворот памятника. Изучение стратиграфии в верхнем горизонте на раскопе LI и на восточном участке крепостных стен позволяет предположить, что сооружение галечно-земляного покрытия соответствует верхнему горизонту дороги.

Хронология

Многолетние археологические исследования Краскинского городища позволили установить, что до возведения крепостных стен на его месте длительное время существовало поселение. Городские стены были построены с началом получения нового статуса поселения – обслуживания дороги в Японию и отправки бохайских посольств, то есть не позднее первой трети VIII века. Мощностные культурных отложений до начала строительства фортификационных сооружений составила более полуметра, формирование этих отложений могло происходить на протяжении не менее нескольких десятилетий. Таким образом, можно заключить, что в конце VII в. на месте города уже существовало поселение, жители которого проживали на этом песчаном холме длительное время, а их система жизнеобеспечения основывалась на использовании совокупности морских, речных и наземных ресурсов при доминировании сельского хозяйства. Гибель города, как предполагалось и ранее, связана с киданьским завоеванием Бохая (Ивлиев, 2005). В конце первой трети X в. город опустел и прекратил свое существование.

Выводы

Таким образом, раскопки на ограниченном участке около храма и крепостной стены в северо-западной части города позволили предварительно связать все имеющиеся представления о периодизации Краскинского

городища, ранее полученные на основании изучения разных видов объектов. История города насчитывает пять основных периодов, самый ранний из которых относится примерно к концу 7 в. Во все периоды на территории памятника существовали храмовые постройки, часть которых еще предстоит обнаружить и исследовать. Внутренняя планировка города сохранялась на всем протяжении его функционирования. Квартальная разбивка вынуждала жителей строиться на одних и тех участках, в итоге формировались хронологические напластования из жилищ и других сооружений, а также дорог разных рангов. Представленная периодизация и хронология памятника, разумеется, нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении на разных участках городища. Однако, впервые после многих ранее предпринятых попыток, она позволяет соотнести разные данные между собой и устранить часть противоречий и сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

Болдин В.И. Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище в Приморском крае в 1981 году // Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. № 8425, 1981.

Болдин В.И. Буддийский храм Краскинского городища // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий / Отв. ред. С.Б. Сапунов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 1993. С. 49–59.

Болдин В.И. О результатах полевых исследований на Краскинском городище в Приморье в 1994 году // Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. № 18020, 1994.

Болдин В.И., Гельман Е.И. Отчет об археологических исследованиях бохайских памятников в Приморском крае России в 2004 году. Сеул: Фонд изучения Когурё, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2005. 453 с. Рус. яз, кор. яз.

Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 74–90.

Болдин В.И., Гельман Е.И., Лещенко Н.В. Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище в 2007 г. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2008. 498 с. Рус. яз, кор. яз.

Болдин В.И., Гельман Е.И., Лещенко Н.В., Ивлиев А.Л. Уникальная находка на Краскинском городище // Россия и АТР. 2005. №3 (49). С. 66–83.

Ван Пэйсин. Некоторые размышления об археологическом исследовании Бохая // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. №2. С. 3–19.

Вишняцкий Л.Б., Колтаков Е.М. Периодизация в археологии // Проблемы хронологии и периодизации в археологии / Археологические изыскания. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л.: Ленинград. отд. ИА АН СССР, 1991. С. 5–11.

Гельман Е.И. Нижний строительный горизонт Краскинского городища // Археология Евразийских степей. 2021. №4. С. 17–30. Doi: 10.24852/2587-6112.2021.4.17.30

Гельман Е.И., Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Раскопки колодца Краскинского городища // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.А. Крупянко, В.В. Совастеев. Владивосток: Дальневосточный ун-т, 2000. С. 153–165.

Гельман Е.И., Болдин В.И., Асташенкова Е.В., Ивлиев А.О., Лещенко Н.В., Кан Ин Ук, Ким Ын Кук. Отчет об археологических раскопках на Краскинском городище Приморского края в 2008 г. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2010. 535 с. Кор. яз., рус. яз.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Лещенко Н.В., Ким Ын.К., Кан Ин Ук. Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в 2009 году. Т. I Владивосток, Сеул: ИИАЭ ДВО РАН; Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, 2011. 331 с.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Лещенко Н.В., Ким Ын Гук, Кан Ин Ук. Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в 2009 году. Т. II. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН, 2011. 511 с. Кор. яз., рус. яз.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Пискарева Я.Е., Ким Ын Гук, Чжун Сук Бэ. Археологические исследования Российско-корейской археологической экспедиции на Краскинском

городище в Российском Приморье в 2011 году. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 396 с. Кор. яз., рус. яз.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Ким Ын Кук, Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2018 году. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН, 2019. 631 с. Кор. яз., рус. яз.

Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Болдин В.И. Фортификационные сооружения Краскинского городища // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. № 26. С. 157-174. doi: 10.24411/2658-5960-2020-10009

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Отв. ред. Шавкунов Э.В. М.: Наука, 1994. 219 с.

Иваи Хирото. Археологические объекты верхнего горизонта Краскинского городища – результаты исследования восточной части памятника // Материалы 13-го симпозиума по археологии Бохая. Токио: Аояма гаккуин, 2022. С. 11–20; 67–74. Яп. яз., рус. яз.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.

Ивлиев А.Л., Болдин В.И. Исследования Краскинского городища и археологическое изучение Бохая в Приморье // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 5–18.

Города средневековых империй Дальнего Востока. / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: ИВЛ, 2018. 367 с.

Съедин В.Т., Бессонова Е.А., Гельман Е.И., Зверев С.А., Коптев М.А., Ноздрачев Е.А. Минеральное сырье Краскинского городища (Приморский край) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1 (167). С. 131–140.

Шавкунов Э.В. Бохайское городище близ пос. Краскино в Приморье // Записки Приморского филиала Географического Общества СССР. 1966. Т. 25. С. 141–144.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 128 с.

Ivliev A.L. Nature and function of Kraskino walled town in Primorye region through the historical viewpoint // Краскинский городище Приморья – характер и функциональное назначение. Токио: Аояма гаккуин, ИИАЭ ДВО РАН, 2013. С. 135–143. Англ. яз., яп. яз., рус. яз.

Информация об авторе:

Гельман Евгения Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); gelman59@mail.ru

REFERENCES

Boldin, V. I. 1981. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae v 1981 godu (Report on archaeological studies on the Kraskinskoye walled town in Primorsky Krai in 1981)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, inv. R-1, dossier 8425, 1981 (in Russian).

Boldin, V. I. 1993. In Sapunov, S. B. (ed.). *Problemy etnokul'turnoi istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorii (Issues of the Ethnic-cultural History of the Far East and Adjacent Territories)*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 49–59 (in Russian).

Boldin, V. I. 1994. *O rezul'tatakh polevykh issledovaniy na Kraskinskom gorodishche v Primor'e v 1994 godu (On the results of field research on the Kraskinskoye walled town in Primorye in 1994)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, inv. R-1, dossier 18020, 1994 (in Russian).

Boldin, V. I., Gel'man, E. I. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh bokhayskikh pamyatnikov v Primorskom krae Rossii v 2004 godu (Report on the archaeological research of the Bohai sites in the Primorsky Krai of Russia in 2004)*. Seoul: Koguryo Research Foundation, Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS (in Russian, in Korean).

Boldin, V. I., Gel'man, E. I., Ivliev, A. L., Nikitin, Yu. G. 2001. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* (3), 74–90 (in Russian).

Boldin, V. I., Gel'man, E. I., Leshhenko, N. V. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Kraskinskom gorodishche v 2007 g. (Report on Archaeological Studies at the Kraskinsky Settlement in 2007)*. Seoul (in Korean, in Russian).

Boldin, V. I., Gel'man, E. I., Leshhenko, N. V., Ivliev, A. L. 2004. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* 49 (3), 66–83 (in Russian).

Wang Peixin. 2018. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* 2, 3–19 (in Russian).

Vishnyatsky, L. B., Kolpakov, E. M. 1991. In A. N. Kirpichnikov (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii v arkheologii (Problems of chronology and periodization in archaeology)*. Series: *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys)* Leningrad: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, 5–11 (in Russian).

Gel'man, E. I. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (4), 17–30. Doi: 10.24852/2587-6112.2021.4.17.30 (in Russian).

Gel'man, E. I., Boldin, V. I., Ivliev, A. L. 2000. In Kradin, N. N., Krupyanko, A. A., Sovasteev, V. V. (eds.) *Istoriya i arkheologiya Dal'nego Vostoka. K 70-letiyu E. V. Shavkunova (History and archeology of the Far East. To E. V. Shavkunov's 70th birthday)*. Vladivostok: Far Eastern University, 153–165 (in Russian).

Gel'man E. I., Boldin V. I., Astashenkova E. V., Ivliev A. O., Leshhenko N. V., Kan In Uk, Kim Eun Kuk. 2010. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Kraskinskom gorodishche Primorskogo kraia v 2008 g. (Report on archaeological excavations on the Kraskinskoye walled town in Primorsky Krai in 2008)*. Vladivostok, Seoul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia*; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Korean, in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Boldin, V. I., Ivliev, A. L., Leshhenko, N. V., Kim, Yn. K., Kan, In Uk. 2011. *Arheologicheskie issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii na Kraskinskom gorodishhe v 2009 godu (Archaeological Studies of the Russian-Korean Expedition at Kraskino hillfort in 2009)*. 1. Vladivostok, Seoul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia*; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Korean, in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Boldin, V. I., Ivliev, A. L., Leshhenko, N. V., Kim, Yn. K., Kan, In Uk. 2011. *Arheologicheskie issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii na Kraskinskom gorodishhe v 2009 godu (Archaeological Studies of the Russian-Korean Expedition at Kraskino hillfort in 2009)*. 2. Vladivostok, Seoul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia*; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Korean, in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Boldin, V. I., Ivliev, A. L., Piskareva, Ya. E., Kim Yn Guk, Chzhun Suk Bae. 2012. *Arheologicheskie issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii na Kraskinskom gorodishhe v Rossiiskom Primor'e v 2011 godu (Archaeological Studies of the Russian-Korean Expedition at Kraskino hillfort in the Russian Primorye in 2011)*. 1. Vladivostok, Seoul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia*; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Korean, in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Piskareva, Ya. E., Kim Yn Guk, Chzhun Suk Bae. 2019. *Arheologicheskie issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii na Kraskinskom gorodishhe v Rossiiskom Primor'e v 2018 godu (Archaeological Studies of the Russian-Korean Expedition at Kraskino hillfort in the Russian Primorye in 2018)*. 1. Vladivostok, Seoul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia*; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Korean, in Russian).

Gel'man E. I., Ivliev A. L., Boldin V. I. 2020. In: *Trudy IHAE DVO RAN (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS)*. (26), 157–174 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1994. (ed.). *Gosudarstvo Bokhai (698–926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii (Bohai State (698-926) and the Tribes of the Russian Far East)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ivai Hiroto. 2022. In *Materialy 13-go simpoziuma po arkheologii Bokhaya (Proceedings of the 13th Bohai archaeology symposium)*. Tokyo: “Aoyama gakkuin” Publ., 11–20, 67–74 (in Japanese, in Russian).

Ivliev, A. L. 2005. In Andreeva, Zh. V. (ed.). *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiia, problemy, gipotezy (The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses)*. Vladivostok: “Dalnauka” Publ., 449–475 (in Russian).

Ivliev, A. L., Boldin, V. I. 2006. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* (3), 5–18. (in Russian).

Kradin, N. N. (ed.). 2018. *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka (Towns of the Medieval Empires of the Far East)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Siedin, V. T., Bessonova, E. A., Gel'man, E. I., Zverev, S. A., Koptev, M. A., Nozdrachev, E. A 2013. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 167 (1), 131–140 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1966. In *Zapiski Primorskogo filiala Geograficheskogo Obshhestva SSSR (Notes of the Primorye branch of the Geographical Society of the USSR)* (25), 141–144 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1968. *Gosudarstvo Bokhay i pamyatniki ego kul'tury v Primor'e (Bohai State and the Monuments of its Culture in Primorye)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ivliev A.L. 2013. In *Kraskinskoe gorodishche Primor'ya – kharakter i funktsional'noe naznachenie (Kraskinskoye walled town in Primorye - character and functional purpose)*. Tokyo: Aoyama gakkuin, Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, 135-143 (in Japanese, in English, in Russian).

About the Author:

Gelman Evgeniia I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; gelman59@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.39.44>

ЖИВОТНЫЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ОРЕНБУРГСКОГО ПРИУРАЛЬЯ В IV–II ВВ. ДО Н. Э

©2023 г. И. М. Григорьева

В статье публикуются результаты исследования костных останков из погребальных памятников сармат. Целью работы является реконструкция вариантов использования животных в погребальном обряде кочевников раннего железного века. К изучению остеологических материалов был применен комплексный подход. Детально рассмотрены их биологические и археологические параметры. Источниковая база исследования включает данные из отчетов об археологических раскопках и опубликованные материалы, а также археозоологические материалы из 11 могильников сарматской культуры (Прохоровка, Покровка 1, Покровка 2, Покровка 7, Покровка 8, Покровка 10, Шумаево I, Шумаево II, Донецкое I, Сорочинско-Никольский, Плешаново II). В результате проведенного анализа установлен ряд категорий погребальных комплексов с костями животных, выдвинуто предположение об их семантических значениях и особенностях формирования.

Ключевые слова: археология, кочевники раннего железного века, Оренбургское Приуралье, погребальный обряд, археозоология, погребальные комплексы с костями животных, остатки напутственной пищи, погребальный инвентарь, погребальные жертвенные комплексы, отдельные кости или их скопления, захоронение животного.

ANIMALS IN THE BURIAL RITE OF THE EARLY IRON AGE NOMADS IN THE ORENBURG PRE-URALS IN THE IV – II CENTURIES BC

I. M. Grigoryeva

The author presents the results of the study of bone remains from the Sarmatian burial sites. The aim of the work is to reconstruct the use of animals in the burial rite of the Early Iron Age nomads. A complex approach was applied to the study of osteological materials. Their biological and archaeological parameters are considered in detail. The research source base includes reports on archaeological excavations and published materials, as well as archeozoological materials from 11 burial grounds of the Sarmatian culture (Prokhorovka, Pokrovka 1, Pokrovka 2, Pokrovka 7, Pokrovka 8, Pokrovka 10, Shumayevo I, Shumayevo II, Donetsk I, Sorochinsko-Nikolsky, Pleshanovo II). As a result of the analysis, a few categories of burial complexes with animal bones were established, and their semantic meanings and peculiarities of their formation have been suggested.

Keywords: archaeology, the Early Iron Age nomads, Orenburg pre-Urals, burial rite, archaeozoology, burial complexes with animal bones, remnants of funeral food, burial set, burial sacrificial complexes, individual bones or their sets, burial of animal.

Одним из перспективных направлений в изучении культуры ранних кочевников является применение методов естественных наук, в том числе археозоологии, изучающей костные остатки животных из археологических памятников. До недавнего времени в археологических работах приводились описания костных комплексов, и, на их основании, выделялись наиболее яркие черты погребального обряда, связанного с использованием животных, без его детального анализа. Ученые отмечали, что полученные археозоологические данные из

могильников могут свидетельствовать о видовом составе стада, а также о его изменении в различные хронологические периоды. Современные методы исследования археозоологического материала признают такой подход некорректным (Яворская, 2010. с. 239).

В настоящее время принято за правило рассматривать костный материал в рамках отдельных категорий погребальных комплексов, имеющих разное семантическое значение, а не всех комплексов в кургане, вместе взятых. Только такой подход дает представле-

ние о ритуальном значении различных видов животных в погребальном обряде. (Рослякова, 2016. с. 154).

На основе изучения остеологического материала из могильников срубной культуры Н.В. Рослякова (Рослякова, 2016. с. 26) выделила четыре категории погребальных комплексов: остатки «напутственной пищи», погребальные жертвенные комплексы, погребальный инвентарь и отдельные кости или их скопления. Именно такие названия традиционно закрепились за ними в археологической литературе. Но, вполне возможно, что они имеют и какое-либо иное ритуальное и семантическое значение.

1. Категория «остатки напутственной пищи». В эту категорию вошли остатки «мясных» частей туш со дна могильных ям.

2. Категория «погребальные жертвенные комплексы». К этой категории отнесены остеологические комплексы, состоящие из остатков целых туш, голов и/или дистальных частей конечностей животных, располагающиеся в насыпи курганов, в ровиках, на погребенной почве и около погребений.

3. Категория «погребальный инвентарь». Остеологические комплексы этой категории находятся на дне могильных ям и представлены отдельными костями, положенными в виде отдельных предметов.

4. Категория «отдельные кости или их скопления». К этой категории отнесены отдельные кости из «мясных» и «немясных» частей туш и их скопления, находящиеся во всех архитектурных структурах кургана. Такой категории зачастую сложно определить семантическое значение, местонахождение таких костей может быть случайно и не отражать стороны погребального обряда.

Выделенные комплексы имеют устойчивое местоположение в кургане, видовой и анатомический состав. Принципы выделения данных категорий и предложенная классификация применима для изучения остеологических комплексов из погребальных памятников раннего железного века.

При описании остеологических коллекций из погребальных памятников для количественной оценки каждого вида использованы два параметра – количество костей или их фрагментов и количество частей туш животных, от которых они происходят в одном остеологическом комплексе. Под «остеоло-

гическим комплексом», или «комплексом», подразумевается набор костных фрагментов или даже один фрагмент, обнаруженный в кургане отдельно от других наборов костей животных (Яворская, 2012. с. 116). За часть туши приняты кости, принадлежавшие одной особи и найденные в анатомическом порядке (часть конечности, часть грудной клетки и т. д.). Единичные кости рассматриваются как остатки одной части туши. Все сравнения при анализе изучаемого материала проводились по количеству частей туш.

Анализ костных остатков в рамках каждой из категорий позволит ответить на вопросы о том, какие животные и каким образом были включены в погребальный обряд. Нами проанализированы 181 костный комплекс из 11 могильников (рис. 1), отнесенных авторами раскопок к IV-II вв. до н.э., что традиционно соотносится с раннесарматской культурой.

Самая многочисленная из представленных категорий 77,3% от всех комплексов – остатки напутственной пищи. Изучено 140 таких комплексов. В 13 погребениях находилось по 2 комплекса, в 2 погребениях – 3 комплекса.

Наибольшее количество частей туш из погребений принадлежат мелкому рогатому скоту (далее – МРС) – 90,2% (415 частей туши¹). Доля лошади и крупного рогатого скота (далее – КРС) составляет 7,4% (34) и 2,4% (11) соответственно.

Анатомический спектр МРС в погребениях чаще всего представлен проксимальными частями передних 49,2% (217) и задних 18,5% (84) конечностей, и ребрами 25,1% (114). Реже встречены позвонки – 4,8% (22), череп – 1,8% (8) и дистальные части конечностей – 0,6% (2). Анатомический спектр лошади включает в себя позвонки (8) и ребра (25), лопатки и проксимальные части конечности (11). Анатомический спектр КРС представлен, в основном, ребрами – 9 случаев, лишь в одном случае найдена лопатка.

Забитый МРС группируется по трем возрастам – до 1 года 18,0% (22), от 1 года до 3,5 лет – 70,5% (86) и старше 3,5 лет – 11,5% (14). Пол животного установлен в 8 случаях. В 6 случаях это баран, в 2 – овца. Возраст КРС и лошади установлен только на качественном уровне: молодое, полувзрослое, взрослое. Остатки мясной пищи на дне погребений представлены костями взрослых и полувзрослых особей.

Обобщение полученных данных позволяет говорить о том, что погребальный обряд ранних сармат предусматривал помещение в погребение «мясных» частей туш животных. Как правило, это были проксимальные части конечностей и отдельные части грудной клетки МРС. Реже для этой цели использовали часть грудной клетки лошади или КРС. Ребра вычленили из средней и задней частей грудной клетки.

В 21,4% комплексов среди напутственной пищи найден железный однолезвийный ножичек. Как правило напутственная пища находилась у стенки погребальной камеры 30,1% (28), у ног 28% (27) или у головы погребенного 21,5% (20). Реже в углу – 7,6% (7) и у рук 6,5% (6). Крайне мало комплексов находилось рядом с сосудом 3,2% (3) и на ступеньках 2,2% (2). В КМ Прохоровка в погребении 3 кургана Б найдена на блюде из рога лося (Рослякова, 200 с. 252).

Категория «погребальный инвентарь»

Одним из вариантов использования животных в погребальном обряде населением раннесарматской культуры было помещение непосредственно костей в качестве погребального инвентаря. Нами зафиксировано 6 таких случаев, 3,3% от общего числа комплексов.

Интерес вызывает набор обработанных костей диких животных и птиц. Такие наборы встречены в 4 случаях: в погребении 15 кургана 8 могильника Покровка 8 (Косинцев, 1995. с. 90) – 5 костей (лиса и птица); в погребении 6 кургана 2 могильника Прохоровка (Рослякова, 2012. с. 255) – 21 кость (лиса, корсак, заяц, птица); в погребении 6 кургана 1 могильника Сорочинско-Никольский (Краева, 2013. с. 30) – 11 костей (лиса и заяц); в погребении 3 кургана 3 могильника Прохоровка (Рослякова, Григорьева, 2021. с. 124) обнаружены кости крыла птицы отряда гусеобразные. Данные кости имеют подрезы у эпифизов, не характерные для вычленения из туши (как напутственной пищи) и залощенный диафиз. Такие следы искусственного воздействия говорят о том, что предметы могли использоваться некоторое время до того, как попали в могилу. В захоронении 8 кургана 8 могильника Покровка 2 (Яблонский и др. 1995. с. 16) встречен панцирь черепахи. В погребении 1 кургана 1 могильника Плешаново II (Крюкова, Купцов, 2014. с. 201) обнаружена грифельная кость лошади, являющаяся проколкой.

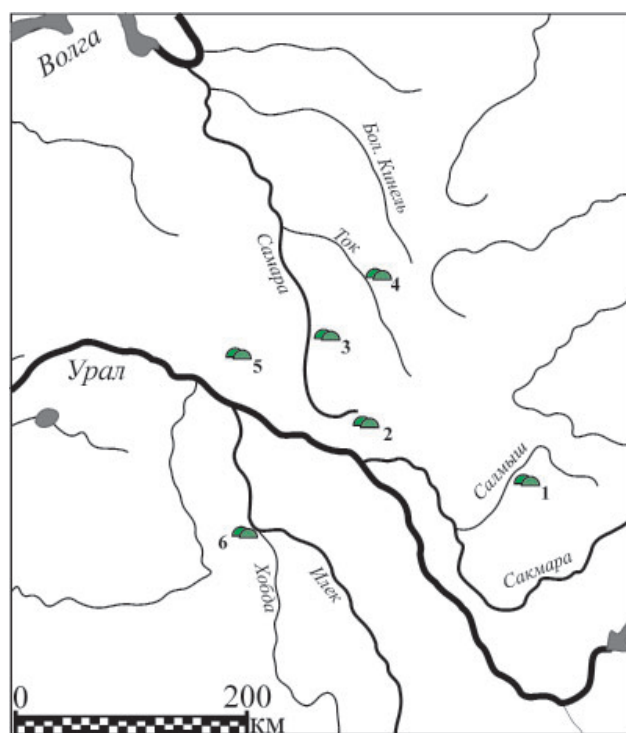

Рис. 1. Карта расположения могильников кочевников раннего железного века Оренбургского Приуралья.

Цифрами на карте обозначены могильники: 1 – Прохоровка; 2 – Донецкое I; 3 – Сорочинско-Никольский; 4 – Плешаново II; 5 – Шумаево I; Шумаево II; 6 – Покровка 1; Покровка 2; Покровка 7; Покровка 8; Покровка 10.

Fig. 1. Location of the burial grounds of the Early Iron Age nomads in the Orenburg pre-Urals. The numbers on the map indicate the burial grounds: 1 – Prokhorovka; 2 – Donetsk I; 3 – Sorochinsko-Nikolsky; 4 – Pleshanovo II; 5 – Shumayevo I; Shumayevo II; 6 – Pokrovka 1; Pokrovka 2; Pokrovka 7; Pokrovka 8; Pokrovka 10.

Анализ локализации наборов костей погребального инвентаря в погребениях показал, что больше половины из них находилось при погребенном, остальные комплексы распределены на ступеньках и в углах могильных ям.

Категория «погребальные жертвенные комплексы»

Жертвенные комплексы с костями животных встречены над погребением (на перекрытии могильных) ям. Обнаружено 5 таких комплексов, это 2,7% от общего числа. Над погребением 2 кургана 6 могильника Покровка 1 (Яблонский и др. 1995. с. 16) обнаружен череп лошади (самка) от особи возрастом от 3 до 5 лет. В могильнике КМ Шумаево II (Рослякова, 2003. с. 299) в погребении 2 кургана 7 найдены 4 черепа молодых особей до 12 меся-

цев, в могильнике в погребении 2 кургана 2 могильника Сорочинско-Никольский (Краева, 2013. с. 25) зафиксированы 2 черепа лошадей (от особей возрастом от 5 до 7 лет). Еще один комплекс из могильника Прохоровка (Рослякова, 2012 с. 255, Рослякова, Григорьева, 2021. с. 124) в погребении 7 кургана 1 представлен 3 черепами лошади (два самца старше 5 лет и особь моложе двух лет) и 1 черепом КРС (от особи – старше 2,5 лет). Жертвенник с костями МРС встречен в насыпи кургана 3 могильника Шумаево I (Рослякова, 2003 с. 293). В комплексе найдены мясные части туши от 2 особей возрастом 8–10 месяцев.

Обобщая полученные данные, можно сказать, что основным жертвенным животным в погребальном ритуале была лошадь, реже в жертву приносили КРС и МРС. Жертвенники располагались на поверхности погребенной почвы, над погребением на перекрытии могильной ямы. Анатомический спектр лошади и КРС представлен в жертвенных комплексах исключительно черепами и нижними челюстями. В жертву приносились в основном половозрелые особи.

Категория «отдельные кости или их скопления»

Данные погребальные комплексы встречены в различных архитектурных элементах кургана – в насыпи, на поверхности погребенной почвы, в заполнении могильных ям, всего обнаружено 29 таких комплексов, что составляет 16,0% от общего числа.

Большинство комплексов представлены костями крупных копытных. Единичны случаи нахождения костей МРС. Кости происходят из разных частей туш животных: остатки черепа, проксимальных и дистальных частей конечностей. Анализ возрастного состава костей показал, что они происходят от взрослых животных.

Следы на костях из насыпей – разбивание и зарубы – оставлены при разделке туш. Встречены погрызы мелким хищником или собакой. Таранные кости, фаланги и отдельные зубы попали в насыпь в виде отдельных, вычлененных из туши костей.

Исследователи рассматривают такие комплексы как остатки поминальных тризн или жертвенники. Единичность костей может указывать на то, что тризна либо проводилась не на территории кургана, либо костные остатки после ее совершения убирала.

Единичность таких находок и отсутствие закономерностей их распределения в планиграфии и стратиграфии кургана, и в биологических характеристиках указывают на то, что кости могли попасть в курган случайно: вместе с грунтом во время сооружения насыпи, были принесены собаками или грызунами, или оставлены людьми непреднамеренно.

При изучении могильников раннего железного века нами выделена еще одна категория – «захоронение животного». К этой категории отнесен комплекс из погребения 7 кургана 9 могильника Шумаево II (Рослякова, 2003. с. 301). В могильную яму с подбоем вместо человека уложена туша козы в возрасте 15–20 месяцев.

Основанием для выделения такой категории могут служить следующие факты: туша уложена головой в южный сектор, ее сопровождают лепной плоскодонный сосуд (Краева, 2015. с. 91) и напутственная пища в виде мясных частей туши МРС. Такой обряд свойственен погребениям человека в раннесарматской культуре. Вместе с тем, в качестве напутственной пищи достоверно костей козы не зафиксировано, что косвенно может свидетельствовать о различных значениях овцы и козы в обрядовых действиях. Возможно, погребенное животное изображает человека, которого по разным причинам не смогли похоронить, или данное животное было особо почитаемо и имело значимую роль в социуме.

В результате нами был проанализирован 181 комплекс с костями животных. Комплексы встречены во всех частях кургана – в насыпи, на уровне погребальной почвы, в могильной яме. Большая их часть сопровождает погребения. При этом абсолютное большинство находятся на дне могильных ям. Изучение основных биологических параметров остеологических материалов из различных категорий погребальных комплексов показало, что каждой из них соответствует свой видовой и анатомический состав костей.

Наиболее распространенной категорией является «напутственная пища». Здесь чаще всего встречены мясные части туш МРС. В особенности передняя проксимальная часть туши (лопатка, плечо и предплечье), чаще левая сторона, чем правая. Реже обнаружены части грудной клетки лошади или КРС. Использовались в основном взрослые животные. Погребальный инвентарь пред-

ставлен в основном длинными трубчатыми костями диких животных, птиц. Жертвенные комплексы, чаще всего, включают в себя головы лошадей, иногда встречаются головы КРС, МРС представлен крупными мясными частями туш. Общество кочевников было дифференцировано как в социальной, так и в хозяйственной сфере, поэтому, в дальнейшем, требуется проведение корреляционного анализа половозрастных характеристик, погребенных и погребального инвентаря с остеологическими комплексами.

Данная методика обработки археозоологического материала оказалась эффективной для изучения памятников раннего железного века. Важно отметить, что результаты применения этой методики напрямую зависят от качества сбора материала в процессе полевого исследования. Необходимо собирать абсолютно все костные остатки животных, найденные на памятнике и детально фиксировать их местоположение и археологический контекст для детальной реконструкции погребального обряда.

Примечание:

¹ Далее по тексту в скобках указано количество частей туш.

ЛИТЕРАТУРА

Краева Л.А. Отчет о раскопках Сорочинско-Никольского курганного могильника в Красногвардейском районе Оренбургской области по Открытому листу № 330 в 2012 г. / Архив АЛ ОГПУ. 2013.

Краева Л.А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 90–100.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. Вып. 3 / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1995. С. 79–100.

Крюкова Е. А., Купцов Е.А. Впускные погребения раннего железного века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2014. С. 201–213.

Рослякова Н. В. Костные останки животных из I и II Шумаевских курганных могильников // Шумаевские курганы / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2003. С. 293–313.

Рослякова Н.В. Кости животных из могильника Прохоровка. Приложение 4 // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии / МИАР. № 12. М: Таус, 2012. С. 256–265.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья. Дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2016. 332 с.

Рослякова Н.В., Григорьева И.М. Новые данные об использовании животных в погребальном обряде населения, оставившего Прохоровские курганы // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СГСПУ, 2021. С. 121–127.

Яблонский Л.Т., Девис Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3 / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1995. С. 9–47.

Яворская Л.В. Особенности использования животных в погребальных обрядах кочевников сарматского времени Волго-Донского региона (по археозоологическим материалам могильников бассейна реки Аксай Есауловский) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ, 2010. С. 233–256.

Яворская Л.В. Погребальные ритуалы по археозоологическим материалам // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований) / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: РАНХиГС, 2012. С. 116–126.

Информация об авторе:

Григорьева Ирина Михайловна, лаборант Археологической научно-исследовательской лаборатории, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); irinasosnovtceva1996@yandex.ru

REFERENCES

Kraeva L. A. 2013. *Otchet o raskopkakh Sorochinsko-Nikol'skogo kurgannogo mogil'nika v Krasnogvardeyskom rayone Orenburgskoy oblasti po Otkrytomu listu № 330 v 2012 g.* (Report on the

excavations of the Sorochinsko-Nikolsky barrow cemetery in the Krasnogvardeysky district of the Orenburg Oblast according to excavation license No. 330 in 2012) Orenburg. Archive of Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Kraeva, L. A. 2015. In *Samarskiy nauchnyy vestnik (Samara Journal of Science)* 12 (3), 90–100 (in Russian).

Kosintsev, P. A. 1995. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Kurgany levoberezhnogo Iлека (Mounds of the left bank of Ilek)*. 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 79–100 (in Russian).

Kryukova, E. A., Kuptsov, E. A. 2014. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 11. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 201–213 (in Russian).

Roslyakova, N. V. 2003. In Morgunova, N. L. (ed.). *Shumayevskie kurgany (Shumayevo barrows)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 293–313 (in Russian).

Roslyakova, N. V. 2012. In Yablonsky, L. T. 2012. *Prohorovka. U istokov sarmatskoi arkheologii (Prokhorovka. At the Origins of Sarmatian Archaeology)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology)* 12. Moscow: “Taus” Publ., 256–265 (in Russian).

Roslyakova, N. V. 2016. *Pogrebal'nye komplekсы s kostyami zivotnykh iz mogil'nikov srubnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti Samarskogo Povolzh'ya (Burial complexes with animal bones from the burial grounds of the Timber-grave cultural and historical community of the Samara Volga region)*. Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Roslyakova, N. V., Grigor'eva, I. M. 2021. In Myshkin, V. N. (ed.). *Arkheologiya rannikh kochevnikov Evrazii (Archaeology of the Early Nomads of Eurasia)* 2. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 121–127 (in Russian).

Yablonsky, L. T., Davis Kimboll J., Demidenko, Yu. V. 1995. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Kurgany levoberezhnogo Iлека (Mounds of the left bank of Ilek)*. 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 9–47 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2010. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11. Volgograd: Volgograd State University, 233–256 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2012. In Skripkin, A. S. (ed.). *Kurgany bronzovogo veka v izluchine Dona (opyt kompleksnykh arkheologicheskikh i estestvennonauchnykh issledovaniy) (Bronze Age barrows in the bend of the Don (the experience of complex archaeological and natural science research))*. Volgograd: “RANKhiGS” Publ. (in Russian).

About the Author:

Grigoryeva Irina M. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; irinasosnovtceva1996@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.45.56>

КОЛЕСНИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ В ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЕ-САЯНО-ХАНГАЙСКОГО НАГОРЬЯ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

© 2023 г. С.В. Дерябина

В статье дан краткий аналитический обзор историографической традиции и основных исследовательских подходов в отечественной научной школе петроглифоведения второй половины XX – начала XXI в. к изучению колесничных сюжетов в петроглифах Алтае-Саяно-Хангайского нагорья в эпоху бронзы. Охарактеризованы существующие глобальные и локальные концепции классификации и культурно-хронологической интерпретации изображений, связанных с «колесничным комплексом». Определены их сильные и слабые стороны. В качестве рабочего инструмента исследования создана классификация практикуемых в научном сообществе методов анализа изображений «колесничного комплекса»: *хронологические локализации, географические локализации и культурные локализации*. Выявлены актуальные и перспективные направления дальнейших исследований петроглифических изображений с колесничными сюжетами. В том числе, сделан вывод прогностического характера о том, что основным направлением исследований, развитие которого может принести принципиально новые результаты, является выделение и верифицируемое обоснование состава и хронологии *изобразительных пластов*.

Ключевые слова: археология, петроглифы, колесничный комплекс, исследовательские подходы, историография, Саяно-Алтае-Хангайское нагорье, эпоха бронзы.

CHARIOT SCENES IN PETROGLYPHS OF THE ALTAI-SAYAN- KHANGAI HIGHLANDS: AN ANALYTICAL REVIEW OF THE HISTORIOGRAPHICAL TRADITION

S.V. Deriabina

The article provides a brief analytical review of the historiographical tradition and research approaches in the Russian scientific school of petroglyphology of the second half of the XX – beginning of the XXI century to the study of chariot scenes in petroglyphs of the Altai-Sayan-Khangai Highlands in the Bronze Age. The author characterizes existing global and local concepts of classification and cultural-chronological interpretation of images associated with the "chariot complex" and identifies strengths and weaknesses of these concepts. As a research tool the author creates a classification of the methods of image analysis of the "chariot complex", which are practiced in the scientific community: *chronological localization, geographical localization and cultural localization*. Actual and promising directions of further research of petroglyphic images with chariot scenes are revealed. In particular, the author makes a prognostic conclusion that the identification and verifiable justification of the composition and chronology of *pictorial layers* could become the main direction of research with potential fundamentally new results.

Keywords: archaeology, petroglyphs, chariot complex, research approaches, historiography, The Altai-Sayan-Khangai Highlands, the Bronze Age.

Настоящая статья представляет краткий аналитический обзор основных сложившихся в отечественной научной школе петроглифоведения подходов к изучению изображений такого важного для степных социумов эпохи бронзы явления, как «колесничный комплекс» (Чечушков, 2011), и результативности их применения. Географические рамки обзора ограничены регионом Алтае-Саяно-Хангай-

ского нагорья, хотя учитываются и работы по сопредельным территориям, а хронологические, преимущественно, средним и поздним периодом бронзового века Южной Сибири и Центральной Азии.

За последние полвека здесь были открыты многочисленные наскальные изображения колесниц, созданы их классификации, предположены интерпретации, как отдель-

ных изображений, так и многофигурных сцен. Однако вопросы культурно-хронологического характера — принадлежность той или иной археологической культуре, время создания изображений, семантика колесниц в петроглифах — не получили однозначного разрешения, а исследовательские трактовки во многом остались взаимоисключающими. Дополнительная сложность состоит в том, что изображение «колесничного комплекса» — «запряжённой лошады колесницы и набора вооружения воина-колесничего» (Чечушков, 2011, с. 57), как и любого объекта материального мира в петроглифах, имеет, прежде всего, символический характер. Кроме того, для Алтае-Саяно-Хангайского нагорья символизм подобных изображений выступает на первый план, учитывая то, что реальные колесницы в указанном регионе до сих пор не зафиксированы ни в одной из культурных традиций бронзового века.

Поэтому нам представляется актуальным дать краткий аналитический обзор историографической традиции и определить наиболее перспективные в настоящее время подходы к изучению изображений «колесничного комплекса» в петроглифах Алтае-Саяно-Хангайского нагорья и шире — восточной зоны евразийских степей.

1. Общие аспекты проблемы

Происхождение и распространение древнего колёсного транспорта — узловая проблема сразу в нескольких областях гуманитарной науки: в археологии, истории, языкознании и истории техники. Это связано с тем, что «изобретение колеса явилось одним из важнейших открытий в истории человечества, которое вот уже пять тысячелетий во многом определяет развитие цивилизации» (Кузьмина, 2010, с. 41). При этом, по словам Г. Чайлда, за это время, «пересекаясь с другими изобретениями, колёсный транспорт стал фактически общепринятым» (Чайлд, 2012, с. 108). Длительное время происхождение колесного транспорта обсуждалось в контексте происхождения и распространения индоевропейцев и, в том числе, носителей индоиранских языков (Горелик, 1985, с. 183–184; Кожин, 2004, с. 284; Кузьмина, 1994, с. 167–168; 2008, с. 173, 181; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 717–738; Происхождение и распространение..., 2008; Таинство этниче-

ской истории..., 2014, с. 112–114, 118, 198; Шер, 1980, с. 198; Piggott, 1983 и др.).

1.1. Взаимосвязь археологического и исторического/этнолингвистического контекста реальных «колесничных комплексов»

В первой половине XX в. Г. Чайлд постулировал существование единого центра происхождения колесного транспорта и поместил его в зоне древних цивилизаций Ближнего Востока (Чайлд, 1956, с. 230–231; 2012, с. 107–108). В отечественной археологии развитием идей Чайлда стали работы П.М. Кожина, поддержавшего гипотезу «трансевразийского моноцентричного распространения боевых колесниц», но предложившего свою схему распространения колесного транспорта в Евразии из шести «ареалов стабилизаций», в которых «транспорт надолго утверждался в определенных конструктивных вариантах и стабильно развивался в особой для каждого района ремесленно-технической среде» (Кожин, 2004, с. 284–289; 2007а, с. 147–157, 188–190; 2015, с. 2). Алтае-Саяно-Хангайский регион в эту схему не попал, что связано с тем, что на восток колёсный транспорт проникает с запада, из третьего «ареала стабилизации», вместе с носителями афанасьевской культуры (Кожин, 1970, с. 193). Дальнейшая модернизация колесного транспорта в регионе, лучше всего прослеженная на петроглифических материалах соседней Минусинской котловины, связывается уже с окуневской, андроновской и карасукской археологическими культурами, при этом отмечается влияние социумов Средней Азии, Казахстана и южнорусских степей (Леонтьев, 1980, с. 65–69).

Пожалуй, самое важное положение всех работ П.М. Кожина — это отказ от сопряженности этапов развития и распространения колесного транспорта с активностью того или иного этноса или с определенным хозяйственно-культурным типом (Кожин, 2007а, с. 140; 2015, с. 2). «Боевая колесница слишком радикальный военный агрегат, чтобы долго оставаться культурным достоянием только одной историко-лингвистической среды» (Кожин, 2004, с. 284).

Во второй половине XX в. значительное число сторонников приобрела гипотеза степной прародины индоевропейцев и самого «колесничного комплекса». Среди исследователей, разрабатывавших данную гипотезу, на первом месте стоит Е.Е. Кузьмина (Кузь-

мина, 1994; 2004; 2008). Ее выводы основаны на сопоставлении данных археологии – находок реальных колесниц, запряженных лошадьми в погребениях (Кузьмина, 1994, с. 163, 171), мифопоэтической и религиозной традиции – Ригведа, описание ведийских ритуалов (Кузьмина, 2004, с. 129–137; 2008, с. 171) и заключений палеозоологов о доместикации лошади на территории степей Восточной Европы (от Днепра до Урала) (Кузьмина, 2008, с. 172–174). Важными были несколько факторов – конная запряжка, легкая колесница с колесами со спицами, наличие псалиев в конструкции оголовья упряжи и использование колесниц для ведения боевых действий, совпадение которых имело место только в восточноевропейских степях (Кузьмина, 1994, с. 163, 171; 2008, с. 174).

Петроглифы Казахстана и Средней Азии, запечатлевшие «колесничный комплекс», Кузьмина соотносила с андроновским пластом. К тому же периоду она относила изображения колесниц в петроглифах «центральноазиатской провинции» (Тува, Алтай, Монголия) (Кузьмина, 1994, с. 166–168). Однако основанием для подобной культурной интерпретации петроглифов служили лишь косвенные доводы, например, замечание о том, что «колесничная тактика боя была распространена в Старом Свете в XVII–XII в. до н. э.» (Кузьмина, 1994, с. 163, 171; 2008, с. 174).

Против прямолинейной трактовки легких конных колесниц как изобретения андроновцев-индоариев выступил М.В. Горелик, указав на предшествующий этап развития колесного транспорта на Переднем Востоке (Горелик, 1985, с. 183–194, 200). Критика восточноевропейской прародины одноосных легких колесниц прозвучала и в работах зарубежных исследователей (Littauer, Crouwel, 1979, p. 37, 68–71). Спорный характер четкой привязки колесниц и их изображений к андроновской культуре (и шире – к индоариям или индоиранцам) отмечал Я.А. Шер (Шер, 1980, с. 210).

Компромиссный подход к проблеме представлен концепцией трех индоевропейских прародин, появившихся вследствие «перемещений групп “протоиндоевропейцев”», и связанных между собой трассами «коммуникаций» и знакомством с «колесничным комплексом»: Анатолия и Северная Месопотамия, Центральная Европа и степные райо-

ны Предкавказья (Таинство этнической истории..., 2014, с. 112–114).

В последние годы нижняя дата «колесничных культур» восточноевропейской степи опустилась до последней четверти III – рубежа III–II тыс. до н. э. (Чечушков, 2011, с. 64). Авторы, занимающиеся исследованием происхождения и распространения «колесничного комплекса», достаточно осторожно пишут о том, что «изобретение» конной колесницы произошло в период между XXIII и XX вв. до н.э. в восточно-европейской степи и связано с населением, пришедшим на территорию Южного Урала с Запада», а «сам процесс “изобретения” был достаточно длительным и сложным» (Чечушков, 2011, с. 64).

В настоящее время актуальность сопоставления места изобретения колесниц и конкретной этнолингвистической группы древнего населения Евразии значительно снизилась. На первое место вышли вопросы технологии производства, способы использования колесниц и социальные роли колесничих в конкретных археологических культурах, этническое наполнение которых чаще всего не определяется авторами исследований однозначно. Исключением, пожалуй, служит лишь труд Л.С. Клейна, в котором он анализирует состояние актуальной картины этногенеза индоевропейцев в целом (Клейн, 2010).

1.2. Особенности изучения и интерпретации петроглифических изображений:

«Наскальные рисунки всегда предоставляют в распоряжение ученых важные данные, часто отсутствующие в материалах, полученных из раскопок. Это, прежде всего, идеологические моменты, скажем, эпические сюжеты, следы древних культов и верований, космологические представления. Очень много почерпнет вдумчивый исследователь, рассматривая реалии, изображенные на рисунках: одежду, оружие, конскую сбрую и т.д.» (Жуков, Ранов, 1974, с. 62). Эта цитата предельно точно описывает значение петроглифических изображений для изучения прошлого бесписьменных народов и культур. В географических рамках настоящего обзора это особенно важно, так как петроглифы, фиксирующие элементы «колесничного комплекса» — единственное свидетельство знакомства древнего населения Алтае-Саяно-Хангая с таким средством передвижения и ведения боевых действий, либо занятия охотой, как колесница, и с навыками

управления ею (Кожин, 2007б, с. 251–252). Мы не учитываем расположенный на периферии востока степной ойкумены массив реальных колесниц из погребений эпохи бронзы в Китае, как принадлежащий иной этнокультурной традиции, хотя и разделяем концепцию их западного происхождения и связь их с евразийским колесничным феноменом (Кожин, 1969, с. 29; 2015а, с. 2; 2015б, с. 26; Кучера, 2013, с. 544–545; Новоженев, 2011, с. 250–251).

Исследовательские подходы к трактовке петроглифических изображений «колесничного комплекса» размещаются в диапазоне от «практического реализма» – это изображения реальных транспортных и боевых средств и реальной экипировки колесничих (Есин, 2012 (для более ранней традиции передачи повозок); Кожин, 1982, с. 102; 2007б, с. 257; Кубарев и др., 2005, с. 24–25; Кузьмина, 1994, с. 166–168; Леонтьев, 1980, с. 80–81; Новгородова, 1989, с. 142; Новоженев 1994; 2012; Окладникова, 1990, с. 123–124; Слободзян, 2002а, б; Черемисин, 2005; 2006; 2007; Худяков, 2002, с. 139) до «мифологического идеализма» – это изображения «чудесных» колесниц, связанных с идеей передачи нереальных мифологических существ и мифологических персонажей (Балонов, 1998, с. 50–53; Дэвлет, 1982, с. 28; Килуновская, 2011, с. 44; Кубарев и др., 2005, с. 31; частично, Леонтьев, 1980, с. 80–81; отчасти, Савинов, 2011, с. 13; Сергеева, 1998; отчасти, Слободзян, 2002а, б; Черемисин, 2007, с. 264; Шер, 1980, с. 281–284; Якобсен, 2009). Между этими крайними трактовками находится компромиссная точка зрения – в основе изображений лежат реальные транспортные средства, а сами изображения, обладая символическим содержанием, могут играть и практическую роль — индикаторов кочевых миграционных маршрутов, мест стоянок и так далее (отчасти Ковалева, 2011, с. 49–51; Кожин, 1968, с. 42; 2007б, с. 255–257; Кубарев и др., 2005, с. 87–89; Новоженев, 1994, с. 219; 2012; Таинство этнической истории..., 2014 и др.). При этом, как можно заметить, одни и те же авторы в разные моменты времени или в разных своих работах, а иногда и в одном тексте, могут высказывать и противоположные точки зрения или сочетать их.

В свое время П.М. Кожин предложил дробную и оттого исчерпывающую классифика-

цию методов работы с центральноазиатскими петроглифами. Описанных им подходов семь: этнокультурный, сюжетный, стилевой, стратиграфический и палимпсестный, историко-технический, сравнительно-исторический, регионально-топографический (Кожин, 1982, с. 100–102). Недавно классификацию Кожина преобразовал на основе анализа более обширного петроглифического материала Д.Г. Савинов. Он выделил также семь методов исследования: изучение контекста, датирование (в т.ч. естественнонаучными методами), хроностратиграфия (или горизонтальная стратиграфия), сопоставление петроглифов и овеществленных художественных образов (предметов мелкой пластики), установление стиля и хронологии (поиск инварианта), исследование семантики и, наконец, метод выделения изобразительных пластов (Савинов, 2009, с. 151–159). Частично его классификация пересекается с предложенной Кожиным, но более обобщенно характеризует основные методические подходы.

На наш взгляд, можно предложить еще более формализованную классификацию: методы работы с изображениями «колесничного комплекса» разделяются на три основные группы, ведущими представителями которых созданы наиболее яркие и обобщающие концепции.

К *первой* группе относятся исследователи, работавшие с определенным регионом (памятником) и выделявшие инварианты изображений, а результаты этих исследований экстраполировались ими или их последователями на другие территории и памятники (Кубарев и др., 2005; Леонтьев, 1980, с. 70–73; Новгородова, 1984; Ковалева, 2011; Окладникова, 1990; Шер, 1980, с. 201–205). Ярчайшим представителем этой группы и, одновременно, основоположником отечественного «колесничного петроглифведения», безусловно, является Я.А. Шер. При этом, итоги работ такого типа можно отнести к разряду *хронологических локализаций*.

Ко *второй* группе можно отнести авторов, поставивших перед собой цель изучить все известные по разным регионам изображения вкуче и представить их многообразие в рамках единой информационной системы. В конкретном случае в рамках концепции «коммуникации», свидетельствующей, в первую очередь, о *географических локализациях* (Новоженев, 1994, с. 219; 2011, с. 251; 2012; отчасти

Кожин, 2007, с. 271–272; Тайнство этнической истории..., 2014). Здесь несомненным лидером и новатором – создание концепции, объясняющей, что стоит за распространением колесничных сюжетов, является В.А. Новожинов.

Наконец, к *третьей* группе следует отнести ученых, обосновавших принцип выделения изобразительных пластов, в рамках которых изображения «колесничного комплекса» в петроглифах могут быть соотнесены с определенной стилистической традицией, отразившейся в чем-то еще, например, в мелкой пластике, что позволяет говорить о *культурных локализациях* (имея в виду, прежде всего, археологические культуры и художественные традиции, связанные с ними) (отчасти, Ковтун, 2001; отчасти, Новгородова, 1984; Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 146–153; Савинов, 2007, с. 100; 2009, с. 153, 156, 158; 2011, с. 7–13). В этой группе ведущими представителями оказываются Б.Н. Пяткин, в соавторстве с Е.А. Миклашевич, И.В. Ковтун, Д.Г. Савинов. При этом последний специально отмечает, что принцип выделения изобразительных пластов является «открытием отечественных исследователей» (Савинов, 2009, с. 156).

2. Конкретные аспекты проблемы

Ареал петроглифических изображений «колесничного комплекса», затрагиваемых в настоящем обзоре, охватывает единую, с точки зрения географической и хозяйственно-культурной классификации, область – Алтае-Саянско-Хангайское нагорье. Описываемая территория занимает «пограничную географическую зону между глухой горной тайгой и горными степями и полупустынями... со свойственной им флорой и фауной». Эта территория хорошо подходит населению, практикующему скотоводческое хозяйство, совмещенное с «охотой на мясного и пушного зверя», а тип скотоводства, характерный для этой зоны, правда, для эпохи средневековья, определяется как «пастбищное табунное скотоводство с циклическими сезонными перекочевками в течение года» (Потапов, 1969, с. 79–82).

Таким образом, географическая среда и реконструируемый на основе более поздних этнографических данных вероятный тип хозяйства местного населения не противоречат практике использования колесных средств передвижения и гужевой транспортировки

грузов в этой зоне. Под вопросом остается возможность использования, особенно на Саяно-Алтайском нагорье, колесниц в военных целях. Отсутствие реальных колесниц или их следов в погребениях ставит под сомнение и гипотезу их использования в церемониальной практике, вплоть до начала эпохи раннего железного века. На этот факт уже обращали внимание в литературе (Кожин, 1987, с. 110 и др.).

2.1. Взаимосвязь петроглифической традиции изображения «колесничного комплекса» и гипотез распространения реального «колесничного комплекса», соотносящегося с конкретными археологическими культурами и их ареалами

В регионе Алтае-Саяно-Хангая и на прилегающих территориях изображения колесных повозок распространяются не позднее проникновения сюда носителей окуневской культуры и целой свиты культур (сейминско-турбинской, кротовской, самусьской) «доандроновской бронзы» по определению В.В. Боброва, поддержанному Д.Г. Савиновым (Савинов, 2011, с. 8).

Сужает диапазон трактовки культурной принадлежности и хронологии изображений поправка на тип транспортного средства – колесницу. Нижний хронологический предел распространения легкой колесницы с конской запряжкой обосновывается появлением реальных колесниц на территории Евразии в конце III – начале II тыс. до н.э. (Чечушков, 2011, с. 64), а верхний – началом эпохи «ранних кочевников» в терминологии М.П. Грязнова и его последователей – на рубеже IX–VIII вв. до н. э., когда изображения колесниц в петроглифах практически исчезают (Шер, 1980, с. 235).

Для рассматриваемого региона и прилегающих территорий основными археологическими культурами, культурно-историческими общностями или транскультурными феноменами эпохи бронзы, попадающими в указанные хронологические рамки, с одной стороны, и соотносимыми с «колесничным комплексом», с другой, оказываются сейминско-турбинская, андроновская и карасукская (Дэвлет, 1998, с. 181, 183; Ковалева, 2011, с. 8; Кожин, 2007, с. 223–224; Кубарев и др., 2005, с. 24–25, 90; Кузьмина, 1994, с. 166–168; Леонтьев, 1980, с. 71–73; Новгородова, 1984, с. 59; Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 151; Савинов,

2007, с. 102; 2011, с. 8; Худяков, 2002, с. 139, 141 и др.).

Более ранними по времени возникновения являются гипотезы, отстаивающие андроновскую и карасукскую принадлежность изображений. Объясняется это, в какой-то мере, применением исследователями формальной логики: встречены колесницы в погребениях андроновцев-индоариев, следовательно, и большинство петроглифов колесничной тематики выбито именно андроновцами, несмотря на то, что верифицируемое андроновское искусство в подавляющем числе случаев аниконично; есть в петроглифах, фиксирующих «колесничный комплекс», изображения «карасукского» оружия, значит – это изображения карасукских колесниц (хотя ни самих колесниц, ни подавляющего большинства типов «карасукского» оружия в погребениях карасукской культуры не встречено). Синхронно с этими ранними определениями появилась и их критика, справедливо указывавшая на искусственную прямолинейность подобных соотношений и их слабую верифицируемость (например, Шер, 1980, с. 210, 234).

В последние десятилетия, благодаря развитию наблюдений Б.Н. Пяткина и Е.А. Миклашевич, работам Д.Г. Савинова, И.В. Ковтуна и, отчасти, В.А. Новоженова, были выдвинуты гипотезы сейминско-турбинской принадлежности, как минимум, части «колесничных сюжетов» в петроглифах Алтае-Саяно-Хангая, а в особенности, Монгольского Алтая и Восточного Казахстана (Кожин, 2007а, с. 223–224; Савинов, 2011; Таинство этнической истории..., 2014, с. 121 и др.).

Особняком стоит точка зрения М.Е. Килуновской, предполагающей достаточно позднюю дату большинства изображений колесниц в петроглифах Тувы – конец эпохи бронзы – начало «раннескифского времени», в т.ч., в связи с находкой плиты с изображением колесницы в контексте наземной конструкции кургана Аржан-2 (Килуновская, 2011, с. 47).

Отдельное место в виртуальном «колесничном комплексе» Алтае-Саяно-Хангая занимают оленные камни, изображения на которых фиксируют такую деталь костюма воина-колесничего как «поясные пряжки-крюки». Особенно это характерно для оленных камней с территории Монголии, на одном из которых изображена и сама колесница (Волков,

2002, с. 17, 21–22). Эту изобразительную традицию В.В. Волков соотносит с концом эпохи бронзы (карасукской культурой) – началом раннего железного века (Волков, 2002, с. 22–24).

Общие выводы

Если присмотреться к предложенной выше трехчастной формальной классификации исследовательских подходов, то окажется, что ее части представляют своего рода эволюционные ступени. При этом, схема эволюции напоминает развитие идеи типа, культуры и общности культур в истории археологии.

Я.А. Шер (Шер, 1980), обращая внимание на отдельные черты изображений (расположение животных, их виды, количество колес, количество спиц в колесах, форма площадок колесниц, позы колесничих) успешно вычленил инварианты изображений, придавая им, в первую очередь, хронологическое значение. Этот подход вполне сопоставим с типологическим подходом О. Монтелиуса — одного из отцов-основателей мировой археологии.

П.М. Кожин (Кожин, 2004; 2007), а вслед за ним и В.А. Новоженов (Новоженов, 2011; 2012; 2014), на основании реальных и идеальных типов (типов колесниц, запряжек, возничих) определяли «ареалы стабилизаций», локализаций, пути контактов, их хронологические и пространственные границы, т.е., продолжая параллели в теории и практике археологии, – формировали археологические культуры – основу современной археологической картины мира.

Наконец, Б.Н. Пяткин и Е.А. Миклашевич (Пяткин, Миклашевич, 1990), Д.Г. Савинов (Савинов, 2007; 2009), И.В. Ковтун (Ковтун, 2001) в своих стилистических исследованиях (на основании сочетания «данных археологии (условия нахождения, контекст, реалии), искусствознания (стилистический анализ) и на решении вопросов семантики (парадигма мифологии)» (Савинов, 2009)), выделяли изобразительные пласты, отражающие культурное содержание эпохи, выражением чего являются те или иные сюжеты, композиции, стиль. Это, в свою очередь, может быть правомерно сопоставлено с выделением общности культур или, иначе, – культурно-исторической общности.

Резюмируя все вышесказанное, можно сформулировать несколько выводов, имеющих прогностический характер.

1) К настоящему времени можно считать практически исчерпанным потенциал вычленения новых «типов» – инвариантов изображений «колесничных комплексов» в петроглифах. С открытием новых местонахождений петроглифов, конечно, можно предполагать расширение ассортимента «типов», но, скорее, в области предсказуемого отклонения от известного.

2) Перспективы определения новых границ локализаций, стабилизаций или коммуникационных путей после рационалистских работ П.М. Кожина и обобщающих (с массой

подсчетов, сравнений и классификаций), хотя и не всегда системных работ В.А. Новоженова, также представляются практически исчерпанными.

3) Единственное направление, которое имеет более или менее ясные перспективы, и развитие которого может принести принципиально новые результаты, – это выделение и верифицируемое обоснование состава и хронологии изобразительных пластов, затрагивающих «колесничные сюжеты» в петроглифах Алтае-Саяно-Хангайского нагорья и сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Балонов Ф.Р. Колесницы и колесничие в петроглифах Евразии: семантика с точки зрения экстраверта // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 2 / Ред. Я.А. Шер. Кемерово: НИКАЛС, 2000. С. 50–55.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 2002. 248 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ языка и протокультуры. В 2 ч. Ч. 2. Тбилиси: Тбилисский ун-т, 1984. С. 439–1328.

Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тыс. до н. э. // Древняя Анатолия / Ред. Б.Б. Пиотровский, В.В. Иванов, В.Г. Ардзинба. М.: Наука, 1985. С. 183–202.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 127 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.

Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2012. № 1 (3). С. 14–47.

Жуков В., Ранов В. Древние колесницы на Памире // Памир. 1974. № 11. С. 62–68.

Килуновская М.Е. Колесницы эпохи бронзы в наскальном искусстве Тувы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной научной конференции. (Кемерово, 22–26 августа 2011 г.) Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 44–53.

Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.

Ковалёва О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 160 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.

Кожин П.М. Гобийская квадрига // СА. 1968. № 3. С. 35–42.

Кожин П.М. К вопросу о происхождении иньских колесниц // Культура народов зарубежной Азии и Океании / Сборник МАЭ. Вып. XXV. / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л.: Наука, 1969. С. 29–40.

Кожин П.М. О псалях из афанасьевских могил // СА. 1970. № 4. С. 189–193.

Кожин П.М. К проблеме хронологии азиатских петроглифов // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов к региональной конференции 7–9 апреля 1982 г. / Отв. ред. И.Л. Лежненко, Г.И. Медведев. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1982. С. 100–102.

Кожин П.М. Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 109–126.

Кожин П.М. Колёсный транспорт впервые преодолевает пустыни // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / Отв. ред. М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2004. С. 282–289.

Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колёсный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007а. 428 с.

Кожин П.М. Место синьцзянских наскальных изображений колесниц в общей системе развития и распространения колёсного транспорта // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007б. С. 251–260.

Кожин П.М. Древний колёсный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). С. 2–18.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск, Улан-Удэ, Юджин: ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев, М.: Восточная литература, 1994. 463 с.

Кузьмина Е.Е. Современное состояние проблемы доместики лошади и происхождения колесниц // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / Ред. М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2004. С. 129–141.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шёлкового пути: диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2010. 240 с.

Кучера С.Р. Повозка в жизни древних китайцев // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Вып. 11 / Отв. ред. А.Р. Вяткин. М.: ИВ РАН, 2013. С. 495–562.

Леонтьев Н.В. Колёсный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. С. 65–84.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.

Новоженов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (К проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, Аргументы и факты. 1994. 268 с.

Новоженов В.А. Азиатские колесницы (к проблеме выделения азиатского колесничего комплекса) // Материалы Междун. науч. конф. «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. I / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии, 2011. С. 247–256.

Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.

Окладникова Е.А. Тропойю Когульдея. Л.: Лениздат, 1990. 190 с.

Потанов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.

Происхождение и распространение колесничества / сост. А.И. Василенко. Луганск: Глобус, 2008. 320 с.

Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Наука, 1990. С. 146–153.

Савинов Д.Г. Сейминская изобразительная традиция в петроглифах Южной Сибири и Казахстана // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной) / Отв. ред. М.П. Вохменцев. Курган: КГУ, 2007. С. 98–103.

Савинов Д.Г. Некоторые аспекты теоретического изучения петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 150–161.

Савинов Д.Г. О знаковом изображении колесниц эпохи доандроновской бронзы // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2011. С. 7–14.

Сергеева М.С. О плановом стиле изображения колесниц // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 2. / Ред. Я.А. Шер. Кемерово: НИКАЛС, 2000. С. 33–38.

Слободзян М.Б. Изображения колесниц в петроглифах Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 116–119.

Слободзян М.Б. Наскальные изображения колесниц как археологический источник // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб: ГЭ, 2002. С. 227–229.

Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. 454 с.

Худяков Ю.С. Боевые колесницы в Южной Сибири и Центральной Азии // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 139–141.

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Иностранная литература, 1956. 384 с.

Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. Делёкое прошлое человечества. М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. 383 с.

Черемисин Д.В. К дискуссионным вопросам изучения наскальных изображений колесниц // Мир наскального искусства / Ред. Е. Дэвлет. М.: ИА РАН, 2005. С. 267–270.

Черемисин Д.В. К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 89–100.

Черемисин Д.В. Проблемы изучения наскальных изображений колесниц (на материалах петроглифов Алтая) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности / Отв. ред. В.Е. Ларищев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 261–274.

Чечушков И.В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 57–65.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Якобсон Э. К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). С. 32–47.

Piggott S. The Earliest Wheeled Transport. London: Thames and Hudson, 1983. 272 p.

Информация об авторе:

Дерябина Светлана Владимировна, главный специалист департамента археологии ООО «НИПИИ ЭТ «ЭНЕРГОТРАНСПРОЕКТ» (г. Москва, Россия); lana.deryabina@gmail.com

REFERENCES

Balonov, F. R. 2000. In Sher, Ya. A. (ed.). *Mezhdunarodnaya konferentsiya po pervobytnomu iskusstvu (International conference on prehistoric art)*. Kemerovo: “NIKALS” Publ., 50–55 (in Russian).

Volkov, V. V. 2002. *Olennye kamni Mongolii (Deer stones in Mongolia)*. Moscow: “Nauchnyi mir” Publ. (in Russian).

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. 1984. *Indoevropskii yazik i indoevropci. Rekonstrukciya i istoriko-tipologicheskii analiz yazika i protokulturi (Indo-European language and the Indo-Europeans. A reconstruction and historical and typological analysis of proto-language and proto-culture)*. Part 2. Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi University, 439–1328 (in Russian).

Gorelik, M. V. 1985. In Piotrovsky, B.B., Ivanov, V.V., Ardzinby, V.G. (eds.). *Drevnyaya Anatoliya (Ancient Anatolia)*. Moscow: “Nauka Publ.”, 183–202 (in Russian).

Devlet, M.A. 1982. *Petroglify na kochevoy trope (Petroglyphs on the nomadic trail)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Devlet, M. A. 1998. *Petroglify na dne Sayanskogo morya (gora Aldy-Mozaga) (Petroglyphs at the bottom of the Sayan Sea (Mount Aldy-Mozaga))*. Moscow: “Pamyatniki istoricheskoi mysli” Publ. (in Russian).

Esin, Yu. N. 2012. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai (Scientific Review of Sayano-Altai)* 3 (1), 14–47 (in Russian).

Zhukov, V. A., Ranov, V. A. 1974. In *Pamir (The Pamirs)* (11), 62–68 (in Russian).

Kilunovskaya, M. E. 2011. In *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiia Tomskoi pisanitsy. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kemerovo, 22–26 avgusta 2011) (Proceedings of International Research Conference “Rock Art in Modern Society. On 290th anniversary*

sary of the discovery of Tomskaya Pisanitsa". Kemerovo, 22–26.08.2011). Vol. 2. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 44–53 (in Russian).

Klein, L. S. 2010. *Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariev (Time of the Centaurs. Steppe ancestral homeland of the Greeks and Aryans)*. Saint Petersburg: "Eurazia" Publ. (in Russian).

Kovaleva, O. S. 2011. *Naskal'nye risunki epokhi pozdney bronzy Minusinskoj kotloviny (Rock paintings of the Late Bronze Age in the Minusinsk Hollow)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kovtun, I. V. 2001. *Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noy i Severo-Zapadnoy Azii (problemy genezisa i khronologii ikonograficheskikh kompleksov severo-zapadnogo Sayano-Altaya) (Iconographic traditions of the Bronze Age in the Central and North-West Asia (issues of genesis and chronology of iconographic complexes of the North-Western Sayan-Altai))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kozhin, P. M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 35–42 (in Russian).

Kozhin, P. M. 1969. In Its, R. F. (ed.). *Kul'tura narodov zarubezhnoy Azii i Okeanii (Culture of the abroad Asia and Oceania peoples)*. Series: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii RAN (Bulletin of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences) 25. Leningrad: "Nauka" Publ., 29–40 (in Russian).

Kozhin, P. M. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 189–193 (in Russian).

Kozhin, P. M. 1982. In Lezhnenko, I. L., Medvedev, G. I. (eds.). *Problemi arheologii i etnografii Sibiri. Tezisi dokladov k regionalnoi konferencii 7–9 aprelya 1982 g. (Issues of archaeology and ethnography of Siberia. Abstracts of papers for the regional conference, April 7-9, 1982)*. Irkutsk: Irkutsk State University, 100–102 (in Russian).

Kozhin, P. M. 1987. In Derevyanko, A. P., Natsagdorzh, Sh. (eds.). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 109–126 (in Russian).

Kozhin, P. M. 2004. In Kosarev, M. F., Kozhin, P. M., Dubova, N. A. (eds.). *U istokov tsivilizatsii. Sbornik statey k 75-letiyu Viktora Ivanovicha Sarianidi (At the origin of civilization. Collected articles for the 75th anniversary of Viktor Ivanovich Sarianidi)*. Moscow: "Staryi sad" Publ., 282–289 (in Russian).

Kozhin, P. M. 2007a. *Etnokul'turnye kontakty naseleniya Evrazii v eneolite – rannem zheleznom veke (paleokul'turologiya i kolesnyy transport) (Eurasian population's ethnic-cultural contacts in the Eneolithic – Early Iron Age (paleo-culturology and wheeled vehicles))*. Vladivostok: "Dalnauka" Publ. (in Russian).

Kozhin, P. M. 2007. In Larichev, V. E. (ed.). *Altai-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti (Altai-Sayan mountain country and neighboring territories in ancient times)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 251–260 (in Russian).

Kozhin, P. M. 2015. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaya (Scientific Review of Sayano-Altai)* 9 (1), 52–65 (in Russian).

Kubarev, V. D., Tseveendorzh, D., Yakobson, E. 2005. *Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol'skiy Altay) (Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur (Mongolian Altai))*. Novosibirsk, Ulan-Ude, Eugene: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii. Material'naya kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhenie indoirantsev (Origins of the Indo-Aryan Peoples. Material Culture of Andronovo Communion Tribes and Origin of the Indo-Iranians)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Kuzmina, E.E. 2004. In Kosarev, M. F., Kozhin, P. M., Dubova, N. A. (eds.). *U istokov tsivilizatsii. Sbornik statey k 75-letiyu Viktora Ivanovicha Sarianidi (At the origin of civilization. Collected articles for the 75th anniversary of Viktor Ivanovich Sarianidi)*. Moscow: "Starii sad" Publ., 129–141 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 2008. *Arii – put na yug (The Aryan – the way to the south)*. Moscow: "Letniy sad" Publ. (in Russian).

Kuzmina, E.E. 2010. *Predistoriya Velikogo shelkovogo puti: Dialog kultur Evropa – Aziya (The prehistory of the Great Silk Road: the dialogue of cultures Europe – Asia)*. Moscow: "KomKniga" Publ. (in Russian).

Kuchera, S. R. 2013. In Vyatkin, A.R. (ed.). *Sinologi mira k yubileyu Stanislava Kucheri. Sbornik trudov (Sinologists of the world for the anniversary of Stanislav Kuchera)* 11. Moscow: Studies of the Russian Academy of Sciences, 495–562 (in Russian).

Leontiev, N. V. 1980. In Sunchugashev, Ya. I. (ed.). *Voprosy arkheologii Khakasii (Issues of Khakassia archaeology)*. Abakan: Publishing House of Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 65–84 (in Russian).

Novgorodova, E. A. 1984. *Mir petroglifov Mongolii (The World of Petroglyphs of Mongolia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Novgorodova, E. A. 1989. *Drevnyaya Mongoliya (Ancient Mongolia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Novozhenov V. A. 1994. *Naskal'nye izobrazheniya povozok Srednej i Central'noj Azii (K probleme migracii naseleniya stepnoj Evrazii v epokhu eneolita i bronzy)*. (Rock Carvings of Central and Central Asia (the Issue of Migration of the Population of Steppe Eurasia in the Eneolithic and Bronze Periods)). Almaty: Arguments and facts (in Russian).

Novozhenov, V. A. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektiv", posviashch. 20-letiiu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (Proceedings of International Research Conference "Kazakhstan Archaeology in the Period of Independence: Results and Perspectives" dedicated to the 20th anniversary of independence of the Kazakhstan Republic and the 20th anniversary of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan)* III. Almaty: Institute of Archaeology, 247–256 (in Russian).

Novozhenov, V. A. 2012. *Chudo kommunikatsii i drevneishii kolesnyi transport Evrazii (The Miracle of Communication and the oldest Wheeled Transport of Eurasia)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Okladnikova, E.A. 1990. *Tropoyu Kogul'deya (By Koguldey's trail)*. Leningrad: "Lenizdat" Publ. (in Russian).

Potapov, L. P. 1969. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev (Essays on the national life of the Tuvinians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasilenko, A. I. (comp.). 2008. *Proishozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva. (Origin and spreading of chariots)*. Lugansk: "Globus" Publ. (in Russian).

Pyatkin, B. N., Miklashevich, E. A. 1990. In Devlet, M. A. (ed.). *Problemy izucheniya naskal'nykh izobrazheniy v SSSR (Issues of studying rock carvings in the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ., 146–153 (in Russian).

Savinov, D. G. 2007. In Vokhmenetsev, M. P. (ed.). *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaia Sibir' (k 70-letiiu T.M. Potemkinoi (Issues of Archaeology: the Urals and Western Siberia (Dedicated to the 70th Anniversary of T.M. Potemkina))*. Kurgan: Kurgan State University, 98–103 (in Russian).

Savinov, D. G. 2009. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 38 (2), 150–161 (in Russian).

Savinov, D. G. 2011. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 6. Barnaul: Altai State University, 7–14 (in Russian).

Sergeeva, M.S. 2000. In Sher, Ya. A. (ed.). *Mezhdunarodnaya konferentsiya po pervobytnomu iskusstvu (International conference on prehistoric art)*. Vol. 2. Kemerovo: "NIKALS" Publ., 33–38 (in Russian).

Slobodzyan, M. B. 2002. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura (Northern Eurasia in the Bronze Age: space, time, culture)*. Barnaul: Altai State University, 116–119 (in Russian).

Slobodzyan, M. B. 2002. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)*. Book I. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 227–229 (in Russian).

In Epimakhov, A. V. (ed.-in-chief). 2014. *Tainstvo etnicheskoi istorii drevneishikh nomadov stepnoi Evrazii (The Mystery of the Ethnic History of the Ancient Nomads of Steppe Eurasia)*. Almaty: "Ostrov Krym" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2002. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura (Northern Eurasia in the Bronze Age: space, time, culture)*. Barnaul: Altai State University, 139–141 (in Russian).

Childe, G. 1956. *Drevneyshiy Vostok v svete novykh raskopok (The Oldest East in the light of new excavations)*. Moscow: "Inostrannaia literatura" Publ. (in Russian)

Childe, G. 2012. *Rastsvet i padenie drevnikh tsivilizatsiy. Dalekoe proshloe chelovechestva (The heyday and collapse of ancient civilizations. distant past of mankind)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian)

Cheremisin, D. V. 2005. In Devlet, E. (ed.). *Mir naskal'nogo iskusstva (Rock art world)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 267–270 (in Russian).

Cheremisin, D. V. 2006 In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (3), 89–100 (in Russian).

Cheremisin, D. V. 2007. In Larichev, V. E. (ed.). *Altai-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti (Altai-Sayan mountain country and neighboring territories in ancient times)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 261–274 (in Russian).

Chechushkov, I. V. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 15 (2), 57–65 (in Russian).

Sher, Ya. A. 1980. *Petroglify Sredney i Tsentral'noi Azii (Petroglyphs of the Middle and Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Jacobson, E. 2002 In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 11 (3), 32–47 (in Russian).

Piggott, S. 1983. *The Earliest Wheeled Transport*. London: Thames and Hudson.

About the Author:

Deriabina Svetlana V. LLC "Research and Design and Survey Institute of Energy and Transport "Energotransproekt". Savvinskaya emb., 15, Moscow, 119435, Russian Federation; lana.deryabina@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902(575.141

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.57.62>**БРОНЗОВЫЕ УКРАШЕНИЯ У ПОСЕЛЕНИЯ МУМИНАБАД**

© 2023 г. Д.М. Джуракулова

Территория Узбекистана, находящаяся на перекрестке путей и связывающая юг с севером и восток с западом, является одним из немногих ойкуменов, где с древнейших времен непрерывно развивались культуры, сыгравшие выдающуюся роль во всемирной истории. По своему природно-географическому положению современная территория Самарканда и Самаркандской области расположена в центральной части центрально-азиатского региона, на территории Узбекистана. Такое природно-географическое положение очень сильно повлияло на смешение различных культур в регионе, на формирование уникального восточного духа и имиджа, богатой истории. Этот процесс имеет сложную и интересную историю. В результате проведенных исследований на территории Самаркандской области были обнаружены многочисленные археологические находки, материальные предметы, отражающие тот факт, что взаимодействие культур происходило еще в самые древние времена. Одним из ярких примеров являются археологические артефакты погребения эпохи бронзы, зафиксированного у современного села Муминабад, расположенного на территории Самаркандской области. Могильник расположен на левом берегу одно из саев предгорной полосы левобережного Зарафшана. В частности, статья дает возможность читателям познакомиться с украшениями, обнаруженными в результате археологических исследований поселения Муминабад.

Ключевые слова: археология, Самарканд, древняя культура Зерафшанского оазиса, Муминабадский могильник, бронзовый век, ювелирные украшения, Джамские бирюзовые шахты.

THE BRONZE JEWELRY FROM MUMINABAD SETTLEMENT**D.M. Djurakulova**

The territory of Uzbekistan, located at the crossroads and connecting south with north and east with west, is one of the few oecumenes where, from ancient times, cultures have continuously developed, playing a prominent role in the development of the world history. According to its natural and geographical location, Samarkand region is located not only in Uzbekistan, but also in the central part of Central Asia. This natural geographical location also influenced the formation of a mixture of different cultures, a unique oriental spirit and image, and a rich history of the region. This process has a complex and interesting history. As a result of the research, many archaeological findings and material objects were obtained from the territory of Samarkand region, which reflect the fact that the interaction of cultures took place in the earliest times. One of the striking examples is the archaeological artifacts of the Bronze Age burial, recorded near the modern village of Muminabad, located in the territory of the Samarkand region. The burial ground is located on the left bank of one of the saes of the foothill strip of the left-bank Zarafshan. In particular, the article gives readers an opportunity to get acquainted with the ornaments discovered as a result of archaeological research of the settlement of Muminabad.

Keywords: archaeology, Samarkand, the ancient culture of the Zarafshan oasis, Muminabad, Bronze Age tombs, Jewelry, Djam turquoise mines.

Известно, что территория Самарканда была освоена человеком ещё в период среднего палеолита (Аманкутан, Зирабулак). Начиная с этого периода были обнаружены археологические памятники, касающиеся всех этапов человеческой истории, и на основе данных источников материальной культуры была изучена история первобытной эпохи жителей оазиса в эволюционной последовательности (Сайфуллаев, Эргашев, 2016, с. 32–33).

Именно из этих исследований стало известно, что разнообразием и интенсивным развитием своих этапов в исторической последовательности древняя культура Зерафшанского оазиса оставила большое культурное наследие в истории человечества.

Появление украшений свидетельствует не только о материальном росте, но и о культурном развитии человечества.

Известно, что в эпоху позднего палеолита в каменной индустрии произошли радикаль-

ные инновационные изменения. Эти инновации заключаются в новых типах каменных орудий, новых техниках и технологиях их изготовления. Наблюдаются также изменения в социальной жизни этого периода (Ergashev O.T., 2018, с. 40). Обновления в материальной культуре отражаются и на духовной сфере. В эпоху позднего палеолита формируется матриархат – родовой строй, во главе которого стояла женщина. В социальных отношениях начали проявляться признаки отделения. Использование в определённой археологической культуре других видов предметов помимо орудий труда и охоты свидетельствует о кардинальных изменениях в образе жизни представителей этой культуры. На исследованных в Узбекистане поселениях обнаруживаются предметы, подобные украшениям позднего палеолита. Артефакты этого вида встречаются на прекрасном памятнике позднего палеолита Самаркандской стоянке, что подтверждается находкой женского украшения – амулета. (Джуркауллова, 2009, с. 28).

В Центральной Азии, особенно в Узбекистане, с наступлением эпохи бронзы расширяется ремесло изготовления ювелирных предметов из драгоценных камней и металлов. В эпоху бронзы долина Зерафшана была широко освоена. Данный процесс особенно заметен в горных, степных и пустынных районах Зерафшанского бассейна. Расширяется и география освоения региона, где были обнаружены памятники скотоводческих степных племен (Тукайли, Жом, Галашерик, Муминабад, Чакка, Сойигус, Сияб и др). Это также находит свое подтверждение на материалах, найденных в погребениях и поселениях. Например, женские погребения Заманбаба обязательно содержат желтую или красную охру, сурьму, мел и мелкие лопаточки. В одном из женских погребений была найдена терракотовая богиня. В некоторых погребениях обнаружен сгоревший древесный уголь. В женских могилах, конечно же, находятся бусы из разноцветных драгоценных камней, каменные ступы, каменное веретено, потемневшие и принявшие форму угля зерна растений, медное зеркало, медный нож в форме полумесяца и кости животных. В результате археологических раскопок в верхней части Зерафшанской долины – в Дашти Кази, – археологи Т.М. Потёмкина и А. Исаков вскрыли и исследовали 27 погребений (Исаков, Потёмкина, 1989, с. 145–167).

Обнаружены погребения, в которых были по одному, по два или даже по три захоронения. Так, в одном погребении были найдены скелеты семи человек, похороненных одновременно. Возможно, могилы, где обнаружены по три и семь захоронений, связаны с несчастными случаями, связанными с завалами на шахтах. Важно отметить, что в погребении с семью захоронениями не встречается никаких вещественных доказательств, в то время как в остальных погребениях были найдены (штучно) предметы, принадлежащие степной культуре: обычная глиняная посуда, браслеты из бронзы, простые бусы, серьги и бусы из пасты (Исаков, Потёмкина, 1989, с. 145–167).

Одной из находок, подтверждающих вышеизложенное, считаются украшения из Муминабада. Они были обнаружены в 1965 году во время раскопок захоронений бронзового века у села Муминабад Ургутского района Самаркандской области. По словам представителей местного населения в могиле были найдены человеческие останки с левым предплечьем и согнутыми конечностями. У изголовья скелета обнаружены два керамических сосуда, большое количество бусин в грудной полости, бронзовая серьга в области уха, двойные браслеты и позолоченные кольца на запястье, бронзовое зеркало и кусочки тканей. Весной 1966 года археолог Д.Н. Лев проводил предварительные исследования в Муминабаде (Лев, 1966, с. 101–104). Осенью того же года (1966 г.) работы по изучению муминабадского могильника продолжаются под руководством А. Аскарлова, который вскрывает еще 4 могилы (Аскарлов, 1969, с. 56–62).

Захоронения лежали на боку с согнутыми конечностями и с направлением головы на запад. В каждой могиле, у головной стороны останков, найдены по 2–3 керамических сосуда, характерных для культуры степных племен. В одном погребении обнаружена бронзовая серьга в ушной части женского скелета, по площади погребения были разбросаны мелкие бусинки. В погребении также было зафиксировано семь бронзовых браслетов.

В одном из погребений была обнаружена каменная ступа. В другом погребении в ушной части останков была найдена золотая серьга с

В другом погребении в ушной части останков была найдена золотая серьга с

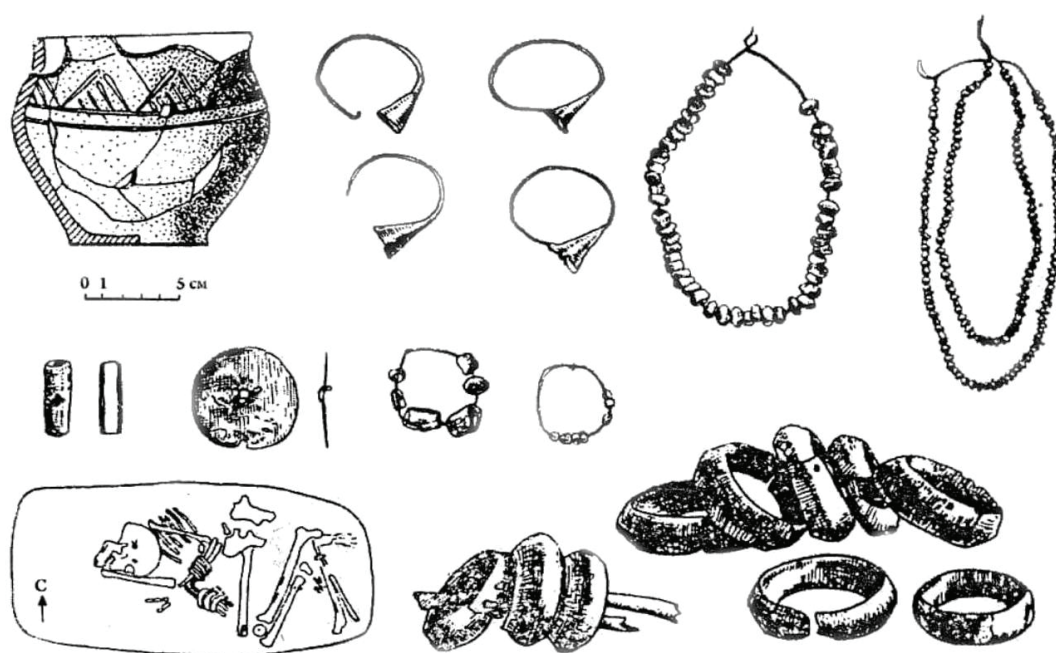

Рис. 1. Кладбище эпохи бронзы Муминабада.

Керамика, украшения, флейта и скелет человека (по: А. Аскарлов, 1969, с. 58)

Fig. 1. Muminabad cemetery of the Bronze Age .

Ceramics, jewelry, flute and human skeleton (according to A. Askarov, 1969, p. 58).

вьющейся формой. (рис. 2: 1) Точно такая же, другая золотая серьга со следами гниения и превращения в порошок (рис. 1) была зафиксирована в ноздре скелета. На обеих костях верхних конечностей (рук) погребенного были надеты по три бронзовых браслета (рис. 2: 2). Над костями нижних конечностей (ног) была обнаружена связка бронзовых бусин цилиндрической и биконической форм. Останки были покрыты литыми бронзовыми бусами. Большинство бусин были сделаны из пасты, а в их отверстиях хранились остатки гнилой нити (рис. 2: 3).

В левом нагрудном кармане захоронения был найден костяной музыкальный инструмент – флейта. В средней части трубки имеется отверстие в форме ромба. Отверстие вырезано с помощью остроконечного орудия. Два его конца обрезаны наискось и отполированы сверху до зеркальной гладкости. Вокруг пор трубки обнаружены следы прозрачного красного цвета. Эта флейта – первый музыкальный инструмент, найденный в памятнике бронзового века в Центральной Азии, и ее научное значение как первого музыкального инструмента неизмеримо.

В целом, преобладающее число вещественных находок могильника составляют

бронзовые браслеты (17 экз.). Концы браслетов выполнены в виде змеиной головы. Позолоченные серьги с вьющейся формой также найдены в гробницах скотоводческих племен степей южной Сибири и Казахстана. Серьги такой формы характерны для андроновской культуры (Киселев, 1951. с. 80). Среди находок встречаются также серьги вьющейся формы, бусы и мелкие бусины.

Череп, найденные на муминабадском кладбище (два из них изучала антрополог В.Я. Зезенкова), показывают генетическую близость людей неолита и энеолита Центральной Азии (Аскарлов, 1969, с. 65). Согласно заключению В.Я. Зезенковой, по своему типу изученные черепа напоминают андроновцев, но они долихоцефальные, то есть в форме продолговатого овала, отличаются от черепов андроновцев удлинённым строением лица и средним узким носом, а также миндалевидными веками. Именно этими аспектами муминабадцы напоминают культуру Заманбаба и Чуста.

Следует отметить, что факт захоронения людей средиземноморского антропологического типа, не является чем-то новым для культуры центральноазиатских степных племен (Джуракулова, 2011. с. 71–73). Извест-

Рис. 2. Ювелирные украшения:
1 – серьга; 2 – браслет; 3 – бусы.

Fig. 2. Jewelry:
1 – earring; 2 – bracelet; 3 – beads.

ный антрополог Т.А. Трофимова отмечает, что в могильнике Кукча 3, принадлежащем антропологической серии тазабагыбской культуры, характерный для древних жителей Центральной Азии средиземноморский тип был смешан с протоевропеоидами андроновской культуры (Трофимова, 1959. с. 5–29). Т.А. Трофимова, оценивая эту ситуацию, приходит к выводу, что этот тип имеет общее сходство с древнесредиземноморским типом, который был распространен в эпоху бронзы на территории Центральной Азии и северной Индии (точнее Пакистана) (Трофимова, 1959.с. 22).

Археологический комплекс кладбища Муминабад (браслеты, серьги, ожерелья, керамика и бронзовые зеркала) является копией андроновской культуры – Тозабогеба. Время существования культуры Тозабогеб, С.П. Толстов и М.А. Итина определили как XIII–X вв. до н.э. (Итина, 1961. с. 89).

Академик А. Аскарлов, занимавшийся изучением нижних бассейнов Зерафшана бронзового периода, сезонным стоянкам и кладбища Гужайли, определил время как XII–XI вв. до н.э. (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 216) Этим же периодом определено время суще-

ствования и могильника у поселения Муминабад (Аскарлов, 1969, с. 62).

Примечательно, что также здесь были обнаружены залежи бирюзы бронзового периода, которые использовались для изготовления ювелирных изделий на территории Самаркандской области. В 2,5 км к востоку от центра Джама, на западном склоне горного массива Каратепе, были обнаружены месторождения бирюзы (Лопатин С.В, Пругер Е.Б, Ермилов, 1964). Среди отходов месторождений бирюзы найдены осколки керамики, относящиеся к культуре степных народов. На глубине 1,2 м. от шурфа, проложенного рядом с шахтой месторождений бирюзы, в смешанном с золой слое были обнаружены небольшие фрагменты бирюзы, две пластины для измельчения руды, два грубых каменных молотка и фрагменты керамики, характерные для андроновской культуры.

Обнаружение орудий дробления руды и фрагментов керамики, принадлежащих андроновской культуре, найденных в отходах бирюзовой шахты Каратепе и шурфе, проложенном рядом с ней, позволяет предположить, что этот объект был освоен в эпоху бронзы, а общины ближайшего к объекту поселения опорной торговой фактории Джам занимались добычей бирюзы. (Джуракулова, 2011, с. 138)

Все это, с одной стороны, показывает, насколько сложен этнический состав населения степных культур среднеазиатского бронзового периода, а с другой стороны, приводит к аналитическим выводам о широком спектре хозяйственных и этнокультурных связей между различными этническими группами.

К началу эпохи бронзы средний бассейн Зерафшанской долины оставался одним из регионов широко усвоенных первобытными людьми. С одной стороны, появляются вдоль торгового пути Джам, связывающего долину Зерафшана с южными регионами, торговые караван сараи Джама и месторождения бирюзы, и связанное с ними кладбище различных этнических групп (Галашерик), с другой стороны, вдоль Зерафшана появляются религиозный мемориальный комплекс (Жуков), поселения приспособленные для выплавки руды, производства металлического сырья (Тукайли), и, наконец, в конце периода вырастают древние города (Куктепа, Афросияб). (Джуракулова, 2011, с. 140)

Среди археологических артефактов бронзовые украшения имеют особое значение. Такие находки дают много важных сведений при изучении археологической культуры, позволяющие сделать весомые научные заключения. Предметы украшения играют важную роль в изучении социального строя, образа жизни и экономики культур позднего палеолита, мезолита, неолита, энеолита и бронзового периода.

ЛИТЕРАТУРА

Аскарлов А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 8 / Отв. ред. В.А. Шишкин. Ташкент: АН УзССР, 1969. С. 56–67.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966. 216 с.

Джуракулова Д.М. Культура племен эпохи камня и бронзы Зеравшанской долины. Дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 2009.

Джуракулова Д.М. Зарафшон водийсининг тош ва бронза даври маданияти. Ташкент, 2011. 140 с.

Исаков А., Потёмкина Т.М. История таджикского народа. В 2-т. Т. 1. Древнейшая и древняя история / Под ред. Б. А. Литвинского и В. А. Ранова. Душанбе: Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, 1998. 160 с.

Итина М.А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча 3 // Могильник бронзового века Кокча 3 / Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 5 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1961. С. 9–96.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 642 с.

Лев Д.Н. Погребение эпохи бронзы близ г. Самарканда // Археологические памятники Кавказа и Средней Азии / КСИА. Вып. 108 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1966. С. 101–104.

Лопатин С.В., Пругер Е.Б., Ермилов А.Г. Карта размещения древних выработок на территории Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1964. Инв.№659.

Пругер Е.Б. К истории горного дела в Средней Азии. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1971. 12 с.

Сайфуллаев Б., Эргашев О.Т. Основные итоги изучения палеолита за 25 лет независимости Узбекистана // Узбекистон археологияси мустақиллик йилларида: ютуқлар ва истиқболлар: Халқаро илмий-амалий конференцияси (Самарқанд, 15–16 сентябрь 2016 й.) / Отв. ред. М.М. Саидов. Самарқанд: Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси археология Институту, 2017. С. 30–34.

Трофимова Т.А. Древнее население Хорезма по данным антропологии / МХЭ. Вып. 2. М.: Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1959. 176 с.

Ergashev O.T. Zarafshon voxasida oxirgi yillarda olib borilgan tadqiqotlarning yakunlari // Uluslararası Türk Dünyası Araştırmaları Sempozyumu (12–16 Ekim, Semerkent, 2018) / Ed. Ögr. Üyesi İbrahim Balik. Semerkent, 2018. P. 39–44.

Информация об авторе:

Джуракулова Дилфуза Мавлоновна, кандидат исторических наук, профессор, декан исторического факультета Самаркандского государственного университета (г. Самарканд, Узбекистан); djurakulovadilfuza@gmail.com

REFERENCES

Askarov, A. 1969. In Shishkin, V. A. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 8. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic, 56–67 (in Russian).

Gulyamov, Ya. G., Islamov, U., Askarov, A. *Pervobytnaya kul'tura v nizov'yakh Zarafshana (Primitive culture in the Lower Zarafshan)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Dzhurakulova, D. M. 2009. *Kul'tura plemen epokhi kamnya i bronzy Zeraвшanskoy doliny (Culture of the Stone and Bronze ages tribes of the Zeravshan Valley)*. Diss. of Candidate of historical sciences. Samarkand (in Russian).

Dzhurakulova, D. M. 2011. *Zarafshon vodiysining tosh va bronza davri madaniyati (Stone and Bronze ages culture of the Zarafshan Valley)*. Tashkent (in Uzbek).

Isakov, A., Potemkina, T. M. 1998. In Litvinskii, B.A., Ranov, V. A. (eds.). *Istoriya tadzhikskogo naroda. V 2-tt (History of Tajiks. In 2 volumes)*. Vol. 1. *Drevneyshaya i drevnyaya istoriya (Pre-history and ancient history)* Dushanbe, 160 (in Russian).

Itina, M. A. 1961. In Tolstov, S. P. (ed.). *Mogil'nik bronzovogo veka Kokcha 3 (Bronze Age burial ground Kokcha 3)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 5. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 9–96 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1951. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri (Ancient history of Southern Siberia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Lev, D. N. 1966. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 108. Moscow: "Nauka" Publ., 101–104 (in Russian).

Lopatin, S. V., Pruger, E.B., Ermilov, A. G. 1964. *Karta razmeshcheniya drevnikh vyrabotok na territorii Uzbekistana (Location of ancient mining surfaces on the territory of Uzbekistan)*. Tashkent (in Russian).

Pruger, E. B. 1971. *K istorii gornogo dela v Sredney Azii (On the history of mining in Central Asia)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Tashkent (in Russian).

Saifullaev, B., Ergashev, O. T. 2017. In Saidov, M. M. (ed.). *Ўzbekiston arkheologiyasi mustaqillik yillarida: yutuqlar va istiqbollar (Archaeology of Uzbekistan during the years of the independence: progress and perspectives)*. Samarkand: Institute of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan, 30–34 (in Uzbek).

Trofimova, T. A. 1959. *Drevnee naselenie Khorezma po dannym antropologii (Ancient population of Khwarazm according to anthropological data)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition). Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences (in Russian).

Ergashev, O. T. 2018. In Ögr. Üyesi İbrahim Balik (ed.). *Uluslararası Türk Dünyası Araştırmaları Sempozyumu (12–16 Ekim, Semerkent, 2018)*. Semerkent, 39–44 (in Uzbek).

About the Author:

Djurakulova Dilfuza M., Candidate of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History of Samarkand State University. 15 Universitetskiy Boulevard, Samarkand, 140104; Uzbekistan; djurakulovadilfuza@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 299.31

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.63.69>

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ БОГА ХОНСУ В «ТЕКСТАХ ПИРАМИД» И «ТЕКСТАХ САРКОФАГОВ»

©2023г. Ю.В. Дмитриева

Несмотря на огромный научный интерес к мифологии и религии Древнего Египта, образ лунного бога Хонсу еще недостаточно хорошо изучен. Основной причиной этого является то, что до нас дошло очень мало источников, которые относятся к периоду Древнего и Среднего царства, а источники, относящиеся к более поздним периодам, наоборот имеются в большом количестве. Это привело к тому, что образ бога Хонсу более изучен в периоды своей наивысшей популярности в религии Древнего Египта, т.е. в период, начиная с эпохи Нового царства и до греко-римского времени. Первое упоминание о боге Хонсу встречается в «Текстах пирамид» – собрании заупокойных изречений, начертанных внутри пирамид царей V и VI династии с целью осуществления благополучия умершего фараона в загробном мире. С завершением Древнего царства религиозная литература претерпела значительные изменения. Начиная с VI-VII династий возникают религиозные тексты, высечаемые на поверхности саркофагов, которые получили название «Тексты саркофагов». Бог Хонсу упоминается в шестнадцати изречениях, выполняя различные, но взаимосвязанные друг с другом функции. Изучение ранних этапов формирования образа бога Хонсу поможет проследить эволюцию присущих ему функций и понять его роль в развитии древнеегипетской религии.

Ключевые слова: археология, Древний Египет, Древнее царство, Среднее царство, Хонсу, лунный бог, заупокойный культ, лиминальное божество, бог-защитник, Тексты пирамид, Тексты саркофагов.

MEANING AND FUNCTIONS OF THE GOD KHONSU IN THE “PYRAMID TEXTS” AND “COFFIN TEXTS”

Yu.V. Dmitriyeva

In spite of a great scientific interest in the mythology and religion of ancient Egypt, the image of the god of the Moon Khonsu has not been well studied yet. The main reason for this is that very few sources that belong to the period of the Ancient and Middle Kingdom have come down to us, and sources from later periods, on the contrary, are available in great quantity. This has led to the fact that the image of the god Khonsu was more studied during the periods of its highest popularity in the religion of Ancient Egypt, i.e. in the period from the New Kingdom period to the Greco-Roman time. The first mention of the god Khonsu is found in the Pyramid Texts – a collection of funerary sayings inscribed inside the pyramids of the kings of the V and VI dynasties in order to realize the well-being of the dead pharaoh in the afterlife. With the end of the Ancient Kingdom religious literature underwent significant changes. Starting from the VI-VII dynasties, religious texts were carved on the surface of sarcophagi and were called the Coffin texts. God Khonsu is mentioned in sixteen sayings, performing various but interrelated functions. Studying the early stages of image formation of the god Khonsu will help to trace the evolution of his inherent functions and understand his role in the development of ancient Egyptian religion.

Keywords: archaeology, ancient Egypt, Old Kingdom, Middle Kingdom, Khonsu, god of the Moon, funeral cult, liminal deity, god-protector, Pyramid Texts, Coffin Texts.

Образ бога Хонсу играл важную роль в древнеегипетской религии и мифологии. Хонсу ассоциируется, в первую очередь, с лунным божеством. Однако культ данного бога не был статичным на протяжении существования древнеегипетской цивилизации. Его образ в период Древнего и Среднего царств существенно отличался от того, каким божество представлялось, начиная с Нового

царства, когда он вошел в состав фиванской триады.

При исследовании ранних этапов культа бога Хонсу были использованы письменные источники Древнего и Среднего царств. Одним из них являются два изречения «Текстов пирамид», начертанных в пирамидах царей Унуса и Тети — 273 и 274 (Mercer, 1952, p. 145-146; Sethe, 1908, p. 210). Эти изречения,

которые получили название «Каннибальский гимн» (Еуге, 2002, р. 8 (перевод текста), р. 218 (иероглифический текст надписи)), также позднее повторяются в «Текстах саркофагов». В тексте «Каннибальского гимна» описывается, как бог Хонсу извлекал внутренности врагов фараона: «*Это Хонсу режет владык, перерезая им глотки («обезглавливает их»). И он удаляет для него то, что находится в их телах. Он посланник, которого он посылает наказать»* (Еуге, 2002, р. 8).

Кровожадный аспект бога Хонсу, в котором тот предстает в Каннибальском гимне, рассматривается исследователями с разных точек зрения. Ранее предполагалось, что текст, возможно, связан с ритуалами жертвоприношений. В тексте гимна Хонсу предстает как грозное божество, которое помогает умершему царю поймать и покарать его врагов, которыми царь «питается», для поглощения *хека* — магической силы, присущей богам (Еуге, 2002, р. 164-168). Но вероятнее всего, Каннибальский гимн является метафорическим описанием того, что будет происходить с усопшим царем при переходе в загробную жизнь. Теперь он должен трансформироваться для пребывания в мире мертвых и объединить в себе все божественные силы. В этом ему помогает каннибальская трапеза, после которой он становится более могущественным посредством поглощения не только тел, но и магических сил других богов.

Согласно другой концепции, за жестоким ритуалом, описанным в Каннибальском гимне, кроется интерпретация небесных явлений. Некоторые исследователи полагают, что таким образом египтяне описывали то, как входящее солнце заставляет погаснуть огни ночных небесных тел. Роль бога Хонсу в этом акте связана с ассоциацией с полумесяцем луны, который поднимается незадолго до восхода солнца и предвещает появление солнечного диска утром (Priskin, 2019, р. 6).

Многими исследователями была отмечена связь между лунным серпом и ножом, которым поражаются враги усопшего царя (Meurer, 2002, р. 49; Priskin, 2019, р. 6; Кеес, 2005, с. 311). Природные явления виделись древним египтянам как некие сакральные события, происходящие в мире богов. День и ночь связывали восток и запад и олицетворяли жизнь земную и загробную. Поэтому вполне возможно, что лунный серп представлял

собой грозное оружие, которое помогало богу покорить все опасности ночи и подобным образом обеспечить наступление нового дня.

В представлении жителей Древнего Египта загробный мир являлся неким подобием земной жизни и содержал в себе ряд опасностей. Вследствие этого особо почитались боги-защитники, которые могли бы защитить умершего. В числе подобных богов был и Хонсу. Для получения защиты умершему необходимо было назвать себя именем бога, чтобы через эту магическую формулу соединиться с богом, иными словами стать им. Подобное отождествление с богом Хонсу указано в изречении 943 «Текстов саркофагов» (СТ 943, VII 158 р): «*Я живу как Хонсу»* (Faulkner, 1969, Vol III, р. 81-82).

В изречении 311 «Текстов саркофагов» (СТ 311, IV 67 r, s) употребляется выражение «*появлюсь как Хонсу»* (Faulkner, 1969, Vol I, р. 228-229), что также означает, что умерший отождествляет себя с богом. Таким образом, обретая грозный облик Хонсу, умерший сам начинает внушать страх другим обитателям загробного мира.

В изречении 649 «Текстов саркофагов» (СТ 649, VII 272 с) помимо формулы отождествления умершего с Хонсу, описывается еще одна функция бога: «*о Посланник его, [открой] мне путь, ибо [я] - Хонсу, собирающийся написать то, что истинно»* (Faulkner, 1969, Vol II, р. 224-225).

Подобное упоминание бога Хонсу в качестве «*писца истины»* прослеживается в Берлинском папирусе 3024, также известном как «Разговор разочарованного со своим Ба» (Hallo, 2003, р. 22 (иероглифический текст надписи), р. 27 (перевод текста)). Источник предположительно датируется периодом XII династии (Lichtheim, 1975, р. 163). Текст папируса демонстрирует восприятие смерти как освобождение от тягот земной жизни и обещание обретения божественного статуса тем, кто перейдут в загробное царство. В данном тексте Хонсу упоминается в качестве одного из богов-защитников, что говорит о его значимости в период создания текста: «*Защитит Хонсу меня, писец истины»*.

Согласно представлениям древних египтян, в загробном мире усопшему необходимо было доказать, что прожитая им жизнь была праведной и он не совершал никаких грехов. Для того чтобы подтвердить истинность отри-

цания прегрешений земной жизни, необходим был образ божества, который не только ведаёт истину, но и может подтвердить её на загробном суде, записав на свитке папируса. Таким божеством, согласно указанным эпитетам, для древних египтян в период Древнего и Среднего царств был Хонсу.

В изречении 563 «Текстов саркофагов» (СТ 563, VI 162 t) встречается ещё один очень важный эпитет бога. В тексте данного изречения говорится, что «я буду вдыхать воздух носом, подобно Хонсу, владыке пропитания» (Faulkner, 1969, Vol II, p. 169). Исходя из этого эпитета, мы можем говорить о том, что бог Хонсу обладал функцией передачи жертвенной пищи из мира живых в загробный мир. Мы также можем сделать осторожное предположение, что подобную роль «владыки пропитания» Хонсу исполнял в тексте Каннибальского гимна в качестве божества, которое охотилось для царя и подготавливало для него пищу.

Э. Хорнунг и Э. Штелин (Hornung, Staehelin, 1976, p. 95) отмечают ещё один очень важный аспект бога Хонсу, относящийся к его роли в загробном мире. Регулярное убывание и рост лунного диска могли переосмысливаться в сознании древних египтян как символ и пример возрождения и угасания. Таким же образом воспринималась смена дня и ночи — как образ смерти и последующего воскрешения. Отсюда произошла потребность в получении благосклонности бога луны, чтобы подобно ей возродиться после смерти. Образ ночного светила — луны прочно ассоциировался с загробной жизнью и давал надежду на последующее возрождение.

Несколько изречений «Текстов саркофагов» раскрывают функцию Хонсу в качестве лиминального божества. В изречении 632 говорится: «Хонсу открывает (двери), и [ветры] выходят» (Faulkner, 1969, Vol II, p. 215). Контекст надписи позволяет сделать предположение, что речь идет об отпирании врат в загробный мир. В изречении 1007 Хонсу описывается как тот, кто отворяет врата горизонта. Умерший просит богов, Атума и Хонсу, открыть врата: «Открой, о Атум, наружную дверь; открой, о Хонсу, великую дверь» (Faulkner, 1969, Vol III, p. 109).

Данные изречения позволяют проследить связь между пересечением порога жизни и смерти, что в конечном счете является

отождествлением жизненных циклов, включающих фазы умирания и воскрешения божества. Поэтому вполне логично, что подобным образом смена дня и ночи в понимании древних египтян также являлась стадией умирания и воскрешения бога. Как было показано на основании анализа «Текстов саркофагов», Хонсу мыслился как лунное божество, которое постоянно пересекало порог между миром живых и царством мертвых, таким образом он вполне обоснованно являлся и хранителем врат между этими мирами. В сочетании с функцией писца истины, он обладал властью отпирать эти врата для тех, кто был признан праведным на загробном суде.

В религиозно-мифологическом мышлении древних египтян агрессивные и жестокие действия богов неразрывно связаны с их функцией защитников. Сильные божества, имеющие грозный облик, как нельзя лучше могли защитить умершего в загробном мире от подстерегающих его опасностей. Бог Хонсу в эпоху Древнего и Среднего царств был наделен таким обликом. В связи с этим, в заупокойной литературе данного периода присутствовали заклинания, демонстрирующие грозный образ Хонсу-защитника и покровителя умерших. Помимо Каннибальского гимна, жестокий облик Хонсу можно проследить в надписях «Текстов саркофагов». В изречении 994 говорится о том, что: «Я буду жить на головах, ибо я Хонсу» (Faulkner, 1969, Vol III, p. 102-103). В изречении 310 умерший отождествляет себя Хонсу, имеющего воинственный образ: «Я Хонсу, который посылает ярость, которая сжигает сердца... О Приспешники богов, будьте очень далеки от меня, ибо я - Хонсу, < который посылает > гнев Владыки владык, я - это он, который сжигает сердца, я - убийца среди вас» (Faulkner, 1969, Vol I, p. 327-328). Таким образом, подчеркивается жестокая и грозная натура бога Хонсу. Пережив этот облик путем отождествления себя с божеством, умерший и сам начинает внушать страх другим обитателям загробного царства, что обеспечивает ему защиту.

Однако функции Хонсу в качестве бога-покровителя проявлялись не только в подражании его грозному облику. В изречениях 187 и 195 «Текстов саркофагов» говорится о том, что Хонсу поклонялись как заступнику людей. Текст двух данных изречений весьма схож. В 187 говорится: «Я нашёл Хонсу по

пути, когда он спускался <к> Пунту, и он призвал тысячи заступиться за меня и сотни сестр для меня, как мой брат и моя сестра, как живые, мужчины и женщины, я как человек, как моя семья, как и жители моего города, мужчины и женщины, которые были подняты(?)» (Faulkner, 1969, Vol I, p. 156). В изречении 195 говорится: «N сидит на троне перед горизонтом, N нашел Хонсу, стоящего на своем пути, когда он спустился из Пунта, и он заставил N стоять с тысячами и сидеть с сотнями братьев и жителей своего города» (Faulkner, 1969, Vol I, p. 161-162). Поклоняясь богу Хонсу, древние египтяне полагали, что не только обеспечивают себе защиту самого бога, но он также имеет возможность «призвать тысячи» чтобы защитить покойного.

В тексте изречения 945 (СТ 945, VII 161 i) умерший соотносит части своего тела и души с различными богами и богинями. Примечательно, что именно Хонсу является «ударной силой» человека: «моя ударная сила - Хонсу» (Faulkner, 1969, Vol III, p. 82-84). Из чего мы можем сделать вывод, что бог представал в религиозном сознании древних египтян эпохи Среднего царства в качестве божества, обладающего большой физической силой и имеющего боевой характер.

Согласно мировоззрению жителей Древнего Египта, бог вполне мог сочетать в себе несколько различных функций, зачастую для нашего понимания противоположных. В процессе своего развития древнеегипетская религия подвергалась значительным изменениям и дополнениям. При появлении новой черты или функции божества, они не заменяли в сознании египтян предыдущую, а, скорее, дополняли ее. Таким образом, практически все боги в религии Древнего Египта могли сочетать в себе несколько ипостасей, нередко носящих противоположный характер.

Например, как в случае с богом Хонсу, будучи представленным как агрессивное божество в Каннибальском гимне, он в тоже время помогал своему правителю, пожирая его врагов, и являлся защитником людей.

Подводя общие итоги исследования функций бога Хонсу, мы можем сделать вывод, что роль данного божества в загробном мире была, несомненно, очень важна. Выполняя несколько функций, бог Хонсу обеспечивал защиту умершего в различных этапах пребывания в царстве мертвых. Хонсу являлся одним из богов загробного мира, который выполнял ряд важных функций:

функция бога-защитника или бога-покровителя;

функция «писца истины»;

функция «владыки пропитания»;

функция лиминального божества.

Несмотря на утвердившиеся в египтологической литературе представления о Хонсу, как о «кровожадном» божестве, описанном в Каннибальском гимне «Текстов пирамид», мы можем предположить, что данный акт убийства, возможно, являлся метафорическим описанием поглощения магической энергии богов умершим царем. Аналогия, проводимая между серпом луны и ножом как орудием, которым пользовался Хонсу, прослеживаемая несколькими исследователями, непосредственно связана с лунарной функцией Хонсу, которая утвердилась за богом еще на самых ранних этапах формирования его культа. Тем не менее, данная функция в период Древнего и Среднего царств была неразрывно связана с другими аспектами Хонсу, которые гармонично сочетались в облике бога. Таким образом, он являлся связующим звеном между миром живых и царством мертвых, и это обусловило важную роль данного бога в религиозно-мифологической доктрине древних египтян в эпоху Древнего и Среднего царства.

ЛИТЕРАТУРА

Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства / Пер. с нем. И.А. Богданова; Под науч. ред. А.С. Четвертухина. СПб.: Журнал «Нева», 2005. 311 с.

Allen J.P. The Ancient Egyptian Pyramid Texts. Atlanta: Society of Biblical literature, 2015. 472 p.

Brunner H. Chons // Lexikon der Ägyptologie Band I (A – Ernte) / Hrsg Helck W., Otto E. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. P. 960–963.

Buck de A., Gardiner A. H. The Egyptian Coffin Texts. Vol. II. Texts of spells 76–163. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications, 1938.

Buck de A., Gardiner A. H. The Egyptian Coffin Texts. Vol. III. Texts of spells 164–267. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications, 1947.

Buck de A., Gardiner A. H. The Egyptian Coffin Texts. Vol. IV. Texts of spells 268–354. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications, 1951.

Buck de A., Gardiner A. H. The Egyptian Coffin Texts. Vol. V. Texts of spells 355–471. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications, 1954.

Buck de A., Gardiner A. H. The Egyptian Coffin Texts. Vol. VI. Texts of spells 472–786. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications, 1956.

Buck de A., Gardiner A. H. The Egyptian Coffin Texts. Vol. I. Texts of spells 1–75. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications, 1935.

Eyre C. The Cannibal Hymn: A Cultural and Literary Study. Liverpool: Liverpool University Press, 2002.

Faulkner R. O. The Ancient Egyptian Coffin Texts. Vol. I. Spells 1–354. Warminster: Aris & Phillips, 1973.

Faulkner R. O. The Ancient Egyptian Coffin Texts. Vol. II. Spells 355–787. Warminster: Aris & Phillips, 1977.

Faulkner R. O. The Ancient Egyptian Coffin Texts. Vol. III. Spells 788–1185 & Indexes, Warminster: Aris & Phillips, 1978.

Frankfort H. Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. London: University of Chicago Press, 1978. P. 70–72

Hannig R. Ägyptisches Wörterbuch. Band I: Altes Reich und Erste Zwischenzeit. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 2003.

Hannig R. Ägyptisches Wörterbuch. Band II: Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 2006.

Hannig R. Die Sprache der Pharaonen. Großes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch: (2800–950 v. Chr.). Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 1995.

Hart G. The Routledge dictionary of Egyptian gods and goddesses. London; New York: Routledge, 1945.

Hornung E., Staehelin E. Skarabäen und andere Siegelamulette aus Basler Sammlungen. Mainz: Philipp von Zabern, 1976.

Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Band V: H – h. / Leitz C. (hrsg.). Leuven: Peeters. 2002. P. 761–772.

Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature. Volume 1. The Old and Middle Kingdoms. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1973.

Mercer S. A. B. The Pyramid Texts in translation and commentary. Volume I. Translation. New York – London – Toronto: Longman, Green & Co, 1952. 332 p.

Meurer G. Die Feinde des Königs in den Pyramidentexten. Freiburg; Göttingen: Universitätsverlag, Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.

Molen R. van der A. Hieroglyphic Dictionary of Egyptian Coffin Texts. Leiden – Boston – Köln: Brill, 2000.

Parker, R. A., Lesko, L. H. The Khonsu cosmogony // Pyramid Studies and Other Essays Presented to I. E. S. Edwards, Occasional Publications 7 / Eds. Baines, J., James, T. G. H., Leahy, A., Shore A. F. London: Egyptian Exploration Society, 1988. P. 168–175.

Priskin G. The Ancient Egyptian Book of the Moon: Coffin Texts Spells 154–160. Oxford: Archaeopress Publishing, 2019.

Sethe K. Die altägyptischen Pyramidentexte nach den Papierabdrucken und Photographien des Berliner Museums. Band I: Spruch 1–468 (Pyr. 1–905). Leipzig: J. C. Hinrichsche Buchhandlung, 1908. 508 p.

Shupak N. The dispute between a man and his *Ba* // The Context of Scripture. Vol. III. Archival Documents from the Biblical World / Ed. William W. Hallo. Leiden – Boston: Brill, 2003. P. 321–325.

Wilkinson R. H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 2003.

Информация об авторе:

Дмитриева Юлия Вячеславовна, Центр палеоэтнологических исследований (г. Москва, Россия); mina_khonsu@list.ru

REFERENCES

- Kees, G. 2005. *Zaupokoynnye verovaniya drevnikh egiptyan. Ot istokov i do iskhoda Srednego Tsarstva* (*Funeral beliefs of the ancient Egyptians. From the beginning to the end of the Middle Kingdom*). Saint Petersburg: "Zhurnal "Neva" Publ. (in Russian).
- Allen, J. P. 2015. *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*. Atlanta: Society of Biblical literature.
- Brunner, H. 1975. In Helck W., Otto E. (Hrsg.) *Lexikon der Ägyptologie Band I (A – Ernte)*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 960–963.
- Buck de, A., Gardiner, A. H. 1938. *The Egyptian Coffin Texts. Vol. II. Texts of spells 76–163*. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications.
- Buck de, A., Gardiner, A. H. 1947. *The Egyptian Coffin Texts. Vol. III. Texts of spells 164–267*. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications.
- Buck de, A., Gardiner, A. H. 1951. *The Egyptian Coffin Texts. Vol. IV. Texts of spells 268–354*. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications.
- Buck de, A., Gardiner, A. H. 1954. *The Egyptian Coffin Texts. Vol. V. Texts of spells 355–471*. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications.
- Buck de, A., Gardiner, A. H. 1956. *The Egyptian Coffin Texts. Vol. VI. Texts of spells 472–786*. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications.
- Buck de, A., Gardiner, A. H. 1935. *The Egyptian Coffin Texts. Vol. I. Texts of spells 1–75*. Chicago: The University of Chicago Oriental Institute publications.
- Eyre, C. 2002. *The Cannibal Hymn: A Cultural and Literary Study*. Liverpool: Liverpool University Press.
- Faulkner, R. O. 1973. *The Ancient Egyptian Coffin Texts. Vol. I. Spells 1–354*. Warminster: Aris & Phillips.
- Faulkner, R. O. 1977. *The Ancient Egyptian Coffin Texts. Vol. II. Spells 355–787*. Warminster: Aris & Phillips.
- Faulkner, R. O. 1978. *The Ancient Egyptian Coffin Texts. Vol. III. Spells 788–1185 & Indexes*. Warminster: Aris & Phillips.
- Frankfort, H. 1978. *Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature*. London: University of Chicago Press.
- Hannig, R. 2003. *Ägyptisches Wörterbuch. Band I: Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Mainz: Philipp von Zabern Verlag.
- Hannig, R. 2006. *Ägyptisches Wörterbuch. Band II: Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Mainz: Philipp von Zabern Verlag.
- Hannig, R. 1995. *Die Sprache der Pharaonen. Großes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch: (2800–950 v. Chr.)*. Mainz: Philipp von Zabern Verlag.
- Hart, G. 1945. *The Routledge dictionary of Egyptian gods and goddesses*. London; New York: "Routledge" Publ.
- Hornung, E., Staehelin, E. 1976. *Skarabäen und andere Siegelamulette aus Basler Sammlungen*. Mainz: Philipp von Zabern.
- In Leitz, C. (hrsg.). 2002. *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Band V: H – h*. Leuven: "Peeters" Publ., 761–772.
- Lichtheim, M. 1975. *Ancient Egyptian Literature: The Old and Middle Kingdom*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Mercer, S. A. B. 1952. *The Pyramid Texts in translation and commentary. Volume I. Translation*. New York – London – Toronto: Longman, Green & Co.
- Meurer, G. 2002. *Die Feinde des Königs in den Pyramidentexten*. Freiburg; Göttingen: Universitätsverlag, Vandenhoeck & Ruprecht.
- Molen, R. van der. 2000. *A Hieroglyphic Dictionary of Egyptian Coffin Texts*. Leiden – Boston – Köln: Brill.
- Parker, R. A., Lesko, L. H. 1988. In Baines, J., James, T. G. H., Leahy, A., Shore A. F. (eds.). *Pyramid Studies and Other Essays Presented to I. E. S. Edwards*, Occasional Publications 7. London: Egyptian Exploration Society, 168–175.

Priskin, G. 2019. *The Ancient Egyptian Book of the Moon: Coffin Texts Spells 154–160*. Oxford: Archaeopress Publishing.

Sethe, K. 1908. *Die altägyptischen Pyramidentexte nach den Papierabdrucken und Photographien des Berliner Museums*. Band I: Spruch 1–468 (Pyr. 1–905). Leipzig: J.C. Hinrichsche Buchhandlung.

Shupak, N. 2003. In Hallo, William W. (ed.). *The Context of Scripture*. Vol. III. Archival Documents from the Biblical World. Leiden – Boston: Brill, 321–325.

Wilkinson, R. H. 2003. *The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*. London: Thames & Hudson.

About the Author:

Dmitrieva Yuliia V. Paleoethnology Research Center, Novaya Ploschad, 12, b. 5. Moscow, 109012, Russian Federation; mina_khonsu@list.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 904(976):562/569

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.70.77>

О ФАУНЕ ГОРОДИЩА ТЯСТЫ ВЕРХНЕДВИНСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИТОГАМ РАСКОПОК 1981 И 2019 ГГ.¹

©2023 г. А.В. Зыль

В статье опубликованы данные о фаунистических остатках, обнаруженных во время раскопок городища Тясты (Марылина Гора) Верхнедвинского района Витебской области в 1981 г. и 2019 г. Большая часть остеологического материала сильно фрагментирована. На многих фрагментах характерные для кухонных остатков следы режущих инструментов и погрызы собак, часть костей подвергалась термическому воздействию. У населения городища Тясты преобладало животноводство в особенности крупный рогатый скот, который использовался не только для получения мяса, но и молока. Вторыми по численности были остатки свиньи домашней. Процент костных остатков крупного рогатого скота и свиньи домашней, обнаруженных на городище Тясты, оказался выше чем у других городищ раннего железного века на территории Северной Беларуси. Остатков мелкого рогатого скота и лошади, напротив, нетипично мало, в сравнении с другими памятниками севера Беларуси и смежных территорий. Охотиться жители городища предпочитали на крупных копытных животных – лося и оленя, но также занимались добычей кабана, косули, бобра, куницы и медведя, что соотносится с охотой на других памятниках лесной зоны.

Ключевые слова: археозоология, Беларусь, днепро-двинская культура, городища, животноводство, охота, определение остеологического материала, фаунистические остатки, I – IV вв. н.э.

ON THE FAUNA OF THE HILLFORT OF TIASTY, VERKHNEDEVINSKY DISTRICT, VITEBSK REGION, BASED ON THE RESULTS OF EXCAVATIONS IN 1981 AND 2019²

A.V. Zyl

The data on faunal remains discovered during excavations at the hillfort of Tiasty (Marylina Gora) in the Verkhnedvinsk district of the Vitebsk region in 1981 and 2019 are published in the article. Most part of the osteological material is highly fragmented. There are traces of cutting tools and dog bites characteristic of kitchen remains on many fragments, some of the bones were subjected with thermal treatment. The population of the Tiasty hillfort was dominated by animal husbandry, especially by cattle, which was used not only for meat, but also for milk. The remains of the domestic pig were the second largest part of osteological material. The percentage of bone remains of cattle and domestic pigs found in the hillfort of Tiasty is higher than at other settlements of the early Iron Age in the territory of Northern Belarus. The remains of small cattle and horses, on the contrary, are atypically few, in comparison with other monuments of the north of Belarus and adjacent territories. The inhabitants of the settlement preferred to hunt for large ungulates – elk and deer, but also hunted wild boar, roe deer, beaver, marten and bear, that correlates with hunting at other sites of the forest zone.

Keywords: archaeozoology, Belarus, Dnieper-Dvina culture, hillforts, animal husbandry, hunting, identification of osteological material, faunistic remains, 1st – 4th centuries AD.

Городище Тясты (Марылина Гора) Верхнедвинского района Витебской обл. расположено в 0,5 км к востоку от деревни, на левом берегу р. Дрисса. В 1981–1982 гг. на памятнике проводил раскопки В.И. Шадыро, который исследовал площадь в 160 м² (Шадыро, 1981; 1982). Мощность культурного слоя составила от 0,6 до 2 м. Большинство полученных материалов исследователь соотнёс с позд-

ним периодом днепро-двинской культуры – I – IV вв. н.э. Памятник является однокультурным, на нём представлены характерные для днепро-двинской культуры предметы быта, а также остеологический материал (Шадыра, 1985, с. 39–40; Шадыро, 1981).

Во время раскопок в 1981 г. была обнаружена и описана весьма скромная коллекция остеологического материала – 100 костных

1 Исследование выполнено по проекту БРФФИ №Г21РМ-155 от 01.07.2021

2 The research was carried out according to the BRFFR project No. Г21РМ-155

фрагментов (Шадыро, 1981). Полевые исследования памятника в 2019 г. дали более представительную остеологическую коллекцию, которую следует ввести в научный оборот.

Фаунистические остатки с раскопок памятника 1981 г., были определены Н.П. Александрович (Шадыра, 1997, с. 241). Домашние животные составили 70%, дикие – 30% от общего числа определимых остатков (Шадыра, 1997, с. 245, табл.1). По описи фрагменты костей быка домашнего составляли 39,8%. Преимущественно выявлены зубы, а также фрагменты трубчатых костей и рёбер. На некоторых костях имелись погрызы собак. Свинья домашняя составляет 22,6%. Среди костных остатков свиньи из раскопа 1981 г. преобладают зубы и фрагменты челюсти, встречаются фрагменты лучевых костей, рёбер, целые фаланги и пястная кость. К остаткам мелкого рогатого скота (7,6%) среди остеологической коллекции 1981 г. относятся челюсти и зубы, фаланги овцы со следами режущих инструментов, фрагменты трубчатых костей. 1,1% от общего числа определимых остатков принадлежат лошади – был обнаружен фрагмент коренного зуба (Шадыро, 1981).

Что касается остатков диких животных, то Н.П. Александрович был определён один премоляр из нижней челюсти, принадлежащий лосю, что составило всего 1,1%. Три зуба принадлежащих косуле составили 3,2%. Фаунистические остатки бобра обыкновенного составили 10,5% – фрагменты бедренных костей, зубы, фрагменты верхней челюсти с моляром и фрагмент плечевой кости. Олень обыкновенный составил 12%, были определены резцы, премоляры, моляры, фрагмент нижней челюсти с погрызами собак и фрагмент пястной кости (Шадыро, 1981). Также был определён фрагмент правой нижней челюсти барсука, составляющий 1,1% от общего числа определимых остатков (Шадыро, 1981).

В 2019 г. экспедицией исторического факультета Белорусского государственного университета под руководством П.С. Курлович проводились новые археологические раскопки городища Тясты. Была изучена площадь 80 м кв. Раскоп имел размер 8×10 м и был разбит на 20 квадратов размером 2×2 м, мощность культурного слоя составила от 50 до 120 см. Во время проведения раскопок было зафиксировано 53 объекта, большинство из которых

– столбовые ямы, обнаружено 12 298 предметов, из них 118 – индивидуальные находки. Комплекс материалов с городища датируется в границах первой половины I тыс. н.э. Среди находок бытовые предметы, детали костюма и орудия труда, кости (Курлович, 2021, с. 40–43).

Фаунистические остатки из раскопок памятника в 2019 г. представлены 1320 костными фрагментами разной степени сохранности. Почти все костные фрагменты, как и материал 1981 г., принадлежат к кухонным остаткам. Они сильно фрагментированы, многие имеют погрызы и следы от режущих предметов, также часть костей подвергалась термическому воздействию. Это крайне осложнило работу по определению и исключило возможность провести измерения. Из 1320 костных фрагментов автором настоящей статьи было определено 436 (33,03%). Остеологические определения были включены в полевой отчёт (Курлович, 2019). Фаунистические остатки принадлежат нескольким видам млекопитающих, также имеется небольшой процент птичьих и рыбьих фрагментов костей.

Бык домашний (*Bos taurus taurus*) – 49,53%. Наибольшее количество фрагментов костей как среди домашних, так и среди диких животных при раскопках 2019 года, принадлежит крупному рогатому скоту. Такие кости принадлежат к кухонным остаткам, так как сильно фрагментированы и на многих видны разruby и следы от зубов собак. Среди остатков лучше всего сохранились зубы, многочисленные обломки диафизов трубчатых костей. Зубы – преимущественно премоляры и моляры из нижней челюсти. Любопытна находка одной из лучевых костей крупнорогатого скота, обожжённой с одной стороны. Вероятно, данный фрагмент использовали в качестве импровизированной прихватки.

Несмотря на то, что скотоводство на территории Северной Беларуси носило преимущественно мясной характер (Шадыро, 1985, с. 91), крупный рогатый скот употребляли не только в пищу. Так, среди прочих, были обнаружены зубы коровы с характерной истёртостью, указывающей на то, что животное содержали до зрелого возраста и использовали для получения молока. Это наблюдение подкрепляют обнаруженные фрагменты трубчатых костей с такими характерными признаками, как сильная рыхлость, уменьшение плотности и пористость кости, свидетельствующие

о низком содержании кальция. В литературе ранее высказывалось утверждение о том, что крупный рогатый скот кроме мяса давал населению северобелорусских городищ и молочные продукты (Шадыро, 1985, с. 91–92).

Свинья домашняя (*Sus scrofa domesticus*) – 22,25 %. Вторыми по численности являются костные остатки домашней свиньи. Это животное просто содержать и удобно разводить в лесной полосе. Свинья являлась популярным животным также на городищах Средней Беларуси (Новосёлки, Лабенщина, Кимия) (Митрофанов, 1978, с. 44–45; Пронина, Гарутт, 1957, с. 172). Среди остатков преобладают зубы и их фрагменты, челюсти. Но попадаются и фрагменты трубчатых костей (лучевой, плечевой и др.).

Мелкий рогатый скот (овца (*Ovis aries*) /коза (*Capra hircus*) домашние) – 0,92%. Численные показатели костных остатков мелкого рогатого скота значительно отличаются от показателей крупного рогатого скота и свиньи. Было найдено лишь три зуба и фрагмент большой берцовой кости, по которым различить данные виды не представляется возможным. На некоторых памятниках Белорусского Подвинья в числе мелкого рогатого скота преобладала овца, что, вероятно, связано с добычей шерсти (Шадыра, 2006, с. 94–96).

Из остатков лошади на городище Тясты был обнаружен лишь один фрагмент зуба. Причём в 2019 г. в числе определимых остатков фрагментов данного вида не выявлено. Лошадь использовали как верховое животное в I тыс. н.э., однако этих животных также могли использовать как источник мяса. (Шадыра, 2006, с. 88–89). Единичный фрагмент зуба лошади, найденный на городище Тясты, не даёт достоверных сведений об употреблении лошадей в пищу на данном памятнике.

Лошадь – крупное животное также дающее мясо и молоко, но явно уступающее крупному рогатому скоту по качеству этих продуктов. Несмотря на некоторые преимущества например возможность этого животного самостоятельно добывать подножный корм, разведение лошадей для употребления в пищу в лесной зоне менее целесообразно (Шмидт, 1991 с. 70).

Лось (*Alces alces*). Среди диких животных большинство костных остатков принадлежит лосю – 12,38 % от общего числа определимого материала. Лось давал рога, шкуру и мясо.

Такое крупное животное становилось объектом охоты также и на городищах территории Средней Беларуси (Митрофанов, 1978, с. 44; Пронина, Гарутт, 1957, с. 167). Фрагменты остатков лося принадлежат, как минимум, двум особям. Причём одно из животных, судя по обнаруженному молочному зубу, было весьма молодое. Были определены пястная кость, фрагменты лопатки, нижней челюсти, зубов и большой берцовой кости лося.

Кабан (*Sus scrofa*). Следующими по численности являются остатки дикого кабана, которые составляют 6,19 % от общего числа определимого материала. Главным образом, кости животных этого вида отличаются от свиньи домашней размерами. Как правило, кабаны крупнее, однако, часто возникают проблемы с точным определением вида, если попадаются остатки молодых особей, так как по размерам они близки к взрослым особям свиньи домашней. На городище Тясты в 2019 г. были найдены фрагменты большой берцовой кости, черепа, лучевой кости, пястных костей, фрагменты моляров и клыков.

Косуля (*Capreolus capreolus*). Костные остатки других видов диких животных немногочисленны. Так, косули европейской принадлежит 0,46% от общего числа определимого материала. Фаунистические остатки косули представлены целой первой фалангой и зубом из верхней челюсти. Вероятно, косуля была не самым популярным животным для охоты, причём подобная тенденция сохранилась и в средневековье (Александрович, 2014, с. 86–90).

Бобр обыкновенный (*Castor fiber*). Во время раскопок 2019 г. на городище Тясты был найден всего один фрагмент тазовой кости бобра, который составил 0,23% от общего числа определимого материала. На бобра охота велась как на пушного зверя, возможно для добычи бобровой струи, но его также могли употреблять в пищу.

Куница (лесная *Martes martes*/ каменная *Martes foina*). На территории Беларуси встречаются два вида куниц. На памятнике в 2019 г. было найдено 2 (0,46%) фрагмента нижней челюсти, сохранность которых не позволила достоверно установить, к какому конкретному виду куницы они принадлежат. Однозначно сказать, являются ли данные остатки куницы результатом охотничьего промысла или нет, затруднительно. Каменные

куницы могут селиться возле человеческих поселений.

Медведь (*Ursus arctos*). Является самым крупным из хищников Беларуси. В раскопе 2019 г. был найден крупный фрагмент нижней челюсти молодого медведя с молярами и премоляром.

Можно выделить фалангу пальца лапы медвежонка с небольшим круглым незавершённым отверстием. Вероятно, из неё планировалось сделать украшение или амулет, но кость оказалась хрупкой и дала трещину (Зыль, 2020, с. 33). Костные остатки медведя составляют 0,46% от общего числа определимого материала.

Подвески-амулеты были найдены на многих городищах лесной полосы. Костяные пластины из рёбер и зубы животных с круглыми отверстиями, были обнаружены на городище Клишино (Крупский район Минской области). Клыки животных, ставшие аналоговыми предметами языческого культа, найдены и на городище, и селище Прудники (Миорский район Витебской области) (Шадыра, 2006, с. 39, табл. 9). В костном материале памятников племён Восточной Прибалтики также встречаются клыки, фаланги, а реже и другие кости медведя, которые носили как амулеты (Паавер, 1965 с. 95). Охотились на медведя в первую очередь ради шкуры, однако могли употреблять в пищу мясо данного животного

(1,84% от общего количества определённых фрагментов). Установить их видовой состав крайне затруднительно, за редким исключением: среди находок 2019 г. был найден фрагмент кости щуки. Плохая сохранность рыбных костей характерна и для других памятников региона (Шадыра, 1985, с. 96–97). Кроме того, остатки рыб хрупкие и мелкие. Их легко пропустить при просеивании земли, чешуйки ещё более незаметны. Чтобы минимизировать потерю мелких костей и фрагментов, следует использовать мелкое сито и промывать землю.

Среди птичьих костей выделяется сильно заглаженный обломок трубчатой кости гуся с острым обломанным концом. Возможно данный обломок использовали в качестве импровизированного инструмента для нанесения насечек, процарапывания. Мелкие фрагменты птичьих костей (гусь, утка), составили 5,28% от общего числа определимого материала (23 фрагмента).

Таким образом, в остеологическом материале раскопок 2019 г. преобладают кости домашних животных, в основном крупного рогатого скота и свиньи домашней. Было определено следующее соотношение: 72,71% домашних, 27,29 % диких животных от общего количества определённых остатков (табл. 1,2). Сильная фрагментированность костных остатков, следы от зубов собак и режущих инструментов свидетельствует о том,

Таблица. 1. Соотношение домашних животных на городище Тясты (2019 г.)
Table. 1. The ratio of domestic animals in the Tiasty hillfort (2019)

Наименование видов	Кости		
	Кол-во	% от числа костей дом. животных	% от общего кол-ва определимых фрагментов костей
Бык домашний	216	68,14	49,53
Свинья домашняя	97	30,60	22,25
Мелкий рогатый скот (овца /коза домашние)	4	1,26	0,92

го. В Прудниках были обнаружены раздробленные кости, принадлежащие этому зверю (Шадыра, 1997, с. 244).

Расположение городища вблизи реки, а также находки рыболовных крючков позволяют предположить, что существенную роль в хозяйстве его жителей играло рыболовство. Среди остеологического материала отмечены остатки рыб, но они отличаются плохой сохранностью и составили всего 8 фрагментов

что жители городища активно употребляли в пищу мясо домашних животных, особенно представителей крупного рогатого скота. На костях диких животных подобные следы искусственных повреждений встречаются реже, однако их тоже употребляли в пищу пусть в меньшей степени. В пользу того, что на памятнике подвергали термической обработке мясо животных, свидетельствует и то, что среди остатков попадают кальциниро-

Таблица. 2. Соотношение диких животных на городище Тясты (2019 г.)
Table. 2. The ratio of wild animals in the Tyasty hillfort (2019)

Наименование видов	Кости		
	Кол-во	% от числа костей дик. животных	% от общего кол-ва определимых фрагментов костей
Лось	54	45,38	12,38
Кабан	27	22,69	6,19
Косуля	2	1,68	0,46
Бобр	1	0,84	0,23
Куница	2	1,68	0,46
Медведь	2	1,68	0,46
Гусь /утка	23	19,33	5,28
Рыбы	8	6,72	1,84

ванные фрагменты костей бело-серого, бело-жёлтого цвета, а также частично обожжённые и обугленные остатки, процент которых составил 9,47% (125 фрагментов).

По итогам археозоологического исследования 1981 г. и 2019 г. можно сказать, что у населения городища Тясты преобладало животноводство, в особенности, крупный рогатый скот, который использовался не только для получения мяса, но и молока. Процент костных остатков быка домашнего в Тястах (49,53%) выше, чем у других городищ Северной Беларуси. Наиболее приближенный процентный показатель у городища Кубличи (основанное в IV в. до н.э. — III в. н.э.) с 35,7% крупного рогатого скота (Шадыро, 1985, с. 91–92, табл. 6,7).

Второй по популярности вид мясного животного, который был распространён на данном городище — это свинья домашняя. Процент остатков свиньи домашней в Тястах (22,6% в коллекции 1981 г. и 22,25% в коллекции 2019 г.) также выше, чем на других памятниках севера Беларуси, где в среднем процентное соотношение этого вида составляет 7,2% — 11,8% (Шадыро, 1985, с. 91–92, табл. 6,7). Более близкими по процентному соотношению свиньи домашней городища Средней Беларуси, например, на Лабенщине остатки этого животного составляют 21,4%. (Егорейченко, 2006, с. 99–101).

Что касается мелкого рогатого скота и лошади, то судя по малочисленным костным остаткам, у населения городища Тясты эти виды не пользовались особой популярностью в животноводстве. Средний показатель мелкого рогатого скота по памятникам Северной Беларуси составляет 18% от всех опреде-

лённых остатков. На смежных территориях (Средняя Беларусь и Прибалтика — до 20%, Смоленщина — до 24%) процентное соотношение немного выше, за исключением территорий юга Беларуси, где мелкий рогатый скот составляет в среднем 17% (Шадыро, 1985, с. 91–92, табл. 6,7; Егорейченко, 2006, с. 99–101; Шмидт, 1991 с. 68). В Тястах обнаружено крайне мало костных остатков, принадлежащих мелкому рогатому скоту. При раскопках 1981 г. — 7,6%, а в 2019 г. — 1,47% от общего числа определимого материала. Практически отсутствуют остеологические остатки лошади, что также не характерно для других памятников Северной Беларуси, Смоленщины и памятников культуры поздней штриховой керамики, где процент костей лошади был от 10% и выше (Шадыро, 1985, с. 91–92, табл. 6,7; Егорейченко, 2006, с. 99–101).

На памятниках севера Беларуси средний показатель составляет 66% домашних животных и 34% диких животных соответственно. Средний показатель городища Тясты, по данным исследований 1981 г. и 2019 г., 71,4% домашние животные и 28,6% дикие. Среди памятников Белорусского Подвинья, наиболее близкие показатели процентного соотношения домашних и диких животных прослеживаются на городище Кубличи (Ушачский район Витебской области), где домашние животные составляют 71,4%, дикие — 28,6% соответственно (Шадыро, 1985, с. 91–92, табл. 6,7).

Видовой состав диких животных, на которых охотилось население городища Тясты, схож с традиционным перечнем животных популярных в охотничьем промысле населения большинства памятников лесной зоны. Жители городища добывали таких животных,

как кабан, бобр и олень. Наиболее приоритетной добычей являлся лось, дающий большое количество мяса, шкуру и рога, которым находили широкое применение (Краснов, 1971, с. 106–108; Шадыра, 1997, с. 244).

Благодарности:

Искренне благодарю автора исследований В.И. Шадыро и Н.П. Александрович, выполнившей определение остеологического материала, за возможность использования результатов анализа.

Искренне благодарю автора исследований Курлович П.С., за возможность работы с полевым отчётом и предоставленные остеологические материалы для их дальнейшего определения.

ЛИТЕРАТУРА

Александрович Н.П. Археозоологический анализ охотничьей териофауны средневековой Беларуси. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 232 с.

Егорейченко А.А. Культуры штрихованой керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

Зыль А.В. Итоги археозоологического изучения материалов с раскопок 2019 г. на городище Тясты Верхнедвинского района Витебской области // Актуальная археология 5. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых (13–16 апреля 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. К.В. Конончук. СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2020. С. 31–34.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы / МИА. № 174. М: Наука, 1971. 166 с.

Курлович П.С. Справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак гарадзішча каля вёскі Цясты Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці і археалагічных разведак у Верхнядзвінскім і Міёрскім раёнах Віцебскай вобласці і Вілейскім раёне Мінскай вобласці ў 2019 г. / ЦНА НАН Беларусі. Ф. Арх. № 3751.

Курлович П.С. Папарэдня вынікі археалагічных даследаванняў на гарадзішчэ Цясты (Марыліна Гара) у 2019 годзе // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. арт. V міжнар. навук. канферэнцыі (Полацк, 15–16 крас. 2021 г.) Наваполацк: Полац. дзярж. ун-т, 2021. С. 39–43.

Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.

Пронина И.Г., Гарутт В.Е. Остатки животных из поселений III в. до н.э. – V в. н.э. Минской области БССР // Материалы по археологии БССР. Т. 1. / Ред. Е.И. Корнейчик, К. М. Поликарпович. Минск: АН БССР, 1957. С. 165–181.

Паавер К.Л. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Тарту: Ин-т зоологии и ботаники АН Эст. ССР, 1965. 497 с.

Шадыро В.И. Отчет о разведках и раскопках в Верхнедвинском и Полоцком районах Витебской области в 1981 г. / ЦНА НАН Беларусі. Ф. Арх. № 816.

Шадыро В.И. Отчет о разведках и раскопках в Верхнедвинском районе Витебской области и разведке в Сморгонском районе Гроденской области в 1982 г. / ЦНА НАН Беларусі. Ф. Арх. № 796.

Шадыро В.И. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск: Навука і тэхніка, 1985. 126 с.

Шадыра В.І. Раскопки Марылінай гары // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1985. № 3. С. 39–40.

Шадыра В.І. Жывёлагадоўля і паляванне ў жыцці насельніцтва Беларускага Паддзвіння ў 2-ой пал. I тыс. н.э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 12 / Нав. рэд. А.М. Мядзведзеў. Мінск.: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 1997. С. 241–246.

Шадыра В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. 150 с.

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.: Прометей, 1992. 208 с.

Информация об авторе:

Зыль Алеся Викторовна, магистр исторических наук, преподаватель, младший научный сотрудник кафедры археологии и специальных исторических дисциплин. Исторический факультет. Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь); dartzyll@gmail.com

REFERENCES

Aleksandrovich, N. P. 2014. *Arkheozooloogicheskiiy analiz okhotnich'ey teriofauny srednevekovoy Belarusi (Archaeozoological analysis of the hunting theriofauna of medieval Belarus)*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing (in Russian).

Egorejchenko, A.A. 2006. *Kul'tury shtrikhovanoj keramiki (Cultures of hatched pottery)*. Minsk: Belarus State University (in Russian).

Zyl, A. V. 2020 In Kononchuk, K. V. (ed.) *Aktual'naiia arkheologiya: kompleksnye issledovaniia v arkheologii (Current Archaeology: Comprehensive Studies in Archaeology)* 5. Saint Petersburg: "Nevskaya Tipografiya" Publ., 31–34 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1971. *Ranee zemledelie i zhivotnovodstvo v lesnoj polose Vostochnoj Evropy (Early agriculture and livestock farming in the forest belt of Eastern Europe)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 174. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kurlovich, P. S. 2019. *Spravzdacha ab pravyadzenni arkhealogichnykh raskopak garadzishcha kalya veski Tsyasty Verkhnyadzvinskaga raena Vitsebskay voblastsi i arkhealogichnykh razvedak u Verkhnyadzvinskim i Mierskim raenakh Vitsebskay voblastsi i Vileyskim raene Minskay voblastsi y 2019 g. (Report on the archaeological excavations of the settlement near the village of Tyasty in the Vierchniadzvinsk district of the Vitebsk region and archaeological survey in the Vierchniadzvinsk and Miory districts of the Vitebsk region and Vileyka district of the Minsk region in 2019.)*. Central Scientific Archive National Academy of Sciences of Belarus. Fund. Arch. No. № 3751 (in Belarusian).

Kurlovich, P. S. 2021. *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki palyavykh i mizhdystsypinarynykh dasledavannyay: zb. art. V mizhnar. navuk. kanferentsyi (Polatsk, 15–16 kras. 2021 g.) (Belarus Dvina area: experience, methodology and results of field and interdisciplinary research: coll. art. V international of science conference)* Novopolatsk: Polotsk State University, 39–43 (in Belarusian).

Mitrofanov, A. G. 1978. *Zheleznyy vek sredney Belorussii (VII–VI vv. do n. e. – VIII v. n. e.). (Iron Age of Central Belarus (7th–6th centuries BC - VIII century AD))*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Pronina, I. G., Garutt, V. E. 1957. In Korneichik, E. I., Polikarpovich, K. M. (eds.). *Materialy po arkheologii BSSR (Materials on BSSR archaeology)* 1. Minsk: Academy of Sciences of the BSSR, 165–181 (in Russian).

Paaver, K. L. 1965. *Formirovanie teriofauny i izmenchivost' mlekoopitayushchikh Pribaltiki v golotsene (Formation of the theriofauna and variability of the Baltic mammals in the Holocene)*. Tartu: Institute of Zoology and Botany of the Academy of Sciences of the Estonian SSR (in Russian).

Shadyro, V. I. 1981. *Otchet o razvedkakh i raskopkakh v Verkhnedvinskom i Polotskom rayonakh Vitebskoy oblasti v 1981 g. (Report on reconnaissances and excavations in the Vierchniadzvinsk and Polotsk districts of the Vitebsk region in 1981)*. Central Scientific Archive National Academy of Sciences of Belarus. Fun. Arch. No. 816 (in Russian).

Shadyro, V. I. 1982. *Otchet o razvedkah i raskopkah v Verhnedvinskom rajone Vitebskoy oblasti i razvedke v Smorgonskom rajone Grodenskoy oblasti v 1982 g. (Report on reconnaissances and excavations in the Vierchniadzvinsk district of the Vitebsk region and reconnaissance in the Smorgon district of the Grodno region in 1982)*. Central Scientific Archive National Academy of Sciences of Belarus. Fund. Arch. No. 796 (in Russian).

Shadyro, V. I. 1985. *Rannii zheleznyi vek Severnoi Belorussii (Early Iron Age of Northern Belarus)*. Minsk "Navuka i tekhnika" Publ. (in Russian).

Shadyra, V. I. 1985. In *Pomniki gistoryi i kul'tury Belarusi (History and culture sites of Belarus)* (3), 39–40 (in Belarusian).

Shadyra, V. I. 1997. In Medvedev, A. M. (ed.). *Gistorichna-arkheologichy zbornik (Historical and Archaeological Collection of Papers)* 12. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 213–225 (in Russian).

Shadyra, V. I. 2006. *Belaruskae Padzvinne (I tysyachagoddze n.e.). (Belarus Dvina area (1st millennium AD))*. Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (in Belarusian).

Shmidt, E. A. 1992. *Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (Tribes of the upper reaches of the Dnieper River before the formation of the Old Rus state)*. Moscow: "Prometheus" Publ. (in Russian).

About the Author:

Zyl Alesia V. Master of Historical Sciences, Lecturer. Junior researcher at the Department of Archeology and Special Historical Disciplines. History department. Belarusian State University. Mendeleeva Str., 36, Minsk, 220037, Republic of Belarus; dartzyll@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.78.85>

АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ НА ОСНОВЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ

© 2023 г. М.Г. Калашников, Е.Е. Воробьева, Г.М. Сайфутдинова

В статье представлены результаты геоинформационного анализа закономерностей пространственного распределения археологических памятников и их локализации на территории Марийского Поволжья. Территория Марийского Поволжья – одна из наиболее значимых территорий с большой концентрацией археологических памятников различных эпох, археологических культур. Объектом исследования послужили археологические памятники таких районов Республики Марий Эл как: Звениговский, Волжский и Горномарийский. Следует отметить, что в вышеуказанных районах зафиксированы памятники всех археологических периодов и различных археологических культур. В результате верификации 128 археологических объектов рассматриваемых областей территории Марийского Поволжья установлены особенности расположения и определенная зависимость локализации археологических памятников рассматриваемой территории от периода существования.

Ключевые слова: поселенческая археология, геоинформационные системы, Марийское Поволжье, поздняковская культура, приказанская культура, культура текстильной керамики, чирковская культура, волосовская культура, эпоха бронзы, стоянка, селище, городище, поселение, верификация, пространственный анализ.

SPATIAL ANALYSIS OF BRONZE AGE SETTLEMENTS OF THE MARI VOLGA REGION

M.G. Kalashnikov, E.E. Vorobeva, G.M. Sayfutdinova

The article presents the results of geoinformation analysis of the patterns of spatial distribution of archaeological sites and their localization on the territory of the Mari Volga region. The territory of the Mari Volga region is one of the most significant territories with a large concentration of archaeological sites of various epochs, archaeological cultures. The object of the study was the archaeological sites of such districts of the Republic of Mari El as: Zvenigovsky, Volzhsky and Gornomariysky. It should be noted that sites of all archaeological periods and various archaeological cultures are recorded in the above-mentioned areas. As a result of verification of 128 archaeological sites of the considered regions of the territory of the Mari Volga region, the features of the location and a certain dependence of the localization of archaeological monuments of the territory under consideration on the period of existence were established.

Keywords: settlement archaeology, geoinformation systems, Mari Volga region, Pozdnyakovo culture, Prikazanskaya culture, textile ceramics culture, Chirki culture, Volosovo culture, Bronze Age, settlement, verification, spatial analysis.

Вторая половина двадцатого столетия в археологии ознаменована активными исследованиями археологических памятников с использованием пространственно-временного аспекта. Это позволило, в свою очередь, дать развитие такому направлению как поселенческая археология (так называемая Settlement Archaeology), которая предполагает изучение изменяющихся структур поселений как части анализа адаптивных взаимодействий между людьми и их внешней средой, как естественной, так и культурной (Chang, 1968; The Archaeology of Ancient China, 1984).

Следует отметить, что поселенческая археология не осталась без внимания современных технологий. В частности, с конца 1990-х гг. в археологии, в том числе и в поселенческой, широко применяются геоинформационные (ГИС) технологии. В поселенческой археологии большой популярностью пользуется пространственный анализ, который позволяет не только фиксировать географические координаты археологических объектов, но упорядочить и, в известной мере, объяснить археологический материал как источник познания прошлого (Клейн, с. 270–271).

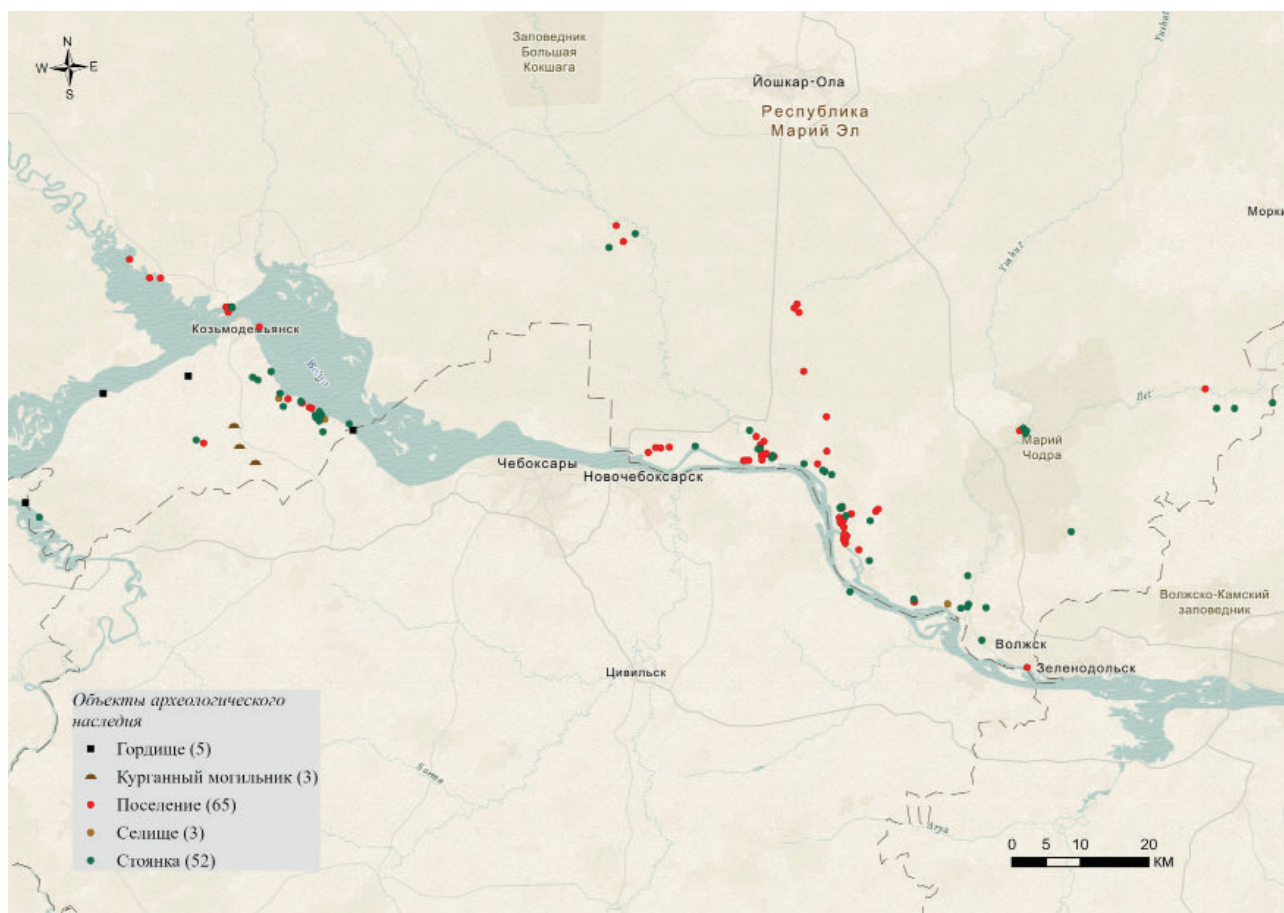

Рис. 1. Археологические памятники Марийского Поволжья.

Fig. 1. Archaeological sites of the Mari Volga area.

Известно, что организация пространства и ее особенности являются одной из качественных характеристик любой культуры (Быстрова, 2004). Нет сомнения и в том, что в поселенческой археологии, как и в изучении погребальных памятников, в целом, помимо временного (стратиграфического, «исторического») важное значение имеет территориальный (географический, планиграфический) аспект. Он может быть представлен как изучением всех поселений в пределах так называемого микрорайона (группа поселений), так и исследованием межпоселенческих пространств.

В качестве объекта пространственного анализа была выбрана территория Марийского Поволжья, как одна из наиболее изученных территорий с точки зрения археологии и с большей концентрацией объектов археологического наследия различных эпох, археологических культур. Наше внимание сосредоточено на трех районах республики Марий Эл: Волжский, Звениговский и Горномарий-

ский. Эти районы выбраны не случайны. Именно в этих районах наблюдается большая концентрация поселенческих памятников. Также нами обследовались, в первую очередь, те археологические объекты, для которых по результатам разведок и раскопок известна хронологическая принадлежность (хотя бы с точностью до эпохи – бронзовый век, железный век и т. д.). Несомненно, что при этом неизбежно сокращается количество памятников (примерно вдвое), но они обладают несравненно большими возможностями в плане интерпретации закономерностей их положения в пространстве, чем объекты неизвестной культурной атрибуции.

Фактическим материалом послужил свод археологических памятников для данной территории (Никитин, 2009, с. 3–125). По материалам карты верифицировано 128 объектов археологического наследия на территории Горномарийского, Звениговского и Волжского районов Республика Марий Эл, которые включают: 5 городищ, 3 курганных могильни-

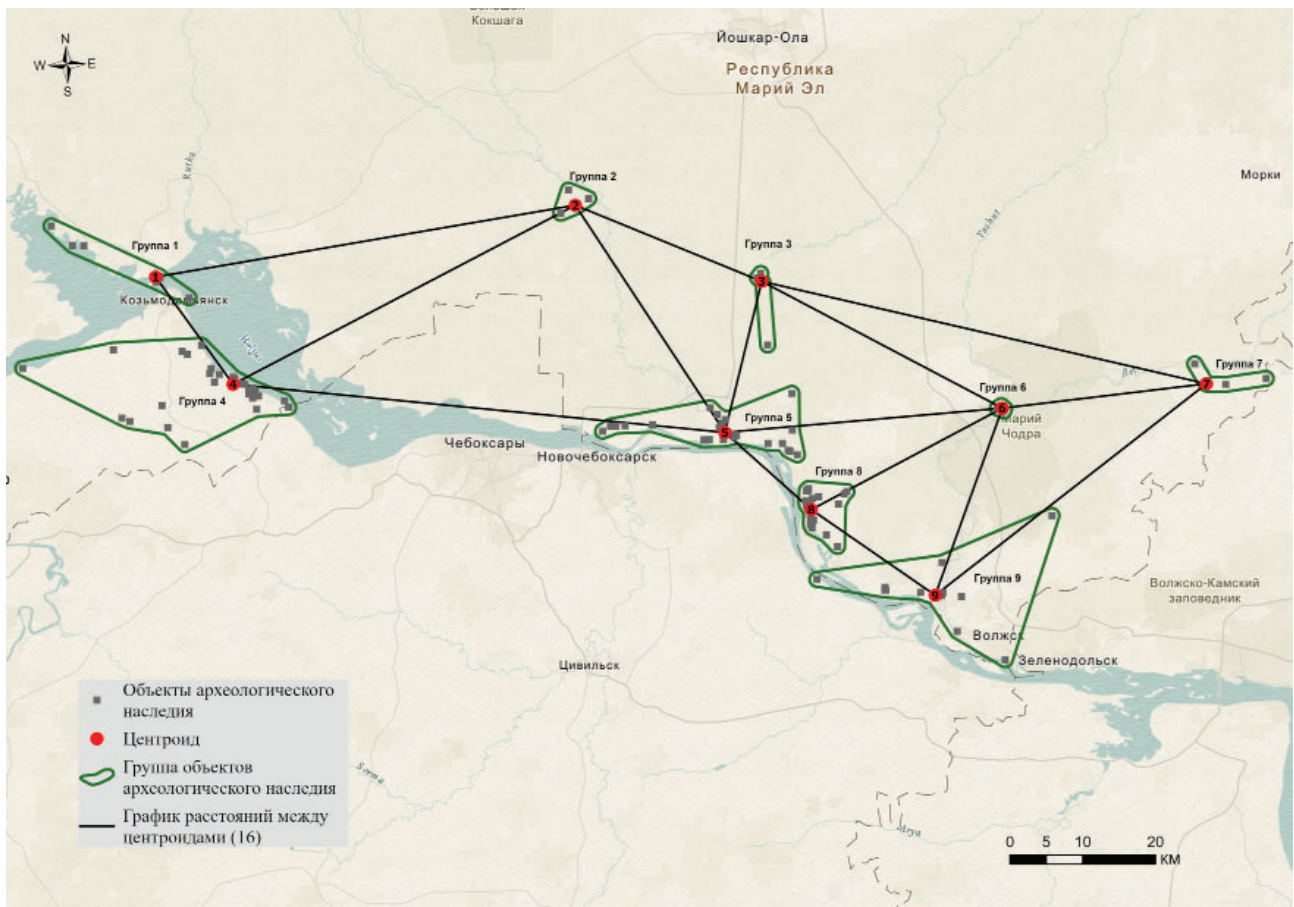

Рис. 2. Расположение групп памятников с указанием расстояния между ними.
Fig. 2. Location of groups of sites with indicating the distance between them.

ка, 65 поселений, 3 селища, 52 стоянки, относящихся к таким археологическим культурам как: приказанская, поздняяковская, чирковская, волосовская, ананьинская и абашевская. (рис. 1).

По результатам верификации была составлена база геоданных, в которую заносилась атрибутивная информация из указанного выше источника.

На основе пространственного анализа определены семейства (микрорайоны) памятников по территориальным и географическим признакам. Всего выделено 10 групп (семейств, микрорайонов) памятников рассматриваемой территории. Следует отметить, что для каждой группы объектов археологического наследия построены границы, локализирующие их местоположение (рис. 2).

В рамках перспективы использования объектов историко-культурного наследия в целях рекреации особое значение имеет видимость объектов в ландшафте местности. Проведенные работы позволили установить,

что часть археологических объектов тяготеющих к зонам водоразделов и припойменным участкам имеют высокий процент видимости с горизонта местности.

Одним из индикаторов расселения является также плотность населения. Она позволяет судить о неравномерности заселения территории. В локальных системах расселения плотность населения может свидетельствовать о положении центральных мест, то есть главных населенных пунктов данной системы, которые управляют ею или имеют в ней важное функциональное значение. В связи с этим, для девяти из десяти групп памятников построены центроиды, определяющие места скопления объектов археологического наследия. Следует отметить, что для группы под номером 10 центроид строить нецелесообразно, поскольку в группе всего два памятника. Следующий шаг, построение графиков между центроидами и определение расстояний между ними (рис. 2). Среднее расстояние между центроидами 37 км.

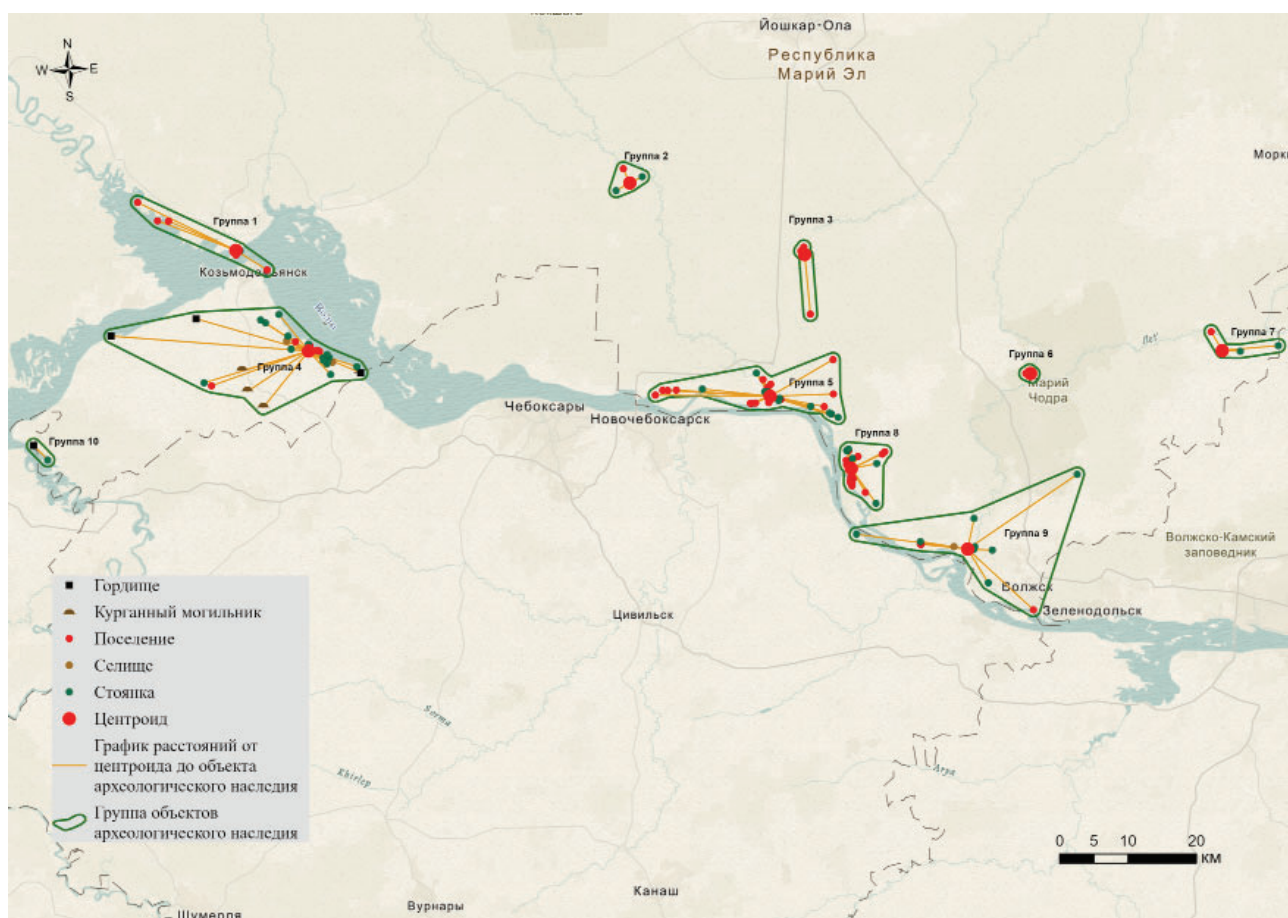

Рис. 3. Группы памятников.

Fig. 3. Groups of sites.

Далее, в пределах самостоятельной группы объектов археологического наследия построены графики (сети) от центроида до объектов археологического наследия, находящихся внутри группы. Расстояние от центроида до памятника варьирует в пределах от 100 м до 28 км (рис. 3).

В качестве примера рассмотрим группу. Данная группа памятников, расположенная на правом берегу реки Волга в юго-восточном направлении от города Козьмодемьянск, включает в себя 22 археологических объекта (рис. 4).

При этом, значительная часть памятников 4 группы, а именно 12 памятников, относятся к эпохе бронзы, 5 памятников – к эпохе раннего железного века, 3 – эпоха камня и энеолита.

Говоря о высоте расположения вышеуказанных памятников над уровнем моря, необходимо отметить, что 14 из них находятся на высоте 61-83 м над уровнем моря, 5 – на 83-105 м, а оставшиеся 3 памятника расположены на высотах 105–127, 127–149, 149–171

м соответственно. Из них, на уровне 61–83 м расположено 2 городища, 6 стоянок, 1 селище и 5 долговременных поселений. Точка 83–105 м занята лишь 5 стоянками. На высоте 105–127 м расположено селище. Уровни 127–149 и 149–171 имеют по одной (рис. 5).

Анализируя вышеуказанные данные, можно прийти к выводу, что 63,6% памятников четвертой группы были расположены на высоте 61-83 м над уровнем моря, что составляет большинство от общего количества памятников данной группы. При этом, 27,3% археологических объектов, расположенных на данной высоте, представлены стоянками, 22,7% – долговременными поселениями, городищами – 9,1% и селищами – 4,5%.

Если рассматривать по принадлежности к археологическим культурам, то мы можем сказать следующее: по 16,7% от общего количества памятников, расположенных в диапазоне высоты 61-83 м над уровнем моря, занимают объекты археологического наследия, относящиеся к волосовской, поздняяковской

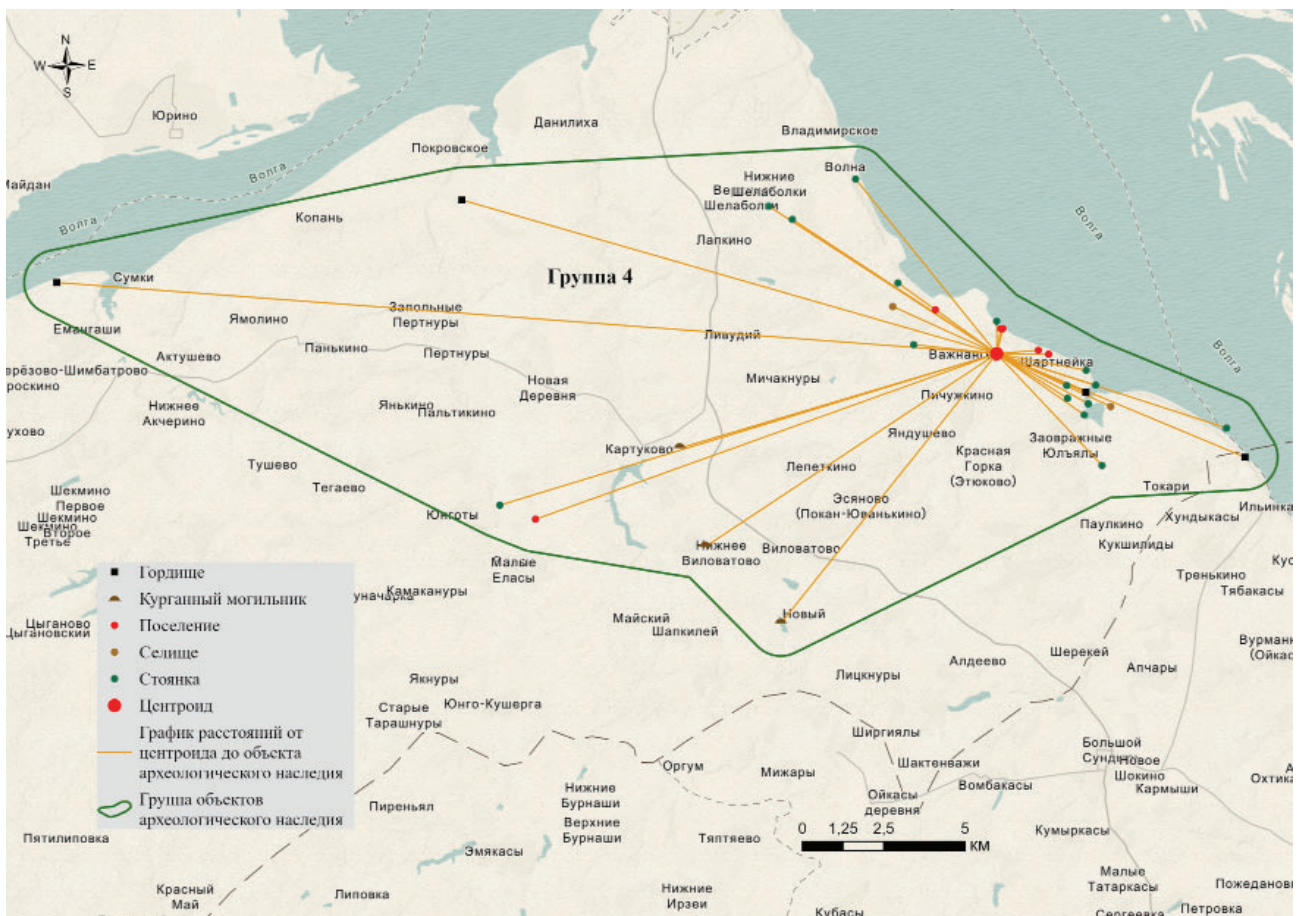

Рис. 4. Памятники группы №4.

Fig. 4. Sites of group No. 4.

и ананьинской археологическим культурам; 9% поселенческих памятников представлены археологическими объектами с культурой «текстильной» керамики» и лишь 4,5% памятников относятся к чирковской культурой (рис. 6).

Рассматривая соотношение между принадлежностью к археологической культуре и типом поселенческого памятника, мы видим следующую картину: поздняя культура представлена 5 поселениями (22,7%), среди которых одно поселение содержит керамический материал населения «текстильной «керамики»; ананьинская культура - 2 стоянками (9%), 1 селищем (4,5%) и 1 городищем (4,5%). Чирковская археологическая культура на данной высоте представлена всего лишь одним объектом археологического наследия – городищем (4,5%); волосовская – 4 стоянки (18,1%), на одной из которых зафиксирована текстильная керамика (рис.7).

Данные, полученные благодаря вышеописанному анализу, дают возможность прийти

к выводу, что наиболее распространенными типами памятников в данной группе на высоте 61-83 м над уровнем моря являются стоянки и поселения волосовской и поздняя культура соответственно. Более того, культура «текстильной» керамики на данной высоте не встречается в самостоятельном виде, а сопровождается другими культурами. Самый редкий тип памятника – селище ананьинской культуры.

Второй высотный диапазон, равный 83–105 м над уровнем моря, включает в себя 5 археологических объектов поселенческого характера. Это – 4 поселения поздняя культура и 1 поселение волосовской культуры. При этом, поселения поздняя культура, составляющие 80% от общего количества памятников данного высотного эшелона, относятся к эпохе бронзы, за исключением одного поселения, которое датируется Каменным веком. Стоянка волосовской культуры так же относится к Эпохе Бронзы.

На высоте 105-127 м расположено селище чирковской культуры, на уровне 127–149

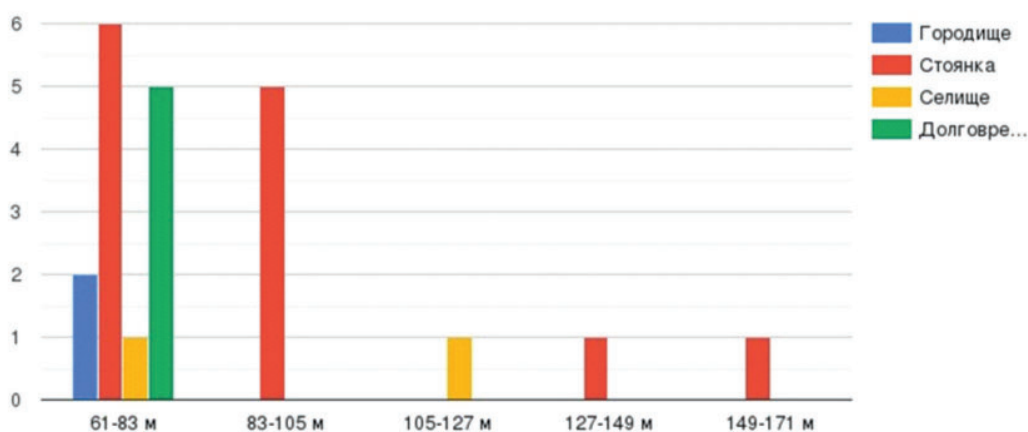

Рис. 5. Распределение археологических объектов группы №4 по типам.

Fig. 5. Allocation of archaeological objects of group No. 4 by types.

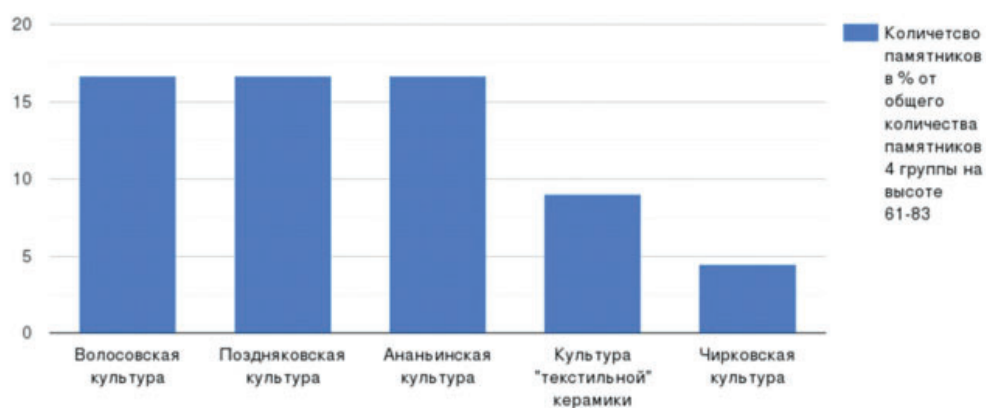

Рис. 6. Распределение археологических объектов группы №4 по археологическим культурам.

Fig. 6. Allocation of archaeological objects of group No. 4 by archaeological cultures.

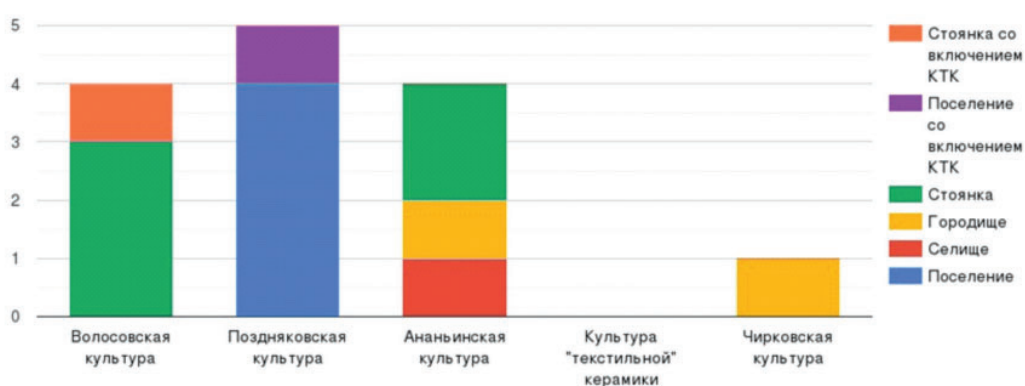

Рис. 7. Распределение археологических объектов группы №4 по археологическим культурам.

Fig. 7. Allocation of archaeological objects of group No. 4 by archaeological cultures.

м – стоянка поздняковской культуры. Самым «высоким» поселением на рассматриваемой территории является поселение населения культуры «текстильной керамики», расположенное на уровне 149–171 м. Все 3 вышеперечисленных памятника относятся к эпохе бронзы.

Таким образом, анализируя локализацию памятников всех десяти групп (микрорайонов) на рассматриваемой территории, можно прийти к следующим выводам. Прежде всего следует отметить, что большинство памятников относятся к волосовской культуре (35,8%). Вторая по распространенности культура –

Рис. 8. Распределение археологических объектов по археологическим культурам.
Fig. 8. Allocation of archaeological objects by archaeological cultures.

приказанская (29,6%), памятники населения культуры «текстильной» керамики составляют 24,7%. Реже всего представлена чирковская культура – к ней относится лишь 3,4% памятников. Ананьинская культура и памятники без определенной культуры занимают по 3,3 % соответственно.

Абсолютное большинство (84%) памятников выделенных групп (микрорайонов) расположены на высоте 61–83 м над уровнем моря (115 памятников), высоту 83–105 м занимают 12,4 % всех памятников (10 памятников). Высоты 105–127, 127–149, 149–171 м содержат по одному памятнику (1,2 % на диапазон).

Исходя из вышеуказанных данных, становится возможным выдвинуть следующее предположение о причине столь высокой заселённости высоты 61–83 м над уровнем моря: вероятнее всего, подобный выбор делался в пользу близкого расположения реки, обеспечивающей промыслы и торговлю. Так же немаловажную роль играл и сезонный разлив реки, который мог стать одним из определяющих факторов земледелия, так как расстояние от посевных площадей до реки влияло на степень увлажнённости почв. Таким образом, появлялась золотая середина, которая позволяла поддерживать почвы в приемлемом для земледелия состоянии, и при этом не становится жертвой наводнений, вызванных разливом р. Волги.

Самый распространенный тип – долговременные поселения. Они представлены 43 памятниками (53,1%), чуть меньше стоянок – 33 памятника (40,7%). Меньше всего представлены селища и городища – 3,7% и 2,5% соответственно. При этом, значительная часть объектов археологического наследия на рассматриваемой территории относятся к эпохе бронзы (60,6%, в том числе 34,6% памятников относятся к периоду поздней бронзы). Меньше всего памятников зафиксировано с археологическим материалом, принадлежащих к эпохам раннего железного века (7,41%) и каменного века (2,41%).

Несмотря на долю допуска, в проектируемых моделях вырисовывается вполне определенная картина расселения человека на данной территории, отражающая его природные особенности и специфику хозяйственного цикла. Неравномерность размещения населения можно объяснить действием нескольких факторов – природного, исторического, демографического и социально-экономического. Однако, более полную картину степени зависимости локализации памятников населения Марийского Поволжья от природно-климатических условий, а также адаптационный механизм взаимодействия с окружающей средой возможно представить при дальнейшем детальном изучении данного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 416 с.

Быстрова А.Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). Новосибирск: СО РАН, 2004. 240 с.

Клейн Л.С. Археологические источники. СПб.: Фан, 1995. 352 с.,

Chang K.C. Settlement Archaeology. Palo Alto, CA: National Press, 1968.

Kwang-chih Chang. The Archaeology of Ancient China. 3d ed. New Haven, CT: Yale University Press. 1984.

Информация об авторах:

Калашников Марк Глебович, обучающийся 3 курса Института международных отношений, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); marckalashnikov@yandex.ru

Сайфутдинова Гузель Маратовна, кандидат технических наук, заведующий отделом геоинформационных технологий Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); доцент кафедры геофизики и геоинформационных технологий Казанского федерального университета (г. Казань, Россия); saif_gm@mail.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Казанского федерального университета (г. Казань, Россия); доцент информационно-редакционного отдела, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); доцент кафедры археологии, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); veer47@mail.ru

REFERENCES

Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaja karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligraficheskoe-izdatel'skii kombinat" Publ. (in Russian).

Bystrova, A. N. 2004. *Problema kul'turnogo prostranstva (opyt filosofskogo analiza) (The problem of cultural space (experience of philosophical analysis))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Klein, L. S. 1995. *Arkheologicheskii istochnik (Archaeological Sources)*. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).

Chang, K. C. 1968. *Settlement Archaeology*. Palo Alto, CA: National Press.

Kwang-chih Chang. 1984. *The Archaeology of Ancient China*. 3d ed. New Haven, CT: Yale University Press.

About the Authors:

Kalashnikov Mark G. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; marckalashnikov@yandex.ru

Sayfutdinova Guzel M. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; saif_gm@mail.ru

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Samarkand State University. 15 University boulevard, 140104, Samarkand, Uzbekistan; veer47@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904 (093)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.86.92>

ТЕКСТИЛЬ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ ПО ДАННЫМ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ XI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВЕКА

© 2023 г. Е.М. Калугина

В статье исследуются берестяные грамоты домонгольского времени, содержащие данные об использовавшемся на Руси текстиле. При рассмотрении грамот обращается внимание на применение населением текстиля из разных типов сырья, на упоминаемые в текстах виды древнерусских тканей, их окраску, назначение некоторых тканей. На основе анализа содержания грамот прослеживается участие текстиля в операциях купли-продажи, натуральном товарообмене, уплате податей. Кроме того, отмечается местное производство отдельных видов упоминаемых в грамотах тканей. Подчеркивается соответствие сведений, представленных в грамотах и в летописных источниках. Изучение берестяных грамот показало, что в Домонгольской Руси был распространен текстиль из шелка, шерсти и растительных волокон; при этом, текстиль являлся предметом внутренней торговли, он продавался на рынке, обменивался на другие товары. Также исследование подтвердило факт использования древнерусским населением импортных тканей, в том числе византийского и восточного производства, что указывает на участие Руси в международной торговле.

Ключевые слова: археология, средневековье, домонгольская Русь; берестяные грамоты, источник, виды тканей, сырье, ткани местного производства, импорт.

PRE-MONGOL RUS TEXTILES ACCORDING TO BIRCHBARK LETTERS OF THE 11TH – FIRST THIRD OF THE 13TH CENTURY

E. M. Kalugina

The author considers Pre-Mongol birchbark letters, containing data on textiles common in Rus. When studying birchbark letters, a special focus is given to the information on the use of textiles made of different raw materials, to the types of Old Russian textiles mentioned in the texts, their coloring, to the ways of using of some textiles. On the basis of the analysis of the content of these letters, it's figured out that textiles were involved in purchase and sale operations, natural exchange, tax payments. Besides that, the local manufacturing of certain types of textiles is noted. It's also stressed that the data presented in birchbark letters corresponds to the information from the chronicle sources. Thus, the study of birchbark letters showed that Pre-Mongol Rus population used textiles made of silk, wool and vegetable fibers; textiles were the object of internal trade, they were being sold at the domestic market or being bartered for other goods. The research also proved the fact of wide spread of imported textiles, including Byzantine and Eastern products, which indicates the participation of Rus in international trade.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Pre-Mongol Rus, birchbark letters, source, range of textiles, raw material, local textiles, imported textiles.

Сведения о текстиле домонгольской Руси дают археологические материалы и письменные источники. При этом особую группу источников составляют берестяные грамоты XI – первой трети XIII в. Представляется, что данные берестяных грамот имеют важное значение при изучении текстиля домонгольской Руси, так как грамоты являлись документами повседневного общения, писались с определенными практическими целями и не были предназначены для неограниченного круга читателей, в том числе для изучения потомками, соответственно, содержа-

ние грамот было приближено к реальностям жизни населения средневековых городов. Кроме того, документы на бересте датируются в большинстве случаев с точностью до 20–50 лет (Зализняк, 2004, с. 19), в связи с чем могут быть отнесены к достаточно узкому хронологическому периоду.

Берестяные грамоты, содержащие информацию о текстиле домонгольской Руси, обнаружены в Новгороде, Старой Руссе и Торжке. Следует отметить, что тексты, касающиеся текстиля, составляют лишь незначительную часть от общего числа выявленных грамот.

Так, в настоящее время имеются сведения об обнаружении в древнерусских городах порядка 1212 берестяных грамот, из которых 634 грамоты составлены в домонгольский период (gramoty.ru); при этом лишь в 22 грамотах XI – первой трети XIII в. имеются упоминания непосредственно о текстиле (20 грамот из Новгорода, по 1 грамоте из Ст. Руссы и Торжка). Грамоты, касающиеся текстиля, относятся к числу частных писем и деловых документов.

подавляющее большинство рассматриваемых грамот найдены в Новгороде. Среди всех новгородских грамот со сведениями о текстиле выделяется группа текстов, обнаруженная на Троицком раскопе, автором которых являлся Яким. Все грамоты Якима датированы последней четвертью XII в. – первой четвертью XIII в. Они представляют собой в основном хозяйственные записи с указанием размера, стоимости и количества разных предметов.

В нескольких грамотах Якима упоминается такая ткань, как водмол. В частности, в грамоте № 927, являющейся записью о расходах либо поручением доставить продавцу деньги за покупку товара, отмечено: «А вот за водмолец монашеский пять с половиной кун» (Зализняк, 2004, с. 482). Водмолем называли один из видов сукна, который был грубым и небеленым (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 20). Приведенный текст указывает стоимость сукна, подлежащего получению или оплате. Из грамоты следует, что водмол предназначался для шитья монашеской одежды либо был изготовлен монахами, а также что в Новгороде данный вид ткани являлся предметом купли-продажи. Кроме того, информация о водмоле содержится в написанной Якимом грамоте № 1032: «А вот за водмол за 20 локтей без шести...» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 131–132). В процитированной грамоте указывалась цена водмола, но продолжение фразы не сохранилось. Тот же вид сукна упоминается и в грамоте Якима № 1023, в одном из фрагментов которой перечислены разные товары и имена людей, у которых эти товары приобретались: «У Нежаты Худочевича 4 дежи овса за водмол...» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 122). Грамота является хозяйственным документом, в котором учитывались товары и оплата за них. Текст позволяет предположить, что в доме Нежаты изготавливался водмол,

который он поставлял в хозяйство Якима, и за это Нежате платили зерном (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 122). При этом в сведениях из грамоты усматривается, что в Новгороде оплата за товары могла производиться не только деньгами, но и сельскохозяйственной продукцией.

В записях Якима имеются данные и о других видах тканей. Например, в грамоте № 992 говорилось: «А за 5 локтей червленицы гривна...» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 93). Червленицей называлась дорогая ткань, которая использовалась для церковных одежд (Покровская, Рыбина и др., 2010, с. 122); такая ткань имела красный цвет. В приведенном тексте указывается стоимость ткани, причем по сравнению с ранее упомянутым водмолем стоимость червленицы была гораздо выше (стоимость водмола измерялась в кунах, а стоимость червленицы – в гривнах).

К категории грамот о тканях может быть отнесена еще одна грамота Якима, хотя в ней и не говорится напрямую о каких-либо видах текстиля. Так, в грамоте № 978 отмечено: «(У) Дорожинежичей двадцать пять локтей, по 7 в резане...» (Гиппиус, Сичинава, 2021, с. 228; Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 86). Учитывая, что в рассматриваемом документе мерой измерения являются локти, данную запись следует отнести к операциям с тканью.

Необходимо обратить внимание на то, что Яким не только был автором текстов, но также стал адресатом одной из грамот, упоминающих ткани: грамота № 1110, представляющая собой письмо, адресованное Якиму. В тексте, который был написан Рощеной, последняя поручает Якиму купить ряд товаров, в том числе «...четыре воротника из паволоки...» (Гиппиус, 2019, с. 58–59). Термином паволока с конца XI в. обозначали гладкие однотонные шелковые ткани импортного производства, как правило, византийского (Фехнер, 1982, с. 64). Поскольку Рощена просит купить ей воротники из паволоки, являвшейся достаточно дорогой импортной шелковой тканью, данный документ указывает на состоятельность и знатность женщины, пославшей письмо. Представляется, что текст грамоты свидетельствует о наличии на новгородском рынке паволоки и, соответственно, об участии Руси во внешнеторговых операциях с тканями. При этом рассматриваемая грамота перекликается со сведениями летописных источников

о распространении на Руси византийского шелка (Повесть..., 1996, с. 153, 169; Полное собрание..., 1927, стб. 370, 392).

О другом виде шелка говорит грамота № 675 (40–60-е гг. XII в.), найденная на Троицком раскопе. Грамота является началом письма, автор которого обращается к Миляте и, перечисляя товарно-денежные операции, осуществлявшиеся в Киеве, Луках и Суздале, упоминает о состоявшейся у него с адресатом договоренности: «...из твоих фодудий девять выговорил я себе» (Зализняк, 2004, с. 297). К фодудьям относили восточные златотканые материи (Янин, Зализняк, 1993, с. 63). Данный текст доказывает факт осуществления новгородцами торговых операций в различных регионах Руси и хождения на Руси восточного златотканого текстиля. Кроме того, указанная информация свидетельствует о торговых связях Руси и стран Востока, а также подтверждает данные летописей об использовании на Руси фодудий (Повесть..., 1996, с. 20; Полное собрание..., 1927, стб. 290).

Следует отметить еще четыре грамоты, содержащие сведения о сукне. В частности, грамота № 1057 (40–70-е гг. XII в.), обнаруженная на Рогатицком-2 раскопе, представляет собой документ из двух строк, посвященный приобретению ткани: «За водмол тридцать одна гривна и 10 кун – семьсот пятьдесят (очевидно, локтей); за снаряжение пять с половиной гривен» (Гиппиус, Сичинава, 2021, с. 232). Данная запись является еще одним подтверждением того, что водмол был предметом продажи, а также в тексте указана цена водмола (31 гривна и 10 кун за 750 локтей).

Об осуществлении новгородцами торговли сукном свидетельствует и грамота № 1116 (20–90-е гг. XII в.), обнаруженная на Троицком раскопе. Автор письма просит адресата продать товар, в том числе сукно: «...Сукно продай Сновиду – там сукна на (такую-то сумму). Денег никому не отдавай...» (Гиппиус, 2020, с. 27). Найденная там же грамота № 1114 является фрагментом письма, в котором содержится поручение: «... (заплатите) ячменьком 17 луконов за сукна...» (Гиппиус, 2020, с. 23). Приведенная запись указывает на то, что у новгородцев были распространены платежи не только деньгами, но и другими товарами, в данном случае за сукно предлагалось заплатить зерном. В грамоте № 511,

происходящей из слоев второй половины XII в. Козмодемьянского раскопа, сохранилась лишь часть текста: «От Лазоря ко от ... сукно свить» (Арциховский, Янин, 1978, с. 109). Поскольку, исходя из контекста, в рассматриваемой грамоте «свить» означает вид одежды – свиту (Арциховский, Янин, 1978, с. 109), представляется, что приведенная запись указывает на один из способов применения сукна – из него шили свиты.

О сукне писал и автор грамоты № 245, обнаруженной на Неревском раскопе в слоях второй половины XI в. Плохо сохранившийся текст грамоты был реконструирован следующим образом: «Сукна мои за тобой: красное, очень хорошее – 7 аршин» (Зализняк, 2004, с. 275). Данное сообщение свидетельствует о том, что сукна на Руси окрашивались в разные цвета, в том числе в красный. Также из грамоты усматривается, что сукно могло отличаться качеством.

В новгородских грамотах имеется информация не только о тканях из шерсти и шелка, но и о тканях из растительного сырья. Так, грамота № 609, обнаруженная на Троицком раскопе и датированная 40–90-ми гг. XII в., является хозяйственным документом, содержащим перечень имущества. В тексте приводится список товаров с их ценой, в том числе указаны траты на ткани: «Веретище – 3 ногаты. 40 локтей (не указано, чего) – 9 кун... Полотно – 2 куны» (Зализняк, 2004, с. 425). Вретищем называли грубую ткань, сделанную из льна или конопли; вретище могли использовать как одеяло или подстилку, а также из него делали полог над постелью, который носил такое же название (Зализняк, 2004, с. 425). Полотном считалась обычная льняная ткань, применявшаяся для изготовления повседневной одежды (Срезневский, 1902, стб. 1138). Данная грамота дает сведения о стоимости вретища, полотна и еще одной не названной ткани; кроме того, текст дает представление о соотношении цен на отдельные ткани из растительного сырья, при этом полотно стоило наиболее дешево.

Полотно упоминается и в грамоте № 384 (1160–1200 гг.). Она является письмом Стойнега, адресованным матери, в котором имеется перечень переданных Савве (или купленных у него) предметов, в числе которых указаны «вожжи, полотно, две ложки, два ножа, точильный камень. Вожжи льняные» (Петру-

хин, 2021, с. 411). Перечисление полотна в ряду обычных предметов домашнего обихода говорит о том, что оно было широко распространено среди населения и предназначалось для повседневного использования.

В грамоте № 644 с Троицкого раскопа, датированной первым двадцатилетием XII в., женщина по имени Нежка предъявляет своему брату Завиду претензии по поводу того, что он не присылает ей колтки (височные подвески), и пытается выяснить у брата причину неисполнения ее заказа: «Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь [то, что я дала выковать], то извести меня» (Зализняк, 2004, с. 267). Приведенный текст свидетельствует о распространенности в обиходе льняных тканей, а употребление названия ткани в уменьшительной форме (в грамоте употреблено «хамече» как уничижительная форма от «хамо» – полотно (Янин, Зализняк, 1993, с. 42), что в переводе отображено как «полотнишко») может указывать на небольшую ценность такого текстиля.

Грамота № 722, найденная в Троицком раскопе и относящаяся к середине XII – первому десятилетию XIII в., представляет собой перечень имущества со сведениями о его стоимости, где, помимо шкур животных и денег, отмечены ткани: «Сетей, сукон и холстов – на три гривны» (Гиппиус, 2020, с. 26). О холсте – простой льняной ткани – говорится и в грамоте № 1113, найденной на раскопе Дубошин-2 и датированной последними десятилетиями XII в. Прочитанный документ является письмом, отправленным Иванком и Мирославой, в котором они поручают адресатам сообщить падчерице о необходимости послать им ткань: «...скажите [ей]: «Пошли, вражина, чужой холст: мне нужно сейчас заплатить 18 кун, а я с пустыми руками...» (Гиппиус, 2019, с. 61). Исходя из рассматриваемого текста, льняные ткани так же, как шелковые и шерстяные, являлись предметом купли-продажи. В письме не указаны количество холста и его цена, но поскольку вопрос о возврате упомянутой ткани ставился в зависимости с выплатой 18 кун, представляется, что ее стоимость была сопоставима с данной суммой.

Интересной является информация, содержащаяся в грамоте № 718 (60-е гг. XII в. – первая треть XIII в.), найденной на Михаило-Архангельском раскопе и посвященной сбору недоимки с территории Бежецкого Верха.

В тексте рассматриваемого документа указываются денежные средства и натуральные продукты, составляющие подать, в том числе: «2 попон(е), 2 меха, 2 клетница» (Янин, Зализняк, 2000, с. 16). Как видно из перечня, в число предметов, взыскиваемых в качестве недоимки, включены ткани. Клетнице – это грубый домотканый холст, который изготавливался из льна или конопли (Зализняк, 2004, с. 469). Поскольку клетница взыскивались в качестве подати, представляется, что данный текстиль был местного производства и вырабатывался самим населением, подлежащим обложению.

Необходимо также обратить внимание на грамоту, в которой сведения о тканях даются путем указания их цвета. В частности, в грамоте № 713, найденной на Троицком раскопе и относящейся к концу XII – первому десятилетию XIII в., содержался перечень хозяйственных указаний, в которых Михаль пояснял Прокше, как поступить с определенным товаром, в том числе давал распоряжения в отношении «церѣмени», «роудащечне» и «голубине» (Янин, Зализняк, 2000, с. 12). Перечисленные Михалем наименования являлись названиями тканей в соответствии с их окраской: «чермень» – красная материя, «рудавшина» – буро-красная, «голубина» – голубая (Зализняк, 2004, с. 725, 793, 817). Приведенный текст свидетельствует о разнообразии оттенков цвета, в которые окрашивались ткани на Руси. При этом, поскольку автор называет лишь цвета тканей без дополнительных пояснений об их составе и характеристиках, представляется, что новгородцам было хорошо известно соответствие таких наименований конкретному виду текстиля.

Грамота № 908 с Троицкого раскопа, относящаяся к последней трети XI – началу XII в., может быть отнесена к грамотам о текстиле лишь предположительно. Текст данной грамоты состоит из нескольких слов: «О днь 4 посади» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004, с. 101). Поскольку «поставь» может означать либо «кусочек ткани определенного размера», либо «кушанье, блюдо», то одной из трактовок приведенной записи является: «За день четыре поставы (сукна и т. п.)» (Зализняк, 2004, с. 248). При таком варианте перевода рассматриваемая грамота имеет непосредственное отношение к тканям, представляя собой сообщение о получении товаров или подати.

Следует отметить, что грамоты, касающиеся текстиля, наряду с Новгородом, были также обнаружены в Ст. Руссе и Торжке.

Так, грамота № 8, происходящая из Ст. Руссы и датированная первой половиной XII в., является фрагментом письма, в котором автор сообщает жене или матери, как себя вести с судебным исполнителем. При этом в тексте упоминается «...подкладка с узором из крупных звезд, желтое» или какая-то одежда с подкладкой из такой ткани (Зализняк, 2004, с. 328), которую адресату предлагается использовать при расчетах (отрезать либо отдать часть денег от ее продажи). Узор в форме звезд был характерен для многоцветного узорного шелка (камки, аксамита) (Арциховский, Янин, 1978, с. 149). Данное письмо подтверждает, что в Ст. Руссе использовались импортные ткани, которые могли быть предметом купли-продажи и иных сделок.

В Торжке на Воздвиженском раскопе была найдена грамота № 2, относящаяся к последнему 40-летию XII в. и представляющая собой начало письма Мануйлы, адресованного Сбыне. Текст письма включал поручение о продаже паволок: «Продалѣ есмь паволокоу...

(гр)ивньнь...» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004, с. 121). Приведенная запись свидетельствует о том, что в Торжке продавался византийский дорогой шелк, то есть на рынке данного города имелись импортные ткани.

Таким образом, берестяные грамоты содержат сведения о том, что в домонгольский период на Руси имел применение текстиль из шелка, шерсти и растительных волокон. Кроме того, грамоты указывают конкретные виды тканей из каждого сорта сырья (в том числе ткани из шерсти: сукно, водмол; ткани из шелка: паволоки, фюфудьи; ткани из растительных волокон: полотно, холст, вретиче, клетиче). Также рассматриваемые документы отмечают разную окраску используемых тканей (червленица, чермень, рудащина, голубина). Берестяные грамоты свидетельствуют о том, что ткани являлись предметом внутренней торговли и что оплата за них производилась как деньгами, так и в натуральной форме. Одновременно грамоты подтверждают использование на Руси импортных тканей византийского и восточного производства, что говорит об участии Руси в международной торговле.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978. 192 с.

Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. №4. С. 47–71.

Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. №5. С. 22–37.

Гиппиус А.А., Сичинава Д.В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Петрухин П.В. Письмо Стойнега к матери (К переводу новгородской берестяной грамоты № 384) // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А.М. Молдована / Ред. А.А. Пичхадзе, И.С. Юрьева, Е.А. Мишина, М.С. Мушинская, Ю.В. Кагарлицкий. М.; СПб: Нестор-История, 2021. С. 403–412.

Повесть временных лет / пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб: Наука, 1996. 667 с.

Покровская Л.В., Рыбина Е.А., Сингх В.К., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Янин В.Л. Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 гг. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. №4. С. 115–128.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л.: АН СССР, 1927. 200 стб.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (в трех томах). Т. 2. СПб: Тим. Имп. Академии наук, 1902. 15 с., 1802 стб.

Фехнер М.В. Шелковые ткани в средневековой восточной Европе // СА. 1982. № 2. С. 57–70.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 311 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. 352 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М.: Русские словари, 2000. 430 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари, 2004. 288 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 285 с.

Gramoty.ru: Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/?requestId=&number=&conventionalDateInitialYear=1020&conventionalDateFinalYear=1230&text=&translation.> Дата обращения: 14.08.2022.

Информация об авторе:

Калугина Елизавета Михайловна, магистрант 2 курса, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); kalugina_lizaa@mail.ru

REFERENCES

Artsikovskii, A. V., Zaliznyak, A. A. 1978. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 1962–1976)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gippius, A. A. 2019. In *Voprosy yazykoznaniiya (Topics in the study of language)* (4), 47–71 (in Russian).

Gippius, A. A. 2020. In *Voprosy yazykoznaniiya (Topics in the study of language)* (5), 22–37. (in Russian).

Gippius, A. A., Sichinava, D. V. 2021. In *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)* (2), 178–259 (in Russian).

Zaliznyak, A. A. 2004. *Drevnenovgorodskiy dialekt (Old Novgorod dialect)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ. (in Russian).

Petrukhin, P. V. 2021. In Pichkhadze, A. A., Yur'eva, I. S., Mishina, E. A., Mushinskaya, M. S., Kagarlitskii, Yu. V. (eds.). *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoy pis'mennosti: Sbornik statey k 70-letiyu akademika A.M. Moldovana (Words, constructions and texts in the history of Russian writing system)*. Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 403–412 (in Russian).

Adrianovoy-Peretts, V.P. (ed.), Likhachev, D. S. (trans. and comm.). 1996. *Povest' vremennykh let (The Tale of Bygone Years)*. Saint Petersburg: “Nauka” Publ. (in Russian).

Pokrovskaya, L. V., Rybina, E. A., Singkh, V. K., Sorokin, A. N., Stepanov, A. M., Yanin, V. L. 2010. In *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Bulletin of the Russian Foundation for Humanities)* 4, 115–128 (in Russian).

Lavrent'evskaia letopis' (Laurentian Chronicle) 2 Suzdal'skaia letopis' po Lavrent'evskomu spisku (Suzdal Chronicle according to the Laurentian Code). 1927. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sreznevskii, I. I. 1902. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam (v trekh tomakh) (Materials for the dictionary of the Old Russian language according to the written monuments)* 2. Saint Petersburg: Typhography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Fekhner, M. V. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 57–70 (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. 1986. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 1977–1983)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. 1993. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 1984–1989)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. 2000. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1990–1996)) XI. Moscow: “Russkie slovari” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. 2004. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 1997–2000)) XI. Moscow: “Russkie slovari” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. 2015. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 2001–2014)) XII. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul’туры” Publ. (in Russian).

Gramoty.ru: Drevnerusskie berestyanye gramoty (Old Russian birchbark letters). Available at: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/?requestId=&number=&conventionalDateInitialYear=1020&conventionalDateFinalYear=1230&text=&translation>. (accessed 14.08.2022)(in Russian).

About the Author:

Kalugina Elizaveta M. Herzen University. 48 Moika Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; kalugina_lizaa@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 903.59

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.93.99>

ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТАЦИИ ПОГРЕБЕННЫХ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОХЭСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

© 2023 г. Е. И. Крючко

В статье рассматривается ориентация человека в пространстве в период раннего Средневековья. В качестве объекта изучения выступил погребальный обряд как устойчивый признак археологической культуры. Изучение положений погребенного в могиле в рамках троицкой группы мохэской археологической культуры, распространенной на территории Западного Приамурья, показало наличие различных вариантов. Существование подобных вариаций было рассмотрено с точки зрения астрономического и географического построения картины мира. Попытка автора привязки к крупным географическим ориентирам не дала должного объяснения существования различных вариаций придания тела земле при условии существования статичного в своем положении ориентира. Данный факт может указывать на зависимость расположения тела человека в могиле от положения астрономических тел – Солнца. Незначительные отклонения от господствующей погребальной традиции связано с сезонными отклонениями движений солнца по небесному своду. Анализ статистических данных, полученных из трех археологических памятников (Усть-Ивановский, Октябрьский и Троицкий могильники), позволил сделать предположение о взаимосвязи выбора типа захоронения от времени его совершения. Однозначно можно говорить о сакрализации южной стороны у представителей мохэской археологической культуры. Исключением стал Усть-Ивановский могильник, где преобладают захоронения с восточной и близкой к ней ориентацией. Кроме того, отличительные черты в возведении внутримогильных конструкций, сравнительно небольшое количество керамического материала, отсутствие археологически целых сосудов на памятнике и ряд других признаков ставят под вопрос принадлежность Усть-Ивановского могильника к троицкой группе мохэ.

Ключевые слова: археологическая культура, Западное Приамурье, погребальный обряд, мохэ, вторичное захоронение, первичное захоронение.

ORIENTATIONAL FEATURES OF THE BURIED PERSONS AMONG THE REPRESENTATIVES OF THE MOHE ARCHAEOLOGICAL CULTURE IN THE TERRITORY OF THE WESTERN AMUR REGION

E. I. Kryuchko

The article deals with orientation in space during the early Middle Ages. The object of study was the funeral rite as a stable sign of archaeological culture. The study of the positions of the buried in the grave within the Troitskaya group of the Mokhe archaeological culture, widespread in the territory of the Western Amur region, showed the existence of different variants. The existence of such variations was considered from the point of view of astronomical and geographical construction of the world picture. The author's attempt to link orientation with large geographical landmarks did not give a proper explanation for the existence of those variations of giving a body to the earth, provided that a landmark is static in its position. This fact may indicate the dependence of the location of the human body in the grave on the position of astronomical bodies – the Sun. Minor deviations from the prevailing burial tradition are associated with seasonal deviations of the sun's movements in the firmament. The analysis of statistical data obtained from three archaeological sites (Ust-Ivanovsky, Oktyabrsky and Troitsky burial grounds) allows the author to suggest the relationship between the choice of the type of burial and the time of this burial. It is definitely possible to talk about the sacralization of the southern side among representatives of the Mohe archaeological culture. The exception was the Ust-Ivanovsky burial ground, where burials with the eastern and close to it orientation predominate. In addition, the distinctive features in the construction of inter-grave structures, a relatively small amount of ceramic material, the absence of archaeologically intact vessels in the monument and a number of other signs call into question the belonging of the Ust-Ivanovsky burial ground to the Troitskaya mohe group.

Keywords: archaeological culture, Western Amur region, burial rite, Mokhe, secondary burial, primary burial.

Введение

Ориентация в пространстве являлась для человека одним из важнейших условий его выживания и существования: пространство и время относятся к двум фундаментальным характеристикам физического и духовного бытия человека, задаваемым космическими в своей основе явлениями. Картина мира древнего человека складывалась из нескольких взаимообусловленных и сосуществующих на разных уровнях аспектов – космического (астрономического), географического, религиозно-мифологического и личного восприятия. При этом часто с течением времени происходила смена аспектов в зависимости от развития человеческого общества.

Особая роль отводилась представлениям о загробном мире. Трепетное отношение к соблюдению всех условностей во время придания тела земле привело к формированию определенной обрядности, характерной для отдельной культуры. Неслучайно погребальный обряд, по выражению ученых, является устойчивым и трудноизменяемым этническим признаком (Ковычев, 1981, с. 78).

Проблематика работы

Одной из основных проблем при изучении выбранной тематики является терминологическая. Часто в литературе используются различные формулировки, суть которых идентична друг другу. Так, например, ориентация «головой на запад» и «ориентация лицом на восток» совпадают в пространстве, при этом имея различное обозначение в научной литературе (Подосинов, 1999, с. 28).

Вторая проблема связана непосредственно с определением точной ориентации умерших относительно сторон света. Это один из важнейших признаков, характеризующих погребальный обряд. Однако чаще всего используют только основные направления, игнорируя промежуточные. Тем самым теряется большой блок информации при интерпретации полученных результатов (Генинг, 1985).

Другая проблема в определении позиции погребенного относительно стороны света связана с существованием различных вариаций погребений. В рамках мохэской археологической культуры существует несколько

видов захоронений: первичные, вторичные, кремации (Деревянко, 1977).

Первичное погребение – способ производства захоронения, при котором умершего сразу клали в землю со всем сопроводительным инвентарем.

Вторичное погребение – способ производства захоронения, когда усопший после смерти какое-то время располагался вне могилы до частичного или полного разложения мягких тканей, после чего костные останки ссыпались в заранее подготовленную могилу. В некоторых случаях костям придавали анатомический порядок. При сильной дефрагментации костных останков их просто ссыпали на дно могилы.

Если с ориентацией умерших при первичном способе захоронения все более или менее ясно, то с вторичными погребениями возникают трудности. Как определить ориентацию покойного при незначительном количестве сохранившихся костных останков? Была выкопана яма сразу ли после смерти человека или по истечению какого-то времени?

Исследование ориентации умерших

Определение сторон света зачастую зависело от небесных тел, наиболее значимым из которых является солнце. Однако положение солнца на небесном своде варьируется в зависимости от времени года. Четкое движение солнца по оси запад-восток наблюдается лишь два раза в год: 21 марта (весна) и 23 сентября (осень). В остальное время происходит отклонение небесного светила от заданной траектории. В связи с этим изменяется ориентация тела погребенного в могиле. Однако промежуточные ориентации могут повторяться и соотноситься с различными временами года, что не позволяет получить однозначный результат. Подробно методика работы описана в сборнике «Археология и методы исторических реконструкций» (Генинг, 1985).

Для упрощения механизма определения ориентации погребенного нами были использованы следующие критерии:

основой для определения ориентации тела относительно сторон света является расположение головы (костей черепа) в могиле. Таким образом, под «восточной ориентацией» стоит понимать такое положение погребенного, при

котором голова находится на востоке, а ноги на западе (независимо от обращенного взора умершего);

для погребений, совершенных по вторичному обряду, отправной точкой для определения ориентации считать наибольшее скопление костей. Приоритет в данном случае отдавать костям черепа. При это было предположено, что могильная яма выкапывалась непосредственно после смерти человека.

Стоит оговориться, что нами было безоговорочно принято положение В. В. Генинга о количественном преобладании захоронений, совершенных в зимний период, над погребениями, соотносимыми с летне-осенним периодом (Генинг, 1985, с. 140).

На основании матрицы-определителя корректировки древних традиций ориентировок погребенных В. В. Генинга была составлены таблицы для Усть-Ивановского, Октябрьского и Троицкого могильников (Генинг, 1985, с. 140).

Всего в работе было проанализировано 168 могил с сохранившимися костными останками (Усть-Ивановский могильник – 32 могилы, Октябрьский могильник – 8 могил, Троицкий могильник – 125 могил).

Как мы видим из *таблицы 1*, на Усть-Ивановском могильнике существенно выделяются могилы с восточной и близкой к ней ориентацией (21 из 35 рассмотренных погребений). При этом с большей долей вероятности, мы можем говорить о том, что определение сторон горизонта происходило по точке захода солнца ввиду количественного преобладания значений из левой части таблицы. Нами не рассматривается ориентация на какие-либо географические объекты из-за отсутствия таковых. Одной из особенностей географического местоположения памятника является расположение в пойме левого берега р. Зея, на небольшой возвышенности (до 2 м) с пологими склонами на берегу небольшой речки. Каких-либо крупных форм рельефа и значительных водотоков в непосредственной близости к памятнику не отмечено (Волков, Дуань Гуанда, Нестеров и др., 2019).

Анализируя данные из *таблицы 2*, мы можем с уверенностью говорить о меридиональной ориентации на Октябрьском могильнике. Незначительная выборка не позволяет получить точного результата относительно сторон горизонта ввиду практически равного

количественного соотношения могил с северной и южной ориентацией. Что же касается географического аспекта в построении картины мира, стоит отметить следующее. Памятник расположен на господствующей высоте, также известной как «Красный бугор». Высота представляет собой берег древней протоки р. Амур, возвышающейся на 11 м над окружающей поверхностью (Волков, 2016). Относительно памятника протока расположена южнее. Данный факт может свидетельствовать о том, что при придании тела земле древний человек мог ориентироваться на водоем.

Более обширная выборка из 125 погребений¹ представлена из опорного памятника троицкой группы мохэской археологической культуры – Троицкого могильника (*таблица 3*).

При первоначальном анализе статистических данных своей представительностью выделяются погребения с меридиональной ориентацией. Из 125 рассмотренных захоронений 115 ориентированы по оси север-юг, при этом погребения с северной ориентацией преобладают над погребениями с южной ориентацией (73:42).

Сказать однозначно определяли ли сторону горизонта по точке восхода или точке захода не представляется возможным ввиду практически равного количественного соотношения показателей из левой и правой сторон *таблицы 3*. Изучение географического фактора в ориентации погребенного показало следующее. Троицкий могильник расположен на высоком левом берегу р. Белая, не затапливаемом даже в период сильных наводнений (Деревянко Е.И., 1977). Могильные ямы на Троицком могильнике, в большей своей части, ориентированы по длинной оси на реку с незначительными отклонениями от заданного ориентира. Присутствующий в погребениях остеологический материал показывает, что тело в ямы помещалось как головой к реке, так и ногами.

Выводы

Исходя из полученных данных, нами были сделаны следующие выводы:

- древнее население, оставившее Усть-Ивановский могильник, с большей долей вероятности, определяло стороны горизонта по точке захода солнца. Основной традицией в погребальном обряде была ориентировка умерших головой на восток. Исключение

Таблица 1. Определение древней традиции ориентировки погребенных по заходу и восходу солнца в погребениях Усть-Ивановского могильника (35 погребений)*

Table 1. Definition of the ancient tradition of orientation of buried persons by sunset and sunrise in the burials of the Ust-Ivanovka burial ground (35 burials)

Традиция в ориентации (направление положения головы погребенных)	Определение стороны горизонта по заходу солнца					Общее количество погребенных	Определение стороны горизонта по восходу солнца				
	Магнитная ориентировка костяка						Магнитная ориентировка костяка				
	лето	осень	зима	весна	зима+ весна		зима+ весна	лето	осень	зима	весна
Север	12	-	-	-	-	12	12	-	-	12	-
Восток	-	(9)	12	9	21	21	9	12	(9)	-	9
Юг	13	-	-	-	-	13	13	-	-	13	-
Запад	-	(1)	13	1	14	14	1	13	(1)	-	1

*Исходные данные по ориентировке:

ЮЗ – 13, СВ – 12, В – 9, З – 1.

Таблица 2. Определение древней традиции ориентировки погребенных по заходу и восходу солнца в погребениях Октябрьского могильника (8 погребений)*

Table 2. Definition of the ancient tradition of orientation of buried persons by sunset and sunrise in the burials of the Oktyabrskoye burial ground (8 burials)

Традиция в ориентации (направление положения головы погребенных)	Определение стороны горизонта по заходу солнца					Общее количество погребенных	Определение стороны горизонта по восходу солнца				
	Магнитная ориентировка костяка						Магнитная ориентировка костяка				
	лето	осень	зима	весна	зима+ весна		зима+ весна	лето	осень	зима	весна
Север	-	(3)	-	3	3	3	3	-	(3)	-	3
Восток	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Юг	-	(4)	-	4	4	4	4	-	(4)	-	4
Запад	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

*Исходные данные по ориентировке:

С – 3, Ю – 4, неопределимо – 1.

Таблица 3. Определение древней традиции ориентировки погребенных по заходу и восходу солнца в погребениях Троицкого могильника (125 погребений)*

Table 3. Definition of the ancient tradition of orientation of buried persons by sunset and sunrise in the burials of the Troitskoye burial ground (125 burials)

Традиция в ориентации (направление положения головы погребенных)	Определение стороны горизонта по заходу солнца					Общее количество погребенных	Определение стороны горизонта по восходу солнца				
	Магнитная ориентировка костяка						Магнитная ориентировка костяка				
	лето	осень	зима	весна	зима+ весна		зима+ весна	лето	осень	зима	весна
Север	6	(49)	18	49	67	73	55	18	(49)	6	49
Восток	8	(7)	6	7	13	21	15	6	(7)	8	7
Юг	5	(29)	8	29	37	42	34	8	(29)	5	29
Запад	18	(3)	5	3	8	26	21	5	(3)	18	3

*Исходные данные по ориентировке:

С – 49, СВ – 6, В – 7, ЮВ – 8, Ю – 29, ЮЗ – 5, З – 3, СЗ – 18.

варианта определения сторон света по точке восхода солнца отпадает ввиду того, что погребения приходится лишь на одно время года, при этом большая часть выпадает на летний период, что маловероятно.

На основании полученных данных можно предположить о существовании связи времени года и способа захоронения. Так погребения, совершенные в весенний период и ориентированные строго на восток, в большей своей части совершены по первичному способу захоронения. Погребения, совершенные по вторичному способу захоронения, совпадают с ориентацией на северо-восток и приходится на зимние месяцы.

Данный факт подтверждается примерами из письменных источников. Как известно из средневековой китайской летописи «Бэйши»: «Если отец или мать умирали весной или летом, то тело немедленно зарывали, и чтобы дождь не мочил могилу над ней ставили хижину, а ежели умрут осенью или зимою, то трупом их ловят соболей» (Бичурин, 1950, с. 71). Однако нерешенным остается вопрос почему в таком случае в зимние месяцы тело умерших не придавали земле сразу.

- у представителей Октябрьского и Троицкого могильников доминирующим является меридиональная ориентация – головой на север. Ввиду практически равного соотношения погребений из правой и левой сторон таблицы (т.е. определение сторон света по точке восхода или заката солнца), вариант по определению сторон света по данному параметру не рассматривается. Попытка привязки ориентации к крупным географическим объектам (в нашем случае водоемы) показала, что в большей части могильные ямы по длинной своей оси были ориентированы на близлежащие водотоки. Однако в таком случае не находит логического объяснения существование вариаций отклонений тела погребенного от общепринятой ориентации при условии статичного расположения ориентира. Существование вариаций положения тела умершего при географической ориентации позволяет предположить о существовании взаимосвязи погребенного с положением солнца в полдень. При придании тела земле выбиралась противоположная сторона. Таким образом, человек

был ориентирован ногами на юг, т.н. «лицом на юг», что соответствует положению ориентации головы на север (в нашем варианте «ориентация на север»).

Подобный выбор ориентации при придании тела земле, вероятно, связан с представлениями древнего человека о существовании загробного мира. Ориентация покойника обычно связана с направлением, в котором находится царство мертвых. Обычно предполагается, что тело умершего размещают в могиле таким образом, чтобы оно ногами лежало в сторону царства мертвых, а, значит, и лицом туда же, чтобы душа умершего могла прямо и беспрепятственно проследовать в нужном направлении. Нынешнее представление о существовании двух загробных миров – плохом, мрачном и светлом, радостном, позволяет рассмотреть вариант меридиональной ориентации в следующем ключе. Погребение головой к царству мертвых означало бы надежду на избавление от ада, а автоматически получающийся при этом разворот в «лучшую» сторону – стремлением обеспечить светлое будущее (Подосинов, 1999).

Таким образом, однозначно можно говорить о сакральности южной стороны у представителей мохэской археологической культуры. Выбор ориентации относительно стран света зависел от представлений древнего человека о существовании царства мертвых и связан с жизненным циклом небесного тела – Солнца. Подобное построение картины мира наблюдает в древнем Китае.

Сакрализация солярной ориентации с выделением восточной стороны зафиксировано лишь на одном могильнике. Соотнесение с письменными источниками подтверждает связь при выборе типа совершаемого захоронения со временем года его производства. Изучение этнографических данных показывает о наличии признаков сходства с тюрко-монгольскими народами. Кроме того, ряд отличительных черт в погребальном обряде Усть-Ивановского могильника² указывают на особый вариант захоронений и позволяют поставить под вопрос принадлежность данного могильника представителям троичской группы мохэской археологической культуры.

Примечания:

¹ Всего на Троицком могильнике за все годы исследований раскопано и изучено 287 погребений. Достоверно

установить ориентацию костных останков удалось лишь в 125 погребениях в силу разных причин – незначительность и плохая сохранность представленного остеологического материала.

² В данном случае речь идет о сравнительно небольшом количестве керамического материала, отсутствие археологически целых форм сосудов, наличие глазурованной керамики, особенности в возведении внутримогильных конструкций, расположение памятника не на возвышенности (Волков, Дуань Гуанда, Нестеров и др., 2019).

ЛИТЕРАТУРА

Алкин С.В., Фэн Эньсюэ. Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 году. // Вестник НГУ. Серия: История, филология 2006. Т. 5. Вып. 4. С. 132–134.

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л.: АН СССР, 1950. 656 с.

Волков Д.П. Археологические раскопки памятника Октябрьское, грунтовый могильник-1 в Амурской области // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества Вып. 6: материалы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 16-18 мая 2016 г.). / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: БГПУ, 2016. С. 29-33.

Волков Д.П., Дуань Гуанда, Нестеров С.П., Ван Лэвэнь, Коваленко С.В., Бао Шугуан, Савченко Т.П., Крючко Е.И., Ге Липин, Шульмин Р.А. Материалы и исследования российско-китайской археологической экспедиции. Вып. 1: раскопки Усть-Ивановского могильника мохэ в 2016 году. Харбин: Хэйлунцзян Жэньминь Чубаньшэ, 2019. 366 с.

Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1985. С. 136–152.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Вып. I. часть 1: раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 г. Тэджон: Институт культурного наследия, 2008. 218 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1981. С. 73–80.

Крючко Е.И. Особенности ориентации могил Усть-Ивановского могильника на территории Западного Приамурья // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием / Отв. ред. И.М. Бердников, Д.Н. Лохов. Иркутск: ИГУ, 2020. С. 206–207.

Крючко Е.И. Усть-Ивановский могильник – особенности погребального обряда. // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: материалы LVII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Сургут, 17–21 апреля 2017 г.) / Отв. ред. А.В. Кениг. Сургут; Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 221–222.

Подосинов А.В. Ex oriente lux I Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.

Информация об авторе:

Крючко Евгения Игоревна, ведущий археолог, государственное автономное учреждение Амурской области «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» (ГАУ «ЦСН Амурской области») (г. Благовещенск, Россия); zhenja.94@list.ru

REFERENCES

Alkin, S. V., Feng Ensue. 2006. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 5 (4), 132–134 (in Russian).

Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Collection of Details of the Peoples Living in Central Asia in Ancient Times)* 2. Moscow, Lenindrag: Academy of Sciences of the USSR

Volkov, D. P. 2016. In Buyarov, D. V., Kuznetsov, D. V. (eds.). *Rossiya i Kitay: Istoriya i perspektivy sotrudnichestva (Russia and China: history and prospects for cooperation)*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State University, 29–33 (in Russian).

Volkov, D. P., Duan Guanda, Nesterov, S. P., Wang Leven, Kovalenko, S. V., Bao Shuguang, Savchenko, T. P., Kryuchko E. I., Ge Liping, Shulmin, R. A. 2019. *Materialy i issledovaniya rossiysko-kitayskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Vyp. 1: raskopki Ust'-Ivanovskogo mogil'nika mokhe v 2016 godu (Materials and research of the Russian–Chinese archaeological expedition. Part 1: excavations of the Ust-Ivanovka burial ground Mohe in 2016)*. Harbin: Heilongjiang Zhenmin Chubanshe Publishing House (in Russian).

Gening, V. V., Gening V. F. 1985. In Gening V. F. (ed.). *Arkheologiya i metody istoricheskikh rekonstruktsiy* // *Kiev: "Naukova dumka" Publ.*, 136–152.

Derevyanko, A. P., Kim Bong-Gon, Nesterov, S. P., Choi Meng-Sik, Hong Hyun-Woo, Alkin, S. V., Subbotina, A. L., Yu Eun-Sik. 2008. *Materialy i issledovaniya rossiysko-koreyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Zapadnom Priamur'e. Vyp. 1. chast' 1: raskopki rannesrednevekovogo Troitskogo mogil'nika v 2007 g. (Materials and research of the Russian–Korean archaeological expedition in Western Amur basin area: excavations of early medieval Troitskoye burial ground in 2007)*. Daejeon: Institute of Cultural Heritage Publisher

Derevyanko, E. I. 1997. *Troitsky Graveyard (Troitskoye burial ground)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kovychev, E. V. 1981. In Konovalov, P. B. (ed.). *Novoe v arkheologii Zabaikal'ia (Recent Information on the Archaeology of trans-Baikal Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 73–79 (in Russian).

Kryuchko, E. I. 2020. In Berdnikov, I. M., Lokhov, D. N. (eds.). *Materialy LX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem (Materials of the LX Russian archaeological-ethnographic conference of students and young scientists with international participation)*. Irkutsk: Irkutsk State University, 206–207 (in Russian).

Kryuchko, E. I. 2017. In Kenig, A. V. (ed.). *Sovremennye problemy izucheniya drevnikh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii: materialy LVII Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (Surgut, 17–21 aprelya 2017 g.) (Contemporary issues of the study of ancient and traditional cultures of Eurasia: materials of the students, postgraduates and young scientists LVII Russian (with international participation) archaeological and ethnographic conference (Surgut, April 17-21, 2017))*. Surgut; Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 221–222 (in Russian).

Podosinov, A. V. 1999. *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii (Ex oriente lux! Orientation to the countries of the world in archaic cultures of Eurasia)*. Moscow: "Yazyki russkoy kul'tury" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kryuchko Evgeniia I. Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur region. Uralov lane, 5/2, Blagoveshchensk, 675004, Russian Federation; zhenja.94@list.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/908

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.100.106>

СУХОНО-ВЫЧЕГОДСКИЙ ПУТЬ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ С ДРЕВНЕЙ РУСЬЮ

© 2023 г. В.Е. Кузнецов

В статье представлены результаты археологического исследования Сухоно-Вычегодского торгового пути, соединявшего Север Древней Руси и Пермское Предуралье. Основу исследования составляют находки древнерусских изделий, найденные при раскопках Новгородских земель, Приладожья, территории Перми Вычегодской, Удмуртского Предуралья и Прикамья. Сухоно-Вычегодский путь начинался из Новгорода по р. Сясь, или, из Приладожья по р. Свирь или р. Оять. Этот путь вел к Белому озеру и далее шел по Сухоне и Вычегде к бассейну р. Печоры, с ответвлением в Пермское Предуралье. Среди форм взаимоотношения племен, населявших территории, через которые проходил Сухоно-Вычегодский путь, автор выделяет торговлю, культурное влияние, брачные связи и проникновение населения на соседние территории. По торговому пути с территории Древней Руси в Прикамье попадали следующие предметы: витые перстни (XI–XIII вв.), рубчатые перстни (XI–XIV вв.), крестопрорезные грушевидные бубенчики (конец X – начало XII вв.), христианские кресты (XI в.), косорешетчатые монетовидные подвески (XII–XIV вв.), западноевропейские денарии.

Ключевые слова: археология, Сухоно-Вычегодский торговый путь, средние века, Пермское Предуралье, Древняя Русь, экономические связи, этнокультурные связи.

THE SUKHONA–VYCHEGDA WAY DURING THE MIDDLE AGES: ON THE QUESTION OF ECONOMIC AND ETHNIC-CULTURAL CONTACTS OF THE PERMIAN URALS WITH ANCIENT RUSSIA

V.E. Kuznetsov

The article presents the results of an archaeological study of the Sukhona-Vycheгда Rivers trade route connecting the North of Ancient Russia and the Permian Urals. The basis of the study consists of the finds of ancient Russian products found during the excavations of the Novgorod lands, Ladoga region, the territory of Perm Vycheղodskaya, Udmurt Urals and the Kama region. The Sukhona-Vycheղda way began from Novgorod along the Syas River, or from the Ladoga region along the Svir River or the Oyat, to the Beloe Lake. Further this route passed along the Sukhona and Vycheղda Rivers to the basin of the Pechora River, with a branch to the Permian Urals. Among the forms of mutual relations of the tribes inhabiting the territories through which the Sukhona-Vycheղda way passed, the author highlights trade, cultural influence, marital ties and the penetration of the population into neighboring territories. Along the trade route from the territory of Ancient Russia, the following items fell into the Kama region: twisted rings (XI–XIII centuries), ribbed rings (XI–XIV centuries), cross-cut pear-shaped bells (end of the X – beginning of the XII centuries.), Christian crosses (XI century.), oblique coin-shaped pendants (XII–XIV centuries), Western European denarii.

Keywords: archaeology, Sukhona-Vycheղda trade route, Permian Urals, Old Russia, economic ties, ethnic-cultural ties.

Для реконструкции Сухоно-Вычегодского пути необходимо изучить не только водный путь, по которому древнерусские изделия могли попадать на территорию Пермского Предуралья, но и взаимоотношение племен, населявших территорию Европейского Северо-Востока, благодаря которым этот путь осуществлялся.

Ход развития Новгородских земель определяли следующие водные пути: балтийско-

волжский и свирский. Первый проходил по Неве, Волхову, Мете и Поле. По нему восточное серебро поступало на Русь и далее – в Европу. Второй путь являлся древнейшим, широтным путем, который соединял страны Балтики с Приуральем. Самые ранние попытки освоения внутренних водных путей Юго-Восточного Приладожья относятся ко времени появления на р. Сяси первого поселения – Сяьского городища. Позже, экономическая

ситуация, сложившаяся на рынке меховой торговли, подтолкнула население Новгорода к освоению новых ресурсных зон, прилегающих к трансевразийским торговым путям. С середины IX века со стороны Свирского водного пути начинается освоение р. Оять и р. Паша. Во второй половине IX века эти реки являлись лишь внутренними средствами коммуникации. К системе трансевразийской торговли они были подключены в конце IX – начале X вв. (Королькова, 1999, с. 57).

С начала IX в. фиксируется возрастание интенсивности движения товаров и людей через Приладожье и усиление его роли в трансевразийской торговле. Кроме увеличения объема внешнеторговых операций Приладожье принимает на себя важные функции в торговых операциях с финскими племенами. Об этом свидетельствует то, что в районах ремесленных мастерских было найдено более 250 стеклянных изделий и более 160 находок изделий из янтаря и заготовок для них. Изготовление столь большого количества изделий предполагает наличие для них рынка сбыта и маловероятно, что потребителями этой продукции были жители Скандинавии (Богуславский, 1993, с. 133–144).

Отдельные древнерусские памятники домонгольского времени в треугольнике, образованном бассейнами Двины, Ваги и Сухоны, выявлены только на Сухоне. Это селище с гончарной керамикой XII–XIII вв. в среднем течении реки, вплотную примыкающее к Старототемскому городищу и три селища того же времени у деревень Морозивица и Пестово. Существенную информацию о путях освоения Заволочья содержат находки монетных и денежно-вещевых кладов. Более всего обеспечена такого рода материалами западная часть водных магистралей, по которым осуществлялись связи ладожан и новгородцев с Подвиньем – на отрезке от р. Свирь до Водлозера. На Свири было найдено множество кладов, славянская принадлежность которых доказывается наличием в его составе креста-тельника (Рябинин, 1997, с. 123).

Материалы могильников и поселений западной части пути свидетельствуют о проникновении военно-купеческого сословия уже в X в. В X–XI вв. на основе находок керамики, подковообразных фибул с многогранными головками и пластинчатой бронзовой застежки фиксируется проникновение прила-

дожского населения в Заонежье и бассейн р. Водлы (Рябинин, 1997, с. 123–124).

Серия монет Этельреда II, найденная в бассейне Северной Двины и в окрестностях Великого Устюга позволяет предполагать, что западная часть Северодвинского бассейна не позднее первой половины XI в. уже входила в сферу западной торговли с Пермью, осуществлявшейся по Сухоно-Вычегодскому пути с его вероятными ответвлениями на Север. Е.А. Рябинин связывает это с начальным новгородским освоением Заволочья (Рябинин, 1997, с. 124).

О взаимоотношениях Перми Вычегодской с западными соседями свидетельствуют материалы раскопок памятников древней веси на Шексне и Белом озере. Н.А. Макаровым и Н.Н. Чесноковой в верховьях Северной Двины исследовано средневековое поселение Крыловское, в слое XII, наряду с древнерусскими гончарными сосудами, там обнаружены лепные орнаментированные, характерные для вымской культуры. Орнаментальный комплекс керамики Белоозера и Шексны сложился в процессе контактов западно-финского, поволжско-финского населения и пермской группы финно-угров (Савельева, 2021, с. 21).

Западными соседями Перми Вычегодской были прибалтийские финны, чье влияние особенно ощутимо в северо- и юго-западных районах современного расселения коми-зырян – на Удоре, Нижней Вычегде, Лузе. По археологическим материалам оно прослеживается в погребальной обрядности (погребения в срубках), значительном количестве прибалтийско-финских украшений на памятниках Перми Вычегодской, в близости некоторых форм сосудов и их орнаментации. На территории современной Республики Коми известны археологические памятники, в частности, Лоемский могильник и поселение (XIII–XIV вв.), в материалах которых переплетаются культурные традиции финского населения, находившегося в сфере древнерусского культурного воздействия (Савельева, 2013, с. 16).

Вероятно, к своеобразному культурному типу относится и Ленский могильник, расположенный в Ленском районе Архангельской области, в погребальном обряде и вещевом инвентаре которого также прослеживаются традиции финского населения, возможно, заволочской чуди. Различные культурные традиции, прослеживаемые в материалах

могильника, могут быть объяснены смешанным составом населения, что обусловлено пограничным положением памятника между Пермью Вычегодской и Заволочьем (Савельева, 2013, с. 16–17).

Также с XII в., наиболее вероятно, не ранее его второй половины, в бассейне Вычегды – на Вычегде, Выми, Сыsole – появляются древнерусские поселения. С этого времени начинается новый этап в истории вычегодских пермян. Формируется определенная система взимания дани, усиливается древнерусское культурное воздействие на местное население. Древнерусские поселения превращаются в торгово-ремесленные центры, обеспечивавшие своими изделиями не только собственные потребности, но и местного населения. Важным источником жизнедеятельности вымских коми стало и обслуживание важнейшей водной магистрали при продвижении русских дружинников и купцов в Зауралье (Савельева, 2013, с. 17).

Также большой интерес вызывает вопрос о взаимоотношениях населения родановской культуры и Перми Вычегодской. Э.А. Савельева изучая материалы раскопок Чежтыгского и Кичилькоського I могильников, на которых были найдены типично родановские украшения, близкие по форме и орнаментации лепные сосуды, погребения, обнаруживающие наибольшую близость к раннеродановским, фиксирует активные торговые и культурные связи населения вымской и родановской культур, инфильтрацию верхнекамских родановских групп населения в бассейн Вычегды в XI–XII вв. (Савельева, 2021, с. 70). Однако свидетельств массового переселения родановцев в бассейн Вычегды, как и с Вычегды на Каму, нет. На это же указывают и антропологические материалы. На позднем этапе функционирования вымской и родановской культур различия между ними углубляются, что было обусловлено социально-политическими факторами. Родановская культура оказалась в сфере экономического, политического и культурного влияния Волжской Болгарии, вымская – древнерусских княжеств (Савельева, 2013, с. 16).

На Кичильском I могильнике X–XIII вв. было обнаружено 76 западноевропейских денариев X–XI вв. Не вызывает сомнений факт, что западноевропейские монеты попали на Вымь из Новгорода Великого. Кроме монет

обнаружены многочисленные древнерусские изделия городского ремесла, а также украшения финно-угорского населения, находящегося в орбите политического и экономического влияния Северо-Западной Руси. Также на памятнике представлены типично родановские украшения, в частности, умбоновидные, арочные, якорьковые шумящие подвески, трубчатые пронизки и др., а также близкие по форме, орнаментации керамические сосуды, в том числе с раковиной в глиняном тесте, единично – орнаментированные отгисками шнура, не характерные для вымской культуры (Савельева, 2021, с. 72).

Важным является вопрос проникновения севернорусских изделий в бассейн р. Чепцы. Имелось несколько выходов с Сухоно-Вычегодского пути на Юг, в Камско-Вятский бассейн, одни из которых направлялись к среднему течению Вятки, а другие – к верхнему течению Камы. Важнейший путь к Вятке шел по Сухоне на р. Юг, далее по ее притоку Пушме через так называемый Кайволок на р. Молому. Этот маршрут долго и активно использовался как военных целях, так и при торговле и расселении (Иванов, 1998, с. 152–153). На Чепце были найдены отдельные вещи из Северной и Западной Европы, доставленные, главным образом, древнерусскими купцами. В частности, в памятниках бассейна р. Чепцы известны единичные находки серебряных западноевропейских денариев конца X–XI вв. (6 экз.) (Иванов, 1998, с. 165).

А.М. Белавин пишет о прямых связях между торговцами Вятской земли, тесно связанной с Новгородом и находящейся в непосредственной близости от чепецких племен, и древнерусским населением. Через новгородские и вятские земли западноевропейский и скандинавский импорт проникал на территорию Удмуртского и Пермского Предуралья (Белавин, 2000, с. 155–156).

Также по Сухоно-Вычегодскому пути осуществлялись контакты древнерусского населения с Печорой. Уже в вводной части «Повести временных лет» Печора указывается как данник Руси. О первых походах древнерусского населения в бассейн Печоры свидетельствует рассказ новгородца Гюряты Роговича в 1096 г. Стоит отметить, что уже с XII в. используются, по-видимому, водноволокные маршруты, соединявшие Вычегоду

и Печору с Верхним течением Камы (Иванов, 1998, с. 151–153).

Исследованием волоковых маршрутов на территории Перми Великой занимались П.А. Корчагин и А.С. Лобанова. Исследователи пришли к выводу, что на из Чердыни по Колве через Чусовское озеро можно было попасть в Вычегду (Немский, иначе Бухонин, волок), в бассейн Печоры (по р. Волоснице), по Вишере (Вишерско-Лозьвинский волок) и Чусовой – в Западную Сибирь, с верховий Камы через ее приток Весляну и Черную – в Сысолу, приток Вычегды, а через Волосницкий волок – в Вятку (Корчагин, Лобанова, 2012, с. 133).

В итоге Сухоно-Вычегодский путь проходил от района Белозерья по Сухоне на Северную Двину и далее на северо-запад по Северной Двине к Белому морю или на Восток по Вычегде с выходом через систему притоков и волоков в бассейн р. Печоры. Имелось несколько выходов с Сухоно-Вычегодского пути на р. Юг, в Камско-Вятский бассейн, одни из которых направлялись к среднему течению Вятки, а другие – к верхнему течению Камы (Иванов, 1998, с. 152).

Перейдем к анализу предметов, которые попадали на территорию Пермского Предуралья из Древней Руси по Сухоно-Вычегодскому пути.

Древнерусским импортом являются некоторые виды перстней. Например, рубчатые перстни XI–XIV вв., найденные на Агафоновском могильнике и селище Телячий Брод. Перстень с круглым щитком, орнаментированный солярным знаком конца XIII – середины XIV вв., который был найден близ д. Златино. Перстень с овальным щитком, орнаментированный расходящимися линиями, найденный на селище Телячий брод. Датируется находка концом XII–XV вв. Аналогии данным перстням можно найти в материалах раскопок Новгорода и новгородских курганов. В культурном слое Рождественского и Агафоновского II могильников найдены перстни «с усами» XI в. Они получили распространение в Северо-Западной Руси, Прибалтике и Финляндии (Моряхина, 2016, с. 281–284).

На Елевском могильнике был обнаружен витой перстень. Такие перстни изготавливались на территории Древней Руси, встречаются в Новгородских курганах, где они датируются XI–XIII вв., на Белоозере в слое XIII в. Витые перстни известны и на древнемордов-

ских могильниках. Витой перстень, так же, как и рубчатый, скорее всего попал в Верхнее Прикамье из Новгородских или Владимиро-Суздальских земель по Сухоно-Вычегодскому пути, что подтверждается подобными находками в могильниках позднего этапа вымской культуры (Головчанский, 2006, с. 36).

Среди западно-финского импорта стоит отметить плоские подвески-уточни XI–XII вв., найденные на Рождественском городище и могильнике. Подвески в виде петушка, найденные на Рождественском городище и Вакинском селище. Подвеска-баранчик XI–XII вв. с Рождественского могильника и игольник с арочным щитком XII–XIII вв., имеющие аналогии в памятниках веси (Белавин, 2000, с. 145). Основываясь на вышеуказанных тесных связях финского населения с Новгородом, мы можем сделать вывод, что данные предметы попадали на территорию Пермского Предуралья по Сухоно-Вычегодскому пути.

На Искарском, Семинском, Городищенском, Рождественском городищах, Антыбарском могильнике были найдены крестопррезные грушевидные бубенчики (Белавин, 2000, с. 149–150). Датируются данные артефакты концом X – началом XII вв. (Мальм, Фехнер, 1967, с. 136). Аналогии можно найти на территории Новгорода, а также в погребальных комплексах Кичилькосьского I, Петкойского, Жигановского и Кедваомского могильников Перми Вычегодской (Савельева, Кленов, 1997, с. 659).

Также через Новгородские и Вятские земли в Удмуртское и Пермское Предуралье попали: скандинавская кольцевидная позолоченная фибула X в. с длинной иглой, оформленная звериным мотивом в сочетании с плетенкой из городища Иднакар, круглая бронзовая подвеска в стиле Борре, найденная на Вакинском селище, имеющая аналогии в Старой Ладогге (Белавин, 2000, с. 156; Иванов, 1998, с. 157).

Г.П. Головчанский и А.Ф. Мельничук указывают, что христианские кресты на территории Верхнего Прикамья относятся к XI в. и связаны с проникновением их из Новгородских земель или областей Костромского Поволжья по Сухоно-Вычегодскому пути. О западном пути проникновения крестиков на территорию Верхнего Прикамья, по мнению авторов, свидетельствует состав вещей муромско-мерянского типа и приладожского происхождения (XI–XII вв.), зафиксирован-

ных в Михалевском и Елевском могильниках. Рассмотренные авторами «скандинавские» и выемчато-эмалированные кресты, хотя и принадлежат к христианской традиции, ни в коей мере не служат доказательством раннего крещения предков коми-пермяков. Вероятно, они являлись элементами женских украшений или служили языческими оберегами в рамках господствующего в среде населения родановской культуры языческого культа (Головчанский, Мельничук, 2018, с. 103).

Западноевропейские денарии попадали на территорию Пермского Предуралья из Новгорода, являвшегося в XI–XII вв. крупным центром международной торговли по Сухоно-Вычегодскому торговому пути. Монеты в большом количестве встречены на вымских (Бджидельский, Жигановский, Кедвавомский) и вычегодских (Чежтыягский, Шойнаты II) могильниках (Савельева, Кленов, 1997, с. 657).

Древнерусские косорешетчатые монетовидные подвески, найденные на Михалевском, Людоробском, Бурдаковском могильниках и Вакинском селище датируются XII–XIV вв. Аналогии можно найти в материалах раскопок Новгородских земель, Южного Приладожья, в могильниках Перми Вычегодской (Кичилькосськом, Кокпомьячском, Бджидельском). В Волжской Булгарии и на территории Удмуртии подобные подвески не обнаружены (Головчанский, 2006, с. 32–33).

Г.П. Головчанский считает, что монетные гривны «глазовского типа» попадали на территорию Северного Прикамья по Сухоно-Вычегодскому пути (Головчанский, 2006, с. 44). Но данный вопрос является, на наш взгляд, требует более углубленного изучения.

Стоит отметить, что северорусский импорт на территории Пермского Предуралья представлен менее значительно чем на территории бассейна р. Чепцы. Вероятно, это связано с прямыми контактами торговцев Вятской земли, тесно связанных с Новгородом, с чепецким населением, находящимся в непосредственной к ним близости. На территорию Прикамья изделия Древней Руси попадали в большинстве своем посредством болгарских купцов.

Также по Сухоно-Вычегодскому пути попадали и прикамские изделия на территорию Перми Вычегодской, Ладоги, Новгорода и далее в Европу. На территории Ладоги, Бело-

зера и далее на берегах Балтики были найдены тордированные гривны глазовского типа. Также широкие и устойчивые связи Предуралья с Европейским Севером и Прибалтикой обусловили появление у финнов именования купцов-коробейников «перми» или «берми» (Белавин, 2000, с. 159–162).

Таким образом, Сухоно-Вычегодский путь проходил по следующему маршруту: из Новгорода по р. Сясь, или, из Приладожья по р. Свирь или р. Оять, до Белого озера, далее по Сухоне и Вычегде к бассейну р. Печоры. Также древнерусские материалы попадали на Сухоно-Вычегодский путь по Северной Двине.

По различным ответвлениям пути древнерусское население попадало в другие районы. Например, по рекам Сять и Оять, новгородцы проникали в Заволочье в районы Водлозера. По рекам Юг и Молома древнерусские купцы попадали на Вятку и далее вглубь Удмуртского Предуралья. Наиболее важным для нашего исследования является ответвление с Вычегды на Сысолу и далее в Каму.

Взаимоотношение племен, населявших территории, через которые проходил Сухоно-Вычегодский путь, имело следующие формы: торговля; культурные связи, например, финское и древнерусское влияние на население Перми Вычегодской; проникновение древнерусского населения, например, появление древнерусских поселений на Вычегде, Выми и Сысоле; брачные союзы, например, между населением Перми Вычегодской и родановскими племенами.

По Сухоно-Вычегодскому торговому пути с территории Древней Руси в Прикамье попадали следующие предметы: витые перстни (XI–XIII вв.), рубчатые перстни (XI–XIV вв.), крестопрорезные грушевидные бубенчики (кон. X – нач. XII вв.), христианские кресты (XI в.), косорешетчатые монетовидные подвески (XII–XIV вв.), западноевропейские денарии.

Также по Сухоно-Вычегодскому пути могли попадать перстни с круглым щитком, орнаментированные солярным знаком (кон. XIII – нач. XIV вв.), перстни с овальным щитком, орнаментированные расходящимися линиями (кон. XII–XV вв.), перстни «с усами» (XI в.), плоские подвески-уточки (X–XII вв.), подвески в виде петушка, подвески-баранчики (XI–XII вв.), игольник с арочным щитком (XII–XIII вв.), скандинавские кольцевидные фибулы (X в.), круглые бронзовые подвески.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. 198 с.

Богуславский О.И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Ред. В.М. Массон. СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. С. 132–157.

Головчанский Г.П. Христианизация Перми Великой в XV – начале XVIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 185 с.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Христианская символика в археологических древностях эпохи средневековья в Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2018. №1. С. 101–111.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.) Ижевск: УИИЯЛ УрОРАН, 1998. 309 с.

Королькова Л.В. Северо-восточные районы Новгородской земли X–XVII веков. Формирование сети расселения и этнокультурные взаимодействия. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 195 с.

Корчагин П.А., Лобанова А.С. Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. № 1 (18). С. 121–134.

Моряхина К.В. Перстни и браслеты древнерусского типа из средневековых памятников Пермского Предуралья // Актуальная археология. 3. Новые интерпретации археологических данных / Отв. ред. В.А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 281–284.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе древней Руси. СПб: СПбГУ, 1997. 260 с.

Савельева Э.А. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье // Культурные связи населения европейского северо-востока в древности и в средневековье / МАЕСВ. Вып. 18 / Отв. ред. О. И. Васкул Сыктывкар: ИЯЛИИ Коми НЦ УрО РАН. 2013. С. 8–21.

Савельева Э.А. Историко-культурные связи населения бассейна р. Вычегды и Верхнего Прикамья в эпоху средневековья (по материалам вымской и родановской археологических культур) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2021. № 1 (52). С. 70–80.

Савельева Э.А. Этнокультурные связи нижневычегодских пермян с населением Подвинья в эпоху средневековья (по материалам погребального обряда Чежтыгского могильника) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2021. № 4. С. 13–24.

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация европейского северо-востока (XI–XIV вв. н. э.) // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 651–691.

Мальм В.А., Фехнер М.В. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни / Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 133–149.

Информация об авторе:

Кузнецов Вадим Евгеньевич, студент 5 курс. Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); Vadim_kuznetsov2000@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Boguslavsky, O. I. 1993. In Masson, M. V. (ed.). *Drevnosti Severo-Zapada Rossii (slavyano-finno-ugorskoe vzaimodeystvie, russkie goroda Baltiki) (Antiquities of the North-West of Russia (Slavic-Finno-Ugric interaction, Russian urban settlements in the Baltic Sea region))*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 132–157 (in Russian).

Golovchansky, G. P. 2006. *Khristianizatsiya Permi Velikoy v XV – nachale XVIII vv. (Christianization of Great Perm in the XV – early XVIII centuries)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Perm (in Russian).

Golovchansky, G. P., Melnichuk, A. F. 2018. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* (1), 101–111 (in Russian).

Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie sviazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsy River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th – First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

Korolkova, L. V. 1999. *Severo-vostochnye rayony Novgorodskoy zemli X–XVII vekov. Formirovanie seti rasseleniya i etnokul'turnye vzaimodeystviya (North-Eastern territories of the Novgorod Land in the X–XVII centuries. Formation of a settling network and ethnic-cultural interactions)*. Saint Petersburg (in Russian).

Korchagin, P. A., Lobanova, A. S. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istorii (Bulletin of the Perm University: History Series)* 18 (1), 121–134 (in Russian).

Moryakhina, K. V. 2016. In Alekshin, V. A. (ed.). *Aktual'naya arkheologiya 3. Novye interpretatsii arkheologicheskikh dannykh (Topical archaeology: new interpretations of archaeological data) 3* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 281–284 (in Russian).

Riabinin, E. A. 1997. *Finno-ugorskie plemena v sostave drevnei Rusi (Finno-Ugric Tribes as a Part of Ancient Rus)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Savel'eva, E. A. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Etnokul'turnye kontakty v epokhu kamnia, bronzy, rannego zheleznogo veka i srednevekov'ia v Severnom Priural'e (Ethnic-Cultural Relations of the Population of the European North-East in Antiquity and the Middle Ages)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of the European North-East) 18. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 8–21 (in Russian).

Savel'eva, E. A. 2021. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istorii (Bulletin of the Perm University: History Series)* 52 (1), 70–80 (in Russian).

Savel'eva, E. A. 2021. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* (4), 13–24 (in Russian).

Savel'eva, E. A., Klenov, M. V. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiya Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: “DiK” Publ., 651–691 (in Russian).

Malm, V. A., Fekhner, M. V. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 133–149 (in Russian).

About the Author:

Kuznetsov Vadim E. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaia str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; Vadim_kuznetsov2000@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 9.903.7

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.107.110>

АЛТЫН-ДЕПЕ – ДРЕВНЕЙШЕЕ КУЛЬТОВОЕ МЕСТО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2023 г. А.М. Курбонов

В конце III – начале II тысячелетия до н. э. на юге Средней Азии (территория современного Туркменистана) складывается местный вариант древневосточного общества, получивший по наиболее хорошо изученному памятнику наименование культуры Алтын-Депе. Алтын-Депе, основанный старейшими земледельческо-скотоводческими общинами Средней Азии, многим известен своей монументальной архитектурой, которая представлена большим культовым комплексом. Исследования Алтын-Депе позволяют предположить, что культовый комплекс данного историко-культурного объекта, как и, в целом, весь Алтын-Депе, является результатом культурных влияний и экономической экспансии цивилизаций Месопотамии, Элама и долины Инда. В статье представлена не только информация о планировке, технологии строительства зиккурата, древнего храма Алтын-Депе, но и дан анализ функционального назначения рассматриваемого комплекса.

Ключевые слова: археология, Алтын-Депе, Намазга-Депе, Улуг-Депе, Сапаллитепа, эпоха бронзы, Средняя Азия, храм, зиккурат, золотая голова быка.

ALTYN-DEPE IS THE OLDEST PLACE OF WORSHIP IN CENTRAL ASIA

A.M. Kurbonov

At the end of the III – beginning of the II millennium BC, in the south of Central Asia (the territory of modern Turkmenistan), a local version of the ancient Eastern society was formed, which received the name of the Altyn-depe culture according to the most well-studied monument. Altyn-Depe, founded by the oldest agricultural and pastoral communities of Central Asia, is known to many for its monumental architecture, which is represented by a large cult complex. Studies of Altyn-Depe suggest that the cult complex of this historical and cultural object, as well as, in general, the entire Altyn-Depe, is the result of cultural influences and economic expansion of the civilizations of Mesopotamia, Elam and the Indus Valley. The paper presents not only information about the layout, construction technology of the ziggurat, the ancient temple of Altyn-Depe, but also an analysis of the functional purpose of the complex under consideration.

Keywords: archaeology, Altyn-Depe, Namazga-Depe, Ulug-Depe, Sapallitepa, Bronze Age, Central Asia, temple, ziggurat, golden bull's head. shape of the rooms in these mausoleums make it possible to suppose that they were used not only as memorial buildings, but could serve as a khanqah.

Одним из наиболее значительных событий в археологической науке XX века является открытие и изучение древнеземледельческих памятников Средней Азии, где на территории современного юго-запада Туркменистана выявлена протогородская цивилизация древних земледельцев. Ее основные центры – Алтын-Депе, Намазга-Депе, Улуг-Депе, Сапаллитепа – зародились еще в III тысячелетии до н. э., а к началу II тысячелетия до н. э. они достигли наивысшего расцвета. По названию наиболее изученного памятника эта древнейшая цивилизация Средней Азии получила название Алтын-Депе. Следует отметить, что мы не знаем древнего названия этой страны и ее городов. Неизвестен нам и язык

ее древних жителей. Оплывшие холмы, под которыми скрыты руины поселений первых среднеазиатских земледельцев, сегодня носят гораздо более поздние названия (в частности, Алтын-Депе), под которыми эти поселения и известны в археологической и исторической литературе.

Исследования Алтын-Депе, одного из двух крупнейших многослойных поселений эпохи палеометалла в подгорной зоне Копетдага, в течение более 30 лет (с 1965 г.) проводились Южнотуркменистанской археологической экспедицией (ЮТАКЭ) АН Туркменистана (Сарианиди 1971, с. 433–434; 1972, с. 53–55; Аскарлов 1973) совместно с Каракумской экспедицией Ленинградского отделения Института

археологии (ЛОИА) АН СССР, проводившиеся под руководством В. М. Массона (Массон 1959, 1970, 1981; Masson 1988; Шишкин 1981). Археологические исследования Алтын-Депе позволили обоснованно поставить вопрос о развитии на прикопетдагской равнине цивилизации древневосточного типа (Массон, 1981). Развертывание археологических работ на юге Средней Азии показало, что протогородская цивилизация Алтын-Депе сложилась на основе развития местных земледельческо-скотоводческих общин, которые в V–IV тысячелетии до н. э. освоили выплавку меди, соорудили орошения полей соорудились небольшие каналы (так было положено начало ирригационному земледелию на рассматриваемой территории), начали разводить крупный рогатый скот, а затем и верблюдов. Это свидетельствует о генетической связи Алтын-Депе, Намазга-Депе с культурами II тыс. до н. э., открытых в долине Мургаба (Массон, 1959; Сарияниди, 1976; Масимов, 1979) и по среднему течению Амударьи как в Узбекистане (Аскарлов, 1973, 1977), так и в Афганистане (Сарияниди, 1977). В результате оказалось, что весь юг Средней Азии был весьма рано освоен оседлыми общинами с высокоразвитой культурой древневосточного облика. Выяснилось также, что ранние земледельцы не ограничивались территорией прикопетдагской равнины, и в пору максимального развития предприняли усилия по освоению древней дельты реки Мургаба и достигли верхнего течения реки Зеравшана, где неподалеку от Пенджикента было открыто поселение Саразм с комплексом, типичным для позднего энеолита Южного Туркменистана (Исаков, 1986). Эти обширные и разнообразные материалы позволяют обоснованно говорить о Средней Азии, во всяком случае об ее южных областях, как самостоятельном очаге формирования древних культур, где, как и в других регионах, происходил закономерный процесс развития от ранних земледельцев к первым цивилизациям. Крупнейшими центрами первых среднеазиатских цивилизаций являлись два поселения городского типа – Намазга-Депе и Алтын-Депе.

Судя по дошедшим до нас руинам и археологическим исследованиям, Алтын-Депе занимал вершину 20-метрового холма с достаточно большой площадью (46 га), что позволяет предположить о численности насе-

ления рассматриваемого поселения – 11–12 тыс. человек. Этот «протогород» был обнесен мощными, толщиной 1–2,5 м, оборонительными стенами из сырцового кирпича, с воротами, укрепленными мощными башнями-пилонами, с отходящими от них отрезками мощных (толщиной до 6 м) стен, усиленных снаружи контрфорсами, имел достаточно строгую планировку (Массон, 1881, с. 9). Северную окраину Алтын-Депе занимали мастерские ремесленников. Жилые кварталы с многокомнатными жилыми и хозяйственными сооружениями располагались в западной части поселения: «Подобно могущественному Вавилону, это глиняные города, насквозь прокаленные безжалостными лучами южного солнца. Из сырцового кирпича возводились многокомнатные дома, объединенные в обширные кварталы, между которыми струились узкие извилистые улочки. В отдельных случаях можно установить, что каждая семья имела в своем распоряжении две-три жилые и столько же хозяйственных комнат. В небольшом дворике находились кухонный очаг, печь для изготовления лепешек и каменная зернотерка, предоставлявшая хозяйкам большие возможности для проявления их трудолюбия. Казалось бы, эта мельчайшая единица человеческого общества несла в себе мало нового по сравнению с эпохой примитивных земледельцев. Однако она составляла часть огромной городской общины, само возникновение которой свидетельствовало о качественно новом этапе в истории общества» (Массон, 1981, с.60)

Центром Алтын-Депе являлся большой монументальный комплекс, отличающегося монументальностью архитектуры, сложностью внутренней структуры и состоящий из четырех планировочных единиц – многоступенчатая башня, погребальный ансамбль, хозяйственные и дворовые участки между башней и ансамблем, жилые постройки (Массон, 1981, с.62)

Археологические материалы, изучение микрорельефа возвышенности говорят о том, что главной частью монументального комплекса была четырехступенчатая башня, имевшая 12 м в высоту, 28 м в длину и явно подражающая многоступенчатым зиккуратам Месопотамии. Основанием ей служила массивная платформа размерами 27×10 м. На вершине башни был устроен жертвенник.

Подтверждением подражания месопотамским зиккуратам является фиксация в составе монументального комплекса Алтын-Депе храма, посвященного богу Луны.

О влиянии шумерской цивилизации на цивилизацию Алтын-Депе свидетельствует и обнаруженная в гробнице погребального ансамбля монументального комплекса золотая голова быка с бирюзовой вставкой на лбу в форме лунного диска (Массон, 1981, с.79-85).

Погребальный ансамбль монументального комплекса – массивное прямоугольное здание размером 10x16 м с правильной планировкой. Данное сооружение представляет собой анфиладу из пяти прямоугольных комнат, расположенных вдоль длинного коридора и связанных между собой проходами (Массон, 1981, с. 68–70). Все комнаты различались по зафиксированным в них находкам, что отражает их специализированные функции в системе обрядовой церемонии. Вхождение погребального ансамбля в один комплекс с зиккуратообразной постройкой позволяет утверждать, что он был местом погребения лиц, связанных с обслуживанием культового центра, в частности, представителей жреческой общины.

Ярким доказательством единства выше рассмотренных планировочных единиц является фиксация в составе монументального комплекса многокамерных жилых сооружений из сырцового кирпича. Следует отметить, что жилые дома монументального комплекса смыкаются со ступенчатой башней и отличаются от других жилых сооружений Алтын-Депе тщательной кладкой аккуратно оштукатуренных стен и (Массон, 1981, с. 63). По всей вероятности, они принадлежат жреческой знати. Керамические пряслица, сосуды,

фаянсовые бусы, изделия из металла, колесо и другие предметы, обнаруженные в жилых постройках позволяют говорить не только о хозяйственно-бытовой деятельности их обитателей, но и торговых отношениях с ремесленниками Индии, Ирана, Афганистана и других сопредельных территорий. Так, на пример, среди предметов, обнаруженных как в погребениях, так и в жилых домах, были найдены хараппские изделия из слоновой кости, печати хараппского типа, плоская колесовидная «гиря» с ручкой, «булава» с биконическим расширением посередине (Массон, 1981, с. 56, 64–65).

Следующим элементом монументального комплекса являются хозяйственные постройки, специфической чертой которых является присутствие кухонной посуды, очагов и кострищ. Интересно отметить, что в культовой архитектуре Месопотамии наблюдаются подобные явления (Вулли, 1961, с. 110). Это позволяет предположить, что хозяйственные постройки – это не только хранилища продовольствия, но и своеобразная кухня, двор которой служил местом поминальных или иных культовых пиршеств.

Таким образом, монументальный комплекс Алтын-Депе представляет собой сложный и своеобразный комплекс рассматриваемого протогородского поселения. Многоступенчатая башня типа зиккурата, погребальный комплекс, жилые постройки, хозяйственные сооружения - все это указывает на специфический характер монументального комплекса Алтын-Депе. Вероятно, культовый комплекс Алтын-Депе, подобно шумерским храмам, был не только идеологическим, но и хозяйственно-организационным центром.

ЛИТЕРАТУРА

- Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 24 с.
- Вулли Л. Ур халдеев. М.: Вост. лит-ра, 1961. 256 с.
- Исаков А.И. Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА. 1986. № 1. С. 152–167.
- Курбанов А.М. Бронза даври ибодатхоналарарида учрайдиган алтарлар. // Взгляд в прошлое. 2019. Вып. 24. С.83–88
- Массон В.М. Намазга-Депе – столица древних земледельцев // Массон В.М. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1959. С. 28–36.
- Массон В.М. Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г. / Труды ЮТАКЭ. Вып. 3. Ашхабад: Ылым, 1970. 43 с.
- Массон В.М. Алтын-Депе / Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л.: Наука, 1981. 176 с.
- Массон В.М., Сарияниди В.И. Каракумы: заря цивилизации. М.: Наука, 1972. 166 с.

Сарианиди В.И. Продолжение работ на Улуг-Депе // АО 1968 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 434–435.

Сарианиди В.И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-Депе // АО 1970 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 433–434.

Сарианиди В.И. Раскопки 1970 г. на Улуг-Депе // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1972. С. 53–55.

Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. М.: Наука, 1981. 208 с.

Kurbonov A.M. Altars in temples of bronze age // Ўтмишга назар. 2019. № 24. С. 83–88.

Qurbonov A.M. Some comments on the history of the construction of the temples of the bronze age of ancient bactria // Builders Of The Future. 2022. №2. P. 270–276.

Qurbonov A. The first altars of central asia of bronze age // Eurasian Journal Of Academic Research. 2022, №7. 92-96

Masson V.M. 1988. Altyn-depe. University Museum Monographs 55. Philadelphia. 150 p., XLIII pl.

Информация об авторе:

Курбонов Абдусамад Мелигалиевич, преподаватель, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

REFERENCES

Askarov, A. 1973. *Sapallitepa (Sapallitepe)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Woolley, L. 1961. *Ur khaldeev (Excavations at Ur)*. Moscow: Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).

Isakov, A. I. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 152–167 (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2019. *Vzglyad v proshloe (Look to the Past)* (24), 83–88 (in Russian).

Masson, V. M. 1959. In Masson, V. M. *Drevnie zemledel'tsy na yuge Turkmenistana (Ancient farmers in the south of Turkmenistan)*. Ashkhabad: “Turkmengosizdat” Publ., 28–36 (in Russian).

Masson, V. M. 1970. *Raskopki na Altyn-Depe v 1969 g. (Excavations on Altyn-depe in 1969)*. Series: Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) III. Ashkhabad: “Ylym” Publ. (in Russian).

Masson, V. M. 1981. *Altyn-Depe (Altyn-depe)*. Series: Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) XVIII. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Masson, V. M., Sarianidi, V. I. 1972. *Karakumy: zarya tsivilizatsii (The Karakum Desert: the dawn of civilization)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1969. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1968 goda (Archaeological Discoveries in 1968)*. Moscow: “Nauka” Publ., 434–435 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1971. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1970 goda (Archaeological Discoveries in 1970)*. Moscow: “Nauka” Publ., 433–434 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1972. In Masson, V. M. (ed.). *Uspekhi sredneaziatskoy arkheologii (Achievements of Central Asian archaeology)* 1. Moscow: “Nauka” Publ., 53–55 (in Russian).

Shishkin, I. B. 1981. *U sten velikoy Namazgi (At the walls of the Great Namazga)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2019. *Ўtmişga nazar (Look to the Past)* (24), 83–88 (in English).

Qurbonov, A. M. 2022. In *Builders Of The Future* (2), 270–276 (in English).

Qurbonov, A. 2022 In *Eurasian Journal Of Academic Research* (7), 92–96 (in English).

Masson V.M. 1988. *Altyn-depe*. University Museum Monographs 55. Philadelphia. 150 p., XLIII pl.

About the Author:

Kurbonov Abdusamad M. Lecturer, Termez State University. Barkamol avlod at street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.111.126>

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ РАЗНОВЕСКИ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В НЕОПУБЛИКОВАННОМ НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ П. Н. ШУЛЬЦА¹

© 2023 г. Л.Л. Леонов, Н.Н. Чемодуров

В статье анализируются не публиковавшиеся ранее данные документальных источников из архивов Санкт-Петербурга и Симферополя о результатах раннего периода научной деятельности отечественного археолога П. Н. Шульца. Выясняются причины и итоги обращения исследователя к археологическому изучению весовых систем античных государств Северного Причерноморья. Рассматривается организационная атмосфера научных изысканий в ГАИМК им. Н. Я. Марра, впервые освещаются аспекты работы Разряда керамики и стекла Института археологической технологии в системе Академии. На основании собранных П. Н. Шульцем сведений, а также итогов современного поиска в фондах музея-заповедника «Херсонес-Таврический» и Историко-археологического музея Восточно-Крымского историко-культурного музея заповедника, предпринимается попытка введения в научный оборот группы металлических гирь.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Херсонес, Боспор, античность, весовые системы, разновески, гири, П. Н. Шульц, ГАИМК.

METAL BALANCE WEIGHTS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION SITES IN THE UNPUBLISHED SCIENTIFIC HERITAGE OF P.N. SHULTS²

L.L. Leonov, N.N. Chemodurov

The article analyzes previously unpublished data of documentary sources from the archives of St. Petersburg and Simferopol on the results of the early period of scientific activity of the domestic archaeologist P. N. Schulz. The reasons and results of the researcher's appeal to the archaeological study of the weight systems of the Northern Black Sea region ancient states are cleared up. The organizational atmosphere of scientific research in the State Academy of History of Material Culture (SAHMC) named after N. Ya. Marr is considered, aspects of the work of the razryad (sector) of ceramics and glass of the Institute of Archaeological Technology in the Academy system are elucidated for the first time. Based on the information received by P.N. Schultz, as well as the results of modern search in the collections of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese» and the Historical and Archaeological Museum of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve, an attempt to introduce a group of metal weights into scientific circulation is made.

Keywords: Northern Black Sea region, Chersonesus, Bosphorus, antiquity, weight systems, balance weights, weights, P.N. Shults, SAHMC.

Артефакты, связанные с античными системами мер и весов, встречаемые на памятниках Северного Причерноморья, являются достаточно многочисленной и высокоинформативной категорией находок. Среди них исследователи рассматривают такую группу вещей как гири или разновески. В настоящее время многочисленные аспекты их изучения нашли

отражение в существенном корпусе специальных работ (Чуистова, 1962; Грач, 1978; Николаенко, 1980; Новичихин, 2019). Вместе с тем, введение в научный оборот новых данных поможет дополнить сложившиеся представления. В связи с этим, немаловажным представляется обращение к наследию предшествующих поколений ученых, отдель-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00187 (<https://rscf.ru/project/22-18-00187/>) «Неопубликованная «Карта по археологии Причерноморья» И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

² This work was supported by RSF, project No. 22-18-00187 (<https://rscf.ru/project/22-18-00187/>) "Unpublished "Map on the archaeology of the Black Sea region" of I.V. Fabricius (archive documents, interdisciplinary research, modern interpretations)".

ные значительные наработки которых, в силу различных причин, преданы многолетнему забвению. В настоящем исследовании предпринята попытка поместить в современный научный дискурс, выявленные в итоге архивного и музейного поиска, неизвестные ранее данные, полученные в ходе изучения античных разновременных отечественным археологом П. Н. Шульцем (1900–1983).

В литературе по истории археологической науки имя П. Н. Шульца преимущественно связывают с многолетними работами комплексных экспедиций по изучению древностей Крыма, таких как Тавро-Скифская (1945 – 1960 гг., с перерывами) (Зайцев, 2015; Чемодуров, 2020) и Северо-Крымская (1951 – 1953 гг. и 1961 – 1964 гг.) (Шульц, 1955). В последние годы освещены некоторые подробности истории, организованной ученым Евпаторийской экспедиции ГАИМК им. Н. Я. Марра (1933 – 1934 гг.), итоги которой оказали существенное влияние на разработку замыслов дальнейших научных предприятий археологического исследования полуострова (Кутайсов, 2016, Ланцов, 2004; Смекалова, 2010). Тем не менее, многочисленные страницы жизненного и творческого пути археолога остаются малоизвестными или неизвестными вовсе. Например, период 1920–1930-х гг., время научного становления П. Н. Шульца, представлен в историографии лишь перечнем основных произведенных работ (Щеглов, 1984). В этом контексте следует отметить недавно вышедшую работу об изысканиях в Верхневолжье, привнесшую ценные сведения об археологическом дебюте исследователя (Кузьмина, 2021).

Результаты анализа архивных источников. Проникнуть в событийность довоенного этапа жизни П. Н. Шульца позволяют документальные материалы научных архивов Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь) и Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). В Крыму личный фонд исследователя (Ф. Л–9) насчитывает более 400 единиц хранения. Это число пополняется в ходе научно-технической обработки корпуса документов, поступивших в Научный архив ИАКр РАН¹ еще в 1984 г., после смерти ученого. Большую часть фонда составляют результаты исследовательских работ. Внимание авторов настоящей статьи привлекли материалы по изучению техноло-

гии керамического производства в греческих колониях Северного Причерноморья. Среди документов представлены: машинопись работы «Технология керамики» (НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1932. Д. 9), фотографии и рисунки (рис. 2, 3.) (НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1931. Д. 5), а также сведения об организации исследований (НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1931. Д. 7).

Итогом поиска дополнительных источников стало привлечение не публиковавшихся ранее данных из Рукописного архива ИИМК РАН (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216). В процессе их изучения выяснились новые подробности замысла работы о технологии керамики, неизвестные варианты ее содержания, детали организационной атмосферы, сведения об участии в исследованиях П. Н. Шульца и других сотрудников ГАИМК им. Н. Я. Марра. Страницы некоторых рабочих материалов оказались буквально разделены между двумя архивами. Так, содержимое листа №73 из Рукописного архива ИИМК (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 14) продолжается на листе №28 из Научного архива ИАКр РАН (НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1931. Д. 7. Л. 28). К сожалению, случаи такого совпадения немногочисленны. Это не удивительно, ведь условия работы сотрудников ГАИМК в 1930-е гг. представляются весьма непростыми². Частые перемены в планах и задачах работы Академии, «чистки» в ее составе, отразились и на судьбе П. Н. Шульца. В марте 1935 г. ученый был уволен, и, покидая место работы, по-видимому, забрал с собой часть личных записей³ (рис. 1).

Так завершился первый десятилетний период работы П. Н. Шульца в ГАИМК, начавшийся в октябре 1924 г., когда выпускник факультета общественных наук Петроградского университета, ученик Б. В. Фармаковского и О. Ф. Вальдгауэра, был зачислен в аспирантуру Академии (НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 3. Л. 10). Уже в первые годы обучения круг его интересов включал проблемы изучения античной керамики на памятниках Северного Причерноморья. Об этом П. Н. Шульц писал в «Отчете о работе аспиранта ГАИМК с 1 октября 1926 г. по 1 июня 1927 г.», помещая первым пунктом следующее: «Естественно, что главное внимание я уделил изучению культуры греко-римских колоний Северного⁴ Побережья Черного моря, в

частности Ольвии. При изучении материальной культуры Ольвии, Херсонеса, Пантикапея меня, прежде всего, интересовал вопрос взаимоотношения и взаимодействия между импортной завозной и туземной культурой. Это взаимодействие с чрезвычайной яркостью прослеживается на местном Ольвийской керамическом производстве, изучению которого я уделил специальное внимание» (НА ИАК РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 6. Л. 2).

После окончания аспирантуры и защиты диссертации на тему «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества», в 1930 г. П. Н. Шульц был оставлен при Академии в должности старшего научного сотрудника Института рабовладельческого общества (НА ИАК РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 3. Л. 24). Формируя траекторию карьерного развития в структуре института, а также следуя научным интересам, значительную часть своей творческой энергии ученый отдал Разряду древних культур Причерноморья. В марте 1930 г. он был избран секретарем разряда. (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 13).

В это время подразделения ГАИМК готовили планы научно-исследовательских работ на последние три года пятилетки. На заседании Разряда древних культур Северного Причерноморья 13 марта 1930 г. состоялось обсуждение принципиальных целей научно-исследовательской работы. Выступая первым, заместитель председателя Академии Ф. В. Кипарисов, выразил мнение о том, что: «... так как общее направление работ Академии на пятилетку сосредоточено вокруг вопросов изучения материального производства <...> работа разряда тоже должна быть подчинена этой задаче» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 14). Некоторые участники совещания, среди которых М. И. Максимова, С. А. Жебелев, А. Н. Карасев скептически отнеслись к идее о внесении изменений в план, принятый в 1929 г., ориентированный прежде всего на проведение полевых исследований. Поддержал идею перемен Г. И. Боровка, отметив, что накопленный материал для исследований «уже обилен и разнообразен», предлагая обратиться к теоретической составляющей работы: «...основной задачей разряда является не изучение античного мира, но выявление неантичных местных элементов Причерноморья и тех изменений, которым подвергается античная формация на нашем

Рис. 1. Павел Николаевич Шульц.
Фото середины 1930-х гг.

Fig. 1. Pavel Nikolaevich Shults.
Photo from the mid-1930s.

Юге» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 14). Некую срединную позицию занял П. Н. Шульц, предлагая: «В основу работ разряда нужно положить изучение античного способа производства и его преломления в конкретной исторической обстановке нашего Юга. Экспедиционная работа разряда, не ограничиваясь раскопками городов, должна быть сопровождена разведочной работой» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 15). По итогу, эту точку зрения поддержал Ф. В. Кипарисов и предложил для «наметки проекта» трехлетнего плана по изучению античного способа производства составить к следующему заседанию комиссию в составе Т. Н. Книпович, О. О. Крюгер и П. Н. Шульца (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 15). Присутствующие проголосовали в поддержку этого предложения.

Работа комиссии продолжалась с 17 марта по 2 апреля 1930 г. Согласно утвержденному производственному плану П. Н. Шульц должен был подготовить к 27 апреля 1930 г. доклад о технологии гончарного производства по материалам раскопок в Ольвии на тему «Местная лепная керамика» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 30). Рассмотрение проблем изготовления и использования

керамических изделий ученый продолжил в 1931 г. В «Личной учетной карточке научного работника» П. Н. Шульца на этот год в числе выполненных приведены следующие работы: «Техническая и общественная организация керамического производства в Ольвии» и «Состояние вопроса о местном керамическом производстве античных колоний Северного Причерноморья» (НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 3. Л. 14). К сожалению, материалы этих исследований не выявлены в архивах ИАКР РАН и ИИМК. В связи с этим, существенной находкой стала обнаруженная рукопись еще одной работы, посвященной вопросам технологии античного гончарства – тезисы доклада «Техника местного керамического производства в Ольвии (строительная и лепная керамика, и керамические весовые знаки Ольвии по данным исследований Керамической группы Античного сектора за 1931 г. в составе: Жирновой Н. А., Красникова И. П., Лавровой З. И., Шульца П. Н.)» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 49).

Керамическая группа, Группа керамики и стекла, Керамическое объединение – такие наименования в разные годы носило научное подразделение Института археологической технологии, входившего в состав ГАИМК. История этого учреждения только становится предметом внимания современных исследователей (Медведева, 2022; Платонова, 2018). Образование Института произошло в 1919 г., в его состав вошли девять разрядов: керамики, металла, пищевых остатков, строительных материалов, камня, живописи, фресок, химической и фотографической лабораторий (Платонова, 2018, с. 285). Период 1920-х гг. стал временем революционных начинаний сотрудников ИАТа, связанных с разработками смелых и беспрецедентных подходов и методов изучения, консервации, реставрации и хранения археологических артефактов. Важным достижением керамологических штудий стало издание пособия «Керамика, ее техника и сохранение» (Красников, Фармаковский, 1926). К сожалению, отнюдь не все начинания увенчались успешной реализацией. Значительный корпус исследовательских материалов Керамической группы остается неопубликованным. Сведения о деятельности ее участников, их биографические данные в литературе минимальны (Глушков, 1998, с. 12).

В начале 1930-х гг. Институту археологической технологии, как и другим подразделениям ГАИМК, предстояло внести изменения в планы научно-исследовательских работ в связи с установкой на изучение «производственных проблем» Организационные преобразования согласно «Производственному плану на остающиеся годы пятилетки (1930 – 1933) по Разряду керамики и стекла от 04 марта 1930 г.» предполагали «произвести две главных работы», среди которых: «Объединение около разряда тех научных учреждений и отдельных лиц, которые могут принять с пользой для себя и для разряда керамики участие во всесторонней разработке основной темы и установлении плана обслуживания разрядом по линии изучения вновь добытого раскопочного материала». (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 42. Л. 132). В рамках реализации этого положения в составе Разряда «по части обществоведческих вопросов» исследование лепной керамики Ольвии выполнял П. Н. Шульц (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 49).

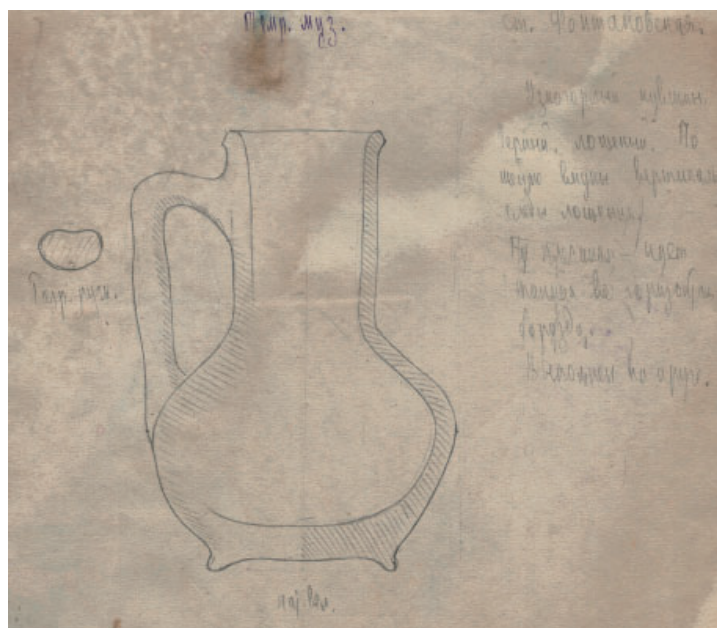
В 1930 г. в составе Разряда керамики и стекла числилось пятеро штатных сотрудников: М. В. Фармаковский (руководитель), Красников И. П. (технолог), Жирнова Н. А. (технолог), Лаврова З. И. (технолог), Голубцова М. Ф. (лаборант). Коллектив трудился в условиях чрезмерной загруженности (только И. П. Красников помимо работы над статьей «О новых методах в изучении керамики», занимался составлением руководства «Методология изучения археологической керамики»), а также необходимости помещения результатов своих исследований по технологии керамического производства «в конкретный исторический контекст» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 42. Л. 133). Кроме того, на 1930 – 1931 гг. планировались «собственные поездки для изучения местной технологии», «в Крым для изучения остатков керамических мастерских близ Херсонеса и в других южных береговых местах, где были греческие, римские и итальянские колонии». В течение трех лет (1930–1933 гг.) предполагалось осуществить изучение Причерноморской терракоты. В связи с этим, приглашение к участию в работе группы П. Н. Шульца, имевшего опыт исследований гончарных технологий и работы на памятниках Северного Причерноморья, представляется неслучайным.

Рис. 2. Фото и рисунок лепного сосуда, найденного в Ольвии.
Fig. 2. Photo and drawing of a hand-made vessel found in Olbia.

Рис. 3. Рисунок узкогорлового кувшина, найденного у ст. Фонтановская. Темрюкский музей.

Fig. 3. Drawing of a narrow-necked jug found near st. Fontanovskaya. Temryuk Museum.

В работе «Исследования лепной керамики Ольвии», первой из подготовленных в сотрудничестве с Разрядом керамики и стекла⁵, П. Н. Шульц предлагает анализировать керамику «в качестве исторического источника, говорящего о конкретных процессах исторической жизни, об общественных условиях, отраженных в данном источнике». Автор сформулировал новые подходы в изучении археологической керамики, предложил подробную формулу описания гончарных изделий. Характеризуя выводы предшественников, как построенные «отчасти на формальных

(«грубая», «простая») признаках, в значительной же мере на узко-технологических признаках (толсто- и тонкостенная, красноглинянная, сероглинянная и т.д.)», П. Н. Шульц рассматривает в качестве принципиального признака при классификации керамики «уровень техники» производства (лепная/круговая). На следующем этапе «...по возможности с исторической локализацией <...> следует делить артефакты по признаку назначения (использования), с учетом формально-технологических и морфологических особенностей. Например: «ольвийская, местная, гончарная, столо-

вая, сероглиняная, тонкостенная, лощеная чашка» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 51).

В докладе «Техника местного керамического производства в Ольвии...» среди керамической продукции античных колоний Северного Причерноморья П. Н. Шульц выделил по признаку назначения несколько групп изделий, в частности «Керамические орудия труда (литейные формы, пряслица, пробки, рыболовецкие и ткацкие грузила, весовые знаки)» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 49). Особый интерес исследователя был обращен к «Характерной и распространенной группе керамического производства античных колоний <...> т.н. рыболовецким грузилам в форме четырехгранных усеченных пирамид». П. Н. Шульц привел сведения, согласно которым И. П. Красников «... исследовавший эту группу орудий, опроверг предположение об их использовании в качестве рыболовных грузил и подставок для вертелов, подверг критике предположение об их использовании в качестве грузил для ткацкого станка и выдвинул наиболее вероятную из всех выдвигавшихся ранее, гипотезу об их использовании в качестве весовых знаков». Далее следует осторожное замечание: «Эта гипотеза, подкреплённая совпадением веса т.н. «грузил» (клейма и выделка), может считаться окончательно разрешенной в пользу весовых знаков, лишь после дополнительных, подтверждающих этот вывод провесов материала, еще не охваченного исследователем из Херсонеса и Керчи» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 49).

В заключении П. Н. Шульц подчеркивает: «Выводы И. П. Красникова, при условии их окончательного подтверждения и дополнительного исследования обстоятельств находок грузил, назначения имеющихся на них клейм и их датировки, сыграют большое значение в исследовании форм торговли и ее распространения вглубь степей в античных колониях Северного Причерноморья» (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 49). Принципиально важным для подтверждения или опровержения гипотезы И. П. Красникова было собирание фактического материала. С этой целью П. Н. Шульц предпринял научные поездки в музеи юга УССР, КАССР и Северо-Кавказского края. В ходе исследовательского поиска им собран значительный корпус источников.

Преимущественно исследователь рассматривал предметы керамического производства. Вместе с тем, среди накопленных данных содержится немало сведений об изделиях из камня и металла. Представлена ценная информация о керамических грузилах, каменных и металлических разновесках. Последние учтены в количестве 48 предметов, обнаруженных при раскопках в Керчи и Херсонесе (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 205–206, 208–211).

Публикация результатов исследований П. Н. Шульца и сотрудников Керамической группы планировалась в форме монографии. Некоторые сведения ее судьбе этого издания содержатся в организационных документах коллектива. Известно, что работы остались невыполненными до конца 1931 г., «в связи со срывом Ольвийской экспедиции и летними командировками <...> Группа завершит свою работу в форме не монографии, но “выпуска известий”, посвященного керамическому производству Ольвии...» (НА ИАКр РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1931. Д. 7. Л. 14). Эти планы не осуществились также в 1932 г. В «Отчете о научной командировке по музеям КАССР» в 1932 г. в качестве одной из целей поездки П. Н. Шульц указал: «Для пересмотра вопроса о назначении т. н. грузил (в связи с гипотезой И. П. Красникова) (НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 22. Л. 1).

Насколько известно, в последующие годы исследователь не обращался более к теме изучения разновесков. Тем не менее, данные, собранные в музеях ряда регионов бывшего СССР сохранились. Они представлены в виде рисунков и записей некоторых характеристик (размер, вес, состояние, наличие надписей, изображений и т. д.), составленных в 1931 – 1932 гг. Время работы над коллекциями древностей упомянутого региона немаловажно. Спустя десять лет привычный порядок его музейных учреждений нарушит начало войны, спешная эвакуация, оккупация и нередко разграбление. Судьбы некоторых собраний плачевны. Так, огромны потери Центрального краеведческого музея КАССР, тысячи эвакуированных экспонатов которого погибли при пожаре на железнодорожном вокзале г. Армавир (Андросов, 2004, с. 15). В связи с этим, описания, графические и фотографические изображения отдельных предметов из довоенных коллекций Крыма и других регионов,

оказавшихся в оккупации, представляются в высокой степени ценными, некоторые из них могут содержать информацию об артефактах, утраченных безвозвратно. В круг задач настоящего исследования входила проверка предположения о наличии среди зафиксированных П. Н. Шульцем металлических разновесков, не публиковавшихся ранее и не состоящих в наши дни на хранении в музеях Севастополя и Керчи.

Обсуждение данных, полученных в архивных и музейных фондах.

Работы об античной весовой метрологии, отражают наличие в рамках данной темы множества дискуссионных вопросов. Рассмотрению этой проблемы посвящена отдельная работа, поэтому не станем останавливаться на ней специально (Леонов, 2022). Перейдем к анализу сведений из документального наследия П. Н. Шульца. В исследовании ученого выявлено 38 металлических разновесков, происходящих с территории Херсонесского государства⁸ (рис. 4.). Все они были зарисованы П. Н. Шульцем, приведены результаты их взвешивания (табл. 1.). Большинство из рассматриваемых разновесков относится к категории мелких нормативов. Важно отметить, что не все из них относятся к античной эпохе. Гири №1 – 4, №6 – 11, №22 – 23 и №31 на своей поверхности имеют обозначения, характерные для византийской весовой системы, что позволяет отнести их к эпохе средневековья. Гири №15 – 18 и №24 – 30, а также №5 не содержат на своей поверхности никаких обозначений. Учитывая то, что форма мелких разновесков с переходом к эпохе средневековья не менялась, датировать их можно было бы лишь опираясь на археологический контекст слоя, в котором они обнаружены. Гири №32 и 34 также не содержат обозначений, однако имеют схожий морфологический признак – широкую рамку. Согласно Н. Л. Грач, этот признак присущ разновескам эпохи эллинизма (Грач, 1976). К этой же категории можно отнести гирию №36. Гирия под №12 также относится к античной эпохе.

В рамках настоящего исследования проведена работа в фондах Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» с целью исследовать упомянутые П. Н. Шульцем гири *de visu*. Рассмотрим античные гири, отмеченные номерами: 12, 19 – 23, 35 – 37.

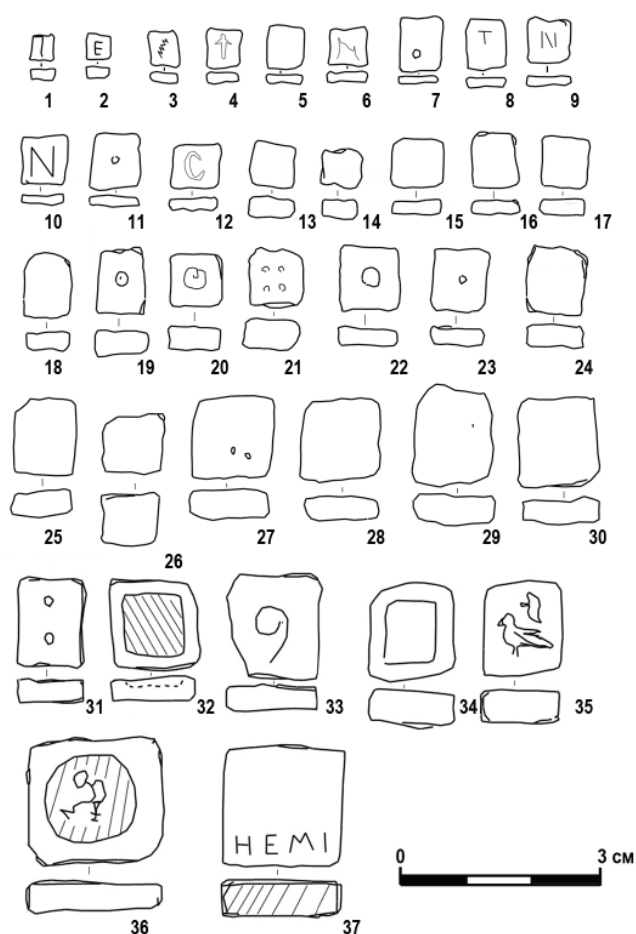

Рис. 4. Гири из музея Херсонеса Таврического.
Fig. 4. Weights from the Museum of Tauric Chersonesus.

Гирия №12 представляет собой небольшой металлический квадрат с вырезанным знаком С. Согласно Л. И. Чуистовой данный знак встречается на разновесках номиналом в триобол (Чуистова, 1962). Вес гири 7 гр. Отсюда можно сделать предположение, что данная гирия относится к двум триоболам позднеаттической (тяжелой) мины.

Гири №19, 20, 22 и 23 представляют один норматив. На это указывает идентичное изображение и вес (15 – 16 г.). Знак «O» встречается на гирих номиналом в 1 или 5 драхм. Учитывая вес рассматриваемых разновесков можно сделать вывод, что они относятся именно к пентадрахам. Это позволяет отнести указанную группу гирек к 1 пентадрахм финикийской системы.

С определенной уверенностью можно определить **гирию №21**. На лицевой поверхности предмета находится 4 отверстия. Вес гири 16 гр., что соотносится с 4 драхмами поздней аттической мины.

Таблица 1. Гири из музея Херсонеса Таврического.
Table 1. Weights from the Museum of Tauric Chersonesus..

№	Инв. №	Средневековье	Античность	Вес	Номинал	Система	Изобр.
1	-	+	-	2 гр	1/2 номисма	Византийская	+
2	-	+	-	3 гр	1/2 номисма	Византийская	+
3	-	+	-	3 гр	1/2 номисма	Византийская	?
4	-	+	-	4 гр	1 номисм	Византийская	+
5	-	?	?	3 гр	?	?	-
6	-	+	-	4 гр	1 номисм	Византийская	+
7	-	+	-	4 гр	1 номисм	Византийская	+
8	-	+	-	5 гр	1 номисм	Византийская	+
9	-	+	-	5 гр	1 номисм	Византийская	+
10	-	+	-	5 гр	1 номисм	Византийская	+
11	-	+	-	5 гр	1 номисм	Византийская	-
12	-	-	+	7 гр	2 трибола	Позднеаттич.	+
13	-	?	?	6 гр	?	?	-
14	-	?	?	7 гр	?	?	-
15	-	?	?	7 гр	?	?	-
16	-	?	?	10 гр	?	?	-
17	-	?	?	14 гр	?	?	-
18	-	?	?	12 гр	?	?	-
19	-	-	+	15 гр	1 пентадрахма	Финикийская	+
20	-	-	+	16 гр	1 пентадрахма	Финикийская	+
21	-	-	+	16 гр	4 драхмы	Позднеаттич.	
22	-	-	+	15 гр	1 пентадрахма	Финикийская	+
23	-	-	+	15,5 гр	1 пентадрахма	Финикийская	+
24	-	?	?	20 гр	?	?	-
25	-	?	?	24 гр	?	?	-
26	-	?	?	35 гр	?	?	-
27	-	?	?	26,5 гр	?	?	-
28	-	?	?	30 гр	?	?	-
29	-	?	?	34 гр	?	?	-
30	-	?	?	24,5 гр	?	?	-
31	-	+		32,5 гр		Византийская	-
32	-	-	+	37 гр	?	Боспорская	-
33	-	?	?	55 гр		?	+(?)
34	-	-	+	66 гр	1/6 мины	Позднеаттич.	-
35	-	-	+	64 гр	1/5 мины	Финикийская	+
36	-	-	+	105 гр	1/4 мины	Эвбейск.-аттич	+
37	-	-	+	101 гр	1/4 мины	Эвбейск.-аттич	+

Примечательной следует признать **гирию №35**. В рамках фондовой работы данный разновесок не был обнаружен. Его нынешнее местонахождение неизвестно. Вес предмета составляет 66 гр. На лицевой стороне изображение птицы, повернутое влево. Над ней неясное изображение. Известные изображения птиц на разновесках представ-

Рис. 5. Артефакты из Керченского археологического музея:
1–3 – керамические грузила; 4–13 – металлические гири.

Fig. 5. Artifacts from the Kerch Archaeological Museum:
1–3 – ceramic weights; 4–13 – metal weights.

лены совы и орлом (Чуистова, 1962). Однако, рассматриваемое изображение не похоже ни на одну из известных нам гирь. Судя по всему, на ней изображена морская птица (чайка?). Вес данной гири позволяет отнести её к 1/5 финикийской мины (Чуистова, 1962). Данная разновеска представляет собой уникальную находку.

Гиря № 36 содержит на своей поверхности неясное изображение, окруженное рамкой. Вес гири в 105 гр. близок к 1/8 египетской мины. В фондах данный разновесок обнаружить не удалось.

Гиря № 37 относится к эпохе античности (рис. 6). Она является одной из самых крупных из обнаруженных в записях П. Н. Шульца. Её параметры, следующие 3,5 см. X 3,5 см. X 8 мм. На лицевой поверхности гири вырезано слово ΝΕΜΙ – «половина». Вес гири – 100,65 гр. (101 гр. у Л. И. Чуисто-

вой). Основываясь на данном разновесе Л. И. Чуистова сделала вывод о наличии в Херсонесе собственной системы веса с миной в 202 – 210 гр. (Чуистова, 1962) Выше отмечено, что данный вывод был раскритикован Г. М. Николаенко и более работ ни в подтверждение, ни в опровержение данного вывода не выходило.

Средневековые гири из записей П. Н. Шульца можно разделить на 2 категории – номисмы и доли номисм. Обе категории гирек относятся к *Siliquae Keratia* (предназначены для измерения денег). К гирям номиналом в 1 номисм относятся № 6, 9, 10 и 11. Их отличительной чертой является изображение буквы Ν (на № 11 маленькая точка, что также трактуется как 1 номисм) и вес 4 – 5 г. Гири под № 1 и 3 относятся к долям номисма, а именно к 1/2 (вес одного номисма колебался от 4, до 5, 90 гр.) (Чуистова, 1962).

Таблица 2. Гири из Керченского археологического музея.
Table. 2. Weights from the Kerch Archaeological Museum..

№	Инв№ /год	вес	номинал	система	изобр.
4	93/1929	35 гр	8 драхм	Боспорская	-
5	94/1929	71 гр	1/5 мины	Позднеаттич.	-
6	91/1929	136 гр	1/3 мины	Боспорская (поздн.)	-
7	99/1929	1336 гр	3 мины	Финикийская	+
8	98/1929	1290 гр	2 мины	Эвбейско-аттич.	+
9	б/н	534 гр	-	-	-
10	96/1929	477 гр	1 мина	Паниткапейская	+
11	95/1929	955 гр	2 мины	Паниткапейская	+
12	97/1929	533 гр	-	Финикийская (?)	+
13	91/1929	484 гр	1 мина	Паниткапейская	-

Гирька под №2 выделяется начертанием буквы Е. Согласно Л. И. Чуистовой, данная буква встречается на гирях номиналом в 5 номисм для византийских и 2 мины для античных гирь. Её небольшой вес в 3 гр. совершенно не совпадает с указанными случаями. В фондах данную гирьку также не удалось обнаружить. Отсутствуют гири с похожей конфигурацией у Л. И. Чуистовой, а также в каталоге В. В. Гурулевой. Основываясь на весе гирьки можно сделать предположение о том, что она относится к 1/2 номисма. Остаётся ряд гирь без каких-либо изображений. Выше отмечено, что определить их можно только по весу, который в данном случае имеет разброс от 3 до 34,5 гр. т.е. от 1 до 8 драхм античных весовых систем и от 1 до 6 номисм. Таким образом, для определения данных разновесков по весу необходимо их датировать. В данном случае это возможно только при условии знания археологического контекста находки. Как известно, П. Н. Шульц работал с материалом из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича. Материалы данных раскопок опубликованы в Известиях Археологической Комиссии и Отчетах Археологической Комиссии. К сожалению, в данных отчетах обнаруженные разновески мелких нормативов часто попадали в категорию «прочее». Вещи, отнесенные исследователем к этой категории, как правило, учитывались в порядке перечисления, в результате чего контекст, при котором они были обнаружены, неясен. Мелкие разновески без каких-либо изображений зачастую не зарисовывались. Л. И. Чуистова также не

приводит все разновески без изображений. Учитывая вышесказанное можно заключить, что дать точное определение гирям № 5, 13 – 18, 24 – 26 и 28 – 30, к сожалению, невозможно.

Вопросу весовой метрологии Боспорского царства в литературе уделено больше внимания. Это связано с тем, что во время раскопок античных городов Боспора исследователи обнаружили целый ряд разновесов, на поверхности которых присутствовали не только обозначения веса, но и изображения, указывающие на принадлежность к определенному торговому центру, а также перечисление имен должностных лиц на оборотной стороне. Принято считать, что эти имена принадлежат агораномам в год избрания которых была создана гирька. Такие гири называются контрольными и считаются важнейшим материальным источником по весовой метрологии т. к. представляют эталон веса, к которому можно привязать другие разновески. На основе данных гирь была выделена собственная Паниткапейская и Боспорская мина. Однако, вопрос о её системе веса остается открытым, т.к. существует 3 разных точки зрения и ни одна из них не закрепились прочно в научном мире (Блаватский, 1955; Чуистова, 1962, Грач 1980).

В собрании П. Н. Шульца обнаружены записи о 10 гирях, происходящих с территории Боспорского государства (рис. 6). Согласно приведенным данным, все они в 1930 г. находились на хранении в Керченском археологическом музее и происходили из раско-

пок Ю. Ю. Марти в 1929 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 216. Л. 211). Вместе с тем, предпринятый поиск в наши дни не дал результатов. Все гири хронологически могут быть отнесены к эпохе античности. Важным отличием от рассмотренных гирь из Херсонеса является принадлежность большей части из керченских находок к большим номиналам с более выраженной морфологией. Это позволяет нам получить несколько больше информации, и дать более точное определение (рис 7, таб. 2.).

Лишь один разновесок можно отнести к малому номиналу – №4. На её поверхности присутствует широкая рамка, а вес её равняется 35 г. Это позволяет отнести её к 8 драхам Боспорской мины (по Л. И. Чуистовой).

Гиря №5 также не содержит на своей поверхности изображений. Но в сравнении с предыдущей она тяжелее. Указанный вес – 71 г. Аналогичная гиря из Нимфея опубликована Н. Л. Грач, а её вес составляет 74 г. (Грач, 1980, с. 189, рис. 7). По мнению исследователя, гиря из Нимфея несколько потеряла в весе и отнести её можно к номиналу 1/5 позднеаттической мины. Следовательно, нашу гиря, вполне вероятно, также относится к данному номиналу.

Схожая ситуация с гирей №6. Изображений нет. Вес – 136 г. Это хорошо соотносится с ранней пантикапейской миной по В. Д. Блаватскому. Однако, подобная морфологическая форма характерна скорее для эпохи позднего эллинизма, что было убедительно обосновано в работе Н. Л. Грач. В этой же работе выдвигается предположение, что гири, которые В. Д. Блаватский отнес к стандарту 408 – 410 на самом деле относятся к эпохе позднего эллинизма, а значительное снижение веса мины связано с экономическим упадком Боспорского государства. В связи с этим, мы склоняемся к выводу, что данная гиря относится к 1/3 позднеэллинистической Боспорской мины (Грач, 1980).

Значительно большие размеры и вес имеет гиря №7. На её лицевой поверхности овальное клеймо. П. Н. Шульц отмечает, что верхний правый угол гири отбит, что отражено на рисунке. Сохранившийся вес 1336 гр. К сожалению, точный вес гири восстановить не представляется возможным. В данном случае, мы осторожно предполагаем, что данная гиря относится к номиналу в 3 фини-

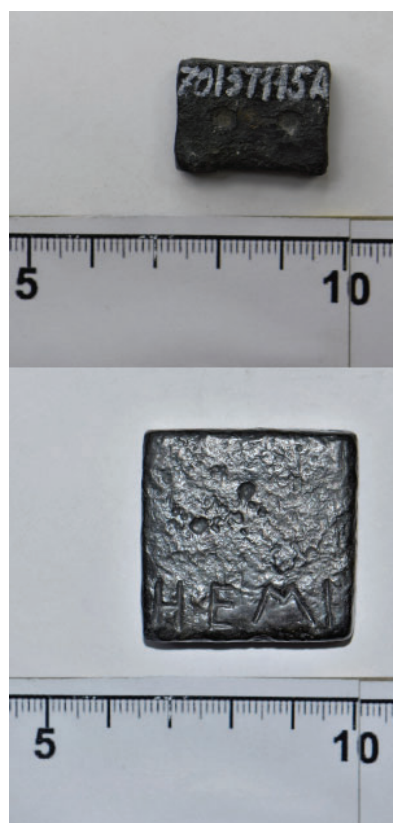

Рис. 6. Гири из фондов музея-заповедника «Херсонес Таврический», совпадающие с №№ 31, 37 из материалов П. Н. Шульца. Фото Леонов Л. Л.

Fig. 6. Weights from the collections of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», coinciding with No. 31, 37 from the materials of P.N. Schulz.

Photo by L.L. Leonov.

кийских мины, а в результате повреждений и прошедшего времени было утрачено около 52 г.

Еще одной тяжелой гирей является №8. На её лицевой поверхности расположено 4 углубления, в которых, по мнению П. Н. Шульца раньше были помещены изображения. К сожалению, данные изображения сильно стерлись и прочесть их невозможно. Вес гири 1290 гр. Данный вес позволяет отнести гирю к номиналу в 2 классической эвбейско-аттической мины с стандартом 860 г. Отметим, что гири аналогичного весового стандарта были весьма распространены в регионе Северного Причерноморья, в особенности в Ольвии.

Гиря под №9 имеет схожие размеры, но при этом значительно легче. П. Н. Шульц отмечает, что памятник серьезно поврежден продуктами коррозии. Вес гири 534 г. В данном случае определить гирю затруднительно. Её вес определенно выбивается из всех извест-

ных стандартов древности, но при этом его сильно недостает для определения его номиналом в 1 или 2 мины, даже с учетом потери веса.

На лицевой поверхности гири под № 10 сильно стертое изображение. П. Н. Шульц предполагал, что это фигура в плаще. Вес гири 477 г. Также интересна рельефная рамка – довольно редкий признак для разновесов. Судя по весу гири, она относится к номиналу 1 Пантикапейской мины стандарта в 480 г. П. Н. Шульц отмечает небольшое углубление в форме квадрата на поверхности гири №11. Наличие подобной рамки характерно для эпохи эллинизма и не вызывает вопросов. Наше внимание привлекли два углубления в центре рисунка. Их расположение явно указывает на искусственный характер, что в купе с весом гири (955 г.) позволяет нам отнести её к номиналу в 2 Пантикапейские мины стандарта в 480 г.

Примечательно, что из представленных гирь лишь одна опубликована. Это гиря под №12. На лицевой поверхности гири расположено 5 клейм, 4 по краям с изображением букrania и 1 в центре с канфаром. Гиря представлена в работе Л. И. Чуистойвой. Отметим, что для одной и той же гири исследователи дают различный вес – 490 г. у Л. И. Чуистойвой, в то время, как в записях П. Н. Шульца указана цифра в 533 г. (Чуистова, 1962, с. 179, рис. 101). Отметим, что Л. И. Чуистова указывает вес с учетом изъянов металла, т.е. при изначальном взвешивании он был еще ниже. Л. И. Чуистова, основываясь на символах, относит данную гирю к персидской системе без указания точного номинала. Столь значительные расхождения в весе требуют проведения повторного измерения памятника прежде чем делать какие-либо выводы.

Последняя гиря из собрания П. Н. Шульца обозначена под №13. Ее лицевая сторона не содержит каких-либо изображений. Вес гири – 484 г. что позволяет предположительно

отнести её к Пантикапейской мине с стандартом в 480 г. Отметим, что не эталонные гири могли как «не дотягивать», так и несколько превышать вес установленного номинала.

Заключение. В материалах научного наследия П. Н. Шульца выявлены данные о нескольких десятках металлических разновесов, хранившихся в крымских музеях в довоенный период. Результаты предпринятого современного поиска в музеях Херсонеса и Керчи показали, что некоторые из рассмотренных гирь в фондах отсутствуют. Предположительно они могли быть утрачены в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, данные записей и зарисовок П. Н. Шульца являются единственными сохранившимися свидетельствами о ряде разновесков, происходящих с территории Северного Причерноморья, часть из которых не имеют известных нам аналогий.

В ходе исследования установлен любопытный факт обращения П. Н. Шульца к выяснению проблемы использования керамических грузил. Среди неопубликованных материалов ученого имеются изображения и сведения о 94 подобных предметах (рис. 1–3). Дискуссия об их назначении представлена в литературе (Бутягин, 2008, с. 108). Вместе с тем, раскрытие подробностей истории этого вопроса, а также публикация новых находок представляется немаловажным. Кроме того, значительное количество керамических грузил большого весового норматива, наводит на мысль, что их могли использовать в качестве разновесков для торговли. Подтверждение этой гипотезы могло бы стать объяснением того, почему в Херсонесе за почти два столетия раскопок обнаружено столь малое число разновесов крупных нормативов и фактически ни одной контрольной гири (в отличие от той же Ольвии или городов Боспора). Поиск контрольных гирь в Херсонесе является одной из важнейших задач по изучению весовой метрологии полиса.

Благодарности:

Авторы работы выражают искреннюю благодарность главному хранителю музейных коллекций музея-заповедника «Херсонес Таврический» Н. Л. Демиденко и всему научно-фондовому отделу за помощь в исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...» (Академик С. А. Жебелев и «чистка» ГАИМК в 1930 г. // Труды Отделения историко-филологических наук. 2020. Т. 10 / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: РАН, 2021. С. 278–315.

Андросов С.А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // IV Таврические научные чтения (Симферополь, 23 мая, 2003 г.) / Гл. ред. Е.Б. Вишневецкая. Симферополь: Центральный музей Тавриды, 2004. С. 11–24.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бутягин А.М. Комплекс керамических грузил из усадьбы на акрополе Мирмекия // Античный мир. Искусство и археология. Посвящается памяти Софьи Павловны Борисковской (1937–2001) / Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLI. / Ред. Е.Н. Хонза, А.М. Бутягин. СПб.: ГЭ, 2008. С. 108–123.

Виноградов Ю. А., Застрожнова Е. Г. Античные археологи и репрессии в ГАИМК (1934–1936) // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья. Материалы IV научно-практической конференции / Отв. ред. С. Б. Ланцов, Н. В. Куклева. Симферополь: Ариал, 2022. С. 63–66.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Грач Н. Л. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии // Культура и искусство античного мира. Вып. 5 / Труды Государственного Эрмитажа. Т. 17. / Отв. ред. К. С. Горбунова. Л.: Аврора, 1976. С. 183–200.

Гурулёва В.В. Византийские весовые знаки. Каталог коллекции. СПб.: ГЭ, 2018. 136 с.

Дело разряда керамики и стекла / РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 42.

Зайцев Ю. П. Начало. По страницам дневника П. Н. Шульца «ТавроСкифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР» 1945 года // 70 лет ТавроСкифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции, посвящённой началу работы ТавроСкифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (Симферополь, 4–6 сентября, 2015 г.) / Ред. Ю.П. Зайцев, И.И. Шкрибляк. Симферополь: Тарпан, 2015. С. 6–8.

Кузьмина О.М. Археолог и исследователь П. Н. Шульц: страницы истории Ржевского Верхневолжья // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Вып. 10 (16) / Ред. Е.Г. Милюгина. Тверь: ТвГУ, 2021. С. 122–128.

Кративина В.В. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья / Отв. ред. В. А. Анохин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 83–98.

Красников И.П., Фармаковский М.В. Керамика, ее техника и сохранение / Материалы по методологии археологической технологии. Вып. 6. Л.: ГАИМК, 1926, 100 с.

Кутайсов В.А. История исследования античных памятников Северо–Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. Вып. XVII. С. 30–63.

Ланцов С.Б. П. Н. Шульц в изучении античных памятников Северо–Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV–III вв. до н.э. // У Понта Евксинского: памяти Павла Николаевича Шульца / Ред. С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский. Симферополь: Крымский научный центр, 2004. С. 58–69.

Леонов Л.Л. История изучения античных весовых систем в России // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VI Международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский. М.: ИВ РАН, 2022. С. 292–298.

Личные материалы П. Н. Шульца / НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 3.

Медведева М.В. Достижения Института археологической технологии в изучении коллекции Монголо–Тибетской экспедиции П. К. Козлова на выставке ГАИМК 1927 г. // Банзаровские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ – БГУ (Улан-Удэ, 30-31 марта 2022 г.) / Отв. ред. О.Н. Полянская. Улан-Удэ: БГУ, 2022. С. 100–103.

Николаенко Г.М. Весовые системы эллинистического Херсонеса // Античные традиции и византийские реалии / Античная древность и средние века. Вып. 17 / Отв. ред. Н. Н. Белова. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 86–93.

Новичихин А.М. Каменные гири из Горгиппии // Античный мир и археология. 2019. № 19. С. 20–29.

Отчетные материалы о командировке для работы в музеях КАССР / НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 22.

Платонова Н.И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.

Рабочая документация Керамической группы Античного отдела ГАИМК по подготовке работы «Технология керамики» / НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1931. Д. 7.

Разряд древних культур Причерноморья (планы, протоколы, отчеты) / РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25.

Рукопись работы «Технология Керамики» / НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1932. Д. 9.

Смекалова Т.Н. П. Н. Шульц – первооткрыватель археологических памятников Тарханкутского полуострова // Археологические разведки на полуострове Тарханкут / Материалы к археологической карте Крыма. Вып. 3 / Гл. ред. Т.Н. Смекалова. Симферополь: ДОЛЯ, 2010. С. 1–6.

Сведения об обучении в аспирантуре ГАИМК / НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 6.

Чемодуров Н.Н. Деятельность Тавро–Скифской экспедиции: к 75–летию научного предприятия // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н. э.). Т. 6 / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Салта, 2020. С. 260–283.

Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. 2 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Симферополь: КРЫМИЗДАТ, 1962. С. 7–235.

Фото- и графические материалы к работе «Технология керамики» / НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. 1931. Д. 5.

Шульц П.Н. Работы Северо-Крымской экспедиции // КСИА АН УССР. Вып. 4. / Отв. ред. П. П. Ефименко. Киев: АН УССР, 1955. С. 97–98.

Щеглов А.Н. Памяти Павла Николаевича Шульца // СА. 1984. № 3. С. 285–287.

Информация об авторах:

Леонов Лев Леонидович, аспирант 1 курса, Институт археологии РАН (г.Москва, Россия); младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии Научно-исследовательского центра Истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); Lioneldjonson@gmail.com

Чемодуров Николай Николаевич, аспирант 3 курса исторического факультета, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); младший научный сотрудник, заведующий Научным архивом Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); hombre_sin_nombre@bk.ru

REFERENCES

Ananiev, V. G., Bukharin, M. D. 2021. In Tishkov, V. A. (ed.). *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk (Proceedings of the Department of historical and philological sciences)* 10 (2020). Moscow: Russian Academy of Sciences, 278–315 (in Russian).

Androsov, S. A. 2004. In Vishnevskaya, E. B. (ed.-in-chief). *IV Tavricheskie nauchnye chteniya (Simferopol', 23 maya, 2003 g.) (4th Tauride scientific readings (Simferopol, 23rd May 2003))*. Simferopol: Central Museum of Taurida, 11–24 (in Russian).

Bobrinskii, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy: istochniki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe: sources and methods of study)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Butyagin, A. M. 2008. In Khonza, E. N., Butyagin, A. M. (eds.). *Antichnyy mir. Iskusstvo i arkheologiya. Posvyashchaetsya pamyati Sofii Pavlovny Boriskovskoy (1937–2001)) (Ancient world. Art and archaeology. Dedicated to the memory of Sofia Pavlovna Boriskovskaya (1937-2001))*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 41. Saint-Petersburg: the State Hermitage Museum, 108–123 (in Russian).

Vinogradov, Yu. A., Zastrozhnova, E. G. 2022. In *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul'ture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomor'ya (Western Taurida in the history and culture of the Ancient and Medieval Mediterranean)*. Simferopol: “Arail” Publ., 63–66

Glushkov, I. G. 1996. *Keramika kak istoricheskii istochnik (Ceramics as a Historical Source)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Grach, N. L. 1976. In Gorbunova, K.SV. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira (Culture and art of the ancient world)* 5. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 17. Leningrad: "Avrora" Publ., 183–200 (in Russian).

Guruleva, V. V. 2018. *Vizantiyskie vesovye znaki. Katalog kolleksii (Byzantine weights. Collection catalog)*. Saint Petersburg: The State Hermitage (in Russian).

1930. *Delo razryada keramiki i stekla (Report of the Razryad of ceramics and glass)*. Manuscript archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. Inv.1. 1930. dossier 42 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P. 2015. In Zaitsev, Yu. P., Shkriblyak, I. I. (eds.). *70 let TavroSkifskoy ekspeditsii v Krymu (70 years of the Tauride-Scythian expedition in the Crimea)*. Simferopol: "Tarpan" Publ., 6–8

Kuzmina, O. M. 2021. In Milyutina, E. G. (ed.). *Rodnaya slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve (Native literature in modern cultural and educational space)*. 10 (16). Tver: Tver State University, 122–128 (in Russian).

Krapivina, V. V. 1980. In Anokhin, V. A. (ed.). *Issledovaniya po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (Studies on ancient archaeology of the Northern Black Sea region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 83–98 (in Russian).

Krasnikov, I. P., Farmakovskii, M. V. 1926. *Keramika, ee tekhnika i sokhraneniye (Pottery, Technique and Preservation)*. Series: Materialy po metodologii arkheologicheskoi tekhnologii (Materials on the Methodology of Archaeological Technology) 6. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

Kutaisov, V. A. 2016. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 17, 30–63 (in Russian).

Lantsov, S. B. 2004. In Koltukhov, S. G., Lantsov, S. B., Puzdrovskii, A. E. (eds.). *U Ponta Evksinskogo: pamyati Pavla Nikolaevicha Shul'tsa (At Pontus Euxinus: in memory of Pavel Nikolaevich Shultz)*. Simferopol: Crimean Scientific Center, 58–69 (in Russian).

Leonov, L. L. 2022. In Lededinskii, L. L. (ed.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka (Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 292–298 (in Russian).

Lichnye materialy P. N. Shul'tsa (Personal materials of P. N. Shults). Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Fund L–9, Inv. 1, dossier 3 (in Russian).

Medvedeva, M. V. 2022. In Polyanskaya, O. N. (ed.). *Banzarovskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya D. Banzarova i 90-letiyu BGPI – BGU (Banzarov's readings. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of D. Banzarov and the 90th anniversary of BSPI – BSU)*. Ulan-Ude: Buriatian State University, 100–103 (in Russian).

Nikolaenko, G. M. 1980. In Belova, N. N. (ed.). *Antichnye traditsii i vizantiyskie realii (Antique traditions and Byzantine realities)*. Series: Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka) 17. Sverdlovsk: Ural State University, 86–93 (in Russian).

Novichikhin, A. M. 2019. *Antichnyi mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 19, 20–29 (in Russian).

Otchetnye materialy o komandirovke dlya raboty v muzeyakh KASSR (Reports on a professional business trip to work in the museums of the KASSR). Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Fund. L–9. Inv. 1. dossier 22 (in Russian).

Platonova, N. I. 2018. Smirnov, N. Yu. (ed.). *Pamiatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamiat Galiny Vatslavny Dluzhnevskoi) (Monuments of Archaeology in Studies and Photographs (In Memory of Galina Vaclavna Dluzhnevskaya))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 285–293 (in Russian).

Rabochaya dokumentatsiya Keramicheskoy gruppy Antichnogo otdela GAIMK po podgotovke raboty «Tekhnologiya keramiki» (Working documentation of the Ceramics Group of the Antiquity Department of

the SAHMC for the preparation of the work "Technology of ceramics"). Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Fund. L–9. Inv. 3. dossier 7 (in Russian).

1930. *Razryad drevnikh kul'tur Prichernomor'ya (plany, protokoly, otchety) (Razryad of ancient cultures of the Black Sea region (plans, protocols, reports)).* Manuscript archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. Inv. 1. dossier 25 (in Russian).

1932 *Rukopis' raboty «Tekhnologiya Keramiki» (Manuscript of the work "Technology of ceramics").* Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Fund. L–9. Inv. 3. dossier 9 (in Russian).

Smekalova, T. N. 2010. In Smekalova, T. N. (ed.-in-chief). *Arkheologicheskie razvedki na poluostrove Tarkhankut (Archaeological surveys on the Tarkhankut peninsula) Series: Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma (Materials for the Archaeological Map of Crimea) 3.* Simferopol: "Dolya" Publ., 1–6 (in Russian).

Svedeniya ob obuchenii v aspiranture GAIMK (Information about postgraduate studies at SAHMC). Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Fund. L–9. Inv. 1. dossier 6 (in Russian).

Chemodurov, N. N. 2020. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.).* Simferopol: "Salta" Publ., 260–283 (in Russian).

Chuiustova, L. I. 1962. In Gaidukevich, V. F. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Bospora (Archaeology and history of the Bosphorus).* Simferopol: "Krymizdat" Publ., 7–235 (in Russian).

1931. *Foto- i graficheskie materialy k rabote «Tekhnologiya keramiki» (Photo and graphic materials for the work "Technology of ceramics").* Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Fund. L–9. Inv. 3. dossier 5 (in Russian).

Shults P. N. 1955. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN USSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR) 4.* Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 97–98 (in Russian).

Shcheglov, A. N. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (3), 285–287 (in Russian).*

About the Authors:

Leonov Lev L. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ul'yanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; V. Vernadskiy Crimea Federal University. V. Vernadskiy Prospect, 4, Simferopol, 295007, Republic of the Crimea, Russian Federation; Lioneldjonson@gmail.com

Chemodurov Nikolai N. V. Vernadskiy Crimea Federal University. V. Vernadskiy Prospect, 4, Simferopol, 295007, Republic of the Crimea, Russian Federation; Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; hombre_sin_nombre@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.127.141>

ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА АНЮШКАР В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ

©2023 г. А.Р. Смертин

В статье вводятся в научный оборот результаты археометаллографического анализа железных предметов из городища и могильника Анюшкар (Кыласово) (X–XV вв.) Выявлено, что на поселении находились все объекты для обеспечения полного цикла железоделательного и железообрабатывающего производства: рудные выходы, плавильные и кузнечные горны. Описаны основные технологические схемы кузнечных изделий местного производства (трёхслойный пакет в восточноевропейском варианте) и импорта (трехслойный пакет в североевропейском варианте, косая наварка, вварка) и др. Впервые проанализирована серия кузнечных полуфабрикатов, благодаря чему удалось выявить стадильность прикамской железообработки. В целом, прослеживается высокий уровень мастеров, которые владели выразительным набором кузнечных операций, имея, однако, некоторые пробелы в знании свойств металла.

Ключевые слова: археология, железообработка, кузнечное дело, металлургия, металлографический анализ, технологические схемы, средневековье, Прикамье.

IRONWORKING PRODUCTION OF THE MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL COMPLEX ANYUSHKAR IN THE UPPER KAMA REGION

A.R. Smertin

In the article, the results of the archaeometallographic analysis of iron objects from the settlement and the burial ground of Anyushkar (Kylasovo) (X–XV centuries) are introduced into scientific circulation. The settlement had all the objects of the full metallurgical and forging cycle: ore outlets, smelting and forging furnaces. The main technological schemes of local forging products (three-layer package in the Eastern European version) and imports (three-layer package in the Northern European version, oblique welding, welding), etc. are described. A series of forging flange was analyzed for the first time, thanks to which it was possible to identify the stadiality of the Kama iron processing. A series of forging flange was analyzed for the first time, thanks to which it was possible to identify the stadiality of the Kama iron processing. In general, there is a high level of craftsmen who owned an expressive set of forging operations, having, however, some gaps in the knowledge of the properties of metal.

Keywords: archaeology, ironworking, blacksmithing, metallurgy, metallographic analysis, technological schemes, Middle Ages, Kama region.

Введение

Изучение кузнечных изделий с помощью морфологического анализа (визуальный осмотр, измерение, классификация) во многом доступно научному сообществу и используется повсеместно. Применение естественнонаучных технологий исследования к предметам из железа является уровнем сегодняшнего дня. К данным технологиям относится метод археометаллографии, направленный на изучение технологической схемы предмета и структуры металла.

В этом отношении, важным является комплексное изучение предметов из железа

с опорных памятников разных территорий. Для Верхнего Прикамья одним из крупнейших средневековых поселенческих центров является археологический комплекс в устье р. Иньвы (правого притока р. Камы): городище и могильник Анюшкар (Кыласово).

К настоящему времени на городище вскрыто около 4 тыс. м². Наибольший вклад в исследование внесли М.В. Талицкий (1940 г.), О.Н. Бадер (1951 г.), В.А. Оборин (1952–1955 гг.), Г.Т. Ленц и А.А. Терёхин (1989–1991 гг.). Могильник был подвержен лишь шурфовке Г.Т. Ленц в 1991 г. (Оборин, Ленц, 2008, с. 10). Зарождение поселения отнесено исследова-

телями к X в., но основной период функционирования связан с XII–XV вв. – временем существования родановской археологической культуры. Могильник предварительно датирован концом XI–XIII вв. (Оборин, Ленц, 2008, с. 14).

В настоящем исследовании использованы материалы с раскопок Г.Т. Ленц и А.А. Терёхина, ранее не подвергнутые металлографическому анализу (хранение МАЭ ПГГПУ). Целью данной работы является археометаллографическое исследование кузнечных изделий Анюшкар (Кыласово) городища и могильника. Важнейшей задачей выступает выявление особенностей кузнечного дела на средневековом археологическом комплексе.

Материалы и методы

В разное время В.А. Обориним на площадке городища было вскрыто несколько объектов чёрной металлургии. Обработку металлургических комплексов и морфологического облика железных изделий произвела Н.С. Горшкова. Автором выделяются очаги скопления руды, шлаков и криц; наземные горны с очагами и ямами для выплавки железа, сложенные из камня на укрепленных бревнами глинобитных основаниях (ИЛ/14-15; ШЩ/32-33); кузница, представленная деревянным срубом 6×3 м, внутри которой располагались два кузнечных каменных горна, ямы с древесным углем и наковальня (ТХ/32/33) (Горшкова, 2013, с. 85, рис. 2).

Развитие металлургического производства на городище могло быть связано с выразительной сырьевой базой – выходами болотных руд близ производственных площадок, в течении р. Лух (Оборин, Ленц, 2008, с. 10), р. Пожвы и др. Таким образом, на поселении имелись все основные объекты по обработке руды, металлургической выплавке (варке) железа и производству кузнечных изделий.

Кроме перечисленных археологических свидетельств о кузнечном производстве, важные данные открывает металлографический метод анализа древнего железа. Такая работа по материалам Анюшкара была начата В.И. Завьяловым в конце XX в. В аналитическую выборку исследователя вошли 23 предмета из раскопок В.А. Оборина (Завьялов, 2005, с. 238–240).

Позднее, благодаря раскопкам Г.Т. Ленц и А.А. Терёхина, значительно расширилась коллекция городища и появились материалы

с могильника. По нашему мнению, имеющаяся база археометаллографических анализов недостаточна для столь значимого памятника по истории средневекового Прикамского населения.

Всего в аналитическую выборку для изучения кузнечной технологии вошло 58 предметов: 53 с городища и 5 с могильника (рис. 1). Были выбраны разные категории качественных кузнечных изделий, а также их заготовок.

Анализ выполнен автором в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН по методике, разработанной группой археометаллографии (Завьялов, 2016, с. 252–278). Шлифы образцов после полировки протравливались ниталем, аналитические данные были получены с помощью металлографического микроскопа МЕТАМ РВ-22 при увеличениях 100× и 200×, замеры микротвёрдости производились для каждой структурной составляющей изделия на микротвердомере ПМТ-3 с десятисекундной нагрузкой 100 г. Нумерация анализов приводится в соответствии с записями в Книгу регистрации образцов кабинета металлографии Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

Результаты исследований

Все проанализированные предметы можно разделить на готовые изделия и заготовки. Готовые изделия делятся на орудия деревообработки, земледелия, охоты, рыболовства, предметы быта.

К предметам деревообработки относятся 7 изделий: топор, наструги, сверло и гвозди.

Топор (ан. 13708) является рабочим и относится к типу бородавчатых с выемкой и опущенным лезвием, датируется X–XIII вв. (раздел III, тип 2, по А.В. Даничу) (Данич, 2015, с. 78–79). Основа топора была изготовлена из кричного железа, на которую наварена стальная часть высокой твердости. Типологически аналогичные топоры, изготовленные путем косой наварки, не являются преобладающими и составляют лишь 4/18 известных анализов проушных топоров с сопредельных пермских территорий (ан. 2342, 3880, 4384, 5397 – Иднакар гор., Чемшай, Кичилькосьский I мог.). По В.И. Завьялову, вместе с восточно-европейскими формами топоров (проушные, широколезвийные) пермянами была воспринята и технология их изготовления - преимущественно, вварка. Наварка, в свою очередь,

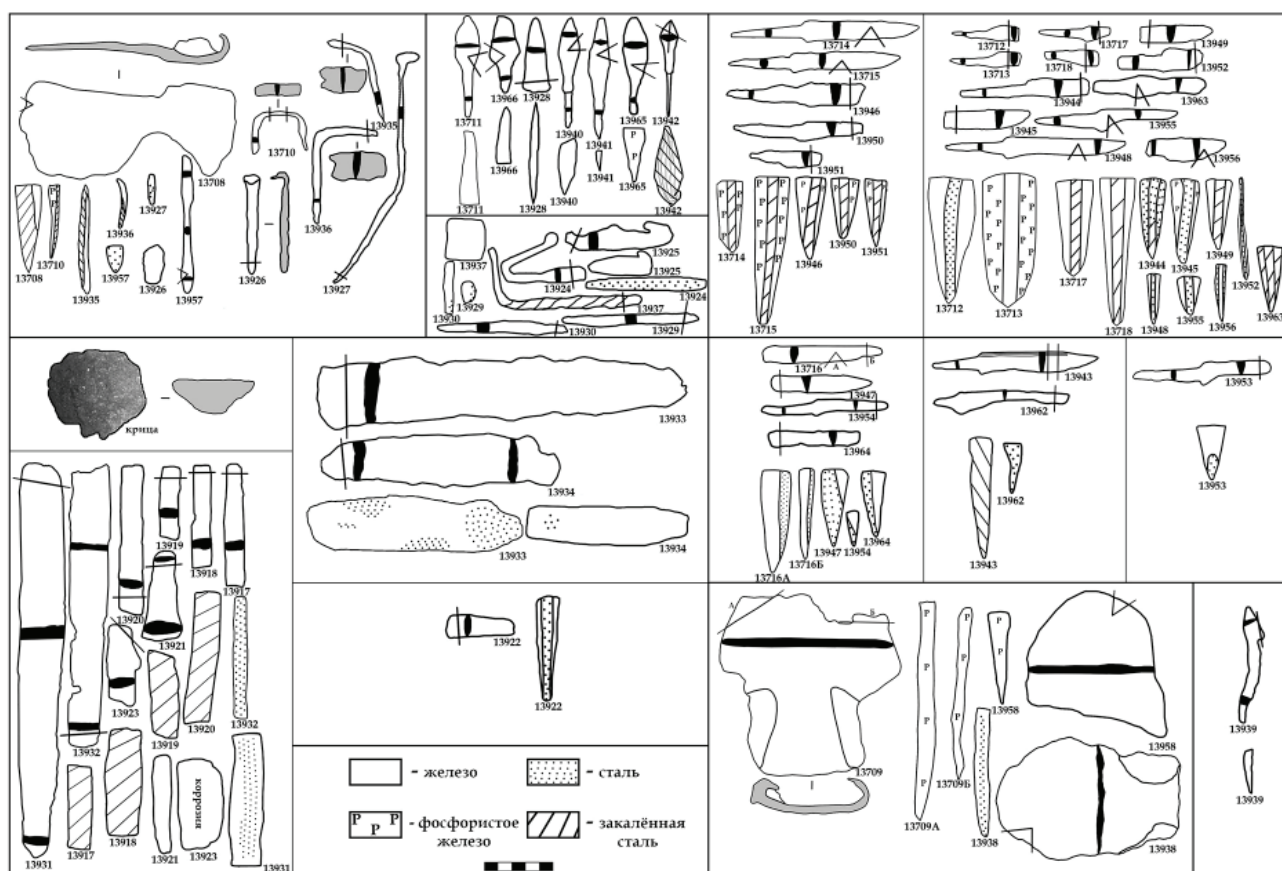

Рис. 1. Городище и могильник Анюшкар (Кыласово). Технологические схемы железных изделий. Прорисовка. 13962–13966 – могильник, остальное – городище.

Fig. 1. Anyushkar (Kylasovo) hillfort and burial ground. Technological schemes of items made of iron. Drawing. 13962–13966 – burial ground, the rest – hillfort.

была более распространена в Древней Руси (Завьялов, 2005, с. 143–144).

Наструги (ан. 13710, 13935–13936) имеют П-образную форму (группа V, тип 1, по А.Р. Смертину) (Смертин, 2021, с. 95). В сечении шлифа лезвий всех настругов обнаружены две зоны структурных составляющих: ферритная основа из фосфористого железа и наварная полоса из сырцової стали. Все изделия закалены в жесткой среде. Наструги ковались из двух пластин приёмом наварки, после чего концы загибались под углом 90° .

Аналогичные изделия в 5/22 известных анализах откованы путем косой наварки (ан. 3186, 4300, 4303, 4308, 4310 – Агафоновский II мог.) (Завьялов, 2005, с. 143–144).

Сверло (ан. 13957) представлено стержневидным орудием с раскованной рабочей частью – перовидное (группа IX, подгруппа 1, тип 2 по А.Р. Смертину) (Смертин, 2021, с. 97–98). Изделие является цельно стальным – изготовлено из высокоуглеродистой стали

(до 0,7 % углерода) и имеет хорошее качествоковки. Все известные аналогичные сверла изготавливались по данной технологии (ан. 5877–5878 – Анюшкар гор.).

Гвозди (ан. 13926, 13927) откованы из кричного железа с большим количеством шлаковых включений. Качествоковки низкое, в виду вспомогательной функции крепежных элементов.

К орудиям земледелия относятся 3 предмета: 2 ральника и мотыга.

Ральники (ан. 13709, 13958) представлены наконечниками с выраженными относительно лопасти плечиками, датируются XI–XV вв. (отдел I, группа I, подгруппа 2, по А.Н. Сарапулову) (Сарапулов, 2015, с. 144–145). В сечении шлифа лезвий обоих изделий обнаружена структура фосфористого железа с множеством бесформенных шлаков. Качествоковки удовлетворительное. Ральники откованы из листа фосфористого железа, элементы трубицы рассекались и загибались во втулку.

Подобные ральники ковались из фосфористого железа или из стали. Аналогичные изделия в данной технологии встречены на сопредельных пермских территориях (ан. 2953, 4690 – Иднакар, Весьякар гор.) (Завьялов, 2005, с. 144–145).

Мотыга (ан. 13938) относится к категории втульчатых и откована из слабоуглеродистой сырцово-стали. Втулка отсечена от заготовки и загнута. Важно отметить, что подобные мотыги в 4/6 случаев ковались в технологии цементации, в то время как встреченный в данной работе вариант – единственный известный.

Из орудий охоты/вооружения исследовано 7 наконечников стрел.

Плоские наконечники стрел (ан. 13711, 13928, 13940-13941, 13965-13966) типологически разнообразны (типы 33, 46, 48, 65 по А.Ф. Медведеву) (Медведев, 1966, с. 63–75), но в сечении шлифов всех изделий обнаружена структура феррита (железа), шлаки мелкие и вытянуты по плоскости, качествоковки хорошее. Один наконечник откован из фосфористого железа (ан. 13965).

Интересен пирамидальный **бронебойный наконечник стрелы (ан. 13942)** с короткой подквадратной боевой головкой и уступом, датируется X–XV вв. (тип 1.1.1.15 по А.В. Даничу) (Данич, 2011, с.101). Он изготовлен из сырцово-стали с неравномерным распределением углерода, поэтому лишь некоторые зоны наконечника восприняли закалку. Тело наконечника было изготовлено из пластины – в шлифе фиксируются следы от многократного сгибания полосы и проковки. (рис. 2).

Абсолютное большинство аналогичных наконечников стрел на прикамской территории откованы целиком из железа или сырцово-стали (Завьялов, 2005, с. 145–146).

Из орудий рыболовства в выборку попал наконечник одношипной **остроги (гарпуна) (ан. 13939)**. Она была откована целиком из железа. Аналогичные изделия были цельножелезные (ан. 5891, 5412 – Рождественское гор., Кичилькосьский I мог.), сварные и цементированные.

Из предметов быта для анализа отобрано 5 изделий: 2 кресала, 2 шила, 1 дужка от котла.

Кресала (ан. 13929-13930) относятся к т.н. «калачевидным» треугольным с узкой рабочей частью предметам и датируются к.

XI – н. XIII вв. (тип А1.1.3.1 по Н.Б. Крыласовой) (Крыласова, 2007, с. 134–135). Первое изделие отковано целиком из сырцово-стали с небольшими шлаковыми включениями, фиксируется выгорание углерода по краям. Второе изделие цельножелезное с большим количеством шлаков. В данном случае высекание искры невозможно из-за отсутствия углерода и такое кресало могло использоваться лишь как элемент костюма.

Большинство аналогичных кресал являлись цементированными или имели наварку стальной полосы на рабочую часть (Завьялов, 2005, с. 148).

Шилья (ан. 13929-13930) представлены стержневидными орудиями с квадратным сечением. Они были изготовлены из низкоуглеродистой стали. Аналогичные предметы изготавливались из сырцово-стали (ан. 2945, 4367-4369 – Иднакар гор., 4339-4340, 5904 – Агафоновский II мог., Саломатовское гор.), либо цементировались (Завьялов, 2005, с. 146–148).

Дужка от котла (ан. 13937) была изготовлена из железного квадратного прутка и декорирована приемом торсирования. Такая технология относится к XII–XIV вв. (Смертин, 2020, с. 350).

По изготовлению **ножей** складывается наиболее интересная картина в виду дифференциации использованных технологий. Всего для анализа было отобрано 24 ножа.

Наибольшее количество ножей ковались в схеме трёхслойного пакета. В современной литературе выделена вариативность данной технологии (Завьялов, Терехова, 2015, с. 27). В классическом североевропейском варианте (скандинавском) изготовлено 5 ножей (**ан. 13714-13715, 13946, 13950-13951**). Данные ножи имеют высокие уступы, отделяющие черешок от клинка, прямое лезвие (тип IV по Р.С. Минасяну) (Минасян, 1980, с. 72–73). Их технологическая схема заключается в сочетании трех слоёв – фосфористое железо по краям и закаленная сталь в середине.

В адаптированном прикамском населением восточноевропейском варианте изготовлено 12 ножей (**ан. 13712-13713, 13717-13718, 13944-13945, 13948-13949, 13952, 13955-13956, 13963**). Если морфологически ножи схожи со скандинавским вариантом, то отклонения от классической технологии в данных изделиях достаточно весомое.

В трех случаях на обкладках используется кричное железо со стальным закаленным лезвием (ан. 13917-13918, 13949), в четырех случаях на обкладках используется кричное железо со стальным незакаленным лезвием (ан. 13712, 13948, 13952, 13955). В единичных случаях на обкладках используется фосфористое железо со стальным незакаленным лезвием (ан. 13945), фосфористое железо с железным лезвием (ан. 13713), три полосы из сырцової стали и зонной закалкой лезвия (ан. 13944), сырцовая сталь с железным лезвием (ан. 13956), три полосы из сырцової стали с полной закалкой изделия (ан. 13963). В последнем случае содержание углерода в слоях достаточно высокое и достигает 0,6 %, в оставшихся случаях содержание углерода редко достигает 0,3-0,5%.

Другие технологии изготовления ножей встречаются реже. В пяти случаях были встречены ножи с наварным стальным лезвием на железную основу без закалки (косая наварка) (ан. 13916, 13947, 13954, 13964). Данная сварная технология характерна для производственной традиции Древней Руси с XIV в. (Колчин, 1985, с. 253).

В двух случаях встречен цельностальной нож (ан. 13943, 1962). Один нож имеет нехарактерный для подобных ножей желоб. Послековки нож закален в мягкой среде, имеет высокий уровень твердости и, безусловно, является качественным изделием. Углерод распределен неравномерно и сконцентрирован на спинке (до 0,9%). Второй нож имеет низкоуглеродистое незакаленное лезвие (0,1–0,2 %).

В одном случае встречена вварка стального лезвия в железную основу, без закалки (ан. 13953). Данная технология преобладала в кузнечном деле Волжской Булгарии X–XII в. (Семькин, 2015, с. 96).

При ковке ножей с исследуемых памятников использовались большинство известных технологических схем, однако преобладающим был трёхслойный пакет в восточноевропейском варианте.

Отдельно необходимо остановиться на **полуфабрикатах – кузнечных заготовках (ан. 13917-13923, 13931-13934)**, ранее практически не исследованных металлографически. Всего для анализа было отобрано 11 изделий в виде подпрямоугольных железных брусков.

Благодаря исследованию на первый взгляд непримечательных кузнечных заготовок,

удалось достаточно подробно реконструировать стадиальность прикамской обработки железа.

1 стадия – кричная. Под крицей подразумевается первичный продукт горнового металлургического процесса в необработанном посредствомковки состоянии. Отдельного исследования по ним не производилось, поэтому нет оснований утверждать о производстве в Прикамье типовых товарных криц единого размера, веса и формы.

2 стадия – первичная формовка железной массы. Полуфабрикат на данной стадии производился из крицы, ему придавалась форма в виде большого, слегка неровного бруска, который лишь предварительно проковывался. К данной стадии относятся 2 полуфабриката (ан. 13933, 13934). Для них характерно наличие большого числа шлаков аморфной формы от мелких до крупных размеров. В обоих шлифах встречена случайная науглероженность (0,1%).

3 стадия – формовка типовых полуфабрикатов. Железо на данной стадии повторно проковывалось и формовалось в несколько одинаковых по форме и весу пластин. Далее пластины повторно помещались в горн для науглероживания – получения стали. Выделяются два варианта данной стадии.

1 вариант 3 стадии – повторная проковка пластин в больших размерах, отсутствие закалки.

К ним относятся 2 полуфабриката (ан. 13931-13932), длиной 20–30 см и весом 300–600 гр., они имеют структуру сырцової стали без следов закалки, мелкие и средние округлые и вытянутые шлаковые включения. Так как данные полуфабрикаты не закалены (либо отожжены), их можно было без проблем разрубать на необходимые части, либо ковать в таком виде.

2 вариант 3 стадии – повторная проковка небольших пластин, закалка в жесткой среде.

К ним относятся 6 полуфабрикатов (ан. 13917-13921, 13923), длиной 5–11 см, весом 28–46 гр.; 4 из них имеют структуру высокоуглеродистой сырцової стали (до 0,5%) с неравномерным распределением углерода (мартенсит с ферритом, в случае с анализом 13917 – мартенсит с ферритом, тростит) (рис. 2). Твердость данных пластин чрезвычайно высока и колеблется в диапазоне 181-824 кг/мм². Это обозначает, что ковать брусок в

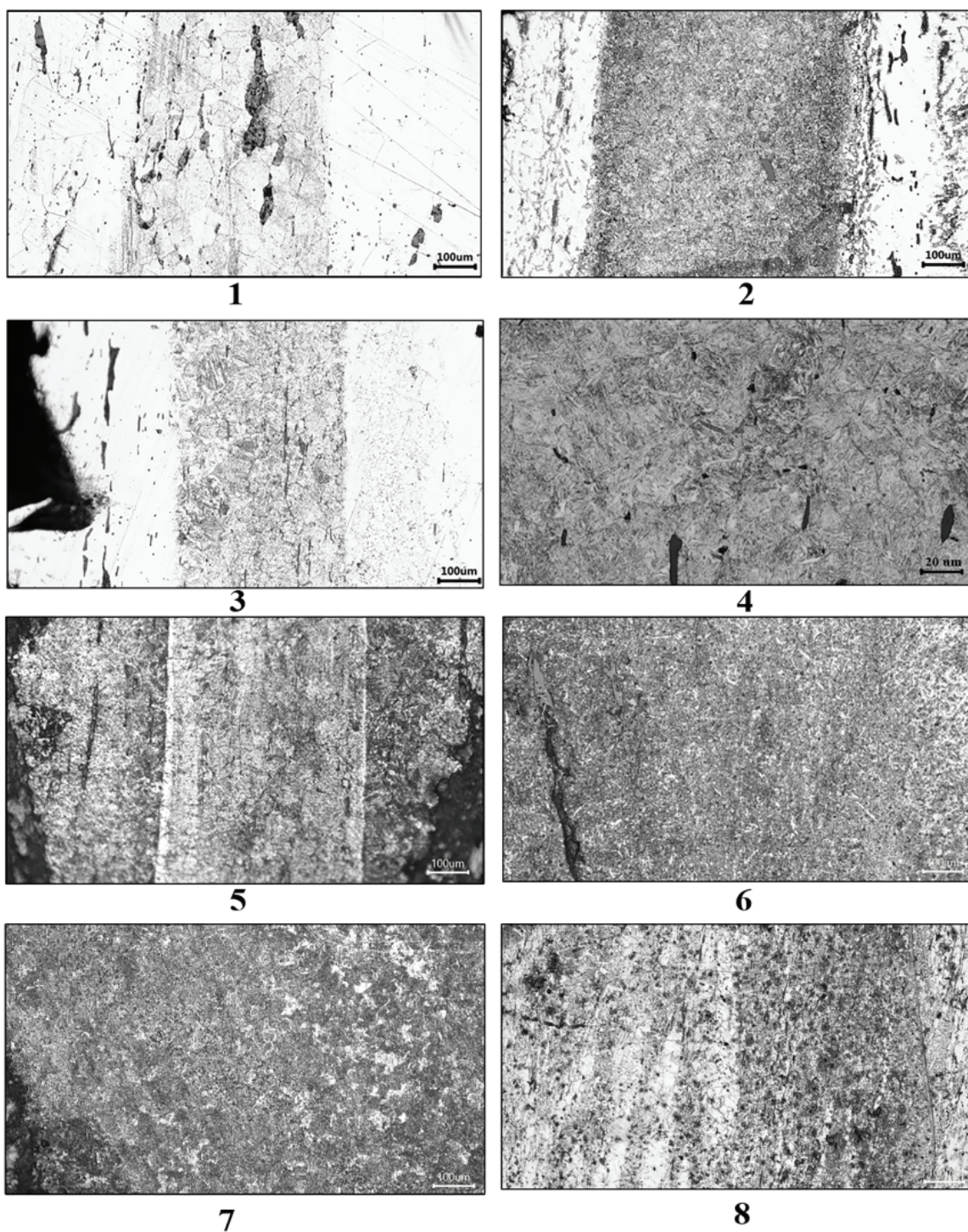

Рис. 2. Городище и могильник Аноушкар (Кыласово). Микроструктуры исследованных образцов. Фото. 1 – ан. 13713, нож, трёхслойный пакет, феррит; 2 – ан. 13714, нож, трёхслойный пакет, феррит, мартенсит; 3 – 13715 – ан. 13715, нож, трёхслойный пакет, феррит, мартенсит; 4 – 2 – ан. 13714 (ув.), нож, мартенсит; 5 – ан. 13963, нож, трёхслойный пакет, мартенсит с перлитом; 6 – ан. 13917, полуфабрикат, мартенсит с ферритом, тростит; 7 – ан. 13957, сверло, феррит с перлитом; 8 – ан. 13942 – наконечник стрелы б/б, мартенсит с ферритом, перлит.

Fig. 2. Anyushkar (Kylasovo) hillfort and burial ground. Microstructures of the studied samples. Photo. 1 – an. 13713, knife, three-layer package, ferrite; 2 – an. 13714, knife, three-layer package, ferrite, martensite; 3 – 13715 – an. 13715, knife, three-layer package, ferrite, martensite; 4 – 2 – an. 13714 (uv.), knife, martensite; 5 – an. 13963, knife, three-layer package, martensite with perlite; 6 – an. 13917, semi-finished product, martensite with ferrite, trostite; 7 – an. 13957, drill, ferrite with perlite; 8 – an. 13942 – used arrowhead, martensite with ferrite, perlite.

Таблица 1. Металлографические характеристики железных изделий.
Table 1. Metallographic characteristics of iron products

№ ан.	Предмет	Вес, гр	Паспорт	Структура	Содержание углерода (%)	Микротвердость, кг/мм ²	Технология изготовления	Примечания
13708	Топор бородовидный	533	МАЭ ПТТПУ 21/1862	Феррит крупнозернистый, Мартенсит с троститом	0,1-0,5	206-221, 297-724	Наварка стального лезвия, закалка	Закалка в мягкую среду
13709	Ральник	658	МАЭ ПТТПУ 59/143, уч. X-23, V гор.	Феррит средне и крупнозернистый		148-260	Из фосфористого железа	
13710	Наструг	20	МАЭ ПТТПУ, 35/44, уч. И-171, -0,35,	Феррит, Мартенсит с ферритом		236-297, 383	Косая наварка: железо и сырцовая сталь, закалка	
13711	Наконечник стрелы листовидный	7	МАЭ ПТТПУ, без паспорта	Феррит		181-193	Из железа	
13712	Нож	10	МАЭ ПТТПУ, 21/996	Феррит среднезернистый, Феррит с зернистым перлитом	0,3-0,4	193-221, 236-254	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо, средняя – сырцовая сталь	
13713	Нож	7	МАЭ ПТТПУ, 21/166	Феррит средне и крупнозернистый		116-297	Трёхслойный пакет, боковые полосы – фосфористое железо, средняя – мягкое железо	Полосы перепутаны местами
13714	Нож	23	МАЭ ПТТПУ, 21/87	Феррит мелко и среднезернистый Мартенсит		170-350 514-642	Трёхслойный пакет, закалка, боковые полосы – фосфористое железо, центральная – сырцовая сталь.	
13715	Нож	24	МАЭ ПТТПУ, 21/235	Феррит средне и крупнозернистый Мартенсит		221-350 350-464	Трёхслойный пакет, закалка, боковые полосы – фосфористое железо, центральная – сырцовая сталь.	
13716	Нож	15	МАЭ ПТТПУ 21/35	Феррит средне и крупнозернистый, перлит зернистый	0,2-0,3	160-193, 170-464	Косая наварка: железо и сырцовая сталь	
13717	Нож	6	МАЭ ПТТПУ 12/44, уч. Н/174, -0,22	Феррит средне и крупнозернистый Мартенсит с троститом		193-221, 350-724	Трёхслойный пакет с последующей закалкой, боковые полосы – железо, центральная – сырцовая сталь.	Закалка в мягкую среду

13718	Нож	8	МАЭ ПТТПУ, 34/44, Уч.Е/168, -0,3	Феррит среднезернистый, Мартенсит с ферритом			170-236, 221-236	Трёхслойный пакет с последующей закалкой, боковые полосы – железо, центральная из сырцовый стали	
13917	Полуфабрикат (заготовка)	28	МАЭ ПТТПУ, без паспорта	Мартенсит с ферритом, тростит	До 0,5	297-824		Сырцовый сталь с зональной науглерожённостью	Закалка в жесткую среду
13918	Полуфабрикат (заготовка)	33	МАЭ ПТТПУ, 432/1089	Мартенсит с ферритом	До 0,5	181-824		Сырцовый сталь с зональной науглерожённостью	Закалка в жесткую среду
13919	Полуфабрикат (заготовка)	26	МАЭ ПТТПУ, 245/41; XIV/77, -0,8	Мартенсит с ферритом	0,2-0,3	297-642		Сырцовый сталь с зональной науглерожённостью	Закалка в жесткую среду
13920	Полуфабрикат (заготовка)	46	МАЭ ПТТПУ, 21/278;	Мартенсит с ферритом	0,4	642		Сырцовый сталь с зональной науглерожённостью	Закалка в жесткую среду. Выгорание углерода по краям
13921	Полуфабрикат (заготовка)	40	МАЭ ПТТПУ, 1374/10722	Феррит		206-221		Из железа	
13922	Полуфабрикат (заготовка)	23	МАЭ ПТТПУ, 38/122	Феррит среднезернистый, Феррит с перлитом	0,4-0,6	181-193, 254-297		Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо, центральная из сырцовый стали	Подножевидная форма с заданной схемой
13923	Полуфабрикат (заготовка)	45	МАЭ ПТТПУ, 222/41; XIII/19, -0,55	Коррозия					
13924	Кресало	23	МАЭ ПТТПУ, 21/1235	Феррит крупнозернистый с перлитом	0,1-0,2	193-206		Сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода	Выгорание углерода по краям
13925	Кресало	21	МАЭ ПТТПУ, без паспорта	Феррит		122-221		Из железа	
13926	Гвоздь	14	МАЭ ПТТПУ, без паспорта	Феррит среднезернистый		170		Из железа	
13927	Гвоздь	50	МАЭ ПТТПУ, без паспорта	Феррит с перлитом зернистым	0,1	151-206		Сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода	
13928	Наконечник стрелы	4,5	МАЭ ПТТПУ, без паспорта	Феррит среднезернистый		193		Из железа	
13929	Шило	12	МАЭ ПТТПУ, 261/18	Феррит с перлитом	0,2	128-236		Сырцовая сталь с редкими включениями углерода	Сталь выходит на рабочую часть
13930	Шило	15	МАЭ ПТТПУ, 39/187; X/24; V гор.	Феррит среднезернистый с перлитом	0,1-0,2	122-193		Сырцовая сталь с редкими включениями углерода	Сталь выходит на рабочую часть
13931	Полуфабрикат (заготовка)	600	МАЭ ПТТПУ, 21/336	Феррит с перлитом	0,1-0,3	170-221		Сырцовый сталь с зональной науглерожённостью	

13932	Полуфабрикат (заготовка)	320	МАЭ ШГПУ, без паспорта	Феррит с перлитом	0,1	297-350	Сырцовая сталь с зональной науглерожённостью	
13933	Полуфабрикат (заготовка)	600	МАЭ ШГПУ, 374/9063	Феррит с перлитом	0,1	221-297	Сырцовая сталь с зональной науглерожённостью	
13934	Полуфабрикат (заготовка)	201	МАЭ ШГПУ, без паспорта	Феррит с перлитом	0,1	206-254	Сырцовая сталь с зональной науглерожённостью	
13935	Наструг	13	МАЭ ШГПУ, 227/1772	Феррит мелкозернистый, Мартенсит с ферритом		170-193, 193-221	Косая наварка: сырцовая сталь и железо, закалка	Закалка в жесткую среду
13936	Наструг	26	МАЭ ШГПУ, без паспорта	Феррит среднезернистый, Мартенсит с ферритом		170-193, 572-642	Косая наварка: сырцовая сталь и железо	
13937	Дужка от когла	16	МАЭ ШГПУ, 21/54	Феррит крупнозернистый		170-181	Из железа	Торсирование
13938	Мотыга		МАЭ ШГПУ, 186/41; XVI/19; -0,52	Феррит с перлитом	0,1	236-257	Сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода	Выгорание углерода по краям
13939	Острога	14	МАЭ ШГПУ, 21/110	Феррит крупнозернистый		193	Из железа	
13940	Наконечник стрелы	12	МАЭ ШГПУ, без паспорта	Феррит мелкозернистый		122-181	Из железа	
13941	Наконечник стрелы	10	МАЭ ШГПУ, 21/557	Феррит мелкозернистый		193	Из железа	
13942	Наконечник стрелы (б/б)	9	МАЭ ШГПУ, 39/512; IX/22; II гор.	Мартенсит с ферритом, Перлит		193-297	Сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода, закалка	Фиксируются следы стигания и проковки полосы металла Закалка в жесткой среде воспринята плохо
13943	Нож	14	МАЭ ШГПУ, без паспорта	Тростит	До 0,9	181-464	Цельностальной	Углерод распространён неравномерно (сконцентрирован на спинке)
13944	Нож	16	МАЭ ШГПУ, без паспорта	Феррит с перлитом, Мартенсит	0,2-0,3	170-206, 274-350	Трёхслойный пакет, боковые полосы – из низкоуглеродистой стали, центральная – из низкоуглеродистой стали.	Зональная закалка в жесткой среде (плохо воспринята)
13945	Нож	17	МАЭ ШГПУ, без паспорта	Феррит средне и крупнозернистый, Феррит с перлитом	0,1	160-297, 221-322	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо, средняя – сырцовая сталь.	

13946	Нож	23	МАЭ ПГТПУ, 39/321, VШ гор. (отвал)	Феррит, Маргенсит с троститом	0,2-0,3	193-254 350-724	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо и сырцовая сталь, средняя – сырцовая сталь.	Закалка воспринята локально
13947	Нож	14	МАЭ ПГТПУ; 39/287, XIV/25, V гор.	Феррит, Феррит с перлитом	0,2-0,3	221-236, 181-297	Косая наварка: сырцовая сталь и железо	
13948	Нож	34	МАЭ ПГТПУ, без паспорта	Феррит крупнозернистый, Феррит с перлитом	0,3	170-236, 350	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо, средняя – сырцовая сталь.	
13949	Нож	11	МАЭ ПГТПУ, XI/27; IV гор.	Феррит мелкозернистый, Маргенсит	0,1-0,2	181-193, 322-350	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо и сырцовая сталь, средняя – сырцовая сталь.	Закалка в жесткой среде воспринята неоднородно
13950	Нож	26	МАЭ ПГТПУ, 295/6585	Феррит среднезернистый, Маргенсит с ферритом		221-254, 274-350	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо, средняя – сырцовая сталь с неравномерным распределением углерода.	Закалка в жесткой среде воспринята неоднородно
13951	Нож	9	МАЭ ПГТПУ, X/28, III гор; 39/268	Феррит крупнозернистый, Сорбит, Тростит		236-274, 724 297-642	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо, средняя – сырцовая сталь	Зональная закалка лезвия в мягкой среде
13952	Нож	18	МАЭ ПГТПУ, без паспорта	Феррит среднезернистый, Феррит с перлитом зернистый	0,1-0,2	193-206, 206-254	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо, средняя – сырцовая сталь	
13953	Нож	21	МАЭ ПГТПУ, 53/41 (отвал)	Феррит мелкозернистый, Феррит с перлитом	0,1	221, 206	Вварка: сырцовая сталь и фосфористое железо	
13954	Нож	8	МАЭ ПГТПУ, 21/1150	Феррит среднезернистый, Феррит с перлитом зернистым	0,2-0,3	128-170, 297-514	Косая наварка: сырцовая сталь и железо	
13955	Нож	19	МАЭ ПГТПУ, 20/XIII, -0,21; 6/41	Феррит среднезернистый, Феррит с перлитом зернистым	0,4-0,5	221-236, 221-236	Трёхслойный пакет, боковые полосы – железо, центральная – среднеуглеродистая сталь	
13956	Нож	20	МАЭ ПГТПУ, 21/25	Феррит среднезернистый, Феррит с перлитом	0,2-0,3	221-236, 236	Трёхслойный пакет, боковые полосы – сырцовая сталь, центральная – фосфористое железо	
13957	Сверло	23	МАЭ ПГТПУ, 21/22	Феррит с перлитом	До 0,7	274-642	Цельностальное	

13958	Ральник	250	МАЭ ПГТПУ, без паспорта	Феррит крупнозернистый		170-254	Из фосфористого железа	Фиксируются следы стигания и проковки полосы металла
Аношкар (Кыласовский) мотильник								
13962	Нож		МАЭ ПГТПУ, шифр 47	Феррит с перлитом зернистым	0,1-0,2	297-350	Цельностальной	
13963	Нож		МАЭ ПГТПУ, 15/47, П/М, шифр 47	Мартенсит с перлитом	До 0,6	236-642	Трёхслойный пакет – все полосы из сырцовоы стали	В средней полосе углерода меньше, чем в обкладках
13964	Нож		МАЭ ПГТПУ, 38/67, Шурф Ш	Феррит мелкозернистый, Феррит с перлитом зернистым	0,2-0,3	116-193, 221-274	Косая наварка: сырцовая сталь и железо	Относительно равномерная науглероженность
13965	Наконечник стрелы		МАЭ ПГТПУ, 38/24, Шурф IV / VI (отгород Якиных)	Феррит среднезернистый		160-254	Из фосфористого железа	
13966	Наконечник стрелы		МАЭ ПГТПУ, 21/47, шифр 47, траншея I – В/5, -0,3	Феррит крупнозернистый		221	Из железа	

Таблица 2. Распределение технологических схем по категориям железных предметов.
Table 2. Allocation of technological schemes by categories of items made of iron.

Категории	Технологические схемы							Всего
	Цельножелезные	Цельностальные	Наварка	Трёхслойный пакет	Вварка	Цементация		
Ножи		2	5	17	1		25	
Топор			1				1	
Наструг			3				3	
Сверло		1					1	
Гвоздь	2						2	
Ральник	2						2	
Мотыга		1					1	
Острога	1						1	
Наконечник стрелы	6	1					7	
Кресало	1	1					2	
Шило		2					2	
Дужка	1						1	
Полуфабрикаг	1	8		1			10	
Всего	14	16	9	18	1		58	

таким виде невозможно, а перед ковкой его необходимо было длительное время отжигать, в виду чего часть углерода неизбежно выгорала. Это подтверждается тем, что на большинстве готовых прикамских изделий твердость и количество углерода далеки от представленных здесь значений. Следовательно, мастера могли не до конца осознавать потерю ценных свойств металла на данной стадии, в момент погружения науглероженного бруска в закалочную среду и его последующего отжига.

В одном случае (ан. 13921) подобный по размерам и весу брусок не получил углерода. Он имеет ферритную структуру и является заготовкой железной, а не стальной пластины.

Один экземпляр полностью корродировал (ан. 13923), но по весу и форме он вполне относится к данной стадии.

Шлаки в полуфабрикатах данной стадии мелкие и средние, округлые и вытянутые, что свидетельствует о тщательной проковке пластин.

4 стадия – заготовка непосредственно изделия в структурном отношении.

К данной стадии относится один экземпляр (ан. 13922). Брусок имеет форму небольшой уплощенной пластины. В шлифе обнаружена структура трёхслойного пакета – на обкладках железо, на лезвии – сырцовая среднеуглеродистая сталь (0,4–0,6%). Это может свидетельствовать о том, что технологическая схема закладывалась в изделие до окончательной формовки в морфологическом отношении.

5 стадия – производство изделия. Данная стадия является завершающей и именно на ней происходило придание заготовке нужного морфологического облика и необходимых свойств. Заготовка расковывалась, подрубалась, обтачивалась, в некоторых случаях закалялась и, в последствии, использовалась. Естественно, к данной стадии мы относим все найденные на памятнике качественные изделия в завершённом виде.

Обсуждение результатов

Вещественный комплекс из городища и могильника Анюшкар – один из самых выразительных в Прикамской археологии. Исследованная посредством металлографического анализа серия изделий вполне позволяет дать характеристику кузнечному ремеслу как минимум в Иньвенском поречье во время существования родановской культуры в XI–XV вв.

Экономическая база поселения обеспечивалась доступностью сырьевых ресурсов в виде древесного угля и железной руды. Важную роль играло и благоприятное географическое месторасположение поселения на стыке крупных торговых артерий – рр. Иньвы и Камы. Это позволило древнему населению в достаточной мере развить весь цикл производства железных изделий от заготовки и переплавки руды, до отковки готового изделия.

Железообработка на Анюшкаре имела чёткую стадиальность. Полуфабрикат преодолевал путь многократных преобразований с четко задуманной мастерами логикой. Ковка изделия отнюдь не производилась в один приём из горновой крицы до готового изделия, а представляла собой технологически сложный, стадийный, регламентированный процесс.

Деревообрабатывающие инструменты (топоры, наструги) созданы преимущественно по сварной технологии косой наварки, характерной для производственной традиции Древней Руси, распространённой позднее XIV в. (Колчин, 1985, с. 253). К данной технологии относится и серия универсальных ножей. Использование косой наварки не является преобладающей технологией для данных групп находок в Прикамье, вследствие чего можно предположить, что предметы могут быть связаны с импортом, либо с сознательным выбором кузнецом более простой и дешёвой технологической схемы.

Земледельческих орудий с помощью метода металлографии исследовано сравнительно мало. Ральники с Анюшкара ковались цельножелезные, мотыжки цельностальные, без закалки. Примечательно, что в русле переменны хозяйственно-культурного типа у прикамских племен в XII в. и перехода к высшей – пашенной форме земледелия, пахотные орудия не снабжались более продвинутыми схемами изготовления, однако в этом ещё только предстоит разобраться.

Наконечники стрел и острога по разным причинам в ходе использования могли быть утеряны, поэтому их изготовление производилось преимущественно из кричного железа. Использование высокоуглеродистой стали для бронебойного наконечника объясняется его предназначением для военного дела.

Предметы быта изготавливались без излишних для них свойств. Любопытно, что

кресала могли быть изготовлены из железа, что подходило исключительно для носки в составе костюма, но не для использования по назначению. Возможно, здесь имеет место ошибка кузнеца в подборе полуфабриката.

Основная схема, которая зафиксирована на ножах – трёхслойный пакет в двух вариантах. Ножи, исполненные в классическом северо-европейском варианте (при сочетании стальной закаленной полосы и боковых обкладок из фосфористого железа) принято считать скандинавским импортом (Завьялов, 2005, с. 140–141).

Как указано выше, наиболее распространенный вариант исполнения трехслойных ножей – восточноевропейский. Ранее, В.И. Завьяловым выделено 4 группы по набору слоёв в ножах: 1) ножи с боковыми полосами из фосфористого железа и центральной из закаленной стали; 2) ножи с боковыми полосами из обычного железа и центральной из закаленной стали; 3) ножи с боковыми полосами из обычного железа и незакаленной центральной полосой; 4) ножи с боковыми полосами из обычного железа и незакаленной центральной полосой (Завьялов, 2005, с. 140–141). На настоящий момент, данных групп можно выделить больше: 5) ножи со всеми тремя полосами из стали с закалкой; 6) ножи с обкладками из стали и центральной полосой из железа; 7) ножи со всеми полосами из обычного или фосфористого железа.

Тем не менее, верно то, что прикамские кузнецы не всегда точно соответствовали классической схеме трёхслойного ножа, однако наличие непригодных для применения ножей (при использовании железа на центральную полосу) единично. Следовательно, мастера в

основном грамотно подбирали материал для изделий.

Технологические схемы цельностальных ножей и вварки стального лезвия в железную основу единичны. Оба ножа можно связать с предметом импорта, первый – в виду нетипичного морфологического облика, второй – в виду распространения вварки в Волжской Булгарии (Семыкин, 2015, с. 96).

На кузнечных изделиях следы брака не зафиксированы и единичны в выборке В.И. Завьялова. Не встречены изделия, произведенные из металлолома. Шлаки в изделиях чаще всего немногочисленны, качествоковки изделий в основном удовлетворительное или хорошее. Закалка производилась более чем на половине железных предметов и относится в первую очередь к деревообрабатывающим инструментам и классическим трёхслойным ножам. Количество сварных конструкций преобладает, что в целом характерно для железообработки Восточной Европы в данный период. Полученные аналитические данные не противоречат и дополняют выводы В.И. Завьялова по данному памятнику археологии (Завьялов, 2005, с. 238–240).

Таким образом, можно говорить о высоком уровне мастеров на поселении, которые владели большинством необходимых кузнечных операций. Однако пробелы в знании свойств металла всё же прослеживаются. Дифференциация технологий по материалам городища и могильника не обнаружена. Важно отметить, что рынок железных изделий в некоторой мере был открыт и для инокультурных предметов, технологические схемы которых могли быть взяты в производственный арсенал и местных кузнецов.

Благодарность:

Выражаю благодарность В.И. Завьялову за научное консультирование и возможность использования базы лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН

ЛИТЕРАТУРА

- Горшкова Н.С. Комплекс черной металлургии первой половины II тысячелетия на примере городища Анюшкар // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 1 (21). С. 84–103.
- Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. 10. / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 71–124.
- Данич А.В. Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. VII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2011. С. 98–115.
- Завьялов В.И. Археометаллография // Междисциплинарная интеграция в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 252–279.

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. 2005. 244 с.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Феномен "трёхслойной технологии" (высокие технологии в средневековье) // Исторический формат. 2015. № 4 (4). С. 21–32.

Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. С. 243–297

Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел VIII – XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 184 с.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л.: Искусство, 1980. С. 68–74.

Оборин В.А., Ленц Г.Т. Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 10–15.

Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: ПГПУ, 2015. 170 с.

Семькин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII - начале XIII вв. // Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 228 с.

Смертин А.Р. Торсированные железные изделия из средневековых материалов Пермского Предуралья // Актуальная археология 5. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых (13-16 апреля 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. К.В. Конончук. СПб.: Невская Типография, 2020. С. 348–351.

Смертин, А.Р. Деревообрабатывающий инструментарий Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Труды КАЭЭ. 2021. № 19. С. 92–102.

Информация об авторе:

Смертин Андрей Романович, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); arsmertin@mail.ru

REFERENVES

Gorshkova, N. S. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Serii Istorii (Bulletin of the Perm University: History Series)* 21 (1), 84–103 (in Russian).

Danich, A. V. 2015. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 71–124 (in Russian).

Danich, A. V. 2011. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 98–115 (in Russian).

Zavyalov, V. I. 2016. In Chernykh, E. N., Mishina, T. N. (eds.). *Mezhdistsiplinarnaya integratsiia v arkheologii (Interdisciplinary Integration in Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 252–279 (in Russian).

Zavyalov, V. I. 2005. *Istoriya kuznechnogo remesla permyan: Arkheometallograficheskoe issledovanie (The history of the Permian blacksmithing: archaeometallographic survey)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zavyalov, V. I., Terekhova, N. N. 2015. In *Istoricheskii format (Historical format)* 4 (4), 21–32 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1985. In Rybakov, B. A. (ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus'. Town, Castle, Village)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: "Nauka" Publ., 243–297 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2007. *Arkheologiya povsednevnosti. Material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya (Archaeology of everyday life. The material culture of the medieval Cis-Urals)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Minasyan, R. S. 1980. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 68–74 (in Russian).

Oborin, V. A., Lents, G. T. 2008. In Krylasova, N. B. (ed.). *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)* 2. Perm: Perm State Pedagogical University, 10–15 (in Russian).

Sarapulov, A. N. 2015. *Srednevekovoe zemledelie permskogo Predural'ia po arkheologicheskim dannym (Medieval Agriculture of the Perm Cis-Urals Region by Archaeological Data)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII – nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmithing of Volga Bulgaria in the 8th – early 13th centuries)* Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 21. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Smertin, A. R. 2020 In Kononchuk, K. V. (ed.) *Aktual'naiia arkheologiya: kompleksnye issledovaniia v arkheologii (Current Archaeology: Comprehensive Studies in Archaeology)* 5. Saint Petersburg: "Novaya Tipografiya" Publ., 348–351 (in Russian).

Smertin, A. R. 2021. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 19, 92–102 (in Russian).

About the Author:

Smertin Andrey R. Perm State National Research University. Bukirev str., 15 Perm, 614068, Russian Federation; arsmertin@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902. 543.42: 543.442:543.5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.142.155>

ВНУТРИМОГИЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДРЕВЕСИНЫ МЕТОДОМ СКАНИРУЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОННОЙ МИКРОСКОПИИ)¹

©2023 г. А.Р. Смертин, П.А. Иванов, О.Ю. Каменщиков, М.П. Красновских, И.Г. Мокрушин, А.Н. Сарапулов

Статья посвящена определению пород древесины, из которой изготавливались внутримогильные конструкции ряда средневековых погребальных памятников Пермского Предуралья – могильников: Митинский (конец VII – VIII вв.), Запосельский (VIII–XI вв.), Редикорский (IX–XI вв.), Баяновский (IX – первая половина X вв.), Степаново Плотбище (IX–XI вв.), Антыбарский (XII–XIV вв.), Плотниковский (XII–XV вв.), кладбище г. Соликамск (XVII–XVIII вв.), методами инструментального анализа. Дерево было распространено на всей территории лесной полосы и было самым доступным материалом для строительства и поделочных работ. На основе археологического материала авторами была рассмотрена классификация внутримогильных конструкций. Среди деревянных были выделены рама (сруб), настил, колода, гробовище. Анализ выявил следующие породы дерева: береза (1 случай), липа (1 случай), лиственница (5 случаев), кедр (11 случаев). Следовательно, в основном использовались хвойные породы дерева – кедр и лиственница, лишь в двух случаях встречены берёза и липа. Ведущей породой дерева для изготовления погребальных конструкций являлся кедр. Как показал анализ этнографических данных, кедр воспринимался как «божественное дерево мёртвых» во всем хронологическом диапазоне использования внутримогильных конструкций.

Ключевые слова: археология, средневековье, Пермское Предуралье, древесина, внутримогильные конструкции, сканирующая электронная микроскопия, кедр.

GRAVE STRUCTURES IN THE BURIAL RITUAL OF THE MEDIEVAL POPULATION OF THE PERMIAN URALS (EXPERIENCE IN DETERMINING WOOD BY SCANNING ELECTRON MICROSCOPY)²

A.R. Smertin, P.A. Ivanov, O.Y. Kamenshikov, M.P. Krasnovskih, I.G. Mokrushin, A.N. Sarapulov

The paper deals with the determination of wood species used in grave structures from medieval burial grounds of the Permian Urals – Mitinsky (end of the VII – VIII centuries), Zaposelsky (VIII – XI centuries), Redikorsky (IX – XI centuries), Bayanovsky (IX – first half of the X centuries), Stepanovo Plotbishche (IX – XI centuries), Antybarsky (XII – XIV centuries), Plotnikovsky (XII – XV centuries), Solikamsk cemetery (XVII – XVIII centuries), by methods of instrumental analysis. Wood was spread throughout the entire territory of the forest strip and was the most affordable material for construction and diy work. The authors considered the classification of burial structures. Among the wooden structures, a frame (log house), flooring, log, coffin were singled out. The analysis revealed the following tree species: birch (1 case), linden (1 case), larch (5 cases), cedar (11 cases). Consequently, coniferous species of wood were mainly used – cedar and larch, birch and linden were found only in two cases. The leading type of wood for the manufacture of funerary structures was cedar. As the analysis of ethnographic data showed, cedar was perceived as the "divine tree of the dead" in the entire chronological range of the use of funerary structures.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, Permian Urals, wood, grave structures, scanning electron microscopy, cedar.

¹ Исследование выполнено при поддержке при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

² The study was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Perm Region, Agreement No. С-26/1192 dated 19.12.2019.

Введение

Основным источником для изучения деревообработки в Пермском Предуралье служат инструменты для данного производства. Однако нельзя обойти стороной свидетельства деревянных остатков, которые, к сожалению, редко встречаются в археологических материалах Пермского Предуралья. Культурные слои средневековых памятников этой территории весьма сухие и имеют повышенную кислотность, из-за чего практически не обеспечивают сохранность древесины. Важным элементом является анатомическое изучение ископаемых древесных остатков, которое позволяет определить сырье и технологию изготовления некоторых деталей. В исследовательской практике анатомическое изучение древесины проводится в основном с целью определения породы (ксилотомия) и датирования объектов (дендрохронология). Поэтому для исследования археологической древесины во многом подходят методы инструментального анализа, описываемые в данной статье.

Территория Пермского Предуралья расположена на северо-восточной окраине Восточно-Европейской платформы и Предуральском краевом прогибе; здесь преобладает равнинный и низменный рельеф. Восточная часть – горная, включающая западные склоны южной части северного и северной части Среднего Урала.

В настоящее время север и северо-запад региона относится к среднетаежной пихтово-еловой тайге, южнее расположены южно-таежные пирогенные ландшафты с преобладанием сосны и проявлением кедровой сосны, еще далее к югу, в центральной и южной части современного Пермского края находится зона смешанных лесов, где большую часть леса составляют широколиственные породы (липа, вяз, дуб, ильм, клен, орешник), присутствуют сосна, в меньшей степени ель, спорадически встречается кедровая сосна (на востоке региона) (Белавин, 2007, с. 27, 29).

С целью получения информации о природных условиях и хозяйственной деятельности средневекового населения Пермского Предуралья в течение последних лет проводились палинологические исследования отложений крупнейших средневековых археологических памятников Пермского края – Рождественского (Карагайский район) и Роданова (Юсьвинский район) городищ.

Палинологические данные, полученные при исследовании образцов разрезов отложений Рождественского городища, показали, что в период до появления поселения (до X в.) были распространены липово-еловые и липово-пихтово-еловые леса. При появлении и функционировании городища (X – н. XIV вв.) произошла деградация липово-темнохвойных лесов, возросла роль березы (Лаптева и др., 2019, с. 30). Исследования среды обитания населения Роданова городища (X – н. XIV вв.) показали, что существовали леса таежного типа, включавшие мелколиственные, светлохвойные и темнохвойные формации. Во время функционирования городища лесные формации подвергались сведению, и преобладали открытые пространства вокруг городища (Лаптева и др., 2020, с. 108).

Таким образом, нахождение Пермского Предуралья в зоне лесной полосы, с обширными лесными пространствами различных типов, во многом определяло хозяйство местного населения в эпоху средневековья. Дерево было распространено на всей территории и было самым доступным материалом для строительства и поделочных работ. Из древесины изготавливались жилища, элементы домашнего убранства, бытовые предметы и утварь, части орудий труда, луки и составные части оружия, некоторые инструменты, транспортные средства, объекты поселенческой инфраструктуры и т.д. Не было особой необходимости возводить постройки из камня, делать утварь и фурнитуру из металла, так как традиции складывались в сторону использования дерева, главным образом, в силу неограниченности этого ресурса.

На территории Пермского Предуралья отдельные фрагменты древесины встречаются только в закрытых комплексах: в ямах, в основаниях жилищ и в погребениях, либо благодаря консервирующему воздействию коррозионных окислов от цветных и чёрных металлов. Задачей данного исследования является анализ погребальных конструкций, знание о которых сможет выявить особенности производственных традиций и восстановить некоторые тонкости погребального обряда.

За продолжительный период деятельности Камской археолого-этнографической экспедиции даже при редких находках древесины удалось накопить хронологически широкую

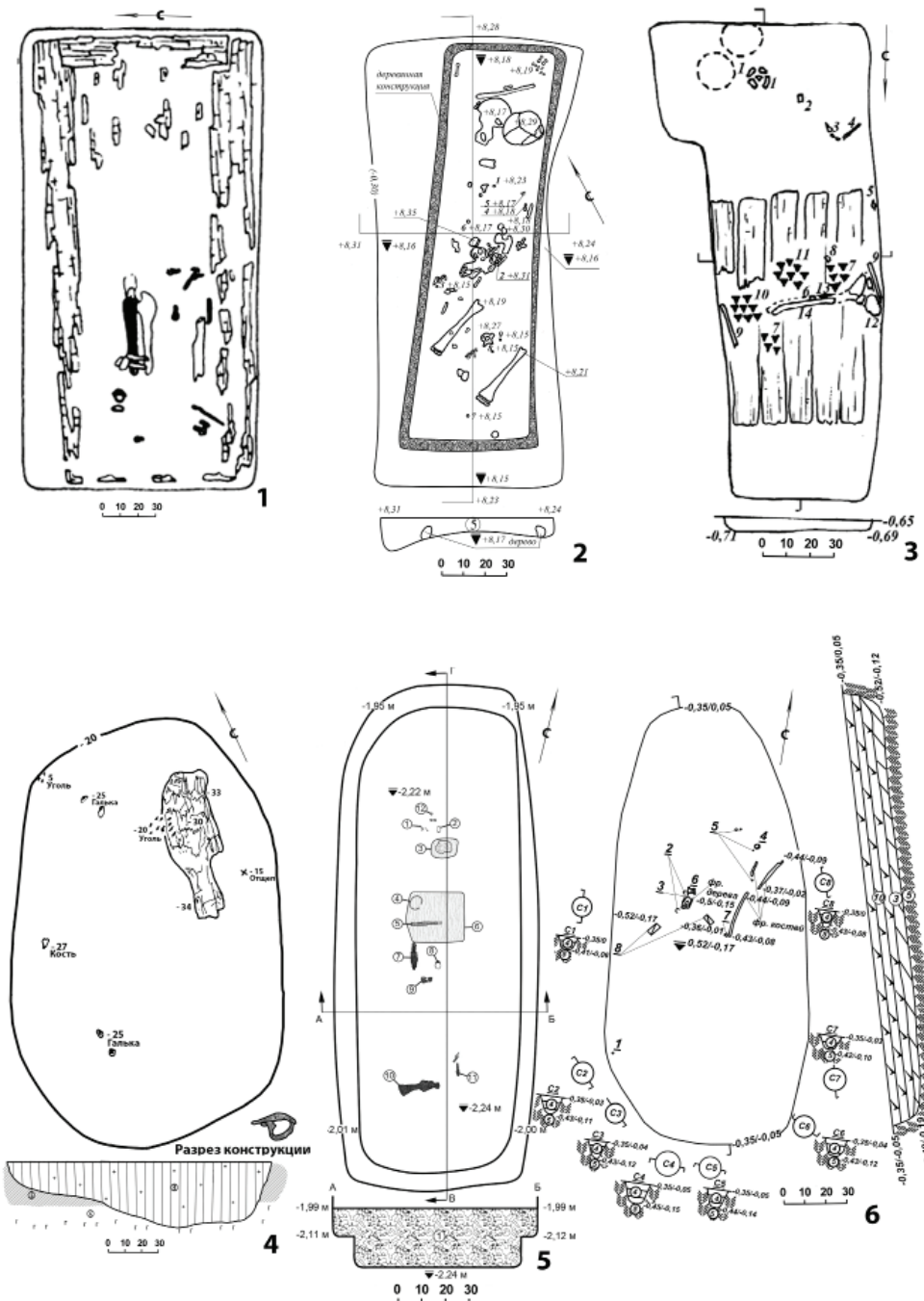

Рис. 1. Классификация деревянных погребальных конструкций.

1 – бревенчатая рама (сруб) – Бурковский могильник, п.21 (по Р.Д. Голдиной, В.А. Кананину); 2 – дощатая рама – Митинский (грунтовый) могильник, п. 62 (по Д.В. Шмуратко); 3 – настил – Рождественский могильник, п.43 (по А.М. Белавину, Н.Б. Крыласовой); 4 – колода – Антыбарский могильник, п. 1 (по Г.Т. Ленц); 5 – гробовище – Баяновский могильник, п. 397 (по А.В. Даничу); 6 – помост – Рождественский могильник (по Н.Б. Крыласовой).

Fig. 1. Classification of wooden burial constructions.

1 – log frame (block house) – Burkovo burial ground, b.21 (according to R.D. Goldina, V.A. Kaninin); 2 – board frame – Mitino burial ground, b.62 (according to D.V. Shmuratko); 3 – flooring – Rozhdestvensk burial ground, b.43 (according to A.M. Belavin, N.B. Krylasova); 4 – log – Antybyary burial ground, b.1 (according to G.T. Lenz); 5 – coffin – Bayanovo burial ground, b. 397 (according to A.V. Danich); 6 – platform – Rozhdestvensk burial ground (according to N.B. Krylasova).

выборку образцов погребальных конструкций. Всего в Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГПУ удалось отобрать 18 проб древесины. Образцы происходят из могильных ям с 8 хронологически разных могильников от раннего средневековья до нового времени. Выборка численно является далеко не репрезентативной в силу плохой сохранности отбираемого материала. Однако в неё попали могильники с большого хронологического интервала.

Материалы и методы

Ранее, авторами отработана методика идентификации породы древесины в археологических материалах с помощью ИК-спектроскопии (Пожидаев и др., 2019, с. 911–921). Положительные результаты показало определение по фрагментам обугленной древесины с помощью цифрового стереоскопического микроскопа ботанической принадлежности в соответствии с конкретными анатомическими узорами (Семяк и др., 2018, с. 88–92).

В Лаборатории термических методов анализа ПГНИУ с помощью карбонизации древесных остатков в приборе синхронного термического анализа NETZSCH STA 449 F1 (СТА) в атмосфере аргона и дальнейшем анализе коксовых остатков на сканирующем электронном микроскопе Hitachi S-3400N с рентгенофлуоресцентным анализатором (СЭМ-РФЛА), определены породы деревьев, применявшихся у жителей Рождественского городища, дана археологическая интерпретация и оценка полученных результатам. Описываемая методика СТА позволяет устанавливать в одном эксперименте по термическому разложению образца множество параметров, пригодных для дальнейшей систематизации и изучения, а именно теплоёмкости и температуропроводности образца, содержания влаги, лигнина и целлюлозы, органических и минеральных примесей. Дальнейшее исследование с помощью СЭМ-РФЛА позволяет не только идентифицировать породную принадлежность древесины, но и описать контекст залегания находок, например, минеральный состав почвы или соседство с металлическими находками. В результате проведенного исследования обнаружено, что строение поверхности коксового остатка точно повторяет анатомию биологических макроструктур

древесины и является уникальной для каждой породы. Получены эталонные микрофотографии различных пород древесины, характерных для территории Прикамья, сформирована база данных для идентификации. Примененный способ анализа археологических остатков угля с целью определения пород древесины дал положительные результаты при апробации (Мокрушин и др., 2019, с. 34–43).

Материалом в данном исследовании послужила серия из древесных элементов погребальных конструкций ряда могильников: Митинский (к. VII–VIII вв.), Запосельский (VIII–XI вв.), Редикорский (IX–XI вв.), Баяновский (IX-1 п. X вв.), Степаново Плотбище (IX–XI вв.), Антыбарский (XII–XIV вв.), Плотниковский (XII–XV вв.), кладбище г. Соликамск (XVII–XVIII вв.).

Основным вызовом для исследователя древесных остатков являются плохая сохранность (и, как следствие, затруднённая пробоподготовка), заключающаяся в частичном разрушении природной полимерной матрицы древесины, её частичная минерализация и карбонизация, что затрудняет традиционную идентификацию породной принадлежности микроскопическими (в т.ч. мацерационными) и спектральными методами. На основании этого авторами была впервые использована модифицированная методика полной карбонизации образца и последующего электронно-микроскопического анализа, которая позволяет вести анализ образцов крайне малых размеров и сохранности.

Методика подготовки и карбонизации древесных находок состоит в следующем: древесные находки изучаются под оптическим микроскопом с увлечением 10–50 крат, проводится определение направления древесных волокон, из каждой древесной находки с помощью скальпеля или разломом подготавливается по 3 образца для карбонизации, каждый из которых в дальнейшем будет рассматриваться в тангенциальном (TLS), радиальном (RLS) и поперечном разрезе под электронным микроскопом. Подготовленные образцы помещаются в керамические лодочки. Далее лодочки с образцами располагаются в кварцевой трубке лабораторной трубчатой печи, карбонизация происходит в непрерывном токе аргона (Рис. 3). Карбонизированные образцы древесных находок в дальнейшем готовят для съёмки на сканирующем электронном микроскопе

Hitachi S-3400N, где объект изучается с увеличением 100; 300; 700; 1500 крат, при необходимости проводится качественное и количественное определение состава исследуемой поверхности. С помощью имеющейся базы идентифицируется порода подготовленного образца.

Описание погребальных комплексов

Митинский грунтовый могильник (рис. 2: 1)

На данном памятнике удалось отобрать 1 образец из погр. 62. Погребение ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Костные останки принадлежат женщине 15–18 лет. Древесный тлен описывал подквадратную дощатую конструкцию с углами и без дна по периметру могильной ямы. Тип погребальной конструкции можно охарактеризовать как раму. Анализ показал использование кедра в качестве материала рамы (табл. 1).

Запосельский могильник (рис. 2: 2)

Все образцы с данного памятника удалось отобрать из погребений с одного участка. Погр. 3,6-7 ориентированы по линии ЗСЗ-ВЮВ и З-В. Во всех погребениях сохранившийся костный материал отсутствует. Дно могильных ям было покрыто тонким слоем супеси с угольками. Тип погребальной конструкции можно охарактеризовать как настил. Инструментальное изучение показало использования кедра (погр. 7) и лиственницы (погр. 3, 6) в качестве материала настила (табл. 1).

Редикорский могильник (рис. 2: 3)

Единственный образец происходит из погр. 47, ориентированного по линии З-В. Костный материал отсутствует, но судя по воинскому инвентарю, погребение принадлежит мужчине. В данном случае сложно восстановить тип погребальной конструкции, можно лишь предположить, что это был настил. По результатам анализа установлено, что в качестве материала использовали берёзу (табл. 1).

Применение берёзы для погребальной конструкции сомнительно, так как результат данного анализа выбивается из общей картины и не находит этнографических параллелей. Берёза является прочной породой дерева и держит высокие нагрузки на раскалывание. Вероятно, попавший в нашу выборку образец происходит от дровяка залегающей в погребении пики, либо относится к амуниции.

Баяновский могильник (рис. 2: 4)

На Баяновском могильнике зафиксировано разнообразие погребальных конструкций. Некоторые покойные были покрыты шкурой животного, или берестой, в ряде погребений встречаются деревянные гробы.

В нашу выборку вошли образцы древесины из погр. 360, 365, 397, 434. Могильные ямы ориентированы ССЗ-ЮЮВ. По сохранившимся костным останкам погр. 360 и 365 удалось определить, что могилы принадлежали женщинам 16-20 и 20-25 лет, соответственно. Половозрастные определения индивидов из погр. 397 и 434 в силу отсутствия костного материала можно предположительно произвести по инвентарю: в обоих погребениях покойные – мужчины. Заполнение всех погребений однородное – тёмно-коричневый суглинок с углистыми вкраплениями. Установить тип погребальной конструкции удалось по погр. 397: доски располагались сверху и снизу погребальной маски, что свидетельствует о наличии дна и крышки, характерных для гроба. Три из четырех образцов древесины определены как кедр, лишь в погр. 434 была найдена конструкция из лиственницы (табл. 1).

Степаново Плотбище могильник (рис. 2: 5)

Образец древесины в единственном экземпляре был отобран из погр. 23, ориентированного ЮЗ-СВ. Костный материал в погребении отсутствует. Могильная яма имеет однородное заполнение серой супесью. В погребении были обнаружены доски, залегающие поверх и снизу погребальной маски, нижняя часть досок имела перевязь с лубом. Погребальную конструкцию можно охарактеризовать как гроб, изготовленный из лиственницы (табл. 1).

Антыбарский могильник (рис. 2: 6)

С данного памятника происходят три находки древесины из погр. 1, 113, 143. Погребения ориентированы С-Ю. Антропологических определений костного материала не производилось. Исходя из анализа погребального инвентаря, погр. 113 могло принадлежать мужчине.

Автор раскопок, Г.Т. Ленц реконструирует погребальный обряд на могильнике как трупоположение в колоду или под берестяной покров на помосте-перекрытии, который

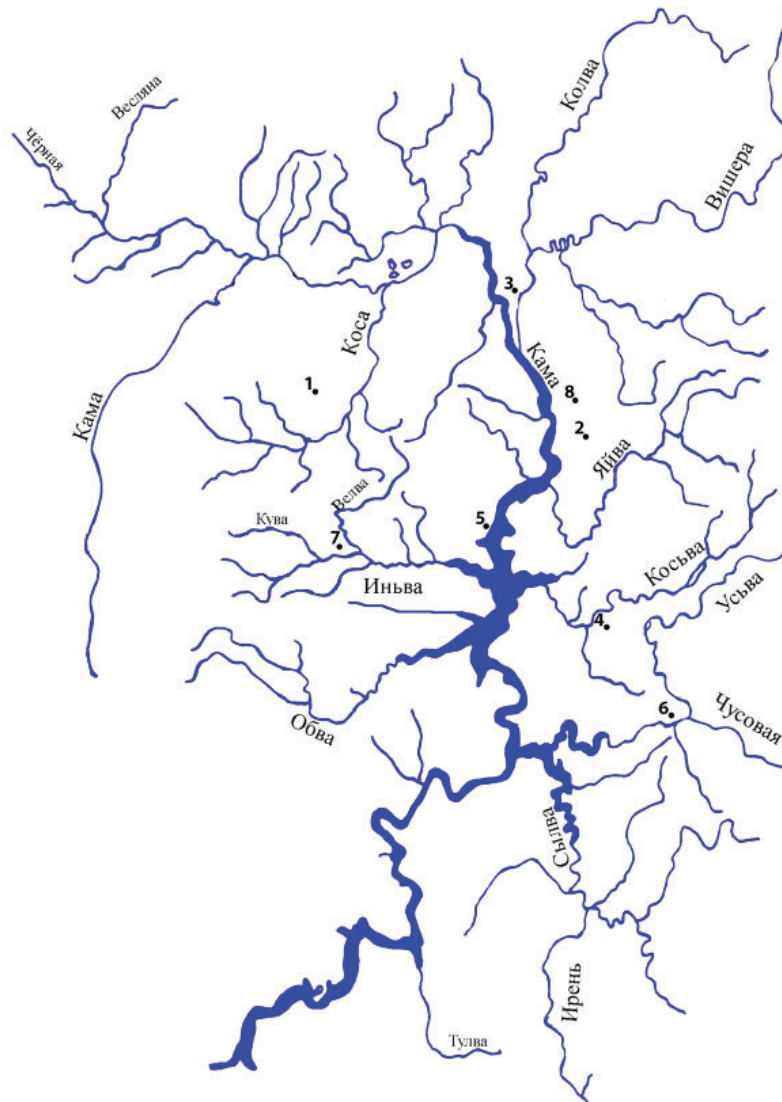

Рис. 2. Карта расположения некрополей.

1 – Митинский могильник; 2 – Запосельский могильник; 3 – Редикорский могильник; 4 – Баяновский могильник; 5 – Степаново Плотбище (Питерский) могильник; 6 – Антыбарский могильник; 7 – Плотниковский могильник; 8 – кладбище г. Соликамск.

Fig. 2. Location of necropolises.

1 – Mitino burial ground; 2 – Zaposelye burial ground; 3 – Redikor burial ground; 4 – Bayanovo burial ground; 5 – Stepanovo Plotbische (Piter) burial ground; 6 – Antybary burial ground; 7 – Plotnikovo burial ground; 8 – Solikamsk cemetery.

перегорал от углей из поминального костра. Нижняя часть погребений заполнена плотным серо-коричневым с примесью угольков суглинком, верхняя часть заполнена коричнево-серо-черным углистым суглинком (Ленц, 1988, с. 47). Находки древесины действительно представлены наполовину обугленными в сечении фрагментами, что наводит на мысль о перегорании конструкции в ходе погребального обряда, а не в результате более поздней хозяйственной деятельности. Однако,

прокаленный слой встречен лишь в единичных погребениях. Кроме того, естественный углистый слой нижнего заполнения могильной ямы мог быть связан с использованием подсечно-огневой системы земледелия вблизи существовавшего на месте могильника поселения. Зола, оставшаяся от сведения леса, естественным образом могла образовывать нижний слой заполнения погребений при перемешивании с суглинком. Верхний черный углистый слой мог быть связан как с

Таблица 1. Описание выборки погребений.
Table 1. Description of the burials samplings..

№	Памятник	Номер погребения	Датировка погребения или участка	Автор раскопок, год	Тип погребальной конструкции	Материал погребальной конструкции	Описание погребения	Половозрастные характеристики индивида.
1	Митинский грунтовый могильник	62	к. VII – VIII вв.	Шмуратко Д.В., 2019	Рама	Кедр	Ориентировано СВ-ЮЗ.	♀, 15-18 лет
2		3	IX в.	Крыласова Н.Б., 2006	Настил	Лиственница	Ориентировано ЗСЗ-ВЮВ. На дне тонкая прослойка супеси с угольками	Костный материал отсутствует
3	Запосельский могильник	6	VIII-XI вв.	Крыласова Н.Б., 2006	Настил	Лиственница	Ориентировано З-В. На дне тонкая прослойка супеси с угольками	Костный материал отсутствует
4		7	X-XI вв.	Крыласова Н.Б., 2006	Настил	Кедр	Ориентировано ЗСЗ-ВЮВ. На дне тонкая прослойка супеси с угольками	Костный материал отсутствует
5	Редикорский могильник	47	X-XI вв.	Белавин А.М., 1996	Настил(?)	Береза	Ориентировано З-В.	Костный материал отсутствует (♂ - по инвентарю)
6		360	2 п. IX в.	Данич А.В., 2016	Гроб	Кедр	Ориентировано ССЗ-ЮЮВ	♀, 16-20 лет
7	365	Гроб			Кедр	Ориентировано ССЗ-ЮЮВ	♀, 20-25 лет	
8	Баяновский могильник	397	1 п. X в.	Данич А.В., 2018	Гроб	Кедр	Ориентировано ССЗ-ЮЮВ. Доски распологались сверху и снизу погребальной маски	Костный материал отсутствует (♂ - по инвентарю)
9		434			Гроб	Лиственница	Ориентировано ССЗ-ЮЮВ.	Костный материал отсутствует (♂ - по инвентарю)
10	Степаново Плотбище могильник	23	IX-X вв.	Данич А.В., 2018	Гроб	Лиственница	Ориентировано ЮЗ-СВ. Доски располагались сверху и снизу погребальной маски и пояса. Нижняя часть досок имеет перевязь с лубом.	Костный материал отсутствует
11		1	XII-XIII вв.	Ленц Г.Т., 1983	Колода	Кедр	Погребение разрушено подзахоронением лошади. Вдоль хребта лошади имеется деревянная конструкция, напоминающая бутыль Размеры конструкции 88*27*15 см.	Антропологические определения отсутствуют
12	Антъбарский могильник	113	XIII-XIV вв.	Ленц Г.Т., 1988	Гроб	Кедр	Ориентировано С-Ю. Внутри погребения обнаружен углистый слой и прокаленная глина, остатки деряванного гроба	Антропологические определения отсутствуют (♂ - по инвентарю)
13		143			Гроб	Кедр	Ориентировано С-Ю. Внутри погребения обнаружен углистый слой и прокаленная глина, остатки деряванного гроба	Антропологические определения отсутствуют

14		37.	XIII в.	Брюхова Н.Г., 2011	Гроб	Липа	Ориентировано ССЗ-ЮЮВ. В северной и южной части погребения расчищены остатки деревянной конструкции мощностью до 0,05 м в виде прямоугольника с треугольными вставками по углам. Погребение разграблено. В погребении выявлено скопление костей двух индивидов.	♂, 40-60 лет
15	Плотниковский МОГИЛЬНИК	165	XIII-XIV вв.	Брюхова Н.Г., 2020	Гроб	Кедр	Ориентировано СЗ – ЮВ. В погребении обнаружены кости двух индивидов, расположенные на двух уровнях: скопление костей человека и кости ребёнка в анатомическом порядке, закрытые крышкой гроба.	Ребёнок до 1 г.
16		178					Ориентировано СЗ – ЮВ. В погребении обнаружен скелет ребенка в анатомическом порядке. В районе ног сохранился глеч деревянной конструкции	
17	Соликамск, город (кладбище)	1	XVII-XVIII вв.	Соколова Н.Е., 2007	Гроб	Лиственница	Ориентировано СВ-ЮЗ. Скелет в правильном анатомическом порядке, руки сложены на груди. Гробище из досок толщиной 0,04-0,05 см хорошей сохранности. Ширина гроба в голове 50 см, в ногах 38 см, длина 1,52 см	♀, 35-45 лет
18		5					Ориентировано СВ-ЮЗ. Скелет в правильном анатомическом порядке, руки сложены на груди. Гробище из досок толщиной 0,06-0,07 см хорошей сохранности. Ширина гроба в голове 42 см, в ногах 36 см, длина 1,6 см	♀, 35-55 лет

заполнением углями из поминального костра, так и поздним воздействием (разграбление, перегорание поверхности и т.п.) Мы не отвергаем полностью вариант, предложенный Г.Т. Ленц, однако большая вероятность на стороне точки зрения о труположении в колоде, на настиле, в гробу, либо под берестой. Могильник заслуживает современных исследований с целью уточнения особенностей погребальной обрядности.

Погр. 1 разрушено подзахоронением лошади, однако сохранился детский гроб-колода, длиной 1 метр. В погр. 113 и 143 дерево зафиксировано в виде тонкого настила. Согласно микроскопическому анализу, во всех погребениях материалом погребальной конструкции выступал кедр (табл. 1).

Плотниковский могильник (рис. 2: 7)

На памятнике удалось отобрать три образца археологической древесины из погр. 37, 165, 178. Могильные ямы ориентированы СЗ-ЮВ, верхняя часть заполнена углистым переработанным слоем, связанным с разграблениями, основное заполнение содержит темный гумусированный серо-коричневый суглинок с вкраплениями угля. Погр. 37 принадлежит мужчине 40-60 лет, остальные – детям до 1 года. В основном на памятнике погребальные конструкции фиксируются в виде прямоугольного тлена, но в ряде случаев однозначно определяется гроб (в погр. 165 кости ребёнка в анатомическом порядке были закрыты крышкой гроба). В погр. 37 гроб выполнен из липы, в погр. 165, 178 из кедра (Табл. 1).

Соликамск, город (кладбище) (рис. 2: 8)

Пробы с данного памятника отбирались для проведения хронологических аналогий и проверки устойчивости традиции в погребальном обряде. Кроме того, материалы позднего средневековья – нового времени заполняют промежуток между археологией и данными этнографии XIX-XXI вв.

На памятнике было отобрано два образца из погр. 1, 5, принадлежащим женщинам 35-45 лет и 35-55 лет, соответственно. Погребения ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Погребальные конструкции представлены гробами, изготовленными из досок 0,04-0,07 см. Деревом, выступающим в качестве материала для изготовления конструкции в погр. 1 являлась лиственница, в погр. 5 – кедр (табл. 1).

Погребальные конструкции

Фиксация погребальных сооружений возможна в основном благодаря очертаниям из древесного тлена. Тем не менее, удастся проследить некоторую хронологию конструкций.

Нами ранее произведена подробная классификация погребальных конструкций в Пермском Предуралье эпохи средневековья. Для полноты картины были рассмотрены не только погребения с деревянными конструкциями, но и иные.

Покойный на исследуемой территории помещался в землю в основном в деревянной конструкции. Среди них были распространены *рама-сруб* из досок или брёвен (VII–VIII вв.), *настил* в виде щита из досок (VII–XI вв.), *колода*, выдолбленная в стволе дерева (VIII–XIII вв.), *гробовище* в виде ящика из досок (с IX в.), *надмогильные сооружения* в виде перекрытия-помоста, шалаша (IX–XIII вв.). Наряду с деревянными конструкциями встречается и покрытие покойного берестой или корой (VII–XIV вв.), шкурой животного (X в.), либо захоронение без использования конструкций и покрытий (Смертин, 2021, с. 223–225).

Обсуждение результатов

В совокупности были зафиксированы следующие погребальные конструкции: рама (1), колода (1), настил (5), гроб (11). Были определены следующие породы дерева: береза (1), липа (1), лиственница (5), кедр (11). Выявить устойчивых закономерностей между половозрастными характеристиками и дифференциации типа конструкций и используемой породы дерева не удалось. Во всех погребениях прослежено труположение.

По результатам анализа ведущей породой дерева для изготовления погребальных конструкций выступал кедр, второстепенную роль играла лиственница – обе породы относятся к хвойным. Преобладание использования хвойных пород дерева могло объясняться рациональным пониманием биогенных факторов: хвойные деревья имеют высокую устойчивость к гниению.

Возвращаясь к предыдущему опыту работы с древесиной по материалам поселенческих памятников, необходимо произвести сравнение используемых пород дерева. По материалам Рождественского городища (IX–XIV вв.) в серии образцов древесины определены 4 хвойных: сосна, ель, пихта и лиственница; 3

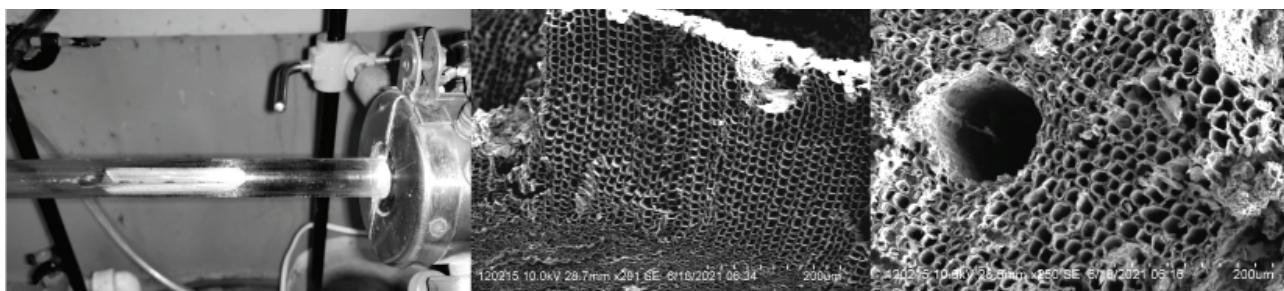

Рис. 3. Вид пиролизной установки и микрофотографии карбонизированных остатков древесины, обнаруженной на древнем кладбище г. Соликамска.

Fig. 3. Type of pyrolysis plant and micrographs of carbonized wood remains found on the ancient cemetery of Solikamsk.

лиственных: береза, липа, осина. Большинство из них относятся к остаткам жилых и хозяйственных сооружений (Мокрушин и др., 2019, с. 38). Пересечение материалов поселения и некрополей зафиксировано лишь по использованию березы, липы и лиственницы. Липа и береза на поселении использовались, вероятно, в качестве дров, либо в качестве материала для резьбы. На Редикорском могильнике береза, вероятно, не относилась к настилу. Использование липы на Плотниковском могильнике может объясняться доступностью материала, упрощением в изготовлении гроба. Интересно использование лиственницы на поселении в качестве облицовки хозяйственных ям: вероятно, учитывалась стойкость данной породы дерева к гниению и её использование приходилось во влажной среде, в зоне досягаемости грунтовых вод. Это объясняет частое использование хвойных деревьев для изготовления погребальных конструкций с целью их длительного сохранения в мокрой земле.

Этнографические параллели

Кроме рационального объяснения, важно провести поиск семантических представлений, обратиться к данным этнографии для получения большей совокупности данных. По этнографическим материалам, на исследуемой территории в прошлом произрастали как лиственные, так и хвойные деревья: ель, сосна, пихта, береза, ольха, осина, липа. Встречаются кедр, лиственница, дуб и другие деревья (Грибова, 1980, с. 32). Кедр встречается единично и очень редко в лесах (Кривощёков, 1894, с. 24). И кедр, и лиственница слабо распространены, следовательно, поиск и выбор этих пород дерева в качестве исходного материала являлся преднамеренным и мог обозначать заложение ритуальных смыслов.

Действительно, мировоззренческие представления народов Коми отражают обособление хвойных пород в целом, и кедра, в частности. Дерево было включено в жизненную деятельность человека и определялось им как почитаемый объект. Кедр ассоциировался с деревом мёртвых и не использовался для изготовления бытовых вещей, так как кедр может «забрать» человека. У язьвинских пермяков существовал обычай высаживать на могилах дерево: кедр, пихту, лиственницу и ель (Голева, 2012, с. 150–151, 153–154).

У русских и коми-пермяков Северного Прикамья в пределах усадьбы избегали сажать кедр. Считалось, что дерево «вытягивает силу», из-за чего человек болеет и умирает раньше срока. Если человек срубит кедр, он погибнет ещё быстрее. Однако данные поверья нередко нарушаются у разных информантов. На кедр распространялся запрет в связи с его сакральностью: он считался божественным деревом (Королёва, 2012, с. 51–52).

На Вишере гроб изготавливали из кедра. Существовало поверье, что похороненный в кедровом гробу, сразу попадает в рай. Также кедр не использовался в качестве топлива или строевого леса (Жданова и др., 2012, с. 50). В одном из вариантов предания о коми-пермяцком герое-богатыре Пере, записанном в Гайнском районе у лупьинских коми-пермяков говорится, что он умер в выдолбленном для себя кедровом гробу (Подюков, 2008, с. 197).

На сопредельных территориях так же прослеживаются схожие аналогии. У бурят дерево рубили в священной роще. Лиственница - красное дерево с чудесными целебными свойствами, отождествляемое с мужчиной. Кедр напрямую в обрядовой практике не зафиксирован, однако, приданое невесты

складывалось в сундук из кедра, в котором женщину после смерти и полагалось хоронить. В среде закаменских бурят старики настаивают на изготовлении гроба именно из кедра и, как и сундуки, без использования железных гвоздей. Железо, по их мнению, может помешать дальнейшему перерождению человека.

У манси и хантов основной триадой деревьев-символов являются кедр, береза и лиственница. По их представлению человек приходит в мир и уходит из него через дерево. Если в сказании идет речь о кедровой роще, значит, действие происходит вблизи мира мертвых, если о березе – события связаны с исцелением или рождением, если о лиственнице – слышатся высокие птичьи мотивы. Если человека находят захороненным на вершине лиственницы, его можно оживить, если на кедре – он умер безвозвратно (Содномпилова, 2018, с. 336–337). Чаще всего хоронили в дощатых или долбленых гробах из лиственницы, кедра или сосны. Гроб для молодых умерших делался из свежего дерева, для стариков – их сухого дерева. Мансийский фольклор сообщает также о гробах из липы (Соколова, 2009, с. 447).

У северных селькупов разнообразные погребальные конструкции и надгробные сооружения в настоящее время делают из сосны или кедра. Сохранились воспоминания, что вместо гроба еще использовали лиственничную колоду с крышкой (Пошехонова и др., с. 173). Существовала так же древняя традиция захоронения в колодах, выдолбленных из ствола кедра. Шаманская лодка ротык являлась на самом деле такой кедровой колодой. «В фольклоре это значение кедра отражено в образе «мира мертвых»: души умерших (а по более ранним представлениям – сами покой-

ники) в долбленных из кедра колодах плывут по течению реки в подземный мир» (Прокофьева, 1976).

На основании полученных этнографических данных можем заключить, что кедр в традиционном сознании различных народов действительно воспринимался как вечноезелёное дерево «мёртвых», так как никогда не увядает, всегда одинаково выглядит, символизирует бессмертие. Лиственница в этом отношении выступает как второстепенное хвойное дерево в погребальных практиках разных территорий.

Заключение

Наличие деревянных сооружений разной конструкции в погребальных комплексах Пермского Предуралья зафиксировано на значительной части могильников. Хронологически наиболее ранняя конструкция – рама или сруб (VII–VIII в.), колоды встречаются в разные периоды (VIII–IX вв. и XII–XIV вв.), настилы распространены на большинстве памятников (VIII–XIV вв.), гробовища характерны для времени с развитого средневековья до настоящего времени (IX–XV вв. и по н.в.), в некоторых случаях исследователи выделяют перекрытия (IX–XIV вв.). Четкой хронологической периодизации использования погребальных конструкций выстроить не удастся, так как настилы, колоды и гробовища – хронологически универсальные конструкции.

В качестве сырья использовались хвойные породы дерева – кедр и лиственница, лишь в двух случаях встречены берёза и липа. Ведущей породой дерева для изготовления погребальных конструкций являлся кедр, возможно, воспринимающийся как «божественное дерево мёртвых» во всем хронологическом диапазоне.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Пермское Предуралье как культурно-экологическая область // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 26–40.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИиИАУрО РАН. 2008. 603 с.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Памятники ломоватовской культуры / ВАУ. Вып. 9 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1970. С. 30–56.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: ИГУ, 1985. 280 с.

Голева Т.Г. Дерево — человек: сравнительные параллели в мировоззрении коми-пермяков // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Т. 2 / сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова, А.С. Каргин. М.: ГРЦРФ. 2011. С. 148–156.

- Грибова Л.С.* Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980. 252 с.
- Жданова Н.В., Подюков И.А., Хоробрых С.В.* Вишерская старина. Сборник фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района. Пермь: ПРИПИТ, 2002. 115 с.
- Кривощёков И.Я.* Материалы для истории села Кудымкора Соликамского уезда, Пермской губернии. Пермь: тип. н-ков П.Ф. Каменского. 1894. 29 с.
- Лаптева Е.Г., Саранулов А.Н.* Реконструкция среды обитания и хозяйства средневекового населения Роданова городища (Пермский край) // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2020.. С. 106–108.
- Лаптева Е.Г., Саранулов А.Н., Крыласова Н.Б.* Рождественское городище: итоги палинологических исследований // Труды КАЭЭ. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2019. С. 25–33.
- Ленц Г.Т.* Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1988 году. Пермь: ПГПИ, 1988.
- Ленц Г.Т.* Исследование средневековых памятников на р. Чусовой // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. С. 72–75.
- Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Крыласова Н.Б., Саранулов А.Н.* Опыт определения пород древесины методом сканирующей электронной микроскопии (по материалам Рождественского городища в Пермском крае) // Труды КАЭЭ. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2019. С. 34–43.
- Оборин В.А.* Отчёт о раскопках в Пермской области в 1969 г. Пермь. 1969.
- Подюков И.А.* Предания о Пере-богатыре у лупьинских коми-пермяков: состояние традиции // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: материалы межрегиональной научной конференции / Отв. ред. О.А. Попова. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 196–206.
- Пожисаев В.М., Ретивов В.М., Панарина Е.И., Сергеева Я.Э., Жданович О.А., Яцишина Е.Б.* Разработка метода идентификации породы древесины в археологических материалах методом икспектроскопии // Журнал аналитической химии. 2019. Т. 74. № 12. С. 911–921.
- Пошехонова О.Е., Афонин А.С., Кисагулов А.В., Гимранов Д.О., Некрасов А.Е., Якимов С.А., Якимов А.С., Баженов А.И.* Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов по данным палеоэкологических исследований // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4 (31). С. 165–174.
- Прокофьева Е.Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
- Семяняк Н.С., Гольева А.А., Сыроватко А.С., Трошина А.А.* Определение пород дерева по углям для целей палеоэкологических реконструкций (по материалам археологических памятников второй пол. I тыс. Н. Э. На Средней Оке) // Проблемы региональной экологии. 2018. № 4. С. 88–92.
- Смертин А.Р.* Погребальные конструкции у средневекового населения верхнего и среднего Прикамья // LIV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: материалы Всероссийской (с международным участием) археологической студенческой конференции / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2022. С. 222–226.
- Швалева С.В.* Неолитический комплекс керамики поселения Шоушма 10 // XLIV международная Урало-Поволжская студенческая конференция / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 65–67.
- Содномтилова М.М.* Природное окружение в контексте образа "мира мертвых" в мировоззрении бурят: лес и дерево // Евразия в кайнозое. Стратиграфия. Палеоэкология. Культуры. 2018 Вып. 7. С. 335–339.
- Соколова З.П.* Ханты и манси: взгляд из XXI в. М: Наука, 2009. 755 с.

Информация об авторах:

Смертин Андрей Романович, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); arsmertin@mail.ru

Иванов Петр Алексеевич, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); zukk33@gmail.com

Каменщиков Олег Юрьевич, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); koy@chemanalysis.ru

Красновских Марина Павловна, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); krasnovskih@yandex.ru

Мокрушин Иван Геннадьевич, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); mig@psu.ru

Сарапулов Алексей Николаевич, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); ans05@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M. 2007. In Savinov, D. G. (ed.). *Kul'turno-ekologicheskie oblasti: vzaimodeystvie traditsiy i kul'turogenез* (Cultural and ecological areas: interaction of traditions and cultural genesis). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 26–40 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village). Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Gening, V. F., Goldina, R. D. 1970. In Gening, V. F. (ed.). *Pamiatniki lomovatovskoi kul'tury* (Sites of the Lomovatovo Culture). Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology) 9. Sverdlovsk: Ural State University, 30–56 (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e* (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area). Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Goleva, T. G. 2011. In Dobrovol'skaya, V. E., Ippolitova, A. B., Kargin, A. S. (comp.). In *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo Vserossiyskogo kongressa fol'kloristov* (From congress to congress. Materials of the II All-Russian Congress of folklorists). 2. Moscow: The State Republican Center of Russian Folklore, 148–156.

Gribova, L. S. 1980. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi* (Decorative and applied art of the Komi peoples). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zhdanova, N. V., Podyukov, I. A., Khorobrykh, S. V. 2002. *Visherskaya starina. Sbornik fol'klorno-etnograficheskikh materialov po obryadovoy traditsii Krasnovisherskogo rayona* (Vishera antiquities. Collection of folklore and ethnographic materials on the ceremonial tradition of Krasnovishersk district). Perm: "PRIPIT" Publ. (in Russian).

Krivoshchekov, I. Ya. 1894. *Materialy dlya istorii sela Kudymkora Solikamskogo uezda, Permskoy gubernii* (Materials for the history of the village of Kudymkor, Solikamsk Uyezd, Perm Governorate). Perm: "P.F. Kamensky" Publ. (in Russian).

Lapteva, E. G., Sarapulov, A. N. 2020. In Matveeva, N. P. (ed.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* (Ecology of Ancient and Traditional Societies) 6. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 106–108 (in Russian).

Lapteva, E. G., Sarapulov, A. N., Krylasova, N. B. 2019. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) 15. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 25–33 (in Russian).

Lents, G. T. 1988. *Otchet o polevykh issledovaniyakh Antybarskogo mogil'nika v Chusovskom rayone Permskoy oblasti v 1988 godu* (Report on the field research of the Antybary burial ground in the Chusovoy district of the Perm Oblast in 1988). Perm (in Russian).

Lents, G. T. 1989. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia* (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region). Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 116–118 (in Russian).

Mokrushin, I. G., Krasnovskikh, M. P., Ivanov, P. A., Kamenshchikov, O. Yu., Krylasova, N. B., Sarapulov, A. N. 2019. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) 15. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 34–43 (in Russian).

Oborin, V. A. 1969. *Otchet o raskopkakh v Permskoy oblasti v 1969 g. (Report on excavations in the Perm Oblast in 1969)*. Perm (in Russian).

Podyukov, I. A. 2008. In Popova, O. A. (ed.). *Rukopisnye pamyatniki kak predposylki sozdaniya natsional'noy pis'mennosti (Handwritten monuments as prerequisites for the creation of national writing)*. Perm: Perm State Pedagogical University, 196–206 (in Russian).

Pozhidaev, V. M., Retivov, V. M., Panarina, E. I., Sergeeva, Ya. E., Zhdanovich, O. A., Yatsishina, E. B. 2019. In *Zhurnal analiticheskoy khimii (Journal of Analytical Chemistry)* Vol. 74. No. 12, 911–921 (in Russian).

Poshekhnova, O. E., Afonin, A. S., Kisagulov, A. V., Gimranov, D. O., Nekrasov, A. E., Yakimov, S. A., Yakimov, A. S., Bazhenov, A. I. 2015. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 31 (4), 165–174 (in Russian).

Prokofieva, E. D. 1976. In Vdovin, I. S. (ed.). *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) (Nature and human being in the religious conception of the peoples of the Siberia and the North (2d half of the XIX – the beginning of the XX century))*. Leningrad: “Nauka” Publ., 106–128 (in Russian).

Semenyak, N. S., Gol'eva, A. A., Syrovatko, A. S., Troshina, A. A. In *Problemy regional'noy ekologii (Issues of regional ecology)* (4), 88–92 (in Russian).

Smertin, A. R. 2022. In Vasiliev, D. V. (ed.). *LIV Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 1-3 fevralya 2022 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologicheskoi studentcheskoi konferentsii, (54th Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 1–3, 2022): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Astrakhan: “Sorokin Roman Vasil'evich” Publ., 222–226 (in Russian).

Shvaleva, S. V. 2012. In Kovaleva, V. T. (ed.). *XLIV mezhdunarodnaya Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (54st Ural-Volga Archaeological Student Conference)*. Ekaterinburg: Ural University Publ., 65–67 (in Russian).

Sodnompilova, M. M. 2018. In *Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya. Paleoekologiya. Kul'tury (Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy. Paleocology. Culture)* (7), 335–339 (in Russian).

Sokolova, Z. P. 2009. *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v. (The Khanty and Mansi: a view from the XXI century)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Smertin Andrey R. Perm State National Research University. Bukirev str., 15 Perm, 614068, Russian Federation; armsmertin@mail.ru

Ivanov Petr A. Perm State National Research University. Bukirev str., 15 Perm, 614068, Russian Federation; zukk33@gmail.com

Kamenshchikov Oleg Yu. Perm State National Research University. Bukirev str., 15 Perm, 614068, Russian Federation; koy@chemanalysis.ru

Krasnovskikh Marina P. Perm State National Research University. Bukirev str., 15 Perm, 614068, Russian Federation; krasnovskikh@yandex.ru

Mokrushin Ivan G. Perm State National Research University. Bukirev str., 15 Perm, 614068, Russian Federation; mig@psu.ru

Sarapulov Alexey N. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; ans05@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.156.169>

ОПЫТ КОНСЕРВАЦИИ СЫРЦОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В РАМКАХ СОЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРКА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА КУЛЬТОБЕ

©2023 г. А. Л. Фейзулаев

В статье изложены основополагающие принципы и подходы к проведению при содействии коллектива международных и региональных специалистов археологических исследований и консервационных работ на городище Культобе в 2019–2021 гг. в границах объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави» в г. Туркестан, Республика Казахстан. Кратко освещены основные вехи изучения памятника, предыстория и некоторые аспекты реализации проекта «Реставрация исторических объектов городища Культобе», нацеленного на организацию на городище археологического парка. Освещена логика принятых консервационных и реставрационных решений в отношении выявленных сырцовых конструкций, а также подведены некоторые предварительные итоги. Отдельное внимание уделено соответствию проведенных мероприятий применимым международным документам, разработанным при содействии ЮНЕСКО, ИКОМОС и ИККРОМ.

Ключевые слова: археологический парк, Туркестан, городище Культобе, консервация, реставрация, сырцовые памятники, документация, устойчивое управление, ЮНЕСКО.

THE CONSERVATION EXPERIENCE OF MUDBRICK ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS IN THE FRAMEWORK OF THE CREATION OF THE ARCHAEOLOGICAL PARK ON THE EXAMPLE OF KULTOBE SETTLEMENT

A.L. Feyzulaev

The article states the basic principles and approaches to conducting archaeological research and conservation work on the Kultobe settlement in 2019–2021 with the assistance of a team of international and regional specialists within the boundaries of the UNESCO World Heritage Site "Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi" in Turkistan, the Republic of Kazakhstan. Briefly highlighted the main landmarks in the study of the monument, the prehistory and some aspects of the project "Conservation of historical objects of Kultobe settlement", that aimed to create the Archaeological park on the site. The logic of the adopted decisions for conservation regarding the identified mudbrick structures is highlighted and some preliminary results are summarized. Special attention is paid to the compliance of the carried out activities with international documents developed with the assistance of UNESCO, ICOMOS and ICCROM.

Keywords: archaeological park, Turkistan, Kultobe settlement, conservation, mudbrick monuments, documentation, sustainable management, UNESCO.

Множество научных инициатив, связанных с проведением археологических исследований и консервацией выявленных конструкций, подразумевает изучение сырца, а также методов его сохранения и экспонирования. Любопытно отметить, что практическое применение методов и технологий не ограничивается сферой археологии, ведь сырец, как строительный материал, активно используется и по сей день. По оценкам исследователей, от 20 до 40% населения Земли живет в домах, частично или полностью выстроенных из сырцовых материалов (Barnard, Wendrich, Winkels, Bos, Simpson, Cappers, 2016). Основной причиной

столь высокой популярности этого вида строительства является относительная дешевизна и доступность как собственно глины, так и органических наполнителей. Производство сырцовых строительных материалов (кирпича и т. д.) сегодня, равно как и столетия тому назад, не подразумевает сложных технологических процессов и использования горючего. Излишек сырцовых материалов может быть использован повторно или же утилизирован без сколько-нибудь значимого ущерба для окружающей среды. Сырец, однако, восприимчив к механическому воздействию, в т. ч. сейсмическому, но более всего к замоканию

и ветровой эрозии (Friesem, Boaretto, Eliyahu-Behar, Shahack-Gross, 2011). Периодические ремонты и уход позволяют поддерживать состояние сохранности сырцовых сооружений в течении весьма длительного времени, но при запустении они быстро приходят в упадок (Goodman-Elgar, 2008). Находясь в толще земли, археологические остатки пребывают в относительной безопасности. После раскопок процесс их разрушения возобновляется с новой силой (Barnard, Wendrich, Winkels, Bos, Simpson, Carrers, 2016).

Актуальность консервации сырцовых сооружений, а также их экспонирования стала стимулом для разработки международных рекомендаций, призванных определить подходящие методы защиты и консервации, а также совместимые консервационные материалы, которые бы соответствовали составу и свойствам аутентичного материала. При этом детальное исследование и документация, включая тщательную оценку состояния сохранности были определены ключевых условием для разработки концепций устойчивого сохранения и управления. Исключительно важными в деле сбора данных и оценки параметров, влияющих на сохранность памятника, являются археометрические исследования и тесное междисциплинарное сотрудничество между археологами, реставраторами, архитекторами и инженерами-строителями (Watanabe, Maung, Fuji, Fodde, 2008).

Уникальной площадкой, позволившей провести археологические исследования, работы по консервации и ландшафтному благоустройству на городище Культобе и на практике применить передовой международный опыт в области изучения и консервации сырцовых памятников, стал проект «Реставрация исторических объектов городища Культобе».

Программа исследований во многом опиралась на результаты исследований прошлых лет, позволивших на основании стратиграфического анализа и изучения находок со значительной долей уверенности говорить о возрасте и иных специфических особенностях памятника. Раскопки на городище, расположенном к юго-западу от мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в границах средневекового Ясы-Туркестана, были впервые проведены в 1928 г., однако деятельность М. Е. Массона тогда была направлена в большей степени

на определение археологическими методами уровня ранних полов мавзолея-ханаки и структуры ее фундаментов (Массон, 1929, с. 40; Смагулов, 1998, с. 93–97). Археологические исследования, проведенные Сениговой Т. Н., Бурнашевой Р. З. и Смагуловым Е. А. в 1970-1980-е гг. выявили культурные слои, датированные IV – V в. н. э. Большим подспорьем служили результаты исследований на других памятниках Южного Казахстана, включая Тараз, Отрар, Шойтобе и др. Систематические раскопки центрального холма Культобе под руководством Смагулова Е.А. увенчались в 2013 г. обнаружением крестообразного сооружения, отнесенного согласно стратиграфическим данным к периоду II в. до н. э. – III в. н. э., а также комплекса связанных с ним сооружений. Вместе с участком древней крепостной стены, отнесенным II–IV вв. до н. э. оно обозначило цитадель городища Культобе. Цитадель, просуществовавшая продолжительное время, была многократно реконструирована и в итоге разрушена и сожжена. Забутованная, она стала основанием для строительства раннесредневековой цитадели, обозначившей новый этап городского развития Культобе (Смагулов, 2019). Средневековая история Туркестана неразрывно связана с именем Ходжи Ахмеда Ясави, а сам город продолжал расти и застраиваться до конца XIX в., сохранив в своих недрах культурные слои, свидетельствующие о более чем 2000-летней истории.

Проект «Реставрация исторических объектов городища Культобе» был запущен в 2018 году в рамках государственной программы «Туркестан – культурно-духовный центр тюркского мира», а основой для его реализации послужил Комплексный план социально-экономического развития Туркестанской области на 2021–2025 годы, утвержденный Постановлением Правительства Республики Казахстан № 938 от 29 декабря 2018 года. Уже на следующий год вопросы реализации проекта стали предметом консультаций и обсуждений при участии международных экспертов из Великобритании, Германии, Казахстана, Испании, Польши, России, США и Узбекистана. Так в 2019–2020 гг. был реализован ряд полевых миссий, нацеленных на изучение состояния сохранности объекта всемирного наследия «Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави» и проведение оценки воздействия на наследие

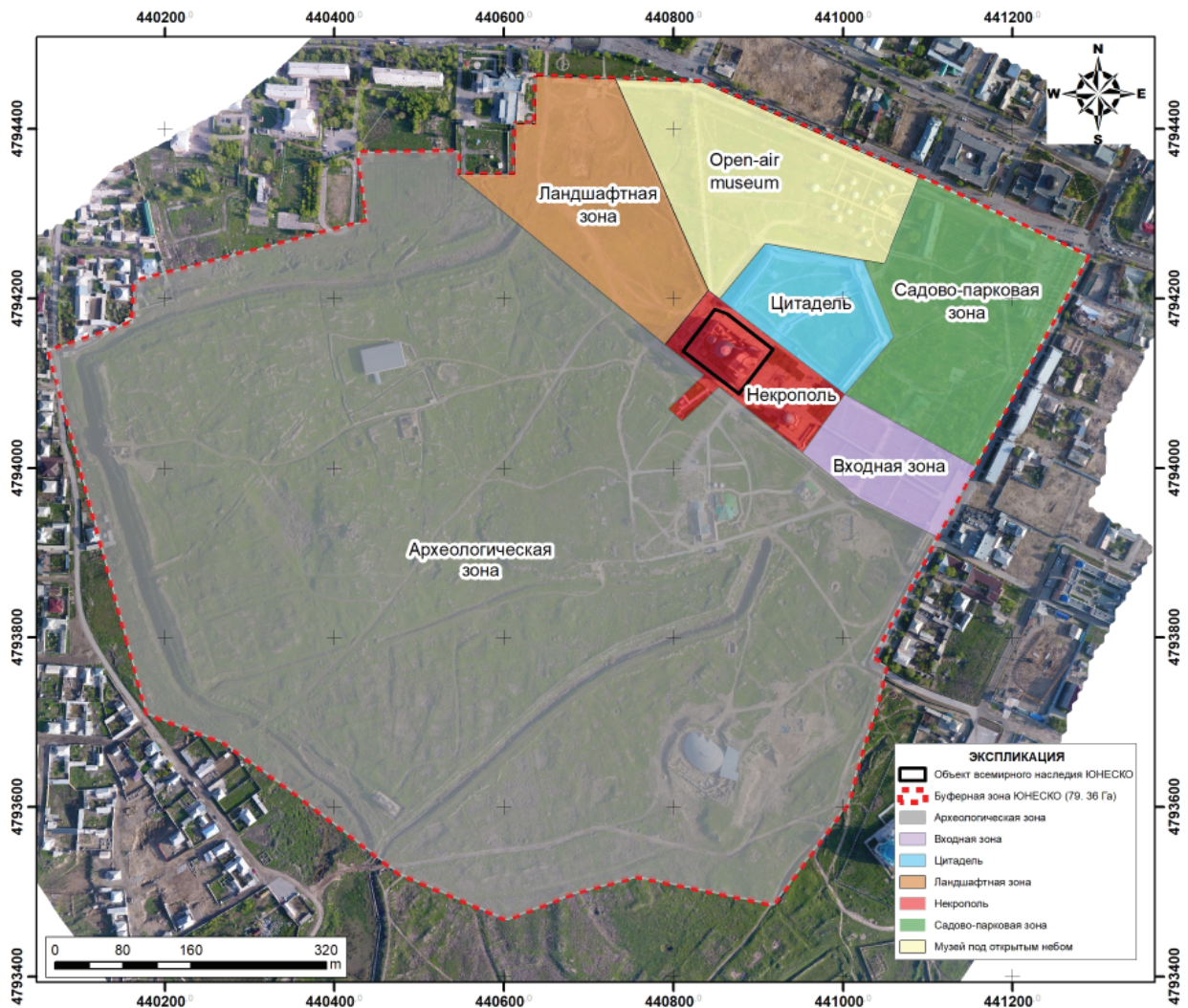

Рис. 1. Зонирование территории буферной зоне, предложенное международной экспертной группой в 2019 г. Источник: МИЦАИ, 2019.

Fig. 1. Zoning of the buffer zone proposed by the international expert group in 2019. Source: PICAS, 2019.

(ОВН) проектов консервации и реставрации объектов историко-культурного наследия в границах буферной зоны объекта всемирного наследия «Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави».

В 2019 году вышеупомянутой экспертной группой была проведена оценка воздействия на наследие (ОВН) проекта археологического парка на городище Культобе, результаты которой детально отражены в аналитическом отчете, переданном в Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Следует отметить, что необходимость проведения ОВН была продиктована тем, что центральная часть городища Культобе располагается в границах буферной зоны объекта всемирного наследия и представляет собой территорию, находящуюся под защитой Конвенции об охране Всемирного культурного и природно-

го наследия 1972 года. Кроме того, городище Ясы-Туркестан (Культобе) в 2021 г. было включено Республикой Казахстан в предварительный список в качестве компонента серийной транснациональной номинации «Шелковый путь: Фергана-Сырдарьинский коридор» (Tentative List. Silk Roads: Fergana-Syrdarya Corridor).

В рамках проведения ОВН эксперты реализовали ряд мероприятий, среди которых наиболее важными являются:

камеральное исследование (стандартная процедура по сбору и изучению библиографии с целью подготовки прогнозно-аналитических материалов);

полевые исследования и документация; идентификацию атрибутов, составляющих материальные и нематериальные ценности

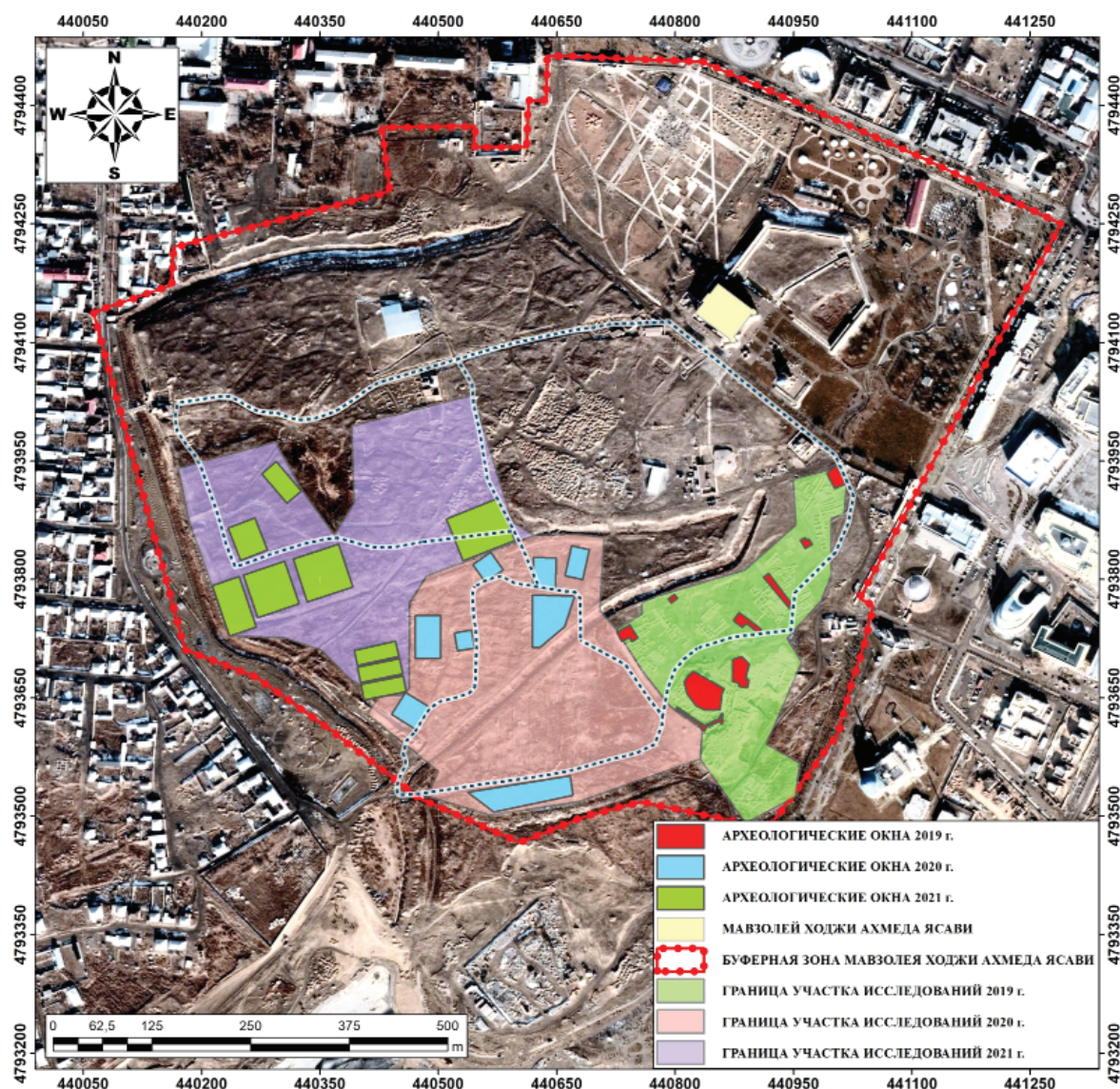

Рис. 2. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, его буферная зона и территории археологических исследований 2019–2021 гг. Источник: МИЦАИ, 2022

Fig. 2. Mausoleum of Khoja Ahmed Yassawi, its buffer zone and sites of archaeological research in 2019–2021. Source: PCAS, 2022

объекта всемирного наследия, а также его ценности в более широком смысле;

встречи и полевые консультации с разработчиками проектно-сметной документации для проведения оценки и обсуждения предлагаемых планов;

консультации с заинтересованными сторонами и проведение совещаний координационных групп.

Отчет об ОВН, благодаря интенсивной работе как международных экспертов, так и заинтересованных сторон из числа казахстанских ученых, представителей местных органов власти и местного сообщества стал первым значимым документом, в котором

концепция археологического парка на городище Культобе получила очертания с учетом мировой практики и положений международного права.

Следует отметить и то, что ОВН была проведена согласно Руководству ИКОМОС по осуществлению оценок воздействия на наследие в отношении объектов всемирного культурного наследия (ИКОМОС, 2011), которое вместе с Руководством и инструментарием для оценки воздействия в контексте всемирного наследия (ИККРОМ, 2022) на сегодняшний день являются основополагающими документами, предлагающим методику подготовки такого рода аналитических отчетов.

Интересно, что собранные данные и комплексный анализ в ходе ОВН позволили сделать выводы, которые легли в основу дальнейшей научно-исследовательской деятельности. В частности, было установлено, что «археологическая зона» (территория, на которой сохранились культурные напластования), маркированная на рис. 2 ниже, не только не подвергалась застройке в течение XX столетия, но и, сохранив культурные слои и артефакты, свидетельствующие о непрерывном развитии Туркестана, позволила выделить ряд атрибутов объекта, характеризующих более широкие культурные ценности, связанные с распространением ислама в Центральной Азии, с деятельностью суфийских орденов, с политической идеологией Амира Тимура, а также с почитанием Ходжи Ахмеда Ясави в качестве духовного и религиозного лидера.

Следующим шагом стало создание концепции археологического парка, основанной на изучении старгородской части Туркестана. Анализ в т.ч. с применением технологий ГИС доступных картографических данных, аэрофотоснимков, а также результаты археологического исследования 2019–2021 гг. позволили выявить морфологию исторической улично-дорожной сети, которая и легла в основу сети маршрутов для посетителей, способствуя таким образом сохранению исторической связи между выявленными археологическими объектами. Отдельное внимание было уделено применимому международному опыту в части организации и управления археологическими парками, а также подходам и методикам, отработанным на таких всемирно известных памятниках, как Аль Балид, Оман (Lewis, Al-Jahfali, 2014) и Петра, Иордания (Paolini, Cesaro, 2014).

Проект создания археологического парка охватил территорию в 27 га в южной части буферной зоны объекта всемирного наследия, содержащей ценные культурные слои, датируемые периодом с II в. до н. э. по XIX в. Археологические изыскания и последующие консервационные мероприятия были проведены в три фазы – в 2019, 2020 и 2021 гг.

Каждая из фаз проекта охватывала площадь приблизительно 9 га и реализовывалась в 2 этапа:

1 этап. Археологические изыскания, направленные на выявление и раскрытие

застройки т. н. Ескі Туркестана, а также каталогизацию находок.

Одним из ключевых соображений при проведении археологических исследований стал отказ в ходе полевых сезонов 2020 и 2021 гг. от сплошного, «коврового» раскрытия археологических структур в пользу ведения работ по принципу «археологических окон» с выделением наиболее перспективных участков, представляющих наибольший научный интерес и отражающих поэтапное развитие города, для их последующей консервации и экспонирования. Расположение археологических окон было увязано и с туристическими маршрутами.

2 этап. Консервация выявленных структур согласно разработанному проекту научной консервации. Приоритетом здесь стало обеспечение устойчивости и обратимости при проведении работ по консервации и музеефикации, а также минимизация возможного негативного воздействия на аутентичные археологические структуры.

В результате консультаций с вовлеченными организациями и специалистами, с учетом данных письменных источников и материалов археологических исследований, а также со ссылкой на выявленные атрибуты был предложен комплекс мероприятий, позволивший нейтрализовать возможное негативное воздействие от реализации проекта археологического парка на ВУЦ объекта всемирного наследия:

1. Постоянный мониторинг за целостностью и состоянием сохранности объекта всемирного наследия на всем протяжении реализации работ;

2. Выработка комплексной стратегии по интерпретации и система организации посещений. Грамотная, научно-обоснованная и понятная посетителям археологического парка интерпретация объекта всемирного наследия и других памятников, расположенных в буферной зоне, улучшит понимание мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в контексте его взаимосвязи с другими частями (объектами) археологического парка. Система организации посещений позволит предотвратить ущерб от неконтролируемого роста числа посетителей;

3. Дорожно-тропиночная сеть для передвижения посетителей по территории парка без ущерба для археологических слоев;

4. Очистка поверхности от бытового и строительного мусора и отвалов грунта. При этом, территории в границах археологического парка, содержащие отвалы грунта и мусора, необходимо документально зафиксировать, а затем очистить под надзором археологов.

5. Соблюдение при проектировании и обустройстве археологических окон ограничений по нижней и верхней отметкам консервируемых конструкций. Данные ограничения прежде всего связаны с проблемами поддержания состояния сохранности объектов, недопущения негативного визуального воздействия как на объект всемирного наследия мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, так и на ландшафтную составляющую археологического парка.

Также следует отметить, что При выполнении археологических исследований и в ходе разработке проекта научной консервации городища Культобе были учтены положения следующих международных документов, регламентирующих деятельность на территориях в границах объектов всемирного наследия и их буферных зон:

1. Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, сформулированная на Генеральной конференции ЮНЕСКО (ЮНЕСКО, 1956);

2. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест – Венецианская хартия (Венецианская хартия);

3. Европейская конвенция об охране археологического наследия. Лондон 1969 г., переработана в Ла Валетте, 1992 (Европейский совет, 1992);

4. Конвенция 1972 года, а также Руководство по выполнению Конвенции 1972 года (ЮНЕСКО, 1972);

5. Хартия ИКОМОС по охране и управлению археологическим наследием. Лозанна, 1990 (ИКОМОС, 1990);

6. Нарский документ о подлинности. Нара, 1994 (Нарский документ о подлинности);

7. Международная хартия ИКОМОС по культурному туризму. Мехико, 1999 (ИКОМОС, 1999);

8. Сианьская декларация о сохранении окружения построек, достопримечательных мест и районов, являющихся объектами наследия. Сиань, 2005 (ИКОМОС, 2005);

9. Хартия ИКОМОС об интерпретации и презентации достопримечательных мест. Квебек, Канада, 2008 (ИКОМОС, 2008);

10. Менорская декларация о разработке и использовании передовых практик в управлении археологическими объектами всемирного наследия. Менорка, Испания 2012 (ИКОМОС, 2012).

Важно отметить, что с присоединением к Конвенции 1972 года в 1994 году Республика Казахстан в качестве государства-стороны Конвенции 1972 года приняла на себя обязательства об эффективной охране и сохранению и активной популяризации культурного и природного наследия.

В соответствии со статьей 9 Рекомендаций по международным принципам, применимым к археологическим раскопкам, сформулированных на Генеральной конференции ЮНЕСКО 1956 года, на городище Культобе были сохранены участки, демонстрирующие эволюцию развития города посредством стратиграфических разрезов, на примере которых можно наглядно изучить состав и особенности культурных слоев (ЮНЕСКО, 1956). Более того, в ходе исследований пристальное внимание было уделено сохранению вскрытых и изученных археологических горизонтов. При этом были раскопаны лишь некоторые из наиболее перспективных для последующего экспонирования объектов, в то время как большая их часть, скрытая в более глубоких слоях, по-прежнему доступна для исследований в будущем с применением современных технологий.

Хартия ИКОМОС по охране и управлению археологическим наследием 1990 г. в свою очередь также подчеркивает, что «сохранение этого наследия крайне важно для будущих изысканий, учитывая совершенствование применяемой археологической методики и техники» (ИКОМОС, 1990). В ходе проведения научно-исследовательских работ на городище Культобе на практике был реализован принцип сотрудничества специалистов различных областей.

Несомненно, одним из основных принципов, которым руководствовались вовлеченные специалисты, стало широкое применение неразрушающих методов в археологии и минимизация разрушения памятника при его изучении.

В свете проводимой работы нельзя не упомянуть и о документах, посвященных значимости культурного туризма. Одним из наиболее авторитетных документов в этой сфере является Международная хартия ИКОМОС по культурному туризму 1999 г. подробно рассматривающая взаимосвязь между управлением культурным наследием и культурным туризмом. Основной целью управления наследием хартия видит «в информировании местного населения и туристов о его значении и необходимости его сохранения» (ИКОМОС, 1999).

Работы, проведенные на городище Культобе, следовали целому ряду принципов, обозначенных хартией. В частности, в процессе планирования археологических исследований и принятия решений о консервации и последующего экспонирования тех или иных объектов особое внимание уделялось вопросам вовлечения местного сообщества, повышения осведомленности о проводимых работах, а также планирования туризма, при котором был бы обеспечен позитивный и результативный опыт взаимодействия посетителей с объектом.

Сианьская декларация о сохранении окружения построек, достопримечательных мест и районов, являющихся объектами наследия, принятая в 2005 году по результатам 15-й сессии Генеральной ассамблеи ИКОМОС, обращается к вопросам сохранения окружения объектов историко-культурного наследия, в частности объектов археологии. Принимая во внимания положения декларации, окружение городища Культобе было тщательным образом задокументировано, а вовлеченные специалисты приложили все усилия для понимания не только физической составляющей окружения объекта, но и понимания социальных, духовных исторических, эстетических и культурных связей и ценностей (ИКОМОС, 2005).

Отдельно следует упомянуть и о следующих двух документах, вобравших в себя фундаментальные принципы организации и функционирования археологических парков, которые легли в основу научно-исследовательской деятельности на городище Культобе:

1. «Проект рекомендаций первой международной конференции ИКОМОС по археологическим паркам и памятникам», выработанный по результатам первой международной конфе-

ренции ИКОМОС, посвященной археологическим паркам и памятникам, прошедшей 23–25 февраля 2015 года в г. Салала, Султанат Оман (ИКОМОС, 2015). В частности, проектом рекомендаций было определено, что все раскрытые (раскопанные, законсервированные и не рекультивированные) участки археологии должны быть доступны для посетителей. Кроме того, согласно документу, должны быть приняты меры, обеспечивающие безопасность посетителей (в особенности детей и лиц с ограниченными возможностями), а также защиту археологических структур от возможного повреждения посетителями. Сами же раскопки должны вестись в минимально необходимых для последующей интерпретации объемах и с учетом международных принципов. Документом приветствуется применение неразрушающих методов при исследовании археологического объекта.

Основной целью консервации, согласно документу, является сохранение материальной составляющей памятника для последующего изучения. Консервационные работы должны проводиться в соответствии со всеми применимыми нормами и стандартами и с уважением к аутентичности и целостности объекта. Консервация основывается на научных данных, а воссоздание/реконструкция, не основанные на научных данных, необходимо строго запретить. Применение анастилоза, консолидации и стабилизации возможно при условии, что консервационные материалы отличимы от аутентичных, а изменения носят обратимый характер.

2. Салалские руководящие принципы по управлению общедоступными археологическими объектами, 2017 г. (ИКОМОС, 2017), ставшие «дорожной картой» для построения структуры и системы управления археологическими памятниками, открытыми или планируемыми к открытию для посещений. Документ предлагает подход к разработке устойчивой системы управления со ссылкой на результаты технико-экономической оценки. Будучи применимым к любым археологическим памятникам, руководство прежде всего ориентировано на памятники, включенные в список всемирного наследия.

Среди задач руководящих принципов можно назвать сохранение археологических памятников, в т. ч. аутентичных материалов, для их последующего изучения; определе-

ние модели устойчивого управления объектами культурного наследия, открытыми для посещения; повышение осведомленности о ценности культурного разнообразия и межкультурных связей; вклад археологических памятников в общую структуру устойчивого развития.

В руководстве отмечается, что археологический памятник несет в себе уникальную по своей сути информацию о прошлом человечества, а его ценность заключается в возможности исследовать аутентичный материал. Кроме того, археология может быть источником общественных благ – социальных, экономических и культурных, будучи также мощным фактором самоопределения сообществ. Документ определил некоторые основополагающие принципы, которые легли в основу научно-исследовательской деятельности на городище Культобе.

Важно отметить, что универсального метода в консервации не существует – состав сырцовых материалов так же, как и строительные технологии, меняются в значительной степени в зависимости от региона и времени строительства.

Для выбора подходящей консервационной и стабилизационной методик необходимо понимание совокупности факторов, обуславливающих текущее состояние объекта. В ходе научно-исследовательской работы для применения на объекте были рассмотрены следующие методики, применяемые после завершения подготовки поверхности к проведению консервационных мероприятий (табл. 1)

В этой связи принципами, регламентировавшими порядок и ход работ на городище Культобе, стали:

1. Использование консервационного материала, идентичного или схожего с оригинальным, но визуально различимого. Сырцовый кирпич и реже пахса были определены среди основных конструкционных материалов, поэтому было принято решение использовать для консервации сырцовые кирпичи (отличающиеся по размеру от оригинальных) на глиняном кладочном растворе. Кроме того, было принято решение отказаться от использования чужеродных материалов, не являющихся частью оригинальных конструкций. Органические составляющие были сведены к минимуму и использовались в качестве компонентов лишь в обмазке.

2. Маркирование границы между оригинальными конструкциями и консервационными (жертвенными) слоями с помощью неорганического материала. Для этих целей был использован геотекстиль (нетканый синтетический материал), обладающий длительным сроком службы. После проведения лабораторных исследований, в случае соответствия технических характеристик геотекстиля основополагающему принципу повышенной паропроницаемости и, соответственно, исключения создания искусственного препятствия циркулирования влаги, геотекстиль может быть применен в процессе консервации сырцовых памятников археологии. Таким образом, не нарушая естественный температурно-влажностный баланс, геотекстиль

Таблица 1. Обзор эффекта от применения различных консервационных методик (по Barnard, Wendrich, Winkels, Bos, Simpson, Cappers, 2016).

Table 1. Overview of the effect of the use of various conservation techniques (according to Barnard, Wendrich, Winkels, Bos, Simpson, Cappers, 2016).

	оставляет аутентичную кладку			
	видимой	доступной	неизменной	защищенной
Консервационный слой по верху аутентичных конструкций	да	да	нет	да
Обкладка (со всех сторон)	нет	да	нет	да
Анастилоз	да	да	нет	нет
Реконструкция	нет	нет	нет	нет
Рекультивация	нет	да	да	да
Ремонт	да	да	нет	да
Нанесение обмазки	нет	да	нет	да
Перекрытие защитным навесом	да	да	да	да

становится ориентиром в ходе последующих научно-исследовательских работ, разграничив расположение консервационных материалов и оригинальных конструкций.

3. Обеспечение устойчивости и обратимости мер по консервации. Сохранение аутентичности (подлинности) археологического материала как важнейшего источника информации стало исключительным приоритетом. Консервационные мероприятия на всех исторических объектах городища Культобе не затронули целостность оригинальных конструкций, а любой из участков можно привести в исходное состояние (например, для проведения дополнительных исследований), демонтировав консервационные материалы и удалив слой геотекстиля.

4. Отказ от реставрации и реконструкции на объекте археологии в соответствии с положениями международных нормативных документов и применимой профессиональной практикой.

5. Тщательная проверка методик и материалов на их пригодность к применению на городище Культобе с учетом местных климатических условий и характеристик. Технологические решения по консервации, будучи основанными на проверенных методиках и ранее апробированными на других памятниках археологии в данном регионе, тем не менее внимательно изучались в полевых условиях.

6. Контроль качества проводимых работ и следование утвержденным технологическим схемам по приготовлению материалов, нанесению защитных слоев и уходу за законсервированными конструкциями.

7. Постоянный мониторинг состояния сохранности и, соответственно, эффективности тех или иных технологических решений. При выборе консервационных приемов вовлеченные специалисты руководствовались множеством соображений, включавших климатические, геологические и гидрологические условия, состав, засоленность почвы и др. Постоянные наблюдения позволяли вовремя скорректировать состав консервационных материалов, исходя из специфических условий на городище Культобе.

8. Пути движения посетителей были определены на основе анализа исторических схем улиц и в более широком смысле морфологии города. Легкость доступа к археологическим окнам, а также безопасность посетителей

также являлись базовыми составляющими в планировании маршрутов.

Нижеперечисленные принципиальные решения определили **подходы к проектированию и реализации работ по консервации.**

1. Определение типологической принадлежности объекта стало первостепенной задачей. На основании данных археологических исследований и документирования (описания, обмерные чертежи, данные фотофиксации, фотограмметрии и т. д.) были выявлены ключевые элементы объектов, свидетельствующие об их функциональном назначении. Была определена взаимосвязь помещений и выявлена (насколько это представлялось возможным по имеющимся данным, в том числе аналогам) архитектурно-планировочная структура. Данная задача представляет особую важность с учетом выработки концепции дальнейшей интерпретации и презентации объектов.

2. С учетом положений Венецианской хартии, Конвенции 1972 года, Операционного руководства по выполнению Конвенции 1972 года, а также иных международных документов проектом была предусмотрена частичная, научно-обоснованная реставрация до степени, исключающей гипотезу, и основанная на достоверных и подтвержденных научных данных.

Здесь вовлеченные специалисты, руководствуясь статьей 9 Венецианской хартии (1964 г.) – одного из наиболее авторитетных международных документов (Венецианская хартия):

«Реставрация должна являться исключительной мерой. Ее цель – сохранение и выявление эстетических и исторических ценностей памятника. Она основывается на уважении к подлинному материалу и достоверным документам. Реставрация прекращается там, где начинается гипотеза»;

приняли принципиальный подход, при котором была исключена любая фантазийность, а частичная реставрация направлена на выявление визуально-эстетических качеств и содействие в научно-обоснованной интерпретации и презентации объекта.

Степень реставрации объекта определялась на основании имеющихся научных исследований, включая описания, содержащиеся в научных отчетах и публикациях, эскизы, материалы документации памятников. Реконструкция на объекте была исключена.

3. Одной из основных целей стало обеспечение защиты экспонируемых аутентичных структур от негативного внешнего воздействия. В частности, проектом предусмотрено сооружение консервационного слоя, укрывающего аутентичные структуры от воздействия атмосферных осадков, переувлажнения и, как следствие, морозного разрушения в зимние месяцы.

4. Выбор консервационного материала обусловлен его соответствием оригинальным, историческим материалам. Данное решение было продиктовано следующими соображениями:

схожесть физико-механических характеристик аутентичных и консервационных материалов;

обеспечение исторической и художественной документальности памятника при его презентации.

5. Принцип «обратимости» предусмотренных проектом консервационных мероприятий, подразумевавший возможность возврата памятника к исходному состоянию путем разбора консервационных слоев.

6. Презентация объекта, построенная на принципе визуализации иерархии отдельных частей объектов. Данный подход реализован путем применения различных материалов и разноцветных отметок консервационной кладки.

Выбор метода консервации предварялся значительным объемом научно-исследовательских работ.

Процесс подбора состава растворов состоял из следующих этапов:

междисциплинарное исследование объекта с участием специалистов разных отраслей – археологов, климатологов, геологов, гидрогеологов, специалистов по температурно-влажностному режиму (ТВР);

натурное исследование материалов памятника;

отбор проб для лабораторных исследований, включающих определение химического и минералогического состава, физико-механических характеристик древнего материала, содержания водорастворимых солей, микробиологические анализы (Чарлина, Дубровская, 2004, с. 253–254);

изготовление образцов новых составов, проверка их свойств ускоренными лаборатор-

ными методами, выбор наиболее подходящих консервационных материалов;

натурные испытания выбранных составов с целью учета масштабного фактора и влияния реальных условий на их долговечность и совместимость с аутентичными (подлинными) материалами памятника.

Прежде всего, было выполнено натурное исследование состояния материалов памятника, составлены акты технического состояния и карты разрушений, дефектов, утрат (фиксация повреждений).

В соответствии с современными методами документирования состояния памятника были подготовлены ректифицированные масштабные фотоизображения фасадов и планов – основы для фиксации повреждений, разработанных на основании съемки памятника и его элементов цифровым фотоаппаратом и лазерным тахеометром.

Такой способ документирования имеет особо важное значение для археологических памятников. Фактически этот процесс стал началом консервационных работ (примером такого подхода является проект ЮНЕСКО/Японского Целевого трастового фонда «Сохранение и реставрация городища Отрар» – проект сохранения и консервации древнего города Отрара) (Реставрация городища Отрар).

В начале 2022 года международная экспертная группа смогла изучить в полевых условиях и проанализировать реализованные в 2019–2021 гг. на городище Культобе мероприятия. Во внимание при этом были приняты решение 44-й сессии Комитета всемирного наследия, а также положения обновленного Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия от 2021 г. (ЮНЕСКО, 2021).

Визуальный осмотр и инструментальные замеры показали, что, несмотря на признаки эрозийного разрушения обмазки и консервационной кладки на отдельных участках, принятая методика оправдала себя, позволив сохранить аутентичные структуры в целостности. Международными экспертами, однако, была отмечена необходимость в регулярном мониторинге (Чарлина, 2003) и проведении ремонтно-восстановительных работ, а также в продолжении лабораторных и полевых исследований применяемых консервационных материалов. Отдельное внимание было уделено следованию применимым международным

и национальным консервационным нормам и правилам.

Был поднят вопрос дифференцирования подходов в отношении различных участков на городище Культобе. Руководствуясь принципом, предписывающим проведение раскопок лишь на тех участках, которые

впоследствии можно будет законсервировать и предохранить от дальнейшего разрушения, вовлеченными специалистами было предложено конкретизировать метод консервации в зависимости от целей дальнейшего экспонирования и интерпретации объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Европейский совет. Европейская конвенция об охране археологического наследия. Лондон. 1969, переработана в Ла Валетте, 1992. (European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised). Valetta, 16.I.1992). URL: <https://rm.coe.int/168007bd25> (дата обращения: 07.11.2022).

Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест – Венецианская хартия. 1964. (International Charter For The Conservation And Restoration Of Monuments And Sites). URL: <https://www.icomos.org/en/participer/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/157-thevenice-charter>. (дата обращения: 05.11.2022).

ИКОМОС. Хартия ИКОМОС по охране и управлению археологическим наследием. Лозанна, 1990. URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/arch_e.pdf (дата обращения: 28.11.2022)

ИКОМОС. Международная хартия по культурному туризму. Мехико, 1999. URL: <https://www.icomos.org/en/newsletters-archives/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/162-international-cultural-tourism-charter> (дата обращения: 25.11.2022)

ИКОМОС. Сианьская декларация о сохранении окружения построек, достопримечательных мест и районов, являющихся объектами наследия. Сиань, 2005 (Xi'an Declaration on the Conservation of the Setting of Heritage Structures, Sites And Areas). URL: <https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/xian-declaration.pdf> (дата обращения: 28.11.2022)

ИКОМОС. Хартия об интерпретации и презентации достопримечательных мест. 2008. URL: https://www.icomos.org/charters/interpretation_e.pdf (дата обращения: 30.11.2022)

ИКОМОС. Руководство по осуществлению оценок воздействия на наследие в отношении объектов всемирного культурного наследия (Guidance on Heritage Impact Assessments for Cultural World Heritage Properties). 2011. URL: https://openarchive.icomos.org/id/eprint/266/1/Guidance_on_heritage_impact_assessments.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

ИКОМОС. Менорская декларация о разработке и использовании передовых практик в управлении археологическими объектами всемирного наследия. 2012. URL: https://icahm.icomos.org/wp-content/uploads/2017/01/MenorcaStatement_EN.pdf (дата обращения: 30.11.2022)

ИКОМОС. Проект рекомендаций первой международной конференции ИКОМОС по археологическим паркам и памятникам. ИКОМОС. 2015. URL: <https://whc.unesco.org/document/135364> (дата обращения: 07.09.2022)

ИКОМОС. Салалские руководящие принципы по управлению общедоступными археологическими объектами. ИКОМОС. 2017. URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/General_Assemblies/19th_Delhi_2017/Working_Documents-First_Batch-August_2017/GA2017_6-3-3_Salalah-Guidelines_EN_final20170730.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

ИККРОМ. Руководство и набор инструментов для проведения оценок воздействия в контексте всемирного наследия (Guidance and Toolkit for Impact Assessment in a World Heritage Context). 2022. URL: <https://www.iccom.org/publication/guidance-and-toolkit-impact-assessment-world-heritage-context> (дата обращения: 30.10.2022).

Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в г. Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества Т. XIX. 1929. 26 с.

Нарский документ о подлинности (The Nara Document on Authenticity). 1994. URL: <https://www.icomos.org/en/charters-and-texts/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/386-the-nara-document-on-authenticity-1994> Дата обращения: 25.11.2022

Реставрация городища Отпар. URL: <http://www.natcom.unesco.kz/rus/culture/otpar/index.html> (дата обращения: 27.10.2022).

Смагулов Е. А. Михаил Евгеньевич Массон и археология Туркестана // *Новости археологии*. 1998. Вып. 1. С. 93–97.

Смагулов Е.А. К вопросу о возрасте города Туркестан // *Поволжская археология*. 2019. № 2 (28). С. 17–31.

Чарлина Л.Ф. Мониторинг эрозии сырцовых археологических памятников городища Отрартобе // *Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общ. Наук*. 2003. № 1. С. 208–211.

Чарлина Л.Ф., Дубровская Л.В., Куземцева Н.В. Древние материалы памятников истории и культуры: опыт консервации в Казахстане // *Труды Международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие историко-культурной среды в природных и городских условиях современной Центральной Азии»* (г. Алматы, 11–12 мая, 2004 г.). Алматы: РНИПИ ПМК, 2004, С. 253–254.

ЮНЕСКО. Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, сформулированная на Генеральной конференции ЮНЕСКО в Нью-Дели (Draft Recommendation on International Principles Applicable to Archaeological Excavations). 1956. URL: <https://icahm.icomos.org/wp-content/uploads/2017/01/1956-New-Delhi-Recommendations-International-Principles-Applicable-to-Archaeology-Excavations-1.pdf> (дата обращения: 05.11.2022)

ЮНЕСКО. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972. URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (дата обращения: 30.11.2022)

ЮНЕСКО. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention). 2021. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 30.11.2022)

Barnard H. Wendrich W. Z., Winkels A., Bos J. E. M. F., Simpson B. L. & Cappers R. T. J. The preservation of exposed mudbrick architecture in Karanis (Kom Aushim), Egypt // *Journal of Field Archaeology*, 41:1, 2016. P. 84–100

Friesem, D., Boaretto E., Eliyahu-Behar A., & Shahack-Gross R. Degradation of Mud Brick Houses in an Arid Environment: A Geoarchaeological Model // *Journal of Archaeological Science*. 2011. No 38. P. 1135–1147.

Goodman-Elgar M. The Devolution of Mudbrick: Ethnoarchaeology of Abandoned Earthen Dwellings in the Bolivian Andes // *Journal of Archaeological Science*. 2008. No 35. P. 3057–3071.

Lewis K., Al-Jahfali M. Al Baleed Archaeological Park // *Publications of the International Conference on Archaeological Parks and Sites*. 2014. P. 49–56

Paolini A., Cesaro G. The Petra Archaeological Park: excavations, management, conservation // *Publications of the International Conference on Archaeological Parks and Sites*. 2014. P. 83–84

Tentative List. Silk Roads: Fergana-Syrdarya Corridor. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6568/>. Дата обращения 24.10.2022.

Watanabe K., Maung M. M., Fuji Y., & Fodde E. Evaporation measurements for the preservation of historical Buddhist monastery Ajina Tepa, Tajikistan // *Annual Journal of Hydraulic Engineering*. 2008. JSCE 52. P. 19–24.

Информация об авторе:

Фейзулаев Алим Л., магистр искусств, ведущий специалист, Международный институт центральноазиатских исследований (МИЦАИ) (г. Самарканд, Республика Узбекистан); alim.feyzulayev@gmail.com

REFERENCES

Evropeyskiy sovet. *Evropeyskaya konventsiya ob okhrane arkhelogicheskogo naslediya*. London. 1969, *pererabotana v La Valette, 1992 (European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised). Valetta, 16.I.1992)*. Available: <https://rm.coe.int/168007bd25> (accessed 07.11.2022).

ICOMOS. 1964. *Mezhdunarodnaya khartiya po konservatsii i restavratsii pamyatnikov i dostoprimechatel'nykh mest – Venetsianskaya khartiya. 1964 (International Charter For The Conservation And Restoration Of Monuments And Sites)*. Available: <https://www.icomos.org/en/participer/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/157-thevenice-charter> (accessed 05.11.2022).

ICOMOS. 1990. *Khartiya IKOMOS po okhrane i upravleniyu arkhelogicheskim naslediem. Lozanna, 1990. (Charter for the Protection and Management of the Archaeological Heritage. Prepared by the*

International Committee for the Management of Archaeological Heritage (ICAHM) as approved by the 9th General Assembly in Lausanne in 1990.). Available: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/arch_e.pdf (accessed: 28.11.2022)

ICOMOS. 1999. *Mezhdunarodnaya khartiya po kul'turnomu turizmu. Mekhiko (International Cultural Tourism Charter)*. Available: <https://www.icomos.org/en/newsletters-archives/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/162-international-cultural-tourism-charter> (accessed: 25.11.2022)

ICOMOS. 2005. *Sian'skaya deklaratsiya o sokhraneniі okruzeniya postroek, dostoprimechatel'nykh mest i rayonov, yavlyayushchikhsya ob'ektami naslediya (Xi'an Declaration on the Conservation of the Setting of Heritage Structures, Sites And Areas . Xi'an, 2005)*. Available: <https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/xian-declaration.pdf> (accessed: 28.11.2022).

ICOMOS. 2008. *Khartiya ob interpretatsii i prezentatsii dostoprimechatel'nykh mest (Charter on Interpretation and Presentation of Places of Interest)*. Available: https://www.icomos.org/charters/interpretation_e.pdf (accessed: 30.11.2022).

ICOMOS. 2011. *Rukovodstvo po osushchestvleniyu otsenok vozdeystviya na nasledie v otnoshenii ob'ektov vseirnogo kul'turnogo naslediya (Guidance on Heritage Impact Assessments for Cultural World Heritage Properties)*. Available: https://openarchive.icomos.org/id/eprint/266/1/Guidance_on_heritage_impact_assessments.pdf (accessed: 05.11.2022).

ICOMOS. 2012. *Menorskaya deklaratsiya o razrabotke i ispol'zovanii peredovykh praktik v upravlenii arkheologicheskimi ob'ektami vseirnogo naslediya (Menorca Statement on the Development and Use of Best Practices in the Management of Archaeological World Heritage Sites)*. Available: https://icahm.icomos.org/wp-content/uploads/2017/01/MenorcaStatement_EN.pdf (accessed: 30.11.2022)

ICOMOS. 2015. *Proekt rekomendatsiy pervoy mezhdunarodnoy konferentsii IKOMOS po arkheologicheskim parkam i pamyatnikam (Draft Recommendations of the First International Conference of ICOMOS on Archaeological Parks and Sites 23.-25.February 2015 Salalah, Sultanate of Oman)*. Available: <https://whc.unesco.org/document/135364>(accessed: 07.09.2022)

ICOMOS. 2017. *Salalskie rukovodyashchie printsipy po upravleniyu obshchedostupnymi arkheologicheskimi ob'ektami (Salalah Guidelines for the Management of Public Archaeological Sites)*. Available: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/General_Assemblies/19th_Delhi_2017/Working_Documents-First_Batch-August_2017/GA2017_6-3-3_SalalahGuidelines_EN_final20170730.pdf (accessed: 07.09.2022)

ICCROM. 2022. *Rukovodstvo i nabor instrumentov dlya provedeniya otsenok vozdeystviya v kontekste vseirnogo naslediya (Guidance and Toolkit for Impact Assessment in a World Heritage Context)*. Available: <https://www.icrom.org/publication/guidance-and-toolkit-impact-assessment-world-heritage-context> (accessed 30.10.2022)

Masson, M. E. In *Izvestiia Sredneaziatskogo geografi cheskogo obshchestva (Bulletin of the Central Asian Geographical Society) XIX* (in Russian).

1994. *Narskiy dokument o podlinnosti (The Nara Document on Authenticity)*. Available at: <https://www.icomos.org/en/charters-and-texts/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/386-the-nara-document-on-authenticity-1994> (accessed 25.11.2022).

Restavratsiya gorodishcha Otrar (Restoration of Otrar settlement). Available at: <http://www.natcom.unesco.kz/rus/culture/otrar/index.html> (accessed 27.10.2022).

Smagulov, E. A. 1988. In *Novosti arkheologii (News of archaeology)* 1, 93–97 (in Russian).

Smagulov, E. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 17–31 (in Russian).

Charlina, L. F. 2003. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 208–211 (in Russian).

Charlina, L. F., Dubovskaya, L. V., Kuzemtseva, N. V. 2004. In *Sokhranenie i razvitie istoriko-kul'turnoy sredy v prirodnykh i gorodskikh usloviyakh sovremennoy Tsentral'noy Azii (Preservation and development of the historical and cultural environment in the natural and urban conditions of modern Central Asia)*. Almaty: "RNIPI PMK" Publ., 253–254 (in Russian).

UNESCO. 1956. *Rekomendatsiya, opredelyayushchaya printsipy mezhdunarodnoy reglamentatsii arkheologicheskikh raskopok, sformulirovannaya na General'noy konferentsii YuNESKO v N'yu-Deli (Draft Recommendation on International Principles Applicable to Archaeological Excavations)*. Available at: <https://icahm.org>

icomos.org/wp-content/uploads/2017/01/1956-New-Delhi-Recommendations-International-Principles-Applicable-to-Archaeology-Excavations-1.pdf (accessed 05.11.2022).

UNESCO. 1972. *Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage*. Available at: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (accessed 30.11.2022).

UNESCO. 2021. Rukovodstvo po vypolneniyu Konventsii ob okhrane vseirnogo kul'turnogo i prirod-nogo naslediya (*The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention*) Available at: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed 30.11.2022).

Barnard, H. Wendrich, W. Z., Winkels, A., Bos, J. E. M. F., Simpson, B. L. & Cappers, R. T. J. 2016. In *Journal of Field Archaeology*, 41(1), 84–100.

Friesem, D., Boaretto, E., Eliyahu-Behar, A., & Shahack-Gross, R. 2011. In *Journal of Archaeological Science*. 38, 1135–1147.

Goodman-Elgar, M. 2008. In *Journal of Archaeological Science*. 35, 3057–3071.

Lewis, K., Al-Jahfali, M. 2014. In *Publications of the International Conference on Archaeological Parks and Sites*, 49–56.

Paolini, A., Cesaro, G. 2014. In *Publications of the International Conference on Archaeological Parks and Sites*, 83–84.

Tentative List. Silk Roads: Fergana-Syrdarya Corridor. Available at: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6568/>. (accessed 24.10.2022).

Watanabe, K., Maung, M. M., Fuji Y., & Fodde E. 2008. In *Annual Journal of Hydraulic Engineering*, JSCE 52, 19–24.

About the Author:

Feizulaev Alim L. International Institute for Central Asian Studies (IICAS). Univer boulavard str., 19, Samarkand, 140129, Uzbekistan; alim.feyzulayev@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 903.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.170.181>

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ЛИПЧИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

©2023 г. М.В. Храмцов

Липчинская культура исследуется почти 100 лет, но сведения о ее каменной индустрии фрагментарны. Липчинское поселение – эпонимный памятник липчинской культуры, расположенный в Слободо-Туринском р-не Свердловской области. По данным раскопок 1995–1996 гг. памятник содержит слои средневековья, раннего железного века, энеолита и неолита. Для изучения каменного инвентаря Липчинского поселения были применены типологический и технологический анализ. Было обработано 837 каменных предметов. Выяснилось, что в сырьевом аспекте население использовало не только качественные кремнистые породы, но и кварц, кварцит и различные виды сланца. Каменный инвентарь Липчинского поселения имеет пластинчато-отщеповый характер. Несмотря на небольшой удельный вес пластин в комплексе (14,7%), велик вес ретушированных пластин (72,4%). Значителен и типологический набор орудий из пластин: наконечники стрел, скребки, проколки, сверла, выемчатые орудия, острия. В то же время из отщепов изготавливалась часть наконечников стрел, скребки, а также сверла, проколки и острия, но в меньшем количестве. Широко представлен комплекс шлифованных орудий из сланца: ножи, тесла, топоры. На поселении четко выделяются две технологические цепочки, связанные с пластинчатым расщеплением и шлифованием плиток сланца. Каменный инвентарь Липчинского поселения не находит значительных сходств с комплексами эпох неолита-энеолита Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья. Некоторые совпадения возникают при сравнении с полуденским комплексом Кедровый мыс-1.

Ключевые слова: археология, каменный инвентарь, горно-лесное Зауралье, Нижнее Притоболье, неолит, энеолит, липчинская культура, типологический анализ, технологический анализ.

STONE INVENTORY OF THE LIPCHINSKY SITE IN THE LOWER TOBOL REGION

M.V. Khramtsov

Lipchinskaya culture has been studied for almost 100 years, but information about its stone industry is fragmentary. Lipchinsky site is eponymous site of Lipchinskaya culture located in the Slobodo-Turinsky district of the Sverdlovsk region. According to excavations in 1995-1996 the site contains layers of the Middle Ages, Early Iron Age, Eneolithic and Neolithic. In studying to the stone inventory of the Lipchinsky site was applied typological and technological analysis. 837 stone items have been processed. It was revealed that in the raw material aspect, the population used high-quality siliceous rocks, quartz, quartzite and various types of shale. The stone inventory of the Lipchinsky site has a blade-flake character. Despite the low percentage of the blades in the complex (14.7%), the weight of retouched blades is high (72.4%). The typological set of blade tools is also extensive: arrowheads, scrapers, piercers, drills, notched tools, edges. At the same time, part of the arrowheads, scrapers, as well as drills, piercers and points were made from flakes, but in smaller quantities. The complex of grinded tools made of slate is widely represented: knives, adzes, axes. Two technological chains are clearly distinguished in the site, connected with blade chipping and grinding of slate tiles. The stone inventory of the Lipchinsky site does not find significant similarities with the Neolithic and Eneolithic complexes of the Middle Trans-Urals and the Lower Tobol region. Some coincidences arise when compared with the complex of Poludenskaya culture in the Kedrovyy Mys-1 site.

Keywords: archaeology, stone inventory, mountain-forest Trans-Urals, Lower Tobol region, Neolithic, Eneolithic, Lipchinskaya culture, typological analysis, technological analysis

Введение

Энеолит Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья изучен относительно равномерно. Обобщенно схема его развития пред-

ставлена сосуществованием липчинской и шувакишской культур в Среднем Зауралье, липчинской, шапкульской, андреевской и сосновоостровской – в Нижнем Притоболье.

В позднем энеолите фиксируются контакты шувакишского и липчинского населения, а также сложение аятской культуры на территории Среднего Зауралья. Для позднего энеолита Нижнего Притоболья характерно шапкульско-липчинское-андреевское взаимодействие (Шорин, 1999; Чаиркина, 2005).

Липчинская культура занимает пограничное положение между регионами, протянувшись с запада на восток от Уральского хребта по территории зауральского пенеплена до Нижнего Притоболья и с севера на юг от южнотаежной зоны Западной Сибири до Южного Зауралья. Культура представлена в основном поселенческими памятниками и, несмотря на то, что исследуется около 100 лет, почти не имеет «чистых» археологических контекстов. Липчинские артефакты, по большей части, залегают совместно с шапкульской, шувакишской или андреевской посудой, но фиксируются памятники, в слоях которых липчинская керамика преобладает: нижние слои стоянок Разбойничий остров и VI Разрез Горбуновского торфяника, Шувакиш XI-Д и т.д. Памятники, материалы которых представлены только липчинской керамикой мало численны и исследованы только разведками (Шувакишский Исток, Полетаевка II, Дощаное V и др.) (Чаиркина, 2005). Данная ситуация привела к тому, что о каменной индустрии липчинской культуры существуют лишь фрагментарные сведения.

В связи с этим нам представляется небезынтересным обратиться к коллекции Липчинского поселения – эпонимного памятника липчинской культуры.

Липчинское поселение расположено в Слободо-Туринском р-не Свердловской области, на правом берегу р. Туры, при впадении в нее р. Липки. Памятник был обнаружен и исследован в 1925–1926 гг. П.А. Дмитриевым, который датировал комплекс ранним железным веком. В дальнейшем, материалы П.А. Дмитриева пересмотрел В.Н. Чернецов и сделал вывод об энеолитическом возрасте стоянки (Чернецов, 1953).

В 1995–1996 гг. группа исследователей из Института истории и археологии УрО РАН во главе с Н.М. Чаиркиной провела дополнительные исследования разрушающейся части памятника. Был сделан вывод о многослойности поселения – ее слои содержат керамику

эпохи средневековья, раннего железного века, энеолита и неолита. Энеолитический слой содержит андреевскую, липчинскую и шапкульскую керамику, неолитический – керамику кокшаровско-юринского типа (Чаиркина, 1996).

В коллекции раскопок 1995–1996 гг., согласно отчетам, содержится около 3300 каменных предметов. Обработке было подвергнуто 837 изделий. Сырьевую базу поселения преимущественно составляет кремль, кремнистые породы и сланец различных цветов, в меньшей степени – кварцит, сургучная яшма и халцедон. Присутствует как плитчатое, так и галечное сырье примерно в равных долях.

Типологический и технологический анализ

В коллекции присутствует представительная коллекция *нуклеусов* (13 экз.) разных типов: призматические (6 экз.), конические (2 экз.), торцевые (3 экз.) ядрища для снятия пластин и клиновидные нуклеусы под отщепы (2 экз.). Фиксируется 18 *нуклевидных обломков*, с которых в основном снимались отщепы (см. табл. 1).

Инструменты для камнеобработки представлены *отбойниками* (5 экз.), их фрагментами (2 экз.), *абразивами* различных видов (16 экз.) и их частями (4 экз.). Отбойники представляют собой кварцитовые гальки размером от 45,2×34,5×21,4 мм до 76,9×53×47,3 мм. В большинстве случаев рабочей частью служили концы галек (4 экз.): в трех случаях забитость и характерная звездчатость фиксируются на одном конце, в одном – на обоих концах гальки.

Абразивы и абразивные плитки можно условно разделить на желобчатые (4 экз.) и плоскостные (12 экз.). В коллекции присутствуют три желобчатых односторонних абразива и один – двусторонний. Все плоскостные абразивы (3 экз.) и абразивные плитки (9 экз.) использовались только с одной стороны.

Из 837 предметов, 123 экз. составляют пластины и их фрагменты. По ширине они составляют четыре основных промежутка: микропластинки (до 5 мм) – 2 экз., мелкие пластины (5,1–10 мм) – 40 экз., средние пластины (10,1–15 мм) – 59 экз. и крупные пластины (более 15 мм) – 22 экз. График распределения пластин по ширине из коллекции Липчинского поселения отличается от памятников мезолита и раннего неолита, в которых пик распределения приходится на

Таблица 1. Категории изделий Липчинского поселения
Table 1. Categories of items from Lipchinskoye site

Категории изделий	Тип сырья (породы)	Кол-во
Гальки и их фрагменты	кварцит	30
Гальки со сколами	кварцит	14
Отбойники и их фрагменты	кварцит	7
Нуклеусы	кремневые	13
Нуклевидные обломки	кремневые	18
Продольные сколы с нуклеуса	кремневые	8
Поперечные сколы с нуклеуса	кремневые	3
Наконечники стрел	кремневые	8
Скребки	кремневые	37
Сверла	кремневые	8
Проколки	кремневые	7
Острия	кремневые	4
Выемчатые орудия	кремневые	4
Долотовидное орудие на отщепе	кремневые	1
Ножи ретушированные	кремневые	2
Пластины и их фрагменты	кремневые	84
Ребристые пластины	кремневые	3
Плитки и их фрагменты	кремневые	86
Плитки с ретушью утилизации	кремневые	10
Плитки с ретушью	кремневые	18
Конкреции осадочных пород	некремневые	35
Фрагмент наковальни	некремневые	1
Абразивы и их фрагменты	некремневые	20
Тесла шлифованные	некремневые	2
Топоры шлифованные	некремневые	2
Фрагменты шлифованных рубящих орудий	некремневые	9
Ножи шлифованные	некремневые	2
Заготовки шлифованных изделий	некремневые	2
Сколы со шлифованных орудий	некремневые	21
Шлифованные подвески и их заготовки	некремневые	12
Шлифованные диски	некремневые	2
Отщепы	кремневые/некремневые	167
Отщепы с ретушью утилизации	кремневые/некремневые	52
Отщепы с ретушью	кремневые/некремневые	32
Пластинчатые отщепы	кремневые/некремневые	14
Обломки	кремневые/некремневые	37
Осколки	кремневые/некремневые	48
Чешуйки	кремневые/некремневые	14

8–9 мм и 9–11 мм соответственно, если судить по коллекциям стоянок бассейна Вычегды (Косинская, 1988). Основной пик распределения в коллекции Липчинского поселения приходится на пластины шириной 10–15 мм. В случае с толщиной наиболее часто встречаются пластины от 2 до 5 мм.

Большая часть пластин несет следы формообразующей ретуши – 89 экз. из 123 (72,4%), однако среди них выделяется всего 35 морфологически выраженных орудий: 5 наконечни-

ков стрел, 16 концевых скребков, один боковой двулезвийный скребок, один концевой двулезвийный скребок, 4 выемчатых орудия, 4 проколки (рис. 1: 9), 2 сверла, 2 острия. Соответственно, типологический набор орудий из пластин достаточно широк.

Концевые скребки – самая массовая категория орудий из пластин. Во всех случаях «рабочая часть» расположена на дистальной части пластины, зачастую ретушью модифицируются небольшие прилегающие участ-

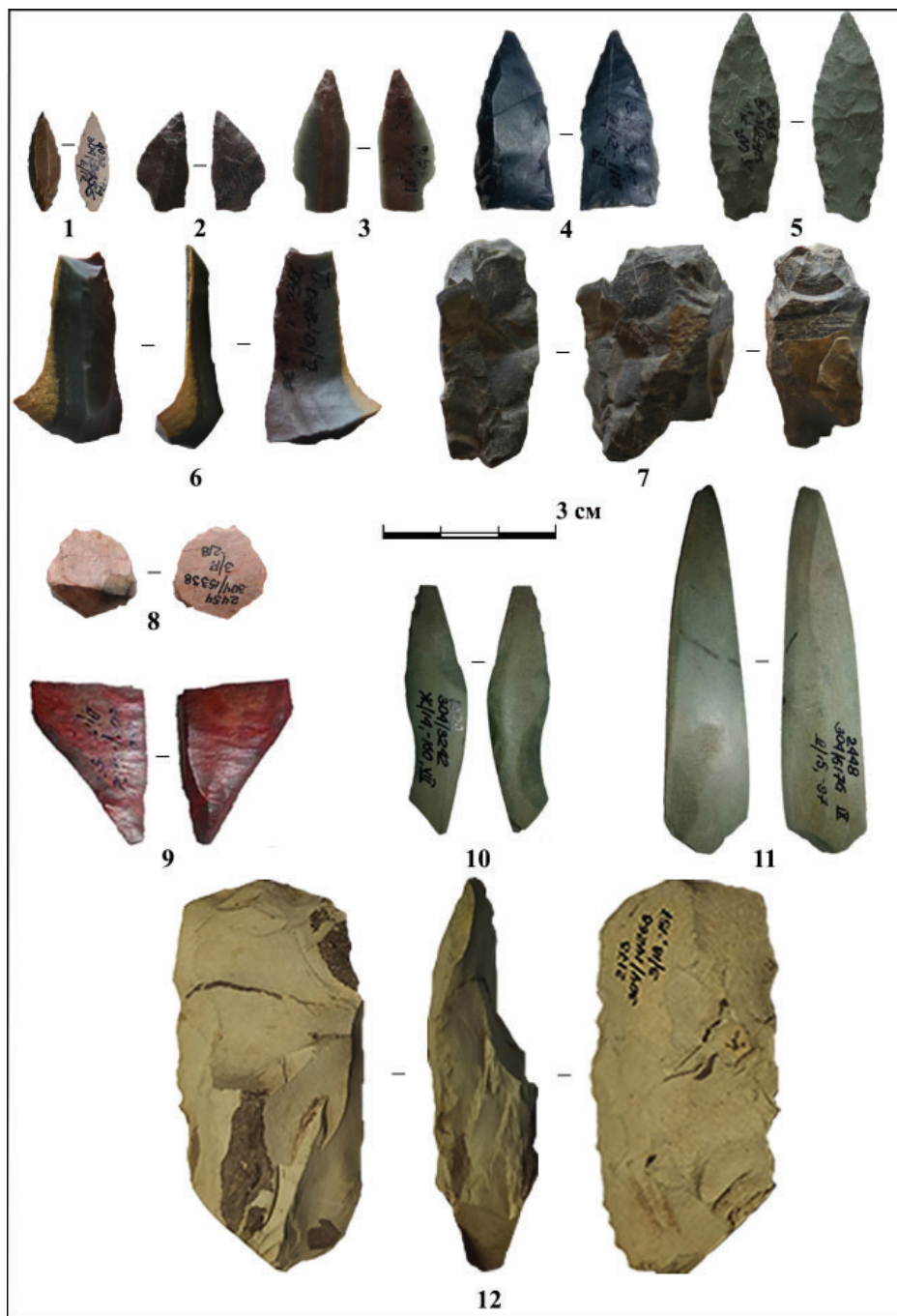

Рис. 1. Каменный инвентарь Липчинского поселения

1–5 – наконечники стрел, 6 – пластина с ретушью, 7 – двуплощадочный клиновидный нуклеус, 8 – полукруглый скребок высокой формы с выступом, 9 – проколка на фрагменте пластины, 10, 11 – шлифованные ножи, 12 – тесло

Fig. 1. Stone inventory from Lipchinskoye site

1–5 – arrowheads, 6 – retouched plate, 7 – two-platform wedge-shaped core, 8 – semi-circular high-shaped scraper with a ledge, 9 – piercer on the fragment of plate, 10, 11 – grinded knives, 12 – adze.

ки латералей. Ширина орудий изменяется в диапазоне от 9 до 18,5 мм, причем наиболее популярный промежуток: 11–15 мм (11 экз.). Самый крупный концевой скребок из яшмы размером 79×18,5×5 мм обработан краевой

крутой дорсальной ретушью по дистальной части и обеим латералям.

Выемчатые орудия в основном были сработаны на фрагментах и сечениях пластин, во всех случаях «рабочая часть» располага-

лась на латералиях. Ширина изделий варьирует от 9 до 16 мм. Наиболее крупное орудие (40×16×5 мм) выполнено на сечении пластины из белой кремнистой породы. Боковой край орудия несет следы ретуши утилизации и имеет выемку с вентральной стороны, образованную одним ударом. Анкош расположен примерно посередине ребра сечения, длина – 10 мм, глубина – 3–3,5 мм, угол наклона выемки — около 20 градусов.

Наиболее интересным элементом коллекции являются *наконечники стрел*. Всего их 8 экз., больше половины (5 экз.) сработаны на пластинах. Выделяются лавролистный наконечник стрелы с выемчатым насадом, подтреугольные наконечники стрел на пластине и отщепе, иволистный наконечник стрелы, обломок тыльной части наконечника с намевающимся черешком, ромбовидный наконечник с выделенным черешком, два наконечника кельтеминарского типа. Наконечники на отщепе обработаны сплошной двусторонней ретушью, наконечники на пластинах – лишь краевой или захватывающей.

Лавролистный наконечник с выемчатым насадом на отщепе (рис. 1: 5) размером 36×12,7×3,5 мм обработан двусторонней сплошной ретушью. Боевая часть в профиле не прямая: имеется утолщение с одной и с другой стороны, образуя латинскую букву «S» в профиле. Показатель общих пропорций составляет 0,353, следовательно, наконечник является среднепропорциональным.

Два подтреугольных наконечника стрел изготовлены на пластине (рис. 1: 4) и отщепе и значительно отличаются друг от друга по размеру: 23×10,5×2,5 мм и 28×14,3×6,9 мм. Второй (на отщепе) – почти в полтора раза массивнее, имеет не снятый бугорок на поверхности ближе к жалу, укорочен (показатель общих пропорций = 0,51), отретуширован полностью с двух сторон. Первый наконечник обработан среднемодифицирующей ретушью, имеет не обработанные участки, насад обломан. Жало сформировано в основном с вентральной стороны несколькими мелкими фасетками.

Иволистный наконечник стрелы на пластине (рис. 1: 1) размером 21×6,8×3 мм обработан среднемодифицирующей распространенной дорсальной ретушью, нанесенной с боковых краев. Жало сформировано двумя крупными фасетками, насад наконечника тоже обрабо-

тан крутой дорсальной ретушью. Показатель общих пропорций составил 0,32, следовательно, наконечник – среднепропорциональный.

Ромбовидный наконечник стрелы с выделенным черешком размером 22,3×12,4×3,9 мм изготовлен на плитке черной кремнистой породы. Наконечник обработан стелющейся захватывающей ретушью, небольшие участки покрыты естественной коркой. Показатель общих пропорций наконечника составляет 0,56, соответственно наконечник – укороченный.

Два наконечника с боковой выемкой сработаны на пластинах (рис. 1: 2, 3) и различаются по размеру 17×9,2×2,6 мм и 25×10,2×3 мм. Оба выполнены из высококачественного кремня. Обработаны распространённой двусторонней ретушью по окончанию пера на 7 и 8 мм соответственно. Латерали наконечников обработаны краевой дорсальной и вентральной ретушью. Большая часть дорсальной стороны изделий не подвергнута вторичной обработке.

Наконечники кельтеминарского типа характерны для неолита Средней Азии и встречаются на широкой территории степной зоны Евразии. Однако современные хорошо задокументированные раскопки показали, что более 100 наконечников с боковой выемкой на Урале и в Зауралье происходят из энеолитических памятников (Чемякин, Погодин, Клементьева, 2015). На Липчинском поселении они находились в перемешанном слое с преобладанием энеолитической керамики. В Нижнем Притоболье кельтеминарские наконечники серийно встречаются в коллекциях памятников шапкульской культуры и в байрыкско-лыбаевских комплексах (Волков, 2010). Все это позволяет говорить об энеолитическом происхождении наконечников с боковой выемкой на Липчинском поселении.

Отщепово-плитчатая индустрия Липчинского поселения составляет более 85,3% коллекции, но обладает меньшим типологическим разнообразием. Чаще всего фиксируются скребки нескольких типов: концевые скребки на отщепе случайной формы (10 экз.), подпрямоугольные скребки на отщепе (2 экз.), полукруглые скребки высокой формы с выступом (2 экз.), скребок на поперечном сколе с нуклеуса (Храмцов, 2020). В коллекции присутствуют сверла (5 экз.), проколки (3 экз.), острия (2 экз.) и долотовидное орудие на отщепе.

Сверла сработаны на плитках (2 экз.), на отщепах (2 экз.) и на осколке. Сверла на плитках отличаются сравнительно большими размерами, их «плечики» выделены нечетко. Глубина проникновения в материал составила 2 и 4 мм соответственно. Обработка латералей орудия минимальна и сводится к разрозненным фасеткам ретуши или грубой оббивке. Подобную обработку имеют и сверла на отщепах.

Сверло на осколке размером 28,7×14,2×5,2 мм имеет подромбическую форму в плане, и было сильнее подвергнуто вторичной обработке. Рабочий край орудия и прилегающие участки латералей оформлены захватывающей дорсальной вертикальной непрерывной ретушью. Глубина проникновения в материал составляет минимум 5,5 мм. Один из двух обработанных боковых краев покрыт следами ретуши утилизации.

Проколки изготавливались на отщепах (2 экз.) и обломке. Проколка на обломке размером 21×10×6,2 мм несет следы минимальной подработки: мелкими нечастыми фасетками краевой стелющейся ретуши сработана рабочая часть изделия. Другие две проколки были оформлены на дистальных частях отщепов случайной формы.

Острия на отщепах представляют собой изделия листовидной формы размером 31,4×18×6,2 мм и 22,8×19,1×7,9 мм. Лезвия орудий оформлены на дистальных частях отщепов с прилегающими участками латералей и обработаны краевой двусторонней полукрутой непрерывной ретушью.

Долотовидное орудие на отщепе размером 15×11×2,8 мм обработано дорсальной краевой крутой непрерывной ретушью, нанесенной на дистальный конец орудия. На вентральной стороне заметны три фасетки стелющейся ретуши.

Плитчатые формы в целом использовались ограниченно: из 114 плиток и их фрагментов только 18 экз. несут следы ретуши и еще 10 – ретуши утилизации. Одна из плиток является ножом.

Нож на плитке серого кремня размером 87,5×38×10,7 мм имеет подовальную форму в плане, выделенное лезвие и обушок. Лезвие длиной 40 мм образовано с помощью ряда фасеток двусторонней захватывающей плоской непрерывной двухрядной ретуши. На кромке лезвия заметна мелкая выкрошен-

ность. Лезвие занимает 40 мм бокового края орудия. Обушок длиной 25 мм оформлен мелкими фасетками краевой вертикальной дорсальной ретуши.

Шлифованные рубящие орудия Липчинского поселения представлены 13 экз.: 9 изделий сохранились во фрагментах, из целых форм фиксируются два тесла и два топора из серо-зеленого сланца.

Крупный каменный топор из серо-зеленого сланца размером 118×70×34,9 мм имеет подтреугольную форму в плане, подовальную форму в профиле и подпрямоугольную в сечении. Лезвие симметричное, подпрямоугольное, тыльная часть сужается к обушку, который слегка уплощен. Около половины поверхности орудия зашлифовано, другая половина покрыта сколами утилизации.

Небольшой шлифованный топор из серо-зеленого сланца размером 33×19×9,1 мм фрагментирован: сохранилась чуть больше половины изделия, разделенного вдоль. Лезвие в плане имеет подпрямоугольную форму, на нем фиксируются следы мелкой выкрошенности. Тыльная часть сужается к обушку, который практически не сохранился. Орудие тщательно зашлифовано: на всей сохранившейся поверхности изделия фиксируются линейные следы, перпендикулярные его оси.

Тесло из серо-зеленого сланца (рис. 1: 12) размером 69×34×17,9 мм имеет подпрямоугольную форму в плане, подтреугольную форму в профиле, подтреугольную в сечении. Лезвие в плане дуговидное, симметричное. Тыльная часть сужается к обушку, обушок приострен. Шлифовка распространяется только на дорсальную часть орудия. Тесло имеет слабую сохранность, значительная часть его рабочей кромки не функциональна.

Тесло из серо-зеленого сланца размером 99×39,5×23,6 мм было составлено из двух фрагментов, и имеет подпрямоугольную форму в плане, подтреугольную форму в профиле и подовальную в сечении. Симметричное лезвие в виде плавного полукруга. Обушок слегка уплощен крупной фасеткой. Лезвие было в значительной степени разрушено, следы утилизации заметны на обеих сторонах орудия, но неравномерно.

Шлифованные режущие орудия представлены двумя сланцевыми ножами. Шлифованный нож (рис. 1: 11) размером 71×16,8×5,4 мм

имеет вытянутую подтреугольную форму с заостренным концом. Выражен обушок, насад образован двумя сломами. Нож полностью зашлифован, намечена фаска. Острый конец орудия обломан, обушок сохраняет естественную поверхность.

Шлифованный нож подпрямоугольной формы (рис. 1: 10) размером 48×12×4,3 мм состоит из «рукояти» и лезвия. Кончик ножа обломлен. Лезвие было оформлено фаской с одной из его сторон

Некоторую долю в коллекции занимают сколы со шлифованных орудий (21 из 714 экз.), часть из которых несет следы ретуши утилизации, что свидетельствует о переоформлении орудий на поселении и относительном сырьевом дефиците.

В коллекции присутствуют шлифованные каплевидные (2 экз.) и округлые (1 экз.) *подвески* из бордового и темно-красного шифера, а также их заготовки (8 экз.) и фрагмент одной из них (1 экз.). Они датируются неолитом–энеолитом, локализуются на территории от Среднего Зауралья до Среднего Приобья с запада на восток и от Нижнего Приобья до Барабинской лесостепи с севера на юг. Они встречаются в погребениях и на поселениях (Шорин, Нохрина, 2000; Чаиркина, 2011, Молодин и др., 2016).

Другими интересными артефактами являются шлифованный диск и фрагмент шлифованного диска, которые являются грузилами (Храмцов, 2021).

Стратиграфическая ситуация на поселении достаточно сложная: слои эпохи неолита и энеолита частично перемешаны, т.к. часть построек энеолита вписана в неолитические котлованы. Чистый неолитический слой сохранился лишь по самому дну четырех неолитических построек и в трех канавках. По данному слою была сделана выборка, составленная всего 40 находками. Неолитический материал представлен шлифованным диском, двуплощадочным клиновидным нуклеусом (рис. 1: 7), полукруглым скребком высокой формы (рис. 1: 8), шлифованным сланцевым топором, желобчатыми абразивами, отщепами, осколками, кварцитовыми гальками, плитками, двумя пластинами (рис. 1: 6) и кусками осадочной породы. Обращает на себя внимание крайне небольшое количество пластин и значительный объем абразив-

ных инструментов. Соответственно, большая часть пластин принадлежит энеолитическому слою.

С точки зрения технологии на Липчинском поселении выделяются две основных технологических цепочки. Первая предполагает производство пластин-заготовок с призматических, конических, либо торцевых нуклеусов с помощью отжимной техники. Главным признаком применения отжима является значительное количество пластин правильной огранки (51 экз.). При использовании техники ручного отжима средняя ширина пластин составляет 8–10 мм, а толщина не должна превышать 3 мм (Поплевко, 2007).

В коллекции Липчинского поселения только 42 экз. имеют ширину до 10 мм включительно, из них 34 экз. несут следы вторичной обработки. Толщина пластин шириной до 10 мм (42 экз.) варьирует от 1,1 до 14 мм. Толщина до 3 мм встречается у 22 экз., что соответствует ручному отжиму. Остальные пластины (20 экз.) не составляют единых серий, их толщина очень различается: либо они были сняты с помощью техники удара через посредник, либо представляют собой случайные формы, снятые с помощью ручного отжима

Судя по большому диапазону ширины пластин в коллекции Липчинского поселения, возможно применение как ручного отжима, позволяющего снимать пластины не шире 15 мм, так и техники удара через посредник (Поплевко, 2007). В пользу последнего свидетельствует, что у 8 пластин из 31-ой с уцелевшими ударными площадками фиксируется наличие «губы», что является признаком использования удара через посредник. Учитывая плавные очертания фасеток ретуши, для ретуширования, вероятно, применялся роговой отжимник.

Таким образом, основной техникой пластинчатого расщепления был ручной отжим при подчиненном значении расщепления посредством техники удара через посредник.

Необходимо остановиться на анализе ядрищ. Несколько типов нуклеусов свидетельствует об отсутствии единого способа их производства. Различное сырье ядрищ тоже является аргументом в пользу данного тезиса. Возможно, население Липчинского поселения получало качественное сырье в виде гото-

вых нуклеусов, либо плиток, которые в силу их небольшого размера не сложно перевозить/переносить даже на далекие расстояния.

В коллекции присутствуют незначительные следы поджигления и переоформления ядрищ: продольные (8 экз.) и поперечные (3 экз.) сколы с нуклеусов, ребристые пластины (3 экз.). Зачастую эти отходы производства подвергались вторичной обработке или использовались без ретуши (4 случая).

По сырью пластины и нуклеусы совпадают – пластины из всех видов кремня находят свое место в коллекции Липчинского поселения. Чего нельзя в полной мере сказать о двух клиновидных нуклеусах под отщепы: заготовки, снятые с них, на поселении не выявлены. По сырью пластины и нуклеусы совпадают – пластинчатые заготовки из всех видов кремня находят свое место в коллекции Липчинского поселения. Этого нельзя сказать о двух клиновидных нуклеусах под отщепы: заготовки, снятые с них, на поселении не выявлены. Один из них происходит из неолитического слоя.

Таким образом, первая технологическая цепочка – создание пластинчатых заготовок и орудий на пластинах, вероятно, была основной для энеолитического населения памятника. Важным приспособлением населения к бедности окружающего пространства залежами кремня стал высокий удельный вес ретушированных пластин и орудий из них в каменной индустрии.

Вторая технологическая цепочка связана с производством шлифованных орудий из серо-зеленого сланца. Изначально заготовка подвергалась оббивке – в коллекции присутствует значительное количество необработанных сланцевых отщепов. После оббивки производилась шлифовка. У рубящих орудий шлифованию подвергались в основном грани изделия, шлифовка ребер носила подчиненный характер. Обушок зачастую формировался не шлифовкой, а грубой оббивкой и пикетажем. Более качественному шлифованию подвергались ножи.

В целом, можно констатировать бережное отношение к поделочному сырью: пластинчатая техника позволяла экономить кремнистые породы, а большинство рубящих орудий несут значительные следы использования. Кроме того, часть сланцевых отщепов несут следы

ретуши утилизации (21 экз.) и даже формообразующей ретуши (3 экз.).

Подчиненное положение по отношению к двум четко выстроенным технологическим цепочкам занимает отщеповая индустрия. Из кремневых отщепов в основном были созданы сверла, остря, проколки, а чаще всего – скребки, для которых в данном случае не проводился предварительный отбор заготовок. Типологический набор орудий из отщепов невелик. В качестве инструментов для ударного расщепления служили отбойники из кварцитовых галек.

Некоторое значение в каменной индустрии имела и обработка плиток кремнистого сланца, но использовались они нечасто: из 20 плиток с ретушью только 4 экз. несут следы ретуши утилизации. В целом индустрия Липчинского поселения несет пластинчато-отщеповой характер.

Аналогии и интерпретация

Основным критерием для сравнения комплексов является типология каменного инвентаря и поиск идентичных категорий артефактов. Каменная индустрия энеолитической стоянки Шувакиш I, содержащая остатки липчинских, аятских и шувакишских сосудов, достаточно сильно отличается от инвентаря Липчинского поселения. В коллекции фиксируются два лавролистных наконечника на отщепах, иволистный и кельтеминарский наконечники стрел, присутствуют шлифованные ножи и ножи на плитках идентичные изделиям из инвентаря Липчинского поселения, однако общий состав индустрии пластинчато-отщепово-плитчатый и характерно большее разнообразие заготовок (Чаиркина, 2005).

Понимая специфику каменного инвентаря погребальных памятников, но за неимением большого количества «чистых» липчинских контекстов, в сравнении был использован каменный инвентарь погребений липчинской культуры (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) могильника на Большом Андреевском озере. Коллекция включает 502 каменных предмета: 107 наконечников стрел, 393 шлифованных подвески, два ножа и несколько отщепов. Наконечники стрел сработаны из сланца (шлифованные иволистные с желобком и выемчатым насадом) и кварцита (рыбковидные и иволистные с прямым и вогнутым основанием). Подвески изготовлены из сланца, имеют каплевидную,

округлую или овальную форму, их отверстия просверливались как с одной, так и с двух сторон. По размерам сопоставимы с подобными изделиями из коллекции Липчинского поселения, но отличаются по сырью (Зах, Зотова, Панфилов, 1991).

Каменная индустрия стоянки Шитовской исток XI, где было раскопано жилище аятской культуры, носит выраженный отщеповый характер (541 из 737 экз.), пластины составляют 15,7% от коллекции (116 экз.), но набор орудий из них крайне невелик: острия и скребки (Зырянова, Клементьева, 2004). Каменный инвентарь поселения Макуша III, содержащего раннеаятскую керамику, имеет плитчато-отщеповый характер. В сооружении 1 было обнаружено 437 предметов: 40,1% плиток, 36,6% отщепов, 8,7% пластин без следов вторичной обработки; в постройке 3 содержится 50,2% отщепов, 23,8% пластин без следов использования, 6% плиток без обработки. В коллекции фиксируется 12 наконечников стрел, относимых к типу листовидно-асимметричных с асимметрично-выемчатым основанием на отщепе (Чаиркина, 2005).

Большая часть рассмотренных неолитических комплексов Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья также не обладает значительным сходством с каменной индустрией Липчинского поселения: Уральские Зори II, Исетское Правобережное, Гилево VIII, Ташково I, Дуванское V, ЮАО V, Мергень 6 (Серигов, 1991; Кернер, 1991; Дрябина, Пархимович, 1991; Ковалева, Ивасько, 1991; Стефанов, 1991; Алексашенко, Викторова, 1991; Зах, Скочина, 2009). Не были найдены аналогии даже неолитической выборке.

Интересные совпадения с индустрией Липчинского поселения имеет комплекс каменного инвентаря полуденской культуры Кедровый мыс-1 в Южном Зауралье (Скочина, Мосин, 2021). В обоих комплексах фиксируется большое количество концевых скребков на пластинах, высокая доля их ретушированности, большая доля пластин с ретушью при малом количестве морфологически выраженных орудий и совпадение двух типов наконечников стрел: лавролистных с выемчатым основанием на отщепе и иволистных на пластине.

Каменная индустрия Липчинского поселения достаточно специфична. В сырьевом аспекте древнее население было практически

«всеядным»: кроме качественного кремня и кремнистых пород, они использовали кварцит (в гальках), черный кремнистый сланец (в плитках), серо-зеленый и другие виды сланца.

Часть пластинчатого комплекса Липчинского поселения явно имеет кокшаровско-юрьинское ассоциации, однако судя по существующей неолитической выборке, она очень невелика. Пластинчатая индустрия несет синкретичные черты: средний размер пластин и преобладание краевой ретуши, соответствующие эпохе раннего неолита, сосуществуют со значительной долей пластин, подвергнутых вторичной обработке, что характерно для энеолитической эпохи.

Технологические традиции, как и любые другие, могут рассматриваться в качестве механизма самосохранения культуры и концентрированного выражения социально-исторического опыта. Традиции всегда вступают в оппозицию инновации – новой технологии и новой модели деятельности (Массон, 1996). Исходя из данной позиции, мы рассматриваем пластинчатую индустрию Липчинского поселения как элемент неолитической культуры, который сохранился и в эпоху энеолита, приобретая специфичные для него черты, такие, как большой удельный вес ретушированных предметов. Но появляются и новации: шлифованные ножи, крупные пластины, регулярное использование ретуши, высокая доля морфологически выделенных орудий. Таким образом, пластинчатая индустрия Липчинского поселения эволюционно вытекает из предыдущей неолитической эпохи.

Отщеповая индустрия Липчинского поселения не несет атрибутивных признаков. Типологический набор, способ производства отщепов посредством ударной обработки, принципы нанесения ретуши не выделяют отщеповый комплекс из ряда других проанализированных памятников.

Заключение

Каменная индустрия Липчинского поселения Нижнего Притоболья имеет пластинчато-отщеповый характер. Несмотря на небольшой удельный вес пластин в комплексе (14,7%), очень велик вес ретушированных пластин (72,4%), в результате чего орудия из пластин имеют широкий типологический ассортимент: концевые и боковые скребки, наконечники стрел, проколки, сверла, острия, выемчатые орудия. Из отщепов в основном создавались

скребки различных типов, проколки, сверла, остря. Шлифованный комплекс невелик и представлен теслами, топорами и ножами.

На Липчинском поселении фиксируются две основных технологических цепочки: пластинчатое расщепление через стадию нуклеуса и последующее ретуширование пластин-заготовок и оббивка плиток серозеленого сланца с последующим шлифованием. Основным способом снятия пластин был ручной отжим, но использовалась и техника удара через посредник. Отщеповое расщепление и обработка плиток кремнистого сланца производилась на поселении, но носит подчиненный характер.

Слои неолита-энеолита на Липчинском поселении частично перемешаны, а в энео-

литическом горизонте совместно залегают андреевская, шапкульская и липчинская керамика. Несмотря на это, со значительной долей достоверности был получен срез каменной индустрии энеолитического слоя Липчинского поселения. Для него характерно преобладающее использование пластинчатой индустрии, что достаточно редко встречается в энеолите Среднего Зауралья.

Некоторые аналогии возникают при сравнении с полуденским комплексом Кедровый мыс-1. Синкретичные черты каменного инвентаря Липчинского поселения довольно специфичны. Определение его специфики требует дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексащенко Н.А., Викторова В.Д.* Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 161–183.
- Волков Е.Н.* Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 15–26.
- Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю.* Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 100–111.
- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н.* Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1991. С. 13–42.
- Зах В.А., Скочина С.Н.* Ранний комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002 и 2004 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №11. С. 16–28.
- Зырянова С.Ю., Клементьева Т.Ю.* Энеолитический комплекс поселения Шитовской исток XI // Четвертые берсовские чтения / Отв. за вып. С.Н. Панина. Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 45–58.
- Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.
- Ковалева В.Т., Ивасько Л.В.* Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.
- Косинская Л.Л.* Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 11 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1988. С. 33–47.
- Массон В.М.* Исторические реконструкции в археологии. Самара: ТОР, 1996. 103 с.
- Молодин В. И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С.* Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерovo-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2 (44) С. 30–46.
- Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий / Труды ИИМК РАН. Т. 23. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.
- Сериков Ю.Б.* Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.
- Скочина С.Н., Мосин В.С.* Каменный инвентарь полуденского комплекса стоянки Кедровый мыс-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №3. С. 34–46.
- Стефанов В.И.* Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Храмцов М.В. К вопросу о шлифованных дисках Среднего Зауралья: технология, функция, интерпретация // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 328–334.

Храмцов М.В. Типологический и трасологический анализ скребков Липчинского поселения (по материалам раскопок 1995 – 1996 гг.) // Материалы LX Российской археолого-этнографической студенческой конференции студентов и молодых ученых с международным участием / Отв. ред. И.М Бердников. Иркутск: ИГУ, 2020. С. 91–92.

Чаиркина Н.М. Археологическое исследование Липчинского поселения // Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1995 г. Екатеринбург, 1996 г. / Архив ИИА УрО РАН. Ф.2. Д.768.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам культово-погребальной площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.

Челякин Ю.П., Погодин А.А., Клементьева Т.Ю. Кельтеминарские наконечники стрел на Урале и в Зауралье // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2015. С. 188–194.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. №35 / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 7–72.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с.

Шорин А.Ф., Нохрина Т.И. Погребальный обряд энеолитического населения Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 96–106.

Информация об авторе:

Храмцов Михаил Вадимович, младший научный сотрудник, аспирант 1-го года обучения, Институт истории и археологии Уро РАН (г. Екатеринбург, Россия); khramtsov1475@gmail.com

REFERENCES

Aleksashanko, N. A., Viktorova, V. D. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 161–183 (in Russian).

Volkov, E. N. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (1), 15–26 (in Russian).

Dryabina, L. A., Parkhimovich, S. Yu. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 100–111 (in Russian).

Zakh, V. A., Zotova, S. V., Panfilov, A. N. 1991. In Matyushchenko, V. I. (ed.). *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtys'ya (Ancient burials of the Ob-Irtys' rivers basin)*. Omsk: Omsk State University, 13–42 (in Russian).

Zakh, V. A., Skochina, S. N. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (11), 16–28 (in Russian).

Zyryanova, S. Yu., Klement'eva, T. Yu. 2004. In Panina, S. N. (ed.). *Chetvertye bersovskie chteniya (IV Bers's readings)*. Ekaterinburg: "AKVA-PRESS" Publ., 45–58. (in Russian).

Kerner, V. F. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 46–67 (in Russian).

Kovaleva, V. T., Ivas'ko, L. V. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 112–131 (in Russian).

Kosinskaya, L. L. 1988. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Pamiatniki epokhi kamnia i metalla Severnogo Priural'ia (Stone and Metal Age Sites from Northern Ural Region)*. Series: Materials on the Archaeology of European Northeast 11. Syktyvkar, 33–47 (in Russian).

Masson, V. M. 1996. *Istoricheskie rekonstruktsii v arkheologii (Historical reconstructions in archaeology)*. Samara: "TOR" Publ. (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Nesterova, M. S. 2016. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 44 (2), 30–46 (in Russian).

Poplevko, G. N. 2007. *Metodika kompleksnogo issledovaniia kamennykh industrii (Methodology of the Complex Research of Stone Industries)*. Series: Trudy Instituta Istorii material'noi kultury RAN (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences). Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

Serikov, Yu. B. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 32–45 (in Russian).

Skochina, S. N., Mosin, V. S. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (3), 34–46 (in Russian).

Stefanov, V. I. 1991. In Krizhevskaya, L. Ya. (ed.). *Neoliticheskie pamyatniki Urala (Neolithic sites of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 144–160 (in Russian).

Khramtsov, M. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 328–334 (in Russian).

Khramtsov, M. V. 2020. In Berdnikov, I. M. (ed.) *Materialy LX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy studencheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem (Proceedings of the LX Russian archaeological and ethnographic student conference of students and young scientists with international participation)*. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU. 91–92. (in Russian).

Chairkina, N. M. 1996. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Sverdlovskoy oblasti v 1995 g. (Report on archaeological studies in the Sverdlovsk region in 1995)*. Ekaterinburg. Archive of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund. 2, dossier 768 (in Russian)

Chairkina, N. M. 2005. *Eneolit Srednego Zaural'ia (The Eneolithic of the Middle Urals)*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Chairkina, N. M. 2011. *Pogrebal'nye komplekсы epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ya (po materialam kul'tovo-pogrebal'noy ploshchadki Skvortsovskaya gora V) (Burial assemblages of the Eneolithic and Early Iron Age in the Trans-Urals (according to the materials of the cult-burial site Skvortsovskaya Gora V))*. Ekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Pogodin, A. A., Klemet'ev, T. Yu. 2015. In Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarykh issledovaniy: Sb. statey, posvyashhenniy 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina (Archaeology of Western Siberia and the Altai Mountains: Interdisciplinary Research Experience: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryulin)*. Barnaul: Altai State University Publ., 188–194 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. (ed.). *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya (Ancient history of the Lower Ob region)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–72 (in Russian).

Shorin, A. F. 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza (Chalcolithic of Ural and Adjacent Territories: Issues of Cultural Genesis)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shorin, A. F., Nokhrina, T. I. 2000. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2 (2), 96–106 (in Russian).

About the Author:

Khramtsov Mikhail V. Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Science. S. Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation; khramtsov1475@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.182.189>

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ С ТЕРРИТОРИИ ПРИКАМЬЯ¹

© 2023 г. М.Е. Шмырина

В работе представлен историографический обзор литературы, посвященной исследованию костяных изделий Прикамья. Исследование нацелено на рассмотрение всего комплекса историографических источников, которые могут отразить динамику изменений подходов к исследованию костяных изделий Пермского Предуралья. Было выделено три этапа в изучении костяных изделий. Первый этап характеризуется отсутствием строго-научного подхода и описательностью. Второй этап связан с созданием первых структурных работ по изучению косторезного дела, появившихся вследствие активного изучения археологических памятников средневековья на территории Прикамья. Современный этап включает исследования, посвященные различным категориям изделий, и зачастую связан с междисциплинарными исследованиями. В частности представлены работы по классификации костяных изделий, палеозоологическому анализу, анализу орнаментальных композиций.

Ключевые слова: археология, Прикамье, история изучения, костяные изделия, средневековье.

THE HISTORY OF THE STUDY MEDIEVAL BONE ARTEFACTS FROM THE CIS-KAMA TERRITORY²

M.E. Shmyrina

The paper presents a historiographical review of the literature devoted to the study of bone products of the Cis-Kama territory. The study is aimed at considering the entire complex of historiographical sources that can reflect the dynamics of changes in approaches to the study of bone products of the Perm Pre-Urals. There are three stages in the study of bone products. The first stage is characterized by the absence of a strictly scientific approach and descriptive. The second stage is connected with the creation of the first structural works on the study of bone-cutting, which appeared as a result of active study of the territory of Cis-Kama River. The current stage includes research on various fields, and is often associated with interdisciplinary research. In particular, works on the classification of bone products, paleozoological analysis, analysis of ornamental compositions are presented.

Keywords: archaeology, Prikamye, history of study, bone products, Middle Ages.

В настоящее время в науке не представлено отдельного исследования, посвященного истории изучения костяных изделий Пермского Предуралья и близлежащих территорий. Исключение составляют работы, рассматривающие сами костяные предметы, в которых приводится краткий историографический обзор. Ввиду накопленного значительного массива данных, рассмотрение истории изучения интересующей категории предметов является одной из первостепенных задач на современном этапе исследований. Целью данной статьи является анализ полного списка историографических источников, тематика кото-

рых затрагивает исследование средневековых костяных изделий Пермского Предуралья.

Специфика исследования костяных изделий Пермского Предуралья заключается в схожести предметов на широкой территории, в частности, наиболее близкие аналогии прикамским древностям находятся в чепецких и вятских материалах. Данный факт заставляет нас затрагивать работы не только пермских авторов, но и работы, посвященные сопредельным территориям.

Первый этап изучения костяных изделий можно охарактеризовать как описательный. Впервые археологическое изучение Пермско-

1 Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.).

2 The study was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Perm Region (Agreement no. C-26/1192 dated 19.12.2019)

го Предуралья начинается в середине XIX в. В это время происходит активный сбор археологических артефактов, инициированный С.Г. Строгановым, по представлению которого была основана Императорская археологическая комиссия. Значительный вклад в сбор археологических предметов внесли А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, работавшие в имениях графов Строгановых. Большая часть их коллекции была получена от местных крестьян.

Собранная коллекция впервые была опубликована А.А. Спицыным в атласе «Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых» (Спицын, 1902). В представленной работе приводятся, как изображения предметов, так и их периодизация. Периодизация А.А. Спицына основывается на специфике погребальных комплексов и кладов, аналогиях, в частности древнерусских, особенности техники изготовления предметов, а также методе исключения. Несмотря на то, что акцент в атласе сделан на изучение украшений, а также редких предметов, собранные костяные изделия были описаны и продатированы. В частности, наиболее архаичные формы костяных наконечников были отнесены к «древнейшему периоду». Наиболее искусно выполненные предметы, изготовленные из качественных материалов, относятся к более поздним периодам (Спицын, 1902, с. 28). В целом стоит отметить, что полной и структурной датировки и классификации костяных изделий в атласе не представлено.

С середины XIX в. бытует подход связанный исключительно с накоплением археологических предметов, их описанием и исследованием отдельных категорий. К сожалению, костяные изделия не становятся объектом подробного изучения. Отсутствует структурность и строгий научный подход в исследованиях.

Следующий этап в изучении костяных изделий связан в первую очередь с накоплением источниковой базы. Проведение значительного количества археологических изысканий повлекло за собой необходимость активного изучения предметов, которые зачастую являлись массовыми и не представляли значительного интереса для исследователей. Второй этап изучения костяных изделий связан либо с внешним описанием самих предметов, без составления подробных систем классифика-

ции, либо с исследованием самого процесса изготовления костяных предметов.

Одно из первых исследований, посвященных косторезному производству, было представлено Б.А. Рыбаковым в монографии «Ремесло Древней Руси» (Рыбаков, 1948). Автором был проанализирован комплекс костяных изделий, встреченных при раскопках древнерусских памятников. Б.А. Рыбаковым были рассмотрены основные категории изделий, а также сделаны выводы о выделении резчиков по кости на территории Древней Руси в отдельную категорию ремесленников к X веку, в виду специфики технологии изготовления костяных предметов (Рыбаков, 1948, с. 416).

Дальнейший интерес в науке также был связан с древнерусскими костяными изделиями, в частности в работе С.А. Изюмовой рассмотрена технология изготовления костяных предметов на достаточно широком отрезке времени: VI в. до н. э. — XIII в. н. э. (Изюмова, 1949). Автором были прослежены особенности изменения в технологии обработки кости: от наиболее примитивных подходов, к наиболее совершенным (Изюмова, 1949). Одной из наиболее важных заслуг исследования является представление результатов экспериментов по обработке костного сырья. В значительной части технология изготовления костяных предметов была восстановлена по аналогиям с традициями народов различных территорий в различные периоды истории, что позволило установить некую универсальность техники (Изюмова, 1949). Также в исследовании приводятся археозоологические определения, как отдельно представленных необработанных костей животных, так и костей из которых были изготовлены сами предметы. Данный факт можно считать одной из первых попыток применения междисциплинарности в изучении косторезного производства средневековья.

Интерес к косторезному делу Прикамья появляется во второй половине XX в. В 1951 году А.П. Смирнов приводит краткое описание косторезного производства на территории Прикамья, сравнивая его с болгарским. Автором отмечается, что в сравнении с территорией Волжской Булгарии, в Прикамье кость на протяжении длительного времени играла значительную роль в изготовлении предметов обихода (Смирнов, 1951). Рассматривая

комплекс костяных изделий Прикамья, автор приходит к выводу, что на рассматриваемой территории косторезное дело не выходит за рамки домашнего производства, ввиду разнообразия декоративного оформления предметов и примитивность обработки сырья. Проводя аналогии с болгарскими костяными изделиями А.П. Смирнов отмечает их высокохудожественное оформление и качество выбора костного материала (Смирнов, 1951).

В том же 1951 году были представлены краткие результаты изучения косторезного производства родановской археологической культуры в работе М.В. Талицкого (Талицкий, 1951, с. 52). В предложенном исследовании косторезное дело рассматривается как домашнее производство, о чем свидетельствуют разнообразие форм, орнаментации и качества выполнения предметов (Талицкий, 1951, с. 52). Исключение составляют роговые гребни, техника изготовления которых требует специализированного инструментария, присутствующего, вероятно, исключительно у ремесленников (Талицкий, 1951, с. 54).

В 1955 году В.А. Оборин представил исследование, посвященное костяной рукоятке с городища Анюшкар, имеющей нетипичное для прикамских вещей изображение, которое было интерпретировано, как реалистичная картина: «пашня, слабо заболоченная пойма Иньвы с заливными лугами, на которых пасется лошадь, используемая для обработки пашни». (Оборин, 1955). Данная работа стала одной из первых работ в Прикамье, посвященной самим костяным изделиям, а не технике их изготовления.

Наиболее структурное изучение костяных изделий с территории Пермского Предуралья было предложено также В.А. Обориным в кандидатской диссертации. Отмечается, что в IX – XII вв. обработка кости не выходила за рамки домашнего производства, но играла значительную роль в быту средневекового человека. Из кости были выполнены предметы, используемые почти во всех областях жизни средневекового человека. Технология изготовления костяных предметов представляется автором достаточно примитивной. Основным орудием являлся нож (Оборин, 1957, с.230). В XII – XV вв. косторезное производство трансформируется в ремесло, о чем свидетельствует, как расширение инструментария косторезов, так и совершенствование техни-

ки изготовления предметов (Оборин, 1957, с. 334). В.А. Оборин отмечает, что технология изготовления костяных предметов на территории Пермского Предуралья соотносима с древнерусской. Отмечается наличие токарного станка в Прикамье, с помощью которого могли изготавливаться наиболее качественные костяные предметы (Оборин, 1957, с. 335).

Небольшой очерк о характере косторезного производства в Прикамье был дан Р.Д. Голдиной в 1985 году в обобщающей монографии, посвященной ломоватовской археологической культуре (Голдина, 1985, с. 154). Отмечается, что для костяных изделий рассматриваемого периода, используемых в частности в быту, зачастую не характерна качественная обработка, лишь некоторые изделия могли подвергаться шлифовке. Украшения и предметы гигиены, для которых характерны наиболее качественная обработка, немногочисленны. Автор указывает, что у населения ломоватовской археологической культуры обработка кости не была столь популярна и распространена (Голдина, 1985, с. 154).

Значительный вклад в исследование костяных изделий внесла М.Г. Иванова. В своем диссертационном исследовании М.Г. Иванова отмечает, что для удмуртов средневековья характерно широкое распространение использования кости. Благодаря наличию в материалах поселенческих памятников большого количества, как самих костяных изделий, так и заготовок, и брака, становится возможным установить технику изготовления предметов (Иванова, 1996, с. 29). Автором была проведена работа по обобщению и представлению костяных изделий по группам (Иванова, 1980, с. 52-66). Внушительная коллекция костяных предметов городища Иднакар позволила сделать выводы о характере косторезного дела, как для самого поселения, так и для всего средневекового удмуртского населения.

М.Г. Ивановой была произведена одна из первых классификаций костяных изделий для рассматриваемой территории. Все предметы были условно разделены на две группы: не имеющих этнокультурной специфики и предметы в большей степени известные только на чепецких памятниках (Иванова, 1998, с. 155). Также автором была прослежена закономерность между орнаментальными композициями и предметами, на которые они нанесены. К примеру, на кочедыках чаще встречаются

флажковые узоры, на гребнях — циркульные, на ложках — точечные (Иванова, 1998, с. 189). Ввиду сопредельности территорий, а также схожести материальной культуры, возможно соотнесение данных о средневековых удмуртах с данными о средневековом населении Пермского Предуралья.

Современный этап исследования костяных изделий Прикамья в значительной части связан с работами А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и Г.Т. Ленц. Авторами приводятся не только внешние описания костяных изделий, но и формируются классификационные системы, проводятся палеозоологические анализы, а также рассматривается место костяных изделий в торговле и этнокультурных контактах.

В частности, Г.Т. Ленц отмечает, что ввиду дешевизны сырья косторезное производство существовало повсеместно на территории Пермского Предуралья. Отмечается существенное влияние на развитие косторезного дела со стороны Волжской Булгарии и Древней Руси, как в отношении технологии изготовления, так и видов декорирования (Очерки археологии..., 2002, с. 217).

Г.Т. Ленц была проделана фундаментальная работа по классификации изделий, исходя из их функционального назначения, включающая варианты датирования предметов в соответствии с датировками культурных слоев, а также аналогиями. Исследователем отмечается, в значительной степени косторезное дело не выходило за рамки домашнего производства, но в тоже время для ряда крупных центров возможно наличие мастерских, где ремесленники могли изготавливать костяные предметы для рынка (Очерки археологии..., 2002, с. 233). В частности, на городище Анюшкар фиксируются скопления костяных заготовок, которые могут свидетельствовать о наличии мастерской костореза на поселении (Оборин, Ленц, 2008, с. 13).

Г.Т. Ленц провела работу по восстановлению технологии изготовления костяных предметов, существовавшей на территории средневекового Пермского Предуралья. Были выделены основные технологические приемы, которыми пользовались средневековые косторезы (Ремесло и домашние производства..., 2017, с. 82). Автором отмечается, что наиболее распространенным приемом обработки кости являлось полное использование естественной формы сырья в конструкции

изделия. Также использовались частичное использование естественной формы в производстве, использование сырьевых осколков, системы раскроя и расщепления исходного сырья, обработка рогового сырья. Произведенные исследования показали, что системы раскроя и расщепления получают наибольшее распространение с рубежа XI-XII вв. (Ремесло и домашние производства..., 2017, с. 83). В отношении же рогового сырья предпочтение средневековых жителей Пермского Предуралья отдавалось рогу лося (Ремесло и домашние производства..., 2017, с. 83).

Г.Т. Ленц также был опубликован ряд работ, посвященных отдельным категориям костяных изделий. Автором было представлено исследование, посвященное гребням городища Анюшкар. Было выдвинуто предположение о том, что гребни могли являться как объектом импорта, так и продуктом местного производства. В большей же степени костяные и роговые гребни могли изготавливаться на территории самого городища, о чем указывает ряд косвенных факторов: набор орудий, для изготовления гребней, наличие заготовок (Ленц, 2004, с. 75).

Н.Б. Крыласовой были рассмотрены костяные изделия, как часть бытовой культуры средневекового населения Пермского Предуралья. Автором была отражена роль костяных изделий в повседневной жизни средневекового человека, специфика их использования, а также определен круг аналогий среди материалов средневековых археологических памятников Евразии (Крыласова, 2007). Благодаря применению метода математической статистики удалось установить, что такая категория предметов гигиены, как копоушки, характерны для погребальных комплексов исключительно ломоватовского периода (Крыласова, 2007, с. 205). Н.Б. Крыласовой выпущен также ряд специальных научных работ, посвященных определенным категориям предметов, в том числе рукоятям шильев (Белавин, Крыласова, 2010). В работе представлены аргументированные выводы о том, что распространение Т-образных рукоятей шильев берет истоки с территории Пермского Предуралья, о чем свидетельствуют наиболее ранние находки рассматриваемых костяных предметов (Белавин, Крыласова, 2010, с. 101). В исследовании, посвященном наборным расческам с футлярами, представлены

основные выводы, касающиеся происхождения рассматриваемой категории изделий на территории Пермского Предуралья. Автором отмечается, что наборные расчески, вероятно, являлись не собственно самим импортом, лишь сама идея технологических особенностей изготовления предметов была принесена извне, в частности с территории Руси (Крыласова, 2021, с. 89).

А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой была проведена работа по классификации и введению в научный оборот ряда костяных изделий, встреченных на памятниках Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008). В частности, произведенная классификация материала с комплекса средневековых памятников у села Рождественск Карагайского района Пермского края, в которую включены также костяные предметы, показывает значительную роль косторезного производства в жизни средневекового населения Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008).

В рамках изучения проблематики экономических и этнокультурных контактов средневекового населения Пермского Предуралья, ряд костяных изделий рассматривались А.М. Белавиным, в качестве импортных (Белавин, 2000). Выводы об импортном происхождении ряда предметов, выполненных, в том числе из кости, способствовали расширению знаний об этнокультурных контактах между населением Поволжья и Зауралья. К изделиям импорта Волжской Болгарии автор относит следующие группы: костяные орнаментированные щитки для защиты запястья при стрельбе из лука, рукояти нагаек (Белавин, 2000, с. 120), костяные гребни и расчески с футлярами (Белавин, 2000, с. 122), костяные накладки на сложный лук и налучья, костяные пуговицы, амулеты квадратной формы (Белавин, 2000, с. 123) и другие предметы. Андрей Михайлович отмечает, что ряд костяных предметов могли являться не собственно самим импортом, а подражанием первоначально импортным предметам (Белавин, 2000, с. 120).

Современный этап исследования костяных изделий связан с рассмотрением орнаментальных композиций. Е.А. Мавриной при исследовании костяных изделий Пермского Предуралья, в частности предметов туалета и украшений, были выделены основные виды декорирования. Исследователь подразделяет весь орнамент костяных изделий на три

группы: точечный, линейный и циркульный. Наибольшее распространение получил геометрический прямолинейный орнамент. Автором отмечается широкое распространение элементов косой решетки, ломаной линии, плетенки, шнурового мотива и других комбинации линейного орнамента (Маврина, 2015, с. 158). Произведенные аналогии указывают на сходство орнаментальных композиций чепецких и прикамских костяных изделий, но нельзя говорить о полной идентичности (Маврина, 2015, с. 158).

В настоящее время также активно разрабатываются исследования, посвященные отдельным категориям костяных изделий. Например, работу по изучению копоушек, как исторического источника, провела С.В. Салангина. Автором был определен круг функций, которые выполняли копоушки: санитарно-гигиенический и «украшательство». Полученная картина характеристик формы копоушек свидетельствует о наличии всеобщих «универсальных» навыков и определенных уникальных навыков, а также локальных традиций в формообразовании копоушек (Салангина, 2004, с.10).

Значительный вклад в исследования костяных изделий Прикамья внесли палеозоологические определения П.А. Косинцева и К.Ю. Коноваловой. Появились работы по определению видовой принадлежности животных, из частей скелета которых были изготовлены амулеты-натуралии (Крыласова, Косинцев, 2021), а также костяные украшения (Коновалова, Шмырина, 2021) средневекового населения Пермского Предуралья. Проведенные исследования показали, что средневековый человек использовал, как кости домашних животных, так и диких (Крыласова, Косинцев, 2021, с. 90).

Обобщающие работы о костяных изделиях и косторезном производстве Пермского Предуралья были представлены в ряде учебных пособий (Очерки археологии..., 2002), (Батуева и др., 2017). Указанные работы содержат не только обобщающие статьи Г.Т. Ленц о характере косторезного производства, но и ряд иных исследований, посвященных месту костяных предметов в материальной культуре, быту, а также этнокультурных связях средневекового человека (Очерки археологии..., 2002).

Таким образом, на сегодняшний день костяные изделия Пермского Предуралья не были подвергнуты полному и структурному анализу. Рассматривая костяные изделия, исследователи в значительной степени обращаются к материалам интересующих их памятников, или же к интересующим категориям изделий. Положительно повлияло на расширение знаний, как о самих костяных изделиях, так и косторезном производстве в целом, применение экспериментального метода, палеозоологические исследования, а также исследование орнаментальных композиций. В настоящее время накоплено достаточное количество источников, которые могут послужить основой для обобщающего исследования о костяных изделиях Пермского Предуралья.

ЛИТЕРАТУРА

Батуева Н.С., Белавин А.М., Бубнова Р.В., Вострокнутова Г.И., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т., Подосёнова Ю.А., Юркова Е.В. Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья: учеб. пособие. Пермь: ПГПУ, 2017. 138 с.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Рукояти шильев в угорских древностях // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий М.: Ломоносов, 2010. С. 97–102.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Иванова М.Г. Бытовые изделия из кости городища Иднакар // Народное искусство и художественные промыслы Удмуртии / Отв. ред. К.М. Климов Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980. С. 52–66.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

Иванова М.Г. Удмурты в эпоху средневековья (по материалам бассейна р. Чепцы конца I – начала II тысячелетия н. э.). Автореф. дисс... док. ист. наук. М., 1996. 48 с.

Изюмова С.А. Техника обработки кости в дьяконовское время и в Древней Руси // КСИИМК. Вып. 30. Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 15–25.

Коновалова, К.Ю., Шмырина М.Е. Костяные украшения и детали костюма из материалов средневековых поселенческих памятников бассейна р. Иньва // Труды КАЭЭ. Вып. 19 / ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2021. С. 112–118.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2006. 352 с.

Крыласова, Н.Б., Косинцев П.А. Амулеты-натуралии из костей млекопитающих в средневековом Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. История. 2021. Вып. 1 (52). С. 81–93.

Крыласова Н.Б. Наборные расчески с футляром в Пермском Предуралье: древнерусский импорт? // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Т. 1 / Отв. ред. Л. В. Татаурова. Сургут: Институт археологии Севера, 2021. С. 84–90.

Ленц Г.Т. Гребни городища Анюшкар // Путиями средневековых торговцев / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2004. С. 58–77.

Маврина Е.А. Особенности орнаментации костяных изделий средневековых памятников Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2015. С. 152–162.

Оборин В.А. Костяная рукоятка из Анюшкара (Крыласово) // КСИИМК. Вып. 57 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1955. С. 133–134.

Оборин В.А. Коми-пермяки в IX – XV вв. (Родановская культура). Дисс... канд. ист. наук. М., 1957. 404 с.

Оборин В.А., Ленц Г.Т. Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 10–15.

Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие для студентов и аспирантов / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2002. 253 с.

Салангина С.В. Копюшки как исторический источник (по материалам археологических памятников Восточной Европы). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2004. 19 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 792 с.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием члена Императорской археологической комиссии А.А. Спицына // МАР. Вып. 26. СПб.: Типография Безобразова, 1902. 109 с.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 33–96.

Информация об авторе:

Шмырина Мария Евгеньевна, специалист научного отдела, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); магистрант, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); mashah98@mail.ru

REFERENCES

Batueva, N. S., Belavin, A. M., Bubnova, R. V., Vostroknutova, G. I., Krylasova, N. B., Lents, G. T., Podosenova, Yu. A., Yurkova, E. V. 2017. *Remeslo i domashnie proizvodstva srednevekovogo Predural'ya (Craft and household productions of the medieval Cis-Urals)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A.M., Krylasova N. B. 2010. In *Kraeugol'nyy kamen': Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone: Archaeology, history, art, culture of Russia and neighboring countries)*. Moscow: "Lomonosov" Publ., 97–102.

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Ivanova, M. G. 1980. In Klimov, K. M. (ed.). *Narodnoe iskusstvo i khudozhestvennye promysly Udmurtii (Folk art and artistic crafts of Udmurtia)*. Izhevsk: Scientific Research Institute under the Council of Ministers of the UASSR, 52–66 (in Russian).

Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtское gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th – 13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ivanova, M. G. 1996. *Udmurty v epokhu srednevekov'ya (po materialam basseyna r. Cheptsy kontsa I – nachala II tysyacheletiya n. e.) (The Udmurts in the Middle Ages (based on the materials from the Cheptsy River basin at the end of the I-beginning of the II millennium AD))*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Izyumova, S. A. 1949. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 30. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 15–25 (in Russian).

Konovalova, K. Yu., Shmyrina, M. E. 2021. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 19. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 112–118 (in Russian).

Krulasova, N. B. 2006. *Arkheologiya povsednevnosti: material'nai kul'tura srednevekovogo Predural'ia (Archaeology of Everyday Life: Material Culture of the Medieval Cis-Urals)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B., Kosintsev, P. A. 2021. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istorii (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 52 (1), 81–93 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2021. In Tataurova, L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya Severa Rossii (Russian culture in archaeological studies: archaeology of the North of Russia)*. Surgut: Institute of Archaeology of the North, 84–90 (in Russian).

Lents, G. T. 2004. In Belavin, A. M. (ed.). *Putyami srednevekovykh torgovtsev (By the ways of medieval merchants)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 58–77 (in Russian).

Mavrina, E. A. 2015. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) X*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 152–162 (in Russian).

Oborin, V. A. 1955. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 57*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 133–134 (in Russian).

Oborin, V. A. 1957. *Komi-permyaki v IX – XV vv. (Rodanovskaya kul'tura) (Komi-Permyaks in the IX – XV centuries. (Rodanovo culture))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Oborin, V. A., Lents, G. T. 2008. In Krylasova, N. B. (ed.). *Vestnik muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 10–15 (in Russian).

Belavin, A. M. 2002. (ed.). *Ocherki arkheologii Permskogo Predural'ya (Essays on the archaeology of the Perm Cis-Urals)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Salangina, S. V. 2004. *Kopoushki kak istoricheskiy istochnik (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov Vostochnoy Evropy). (Ear picks as a historical source (according to the materials of Eastern Europe archaeological sites))*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevney Rusi (Craft of Ancient Rus)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (The Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1902. *Drevnosti Kamskoy chudi po kolleksii Teploukhovykh (Antiquities of the Kama Chud' People from the Teplouhovs collection)*. Series Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 26. Saint Petersburg: Bezobrazov Tipografy (in Russian).

Talitsky, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) III*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 33–96 (in Russian).

About the Author:

Shmynina Maria E. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; Perm State National Research University. Bukirev str., 15 Perm, 614068, Russian Federation; mashah98@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902(575)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.190.194>

МЕСТО ПАМЯТНИКОВ КУКАЯЗ 1-8 В КЛАССИФИКАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ МАСТЕРСКИХ КАМЕННОГО ВЕКА

© 2023 г. О.Т. Эргашев

Узбекистан занимает особое место в изучении мастерских каменного века на территории Средней Азии. Территория Узбекистана относится к регионам богатыми известными камнеобрабатывающими мастерскими древнекаменного века. Здесь встречены мастерские, относящиеся к разным этапам палеолита: Кызылалма 1 и 2, Джарсай, Гыштсай – в долине реки Ахангарана (Ташкентский оазис), Учтут, Иджонт и Вауш в долине реки Зарафшана, Есен 2, Шахпахты, Каракудук, Кукча, Султан-Уиздаг (пункты №23 и 24) – в Кызылкумах и Капчигай – в Ферганской долине. Но все они являются обычными мастерскими в собственном смысле. Стоянки Кукаяз 1-8 относятся к специализированным мастерским для производства уникальных изделий эпохи камня – бифасов-наконечников. В этом отношении данное местонахождение позволяет проследить эволюционное развитие палеолитических мастерских Центральной Азии накануне появления уникальных Учтутских шахт неолитического времени. Своеобразием отличается и техника расщепления Кукаязских мастерских. Здесь наряду с известными позднепалеолитическими способами расщепления, такими как одно-двуплощадочное, ортогональное, призматическое и клиновидное, зафиксирован совершенно новый способ раскалывания – способ расщепления «кукаязского типа», который занимает немаловажное место в развитии Кукаязских индустрий. В статье представлены особенности памятников Кукаяз 1-8 и новая классификация камнеобрабатывающих мастерских в Центральной Азии периода каменного века.

Ключевые слова: археология, первобытное производство, специализация, Кызылкум, Кукаяз, классификационная схема, индустрия, мастерские, палеолит, неолит.

PLACE OF KUKAYAZ 1-8 SITES IN THE CLASSIFICATION OF CENTRAL ASIAN STONE AGE WORKSHOPS

O.T. Ergashev

Uzbekistan takes a special place in the study of the Stone Age workshops in the Central Asia. The territory of Uzbekistan is the region rich in famous stone-working workshops of the ancient Stone Age. There are workshops belonging to different stages of the Paleolithic: Kyzylalma 1 and 2, Dzharsay, Gyshtsay – in the Akhangaran river valley (Tashkent oasis), Uchtut, Idzhont and Vaush in the Zarafshan river valley, Yesen 2, Shakhpakhty, Karakuduk, Kukcha, Sultan-Uizdag (points No. 23 and 24) – in Kyzylkum and Kapchigay – in the Ferghana Valley. But they are all ordinary workshops in the proper sense. Points Kukayaz 1-8 belong to specialized workshops for the production of unique items of the Stone Age – biface-points. In this respect, this discovery makes it possible to trace the evolutionary development of the Paleolithic workshops of Central Asia on the eve of the appearance of the unique Uchtut mines of the Neolithic period. The knapping technique of the Kukayaz workshops is also distinguished by its originality. Here, along with the well-known Late Paleolithic methods of knapping, such as one/two-platform, orthogonal, prismatic and wedge-shaped, a completely new method of knapping was revealed – the method of “Kukayaz type”-knapping, that takes an important place in the development of Kukayaz industries. The paper presents the features of Kukayaz 1-8 sites and a new classification of stone-working workshops in Central Asia during the Stone Age.

Keywords: archaeology, primitive production, specialization, Kyzylkum, Kukayaz, classification scheme, industry, workshops, Paleolithic, Neolithic.

Термин «мастерские» впервые был применен во второй половине XIX в. по отношению к европейским памятникам. Первоначально этот термин использовался для обозначения мест находок эпохи неолита, расположенных

вокруг каменоломен и шахт. Среди каменных инвентарей этих мест большую часть составляют так называемые «отходы и отбросы производства»: «краевые», «первичные», «полупервичные пластины», ядрища, камен-

ные куски и обломки. Однако когда впервые был использован этот термин, он применялся без обозначения чётких признаков того, к какому типу археологических памятников он принадлежал, и без отличий мастерских. Тем не менее распространённость подобных памятников для эпохи неолита определяется этнографическими параллелями, главным образом на основе данных горнорудных работ североамериканских индейцев.

Территория Центральной Азии является одним из регионов, в котором во множестве находятся камнеобрабатывающие мастерские каменного века. Большинство из них приходится на территорию Узбекистана. К их числу относятся обнаруженные в этих местах мастерские Капчигай (Ферганская долина), Каратау (Учтут, Иджонт, Вауш), Ахангаран (Кызылалма 1–4, Джарсай, Гиштсай и др.) и мастерская-стоянка Кызылкир (Кызылкум). Прошло более 40 лет со времени открытия и изучения этих памятников. За последние годы были заново изучены и получены ряд новых сведений на таких мастерских, как Кызылалма-2, Джарсай на территории Ахангарана. Кроме этого, выявлены такие новые мастерские, как Кукаяз 1–8, введение которых в научный оборот и определение их места в системе камнеобрабатывающих мастерских Центральной Азии стало актуальной задачей.

Со второй половины XX в. в Центральной Азии был обнаружен и изучен ряд камнеобрабатывающих мастерских и шахт. Во внутренней части Дангидары, относящейся к Алайскому хребту, были найдены и исследованы палеолитические мастерские Капчигай (Окладников, Касымов, Конопля, 1964, с. 5–11), в южных предгорьях Каратау – Учтут, Вауш и Иджонт, и, наконец, неолитическая стоянка-мастерская Кызылкир на южной окраине Кызылкума (Касымов, 1965, с. 30–39).

В этих мастерских, имеющих важное значение для изучения культурной, экономической и общественной жизни первобытных людей, экспедиция Института истории и археологии Академии наук Узбекистана в течение нескольких лет проводила исследования совместно с учёными Санкт-Петербургского отделения института археологии РАН (1951–1961 гг.). В них непосредственное участие принимал М.Р. Касимов. Полученные результаты нашли отражение в его кандидатской

диссертации, ряде статей и монографий (Касымов, 1972, с. 4–16).

До этого времени в мировой литературе не было ни одного монографического исследования, посвященного камнеобрабатывающим мастерским эпохи палеолита.

Однако в середине прошлого века методы исследования камнеобрабатывающих мастерских перестали отвечать сегодняшним требованиям. При их изучении внимание в основном уделялось архаическим признакам. Современные методы изучения в таких исследованиях предполагают акцентировать внимание в основном на прогрессивных элементах индустрии. Как известно, основную часть предметов, которые находят в камнеобрабатывающих мастерских, составляют отходы производства. В этих мастерских для изготовления каменных орудий или их форм первобытные мастера выносили в отходы много осколков, и это всё осуществлялось с использованием грубой, примитивной техники. Исходя из этого, архаичный вид этих отходов не определяет древность мастерских. При датировке изученных мастерских в прошлом веке внимание в основном уделялось этому архаичному виду. Известно, что в малочисленных в полном смысле этого слова мастерских изготавливались каменные орудия труда. Но готовые каменные орудия отправлялись отсюда на стоянки, и только в некоторых случаях оставленные по каким-то причинам готовые орудия и техника для расщепления камней должны быть основным фактором при датировке этих памятников. Кроме этого, были допущены ряд недостатков в типологии серий отдельно взятых каменных орудий (наконечники стрел, скребки, нуклеусы и др.). Недостаточно освещены культурные особенности технокомплексов в мастерских.

В Узбекистане обнаружены мастерские раннего, среднего и позднего палеолита и неолита. Такая ситуация позволяет проследить эволюцию развития мастерских.

Зарафшанский оазис в этом отношении занимает особое место. До недавнего времени были известны лишь мастерские, выявленные в предгорьях Каратау Зарафшанского оазиса. За последние годы открытие памятников Кукаяз 1–8 на территории Кызылкума восполнило недостающее звено в системе эволюции камнеобрабатывающих мастерских в нашей стране. Осенью 1999 г. узбекско-француз-

ская международная геолого-археологическая экспедиция проводила исследовательские работы в Кукаязской впадине, которая находится в северо-восточной части Центрального Кызылкума. Участник этой экспедиции, ведущий научный сотрудник Института археологии АН РУз М.М. Ходжаназаров в трех пунктах на северном побережье Кукаязской впадины собрал около 100 предметов из камня (Хужаназаров, Сайфуллаев, 1999, с. 26–28). В результате дальнейших исследований на территории, протянувшейся на 15 км от северного побережья Кукаязской впадины, было обнаружено ещё пять мастерских. По своему местоположению мастерская Кукаяз-1, открытая в 1999 г., соответствует отмеченному в наших исследованиях пункту Кукаяз-1. А пункт Кукаяз-2 аналогичен нашему Кукаяз-7; Кукаяз-3 – нашему Кукаяз-8 (Эргашев, 2014, с. 28).

В проведенных научных работах камнеобрабатывающие мастерские первобытного периода Средней Азии определялись по двум основным критериям. Это, во-первых, больший объём отходов производства в сравнении с бытовыми комплексами (в мастерских Средней Азии соотношение этого показателя составляет 3–10% к 97–90%), во-вторых, непосредственная близость мастерских к источникам сырья. В этих местах обнаружены мастерские раннего, среднего и позднего палеолита, а также неолита. Такая ситуация позволяет проследить эволюцию развития мастерских.

Известно, что памятники каменного века делятся на две большие группы: стоянки и камнеобрабатывающие мастерские.

На стоянках имеются очаги (иногда остатки домов), кухонные отходы, каменные и костяные предметы и т. д.

Классификация камнеобрабатывающих мастерских каменного века Центральной Азии была осуществлена М.Р. Касымовым и Л.Я. Крижевской (Касымов, Крижевская, 1969, с. 265–268). Классифицируя эти камнеобрабатывающие мастерские, они предсказывали, что «...эта классификация не вечна и дальнейшие исследования на территории Центральной Азии могут внести в нее изменения и уточнения» (Касымов, Крижевская, 1969, с. 265–268). Ниже мы сочли необходимым представить классификацию централь-

ноазиатских мастерских, разработанных М.Р. Касымовым и Л.Я. Крижевской.

Специалисты подразделяли каменные мастерские на два типа: стоянки-мастерские и непосредственно мастерские. В свою очередь стоянки-мастерские также делятся на две группы:

К первой группе относятся места находок, расположенные в непосредственной близости от каменных копей. Занятия обитателей таких мастерских заключались в основном в добыче сырья, первичной и отчасти вторичной обработке камней.

Вторая группа стоянок-мастерских отличается от первой тем, что они расположены вдали от сырьевых рудников. Жители таких мастерских приносили на стоянки сырье со стороны и здесь полностью его обрабатывали.

Характерной чертой обеих групп стоянок-мастерских является наличие, наряду с первично обработанными камнями, предметов быта, свидетельствующих о сезонном или постоянном заселении этих мест людьми.

Для мастерских, где непосредственно занимались обработкой камней, характерно обилие предметов, связанных только с производством орудий. Признаки долговременного проживания человека в этих местах не встречаются. Такие мастерские обычно располагались вблизи месторождений определённых горных пород, пригодных для изготовления орудий труда. По характеру производственной деятельности людей эти мастерские подразделяются на два типа:

К первому типу относятся непосредственно сами мастерские – места, где обрабатывались камни и изготавливались заготовки в виде грубых отщепов. В этих местах в эпоху палеолита и неолита сырье добывали простым или открытым способом. Начиная с периода неолита сырье добывали путём рытья ям, колодцев и шахт (Ergashev, 2017, с. 326–342).

В отличие от первого типа непосредственно в самих мастерских второго типа велась не только первичная обработка камней, но и производились специализированные типы орудий. По характеру обработки того или иного орудия труда памятники этого типа подразделяются на несколько видов мастерских, где изготавливались топоры, небольшие скребки, наконечники копий и т. д.

Таблица 1. Классификация центральноазиатских мастерских
Table 1. Classification of Central Asian workshops

Мастерские, непосредственно занимавшиеся обработкой камня	Специализированные мастерские	Мастерские-стоянки	Шахты, ямы
Капчигай, Ахангаран (Кызылалма 1-4, Джарсай, Гиштсай, Уваксай), Каратау (Учтут, Иджонт, Вауш), горы Султан-Увайс, Кукча	Кукаяз 1-8	Самаркандская стоянка, Кызылкир	Учтут, Гиштсай 2
Ранний палеолит-неолит	Поздний палеолит	Поздний палеолит-неолит	Неолит

По утверждению авторов, такая «специализация» характерна для эпохи неолита. В эпоху палеолита таких мастерских ещё не было. Такое положение объясняется не малоизученностью палеолитических мастерских, а тем, что уровень общественного разделения труда в эпоху палеолита только начал зарождаться (Касымов, Крижевская, 1969, с. 265–268). В эпоху неолита в производстве произошла большая дифференциация, которая была связана с более детализированным и усовершенствованным разделением труда. Такое положение нашло своё отражение в разнотипности памятников.

Маловероятно, что в период палеолита существовали стоянки-мастерские, «домашние» мастерские или мастерские «специализированного значения». Хотя В.П. Любин предполагает, что такие мастерские могли существовать и в период мустье (Любин, 1965, с. 55–56).

К эпохе неолита мастерские вместе с социальными последствиями в форме всех видов интенсивного разделения труда, происходящих из производственных процессов, обрели завершённую картину. Это находит своё отражение в обмене, который, в свою очередь, ведет к дальнейшему развитию производительных сил.

Ниже мы попытаемся разделить каменнообрабатывающие мастерские каменного века Центральной Азии на классификационные типы (табл. 1).

Как видно из таблицы, в Центральной Азии существовали три типа мастерских по обработке камня (сырьё добывалось открытым способом) и два вида способов добычи (шахтный и ямный).

На сегодняшний день среди специалистов единого мнения по вопросу о датировке мастерских Кукаяз не имеется, однако обнаружение мастерских Кукаяз 1–8, специализировавшихся на изготовлении бифас-наконечников, явление редкое (Эргашев, 2014, с. 4–11). Как уже отмечалось выше, появление специализированных мастерских было связано с достаточно сложными условиями разделения труда (обмена), которые встречаются во всем мире только с эпохи неолита.

Кроме этого, до настоящего времени встречались специализированные мастерские, ориентированные на производство только одного типа орудия, и в них не встречались отходы другого производства (Касымов, Крижевская, 1969, с. 265–268). А в мастерских Кукаяз 1–8 отходы производства и другие типы каменных орудий встречаются в достаточной степени.

Таким образом, открытие и введение в научный оборот мастерских Кукаяз 1–8 изменили классификацию центральноазиатских мастерских. Мастерские Кукаяз (1–8) считаются памятником, специализировавшимся в Центральной Азии на производстве бифас-наконечников

ЛИТЕРАТУРА

Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т. Капчигайская палеолитическая мастерская // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Шишкин. Ташкент: АН УзССР, 1964. С. 5–11.

Касымов М.Р. Новые данные о Каратауских кремнеобрабатывающих мастерских каменного века в Бухарской области. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 6. / Отв. ред. Б.В. Лунин. Ташкент: АН УзССР, 1965. С. 30–39.

Касымов М.Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент: Фан, 1972. 159 с.

Касымов М.Р., Крижевская Л.Я. О классификации кремнеобрабатывающих мастерских // СА. 1969. № 1. С. 265–268.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. Т. 5 / МИА. № 131 / Ред. П.И. Борисовский. М.; Л.: АН СССР, 1965. С. 55–56.

Хужаназаров М., Сайфуллаев Б. Новые палеолитические памятники в Северо-Восточных Кызылкумах // Материалы конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Рустама Хамидовича Сулайманова, доктора исторических наук, «Согд в системе культурных связей Центральной Азии». Самарканд, 1999. С. 26–28.

Эргашев О.Т. Кўкаёз ботиғининг тошга ишлов бериш устахоналари. Самарканд: Фан, 2014. 28 с.

Ergashev O.T. Nouvel atelier tailler neolithique // Qushtut 1. L'antropologie" Paris. 2017, 121. С. 326–342

Информация об авторе:

Эргашев Одил Турсунович, PhD, доцент, заведующий кафедрой археологии, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); odil.arxeolog@mail.ru

REFERENCES

Okladnikov, A. P., Kasymov, M. R., Konoplya, P. T. 1964. In Shishkin, V. A. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 5. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 5–11 (in Russian).

Kasymov, M. R. 1965. In Lunin, B. V. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 6. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 30–39 (in Russian).

Kasymov, M. R. 1972. *Kremneobrabatyvayushchie masterskie i shakhty kamennogo veka Sredney Azii (Flint-working workshops and mines of the Stone Age in Central Asia)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Kasymov, M. R., Krizhevskaya, L. Ya. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 265–268 (in Russian).

Lyubin, V. P. 1965. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. (Paleolithic and Neolithic of USSR)* 5. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 131. Moscow-Leningrad, 55–56 (in Russian).

Khuzhanazarov, M., Saifullaev, B. 1999. In *Sogd v sisteme kul'turnykh svyazey Tsentral'noy Azii (Sughd in the system of cultural relations of Central Asia)*. Samarkand, 26–28 (in Russian).

Ergashev O.T. 2014. *Kўkaёz botiғining toshga ishlov berish ustakhonalari (Kўkaёz ботиғининг тошга ишлов бериш устахоналари)*. Samarkand: "Fan" Publ. (in Uzbek).

Ergashev O.T. 2017. In *Qushtut 1. L'antropologie*" Paris. (121), 326–342 (in French).

About the Author:

Ergashev Odil T. PhD, Assistant Professor. Head of the Department of Archaeology, Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; odil.arxeolog@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

Проблемы изучения, охраны и музеефикации памятников археологии в городском пространстве

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.195.210>**ПОСТНИКОВ ОВРАГ III: ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКА**

©2023 г. Л.В. Кузнецова

В сентябре 2022 г. исполнилось 100 лет, с того момента, когда М.Г. Маткин, член Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете, обнаружил на территории г. Самары в устье Постникова оврага каменные орудия и фрагменты керамики. Самым древним местонахождением в устье Постникова оврага является так называемая «Мастерская III. Кострище 2». Нижний его горизонт по ряду признаков относится к эпохе верхнего палеолита: он залегал в нижней толще позднеплейстоценового суглинка, демонстрировал позднепалеолитическую технику скола и типичный для верхнего палеолита набор орудий труда. Над ним было обнаружено еще два горизонта залегания культурных остатков – мастерские по расщеплению каменного сырья. Средний слой был приурочен к верху покровного суглинка, а верхний – к границе суглинка и чернозема. Сравнительный технологический анализ каменного инвентаря всех трех горизонтов позволяет проследить тенденцию смены техник скола от верхнепалеолитической к мезолитической и высказать предположение, что этот переход произошел в Самарском регионе в финальнопалеолитическое время.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, верхний палеолит, мезолит, Постников овраг III, мастерские по расщеплению каменного сырья, техника скола.

POSTNIKOV RAVINE III: STAGES OF SETTLEMENT OF SITE

L.V. Kuznetsova

In September 2022, the 100th anniversary was celebrated when M.G. Matkin, a member of the Society of Archeology, History, Ethnography and Natural Sciences at Samara University, discovered stone tools and ceramics fragments on the territory of Samara at the mouth of the Postnikov ravine. The oldest location at the mouth of the Postnikov ravine is the so-called Workshop III Fire Pit 2. Its lower horizon belongs to the Upper Paleolithic era by a number of signs: it laid in the lower thickness of Late Pleistocene loam, demonstrated late Paleolithic flaking technique and a set of tools typical of the Upper Paleolithic. Two more horizons of cultural remnants were found above it – workshops for splitting stone raw materials. The middle layer was confined to the top of the cover loam, and the upper layer was confined to the border of loam and humus soil. A comparative technological analysis of the stone inventory of all three horizons allows us to trace the trend of the change of flaking techniques from the Upper Paleolithic to the Mesolithic and make the assumption that this transition occurred in the region in the Final Paleolithic time.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Upper Paleolithic, Mesolithic, Postnikov ravine III, workshops for splitting stone raw materials, chipping technique.

В 2022 г. исполнилось 100 лет с момента открытия археологического памятника Постников овраг. В сентябре 1922 г. член Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете М.Г. Маткин обнаружил в устье Постникова оврага каменные орудия и керамику (Гольмстен, 1924, л. 27). С того самого момента М.Г. Маткин уже не оставлял памятник без внимания. По данным наблюдений 1923–1933 гг. он составил карту местонахождений, включающую 11 пунктов находок в разных частях

оврага (рис. 1: 1). В те годы это была северная окраина города, ныне овраг находится в черте г. Самары.

В 1923 г. самарский краевед К.П. Головкин открыл место залегания каменных орудий на левом берегу оврага, в слое суглинка, местонахождение получило название Пункт I. После этого открытия в 1924–1926 гг. В.В. Гольмстен с учениками проводила на памятнике раскопки. В 1926 г. в них принял участие археолог П.П. Ефименко (Ефименко, 1926, с. 319). В публикации материалов памятника

В.В. Гольмстен (Гольмстен, 1928, с. 125–129) выделила три слоя каменного века, отметив самый древний из них, содержащий костяные орудия и остатки мамонтовой фауны. Материалы нижнего слоя Постникова оврага (получившего название «Пункт III. Кострище 2») заинтересовали известного российского археолога В.А. Городцова. В 1929 г. он предпринял здесь раскопки и констатировал в полевом дневнике, что этот слой можно отнести «к поздней поре палеолитической эпохи» (Городцов, 1929, л. 38). Позднее в публикациях А.Х. Халикова (Халиков, 1969, с. 7), Л.В. Кузнецовой и Т.Ю. Скуповой (Кузнецова, Скупова, 1987, с. 5–7) его выводы были подтверждены.

При изучении коллекций Постникова оврага, хранящихся в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, а также инвентарных книг выяснилось, что Пункт III не является однослойным памятником. Это обстоятельство позволило еще раз обратиться к его материалам и изучить более тщательно.

В заметках В.А. Городцова описано обнаружение местонахождения «Пункт III. Кострище 2»: «В 1926 году, 28 июня, М.Г. Маткин нашел в обрыве берега, на глубине 2,78 м, следы кострища, названного им кострищем №2, обозначенным обожженной докрасна глиной» (Городцов, 1929, л. 28). В 1927 г. М.Г. Маткин составил план разреза берега, из которого следовало, что в данном месте (рис. 1: 2) находки залегают в трех горизонтах: нижний слой – в суглинке, в подошве разреза, средний слой – в суглинке, отделенном от нижнего слоя более чем полуметровой толщиной, а верхний слой – на границе суглинка и чернозема.

Из инвентарных книг следует, что в 1928 г. М.Г. Маткин заложил в данном месте, вдоль обрыва к реке, траншею (площадь ее – не известна) и зафиксировал, что находки нижнего слоя залежали на глубине 235–262 м, среднего слоя – на глубине 185 см, а верхнего слоя – на глубине 67–79 см.

В 1929 г. В.А. Городцов прирезал небольшой раскоп к месту траншеи М.Г. Маткина 1928 г. К сожалению, материалы из раскопок нижнего слоя В.А. Городцова в коллекции музея отсутствуют, имеется только небольшая коллекция из раскопок среднего и верхнего слоев. В дневнике он описал следующую стратиграфию слоев: «Сверху вниз: А

– слой чернозема, спланированный на толщину 0,42 м для хозяйственной надобности; В – чернозем – толщина – 0,63 м; С – красновато-бурый суглинок, к низу принимающий желто-бурю окраску, толщина – 1,40 м; D – галечник – с глубины 2,55» (Городцов, 1929, л. 33–35).

Он зафиксировал единый слой суглинка под черноземом, отмечая, что сверху он был красновато-бурый, в средней части – светлел, а внизу – становился желтоватым.

Находки нижнего культурного слоя, по В.А. Городцову, были приурочены к нижнему уровню суглинка (С) и сопровождалась прокаленной глиной кострища. Два верхних культурных слоя были приурочены к верхней и средней части суглинка.

В.А. Городцов писал: «В черноземе никаких памятников человеческой жизни не было найдено. На глубине 1,06 м, считая от нормальной, а не спланированной поверхности, в красно-буром суглинке найдены: ножевидная кремневая пластина и три небольших осколка.

На глубине 1,68 м, в красноватом более светлом суглинке, найдены: три небольших кремневых нуклеуса, один большой кремневый скребок с грубой зубчатой ретушью, двенадцать тонких ножевидных кремневых пластинок, двенадцать кремневых осколков разных форм и чрезвычайно любопытная кремневая терка (курант) с отшлифованной гранью для растирания, вероятно всего, красок.

На глубине 2 м найдены: большой кремневый скребок с грубой зубчатой ретушью, концевой кремневый скобель, пять ножевидных кремневых пластинок, боковой отщеп от большого резца, сто тридцать восемь осколков более или менее неправильной формы, кость небольшого животного с обломанными концами и недостаточно ясными следами ее обработки, покрытая темно-бурыми дендритами, и, наконец, много мелких, сильно обгнанных обломочков костей животных.

На глубине 2,25 м найдены: нуклеидный резец из черного кремня, кремневый высокий скребок, два кремневых ножевидных осколка, кремневый отщеп от небольшого резца черного цвета и тридцать три кремневых осколка. Все описанные вещи лежали в одном горизонте; между ними наблюдались участки покрас-

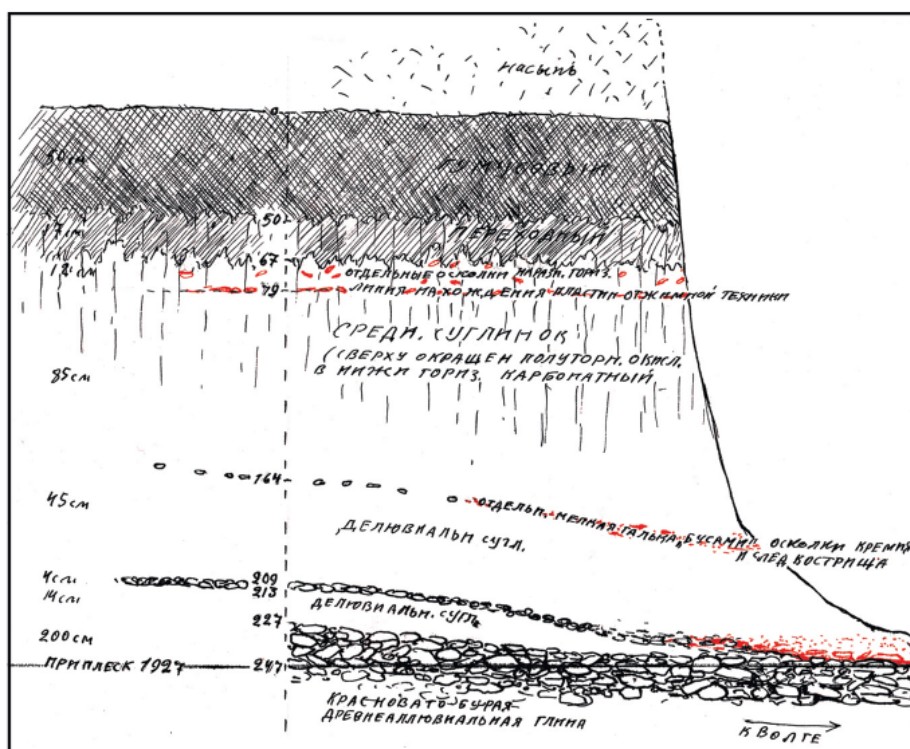
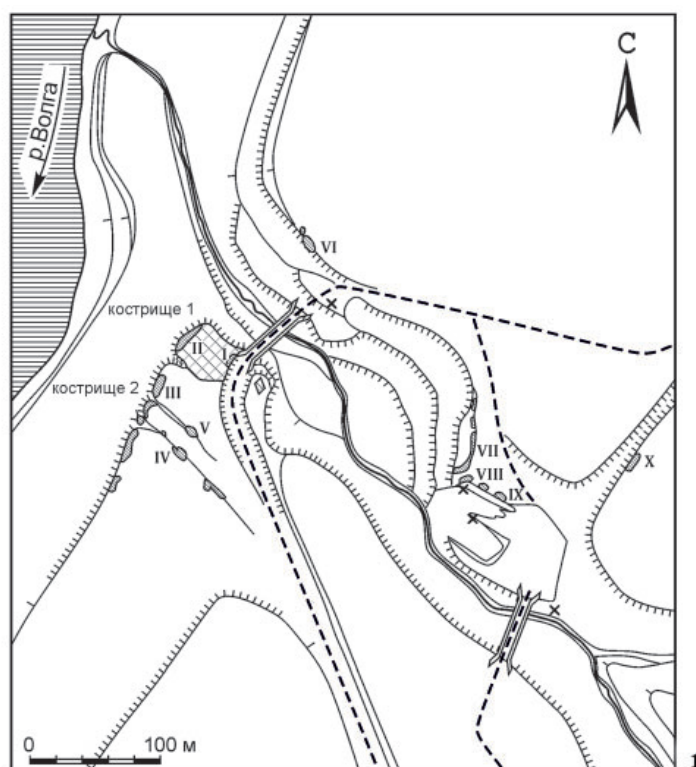

Рис. 1. 1 – схематическая карта устья Постникова оврага (по М.Г. Маткину, 1933 г.) Римскими цифрами обозначены места находок.; 2 – стратиграфический разрез берега местонахождения Постников овраг III.

Автор – М.Г. Маткин, 1927 г.

Fig. 1. I – schematic map of the mouth of the Postnikov ravine. Author – M.G. Matkin, 1933. Roman numerals indicate the places of finds. II – stratigraphic section of the coast of the location of Postnikov ravine III.

Author – M.G. Matkin, 1927.

невшей глины от влияния огня: очевидно в этом месте зажигался костер.

На глубине 2,45 м, в горизонте кострища №2, открытого в 1926 г. М.Г. Маткиным, в желтоватом суглинке найдены: Девять кремневых ножевидных пластинок микролитических типов, ножевидная кремневая пластинка более крупных размеров, пять кремневых ножевидных пластинок еще более крупных размеров, кремневый скобель и сто двенадцать кремневых осколков, преимущественно малых размеров. Наряду с этими вещами во многих пунктах находились мелкие угольки и наблюдались покрасневшие участки глины от влияния огня, а также остатки мелких косточек животных и рыб» (Городцов, 1929, л. 35–37).

К сожалению, большие утраты материалов местонахождения Постников овраг III относятся именно к нижнему слою. Отсутствует часть каменных артефактов и полностью – костяные орудия и фаунистический материал.

Сырье. Для расщепления использовался разноцветный кремнь местного происхождения. Основная часть происходила из толщи пермских отложений (они слагали правобережье оврага). Кремневое сырье разделялось на плитчатое и галечное конкреционное. Конкрекции были покрыты белесой мергелистой рыхлой коркой (рис. 2: 8). По цветовой гамме этот вид кремня варьировал от светло-серого до темно-серого (рис. 2: 3, 4, 6, 7). В пермских отложениях встречаются особо плотные, т. н. «волжские агаты», имеющие разноцветные прожилки внутри ядрищ. Как правило, этот материал в меньшей степени использовался древними мастерами, видимо, из-за трудоемкости его расщепления.

В единичных случаях на пляже р. Волги подбирался материал не местного происхождения: разноцветный кремнь в основном более темного цвета, нежели пермский, и более плотный и однородный по структуре. Он представлен яшмовидным кремнем (рис. 2: 5) и мелкозернистым кварцитом. Галечная корка у последнего – тонкая (рис. 2: 1). Г.Ф. Мирчинк отмечал, что аллювий волжских террас содержит большое количество галечных пород разного генезиса, в том числе и гальки уральских пород (Мирчинк, 1932, с. 42). Поэтому не следует искать прямых контактов населения Поволжья и Приуралья. Кремневые гальки и желваки, в большом количестве разбросанные вдоль уреза воды, – это размываемые аллюви-

альные отложения, выносимые в половодья и отсортированные на отмелях.

В верхнем слое Постникова оврага III к местному кремню присоединяется привнесенный компонент – меловой кремнь коричневатого цвета. Выходы его известны на правом противоположном берегу р. Волги, южнее Самарской Луки (рис. 2: 2). Еще один вид сырья, встреченный на памятнике, – окремнелый известняк (рис. 2: 9), который не отличается твердостью.

Нижний горизонт. Пункт III. Кострище 2. Из известных местонахождений в овраге – нижний горизонт – «Постников овраг III. Кострище 2» являлся не только мастерской по расщеплению каменного сырья, но и временной стоянкой. Здесь встречены остатки кострища в виде прокаленной глины и угля, «обугленные мелкие косточки грызунов, рыб, зубы лося (?), зубы хищника (волка), мелкие обломки бивня мамонта, ракушки сухопутные и речные, обломок иглы из мамонтовой кости с просверленным ушком, кружок вырезанный из ракушки (около 1,5 см)» (Городцов, 1929, л. 28). К сожалению, изделия из кости и раковины сохранились только на рисунках в публикации В.В. Гольмстен (Гольмстен, 1929, с. 129).

Место, выбранное для стоянки у воды и вблизи доступного каменного сырья, являлось, с одной стороны, мастерской по первичному производству пластинчатых заготовок – в коллекции имеется большой процент нуклеусов, краевых и реберчатых сколов, отбойников, технических отщепов и пластин, которые составляют 64% всего каменного инвентаря. С другой стороны, здесь найден достаточно разнообразный набор орудий со вторичной обработкой. В таблице 1 представлены все категории изделий из камня.

На многих изделиях имеется известковый налет в виде твердой корки.

В коллекции имеются изделия, являющиеся вспомогательными инструментами для подготовки каменного сырья к расщеплению и его вторичной обработки. Это гальки с характерными следами ударов на гладких концах, одна из них имеет заостренную сколами вершину (рис. 3: 1) и крупная оббитая плитка с поперечным лезвием, несущим следы забитости (рис. 3: 3).

Нуклеусы и пренуклеусы (рис. 3: 2) изготовлены как на желваках и плитках, так и

Таблица 1. Нижний горизонт. Пункт III. Кострище 2. Изделия из камня.
Table 1. Lower horizon. Point III. Fireplace 2. Stone products

Категории изделий	Кол-во
Нуклеусы:	32
– плоские	7
– торцовые	13
– подпризматические	12
Пренуклеусы и обломки	2
Ребристые пластины	14
Сколы подправки площадки нуклеуса	6
Фронтальные сколы	6
Краевые сколы	26
Отщепы	50
– первичные и полупервичные	26
Пластины и их фрагменты	28
– полупервичные целые и фрагменты	12
– пластины	6
– пластинчатые отщепы	1
– технические	9
ИТОГО по первичному расщеплению	164
Резцы	10
Скребки	3
Пластинки с притупленным ретушью концом	6
Пластины с ретушью	3
Сечения крупных пластин	6
Отщепы с ретушью	4
Фрагменты орудий	2
ИТОГО орудий	40
Ретушер на плитке	1
Отбойник-ретушер на гальке	1
Галька-бифас	1
Оббитая галька-ретушер	1
ИТОГО вспомогательных инструментов	4
Желвак кремня	1
ВСЕГО	209

на галечном сырье. Нуклеусы представлены тремя разновидностями – плоскими, торцовыми и подпризматическими (в том числе ортогональными). Все они несут фасетки для снятия пластин. Ударные площадки нуклеусов расположены обычно под острым углом к плоскости расщепления, они гладкие или фасетированные, часто имеются сбитые кромки по краю ударных площадок – свидетельство технического приема редуцирования. Таким образом, налицо типично верхнепалеолитическая техника скола с применением посредника-отбойника.

Плоские (рис. 4: 1, 3) и торцовые нуклеусы (рис. 4: 4, 5, 6) имеют четкую морфологическую конфигурацию, тогда как подпризматические нуклеусы оформлены более небреж-

но, часто имеют несколько перекрестных плоскостей расщепления (рис. 4: 2). Обилие сырья позволяло древнему мастеру небрежно подготавливать край ударной площадки, и тогда импульс удара «завязал», образуя ступеньку и этот нуклеус отправлялся в отходы производства (рис. 4: 4). Значительную по численности часть коллекции составляют краевые сколы, сколы подправки площадок нуклеусов, первичные и полупервичные пластины, технические пластинчатые сколы (рис. 5: 1–9, 12–19, 21). Основной заготовкой для изготовления орудий служили ножевидные пластины (рис. 5: 10–11, 20, 22). Они обычно имели гладкие ударные площадки, не отличались большой длиной, в среднем 4,0 – 5,5 см, при ширине 1,5 – 1,8 см и высоте – 0,4

Рис. 2. Образцы каменного сырья местонахождения Постников овраг III

1 – мелкозернистый кварцит; 2 – меловой кремь; 3, 4, 6–8 – кремь пермских отложений; 5 – яшмовидный кремь; 9 – кремнистый известняк

Fig. 2. Samples of stone raw materials of the location of Postnikov ravine III.

1 – fine-grained quartzite; 2 – cretaceous flint; 3, 4, 6–8 – flint of Permian deposits; 5 – jasper-shaped flint; 9 – siliceous limestone

см. Наблюдаются следы редуцирования по кромке площадки.

Скребков в коллекции не много – 3 экз. Это концевые скребки на пластинах с обломанным основанием и скребок с выпуклым лезвием на первичном отщепе (рис. 6: 4–6). Самую многочисленную группу орудий составляют резцы – 10 экз. (рис. 7: 1–7; рис. 2: 8). Чаще встречаются изделия на углу сломанной пластины или отщепа, реже – срединные и ретушные.

Небольшую серию – 6 экз. составляют пластины с усеченным ретушью концом –

прямыми или вогнутыми в плане (рис. 8: 5–9, 13). Немногочисленными экземплярами представлены – нож с ретушированным выпуклым обушком (рис. 8: 12), отщепы с ретушью (рис. 8: 3), пластины с ретушью и ретушью утилизации (рис. 8: 1, 4, 10, 11), краевой скол с ретушью (рис. 8: 14), фрагмент (сектор) орудия – унифаса (рис. 2: 5; 8: 2).

Заметную роль в инвентаре памятника играет серия крупных пластин из темного кремня хорошего качества. Это намеренно фрагментированные изделия, с намеренной

Таблица 2. Средний горизонт. Пункт III. Изделия из камня.
Table 2. Average horizon. Point III. Stone products.

Категории изделий	Кол-во
Нуклеус	1
Нуклевидный осколок	1
Скол подправки площадки нуклеуса	1
Скол подправки фаса нуклеуса (боковой)	1
Пирамидальный осколок	5
Осколок	4
Галька осколок	1
Отщеп	12
Скребок	1
ВСЕГО	27

ретушью или ретушью утилизации, вероятнее всего, служившие составными лезвиями вкладышевых (составных пазовых) орудий (рис. 9–I: 1–7).

Известно, что нижний культурный слой содержал не только орудия из камня, но и костяные орудия и орудия из раковин. К сожалению, они были утеряны и известны нам только по рисунку из публикации В.В. Гольмстен (Гольмстен, 1929, с. 129). Это обломок костяной иглы (рис. 6: 1), кружок из раковины (рис. 6: 2) и фрагмент орудия из кости или рога с нарезками по торцу (рис. 6: 3).

кремень сероватого цвета. На поверхности каменных изделий практически нет известкового налета.

Коллекция небольшая. Это – нуклеус на осколке гальки ладьевидной формы, с гладкой перпендикулярной ударной площадкой и фасетками снятия коротких отщепов с двух противолежащих фронтов (рис. 2: 7; 9–II: 1). Основная масса артефактов представлена осколками и короткими отщепами (рис. 9–II: 2–4). В коллекции среднего горизонта отсутствуют пластины. Из орудий со вторичной обработкой имеется небольшой концевой

Таблица 3. Верхний горизонт. Пункт III. Изделия из камня.
Table 3. Upper horizon. Point III. Stone products.

Категории изделий	Кол-во
Нуклеусы	7
Пренуклеусы	3
Нуклевидные осколки	3
Фронтальный скол с ретушью утилизации	1
Гальки оббитые	4
Краевые сколы	4
Осколок	1
Отщепы и их фрагменты	4
Ножевидные пластины	20
Пластина с вентральной ретушью	1
Отщеп с ретушью	1
Скребок	1
ВСЕГО	50

Средний горизонт. Средний горизонт, судя по рисунку М.Г. Маткина, также содержал признаки размытого кострища – культурный слой включал отдельные угли. Каменные орудия труда залежали в суглинке на глубине 185 см от поверхности чернозема (рис. 2). Коллекция состоит из материалов раскопок

М.Г. Маткина в 1928 г. и материалов из траншеи, исследованной В.А. Городцовым в 1929 г. Инвентарь представлен всего 27-ю каменными предметами (табл. 2).

В материалах среднего горизонта Постникова оврага III преобладает кремень темно-серого цвета, почти черный. Реже встречен

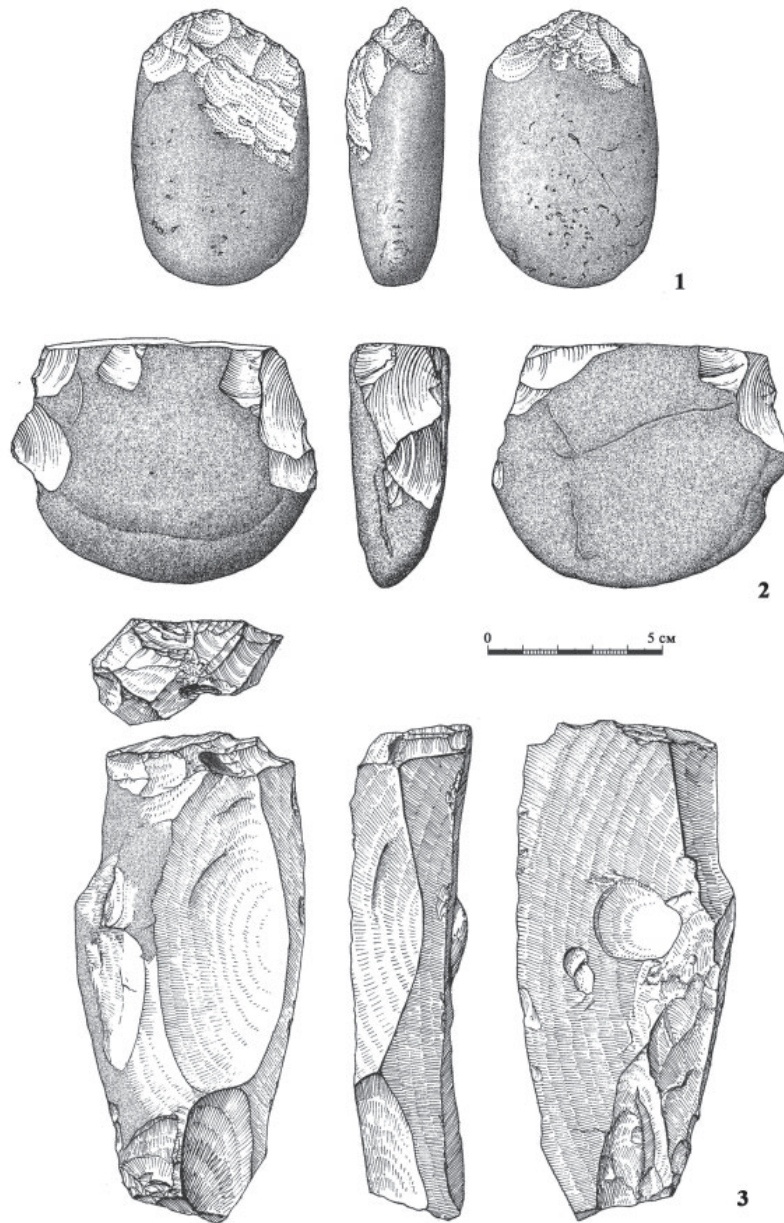

Рис. 3. Нижний культурный слой. 1, 3 – отбойник-регушер; 2 – пренуклеус
 Fig. 3. Lower cultural layer. 1, 3 – retoucher bump; 2 – pre-nucleus

скребок на отщепе (рис. 9–II: 5), где рабочее лезвие орудия оформлено с вентральной поверхности заготовки. В целом заготовки и отщепы среднего культурного горизонта имеют небольшие размеры, в пределах 2–3 см в длину.

Верхний горизонт. Коллекция памятника представлена материалами из раскопок М.Г. Маткина в 1928 г. и раскопа В.А. Городцова в 1929 г. По имеющемуся описанию и рисунку М.Г. Маткина (рис. 1: 2), горизонт залегания каменных артефактов приурочен

к верхам красно-бурого суглинка и нижней границе чернозема (Городцов, 1929, л. 36).

Верхний горизонт Пункта III также содержал только каменные орудия труда. Для этого собрания характерна ярко выраженная пластинчатая техника заготовок (табл. 3).

Исследователи отмечали «микролитический» характер инвентаря верхнего культурного слоя. Об этом свидетельствуют небольшие размеры заготовок, например, пренуклеусов (рис. 10–I: 4) и нуклеусов начальной стадии расщепления (рис. 10–I: 5).

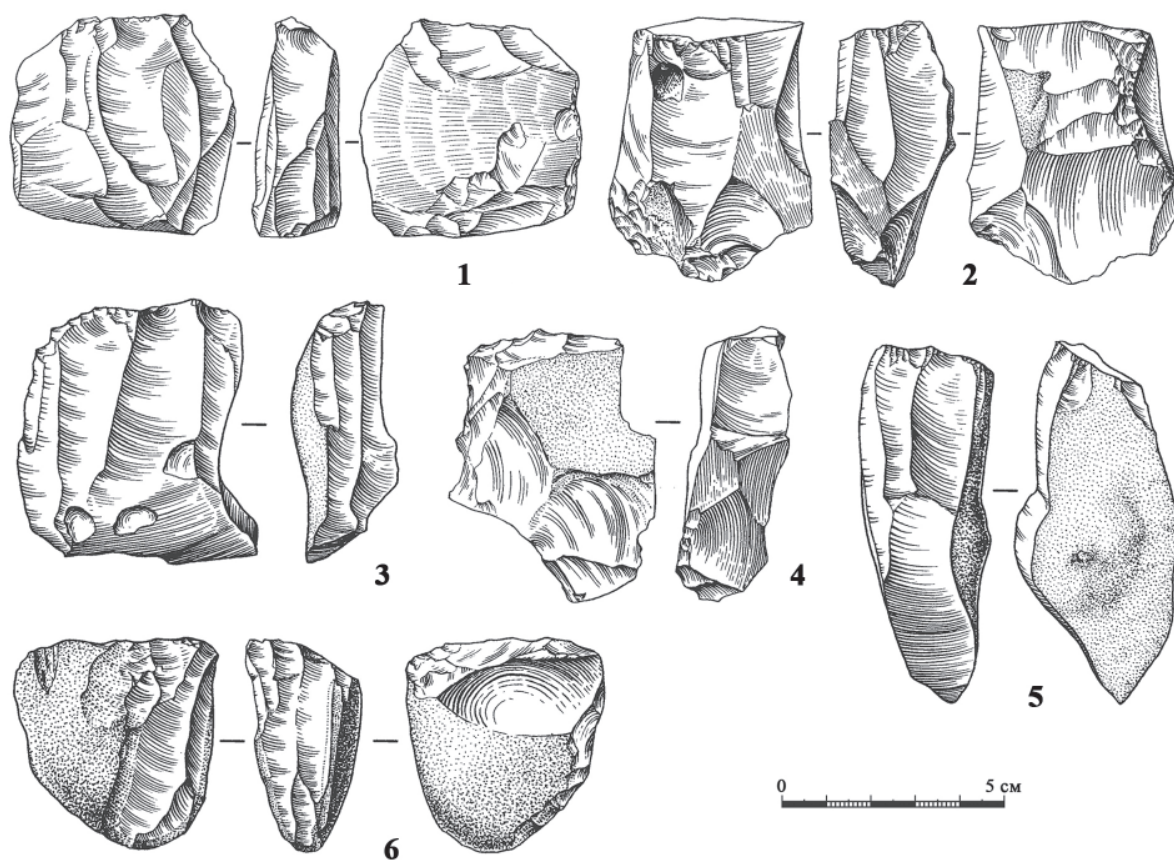

Рис. 4. Нижний культурный слой. Нуклеусы.
Fig. 4. Lower cultural layer. Nuclei.

Нуклеусы представлены призматическими ядрищами конусовидной и карандашевидной формы с ударными площадками, перпендикулярными по отношению к плоскости скалывания. Площадки – выпуклые в плане или гладкие, часто поверхность их фасетирована (рис. 10–I: 1–3). Негативы снятий с фронта нуклеусов – ножевидные пластины. Длина их колеблется в среднем в пределах 3,5–4,5 см.

Пластины – самая многочисленная категория каменного инвентаря. Две из них – полупервичные, технические, получены во время выравнивания фронта нуклеуса (рис. 10–I: 1, 8). Остальные экземпляры не имеют на спинке корочного покрытия. Все они фрагментированы: 12 – проксимальные, 1 – дистальная, 6 – медиальные фрагменты (рис. 10–II: 2–7, 9, 10). Ножевидные пластины верхнего слоя – прямоостные, с параллельными гранями на спинках, у проксимальных фрагментов – точечные ударные площадки. Высота (толщина) составляет в среднем 0,3 см, а средняя ширина – 0,9 см (0,7–1,1).

Изделия со вторичной обработкой в коллекции единичны. Это концевой скребок с угловатым лезвием на первичном пластинчатом отщепе (рис. 2: 4). Слегка выпуклое в плане лезвие, расположено под углом почти 45° к рабочей поверхности. Еще одним изделием со вторичной обработкой является фрагмент пластины с вентральной ретушью, оформляющей две выемки (рис. 10–II: 12) и отщеп с ретушью (рис. 10–II: 11).

Несомненный интерес представляет фрагмент тонкого отщепа (рис. 10–II: 13). В отличие от остальных каменных изделий он изготовлен из мелового кремня и имеет характерную «молочную» патину (рис. 2: 2). В нижних слоях памятника сырье из этих отложений не встречается.

В коллекции памятника Постников овраг III имеется еще один артефакт – это фрагмент бифасиального изделия из мягкого окремневого известняка (рис. 3: 9). На его поверхности сохранились гумусные затеки. Вероятнее всего, это остатки разрушенного культурного

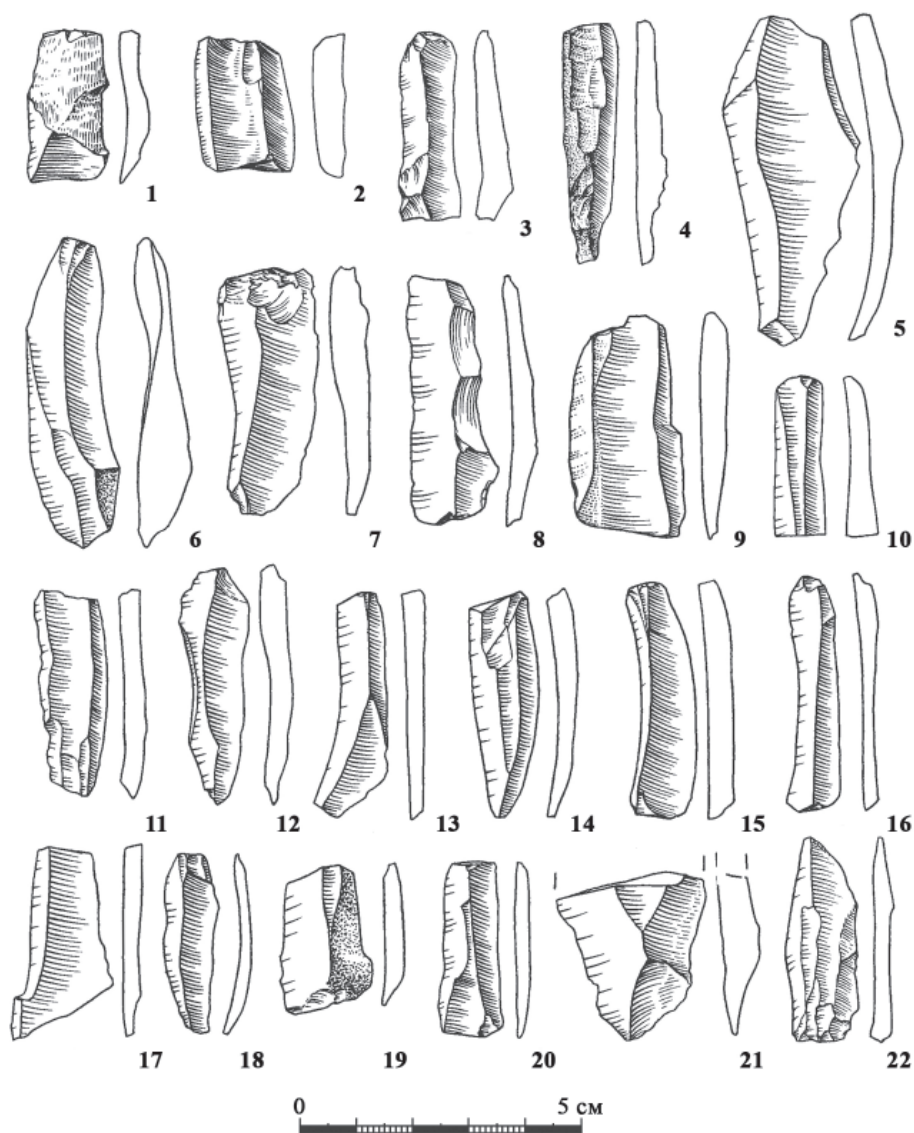

Рис. 5. Нижний культурный слой. Изделия пластинчатого расщепления
 Fig. 5. Lower cultural layer. Blade detaching products.

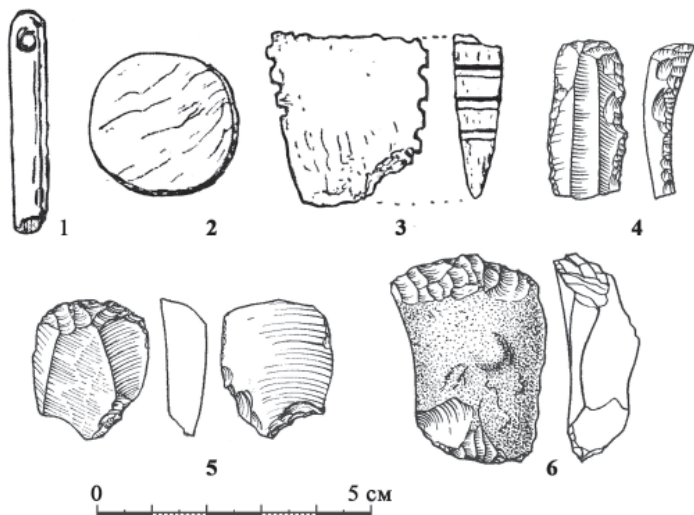

Рис. 6. Нижний культурный слой. 1 – обломок костяной иглы; 2 – кружок из раковины; 3 – фрагмент орудия из рога; 4–6 – скребки.
 Fig. 6. Lower cultural layer. 1 – fragment of a bone needle; 2 – circle from a shell; 3 – fragment of an antler tool; 4–6 – scrapers.

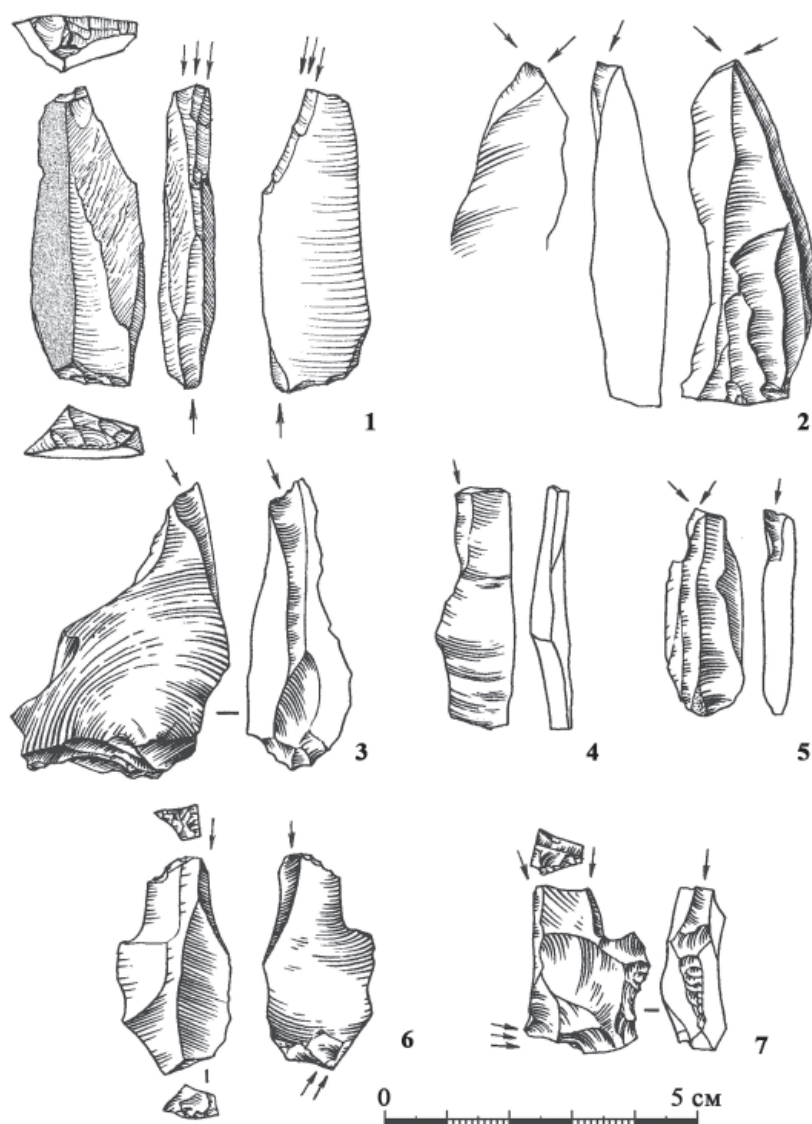

Рис. 7. Нижний культурный слой. Резцы.

Fig. 7. The lower cultural layer. Burins.

слоя приуроченного к слою чернозема – самому верхнему горизонту в разрезе памятника (рис. 1: 2). Возможно, находка связана с одной из культур бронзового века, материалы этого времени встречены в левобережной части оврага, недалеко от местонахождения Постников овраг III (Кузнецова, Скупова, 1987, с. 8–11).

Нижний и верхний горизонты Постникова оврага III демонстрируют два способа раскалывания каменного сырья (Гиля, Нехорошев, 1993, с. 5–24). Первый способ – верхнепалеолитический – демонстрирует нижний слой памятника – призматическое расщепление с характерным для верхнепалеолитических нуклеусов ударными площадками, расположенными под острым углом

к поверхности расщепления, они или гладкие, или фасетированные, часто кромка их редуцирована.

Второй, характерный для верхнего горизонта, демонстрирует мезолитический способ расщепления: призматические (конусовидные, карандашевидные) нуклеусы с фасетированными ударными площадками, расположенными перпендикулярно к поверхности расщепления, фасетки снятия – параллельные. В профиль продукты расщепления – ножевидные пластины – прямоостные, с параллельными гранями на спинке.

При сравнении техник скола нижнего и верхнего горизонтов памятника налицо эволюция техники скола – от верхнепалеолитической к мезолитической.

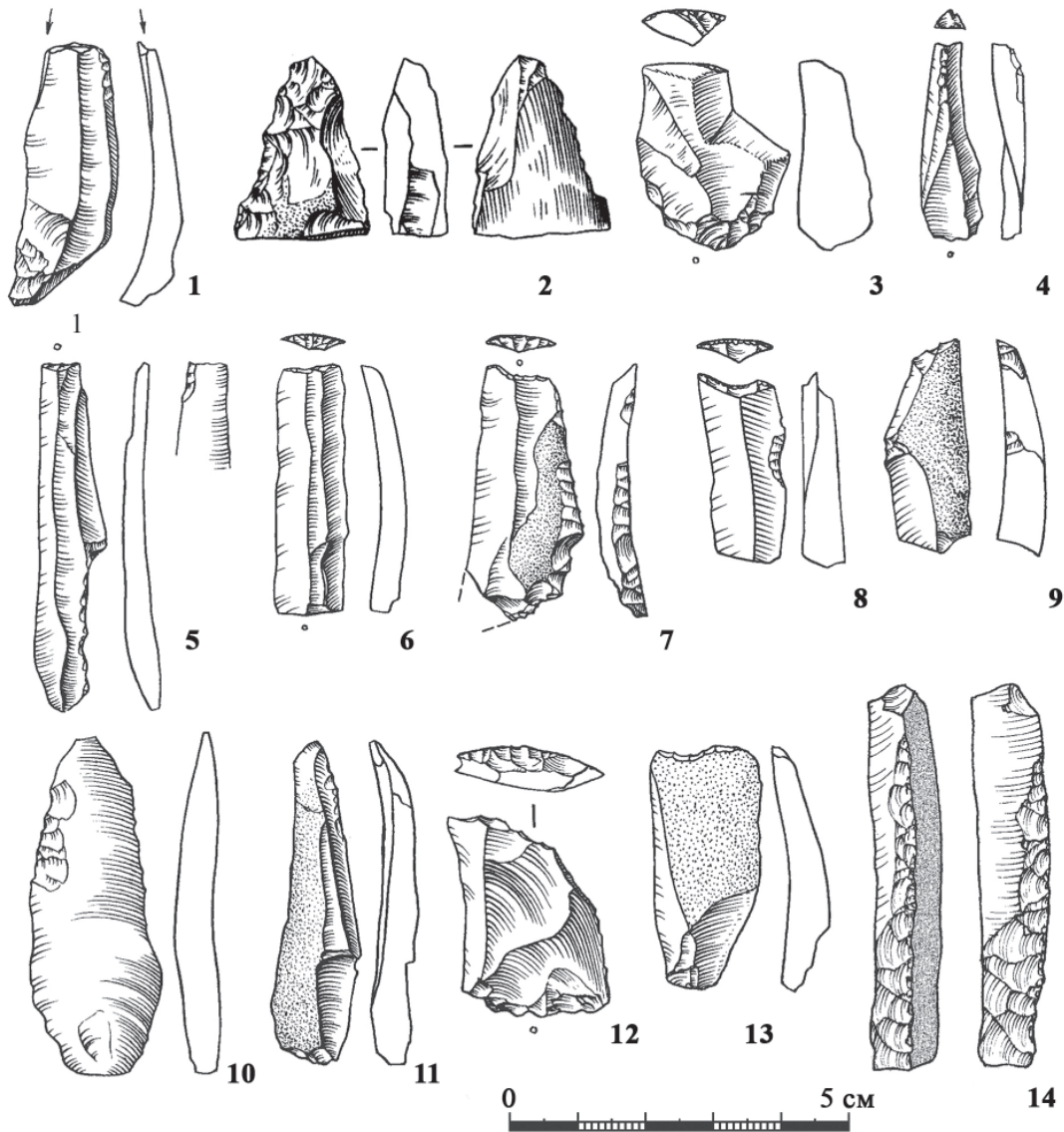

Рис. 8. Нижний культурный слой. 1, 4, 10, 11 – пластины с ретушью; 2 – фрагмент лезвия орудия; 3 – отщеп с ретушью; 5–9, 13 – пластины с притупленным ретушью концом; 12 – нож с обушком; 14 – краевой скол с ретушью.

Fig. 8. Lower cultural layer. 1, 4, 10, 11 – blades with retouching; 2 – fragment of the blade of the tool; 3 – flake with retouching; 5–9, 13 – blades with blunted retouching end; 12 – knife with hafted edge; 14 – edge flake with retouching.

Средний культурный горизонт Постникова оврага III демонстрирует не пластинчатую технику расщепления. Коллекция каменного инвентаря небольшая, но по ряду признаков, в том числе по наличию широких ударных площадок заготовок видно, что носители этой индустрии не владели отжимной техникой скола.

Таким образом, местонахождение Постников овраг III в конце позднеледникового времени и во время раннего голоцена заселялось неоднократно. Нижний слой относится

ко времени позднего палеолита. Он залегает в суглинке и демонстрирует палеолитическую технику скола и типичный позднеледниковый типологический набор инвентаря, характерный для широкого круга памятников этого времени.

Вышележащий горизонт (средний) также приурочен к лессовидному суглинку. Он демонстрирует своеобразную, непластинчатую технику расщепления. По размерам изделий (более миниатюрных, чем в нижележащем слое) и предпочтению отщепов в каче-

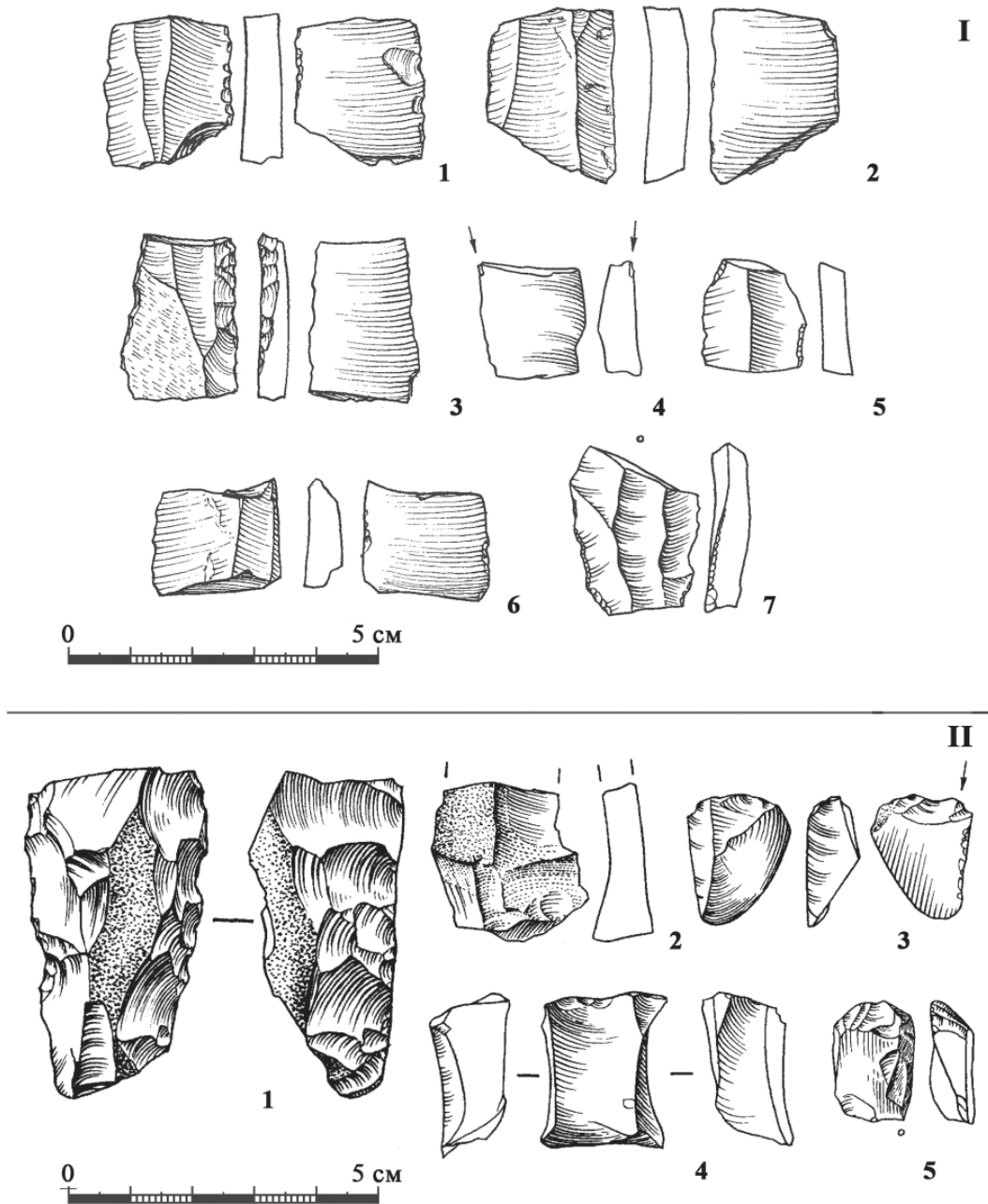

Рис. 9. I – нижний культурный слой. 1–7 – сечения крупных пластин
II – средний культурный слой. 1 – нуклеус; 2–4 – отщеп; 5 – скребок.

Fig. 9. I – the lower cultural layer. 1–7 sections of large blades.

II – the middle cultural layer. 1 – nucleus; 2–4 – flakes; 5 – scraper.

стве заготовок, он демонстрирует иную культурную традицию, нежели носители культуры нижнего слоя памятника. Возможно, носителем этой традиции был «пришлый» коллектив, посетивший выходы каменного сырья в устье оврага. Техника расщепления в рамках верхнепалеолитической традиции и залегание слоя в лессовидном суглинке позволяют предположить, что этот слой также можно отне-

сти к одной из заключительных фаз позднего палеолита.

Верхний горизонт Постникова оврага III находился в верхней части суглинка на границе с гумусовым горизонтом почвы. Можно предположить, что этот культурный горизонт сформировался в самом конце позднеледниковья и в начале наступления раннеголоценового времени. Расщепление каменного сырья

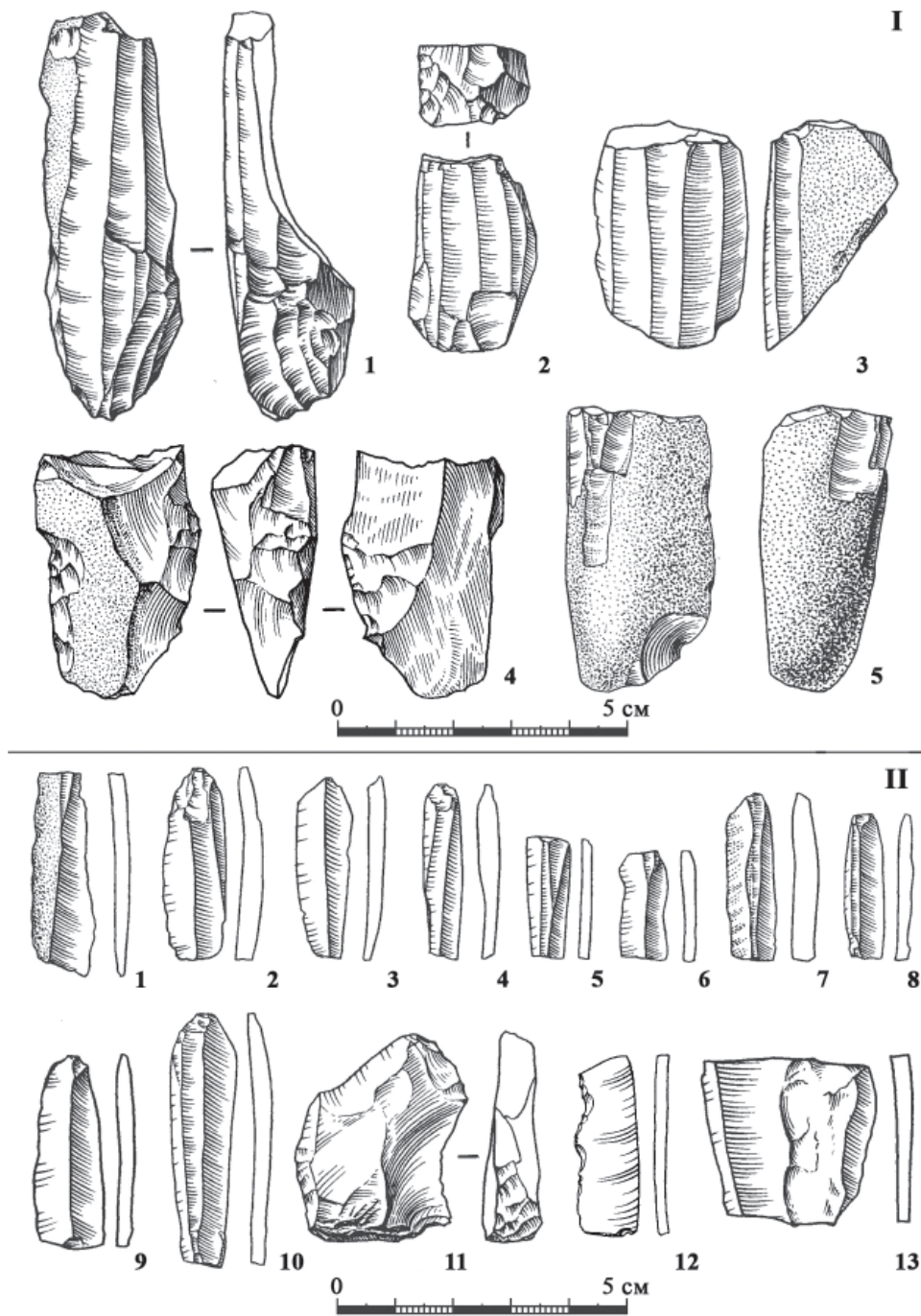

Рис. 10. I – верхний культурный слой. 1–3, 5 – нуклеусы; 4 – пренуклеус
 II – верхний культурный слой. 1–10 – ножевидные пластины; 11 – отщеп с ретушью; 12 – пластина с ретушью;
 13 – отщеп

Fig. 10. I – the upper cultural layer. 1–3, 5 – nuclei; 4 – pre-nucleus
 II – the upper cultural layer. 1–10 – knife-shaped blades; 11 – flake with retouching; 12 – blade with retouching;
 13 – flake.

здесь демонстрирует мезолитическую технику скола. Присутствие в инвентаре памятника иного сырья, чем используемое ранее местное, а именно мелового кремня, может свидетельствовать о мобильном характере коллектива или даже о его пути передвижения

с правого на левый берег Волги (из мест выходов сырья меловых отложений). Это могло означать появление нового населения с новой культурной традицией.

Малое количество каменного инвентаря, его типологическая невыразительность,

связанная с узкой специализацией поселения – каменной мастерской – не позволяют провести аналогии с материалами уже известных памятников в регионе. Можно только отметить, что мезолитическая техника скола появляется в Поволжье в финальнопалеолитическое время. Так она впервые фиксируется в виде отдельных нуклеусов и микропластин в материалах памятников первого этапа усть-камской культуры (Галимова, 2022, с.113–124). При этом надо отметить, что в инвентаре продолжает доминировать позднпалеолитическая техника скола.

В последние годы на территории Самарской области исследованы ряд памятников, датируемых авторами рубежом финального палеолита – началом мезолита. Это – поселение Гора

Маяк (Галимова, Сташенков, Кочкина, 2020, с. 22–24), стоянки Троицкое I (Ластовский, 2008, с. 26–39; Галимова, Сташенков, 2021, с. 11–139), Троицкое II (Сташенков, 2018, л. 1-10) и Троицкое 5 (Сташенков, и др., 2022, с.201–212). В материалах этих памятников представлена пластинчатая индустрия мезолитической техники скола.

Таким образом, предположительно мезолитическая техника скола зарождается в регионе на рубеже эпох палеолита – мезолита и получает развитие и достигает расцвета в эпоху мезолита – неолита. На примере археологического памятника Постников овраг III мы можем констатировать несколько разновременных поселений демонстрирующих смену эпох от древнего до среднего каменного века.

ЛИТЕРАТУРА

Галимова М.Ш., Сташенков Д.А, Кочкина А.Ф. Каменная индустрия стоянки Гора Маяк в Самарском Заволжье и ее место в финальном палеолите Востока Русской Равнины // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров., О.Д. Мочалов. Самара, СГСПУ, 2020. С. 22–24.

Галимова М.Ш., Сташенков Д.А. Памятники рубежа палеолита и мезолита устья Камы и лесостепного Заволжья // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 111–139.

Гиря Е.Ю, Нехорошев П.Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993. № 4. С. 5–24.

Гольмстен В.В. Дневник № 3 // Архив ИИМК, Ф. 44. Оп. 1.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 125–137.

Городцов В.А. Исследование двух Самарских стоянок каменного периода в 1929 году // Архив ГИМ ОПИ Ф.431. ед. хр. 80.

Ефименко П.П. Экспедиция для изучения палеолитических культур // СГАИМК. 1926. Вып. 1. С. 319.

Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю. Постников овраг – археологический памятник эпох камня – средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 3–29.

Ластовский А.А. Неолитическая стоянка Троицкое // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья/ Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. Алабина, СамГУ, 2008. С. 26–39.

Мирчинк Г.Ф. Волжская экспедиция для изучения отложений четвертичного периода // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 3. С. 41–42.

Сташенков Д.А, Кочкина А.Ф, Кузнецова Л.В, Салугина Н.П., Ластовский А.А. Троицкое 5 – новый памятник эпохи камня – бронзы в Самарском Поволжье // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 201–212.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Информация об авторе:

Кузнецова Людмила Валентиновна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); lvk@alabin.ru

REFERENCES

Galimova, M. Sh., Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* I. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 24–24 (in Russian).

Galimova, M. Sh., Stashenkov, D. A. 2021. In Sitdikov, A.G., Galimova, M.Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 111–139 (in Russian).

Girya, E. Yu., Nekhoroshev, P. E. 1998. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 5–24 (in Russian).

Gol'msten, V. V. *Dnevnik № 3 (Notebook No 23)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 44. Inv. 1 (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 4. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 125–137 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1929. *Issledovanie dvukh Samarskikh stoyanok kamennogo perioda v 1929 godu (Investigation of two Samara Stone Age stations in 1929)*. Archive of the State Historical Museum. Fund 431, dossier 80 (in Russian).

Efimenko, P. P. 1926. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy of the Institute of Material Culture)* 1, 319 (in Russian).

Kuznetsova, L. V., Skupova, T. Yu 1987. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Povolzh'e (Archaeological Studies in the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 3–29 (in Russian).

Lastovitsky, A. A. 2008. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Topical Issues in the Urals and Volga Regions Archaeology)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, Samara State University, 26–39 (in Russian).

Mirchink, G. F. 1932. In *Vestnik Akademii nauk SSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR)* 3, 41–42 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., Kuznetsova, L. V., Salugina, N. P., Lastovitsky, A. A. 2022. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 11 (1), 201–212 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kuznetsova Lyudmila V., Candidate of Historical Sciences, Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya str., 142, Samara, 44041, Russian Federation; lvk@alabin.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.211.224>

СТОЯНКА ПОСТНИКОВ ОВРАГ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ А.Х. ХАЛИКОВА О СИБИРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2023 г. М.Ш. Галимова

Концепция А.Х. Халикова о вхождении Среднего Поволжья и Приуралья в ареал воздействия культурных традиций Сибири в конце эпохи палеолита, созданная им на основе материалов стоянки Постников овраг, изученной В.В. Гольмстен в г. Самаре, рассматривается в свете современных данных по позднему палеолиту Урала и Южной Сибири. Представлены различные точки зрения на характер аналогий в материальной культуре Постникова оврага, стоянки им. Талицкого и ряда сибирских памятников позднего палеолита. По мнению автора статьи, концепция А.Х. Халикова на сегодняшний день не подтверждается фактами напрямую, которые рисуют более сложную картину. Однако изыскания в данном направлении продолжаются и не исключена возможность вернуться к идее А.Х. Халикова в будущем на новых материалах. Стоянки Постников овраг на Средней Волге и Талицкого в Предуралье остаются опорными в дискуссии о генезисе индустрий позднего палеолита Поволжья, Урала и Зауралья.

Ключевые слова: археология, поздний палеолит, Самарское Поволжье, Урал, Южная Сибирь, Постников овраг, стоянка Талицкого, каменные индустрии, генезис.

THE POSTNIKOV OVRAG SITE IN THE LIGHT OF A.KH. KHALIKOV'S CONCEPT OF SIBERIAN CULTURAL TRADITIONS IN THE LATE PALEOLITHIC MIDDLE VOLGA REGION

M.Sh. Galimova

The author examines the concept of A.Kh. Khalikov concerning the entry of the Middle Volga region and the Cis-Urals into the area of influence of the cultural traditions of Siberia at the end of the Paleolithic era based on the materials of the Postnikov Ovrage site which was studied by V.V. Golmsten at Samara. The concept is considered in the light of recent data on the Late Paleolithic of the Urals and Southern Siberia. Various points of view on the nature of analogies in the material culture of the Postnikov Ovrage, the Talitsky site and a number of Siberian monuments of the late Paleolithic are presented. According to the author of the paper, the concept of A.Kh. Khalikov today is not directly confirmed by facts that paint a more complex picture. However, research in this direction continues and the possibility of returning to the idea of A.Kh. Khalikov in the future on new materials is not excluded. The sites of the Postnikov Ovrage on the Middle Volga and the Talitsky in the Urals remain the mainstays in the discussion about the genesis of the late Paleolithic industries of the Volga region, the Urals and the Trans-Urals.

Keywords: archaeology, Late Paleolithic, Volga region, the Urals, Southern Siberia, Postnikov Ovrage, Talitsky site, stone industries, genesis.

Исследования палеолитической стоянки Постников овраг в г. Самаре (рис. 1), осуществленные в 1922–1927 гг. под руководством В.В. Гольмстен силами ее учеников и сподвижников, явились первыми профессиональными раскопками памятника древнего каменного века в Среднем Поволжье. Блестящие научные результаты этих исследований стали возможны благодаря таланту, увлеченности и высокому уровню научной археологической подготовки Веры Владимировны Гольмстен. Суммарная площадь раскопов В.В. Гольмстен

на данном многослойном памятнике составила 100 кв.м. Ею были выявлены 11 пунктов находок каменных артефактов, принадлежавших разновозрастным культурным напластованиям. Два нижних культурных слоя были отнесены к позднему палеолиту (Гольмстен, 1928; Кузнецова, Скупова, 1987; Кузнецова, 2000, 2021).

Коллекция палеолитических находок из раскопок В.В. Гольмстен в Постниковом овраге, хранящаяся в СОИКМ им. П.В. Алабина, стала объектом пристального внимания специ-

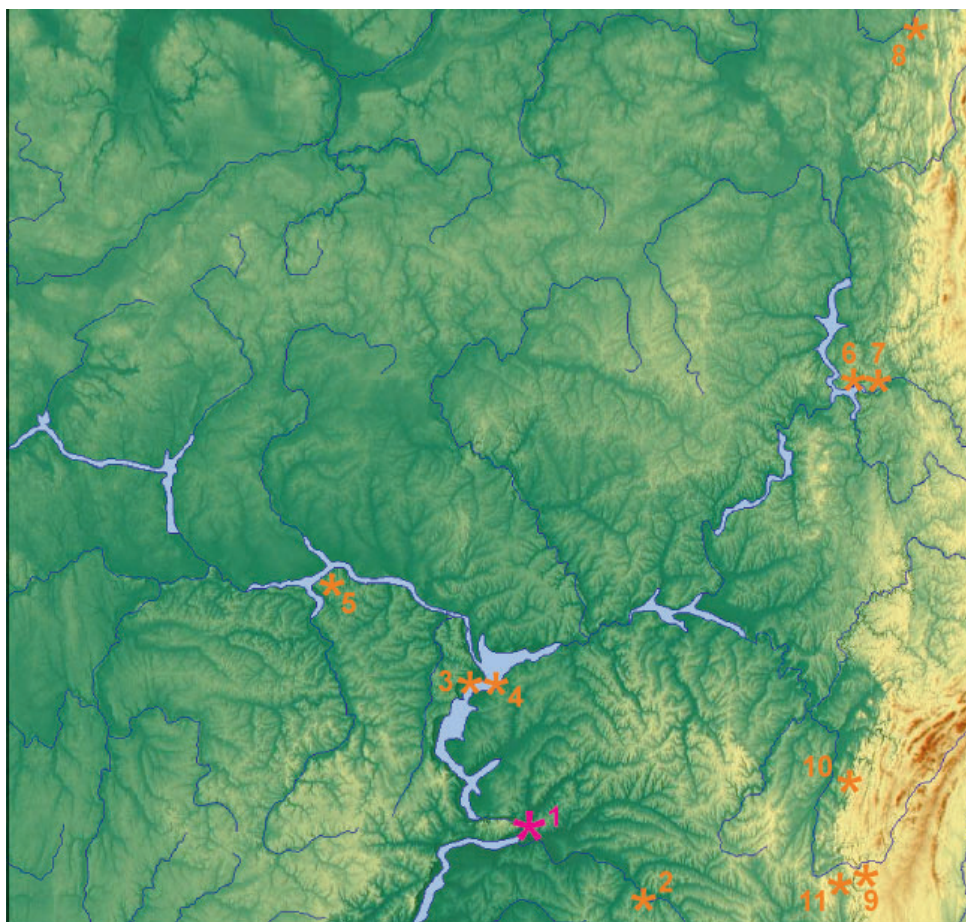

Рис. 1. Расположение основных памятников позднего палеолита Среднего Поволжья и Предуралья
 1 – Постников овраг; 2 – Кравцово; 3 – Сюкеевский Взвоз, Лобач II, Камское Устье II; 4 – Курган и Беганчик;
 5 – Юнга-Кушерга; 6 – имени Талицкого; 7 – Горная Талица; 8 – Капова пещера; 9 – Игнатиевская пещера;
 10 – Байсланташ, пещера

Fig. 1. Location of the main sites of the Late Paleolithic of the Middle Volga region and the Urals
 1 – Postnikov Ovrage; 2 – Kravtsovo; 3 – Syukeyevsky Vozvoz, Lobach II, Kamskoe Ustye II; 4 – Kurgan and Beganchik;
 5 – Junga-Kusherga; 6 – named after Talitsky; 7 – Gornaya Talitsa; 8 – Kapova cave; 9 – Ignatievskaya cave;
 10 – Bayslantash, cave

алистов начиная с 1960-х годов. Тогда к этой коллекции обратился Альфред Хасанович Халиков, который в начальный период своей научной деятельности большое внимание уделял проблеме выявления палеолитических памятников в Марийском и Казанском Поволжье. В 1956–1959 гг. в рамках масштабных разведочных исследований на правом берегу Волги в пределах Горномарийского района, осуществленных совместной археологической экспедицией Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР под руководством А.Х. Халикова, была открыта палеолитическая стоянка Юнга-Кушерга (рис. 1), а также были зафиксированы местонахож-

дения кремневых отщепов и костей четвертичной фауны (Халиков, 1961). Результаты раскопок стоянки Юнга-Кушерга, проведенных А.Х. Халиковым в 1959–1960 гг., в дальнейшем определили его интерес к палеолитическим материалам из Постникова оврага.

Ознакомившись с коллекцией из раскопок В.В. Гольмстен, исследователь представил обобщенную технико-типологическую характеристику каменного инвентаря в своей монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (1969). На основании присутствия в коллекции крупных орудий «макролитического облика» А.Х. Халиков высказал предположение о том, «что население стоянки в культурном отношении тяготело к населению Сибири. Вместе с тем в кремневом инвентаре

стоянки прослеживаются черты, свойственные и для позднепалеолитических и ранне-мезолитических стоянок Восточной Европы» (Халиков, 1969, с. 18). Под макролитическими изделиям исследователь понимал расколотые гальки и конкреции с приостренными концами (рис. 2: 16, 17, 19–22), крупные скребки и скребла (рис. 2: 14, 18, 23), грубые рубящие орудия, крупные подклиновидные ядрища (рис. 2: 4). А.Х. Халиков полагал, что крупные орудия Постникова оврага «по форме и характеру изготовления обнаруживают, с одной стороны, палеолитические традиции, а с другой – выявляют технику, специфичную для каменного века Сибири и востока Средней Азии» (Халиков, 1969, с. 15). В этот круг исследователь включил памятники рубежа палеолита и мезолита в районе слияния Волги и Камы, открытые во второй половине 1960-х годов – Сюкеевский Взвоз на правом берегу, а также Девичий Городок и Курган в левобережье (рис. 1).

Также А.Х. Халиков отметил сибирские культурные традиции в оформлении двух костяных гарпунов, обнаруженных в 1920-х гг. у с. Кравцово Бузулукского уезда Самарской губернии (рис. 1, 3). По данным В.В. Гольмстен, один из гарпунов был изготовлен из кости мамонта и залегал совместно с палеолитической фауной (Гольмстен, 1928). Сопоставив эти находки с гарпунами, найденными на мезолитических памятниках Западной Европы и Сибири, А.Х. Халиков отнес гарпуны из Кравцово к сибирским типам (Халиков, 1969, с. 20).

Кремневый инвентарь Постникова оврага, по мнению А.Х. Халикова, близок инвентарю позднепалеолитической стоянки им. Талицкого в Пермском Приуралье (рис. 1, 5). А.Х. Халиков предположил, что «...вероятно, области Среднего Поволжья в конце эпохи палеолита и в начале мезолитического времени вошли в ареал воздействия культурных традиций Сибири» (Халиков, 1969, с. 19). Эта точка зрения была более детально представлена в работе «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья», в части, посвященной происхождению финноязычных народов (Халиков, 1991, 2011). Исследователь выдвинул концепцию зарождения урало-алтайской языковой и этнической общности в позднем палеолите на территории Сибири. К данной урало-алтайской общности были отнесены

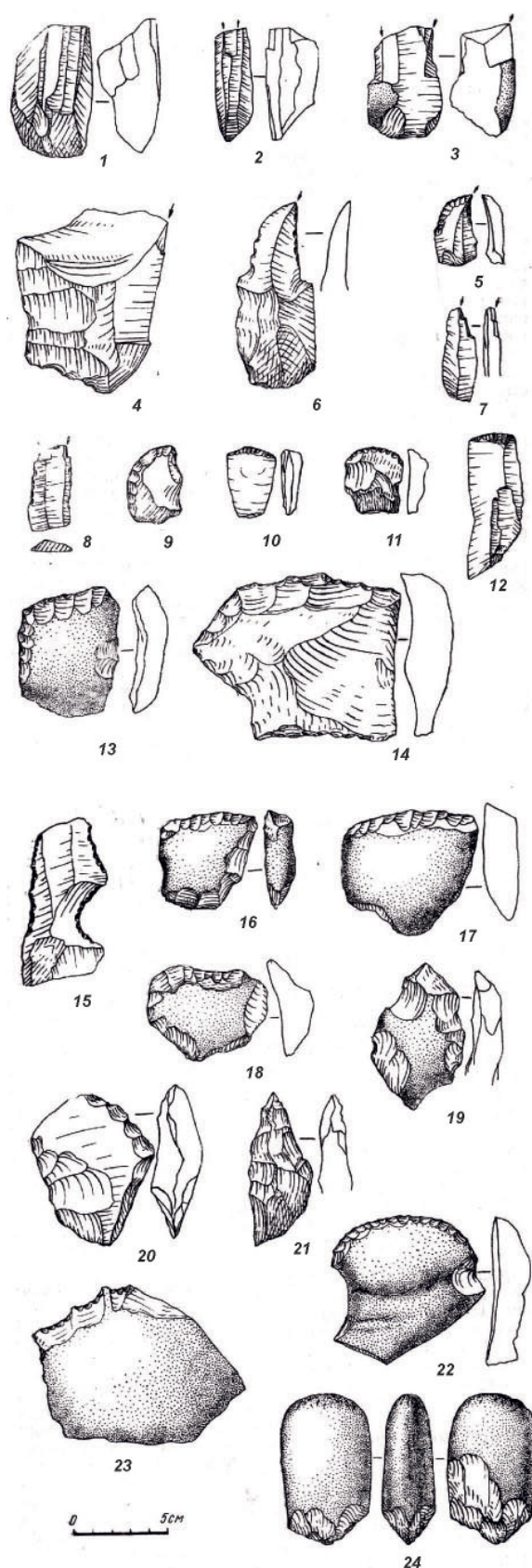

Рис. 2. Стоянка Постников Овраг. Кремневый инвентарь (по: А.Х. Халиков, 1969, рис. 3, с. 12–13)
 Fig. 2. The Postnikov Ovrag site. Flint inventory (by A.Kh. Khalikov, 1969, fig. 3, pp. 12–13)

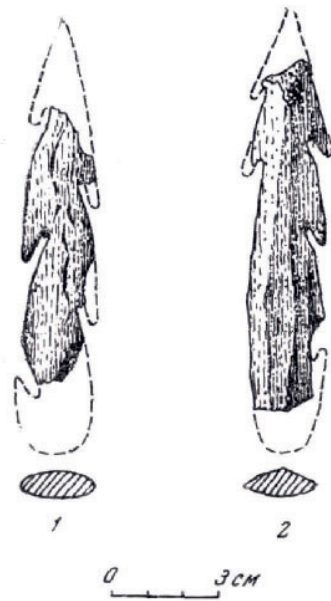

Рис. 3. Костяные гарпуны, найденные у с. Кравцово (Бузулукского уезда Самарской губернии) (по: А.Х. Халиков, 1969, рис. 5, с. 20)

Fig. 3. Bone harpoons found near the Kravtsovo village (Buzuluksky district of Samara province) (by A.Kh. Khalikov, 1969, fig. 5, p. 20)

афоновская и кокоревская позднепалеолитические культуры, выделенные З.А. Абрамовой на Енисее, а также стоянки Ошурково в Забайкалье и Могочино (Томское Приобье) (Абрамова, 1984, 1989) (рис. 5). А.Х. Халиков полагал, что население урало-алтайской общности имело западные контакты с носителями индоевропейской общности. Вместе с тем к кругу археологических памятников, оставленных носителями индоевропейских языков, А.Х. Халиков (2011, с. 14) отнес известные стоянки Мальта и Буреть (рис. 5), изученные М.М. Герасимовым на Ангаре (Герасимов, 1958, 1961).

В общем виде концепция А.Х. Халикова сводится к следующему (рис. 1): в конце эпохи палеолита (около 15–10 тыс. лет назад) группы охотников сибирского происхождения пересекли Урал и расселились на берегах Камы и Волги. Их путь отмечен такими памятниками, как Голый Камень на Урале, стоянка Талицкого и Горная Талица на р. Чусовая, Медвежья пещера на Печоре, Постников овраг и Сюкеевский Взвоз на Волге (рис. 5). Исследователь полагал, что: «В этом процессе следует усматривать отрыв основы уральской общности от сибирского корня и начало

ее самостоятельного существования» (Халиков, 2011, с. 14). По мнению А.Х. Халикова, «рубеж палеолита и мезолита является тем важным периодом, когда на востоке Европы появились новые палеоэтнические группы, сыгравшие впоследствии значительную роль в формировании древнейших основ местных племен эпохи мезолита и неолита» (Халиков, 1969, с. 6).

Точку зрения А.Х. Халикова не поддержал М.Г. Косменко, отнесший Постников оврага к кругу культур позднего и финального палеолита Русской равнины. Исследователь указывал на культурную близость данной стоянки с памятниками раннего (финальнопалеолитического) этапа усть-камской культуры и прежде всего, со стоянкой Сюкеевский Взвоз, изученной им в 1968 г. на правом берегу Волги (рис. 1, 5) (Косменко, 1972, 1977).

Л.В. Кузнецова в своей кандидатской диссертации «Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья», защищенной в 1985 году, детально проанализировала коллекцию и дневниковые записи раскопок В.В. Гольмстен. В результате Л.В. Кузнецовой было обосновано присутствие в культурных напластованиях стоянки нескольких слоев – нижнего и верхнего слоев эпохи палеолита и мезолитического слоя и технико-типологические особенности их каменного инвентаря. (Кузнецова, 1985, 2000, 2021).

Нижний палеолитический слой стоянки Постников овраг залегал в подошве толщи лессовидного суглинка на глубине около двух метров (Гольмстен, 1928; Кузнецова, 2000, 2021). В нем обнаружены 190 кремневых предметов (нуклеусов и их первичных заготовок, пластин, отщепов, орудий), а также фрагмент костяной иглы, обломки бивня мамонта и неизвестный предмет с нарезками по краю. Нуклеусы, в основном, одноплощадочные уплощенные, реже – торцовые, также есть несколько многоплощадочных ядрищ. Характерной чертой кремневого инвентаря нижнего слоя является группа пластин и орудий, оформленных на пластинах, в которую входят концевые скребки, ретушные и двугранные резцы, скобели, пластинки с усеченным ретушью концом (Кузнецова, 2000, с. 76, 77). Также в нижнем слое залегали: галечное рубящее орудие типа чоппинга (рис. 2: 24) и скребла на массивных сколах с кремневых конкреций (рис. 2: 13, 22).

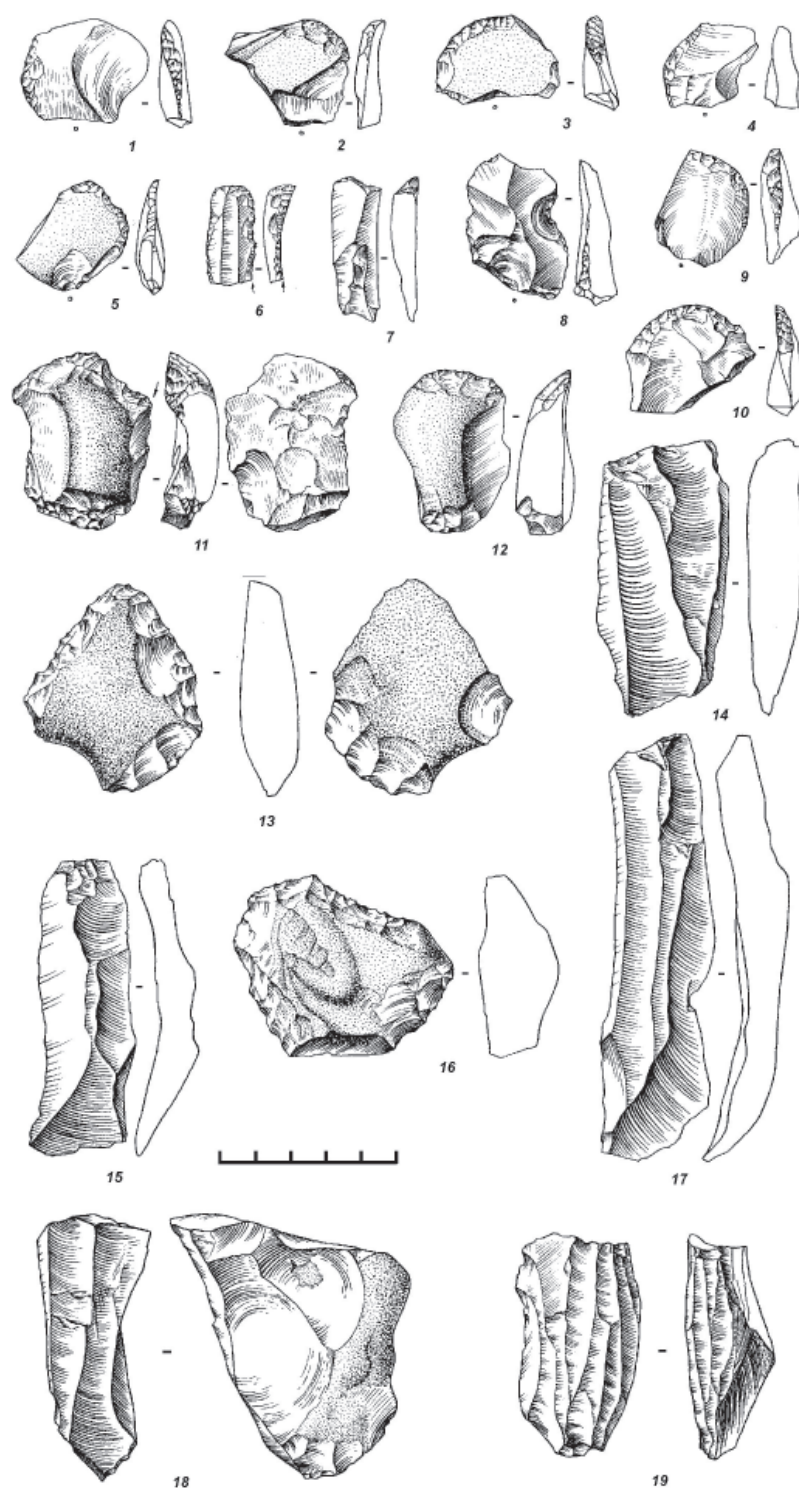

Рис. 4. Стоянка Постников Овраг. Кремневые орудия и пластины верхнего палеолитического слоя (по: Л.В. Кузнецова, 2000, рис. 43–45, с. 78–80)

Fig. 4. The Postnikov Ovrag site. Flint tools and blades of the Upper Paleolithic layer (by L.V. Kuznetsova, 2000, fig. 43-45, pp. 78-80)

Верхний палеолитический культурный слой был приурочен к делювиальному суглинку и залегал на глубине 130–160 см. Здесь В.В. Гольмстен были зафиксированы не только кремневые артефакты, но и остатки

кострища, речные раковины и кости животных (Кузнецова, 2000, с. 28–31). В коллекции из верхнего слоя насчитывается 229 кремневых предметов, среди которых: нуклеусы, нуклевидные куски, отщепы, численно преоб-

ладающие над пластинами, а также орудия разных типов (Кузнецова, 2000, с. 78–80). Нуклеусы представлены преимущественно одноплощадочными формами: призматическими, уплощенно-призматическими (рис. 4: 19), торцовыми (рис. 4: 18). Среди орудий наиболее представительна группа скребков, разнообразных по форме и размерам, в их числе концевые скребки на пластинах (рис. 2: 12; 4: 6, 7) и отщепах (рис. 2: 11; 4: 12), а также выразительная серия скребков с выпуклым краевым либо полукруглым лезвием, выполненных на отщепах (рис. 2: 9; 4: 1–4; 9–11). Оригинальный облик имеют крупные скребла, изготовленные на морозобойных сколах и плитке кремня, их ретушированные края (лезвия) плавно сходятся в острие (рис. 2: 14; 4: 13, 16). Также представляет интерес топоровидное орудие с выпуклым лезвием (Кузнецова, Скупова, 1987, рис. 11: 2, с. 27). Малочисленны в коллекции верхнего слоя отщепы с краевой ретушью либо выемками – скобели (рис. 4: 5, 8), единично клювовидное орудие на отщепе (рис. 2: 5).

Л.В. Кузнецова справедливо отмечает, что малочисленность и несерийность этих материалов, отсутствие геологического определения возраста Постникова оврага значительно снижает надежность всяких культурно-хронологических построений, вместе с тем исследовательница полагает, что к Постникову оврагу наиболее близки хронологически и территориально памятники финального палеолита Казанского Поволжья (Кузнецова, 2021, с. 30). К последним относятся стоянки начального (финальнопалеолитического) этапа усть-камской мезолитической культуры – Сюкеевский Взвоз, Камское Устье II и другие (рис. 1), исследование которых было начато М.Г. Косменко (1972, 1977) и продолжено автором данной статьи (Галимова, 2001).

О некотором технико-типологическом сходстве позднепалеолитических каменных индустрий Постникова оврага и нижнего слоя стоянки Камское Устье II и в целом усть-камских комплексов позднего и финального палеолита высказывались автор и П.Ю. Павлов (Галимова, 2001; Павлов, 2007). Кроме того, исследователями отмечалась некоторая общность в типологии кремневых орудий между стоянками Постников овраг, имени Талицкого (Пермское Прикамье) и Черноозерье II (Омское Прииртышье) (рис. 5).

По мнению автора настоящей статьи, каменный инвентарь Постникова оврага и стоянки Талицкого имеют некоторые аналогии. Во-первых, это общая невыразительность резцов, наличие крупных скребловидных орудий с односторонней обработкой, а также чоппингов. Во-вторых, выразительные серии скребков на отщепах с выпуклым лезвием, а также округлых скребков из верхнего слоя Постникова оврага действительно близки некоторым типам скребков стоянки Талицкого (Галимова, 2001). Аналогичные черты типологического сходства некоторых групп орудий наблюдаются между Постниковым оврагом и стоянкой Черноозерье II, изученной В.Ф. Генингом и В.Т. Петриным неподалеку от г. Омска (Генинг, Петрин, 1985). Вместе с тем в орудийных комплексах Постникова оврага и Черноозерья имеются отличия: довольно крупные скребла разных типов, в том числе со сходящимися в острие лезвиями, найденные в верхнем слое Постникова оврага, не представлены в коллекции Черноозерья.

В своей монографии, посвященной палеолиту Западно-Сибирской низменности, В.Т. Петрин (1986) отмечал значительное сходство комплексов Черноозерья и стоянки Талицкого. К такому же мнению пришла Т.И. Щербакова, детально изучившая и опубликовавшая материалы стоянки Талицкого (Щербакова, 1994). Однако В.Т. Петрин полагал, что это сходство отражает не однокультурность, а лишь возможные контакты групп людей, живших примерно в одинаковых условиях (Петрин, 1986, с. 105). В этой связи стоит рассмотреть дискуссию о сибирском либо европейском или же самобытном облике стоянки Талицкого – опорного памятника уральского верхнего палеолита.

Стоянка Талицкого (Островская), открытая в 1938 году в нижнем течении р. Чусовой (рис. 1, 5), по сей день является самым известным и информативным палеолитическим памятником на Урале. Стоянка раскапывалась М.В. Талицким, В.И. Громовым, М.П. Грязновым и А.А. Иессеном, а затем О.Н. Бадером, который в период 1945–1952 гг. вскрыл на памятнике 500 кв. м. и получил коллекцию, состоящую из 5000 каменных и 30 костяных артефактов; среди фаунистических остатков преобладают кости северного оленя, найдены также кости мамонта, шерстистого носорога, лошади, песца и зайца (Талицкий, 1940; Бадер, 1963;

Щербакова, 1994; Котов, 2014). Культурный слой стоянки Талицкого имеет одну радиоуглеродную дату – 18700±200 лет (ИГАН-1907) (Свеженцев, Щербакова, 1997). Практически полным аналогом стоянки по материальной культуре считается стоянка Широфаново II (рис. 5), исследованная Э.Ю. Макаровым и П.Ю. Павловым в 1990-2000-х годах на Верхней Каме (Макаров, Павлов, 2007).

На протяжении второй половины XX века в кругу известных исследователей палеолита развернулась дискуссия: М.В. Талицкий, М.В. Воеводский, З.А. Абрамова, О.Н. Бадер усматривали в материальной культуре стоянки Талицкого зауральские черты и вели ее происхождение из Сибири. Другие специалисты – П.П. Ефименко, А.Н. Рогачев, А.А. Формозов относили эту стоянку к восточноевропейскому верхнепалеолитическому кругу (Павлов, 2012). В пользу самобытного облика материальной культуры стоянки Талицкого высказывались Т.И. Щербакова (1994) и В.Т. Петрин (1986).

В начале XXI века обсуждение этого вопроса продолжилось. Г.П. Григорьев однозначно отнес стоянку Талицкого к сибирскому палеолиту (Григорьев, 2001). К этой точке зрения присоединился В.Г. Котов (2014).

Г.П. Григорьев, размышляя об облике материальной культуры стоянки Талицкого, отмечал по поводу Постникова оврага: «Памятник этот, его несколько пунктов в пределах одного оврага, не богат орудиями, но материал этот содержит показательные формы и его следует привлечь для наших целей. В нем, во-первых, хорошо выражены те особенные сибирские черты, которые не являются кокоревскими. Л.В. Кузнецова несколько раз подчеркивает существование плоских ядрищ, конечно, наряду с призматическими. Это признак общий для всей Сибири, а также и для Островской стоянки» (Григорьев, 2001, с. 150).

Г.П. Григорьев указывал на сходство каменного инвентаря стоянок Талицкого и Постникова оврага с инвентарем стоянок Черноозерье II на Иртыше и Могочино на Оби: «Наиболее выразительный элемент и здесь, как в коллекциях к востоку от Волги – это скребки. ... Можно говорить об укороченных скребках, асимметричных скребках, есть и двойные скребки. Обращают на себя внимание и орудия, относящиеся к разновидности высокой формы. Они здесь, как принято говорить,

в уплощенной разновидности. Удивительным образом, здесь есть и орудия из плиток и галек. ...В итоге, перед нами вполне сибирская коллекция, поскольку тут есть и архаичные изделия (чопперы, скребла), и неархаичные формы, как скребки короткие и укороченные, орудия высокой формы. К тому же в этом наборе форм очень мало резцов» (Григорьев, 2001, с. 153).

В поддержку концепции А.Х. Халикова, Г.П. Григорьев отметил: «Стоянка Талицкого, по совокупности признаков каменного инвентаря, относится к сибирскому палеолиту. Урал уже не был границей между верхнепалеолитической Европой и Сибирью, а областью, где (видимо, в разное время) обитали и носители сибирского палеолита, и поникавшие туда группы европейского населения. Сибирские памятники проникали вплоть до Волги, свидетельством чему несколько пунктов в Постниковом овраге на территории города Самары» (Григорьев, 2001, с. 154).

В.Н. Зенин усматривает в материалах многослойной стоянки Шестаково, расположенной на юго-востоке Западно-Сибирской равнины (рис. 5), аналогии наиболее выразительным типам орудий из культурных горизонтов 5–8 (25–18 тыс. л.н.) в материалах некоторых раннесартанских стоянок Сибири и в близких им по хронологии стоянках Урала и Поволжья (стоянки Талицкого и Постникова оврага). Речь идет о таких специфических для инвентаря Шестаково типах орудий, как скребки высокой формы на отщипах, изделия с ретушированием проксимальной или дистальной части, сегментовидные микроострия с притупленной спинкой (Зенин, 2002, 2003).

З.А. Абрамовой было отмечено сходство каменного инвентаря верхнего комплекса стоянки Красный Яр на р. Ангаре (рис. 5) и стоянки Талицкого, бытовавших в поздний период последнего оледенения (Абрамова, 1978).

Несколько иной точки зрения придерживался Н.Ф. Лисицын (1999), по мнению которого, в период 20–18 тыс. лет тому в Сибири произошел процесс микролитизации каменного инвентаря, наряду с ранее бытовавшим комплексом изделий появляются пластинки с притупленным краем, мелкие острия с притупленной спинкой, увеличивается количество резцов. Исследователем была наме-

чена цепочка близких в хронологическом плане стоянок от Урала до Байкала (стоянка Талицкого, Томская, Ачинская, Красный Яр и другие) (рис. 5). В это время зарождается техника торцового микронуклеуса.

С.С. Макаровым (2009) высказана точка зрения о том, что в раннесартанское время от Приуралья до Байкала, в силу существенных климатических изменений, появляются носители каменных индустрий с близкими технико-типологическими характеристиками (мелкие размеры орудий и нуклеусов, мелкопластинчатая направленность стратегии расщепления. К этим индустриям отнесены: стоянки Талицкого, Широфаново 2, Ганичата 2, Шикаевка 2, Томская, Шестаково, Ачинская, Мальта (рис. 5).

П.Ю. Павлов рассматривает позднепалеолитические мелкопластинчатые каменные индустрии Северной Азии в качестве источника, из которого около 19 тыс. л.н. в бассейнах Камы и Печоры, на Среднем и Южном Урале распространилась уральская культура, носители которой в позднеледниковое время проникли в Среднее Поволжье и на Русскую равнину (Павлов, 2008, 2012).

П.Ю. Павлов видит в материальной культуре стоянки Талицкого основу для выделения специфической уральской (среднеуральской) культуры позднего палеолита, носители которой контактировали с населением стоянки Постников овраг, о чем свидетельствуют найденные там крупные галечные рубящие орудия и скребла (Павлов, 2007, 2012). Также исследователь усматривает аналогии каменному и костяному инвентарю памятников уральской культуры в материалах стоянки Черноозерье II и на р. Иртыш (Генинг, Петрин, 1985).

Обращаясь к материалам стоянки Постников овраг, П.Ю. Павлов отмечает: «Позднепалеолитические и финальнопалеолитические стоянки, имеющие отчетливые черты сходства с памятниками уральской культуры, известны в Среднем Поволжье, Северном Зауралье и на юге Западной Сибири. В Среднем Поволжье это позднепалеолитическая стоянка Постников овраг. ... В материалах двух нижних позднепалеолитических слоев Постникова оврага имеются уплощенно-призматические, торцовые и плоские нуклеусы. Орудийный набор представлен концевыми скребками на отще-

пах и фрагментах пластин, среди них имеются орудия с носиком и округлые на отщепах. Остальные категории орудий немногочисленны и представлены усеченными пластинами, срединными резцами, отщепами с ретушированными выемками. Показательно присутствие в инвентаре чоппингов и скребел с выпукло-вогнутыми лезвиями. Очевидно, что по основным характеристикам структуры комплекса каменного инвентаря стоянка Постников овраг II сходна с материалами памятников уральской культуры. ... Следует особо отметить, что коллективы уральской культуры, полностью адаптированные к особенностям природной среды субарктической и арктической зоны Евразии, могли сыграть значительную роль в освоении обширных пространств северо-запада Русской равнины в позднеледниковое время» (Павлов, 2007, с. 74–76).

Хотя концепция уральской культуры П.Ю. Павлова не получила поддержку некоторых специалистов по палеолиту Урала (Котов, 2014; Сериков, 2007), тезис о некотором сходстве между стоянкой Талицкого на Чусовой и Постниковым оврагом на Волге стал предметом активного обсуждения в литературе.

В связи с этим стоит обратиться к позднепалеолитическим материалам Игнatieвской пещеры, расположенной на Южном Урале, на р. Сим (рис. 1, 5). Исследователем древнего святилища в Игнatieвской пещере В.Т. Петриным отмечено сходство этого памятника со стоянкой Талицкого по некоторым типам каменных орудий – скребкам и микроскребкам, пластинам с притупленным краем, угловым и боковым дублированным резцам, долотовидным орудиям и орудиям с зубчатым и фигурным краем (Петрин, 1992). При этом исследователь полагал, что между стоянкой Талицкого и Игнatieвской пещерой нет прямой взаимосвязи, а они принадлежат к одной линии развития позднепалеолитических культур Урала.

Рассматривая вопрос о генезисе уральского палеолита, В.Т. Петрин высказал гипотезу: «В целом для палеолитических культур на Урале характерна автохтонная линия развития. В позднем палеолите наибольшее распространение получают культурные проявления, эталоном которых могут служить материалы стоянки Талицкого. Видимо, это автохтонная

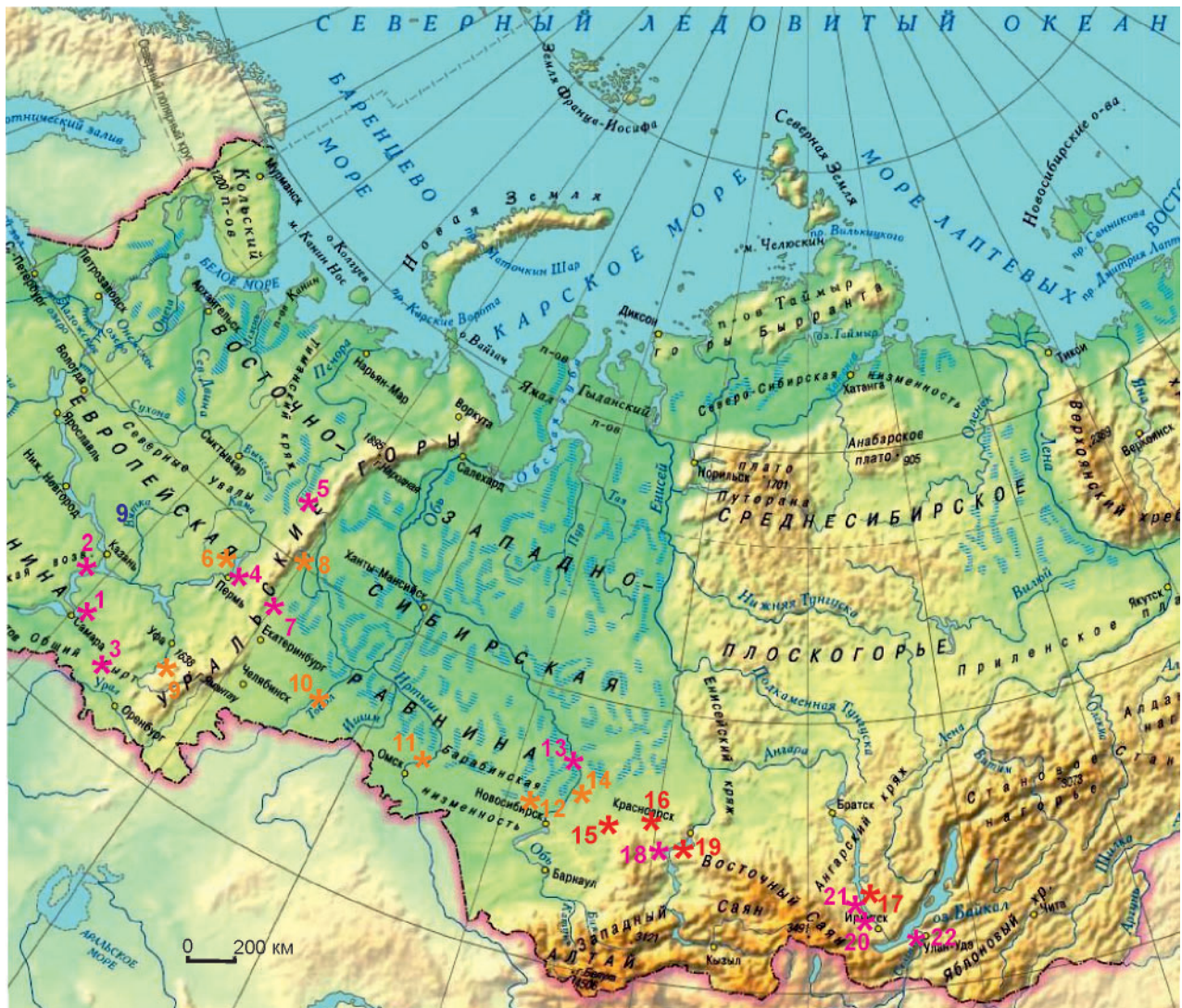

Рис. 5. Карта основных палеолитических памятников Среднего Поволжья, Урала и Сибири, упомянутых в статье:

- 1 – Постников овраг; 2 – Сюкеевский Взвоз; 3 – Кравцово; 4 – стоянка Талицкого, Горная Талица; 5 – Медвежья пещера; 6 – Широфаново 2; 7 – Голый Камень; 8 – Гари; 9 – Игнatieвская пещера; 10 – Шикаевка; 11 – Черноозерье 2; 12 – Волчья Грива; 13 – Могочино; 14 – Томск; 15 – Шестаково; 16 – Ачинск; 17 – Красный Яр; 18 – Новоселово, Кокорево; 19 – Черёмушки, Троицкая 1; 20 – Мальта; 21 – Буреть; 22 – Ошурково

Розовым цветом показаны памятники, упомянутые в работах А.Х. Халикова

- Fig. 5.** Map of the main Paleolithic sites of the Middle Volga region, the Urals and Siberia mentioned in paper:
1 – Postnikov Ovrage; 2 – Syukeevsky Vzvoz; 3 – Kravtsovo; 4 – Talitsky site, Gornaya Talitsa; 5 – Medvezhia Cave; 6 – Shirovanovo 2; 7 – Goly Kamen; 8 – Gari; 9 – Ignatievskaya Cave; 10 – Shikhaevka; 11 – Chernoozerye 2; 12 – Volchia Griva; 13 – Mogochino; 14 – Tomsk; 15 – Shestakovo; 16 – Achinsk; 17 – Krasny Yar; 18 – Novoselovo, Kokorevo; 19 – Cheryomushki, Troitskaya 1; 20 – Malta; 21 – Buret; 22 – Oshurkovo

Pink color shows the sites mentioned in the works of A.Kh. Khalikov

линия развития, уходящая своими корнями в предшествующее время. Она заканчивается в позднем палеолите и наиболее ярко представлена на стоянке Горная Талица. Каменный инвентарь из Игнatieвской пещеры, с одной стороны, несомненно, близок к коллекциям с памятников этого круга, но с другой – пред-

ставляет вполне самостоятельное явление, как и материалы из Каповой пещеры» (Петрин, 1992, с. 145).

Аналогии в каменном инвентаре стоянки Талицкого и Игнatieвской пещеры были отмечены автором 20 лет назад, когда было высказано предположение о существовании

в конце плейстоцена общности населения Среднего Поволжья и Предуралья с близкими традициями в изготовлении каменного инвентаря. В эту гипотетическую общность были включены: усть-камские стоянки и Постников овраг, усть-чусовские памятники – стоянка Талицкого и Горная Талица, а также Игнатиевская пещера на западном склоне Южного Урала (рис. 1, 5) (Галимова, 2001).

В целом общие черты в материальной культуре стоянок, расположенных на гигантском расстоянии друг от друга, таких как Постников овраг на Волге, стоянка Талицкого в Приуралье и Красный Яр на Ангаре, были замечены рядом исследователей. Однако гипотезы, объясняющие это сходство, существенно разнятся.

А.Х. Халиков (1969, 1991), Г.П. Григорьев (2001), П.Ю. Павлов (2007, 2012) являются сторонниками непосредственного притока населения из Восточной Сибири на Урал и Среднюю Волгу в эпоху позднего палеолита. З.А. Абрамова (1978) полагала, что стоянки Талицкого и Красный Яр представляют собой расходящиеся линии от одной общей подосновы, гипотетически развивавшейся в пределах Казахстана – Средней Азии.

По мнению В.Н. Зенина, в силу повышенной мобильности позднепалеолитических коллективов Сибири возникла тенденция к «микролитизации» – уменьшению размеров инвентаря, что могло привести к «эстафетной» или «волновой» передаче культурных или технических образцов на просторах северной Евразии, и такое «заимствование» отдельных изделий не может служить подтверждением далеких миграций (Зенин, 2003).

Ю.Б. Сериков (2007) справедливо замечает, что проблема определения культурной принадлежности стоянки Талицкого на текущий момент не может быть решена, поскольку многие палеолитические памятники Урала существенно разнятся по технико-типологическим характеристикам каменного инвентаря, а многие памятники представлены незначительным числом артефактов.

Возвращаясь к точке зрения А.Х. Халикова о генетической связи населения Среднего Поволжья в конце позднего палеолита с носителями позднепалеолитических культур Сибири, следует отметить, что на сегодняш-

ний день эта концепция выглядит несколько прямолинейной. Множество новых палеолитических стоянок, открытых и изученных в Сибири и на Урале, создают более сложную культурно-хронологическую картину. Так, если в 1960-1970 гг. в Западно-Сибирской низменности были исследованы чуть более десятка позднепалеолитических стоянок – Гари, Шикаевка, Черноозерье II, Волчья Грива, Могочино, Томск и другие (рис. 5), то сейчас здесь известно около 40 стоянок, для многих из них получены радиоуглеродные даты (Зенин, 2003; Макаров, 2009). На Урале, по данным Ю.Б. Серикова, исследовано раскопками более 40 палеолитических памятников, большинство из них отличаются индивидуальными чертами каменного инвентаря. Это не способствует их объединению в культурные группы с достаточной степенью уверенности (Сериков, 2007).

Отмеченная А.Х. Халиковым стоянка-мастерская Голый Камень на окраине г. Нижнего Тагила, в настоящее время рассматривается как комплекс разновозрастных местонахождений и стоянок, связанных с выходами кремнистого сырья, в том числе раннепалеолитических (Сериков, 1988, 2015). Это не позволяет считать Голый Камень памятником, отмечающим движение сибирских позднепалеолитических коллективов на Среднюю Волгу.

Однако вопросы генезиса и взаимодействия культурных образований позднего и финального палеолита Поволжья, Урала и Зауралья по-прежнему остаются в фокусе внимания специалистов. В этой связи стоянка Постников овраг, несомненно, является опорным памятником палеолита Среднего Поволжья, а стоянка Талицкого – опорным памятником палеолита Урала. Не вызывает сомнения и наличие сходных технико-типологических черт в каменных индустриях обоих памятников. Вместе с тем интерпретация этого сходства имеет ярко выраженный дискуссионный характер.

Таким образом, хотя концепция А.Х. Халикова на сегодняшний день и не подтверждается фактами напрямую, которые рисуют более сложную картину, исследователи продолжают изыскания в данном направлении и не исключена возможность вернуться к идее А.Х. Халикова в будущем на новых материалах.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З.А.* Палеолитическая стоянка Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья / Ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1978. С. 7–34.
- Абрамова З.А.* Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР / Археология СССР. Т. 5 / Отв. ред. П.И. Борисковский. М.: Наука, 1984. С. 161–346.
- Абрамова З.А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии / Отв. ред. П.И. Борисковский. Л.: Наука, 1989. С. 145–243.
- Бадер О.Н.* Древнейшая история Прикамья. Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: Наука, 1963. 42 с.
- Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.; Казань: Янус-К, 2001. 272 с.
- Генинг В.Ф., Петрин В.Т.* Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 88 с.
- Герасимов М.М.* Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–58 гг.) // СЭ. 1958. № 3. С. 28–52.
- Герасимов М.М.* Круглое жилище стоянки Мальта // КСИА. Вып. 82. / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1961. С. 128–134.
- Гольмстен В.В.* Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии Российской ассоциации Институтов общественных наук. Вып. IV. М., 1928. С. 125–137.
- Григорьев Г.П.* Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту? // Проблемы первобытной культуры / Отв. ред. В.Г. Котов, В.Е. Щелинский. Уфа: Гилем, 2001. С. 136–155.
- Зенин В.Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22–44.
- Зенин В.Н.* Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. 59 с.
- Котов В.Г.* Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г.П. Григорьева // Каменный век от Атлантики до Пацифики / Замятинский сборник. Вып. 3 / Отв. ред. Г.А. Хлопачев, С.А. Васильев. СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. С. 366–385.
- Косменко М.Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3. С. 3–17.
- Косменко М.Г.* Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1977. С. 94–100.
- Кузнецова Л.В.* Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 22 с.
- Кузнецова Л.В.* Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 5–80.
- Кузнецова Л.В.* Палеолит центральной части Среднего Поволжья // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 20–31.
- Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю.* Постников овраг – археологический памятник эпох камня – средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 3–29.
- Лисицын Н.Ф.* О европейско-сибирских контактах в позднем палеолите // Stratum plus. 1999. №1. С. 121–125.
- Макаров С.С.* Динамика культурного развития и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2009. Т. 8, Вып. 3. С. 63–75.
- Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю.* Стоянка Широфаново II – новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век европейского Севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 7–13.
- Павлов П.Ю.* Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2007. С. 73–85.

Павлов П.Ю. Основные этапы заселения человеком северо-востока Европы в эпоху палеолита // Путь на север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики (Материалы международной конференции) / Отв. ред. А.А. Величко, С.А. Васильев. М.: Институт географии РАН, 2008. С. 69–78.

Павлов П.Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1(18). С. 6–23.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 141 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Свеженцев Ю.С., Щербакова Т.И. Радиоуглеродные даты палеолитических памятников Урала // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции (Уфа, 9-15 сентября 1997). Уфа, 1997. С. 97–99.

Сериков Ю.Б. Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. 1988. № 4. С. 203–209.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. 138 с.

Сериков Ю.Б. Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4(31). С. 4–16.

Талицкий М.В. Островская палеолитическая стоянка близ Перми // КСИИМК. Вып. IV / Отв. ред. С.Н. Бибииков. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 41–42.

Халиков А.Х. Юнга-Кущергинская палеолитическая стоянка (доклад, прочитанный на секции каменного века сессии Института археологии АН СССР и Института археологии АН УССР в Киеве 8 мая 1960 г.) // Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 16. Йошкар-Ола, 1961. С. 139–153.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Часть I. Происхождение финноязычных народов. Учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 107 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2011. 336 с.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994. 95 с.

Информация об авторе:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

REFERENCES

Abramova, Z. A. 1978. In Vasilievskii, R. S. (ed.). *Drevnie kul'tury Priangar'ya (Ancient cultures of the Angara region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 7–34 (in Russian).

Abramova, Z. A. 1984. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit SSSR (Paleolithic of USSR)*. Series: *Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR)* 5(20). Moscow: "Nauka" Publ., 161–346 (in Russian).

Abramova, Z. A. 1989. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit Kavkaza i Severnoy Azii (Paleolithic of the Caucasus and North Asia)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 145–243 (in Russian).

Bader, O. N. 1963. *Drevneyshaya istoriya Prikam'ya. Doklad po opublikovannym rabotam, predstavlennoy na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk (The most ancient history of the Kama region. Report on published works submitted for the degree of Doctor of Historical Sciences.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Paleolithic and Mesolithic Sites in the Mouth of the Kama River)*. Moscow; Kazan: "Ianus-K" Publ. (in Russian).

Gening, V. F., Petrin, V. T. 1985. *Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoy Sibiri (The Late Paleolithic Era in the South of Western Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

- Gerasimov, M. M. 1958. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 28–52 (in Russian).
- Gerasimov, M. M. 1961. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 82. Moscow: “Nauka” Publ., 128–134 (in Russian).
- Gol'msten, V. V. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Rossiyskoy assotsiatsii Institutov obshchestvennykh nauk (Works of the archaeology section of the Russian Association of Institutes of Social Sciences)* 4. Moscow, 125–137 (in Russian).
- Grigoriev, G. P. 2001. In Kotov, V. G., Shchelinskii, V. E. (eds.). *Problemy pervobytnoy kul'tury (Issues of primitive culture)*. Ufa: “Gilem” Publ., 136–155 (in Russian).
- Zenin, V. N. 2002. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 12 (4), 22–44 (in Russian).
- Zenin, V. N. 2003. *Pozdnyy paleolit Zapadno-Sibirskoy ravniny (Late Paleolithic of West Siberian Plain)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).
- Kotov, V. G. 2015. In Khlopachev, G. A., Vasiliev, S. A. (eds.). *Kamennyy vek ot Atlantiki do Patsifiki (The Stone Age from the Atlantic to the Pacific)*. Series: *Zamyatninskiy sbornik (Zamyatnin's collection of papers)* 3. Saint Petersburg: “Nauka” Publ., 366–385 (in Russian).
- Kosmenko, M. G. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 3–17 (in Russian).
- Kosmenko, M. G. 1977. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 149. Moscow: “Nauka” Publ., 94–100 (in Russian).
- Kuznetsova, L. V. 1985. *Paleolit Srednego i Nizhnego Povolzh'ia (Paleolithic of the Middle and Lower Volga Regions)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Leningrad (in Russian).
- Kuznetsova, L. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. Stone Age)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 5–80 (in Russian).
- Kuznetsova, L. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Galimova, M.Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 20–31 (in Russian).
- Kuznetsova, L. V., Skupova, T. Yu. 1987. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Povolzh'e (Archaeological investigations in the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 3–29 (in Russian).
- Lisitsyn, N. F. 1999. In *Stratum plus*. 1, 121–125 (in Russian).
- Makarov, S. S. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 8 (3), 63–75 (in Russian).
- Makarov, E. Yu., Pavlov, P. Yu. 2007. In Volokitin, A. V. (ed.). *Kamenniy vek Evropeyskogo Severa (Stone Age of the European North)*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 7–13 (in Russian).
- Pavlov, P. Yu. 2007. In Zhilin, M. G. (ed.). *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoy zony Severnoy Evrazii v final'nom pleystotsene – rannem golotsene (Adaptation originality and peculiarities of cultures in the forest zone of Northern Eurasia in the Final Pleistocene – Early Holocene)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 73–85 (in Russian).
- Pavlov, P. Yu. 2008. In Velichko, A. A., Vasiliev, S. A. (eds.). *Put' na sever: okruzhayushchaya sreda i samye rannie obitateli Arktiki i Subarktiki (The way to the North: the environment and the earliest inhabitants of the Arctic and Subarctic)*. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 69–78 (in Russian).
- Pavlov, P. Yu. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 18 (1), 6–23 (in Russian).
- Petrin, V. T. 1986. *Paleoliticheskie pamyatniki Zapadno-Sibirskoy ravniny (Paleolithic sites of the West Siberian Plain)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe svyatishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Svezhentsev, Yu. S., Shcherbakova, T. I. 1997. In Nigmatullin, R. I. (Organizing Committee Chairman). *Peshchernyi paleolit Urala (The Cave Palaeolithic of the Urals)*. Ufa: “Print” Publ., 97–99 (in Russian).
- Serikov, Yu. B. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 203–209 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2007. *Garinskaya paleoliticheskaya stoyanka i nekotorye problemy ural'skogo paleolito-vedeniya* (Gari Paleolithic site and some issues of Ural Paleolithic studies). Nizhnii Tagil: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii)* 31 (4), 4–16 (in Russian).

Talitskii, M. V. 1940. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 41–42 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1961. In *Trudy Mariiskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta (Proceedings of the Mari Research Institute)* 16. Yoshkar-Ola: Mari Publishing House, 139–153 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1991. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. Chast' I. Proiskhozhdenie finnoiazychnykh narodov (Uchebnoe posobie) (Fundamentals of the Ethnic Genesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. (Fundamentals of the Ethnic Genesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples)*. Kazan: Kazan State University Publ. (in Russian).

Shcherbakova, T. I. 1994. *Materialy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Talitskogo (Ostrovskoy) (Materials of the Upper Paleolithic site named after Talitsky (Ostrovskaya))*. Yekaterinburg (in Russian).

About the Author:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.225.238>

ТРУБИЦЫНО 5 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК МЕЗОЛИТА-ЭНЕОЛИТА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

© 2023 г. А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова

В статье представлены результаты анализа артефактов, относящихся к эпохам от мезолита до энеолита, полученных в результате раскопок 2018, 2022 гг. многослойного поселения Трубицыно 5 в правобережье р. Дон (Елецкий район Липецкой области). В совокупности обнаружено 916 каменных артефактов. В индустрии памятника использовалось, в основном, характерное для верхнедонского региона сырье: цветной валунный кремль, кварцит, песчаник. Единичные находки изготовлены из неместного черного мелового кремня. Для коллекции характерна преимущественно отщеповая техника снятия заготовок, гораздо меньше – пластинчатая. Представлен полный цикл обработки камня, прослеживаются такие приемы как обивка, ретуширование, шлифование, изредка – резцовое скалывание. Основная часть находок представлена свидетельствами обработки исходного материала. Выявлены также изделия со вторичной обработкой (скребки, скрёбла, рубящие, скобели, резцы, наконечники, провёртки, комбинированные орудия). Керамическая серия включает 57 фрагментов с ромбо-ямочным, ямочным, ямочно-гребенчатым, гребенчатым, ямчатым орнаментом. Остеологическая коллекция насчитывает 65 экз., из которых до вида определен 1 экз. (тур европейский); 1 фрагмент предположительно является частью какого-то изделия.

Ключевые слова: археология, Верхний Дон, мезолит, неолит, энеолит, каменные артефакты, керамика, фаунистические останки.

TRUBITSYNO 5 – A NEW MESOLITHIC-ENEOLITHIC SITE IN THE UPPER DON REGION

A.N. Bessudnov, E.Y. Zakharova

Results from the analysis of artifacts dated back to the Mesolithic-Eneolithic age and found during excavations of the multilayer settlement Trubitsyno 5 on the right bank of the Don River (Yelets District of the Lipetsk Oblast) in 2018 and 2022 are presented in the article. Overall, there were 916 stone artifacts found at this site. They are mainly made of raw materials characteristic for the Upper Don region: coloured chert, quartzite, sandstone. Individual finds are made of non-local black Cretaceous flint. The collection is characterized mainly by the flake technique of removing blanks, much less – by the blade one. The assemblage makes it possible to trace the full cycle of stone processing with such techniques as primary knapping, retouching, polishing, sometimes – burin production. Most lithics represent the evidence for processing of raw material. There are also some tools with secondary modification (end-scrapers, side-scrapers, large cutting tools, burins, points, burins, piercers, combined tools). The pottery series includes 57 fragments with diamond-pit, pit, pit-comb, comb ornaments. The bone collection includes 65 items, of which one item is identified as a bone of *Bos primigenius*; one item is supposed to be a part of some tool.

Keywords: archaeology, Upper Don region, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, stone artifact, pottery, faunistic remains

Поселение Трубицыно 5 располагается в правобережной части бассейна Дона, на левом высоком коренном берегу его притока – р. Быстрая Сосна в Елецком районе Липецкой области (рис. 1).

Памятник находится в 2,57 км к ЮВ от церкви Рождества Богородицы в с. Аргамач-Пальна и занимает территорию между веткой железной дороги Елец – Раненбург и участком федеральной автотрассы М-4 «Дон». Форма поселения подтрапециевидная с размерами

160×50/90 м, вытянута вдоль берега в направлении СВ–ЮЗ. Высота террасы над уровнем поймы – 8–14 м, в балтийской системе ее показатели варьируют от 118 до 123,5 м. С юга граница памятника проходит по достаточно глубокому оврагу, с востока – по крутому склону берега реки, на остальных сторонах она определена по результатам шурфовки. Основная часть его площади задернована и вблизи железнодорожного полотна занята лесопосадкой из лиственных пород деревьев,

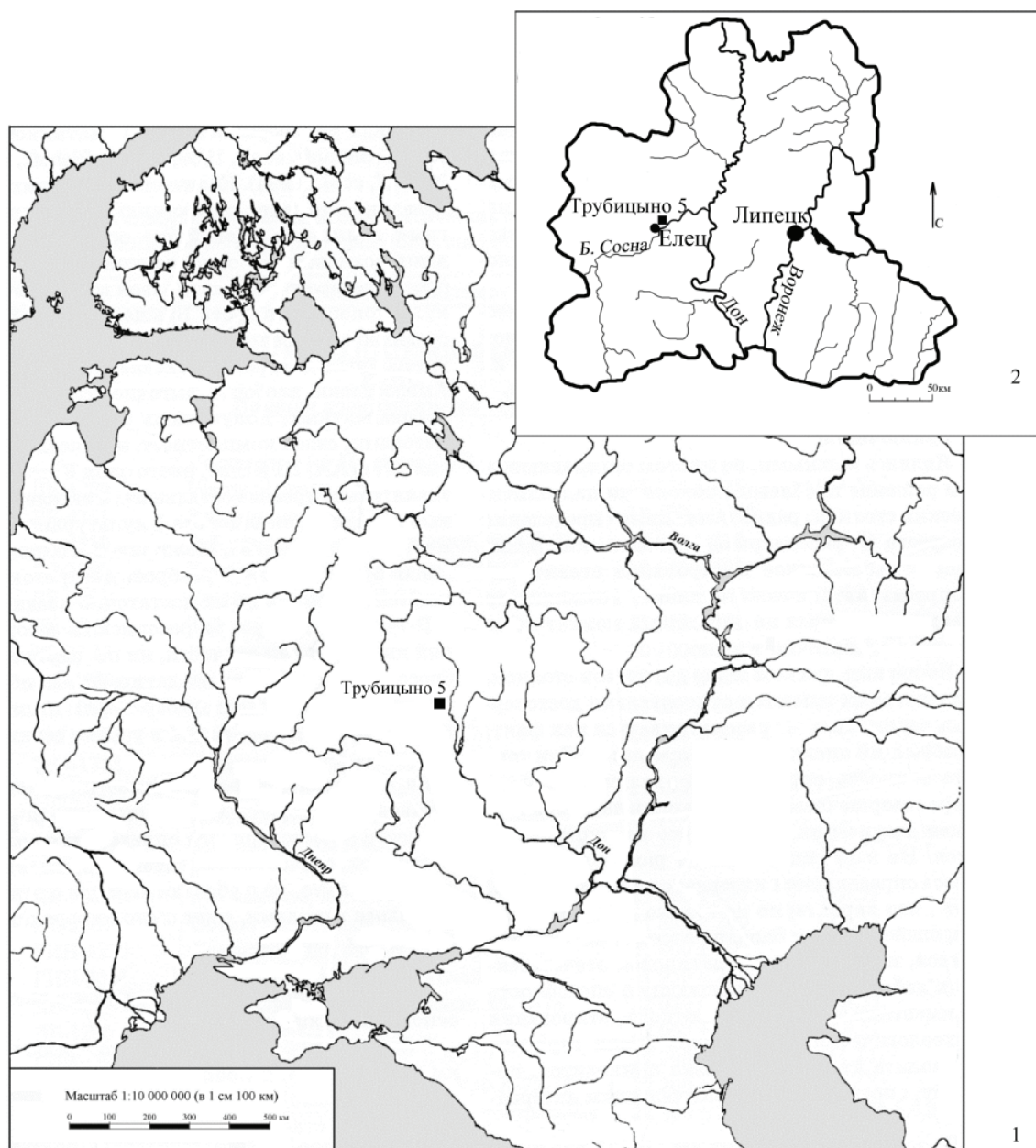

Рис. 1. Положение Трубицыно 5 на картах-схемах Восточной Европы (1) и Липецкой области (2).
Fig. 1. Location of the Trubitsyno 5 on the maps of Eastern Europe (1) and the Lipetsk region (2).

вдоль которой имеется разрушающая дерновый слой противопожарная опашка (рис. 2).

Памятник был выявлен в 1991 г. отрядом экспедиции Воронежского государственного университета под руководством М.В. Цыбина (Цыбин, 1991). С 2000 г. неоднократно обследовался археологами академических и образовательных учреждений Москвы, Липецка и Ельца (А.М. Обломский, Н.А. Тропин, А.Н. Бессуднов, И.Е. Бирюков, Г.Л. Земцов, М.В. Ивашов, А.А. Иншаков, др.). История изучения памятника уже получила освещение в

научной литературе (Ивашов и др., 2014, с. 52; Бессуднов, Земцов и др., 2020, с. 154–155).

В предлагаемой публикации характеризуется коллекция, выявленная в раскопах 2018 и 2022 гг., когда на памятнике работала совместная экспедиция Липецкой областной научной общественной организации «Археолог», Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Воронежского государственного университета (руководители А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова). В эти годы в южной части

Таблица 1. Состав каменного инвентаря
Table 1. Composition of lithic assemblage

НАИМЕНОВАНИЕ НАХОДКИ	КОЛ-ВО	%
Нуклевидная группа	22	2,4
Нуклеусы	13	
Нуклевидные обломки (в т.ч. 1 оживл. скол с площ. нуклеуса)	9	
Продукты расщепления	837	91,4
Отщепы (в т.ч. 13 со следами утилизации)	624	
Отщепы пластинчатые	49	
Обломки (в т.ч. 12 со следами утилизации)	131	
Пластины, сечения, обломки (в т.ч. 9 со следами утилизации)	33	
Отходы вторичного производства	2	0,2
Сколы резцовые	2	
Ударно-абразивные орудия	20	2,2
Отбойники-ретушеры	12	
Абразивы	8	
Изделия со вторичной обработкой	35	3,8
Скребки и их обломки	11	
Комбинированное орудие (скребок-провёртка)	1	
Скрёбла	2	
Скобели	4	
Резцы	3	
Наконечники	3	
Рубящие и их обломки	11	
ВСЕГО	916	100

памятника были заложены раскопы 2 и 3, общая площадь которых составила 64 кв. м (по 32 кв. м каждый сезон), при этом каких-либо признаков жилых и хозяйственных объектов не зафиксировано.

Поселение не является чистым комплексом. Здесь найдены материалы эпох мезолита, неолита, энеолита, раннего средневековья, позднерусского времени (Ивашов и др., 2011, с. 146).

Как уже было отмечено, основная часть памятника в настоящее время задернована, но, судя по стратиграфии, ранее он расширялся на глубину до 30 см. Сохранившийся предматериковый слой также не разделен стерильными прослойками (рис. 3).

Вследствие этого у основной части материала отсутствует возможность использования контекста обнаружения для его культурной интерпретации, поэтому в основу характеристики выявленной коллекции положен типологический принцип. Мы ограничились хронологически эпохами мезолита-энеолита, к которым отнесено 973 находки, в том числе

916 каменных артефактов (табл. 1) и 57 фрагментов керамической посуды.

В индустрии памятника использовалось разнообразное сырье: кремь, кварцит, песчаник. Преобладают низкокачественный цветной валунный кремь красного, коричневого, медово-жёлтого, серого цветов и качественный кварцит зеленоватого, розового, желтого, коричневого и серого оттенков. Названные виды сырья являются характерными для верхнедонского региона. Зафиксированы также единичные артефакты из неместного высококачественного черного мелового кремня, наиболее характерного для бассейна среднего течения р. Оскол (совр. Белгородская область). В отдельных случаях находки из такого кремня имеют легкую голубоватую патину. В количественном отношении по материалу каменные артефакты распределяются следующим образом: из кремня – 459 экз. (50,1%), кварцита – 446 экз. (48,7%), песчаника – 11 экз. (1,2%).

Для коллекции характерна преимущественно отщеповая техника снятия заготовок,

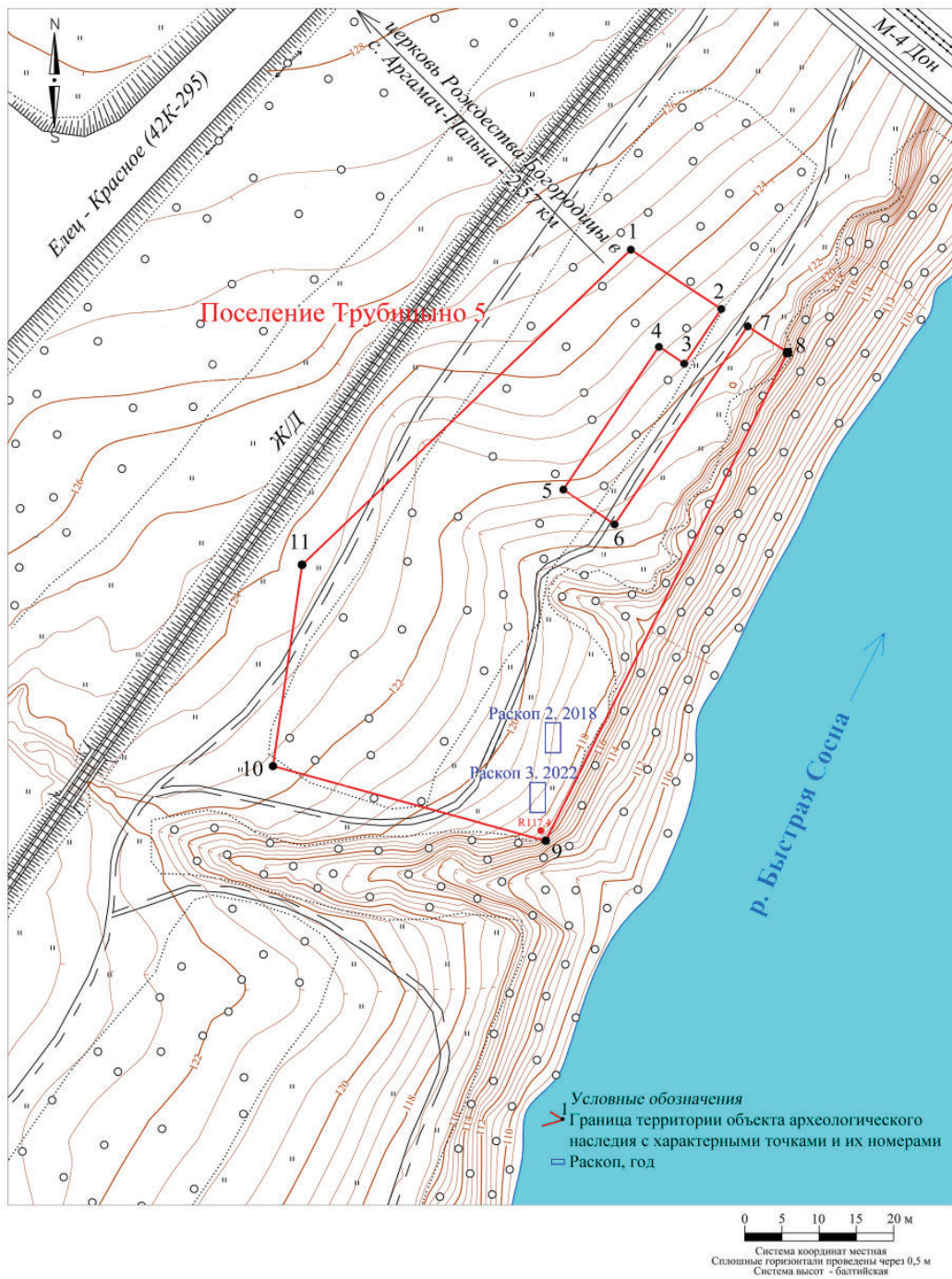

Рис. 2. Топографический план памятника Трубицыно 5.

Fig. 2. Topographic map of the site of Trubitsyno 5.

в гораздо меньшей степени – пластинчатая. Представлен полный цикл обработки камня, прослеживаются такие приемы как обивка, ретуширование (притупляющая и приостряющая ретушь), шлифование, изредка – резцовое скалывание.

Основная часть находок – это свидетельства обработки исходного материала разной степени первичности: нуклеусы; оживляющий скол с площадки нуклеуса; нуклевидные

обломки; обломки камня; отщепы; пластинчатые отщепы; пластины, их сечения и обломки; отбойники-ретушеры; резцовые сколы.

Нуклевидная группа. Нуклевидная группа представлена 22 артефактами, в категорию которых включено 13 нуклеусов и 9 нуклевидных обломков (в том числе единственный оживляющий скол с площадки нуклеуса). Шесть нуклеусов (в т. ч. три микронуклеуса) представлены клиновидными (килевидными)

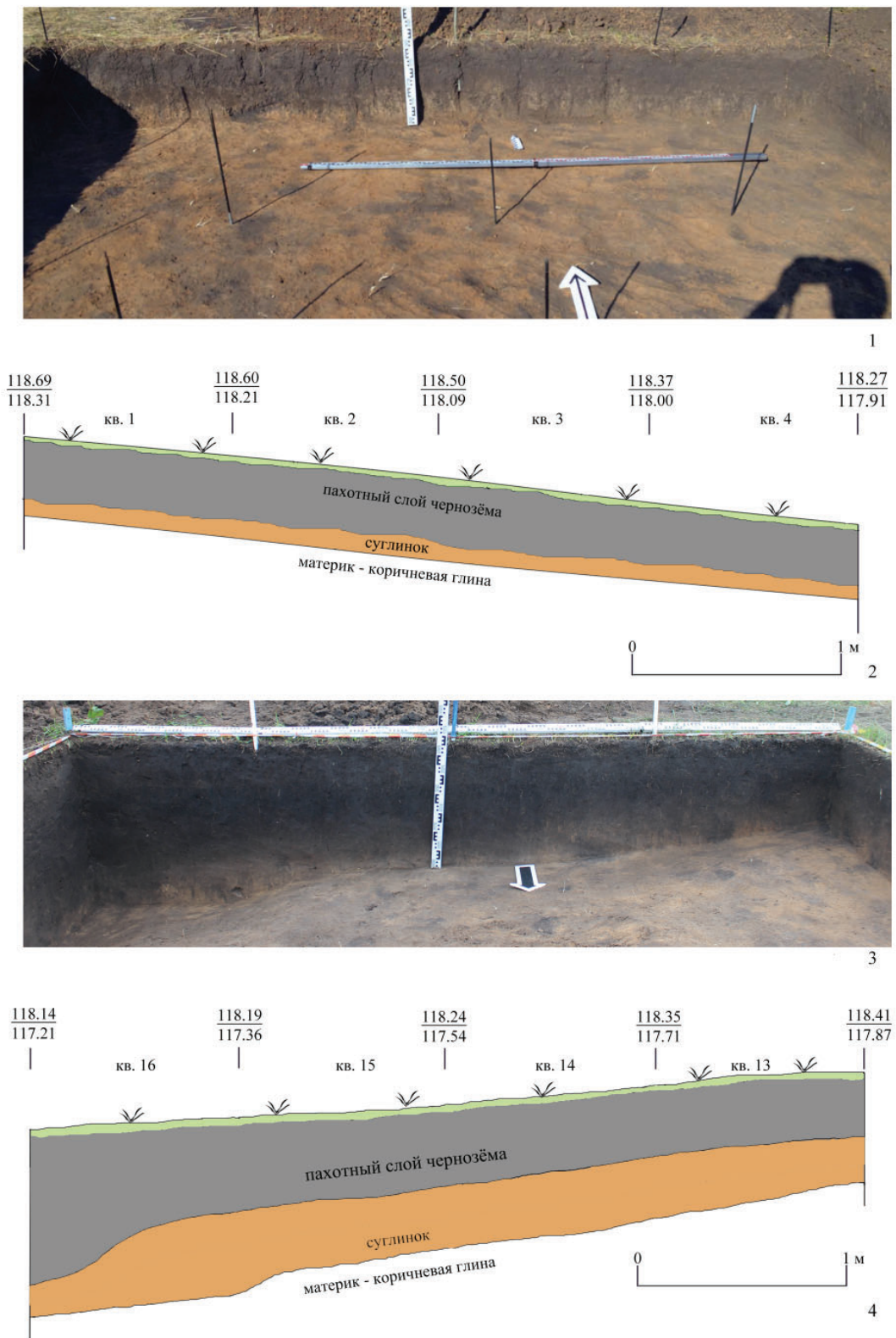

Рис. 3. Трубицыно 5. 1–2 – Раскоп 2, 2018: фото северной стенки, вид с юга (1); стратиграфия северной стенки (2); 3–4 – Раскоп 3, 2022: фото южной стенки, вид с севера (3); стратиграфия южной стенки (4).

Fig. 3. Trubitsyno 5. 1–2 – Excavation area 2, 2018: photo of the northern wall, view from the south (1); stratigraphy of the northern wall (2); 3–4 – Excavation area 3, 2022: photo of the southern wall, view from the north (3); stratigraphy of the southern wall (4).

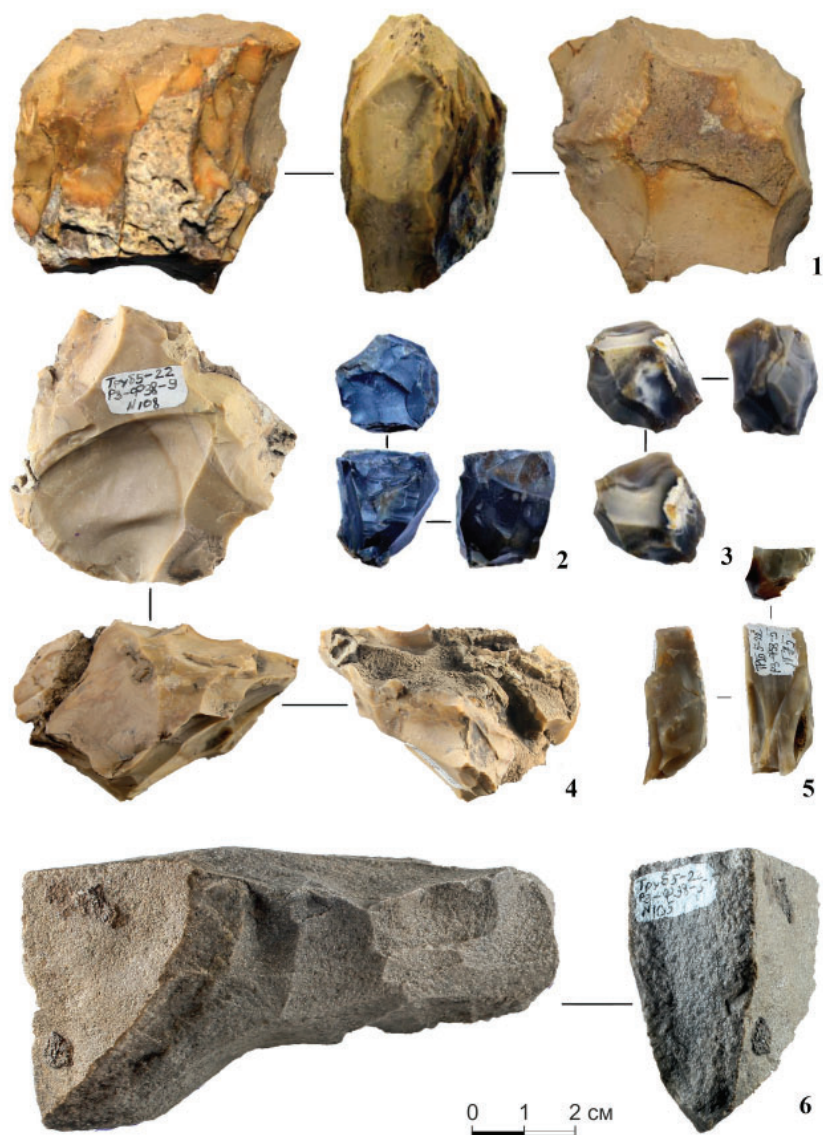

Рис. 4. Трубицыно 5. Нуклеусы из кремня (1–5) и кварцита (6).
 Fig. 4. Trubitsyno 5. Cores made of chert (1–5) and quartzite (6).

формами с прямыми или слегка скошенными площадками овальной формы (рис. 4: 6); четыре аморфных экземпляра, три из которых на конечной стадии сработанности: к ним отнесены неправильной формы желваки, с фиксируемыми на всех сторонах негативами снятия отщепов (рис. 4: 2–4); по одному экземпляру представлены нуклеусы на плитчатой заготовке, подпризматический, карандашевидный (рис. 4: 5) и дисковидный (рис. 4: 1). Последний представляет собой уплощённый кремнёвый желвак миндалевидной формы со следами снятия отщепов по кругу с двух сторон.

Все нуклеусы предназначены для снятия, преимущественно, широких отщепов аморф-

ной, реже пластинчатой, формы. Общей особенностью нуклевидной серии является наличие у основной части ядрищ следов скалывания с нескольких площадок, с использованием приема переоформления для образования дополнительного фронта расщепления. 12 нуклеусов – кремневые, 1 – кварцитовый. Скол оживления, упомянутый выше, вместе с восемью другими находками, отнесен к категории нуклевидных обломков. Из них 6 – кремнёвых, 3 – кварцитовых.

В группу продуктов расщепления включены 624 отщепа (в т. ч. 13 со следами утилизации), из которых 278 кремнёвых, 346 кварцитовых; 49 пластинчатых отщепов, в том числе 25 кремнёвых и 24 кварцитовых; 131 обломок (в т. ч. 12

Рис. 5. Трубицыно 5. Артефакты из кремня (1–17, 19–22) и кварцита (18): 1–9 – пластины и сечения пластин со следами утилизации; 10–15 – скребки и их обломки; 16 – полифункциональное орудие (скребок-провёртка); 17 – скобель на отщепе; 18–19 – резцы; 20–22 – обломки наконечников стрел.

Fig. 5. Trubitsyno 5. Chert (1–17, 19–22) and quartzite (18) artifacts: 1–9 – blades and their fragments with irregular retouch; 10–15 – end-scrapers and their fragments; 16 – combined tool (end-scrapers–borer); 17 – concave end-scrapers made on flake; 18–19 – burins; 20–22 – bifacial points fragments.

со следами утилизации), из которых 84 кремнёвых, 42 кварцитовых, 5 песчаниковых. Также к этой группе отнесены целые пластины (8 экз.), их сечения и обломки (25 экз.), из которых 9 со следами утилизации (рис. 5: 1–9). Имеющиеся следы утилизации визуально фиксируются в

виде нерегулярной ретуши и являются свидетельствами использования данных артефактов в древности.

К группе отходов вторичного производства относятся *резцовые сколы*. Их в коллекции два экз., один из которых кварцитовый, второй –

Рис. 6. Трубицыно 5. Ударно-абразивная группа артефактов из кварцита (1–5) и кремня (6).
Fig. 6. Trubitsyno 5. Impact-abrasive tools made of quartzite (1–5) and chert (6).

кремнёвый. В одном случае ширина кромки не превышает 2 мм, в другом – не более 4 мм. По ребру кремнёвого резцового скола прослеживается патина голубого цвета.

К изделиям со вторичной обработкой относится группа ударно-абразивных орудий, представленная абразивами и отбойниками-ретушёрами.

Абразивные орудия (8 экз.) представлены шлифовальными плитами, которые выделяются массивностью и визуально фиксируемыми характерными следами сработанности. Шесть экз. данного типа орудий изготовлены из песчаника (рис. 6: 1), а два – из кварцита.

К этой же группе относятся 12 отбойников-ретушёров (8 целых и 4 обломка), предназначенных для раскалывания и обработки камня.

Из них 6 – кремнёвые, 4 – кварцитовые, 2 – песчаниковые. Данные артефакты отличаются относительным морфологическим единством – все они оформлены на достаточно крупных гальках округлой или продолговатой форм, визуально фиксируются следы утилизации, образованные в результате нанесения ударов по заготовке (рис. 6: 2–5). В одном случае отколовшаяся часть отбойника в последующем могла использоваться только в качестве ретушёра (рис. 6: 6).

Как нам представляется, в одном случае в качестве отбойника-ретушёра использовано сработанное рубящее орудие, в пользу чего свидетельствует характерная бифасиальная обработка плоских поверхностей (рис. 8: 2).

Рис. 7. Трубицыно 5. Рубящие орудия из кварцита.
 Fig. 7. Trubitsyno 5. Quartzite large cutting tools.

Изделий со вторичной обработкой выявлено 35 экз. (3,8 % от общего числа каменных артефактов). К ним относятся скребки, комбинированное орудие (скребок-провёртка), скрёбла, скобели, резцы, наконечники, рубящие.

Скребки представлены одиннадцатью небольшими концевыми формами и их обломками (9 и 2 соответственно), выпол-

ненными на отщепах с оформлением рабочих частей крутой притупляющей ретушью (рис. 5: 10–15). Самый большой из целых экземпляров имеет размеры 5,2×2,4×1,6 см (рис. 5: 10), а самый маленький – 2,4×1,8×1,0 см (рис. 5: 13). У четырех целых форм рабочая часть подокруглая, у двух – скошенная, у остальных скребковая ретушь нанесена на боковой части заготовки с незначитель-

Рис. 8. Трубицыно 5. Рубящие орудия и их обломки из кварцита (1–2, 4) и кремня (3, 5).
Fig. 8. Trubitsyno 5. Large cutting tools and their fragments made quartzite (1–2, 4) and chert (3, 5).

ным выходом на ее концевую часть. Один относительно крупный скребок размерами 5,7×3,3×1,3 см комбинируется с провёрткой (рис. 5: 16).

Скрёбла представлены двумя массивными изделиями, оформленными на случайных заготовках из мелкозернистого кварцита. Рабочие части орудий оформлены крупными сколами, имеющими легкую зашлифованность.

Скобели. Каких-либо устоявшихся форм скобелей в каменной коллекции памятни-

ка не выявлено. Эту функцию могли выполнять артефакты любой формы. Всего имеется четыре орудия данного типа. В двух случаях скоблевидные выемки оформлены крутой притупляющей ретушью по боковым краям пластинчатых отщепов: кварцитового и кремнёвого (рис. 5: 17). В двух других случаях скоблевидные выемки оформлены в аналогичной технике на обломках кремня и кварцита.

Резцы. Эта категория орудий, хотя и отнесена нами к морфологически выраженным,

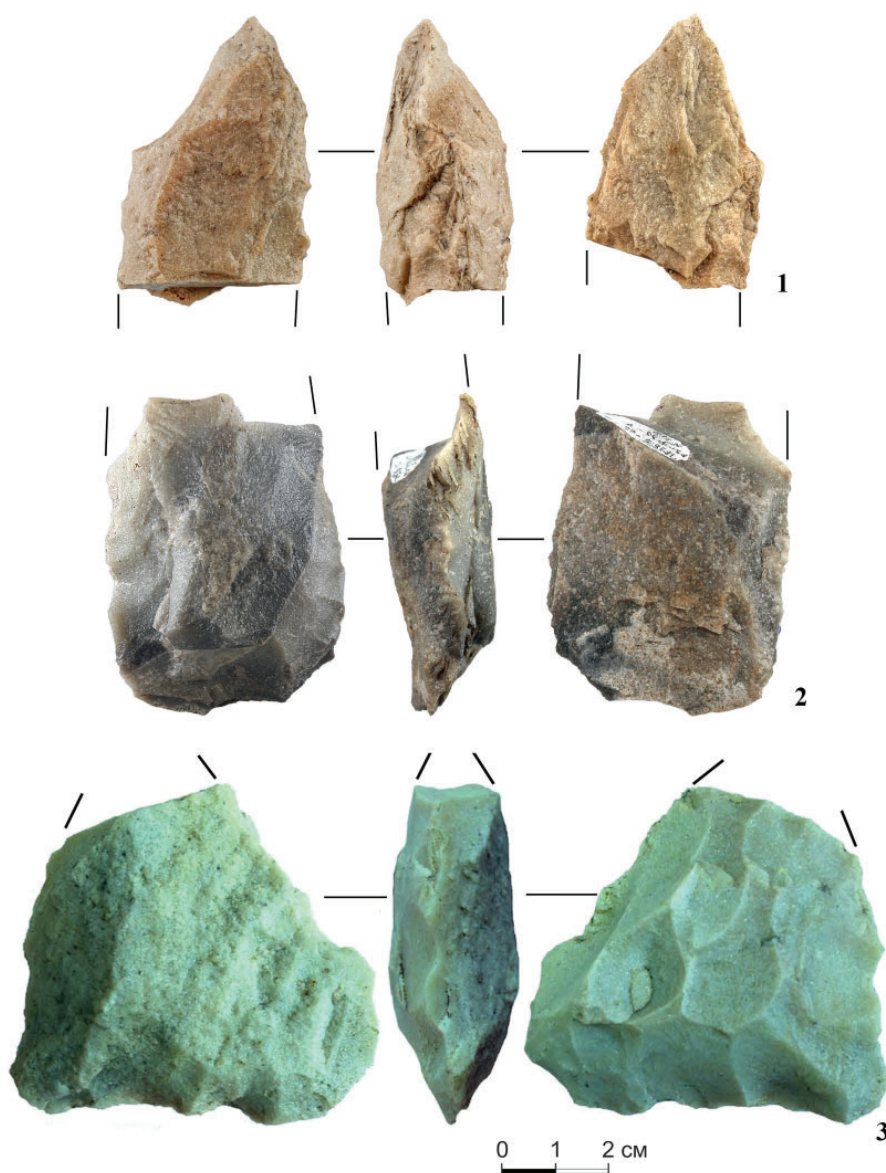

Рис. 9. Трубицыно 5. Обломки рубящих орудий из кварцита.

Fig. 9. Trubitsyno 5. Quartzite large cutting tools fragments.

тем не менее, резцовая техника в коллекции представлена слабо и зафиксирована на трех артефактах. В двух случаях в качестве исходной заготовки выступают отщепы: по одному из кварцита и кремня (рис. 5: 18–19), и ещё в одном – обломок кремня.

Наконечники. Представлены тремя кремневыми фрагментами концевых частей, оформленными в бифасиальной технике тонкой струйчатой уплощающей ретушью (рис. 5: 20–22).

Рубящие. Выявлено 10 достаточно крупных экземпляров и их обломков из кварцита (рис. 7; 8: 1–2, 4–5; 9). Все рубящие имеют острообушковую бифасиальную форму, полученную посредством обивки: в их числе два

хорошо сохранившихся крупных *тесла* размерами 15×3,2×1,5 см (рис. 7: 1), 16,5×5,6×3,5 см (рис. 7: 2) и две лезвийных части этого же типа орудий (рис. 8: 5; 9: 2); один целый *топор* размерами 7,7×4,3×1,9 см (рис. 8: 1) и один обломок (рис. 9: 3). Кроме того, обнаружены обушковые части рубящих орудий, которые бесспорно соотнести с теслами или топорами не представляется возможным (рис. 8: 4; 9: 1). Одна из находок предположительно является заготовкой. Еще на одном экземпляре хорошо фиксируется сильная сработанность практически по всему периметру изделия (рис. 8: 2), что позволяет предполагать вторичное использование его в качестве ретушера, о чем мы уже

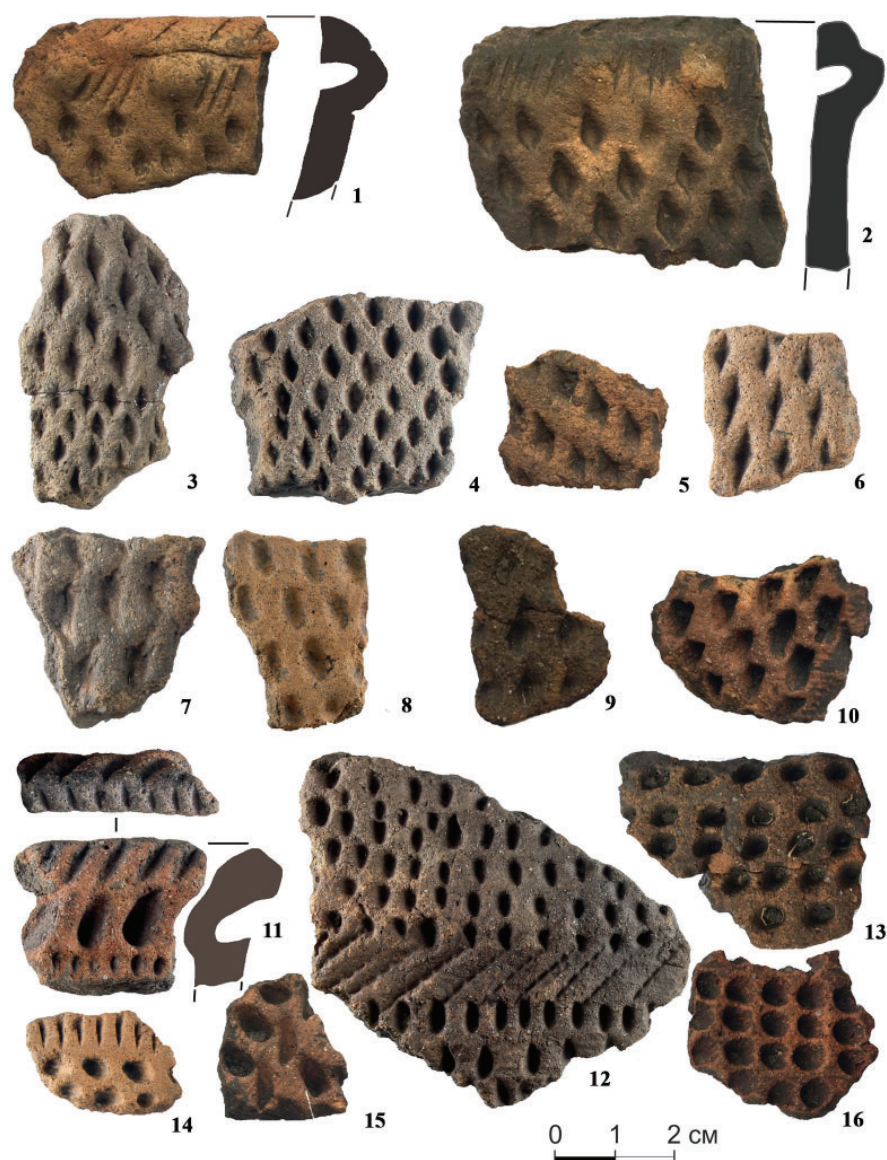

Рис. 10. Трубицыно 5. Керамика: 1–7 – ромбо-ямочная; 8–9 – ямчатая; 10, 13, 15, 16 – ямочная; 11, 12, 14 – ямочно-гребенчатая.

Fig. 10. Trubitsyno 5. Ceramics: 1–7 – Rhombo-Dimpled Ware; 8–9, 10, 13, 15, 16 – Pit Ware; 11, 12, 14 – Pit-Comb Ware.

писали выше. Единственное в данной группе кремневое орудие – это миниатюрное долото, оформленное на плоском полупрозрачном отщепе подтреугольной формы (рис. 8: 3).

Коллекция керамики, соотносимая с поздним этапом неолитической эпохи, насчитывает 54 фрагмента, в том числе с ромбо-ямочным орнаментом – 28 ед., ямочно-гребенчатым – 12 ед., ямочным – 9 ед., ямчатым – 2 ед., гребенчатым – 1 ед., без орнамента – 2 ед. (рис. 10).

Три фрагмента, в составе теста которых фиксируется обильная примесь органики, могут быть соотнесены с эпохой энеолита.

Остеологический материал на памятнике представлен слабо: в раскопах 2 и 3 выявлено 65 преимущественно мелких костей млекопитающих. Их изучением занималась научный сотрудник Института зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины Е.Ю. Яниш, которой в предварительном плане удалось определить единственную кость, принадлежащую туру европейскому (*Bos primigenius* Linnaeus, 1758) (Бессуднов, Смольянинов и др., 2020, с. 179). Кроме этого, в 2022 г. найден единственный фрагмент неизвестного изделия из кости размерами 35×16×8 мм со следами

обработки режущим инструментом с целью оформления кантика по краю.

Несмотря на перемешанность культурного слоя, в процессе наблюдения за послойным распространением находок удалось сделать вывод, что неолитический материал разных культурных традиций соотносится в своей основе с единым культурным горизонтом. В этой связи можно предположить, что на месте памятника одновременно могли проживать и решать повседневные хозяйственные

задачи по жизнеобеспечению представители различных культурных традиций, корни происхождения которых связаны с бассейнами Десны, Верхней Волги, Верхнего Дона.

Учитывая достаточно высокий процент рубящих орудий, можно также предположить, что проживающее здесь неолитическое население специализировалось на изготовлении лодок-долблёнок, используемых для рыбной ловли и охоты на обитающих в р. Быстрая Сосна животных.

ЛИТЕРАТУРА

Бессуднов А.Н., Земцов Г.Л., Смольянинов Р.В., Желудков А.С., Яниш Е.Ю. Исследования поселения Трубицыно 5 на реке Быстрая Сосна в 2018-2019 гг. // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019 / Отв. ред.-сост. М.В. Ивашов. Липецк-Воронеж: Новый взгляд, 2020. С. 154–157.

Бессуднов А.Н., Смольянинов Р.В., Желудков А.С., Яниш Е.Ю. Археологические исследования поселения Трубицыно 5 на Среднем Дону // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 178–180.

Ивашов М.В., Бессуднов А.Н., Свиридов А.А. Исследования в зоне строительства федеральной трассы М–4 «Дон» // Археологические открытия 2008 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2011. С. 145–146.

Ивашов М.В., Бессуднов А.Н., Земцов Г.Л., Свиридов А.А., Смольянинов Р.В. Охранные археологические исследования поселения Трубицыно 5 в Елецком районе Липецкой области // Археология и охрана археологического наследия Центральной России / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 2014. С. 52–59.

Цыбин М.В. Отчет об исследованиях Семилукского городища в Воронежской области и разведке по р. Быстрая Сосна в Елецком районе Липецкой области в 1991 г. / Архив ИА РАН. № 16468.

Информация об авторах:

Бессуднов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк, Россия); bessudnov_an@mail.ru

Захарова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия); ez@hist.vsu.ru

REFERENCES

Bessudnov, A. N., Zemtsov, G. L., Smol'yaninov, R. V., Zheludkov, A. S., Yanish, E. Yu. 2020. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e 2019 (Archaeological studies in the Central Chernozem region 2019)*. Lipetsk-Voronezh: "Novyi vzglyad" Publ., 154–157 (in Russian).

Bessudnov, A. N., Smol'yaninov, R. V., Zheludkov, A. S., Yanish, E. Y u. 2020. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya. 2018 god (Archaeological discoveries of 2018)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 178–180 (in Russian).

Ivashov, M. V., Bessudnov, A. N., Sviridov, A. A. 2011. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 2008 goda (Archaeological discoveries of 2008)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 145–146 (in Russian).

Ivashov, M. V., Bessudnov, A. N., Zemtsov, G. L., Sviridov, A. A., Smol'yaninov, R. V. 2014. In Medvedev, A. P. (ed.). *Arkheologiya i okhrana arkheologicheskogo naslediya Tsentral'noy Rossii (Archaeology and protection of the archaeological heritage of Central Russia)*. Voronezh: Voronezh State University, 52–59 (in Russian).

Tsybin, M. V. 1991. *Otchet ob issledovaniyakh Semilukskogo gorodishcha v Voronezhskoy oblasti i razvedke po r. Bystraya Sosna v Eletskom rayone Lipetskoy oblasti v 1991 g. (Report on the studies of the Semiluki settlement in the Voronezh region and reconnaissance along the Bystraya Sosna River in the Yelets district of*

the Lipetsk region in 1991). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16468 (in Russian).

About the Authors:

Bessudnov Alexander N. Candidate of Historical Sciences. Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University. Lenin St., 42, Lipetsk, 398020, Russian Federation; bessudnov_an@mail.ru

Zakharova Elena Yu. Doctor of Historical Sciences. Voronezh State University. Moskovsky Prospekt, 88, Building 8, Voronezh, 394026, Russian Federation; ez@hist.vsu.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.239.251>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КРЕМНЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ И ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ¹

© 2023 г. К.М. Андреев, А.В. Сомов

В статье представлены результаты сравнительного анализа кремневой индустрии нового каменного века лесостепного Поволжья и Верхнего Подонья. Для территории лесостепного Поволжья на протяжении всего неолита характерно преобладание торцевых нуклеусов и экземпляров бессистемного снятия. Кремневая индустрия является отщепово-пластинчатой. В раннем неолите скребки имеют неустойчивые типологические формы, впоследствии наиболее распространенными становятся концевые на отщепах, редко на пластинах, конце-боковые, боковые и угловые. Перфораторы выполнялись в основном на сколах, реже на пластинах, ножи – прямолезвийные или саблевидные, резцы – единичны. На стоянках средневожской культуры фиксируется применение техники шлифования при изготовлении рубящих орудий, а также появляется специфический тип – уплощенный нуклеус, переоформленный в тесло. В развитом неолите также широкое распространение получают треугольно-черешковые и листовидные наконечники стрел, в том числе двусторонне ретушированные. Кремневая индустрия неолитического населения Верхнего Подонья является ярко выраженной отщеповой, пластины в комплексах единичны и имеют нерегулярную огранку. Нуклеусы в основном бессистемного снятия. Орудия не образуют устойчивых серий, скребки – типологически вариативны, ножи прямолезвийной и саблевидной формы, резцы и скобели единичны. Преобладают треугольно-черешковые наконечники стрел, при изготовлении рубящих орудий применяется техника шлифования. Кремневые комплексы представленных регионов обнаруживают близость по следующим параметрам: отщеповой или отщепово-пластинчатый характер индустрий; в качестве сырья используется местный кремний; ножи прямолезвийные и саблевидные; применение приема шлифования при изготовлении рубящих орудий; неразвитость резцовой техники; треугольно-черешковые наконечники стрел. Однако присутствует и определенная специфика, в частности, в лесостепном Поволжье выявлены типологически более разнообразные скребки, шире представлена традиция изготовления рубящих орудий, распространены торцевые нуклеусы.

Ключевые слова: археология, лесостепь, Верхний Дон, лесостепное Поволжье, неолит, елшанская культура, средневожская культура, среднедонская культура, карамышевская культура, каменный инвентарь, кремний, типологический анализ.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF NEOLITHIC STONE COMPLEXES OF THE FOREST-STEPPING VOLGA AND THE UPPER DON REGIONS²

K.M. Andreev, A.V. Somov

The results of a comparative analysis of stone industry Neolithic complexes of the forest-stepping Volga and the Upper Don regions are represented in the paper. The predominance of nuclei with a side front and with unsystematic removals is characteristic for the territory of the forest-stepping Volga region throughout the entire Neolithic period. The stone industry is characterized as flaked-bladed. In the early Neolithic end scrapers have unstable typological forms, then end scrapers on flakes became the most common, rarely on blades, end-side, lateral and angular forms. Perforators were made on burin spalls, rarely on blades. The knives were straight-bladed or saber-shaped, burins were single throughout the New Stone Age. The spread of grinding techniques is discovered on chopping tools, also a specific type of tools has appeared – a flattened nucleus, which was remade into a chisel at the sites of the Middle Volga culture. Barbed, leaf and two-site retouched

1 Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

2 The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10001) "Ethno-cultural interaction of the population of the Middle Volga region in the Stone Age (Mesolithic-Eneolithic)".

arrowheads were used in the developed Neolithic. Stone industry of neolithic people of the Upper Don region is characterized as flaked. The blades are rare in the complexes and have an irregular cut. Nuclei has mostly unsystematic removals. Stone tools don't form stable series, scrapers are typologically variable. Straight-blade and saber-shaped knives, burins and push-plates are rare. Barbed arrowheads predominate; chopping tools are made with grinding. Stone complexes of the regions show similarity in the following parameters: flaked or flake-bladed character of industries; local flint is used as raw material; knives straight-bladed and saber-shaped; the use of grinding in the making of chopping tools; underdevelopment of burin technique, barbed arrowheads. However, there is also a certain specificity, in particular, in the forest-stepping Volga region, more typologically diverse scrapers have been identified, the tradition of making chopping tools is more widely represented, and end nucleuses are common.

Keywords: archaeology, forest-steppe, Upper Don, the forest-steppe Volga region, Neolithic, Elshanka culture, Srednevolzhskaya culture, Srednedonskaya culture, Karamyshevo culture, stone inventory, flint, typological analysis.

Введение

Лесостепная зона Восточной Европы является связующим звеном между двумя экологическими нишами – степью и лесом, для каждой из них характерны свои особенности. Специфика природно-климатических условий рассматриваемых регионов способствовала активному культурному взаимодействию и связям, которые имели меридиональную и широтную направленность. Для неолитических культур Верхнего Подонья и лесостепного Поволжья характерны аналогичные тенденции развития керамического производства: от слабо орнаментированной посуды до накольчато-гребенчатой системы орнаментации. С начала XXI века произошли качественные изменения в изучении нового каменного века обозначенных регионов. Для лесостепного Поволжья выстроена целостная схема развития неолитических культур (елшанская и средневолжская), уточнена их периодизация и абсолютная хронология (Андреев, Выборнов, 2017; Выборнов, 2008). В настоящее время исследователи Верхнего Подонья отмечают, что среднедонской культуре (Синюк, 1986) синхронна посуда карамышевского типа (Смолянинов, 2020). При этом по-прежнему для характеристики нового каменного века обоих регионов основное внимание уделяется описанию глиняной посуды, ее орнаментации и обозначенные культуры во многом остаются «керамическими». Однако в последнее время исследована серия памятников, которая позволяет получить первое представление о кремневых комплексах лесостепного Поволжья и Верхнего Подонья, а также провести их сравнительный анализ.

Лесостепное Поволжье

В неолите лесостепного Поволжья добыча и первичное раскалывание кремня, и в неболь-

шом количестве его вторичная и третичная обработка осуществлялись на специализированных стоянках-мастерских. Полученное сырье и заготовки в дальнейшем использовались в местах постоянного проживания неолитических групп. На бытовых стоянках доля отходов производства относительно невелика, и они не отражают полный цикл работы с кремнем (от его первичного раскалывания до придания законченных форм орудиям). На большинстве памятников отщепы и куски со следами желвачной корки единичны и, по всей видимости, были получены при работе с уже подготовленным к расщеплению сырьем, имеющим незначительные участки с коркой (Андреев, Сомов, 2020, с. 79).

Ранненеолитическая кремневая индустрия представлена материалами памятников елшанской культуры, для нее характерна слабо орнаментированная, профилированная, остродонная или плоскодонная посуда с поясками ямок-жемчужин под срезом венчика. Зачастую елшанская посуда выделяется типологически из коллекций стоянок-палимпсестов, содержащих примесь развитого – позднего неолита и/или энеолита, ввиду чего определение комплекса кремневых артефактов, связанных с ней крайне затруднено. Относительно «чистыми» являются комплексы стоянок Нижняя Орлянка II (Колев и др., 1995) и Чекалино IV (Мамонов, 1995; Мочалов, 2008), они же служат опорными при характеристике ранненеолитической кремневой индустрии. Использовался преимущественно кремль различных оттенков (красных, желтых, коричневых и др.) плохого качества. Пластины составляют около 7% от общего количества каменного инвентаря, на них изготовлено не более 10% орудий. Среди нуклеусов (рис. 1: 1–7) преобладают торцевые и бессистемного

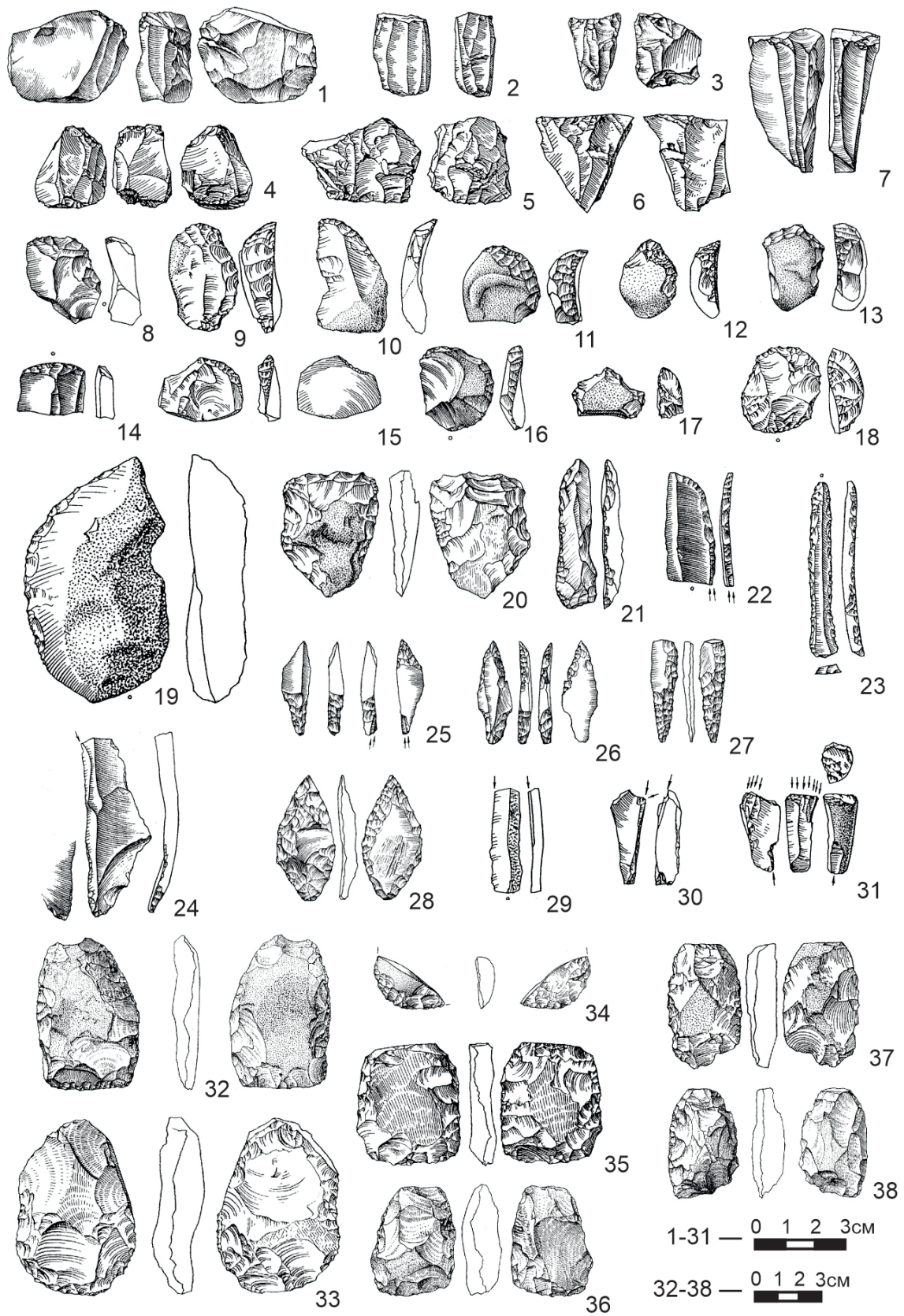

Рис. 1. Кремневый инвентарь елшанской культуры (по Андреев, Выборнов, 2017, с. 246–257).
 Fig. 1. Stone inventory of Elshanka culture (according to Andreev, Vybornov, 2017, p. 246–257).

снятия, реже фиксируются пирамидальные и уплощенные формы. Скребки (рис. 1: 8–18) типологически разнообразны и не представляют устойчивых серий, можно выделить следующие категории: концевые, конце-боковые, скошенные, угловые, стрельчатые, боковые, с носиком, с плечиком и с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра. Ножи прямолезвийные и саблевидные (рис. 1: 19–22). Перфораторы немногочисленны, изготовлены на сколах или пластинах, острия прямые или скошенные, без плечиков (рис. 1: 23–24). Выявлены единичные многофасеточные или угловые резцы, а также отдельные орудия с резцовыми сколами (рис. 1: 29–31). Деревообрабатывающие орудия представлены топорами, теслами и долотами, изготовленными в технике двусторонней оббивки (рис. 1: 32–38). Наконечники стрел листовидной формы, черешковые и постсвидерского типа (рис. 1: 25–28) (Андреев, 2015).

Для изучения кремневой индустрии развитого и позднего неолита лесостепного Поволжья в качестве опорных следует рассматривать коллекции стоянок Ильинка (Мамонов, 1988), Калмыковка I (Андреев и др., 2018) и Лужки II (Сомов и др., 2023). На обозначенных памятниках получены относительно «чистые» кремневые коллекции средневожской культуры, в то время как на других поселениях материалы развитого и позднего неолита залегают совместно с ранне-неолитическими и энеолитическими, что делает их типологическое разграничение крайне затруднительным, а зачастую невозможным.

В качестве сырья использовался цветной галечный кремль плохого качества, в меньшем количестве представлен хороший темно- или светло-серый желвачный кремль. Отмечается преобладание (64–71%) отходов производства: отщепы, осколки и аморфные куски, реже продольные сколы. На стоянках Лужки II и Ильинка выявлены относительно выразительные серии пластин – 15–25% от комплекса изделий из кремня, при этом на стоянке Калмыковка I обнаружено всего 6% пластин. На Лужках II найдено изделие с пильчатой ретушью и единичные экземпляры из кварцита (рис. 2: 16–17). На всех памятниках преобладают торцевые, иногда сильно уплощенные, одноплощадочные нуклеусы (рис. 2: 1–4), также распространены ядрища с бессистемным скалыванием, на Ильинской

стоянке по одному выявлены конический и призматический типы.

Деревообрабатывающие (рис. 2: 37–39) орудия (топоры, тесла и долота) широко представлены на Калмыковке I (11 экз.) и Лужках II (10 экз.), в меньшем количестве обнаружены на Ильинке (5 экз.). Они изготовлены преимущественно в технике двусторонней оббивки, реже с пришлифованными участками. На стоянках Ильинка (3 экз.) и Калмыковка I (1 экз.) обнаружен специфический тип – уплощенные пластинчатые нуклеусы, переформленные в тесла (рис. 2: 39).

Скребки (рис. 2: 5–15) преимущественно выполнены на отщепах и сколах и представлены следующими типами: концевыми с округлым, прямым и скошенным рабочим краем, конце-боковыми, реже встречены боковые, угловые, скошенные и стрельчатые. На стоянках Ильинка и Лужки II единично встречены дублированные и скребки-ложжари (рис. 2: 9, 12). Ножи в основном прямолезвийной или саблевидной формы (рис. 2: 18–19). Перфораторы (рис. 2: 20–23) на Калмыковке I и Лужках II изготовлены исключительно на продольных сколах и отщепах, в то время как на Ильинке они выполнены преимущественно на пластинах. Только на Ильинской стоянке выявлены немногочисленные резцы (3 экз.) на углу сломанной пластины (рис. 2: 24–25), на других памятниках резцовая техника не развита, лишь на отдельных орудиях фиксируются резцовые сколы, связанные с их утилизацией.

Наконечники стрел (рис. 2: 26–33) широко представлены в комплексе стоянки Лужки II (21 экз.) двумя основными типами: листовидными и треугольно-черешковыми. Треугольно-черешковые единично выявлены на Калмыковке I и Ильинке, причем на последней еще обнаружены два наконечника т. н. «постсвидерского типа», два ланцетовидных, а также один «флажковый» наконечник. В материалах стоянки Лужки II также представлена серия микролитов, оформленных струйчатой ретушью (рис. 2: 34–36).

Кремневую индустрию неолитического населения лесостепного Поволжья допустимо охарактеризовать как отщепово-пластинчатую. Следует отметить, что формирование средневожской культуры происходит на основе елшанской, что обуславливает определенную близость их кремневых комплексов.

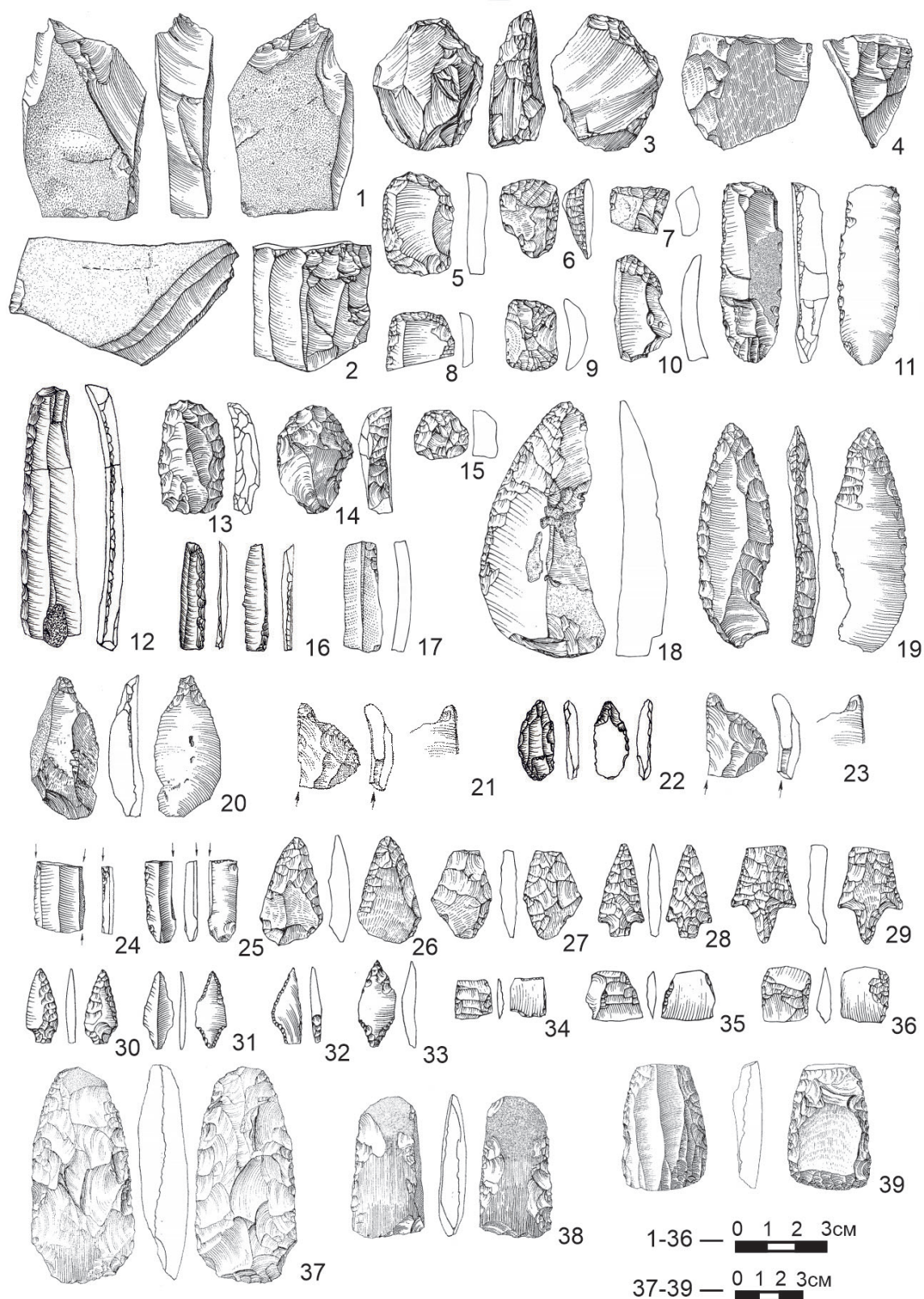

Рис. 2. Кремневый инвентарь средневолжской культуры (по Мамонов, 1988, с. 93–98; Андреев и др., 2018, с. 154–158; Сомов и др., 2023, в печати).

Fig. 2. Stone inventory of Srednevolzhskaya culture (according to Mamonov, 1988, p. 93–98; Andreev et al., 2018, p. 154–158; Somov et al., 2023, in print).

сов. При этом в развитом и позднем неолите начинает чаще использоваться качественный серый кремль, возрастает доля пластин и количество орудий на них. В обеих культурах преобладают торцевые и бессистемного снятия нуклеусы, немногочисленные конические и пирамидальные экземпляры фиксируются лишь в елшанских комплексах. В раннем неолите скребки типологически вариативны, но не образуют устойчивых серий. Позднее доминирующими становятся концевые, конце-боковые, боковые и угловые экземпляры, появляются скребки-ложкари, дублированные и многолезвийные. Перфораторы в основном изготавливались на сколах, реже на пластинах, с прямым или скошенным острием, без плечиков. Ножи – прямолезвийные или саблевидные. Резцы немногочисленны и типологически не устойчивы. В среде средневожского населения начинает применяться техника шлифования при изготовлении рубящих орудий, а также появляется специфический тип деревообрабатывающих орудий – уплощенный нуклеус, переоформленный в тесло. В развитом и позднем неолите широкое распространение получают треугольно-черешковые и листовидные наконечники стрел, в том числе изготовленные в бифасиальной технике.

Верхнее Подонье

Для характеристики кремневой индустрии карамышевской культуры целесообразно привлечь материалы стоянок Карамышево 5 (Смолянинов, 2003), Карамышево 1 (Смолянинов, Чивилев, 2007) и Ступино (Сурков, 2015), которые обладают определенной чистотой комплексов. Кремневые коллекции немногочисленны и представлены в основном отходами производства. Преимущественно использовался местный низкокачественный цветной кремль, реже меловой, также обнаружены единичные изделия из кварцита. Нуклеусы (рис. 3: 1) бессистемного снятия (аморфные и дисковидные) зачастую предельно утилизированы. Пластины (рис. 3: 2–7) всего составляют 3–7% в комплексе изделий, преобладают изделия с нерегулярной огранкой. Скребки (рис. 3: 11–19) изготовлены на отщепах и представлены следующими типами: концевые, конце-боковые, скошенные, угловые и с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра, лишь на стоянке Карамышево 1 выявлены два концевых изделия на пластинах (рис. 3: 18–19).

Ножи выполнены на отщепах и продольных сколах, имеют прямолезвийную и саблевидную формы (рис. 3: 20–22). Перфораторы и скребки немногочисленны и изготовлены на сколах (рис. 3: 23–27). Единичны резцы неустойчивых типологических форм (рис. 3: 28). Деревообрабатывающее орудие представлено обломком лезвийной части сланцевого шлифованного тесла, выявленного на стоянке Ступино (рис. 3: 33). Наконечники стрел треугольно-черешковые, треугольные или подромбические (рис. 3: 29–32).

Проблема характеристики кремневой индустрии среднедонской культуры является весьма сложной и в настоящее время можно выделить две точки зрения.

Еще в середине 80-х годов XX века А.Т. Синюк в качестве опорных для описания кремневого комплекса среднедонской культуры предложил рассматривать коллекции стоянок Монастырская, Черкасская и Университетская 3 (Синюк, 1986, с. 62–66). Согласно материалам данных памятников неолитическим населением использовался кремль, в меньшей степени кварцит, изделия из них типологически идентичны. Орудия в основном изготовлены на пластинах – 35–90% от комплекса (Университетская 3 и Монастырская соответственно). Нуклеусы конической, карандашевидной и призматической форм ориентированы на получение микропластин. Выявлены геометрические микролиты – трапеции, в том числе рогатые, на Черкасской стоянке обнаружены три пластины с подструганной спинкой.

Представленные обстоятельства позволили А.Т. Синюку предположить формирование неолитических комплексов на местной мезолитической основе (Синюк, 1986, с. 58), впоследствии с данной точкой зрения солидаризировался А.Н. Бессуднов (Бессуднов, 1997). Однако принятые в качестве опорных стоянки Монастырская, Черкасская и Университетская 3 являются памятниками с нечеткой стратиграфией, и на них выявлены различные культурно-хронологические группы керамики, все это делает затруднительной привязку изделий из кремня к той или иной культуре. В частности, комплекс Монастырской стоянки с учетом особенностей планиграфического и стратиграфического распределения глиняной посуды и каменного инвентаря И.В. Федюнин рассматривает в контексте среднего каменно-

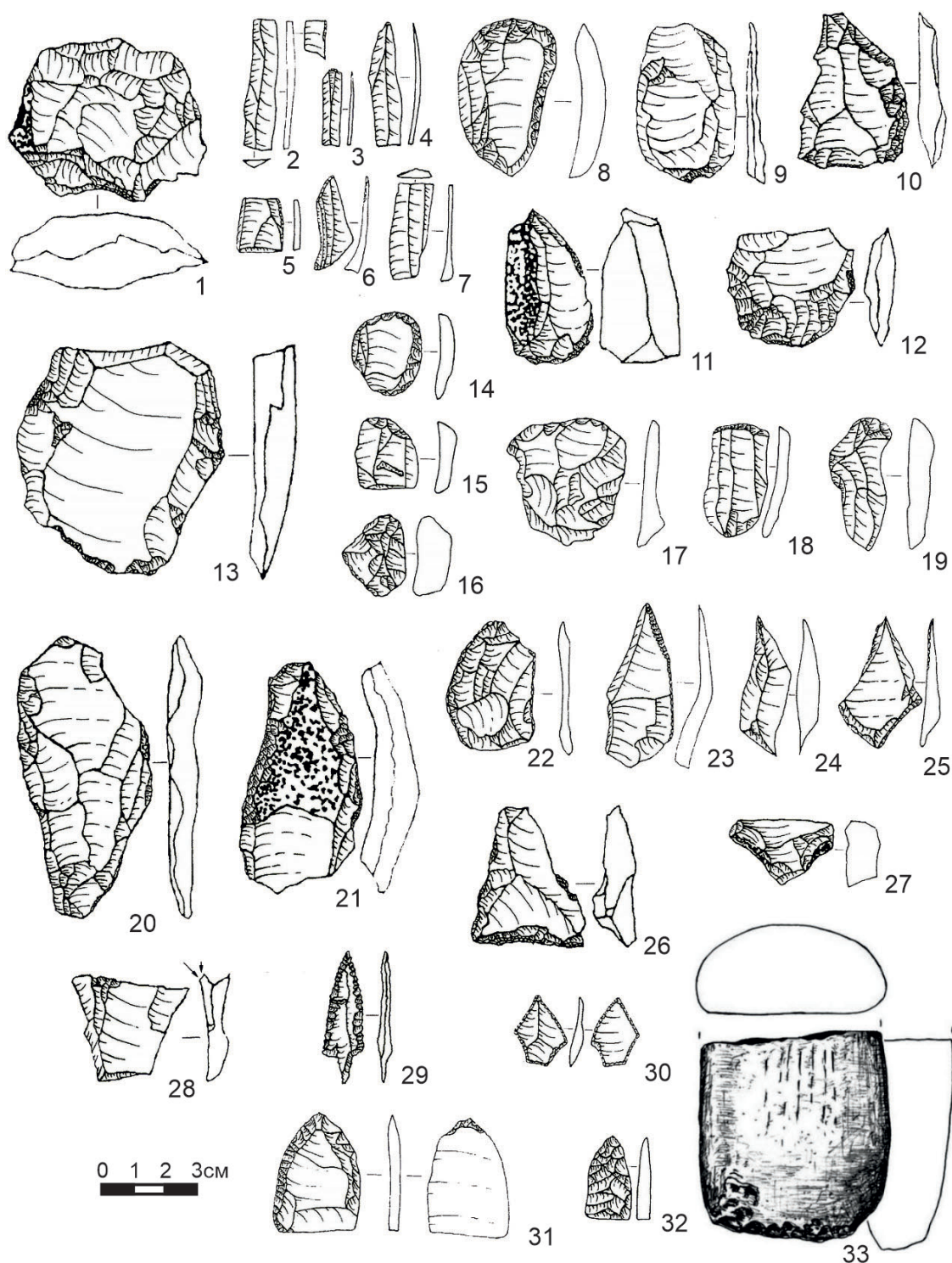

Рис. 3. Кремневый инвентарь карамышевской культуры (по Смольянинов, 2020, с. 279, 281, 284).
 Fig. 3. Stone inventory of Karamyshevo culture (according to Smolyaninov, 2020, p. 279, 281, 284).

го века региона (Федюнин, 2006; Федюнин, 2016).

В последнее время, благодаря усилиям коллектива исследователей под руководством Р.В. Смольянинова, были получены качественно новые данные о кремневой индустрии

среднедонской культуры, как минимум Верхнего Подонья, происходящие из ненарушенного стратиграфического горизонта стоянки Доброе 9 (Смольянинов, Юркина, 2018, с. 193–194). Близкие материалы выявлены при изучении комплекса поселения Ярлу-

ковская Протока (пункт 222) (Левенок, 1967, с. 118–120; Смольянинов, 2020, с. 96–98). Несмотря на относительную малочисленность артефактов можно отметить ряд особенностей каменного инвентаря. В качестве сырья использовался местный кремьень низкого качества различных оттенков, единично встречается кварцит. Нуклеусы аморфной или торцевой форм (рис. 4: 1–5). Пластины немногочисленны (рис. 4: 6–10), орудия изготовлены на отщепах и сколах. Скребки (рис. 4: 11–19) концевое типа типологически неустойчивых форм. Ножи прямолезвийные (рис. 4: 20–21). Резцы, проколки и скобели единичны (рис. 4: 22–26). Рубящие орудия с пришлифовкой (рис. 4: 30). Наконечники стрел – треугольно-черешковые (рис. 4: 27–29).

Кремневую индустрию неолитического населения Верхнего Подонья можно охарактеризовать как отщеповую. Нуклеусы в основном бессистемного снятия, редко – торцевые. Орудия не образуют устойчивых типологических серий. Преобладают черешковые наконечники стрел, при изготовлении рубящих орудий применяется техника шлифования. Ножи прямолезвийные и саблевидные. Резцы и скобели единичны. Небольшое количество отходов производства на площади поселений позволяет предполагать наличие специализированных стоянок-мастерских, на которых производилась первичная обработка кремневого сырья. В целом ограниченное количество каменных артефактов на представленных памятниках может свидетельствовать о высоком уровне заменяющих их производств (косторезное и деревообрабатывающее).

Обсуждение

Представленная краткая характеристика опорных неолитических кремневых комплексов лесостепного Поволжья и Верхнего Подонья, несмотря на относительную ограниченность источниковой базы, позволяет констатировать их определенную близость. Вероятно, для обоих регионов свойственна модель первичной обработки сырья на специализированных стоянках-мастерских, о чем косвенно свидетельствует отсутствие полного цикла расщепления кремня на изученных памятниках. Данное обстоятельство, скорее всего, приводило к необходимости экономии сырья и его предельной утилизации, на что могут указывать обнаруженные истощенные нуклеусы. На территории лесостепного

Поволжья и Верхнего Подонья неолитическим населением использовался местный низкокачественный цветной кремьень, реже иные породы сырья.

Индустрии являются выраженными отщеповыми при небольшой доле пластин и орудий на них. Преобладают нуклеусы бессистемного снятия, редки торцевые экземпляры, остальные формы единичны, в частности на стоянке Калмыковка I выявлен торцевой нуклеус на плитке близкий экземпляру со стоянки Доброе 9 (рис. 5: 1–2). Для обоих регионов характерны ножи прямолезвийной и саблевидной формы, единичны перфораторы и не развита резцовая техника. Для развитого неолита характерно распространение приема шлифования при изготовлении рубящих орудий, а завершённые формы обнаруживают определенное сходство (см. топоры стоянок Калмыковка I и Доброе 9 (рис. 5: 3–4)). Наконец, в комплексах среднедонской и средневожской культур получают широкое распространение типологически близкие наконечники стрел треугольно-черешковой формы, изготовленные в бифасиальной технике или краевой ретуши с вентральной и/или дорсальной сторон (см. артефакты стоянок Калмыковка I, Ильинка, Лужки II и Доброе 9 (рис. 5: 5–14)). Однако стоит отметить, что большая часть орудий не является серийной и имеет случайную форму, что ограничивает возможности сравнения неолитических комплексов лесостепного Поволжья и Верхнего Подонья по всем категориям кремневого инвентаря. Также накладывает определенные ограничения относительная малочисленность кремневых комплексов. Таким образом, представленные результаты сравнительного анализа являются предварительными и их уточнение и корректировка возможны лишь после качественного расширения источниковой базы по новому каменному веку обоих регионов.

Неолитизация Верхнего Подонья на основании анализа керамических комплексов связывается с территорией лесостепного Поволжья и прямой миграцией елшанского населения (Андреев, Выборнов, 2017, с. 51–57). На базе обозначенного раннеолитического импульса происходит формирование раннего этапа карамышевской культуры (Смольянинов, 2020, с. 48–53). Данные процессы, судя по полученным радиоуглеродным определениям, следует отнести к последней четверти VII тыс.

Рис. 4. Кремневый инвентарь среднедонской культуры
(по Смольянинов, Юркина, 2018, с. 195–197; Левенок, 1967, с. 117).

Fig. 4. Stone inventory of Srednedonskaya culture
(according to Smolyaninov, Yurkina, 2018, p. 195–197; Levenok, 1967, p. 117).

до н.э. (Выборнов и др., 2016; Скоробогатов и др., 2016). Затем, во второй–третьей четверти VI тыс. до н.э., в лесостепном Поволжье происходит становление накольчатой традиции орнаментации керамики средневожской культуры (Выборнов, 2008, с. 131), которая

впоследствии, по мнению Р.В. Смольянинова, способствовала формированию второго этапа карамышевской и первого этапа среднедонской культур (Смольянинов, 2020, с. 83). Наконец, в карамышевской культуре в первой половине V тыс. до н.э. (Смольянинов, 2020,

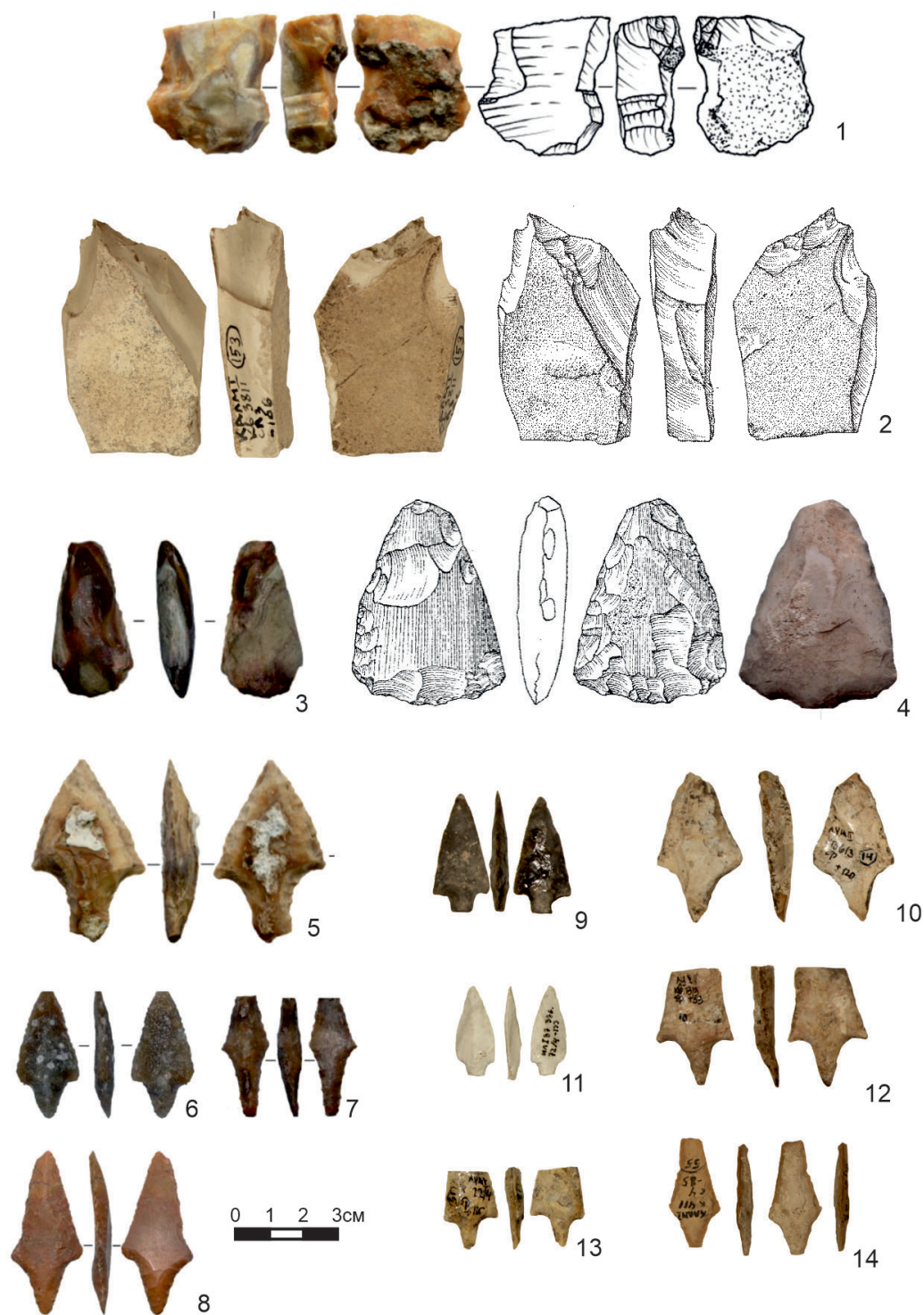

Рис. 5. Кремневые комплексы лесостепного Поволжья (2, 4, 9–14) и Верхнего Подонья (1, 3, 5–8).
 Fig. 5. Stone inventory the of forest-steppe Volga region (2, 4, 9–14) and the Upper Don region (1, 3, 5–8).

с. 171), на втором этапе среднедонской культуры в конце VI – первой половине V тыс. до н.э. (Смолянинов, Бессуднов, 2017, с. 134) и в среде средневолжского населения

в конце VI – начале V тыс. до н.э. (Андреев, Сомов, 2020а, с. 11) распространяется традиция орнаментации посуды гребенчатым штампом.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев К.М.* Характеристика раннеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 198–211.
- Андреев К.М., Выборнов А.А.* Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н.* Стоянка Калмыковка I – новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 143–160.
- Андреев К.М., Сомов А.В.* Стратегия добычи кремня в каменном веке (мезолит–неолит) лесостепного Поволжья // Геоархеология и археологическая минералогия – 2020 / Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушева. Миасс–Челябинск: ЮУрГГПУ, 2020. С. 76–80.
- Андреев К.М., Сомов А.В.* Хронология средневожской культуры // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Н.Д. Бутова, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК, 2020а.. С. 11–12.
- Бессуднов А.Н.* Мезолитические памятники лесостепного Подонья. Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 22 с.
- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
- Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М.* Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья. Глава 3 // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 74–96.
- Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е.* Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 50–110.
- Левенок В.П.* Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком // КСИА. Вып. 111 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1967. С. 116–120.
- Мамонов А.Е.* Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УрО АН СССР, 1988. С. 92–105.
- Мамонов А.Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 3–25.
- Мочалов О.Д.* Отчет о раскопках поселения Чекалино IV в Сергиевском районе Самарской области в 2007 году. Самара, 2008 / Архив археологической лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета. Ф. 65. Д. 14.
- Синюк А.Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: ВГУ, 1986. 180 с.
- Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В., Сурков А.В., Ойнонен М., Поснерт Г.* Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья. Глава 2 // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 244–257.
- Смольянинов Р.В.* Карамышево 5 – раннеолитическое поселение нового типа на территории Верхнего Дона // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тезисы конференции, ч. 1 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003. С. 49–51.
- Смольянинов Р.В.* Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.
- Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н.* Памятники среднедонской культуры на Верхнем Дону // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3. С. 131–143.
- Смольянинов Р.В., Чивилёв В.А.* Материалы эпохи неолита – энеолита с многослойного поселения Карамышево 1 на р. Воронеж // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, СПб.: РИЦ ЛГПУ, 2007. С. 91–98.
- Смольянинов Р.В., Юркина Е.С.* Каменная индустрия раннего неолита Верхнего Дона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3. С. 189–199.

Сомов А.В., Андреев К.М., Рослякова Н.В. Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследований). // Самарский научный вестник. 2023. (в печати).

Сурков А.В. Стоянка Ступино – новый раннеолитический памятник на Верхнем Дону // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 168–173.

Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж: ВГПУ, 2007. 145 с.

Федюнин И.В. Памятники эпохи мезолита в междуречье Дона и Волги. Воронеж: ВГПУ, 2016. 176 с.

Информация об авторах:

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru

Сомов Анатолий Владимирович, аспирант; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); somov.anatoly@gmail.com

REFERENCES

Andreev, K. M. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3, 198–211 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (elshanskaya kul'tura)*. (Early Neolithic of the Forest-Steppe Volga Region (Elshanka culture)). Samara: "Porto-Print" Publ. (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Vasil'eva, I. N. 2018. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 11. Tver: "Triada", 143–160 (in Russian).

Andreev, K. M., Somov, A. V. 2020a. In Yuminov, A. M., Ankusheva, N. N. (eds). *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya – 2020 (Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2020)*. Miass–Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 76–80 (in Russian).

Andreev, K. M., Somov, A. V. 2020b. In Burova, N. D. Vybornov, A. A. Kul'kova, M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Radiocarbon in Archaeology and Palaeoecology: Past, Present, Future)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 11–12 (in Russian).

Bessudnov, A. N. 1997. *Mezoliticheskie pamyatniki lesostepnogo Podon'ya (Mesolithic sites of the Don River region forest-steppe)*. Thesis of Diss. of Candidate of of Historical Sciences. Voronezh (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Kulkova, M. A., Nesterov, E. M. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd Millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 74–96 (in Russian).

Kolev, Yu. I., Lastovsky, A. A., Mamonov, A. E. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 50–110 (in Russian).

Levenok, V. P. 1967. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)* 111. Moscow: "Nauka" Publ., 116–120 (in Russian).

Mamonov, A. E. 1988. In Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniya rannego neolita lesnoy polosy Evropeyskoy chasti SSSR (Issues of studying the early Neolithic of the forest strip of the European part of the USSR)*. Izhevsk: Academy of Sciences of the USSR, Ural Branch, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 92–25 (in Russian).

Mamonov, A. E. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 3–25 (in Russian).

Mochalov, O. D. 2008. *Otchet o raskopkakh poseleniia Chekalino IV v Sergievskom raione Samarskoi oblasti v 2007 godu (Report on Excavations at Chekalino IV Settlement in the Sergievsky District of Samara Region in 2007)*. Samara. Archive of the archaeological laboratory of Samara State Pedagogical University. Inv. 65, dossier 14 (in Russian).

Sinyuk, A. T. 1986. *Naselenie basseyna Dona v epokhu neolita (Population of the Don River Basin in the Neolithic Period)*. Voronezh: "Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet" Publ. (in Russian).

Skorobogatov, A. M., Smolyaninov, R. V., Surkov, A. V., Oynonen, M., Possnert, G. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd Millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 244–257 (in Russian).

Smolyaninov, R. V. 2003. In Shishlina, N. I. (ed.). *Chteniia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasilii Alekseevicha Gorodcova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee (Readings dedicated to the 100th Anniversary of the Activity of Vasily Alekseevich Gorodtsov at the State Historical Museum)* 1. Moscow: State Historical Museum, 49–51 (in Russian).

Smolyaninov, R. V. 2020. *Ranniy neolit Verkhnego Dona (Early Neolithic of the Upper Don)*. Lipetsk, Saratov: “Desyataya Muza” Publ. (in Russian).

Smolyaninov, R. V., Bessudnov, A. N. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)*. Vol. 6, no 3, 131–143 (in Russian).

Smolyaninov, R. V., Chivilev, V. A. 2007. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 3. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 91–98 (in Russian).

Smolyaninov, R. V., Yurkina, E. S. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)*. Vol. 7, no 3, 189–199 (in Russian).

Somov, A. V., Andreev, K. M., Roslyakova, N. V. 2023. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* (in print) (in Russian).

Surkov, A. V. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10. Tver: Tver State United Museum, 168–173 (in Russian).

Fedyunin, I. V. 2007. *Mezoliticheskie pamyatniki Srednego Dona (Mesolithic sites of the Middle Don region)*. Voronezh State Pedagogical Sciences (in Russian).

Fedyunin, I. V. 2016. *Pamyatniki epokhi mezolita v mezhdurech'e Dona i Volgi (Mesolithic era sites in the interfluvium of Don River and Volga River)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Sciences (in Russian).

About the Authors:

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; konstantin_andreev_88@mail.ru

Somov Anatoly V. Graduate student, Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St., Samara, 443010, Russian Federation; somov.anatoly@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.252.262>

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ НЕОЛИТА ПОЛУПУСТЫННОЙ ЗОНЫ КАК КУЛЬТУРНЫЕ ИНДИКАТОРЫ¹

© 2023 г. А.А. Выборнов, Ф.Ф.Гилязов

Начиная с 50-х годов XX в., в отечественном неолитоведении ведущим признаком выделения культуры признавалась керамика. Каменной индустрии отводилась вспомогательная роль. Она, по мнению специалистов, во многом зависела от природных факторов. Кроме того, характеристики орудий труда были достаточно общими для населения различных регионов. Данная статья направлена на выявление возможностей каменной индустрии неолита Северного Прикаспия для выделения археологической культуры. С этой целью авторами проведено сравнение каменного инвентаря неолитических памятников Северного Прикаспия и памятников, изученных в аналогичной ландшафтной зоне Приаралья. Выбор этой темы исследования объясняется также тем, что предшествующие исследователи отмечали большое сходство индустрий двух регионов. Авторами статьи проведено сравнение синхронных памятников обоих регионов. В результате проведенной работы удалось выявить ряд различий в технике первичного раскалывания неолитического населения Северного Прикаспия и Приаралья. Прослеживаются и отличия в номенклатуре орудий труда. Выявлена и специфика вторичной обработки при изготовлении североприкаспийских и кельтеминарских артефактов. Это позволяет сделать вывод о том, что каменные индустрии полупустынных территорий Северного Прикаспия и Приаралья могут служить такими же культурными маркерами в неолите, как и керамика.

Ключевые слова: археология, Северный Прикаспий, Приаралье, неолит, каменная индустрия, вторичная обработка, нуклеусы, скребки, микролиты, скобели, наконечники.

STONE INDUSTRIES OF THE NEOLITHIC SEMIDESERT ZONE AS CULTURAL INDICATORS²

A.A. Vybornov, F.F. Gilyazov

Since the 1950s of the 20th century, ceramics has been recognized as the leading feature of culture selection in Russian Neolithic studies. The stone industry was given a supporting role. According to researchers, it largely depended on natural factors. In addition, the characteristics of the tools were quite common for the population of different regions. The theme of this paper is to identify the possibilities of the Neolithic stone industry of the Northern Caspian region for the allocation of archaeological culture. According to this a comparison with complexes of a similar landscape zone of the Northern Caspian and Aral Sea regions was made by the authors. This theme was also conditioned by the fact that the previous researchers noted the great similarity between the stone industries of two regions. Synchronous stone complexes of both regions were compared by the authors. As a result of the work carried out, it was possible to identify many differences in the technique of primary stone splitting. There are also differences in the range of tools. The specificity of the secondary tools processing of the Neolithic population of North Caspian and Aral Sea regions has also been revealed. This allows the author to conclude that the stone industries of the semi-desert zone of the Northern Caspian and the Aral Sea can be the same cultural markers for the Neolithic sites as well as ceramics.

Keywords: archaeology, Northern Caspian region, Aral Sea region, Neolithic, stone industry, secondary processing, lithic cores, end-scrapers, microliths, side-scrapers, arrowheads.

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» – № 22–28–00082

² The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project “Neolithization of the Lower Volga Region: an Interdisciplinary Approach” – № 22–28–00082.

70 лет назад М.Е. Фосс обосновала ведущую роль глиняной посуды при выделении археологической культуры эпохи неолита, вкладывая в нее и этническую составляющую. Что касается каменного инвентаря, то он зависел от типа хозяйства, ландшафтных зон и источников различного сырья. Так, в лесной полосе необходимы были топоры, тесла, долота, а на юге они не требовались. Орудия имеют простую форму и обработку по причине одинакового применения (Фосс, 1952, с. 18–19, 67–77). А.Я. Брюсов был менее категоричен. Он рассматривал единство культуры в близком сходстве орудий труда, которые не зависели от общего уровня развития, формы хозяйства и однообразия природной среды. Наиболее отчетливо это единство проявляется в деталях форм вещей: типичных особенностях отдельных предметов и приемах техники (Брюсов, 1952, с. 20). А.А. Формозов, в названии статьи которого фигурирует именно этнический аспект, соглашался с тем, что малоперспективно привлекать показатели, возникшие в силу природно-хозяйственных причин, но следует обращать внимание на детали, которые возникли независимо от вышеперечисленных факторов (Формозов, 1957, с. 67–74). В этом же ключе рассматривал данный вопрос и В.П. Третьяков, приходя к выводу о второстепенности каменного инвентаря для определения этнической компоненты неолитической культуры лесной полосы (Третьяков, 1972, с. 17–19). Все это в значительной мере предопределило отношение специалистов к каменному инвентарю при изучении неолита в последующие десятилетия.

Что касается материалов, происходящих из непосредственно интересующих нас территорий, то исторически сложилось таким образом, что источниковая база неолита формировалась в Приаралье раньше, чем в Северном Прикаспии (Виноградов, 1968). Именно это позволило А.А. Формозову отметить своеобразие каменного инвентаря кельтеминарской культуры на ее позднем этапе развития, которое выражается в отсутствии геометрических микролитов и резцов, а также в присутствии большой серии двусторонне обработанных наконечников стрел с прямым и вогнутым основанием. Если выбрать из комплекса простейшие артефакты (пластины с притупленным краем, скобели), то останутся только два специфических изделия: асимметричный

наконечник и скошенное острие (Формозов, 1972, с. 23–25).

Примерно в это же время в Северном Прикаспии памятники неолита были отнесены к особой сероглазовской культуре. Комплекс ее инвентаря, взятый в целом, по мнению первооткрывателя, не имеет аналогий (Мелентьев, 1975, с. 113–115). После ввода в научный оборот качественных источников по всем периодам неолита Приаралья, А.В. Виноградов отметил, что неолитический каменный инвентарь данного региона имеет довольно многочисленные соответствия в материалах неолитических памятников североприкаспийской территории. Это параллелограммы и трапеции, низкие сегменты, не говоря уже о таких менее специфических формах, как пластины с притупленной спинкой, выемчатые скобели, скребки на отщепках (Виноградов, 1981, с. 164). Здесь следует учитывать, что в первом регионе к началу 1980-х годов не были известны стоянки с монокультурными слоями, и в общую характеристику каменного инвентаря сероглазовской культуры были включены разновременные типы орудий.

При сравнении каменного инвентаря, чтобы исключить факторы формирования технико-типологические традиций в изготовлении орудий неолитическим населением, проживавшим в разных климатических зонах, сопоставление проводилось между памятниками сходных ландшафтных зон: Северный Прикаспий и Приаралье относятся к полупустыням.

Второе условие исследования – наличие качественной источниковой базы для сравнения. Изучение памятников с гомогенными слоями в Приаралье пришлось на 40–70-е годы XX в., и после завершающей монографии А.В. Виноградова 1981 года была исследована лишь одна стоянка – Аякагитма (Szymczak et al., 2006). Что касается Северного Прикаспия, то изучение однослойных комплексов только началось в 1981 году. Неравномерны и итоги раскопок в этих областях. Наиболее изученными стали комплексы развитого этапа местных культур: стоянка Толстова, нижний слой Джанбас 4, Кават 7 (Виноградов, 1968; 1981), а в Прикаспии – Каиршак III (Васильев и др., 1989) и Байбек (Гречкина и др., 2014; 2021).

Ранний (учащинский) этап кельтеминарской культуры хорошо представлен материалами Учащи 131 (Виноградов, 1981), в то время

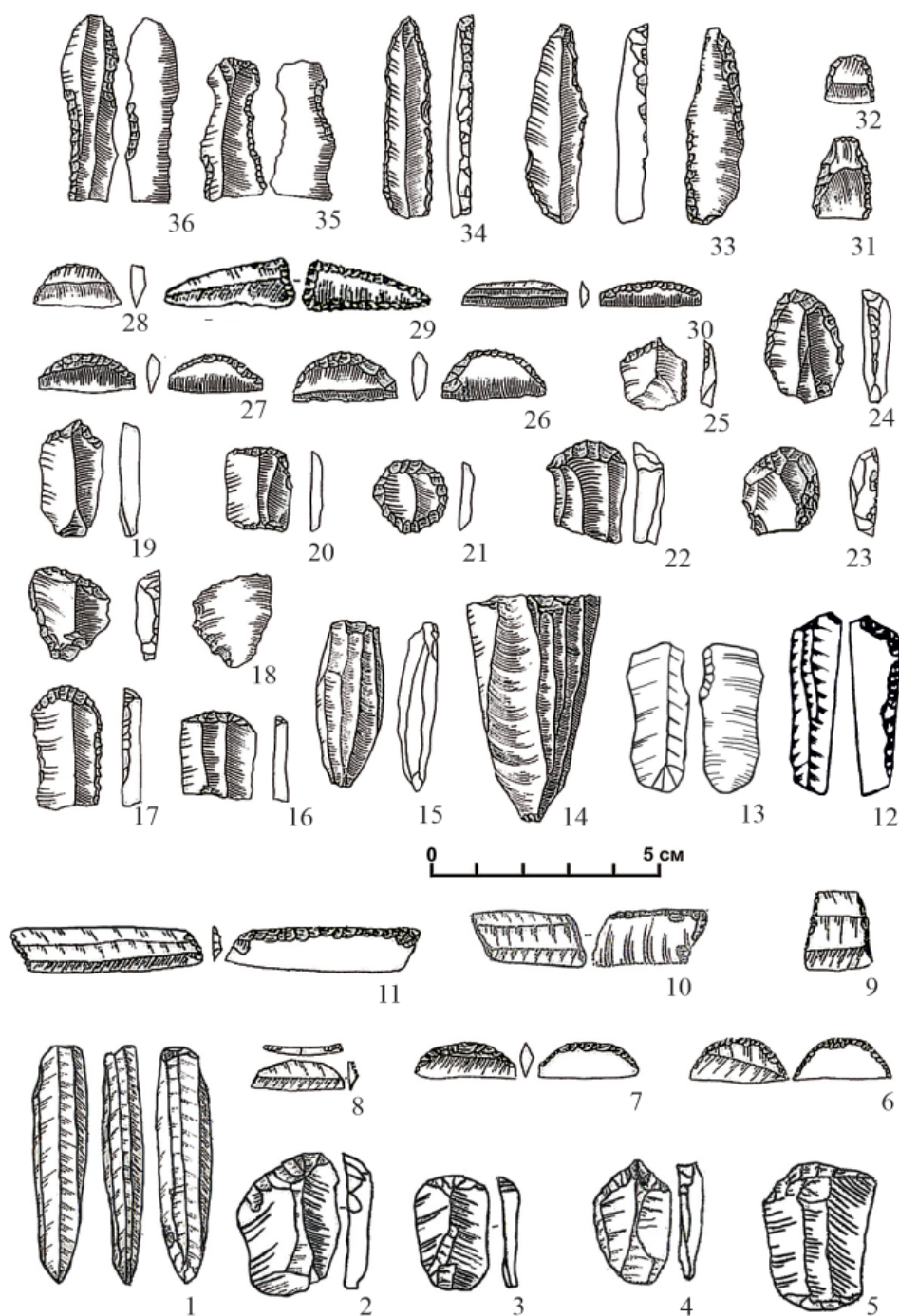

Рис.1. Каменные орудия раннего и развитого неолита Северного Прикаспия.
Fig.1. Stone tools of the Early and Developed Neolithic of the Northern Caspian region.

как в Северном Прикаспии стоянки кугатского типа не имеют слоев (Козин, Комаров, 1989). Поздний этап североприкаспийского неолита хорошо представлен материалами Тентексора (Васильев и др., 1986) и Же-колгана I (Козин, 1989), а в Приаралье они представлены подъемным материалом (Виноградов, 1981, с. 70). Еще одним условием для корректного сопоставления является хронологическое соответствие сравниваемых материалов.

Для учащинского этапа есть серия дат со стоянки Аягайтма: 7190–6960 лет ВР (Szymczak et al., 2006, р. 26), для джанбасского на стоянке Толстова даты имеют большой разброс от последней четверти V до начала III тыс. до н.э. (Виноградов, 1981, с. 133), а для заключительной фазы даты отсутствуют. Ситуация с хронологией неолита Приаралья не претерпела изменений (Brunet et al., 2012). Для кугатских комплексов даты: около

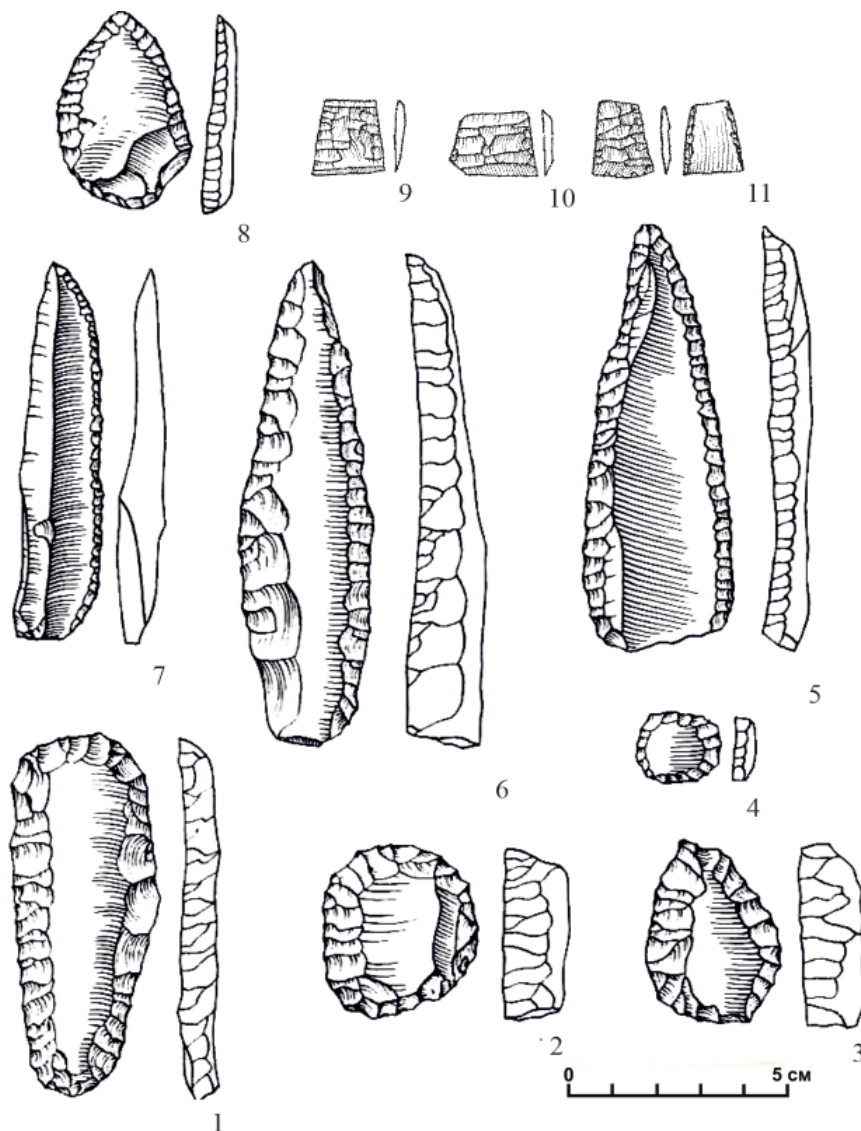

Рис.2. Каменные изделия позднего неолита Северного Прикаспия.
Fig.2. Stone tools of the Late Neolithic of the Northern Caspian region.

7300–7200 лет ВР, для каиршаковского (развитого) – 7100–6900 лет ВР, а для тентексорского (позднего) – 6800–6400 лет ВР (Выборнов, Кулькова, 2021). Учитывались и такие факторы как сезонность и функциональность. Так, в нижнем слое стоянки Джанбас 4 обнаружено всего 4 скребка, а на Кават 7 – 148 экз. (Виноградов, 1968, с. 44; 100–101). На Тентексоре найдено около 60 орудий труда, а на Приозерной – около 10. Тем не менее, для поставленной задачи вполне достаточно материалов, которые могут способствовать ее решению и по суммарной характеристике. В предварительном плане этот аспект рассматривался ранее (Выборнов, 2008, с. 39–41; Выборнов и др., 2022, с. 13–14), но необходимо предпринять более развернутое сравнение.

В североприкаспийских комплексах представлены нуклеусы конической, плоской и призматической формы (рис. 1: 14, 15, 1). Приаральские ядрища были преимущественно призматические (рис. 3: 1, 21; 4: 7), в меньшей степени конические (рис. 3: 2, 22), плоские единичны (Виноградов, 1968, с. 89–90). Пластин и отщепов на среднеазиатских памятниках примерно равное количество, тогда как на каиршаковских пластины составляют около 35%. Что касается доли орудий труда из пластин и отщепов в джанбасских коллекциях, то орудий из отщепов меньше. На стоянках Северного Прикаспия большой процент скребков изготовлен из пластинчатых отщепов, то есть сколов с параллельными продольными гранями, трапециевидным

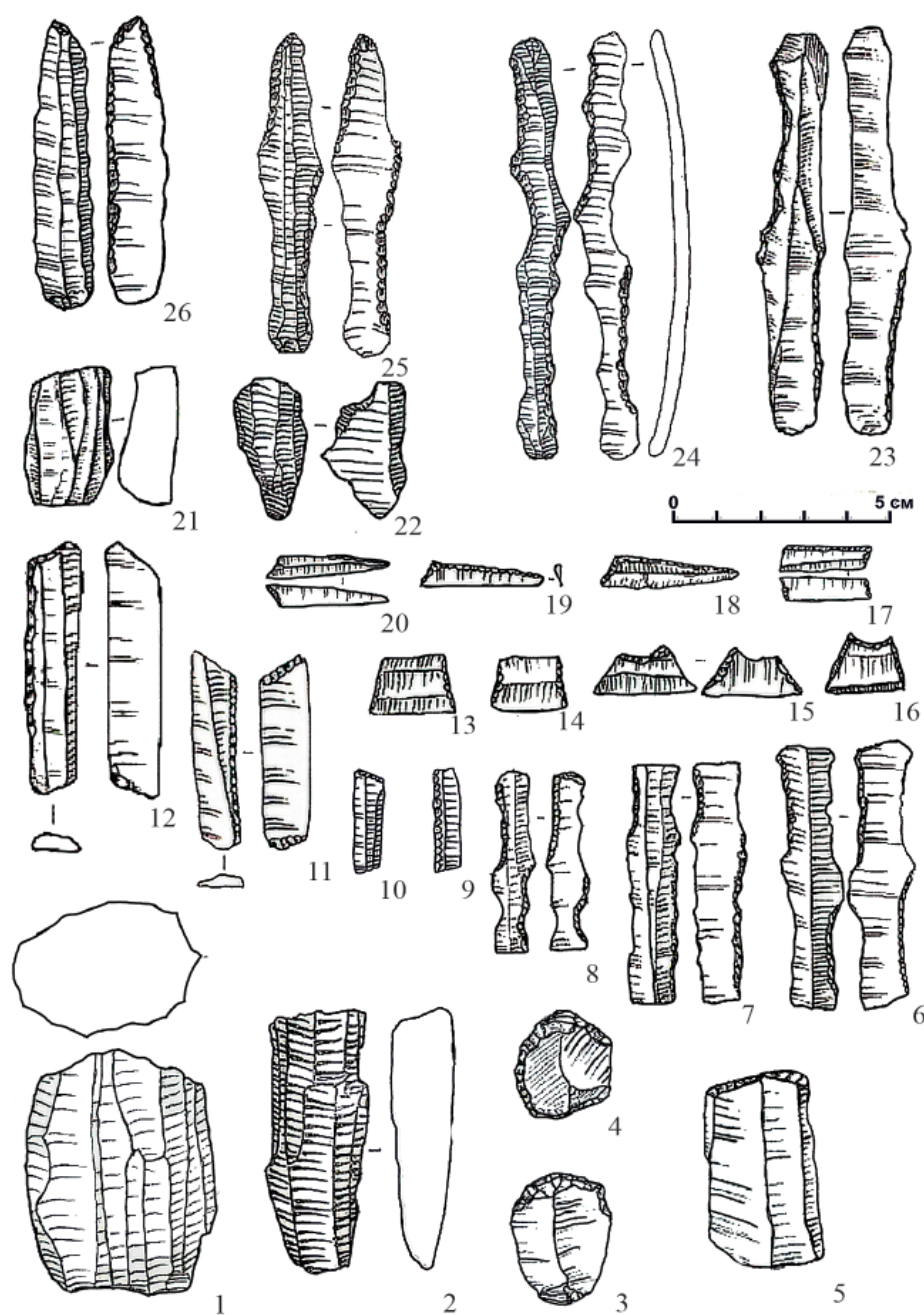

Рис.3. Каменные орудия раннего и развитого неолита Среднеазиатского междуречья.
Fig.3. Stone tools of the Early and Developed Neolithic of the Central Asian interfluvium.

сечением, но их длина не превышает ширину (Васильев и др., 1989, с. 31–37). Иначе говоря, даже на стадии первичного раскалывания фиксируются вполне определенные различия.

Среди орудий труда на прикаспийских стоянках доминируют скребки – около 30%. В кельтеминарских коллекциях как раннего, так и развитого этапа ситуация отличается. Так, на Кавате 7 они по численности не превосходят как перфораторы, так и скобели. На близкой по времени стоянке Толстова найдено 170

зубчато-выемчатых изделий и 138 скребков (Виноградов, 1981, с. 80). В более ранней коллекции со стоянки Учаци имеется 131 скребков, а скобелей 428 (Виноградов, 1981, с. 67). Выше отмечалось, что в кайрашакских комплексах значительный процент составляют скребки на пластинчатых отщепах (рис. 1: 24), чего не прослеживается на востоке. В тоже время кельтеминарские орудия зачастую изготовлены на массивных отщепах (рис. 4: 14) (Виноградов, 1968, с. 100, рис.

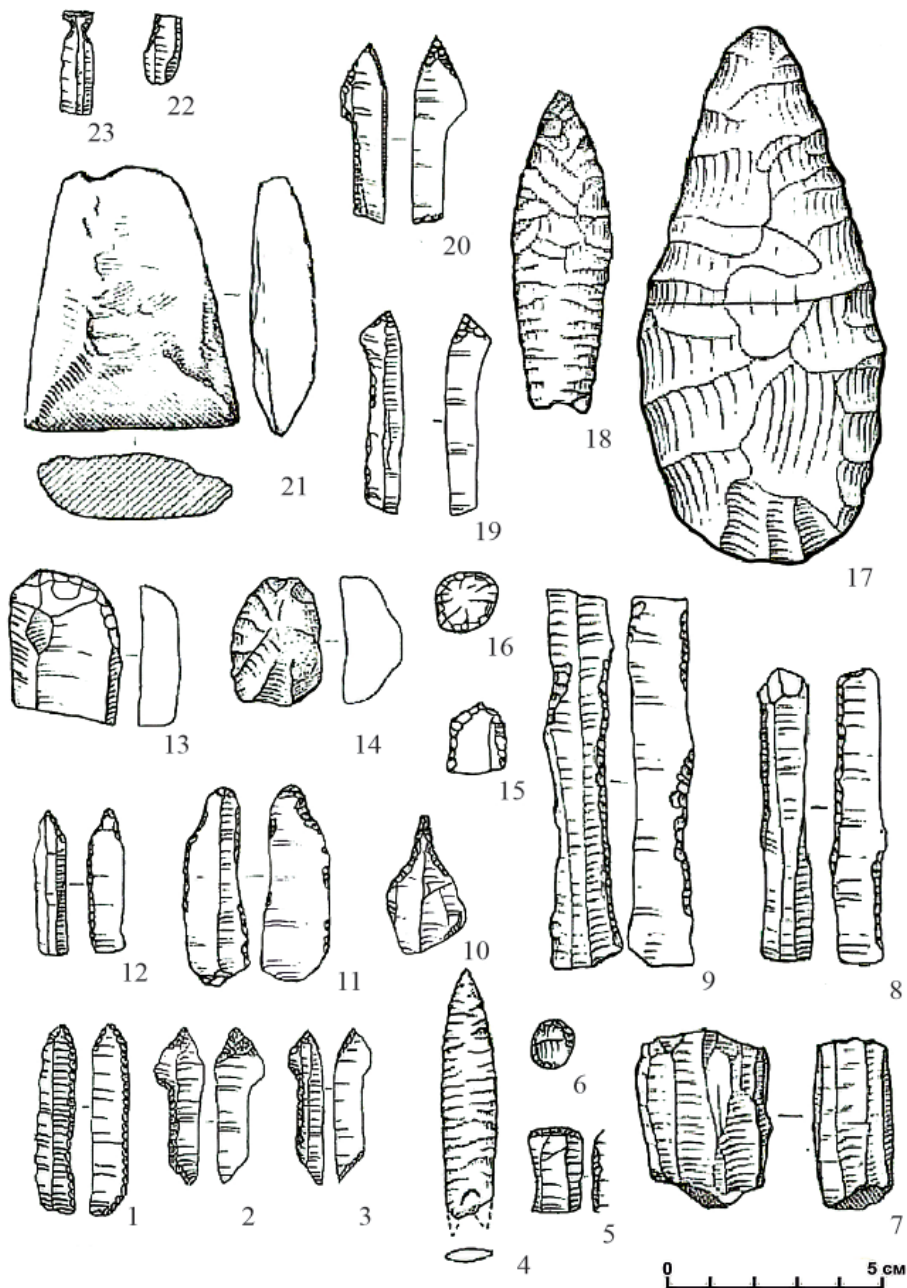

Рис.4. Каменные изделия развитого и позднего неолита Среднеазиатского междуречья.
 Fig.4. Stone tools of the Developed and Late Neolithic of the Central Asian interfluvium.

48, 15–23), что будет характерно только для самых поздних тентексорских стоянок (рис. 2: 2, 3). Относительно типологии скребков также следует отметить ряд моментов. Среди концевых типов, которые представлены в обоих регионах (рис. 1: 3, 16; 3: 3, 4), в североприкаспийских коллекциях более выражены скребки со скошенным лезвием (рис. 1: 2, 18). По данным Г.Н. Поплевко они не несут функциональной специфики по сравнению со скребками с округлым или прямым рабочим

лезвием. Это дает основание предполагать их определенное культурное своеобразие.

Кроме этой разновидности для материалов развитого этапа Северного Прикаспия присущи такие своеобразные морфологические вариации как стрельчатые (рис. 1: 24; 2: 3), с мордочкой (рис. 1: 4, 19), дублированные (рис. 1: 5, 20), мелкие дисковидные (рис. 1: 21), со шпорой (рис. 1: 22). Кроме небольшого числа стрельчатых (рис. 3: 4) и единичных округлых (рис. 4: 6, 16), остальные вариации

не встречены в Приаралье. Нельзя не отметить и еще одну деталь вторичной обработки, которая характерна для прикаспийских скребков: значительный процент из них имеет различную ретушь по продольным граням (рис. 1: 17; 2: 1) (Васильев и др., 1989, с. 32–33, рис. 8–9). Такая черта, судя по описанию и рисункам, не является характерной для данной категории кельтеминарских орудий (рис. 4: 5).

В отличие от североприкаспийских памятников, в которых скобели занимают лишь четвертую по численности группу (рис. 1: 35, 36), в среднеазиатском междуречье эта категория изделий весьма представительна. Их различное количество на разных стоянках, по справедливому замечанию А.В. Виноградова, могло быть связано с их функциональной направленностью. Но в данном случае необходимо оговориться, что такая черта присуща разновременным комплексам. Так, на ранне-неолитической стоянке Учащи 131 в доме 1 их найдено 493, доме 2 – 106, а доме 3 – 535 экз., а на стоянке дарьясайского этапа Учащи 159 их обнаружено 1428 экз. (Виноградов, 1981, с. 67, табл. 2). На развитом этапе стоянки Кават 7 их встречено 150 экз., а в Джанбасе 4 – 42 (Виноградов, 1968, с. 43, 94). Это не идет ни в какое сравнение со скобелями аналогичного этапа неолита Северного Прикаспия: на стоянке Каиршак III их найдено 16, а на Байбеке – не более 10 экз. Объяснить эти различия продолжительностью функционирования памятников вряд ли получится: на обоих обнаружены культурные слои, жилища и большие выборки каменного инвентаря.

Не менее важны и детали, которые характеризуют зубчато-выемчатые изделия Приаралья. Они имеют весьма значительные размеры и разнообразные типы ретуши, которые формировали рабочие части (рис. 3: 6–8; 4: 8, 9). Особо следует отметить изделия на крупных пластинах с большими выемками, сделанными противоположной ретушью (Виноградов, 1981, с. 68, рис. 19, 41; с. 76, рис. 26, 23; с. 84, рис. 31, 22; с. 87, рис. 35, 28, 33), что отличает их от североприкаспийских (рис. 3: 23–25).

Еще одной важной категорией орудий, которые характерны для раннего и развитого кельтеминара, являются пластины с притупленной спинкой. А.В. Виноградов делит их на три группы: первая схожа с параллелограммами (рис. 3: 11–12) (Виноградов, 1968, с. 95,

рис. 44, 1–15); вторая с обработкой только одной поперечной грани (рис. 3: 10) (Виноградов, 1968, с. 96, рис. 45), а третья не имеет ретуши на узких гранях. Причем, последняя группа (рис. 3: 9) преобладает. Подобные изделия составляют достаточно большую в количественном плане группу: от 30 до 176 экземпляров на разных стоянках. Ее мезолитический возраст А.В. Виноградов исключает. Если это так, то данные артефакты также следует считать особенностью приаральского неолита. Дело в том, что пластины с притупленным краем в комплексах развитого этапа неолита Северного Прикаспия не встречаются, а в раннем они единичны (Козин и др., 1989, с. 9, рис. 1, 35). Аналогична ситуация и с пластинами со скошенным или прямосрезанным концом. Что касается категории изделий, схожей с параллелограммами, то исследователь отмечает специфику обработки торцов противоположной ретушью. И такие артефакты не обнаружены в североприкаспийском неолите.

Поскольку речь зашла об артефактах, сходных с геометрическими микролитами, то следует констатировать, что в материалах учащинского этапа наиболее характерными являются трапеции (рис. 3: 13, 14), а в кугатских – сегменты (рис. 1: 6–8), которые отсутствуют в первых. Несколько трапеций имеется на стоянке Кугат IV (рис. 1: 9), но на Учащи 131 представлен и специфический вид этого микролита – «рогатая» трапеция (рис. 3: 16). Примечательно, что в каиршакских коллекциях трапеции единичны (Байбек – 2 экз., Каиршак I – 2 экз., Каиршак III – 3 экз.), а на джанбасских памятниках они исчезают, за исключением одной, найденной на стоянке Толстова. В единичных экземплярах на развитом этапе сохраняется только «рогатая» форма (рис. 3: 15).

На позднем этапе неолита Северного Прикаспия появляются трапеции «со струганной спинкой» (Козин, 1989, с. 11), которые не обнаружены в неолите Приаралья (рис. 2: 9–11). Как на раннем, так и на развитом этапах кельтеминара представлены низкие асимметричные треугольники (рис. 3: 18–20). В Северном Прикаспии такая форма (рис. 1: 12) встречена в одном экземпляре на Кугате IV (Козин и др., 1989, с. 9, рис. 1, 27) и Каиршаке III (рис. 1: 29), который обнаружен рядом со стоянкой) (Васильев и др., 1989, с. 37, рис.

12, 22). Но в обоих случаях они отличаются от среднеазиатских характером нанесения ретуши: на стоянках развитого этапа обработка сделана по спинке.

Еще одна разновидность микролитов – параллелограммы. Они немногочисленны. На двух кугатских стоянках их обнаружено 8 экз., а на учащинских всего один (Виноградов, 1981, с. 67, табл. 2). В материалах джанбасского этапа только на стоянке Толстова найдено 4 экз. (Виноградов, 1951, с. 80, табл. 5). Между тем, на стоянках каиршакского этапа найден лишь один параллелограмм на Байбеке, но его достоверная принадлежность к основному комплексу неочевидна. Но важнее другое. При некотором сходстве формы микролита различаются техники вторичной обработки. На кельтеминарских параллелограммах ретушь нанесена на спинке, включая продольную грань (рис. 3: 17). Торцы у большинства артефактов обработаны на брюшке. Что касается североприкаспийских, то здесь картина обратная: торцы обработаны по спинке, а продольная грань отретуширована на брюшке (рис. 1: 10, 11). Примечательно, что здесь и характер самой ретуши отличен: она не краевая, а заходящая на брюшко. Но наиболее ярким отличием является доминанта на каиршакских памятниках сегментов (рис. 1: 6–8, 26–28, 30), значительная часть которых обработана гелуанской ретушью (рис. 1: 6, 7, 26, 27). Такой тип микролита для кельтеминара нехарактерен. Таким образом, и в части геометрических микролитов фиксируются серьезные различия.

С другой стороны, для развитого этапа среднеазиатских памятников характерны наконечники стрел с боковой выемкой (рис. 4: 2, 3). Они встречены в сборах на стоянках аякагитминской группы, которая, скорее всего, является переходной от раннего к развитому этапу. На Учащи 131 кельтеминарских наконечников нет. Нет их и в материалах Аякагитны из раскопок 1990-х гг., как в нижнем (5) слое, который датируется 7190–6960 ВР, так и в верхней части (5–4 слоях) – 6770–6640 ВР (Szymczak et al., 2006). По три экземпляра наконечников найдено на стоянке Толстова и Дженгельды 11. В космолинской группе известен один, в каракатинской – также один. Наибольшее количество (38 экз.) обнаружено на стоянке Кават 7 (Виноградов, 1968, с. 90, рис. 41). Характерны кельтеминарские наконечники и для развито-

го этапа лявляканской группы (Виноградов, Мамедов, 1975). В Северном Прикаспии краеведами было обнаружено 12 изделий подобного типа без конкретной привязки к конкретным памятникам (Дубягин и др., 1982, с. 122, рис. 19, 1–11). Еще два обломка обнаружены в окрестностях урочища Каиршак. Отнести их к неолиту достаточно сложно, поскольку на стоянках со слоями всех этапов они не найдены. Что касается наконечников с двусторонней обработкой (рис. 4: 4), то А.В. Виноградов отмечал их единичность даже на памятниках джанбасского этапа. Так, даже на Кавате 7, содержащем самое большое количество каменных артефактов (рис. 4: 17, 18), их всего три (Виноградов, 1968, с. 92, рис. 42, 13, 17). В североприкаспийских комплексах такая обработка появляется только в прикаспийской культуре. Наконечники в позднем неолите не демонстрируют двусторонней ретушировки (рис. 2: 8).

Перфораторы присущи неолитическим памятникам обеих сравниваемых территорий. Они сходны и по типу, и по характеру нанесения ретуши не только на рабочей части, но и продольных гранях (рис. 1: 33, 34; 2: 5–7; 3: 26; 4: 1, 11, 12). Но нельзя не отметить в материалах лявляканского варианта тип сверла на отщепках с выделанными плечиками (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 111, рис. 33, 7–12; 17–20; 27–35; 45–53; Виноградов, 1981, с. 99, рис. 41, 8–12, 36–52, 54–62, 72–84), которых нет в Северном Прикаспии (рис. 4: 10).

Аналогична ситуация и с таким типом изделия как «микрорезец» (рис. 4: 22), который присущ лявляканским коллекциям (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 39, рис. 15, 4, 7, 21, 43–49). Есть микрорезцы и в Кызылкумах (Виноградов, 1981, с. 83, рис. 30, 25–26), а в североприкаспийских материалах отсутствует. Единичные изделия микрорезцового облика, присутствующие в кугатских комплексах, скорее всего являются разновидностями скобелей (рис. 1: 13).

Техника резцового скола в неолитическом инвентаре стоянок обеих территорий развита весьма слабо. Резцы на углу сломанной пластины единичны как на раннем, так и на развитом этапе неолита Северного Прикаспия и Приаралья.

Единичные пластины с «выделенной головкой» (рис. 4: 23) в Приаралье встречаются уже

на джанбасском этапе (Виноградов и др., 1975, с. 40, рис. 16, 14–15; с. 50, рис. 18, 17–20; Виноградов, 1981, с. 83, рис. 30, 14). В то время как в Северном Прикаспии они появляются только у носителей хвалынской культуры.

Нельзя не затронуть вопрос о технике шлифования. В Приаралье оно появляется в конце джанбасского этапа (рис. 4: 21) (Виноградов, 1968, с. 105, рис. 50), а в Северном Прикаспии такая технология, как и сверление, фиксируются только на поздней фазе (Васильев и др., 1986, с. 23, рис. 12).

Подводя итог сравнительному анализу каменного инвентаря неолита Северного Прикаспия и Среднеазиатского междуречья, можно констатировать весьма серьезные различия между ними. Каждый из сравниваемых комплексов каменных орудий достаточно самобытен. Это позволяет сделать вывод о том, что неолитические каменные индустрии полупустынной зоны могут быть использованы в качестве культурных маркеров.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. 262 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 6–31.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968. 180 с.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М.: Наука, 1975. 288 с.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 174 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы хронологии культур неолита Волго-Камья // Поволжская археология. 2021. №3 (27). С. 34–46.

Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Попов А.С. Каменные индустрии неолита Нижнего Поволжья как показатели культуры // Изделия из камня и кости в культурах неолита / Ред. А.А. Выборнов и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 14–16.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В. Новая ранненеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник, 2014. № 3 (8). С. 79–90.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Жилище ранненеолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 141–154.

Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 95–134.

Козин Е.В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1989. С. 36–44.

Козин Е.В., Комаров А.М. Памятники ранненеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, Куйбышев, 1989. С. 6–17.

Мелентьев А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. Вып. 141 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 112–117.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. М.: Наука, 1972. 136 с.

Формозов А.А. Могут ли служить орудия труда каменного века этническим признаком? // СА. 1957. № 4. С. 66–74.

Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1. С. 22–35.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 280 с.

Brunet F., Khudzhanazarov M., Hoshimov H. Nouvelles données sur la chronologie de la culture de Kelteminaren Ouzbekistan // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 38 / Гл. ред. А.Э. Бердимуратов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2012. С. 118–124.

Szymczak K., Khudzhanazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl–Kums. Ayakagitma “The site” and other collections. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University, 2006. 252 p.

Информация об авторах:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Гилязов Филат Фаритович, аспирант, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); filatgiljazov12@gmail.com

REFERENCES

Brjusov, A. Ya. 1952. *Ocherki po istorii plemen evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu (Essays on the history of the tribes in European part of the USSR in the Neolithic)*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. V. 1986. In Merpert N. Y. (ed.) *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya (Ancient cultures of the Northern Caspian Sea area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 6–31 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. V. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 18–45 (in Russian).

Vinogradov, A. V. 1968. *Neoliticheskie pamyatniki Khorezma (Neolithic Sites of Khwarezm)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vinogradov, A. V., Mamedov, E. D. 1975. *Pervobytnyy Lyavlyakan (Primeval Lyavkan)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurech'ia (Ancient Hunters and Fishermen of Central Asian Mesopotamia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Kulkova, M. A. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (3), 34–46 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Popov, A. S. 2022. In Vybornov, A. A. (ed.) *Izdeliya iz kamnya i kosti v kul'turah neolita (Stone & bone artifacts in Neolithic cultures)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 14–16 (in Russian).

Grechkina, T. Yu., Vybornov, A. A., Kutukov, D. V. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 8 (3), 79–90 (in Russian).

Grechkina, T.Y., Vybornov, A.A., Lebedev, Y. S. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 262, 141–154 (in Russian).

Dubyagin, P. S., Chikrizov, F. D., Churinov, V. A., Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1982. In *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (Volga-Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Period)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 95–134 (in Russian).

Kozin, E. V. 1989. In Sinuk, A. T. (ed.) *Problemy arkheologicheskogo izucheniya Dono-Volzhskoy lesostepi (Issues of archaeological study of the Don-Volga basin forest-steppe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 36–44 (in Russian).

Kozin, E. V., Komarov, A. M. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 6–17 (in Russian).

Melentiev, A. N. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 141. Moscow: “Nauka” Publ., 141–154 (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose Evropeiskoi chasti SSSR. (Culture of Pit-combed ceramics in the Forest Belt of the European Area of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Formozov, A.A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 66–74 (in Russian).

Formozov, A.A. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1). 22-35. (in Russian).

Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR (Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Brunet, F., Khudzhanazarov, M., Hoshimov, H. 2012. In Berdimuradov, A. E. (ed-in chief.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 38. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 118–124.

Szymczak, K., Khudzhanazarov, M. 2006. *Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagitma "The site" and other collections*. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University.

About the Authors:

Vybornov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Gilyazov Filat F. Postgraduate student. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; filatgiljazov12@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.263.270>

О РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОМ КАМЕННОМ ИНВЕНТАРЕ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2023 г. А.С. Кудашов

В статье рассматривается вопрос о значении каменного инвентаря в ранненеолитических коллекциях Марийского Поволжья. В последнее время основное внимание приковано к керамическим артефактам. Однако не менее значимым для нового каменного века остается собственно каменные предметы. Поскольку уровень навыков работы с кремнем и другими породами, используемыми для создания орудий, во многом характеризует развитие общества в древний период. В работе представлена характеристика инвентаря Среднего лесного Поволжья, сопутствующая неорнаментированной и накольчатой керамике. Сделаны определенные обобщения, касающиеся особенностей непосредственно марийских ранних материалов. Для более полного видения проведен анализ кремневых коллекций и сопредельных регионов, находящихся в сходных ландшафтных условиях. К таковым относится Верхнее Поволжье на западе, где рассматривались коллекции раннего этапа, а также Прикамье на востоке, где к сопоставлению был привлечен каменный инвентарь с памятников Волго-Камской культурной традиции с накольчатой керамикой и с памятников Нижнего Прикамья. Выделены схожие показатели, а также культурные различия. Важным видится и тот факт, что при сравнении использовались хронологически близкие по датам комплексы.

Ключевые слова: ранний неолит, Марийское Поволжье, кремневый инвентарь, сравнительный анализ, Верхнее Поволжье, Волго-Камье.

ABOUT THE EARLY NEOLITHIC STONE INVENTORY OF THE MARI VOLGA REGION

A.S. Kudashov

The article deals with the issue of the significance of stone tools in the Early Neolithic collections of the Mari Volga region. Recently, the focus has been on ceramic artifacts. However, the stone itself remains no less significant for the new Stone Age. Since the level of skills in working with flint and other rocks used to create tools, largely characterizes the development of society in the ancient period. The paper presents the characteristics of the inventory of the Middle Volga forest region, accompanying unornamented and pricked pottery. Certain generalizations have been made concerning the features of the Mari early materials directly. The analysis of flint collections from adjacent regions, located in similar landscape conditions, was carried out. These include the Upper Volga region in the west, where the collections of the early stage were considered, as well as the Kama region in the east, where stone tools were taken for comparison from the monuments of the Volga-Kama cultural tradition with pricked ceramics and from the sites of the Lower Kama region. Similarities as well as cultural differences are highlighted. The fact that complexes chronologically similar in dates were compared is also important.

Keywords: Early Neolithic, Mari Volga region, flint tools, comparative analysis, Upper Volga region, Volga-Kamie region.

Анализ категорий каменного инвентаря дает возможность частично реконструировать род хозяйственных занятий неолитического населения в лесной зоне. Однако стоянки неолита в рассматриваемом регионе в основном многослойные, а потому и залегание кремня в различных слоях не всегда возможно отнести к какой-либо культурной традиции. К раннему неолиту принято относить памятники с неорнаментированной керамикой и посу-

дой украшенной в технике накола (Никитин, 1996).

Для раннего неолита Среднего лесного Поволжья характерно использование валунного и желвачного кремня местных выходов, преимущественно вишневого, коричневого и серого цветов. Учитывая цветовую палитру сырья на памятниках, работы на которых велись в последние годы, можно отметить, что на ранненеолитической стоянке Соколь-

ный VII – около 60% кремня имеет коричневый с оттенками цвет, 30% – серый с оттенками цвет, остальные 10% представлены кремнем различных тонов. На Сокольном XII – около 48% кремня коричневого и вишневого цвета, серого и желто-серого цвета – 27,1%, остальные бежевого, белого и черного цвета. На Дубовском III поселении цвет кремневых находок в 92% случаев коричневый и вишневый. На изделиях систематически отмечено присутствие корки (к примеру, Сокольный XII – 12%, Сокольный VII – 18%, Дубовское III – 16%, Отарское VI – 12%), что свидетельствует об изготовлении орудий на месте. В редких случаях (0,5% от каменных находок на Дубовском III), попадаются находки из кварцита, что может характеризоваться как южный признак, привнесенный пришедшим неолитическим населением. Подавляющую часть каменных коллекций составляют отходы производства (Дубовское III – 84,7%, 93% – Сокольное VII и т.д.).

Переходя к более подробному описанию раннеолитического кремневого комплекса, стоит отметить, что нуклеусы встречаются одно- и двухплощадочные, часто практически полностью сработанные. Превалируют аморфной и призматической, реже конической и клиновидной формы нуклеусы. Встречаются примеры нуклеусов с площадками для снятия как отщепов, так и пластин (Никитин, 2011, с. 218, рис. 48, № 13,16). Основной диапазон ширины пластин в марийском регионе укладывается в промежуток от 0,7 до 1,2 см.

Кремневые изделия в основном с нерегулярной односторонней ретушью (например, Дубовское III – подобная ретушь – более 50% случаев). При этом с раннего неолита в регионе отмечается и использование сплошной, сплошной двусторонней ретуши.

Скребки - заготовкой чаще всего выступал отщеп, а также поперечные или продольные сколы. Оформление лезвия в основном с торца, иногда заходит на боковые стороны, редко по всему периметру. Скребки представлены концевые (большая часть), торцевые, на отщепах, реже на пластинах. Для ножей заготовками являются крупные плоские отщепы, сколы и пластины. Ножи в большинстве с односторонней ретушью, с прямым или овальным лезвием. В коллекциях угловые резцы на пластине и продольных сколах, единично

встречаются срединные. Типичны острия с нерегулярной ретушью на пластине.

Стоит отметить, что в раннем неолите региона также представлены комбинированные орудия, такие как скребки-резцы, скребки-ножи, скобель-нож. На марийских памятниках отмечается наличие ретушированных сечений пластин, что может свидетельствовать также и об использовании составных орудий. По мнению В.В. Никитина, среди коллекций встречаются находки, интерпретируемые как трапеции (30 экз. на Дубовском VIII), что, на наш взгляд, спорно. С определенной долей условности можно причислить к трапециям разве что несколько из представленных артефактов (Никитин, 2011, с. 281, рис. 111 № 3, 6). К тому же в постройке 6, где они были обнаружены, залежали вместе накольчатая, камская, балахнинская и волосовская керамика. Для раннеолитических комплексов характерны треугольно-черешковые наконечники. Кроме того, присутствуют пластинчатые наконечники с частичной обработкой пера и черешка, а также иволистные наконечники.

На памятниках Марийского Поволжья встречаются ретушеры и отбойники, что также говорит о производстве орудий на месте. Среди орудий на чистой раннеолитической стоянке Сокольный VII процент деревообрабатывающих – 3%. На других памятниках отнести деревообрабатывающие орудия к определенной культурной традиции достаточно сложно, из-за присутствия как неорнаментированной, так и накольчатой, ямочно-гребенчатой и волосовской керамики, залегающей на разных уровнях. Большая часть деревообрабатывающих орудий изготовлена на доломите. Известны находки утюжков на марийских памятниках – Дубовском III, VIII, Сокольном VII (рис. 1).

В.В. Никитин высказывал предположение об объединении в волжскую культурную область материалы раннего неолита лесного Среднего и Верхнего Поволжья (Никитин, 2002, с. 303). Имеются определенные различия в керамике двух культур: в верхневолжской представлены слабо орнаментированная, накольчато-зубчатая и гребенчатая, а в Среднем Поволжье только неорнаментированная и накольчатая. Встает вопрос о подтверждении данного своеобразия в коллекциях кремня. В нашем случае сравнение проводилось по одновременным комплексам. К ранним

Рис. 1. Ранний неолит. Орудия

Скребки: 1, 2 – Сокольный VII; 3 – Сокольный XII. Острия: 4 – Сокольный VII; 5 – Сокольный XII. Фрагмент утюжка: 6 – Сокольный VII. Наконечники: 7, 8 – Сокольный VII; 9 – Сокольный XII. Ножи: 10 – Сокольный XII; 11 – Сокольный VII. Нож-ложкарь: 12 – Сокольный VII. Резцы: 13 – Сокольный VII; 14 – Сокольный XII. Деревообрабатывающие: 15–17 – Сокольный XII

Fig. 1. Early Neolithic. Tools

Scrapers: 1, 2 – Sokolny VII; 3 – Sokolny XII. Points: 4 – Sokolny VII; 5 – Sokolny XII. Ironing fragment: 6 – Sokolny VII. Tips: 7, 8 – Sokolny VII; 9 – Sokolny XII. Knives: 10 – Sokolny XII; 11 – Sokolny VII. Spoon knife: 12 – Sokolny VII. Incisors: 13 – Sokolny VII; 14 – Sokolny XII. Woodworking: 15–17 – Sokolny XII

памятникам верхневолжского региона можно отнести Котчище I, Нилова Пустынь, Давыдовская, Алексеевское I, Шадрино IV, Сахтыш Па, Окаемово 18, Замостье 2/4а и др.

Для обоих регионов характерно использование местного валунного и желвачного кремня. Подавляющее большинство коллекции представлено отходами производства (Давыдовская – 77%, Котчище I – 86%, Замостье 2/4а

– 87% и т.д.) Нуклеусы в материалах Среднего Поволжья одно- и двухплощадочные, практически полностью сработанные, чаще встречаются аморфной и призматической формы. В Верхнем Поволжье они преимущественно призматические. Большое количество пластин характерно для обеих индустрий (Цветкова, 2019а, с. 704). На памятниках раннего этапа верхневолжской культуры значительный

процент (до 50%) пластин в качестве заготовки. Основной диапазон ширины пластин – 0,7–1,2 см. В то же время присутствуют орудия небольших размеров на продольных и поперечных сколах. Преобладают кремневые изделия с нерегулярной односторонней ретушью. Реже используется сплошная двусторонняя ретушь. В коллекциях стоянок обеих культур немногочисленны резцы на углу сломанной пластины или продольного скола. Перфораторы верхневолжской культуры представляют собой симметричные острия и сверла с плечиками, в то время как в марийской индустрии первый вид есть на всех памятниках, а второй представлен единично. Есть на сравниваемых памятниках и вкладыши. Данные примеры могут говорить о сходстве каменных индустрий в раннем неолите лесного Поволжья.

Наиболее представительной категорией орудий, как в Марийском, так и в Верхнем Поволжье являются концевые скребки, чаще на отщепе, реже на пластинах (Цветкова, 2019б, с. 124). В обоих регионах присутствуют стрелчатые скребки. В Среднем Поволжье встречаются прямые или овальные ножи на крупных плоских отщепах и пластинах, в большинстве с односторонней ретушью. Что касается более западной территории, то там не все так очевидно. В комплексах Среднего Поволжья отмечаются наконечники треугольно-черешковой и иволистной формы, которые не представлены на Верхней Волге. В марийских комплексах преобладают экземпляры с полностью ретушированной спинкой и частичном оформлении брющка. В материалах указанных территорий не серийно выделяются комбинированные орудия (скребки-резцы, скребки-ножи). Относительно большое количество деревообрабатывающих орудий – также общая черта. Деревообрабатывающие орудия Марийского и Верхнего Поволжья характеризуются в большей степени топорами, в меньшей – теслами. Не исключена возможность наличия долот на восточных памятниках. Большинство из них трапециевидной формы обработано в технике оббивки, но на средневолжских значительное количество со шлифовкой. К отличиям можно отнести и отсутствие на верхневолжских памятниках утюжков (рис. 1, № 7).

Не менее важно рассмотреть кремневый комплекс еще одних «соседей», населявших марийский край в древности. Таковыми явля-

ются раннеолитические коллективы Прикамья. Представляется корректным сравнивать каменные комплексы, связанные с накопчатой традицией региона (Гусенцова, 1993). Это касается стоянок и поселений: Кыйлуд II, Коктыш II, Чашкинское Озеро IV, VI, VIII, IX, Щербетская II, Левшино, Чернушка, Кошкинская. Для Волго-Камской культуры характерно большое количество отходов производства на памятниках Кыйлуд II – 81,7% (Лычагина, Цыгвинцева, 2013, с. 25), Чашкинское Озеро VIII – 81%, Чашкинское Озеро IV – 79,5% (Лычагина, 2020, с. 113, 120). Кремень преимущественно серого с оттенками и коричневого цвета. В редких случаях среди находок отмечаются отщепы из гальки и орудия на ней (Чашкинское Озеро VIII, к примеру), а также кварцитовые артефакты.

Нуклеусы – одно- и двухплощадочные торцовые, конические, представлены призматические, а также аморфные. Орудия изготавливались паритетно как на пластинах, так и на отщепах, иногда с превалированием одной из категорий (Чашкинское Озеро IX – около 55% орудий на пластинах, Чашкинское Озеро IV – 76% орудий на отщепах и т.д.). Присутствие сечений пластин с ретушью подразумевает, как и в Марийском крае, использование вкладышей. Ретушь преимущественно односторонняя краевая, редко встречается двусторонняя. Скребки разнообразные – чаще концевые, есть прямоугольные, на отщепах, пластинах, сколах. Также присутствуют скобели на отщепах. Ножи на пластинах и пластинчатых отщепах, однолезвийные, с прямым лезвием, а также выпукло-овальным и вогнутым (Лычагина, 2020, с. 114). Присутствует небольшое число комбинированных орудий – нож-резец, скребок-резчик (Кыйлуд II). Проколки (на пластинах и отщепах) как симметричные, так и с плечиками. Резцы как угловые, так и срединные. Наконечники листовидные, с двусторонней обработкой, а также треугольно-черешковые. Среди деревообрабатывающих орудий, в числе которых есть и шлифованные, можно отметить тесла (в том числе из сланца), на стоянке Чашкинское Озеро IV присутствуют долотовидные орудия с прямым или округлым лезвием (Лычагина, 2020, с. 121). Встречаются на стоянках и отбойники. Находка топоров – не частое явление для памятников Камского региона этого времени.

В Марийском регионе, как мы уже видели, гораздо большее количество топоров, а также деревообрабатывающих изделий с шлифовкой, в отличие от Волго-Камских материалов. Прослеживается разница и в нуклеусах – на Каме они чаще конические и торцовые. Заметна разница и в использовании гальки. Отметим различия в срединных резцах и некоторых видах ножей на Волго-Камских памятниках, наличием проколов с плечиками. К сходствам отнесем треугольно-черешковые формы наконечников, превалирование концевых скребков, наличием комбинированных орудий, а также вкладышей. Роднят марийские и раннеолитические накольчатые материалы с Камы, и превалирование односторонней ретуши, и отщепово-пластинчатый состав заготовок, и подавляющее преимущество отходов производства на стоянках.

В Нижнем Прикамье на памятниках с раннеолитической керамикой также можно проследить некоторые особенности каменных орудий. Они выделяются среди коллекций Щербетской II, Кабы-Копрынской, стоянки Вороний куст (Халиков, 1969, с. 49). К ним стоит добавить материалы IV Тетюшской, I Ивановской стоянки, V, VI Городок (Габяшев, 2003, с. 36), а также Лебединской II (Морозов, 2019) и Мурзихинской IV (Шипилов, 2015). Кремень использовался белого, серого и светло-серого цветов. Нуклеусы конической, призматической и аморфной формы. Процент пластинчатого комплекса варьируется до 44,3%. Ширина большинства пластин от 0,8 см до 1,5 см. Число отходов производства может достигать 90%. При наличии других видов основным видом ретуши является односторонняя краевая. Скребки являются одной из самых крупных категорий орудий по количеству и представлены концевой и реже боковой форм. Ножи с прямым одним- или двухсторонним лезвием, или овальным. Резцы угловые с одним сколом, также присутствуют единичные находки срединных. Перфораторы имеются как симметричной формы, так и с плечиками. Наконечники выделяются нескольких типов – чаще встречаются треугольно-черешковые и листовидные, реже ромбические и пластинчатые формы. К деревообрабатывающим орудиям относятся шлифованные (преобладают) долота и тесла. Топоры на памятниках либо отсутствуют, либо выделяются единично (Габяшев, 2003,

с. 40; Халиков, 1969, с. 50). Долота выгнутое, асимметричные в сечении с небольшим расширением к прямому или округленному лезвию. Часто на долотах отмечаются желобчатые выемки. Тесла с односторонним расширяющимся к рабочей части лезвием.

К сходным чертам с Марийским краем в Нижнем Прикамье можно отнести способ нанесения ретуши, некоторые категории нуклеусов и наконечников, а также ножи и скребки. Явными отличиями будут ширина пластин, перфораторы с плечиками, практически полное отсутствие топоров и отсутствие утюжков в Нижнем Прикамье, присутствие в последнем срединных резцов, а также ромбических и листовидных наконечников. Кроме всего прочего, видна разница в цвете используемого сырья. Отметим также, что в Нижнем Прикамье, как и в Марийском Поволжье, подавляющее большинство каменных коллекций – это отщепы, чешуйки и пр. отходы производства.

Вышеуказанные данные позволяют говорить об определенных культурных различиях в каменной индустрии Марийского Поволжья со сравниваемыми регионами Верхнего Поволжья, а также и Прикамья. При очевидном наличии некоторых сходных показателей, в большей степени различие проявляется в сопоставлении с западными территориями (табл. 1).

Вышеуказанные в сравнении группы, кроме сопоставимой ландшафтной зоны, имеют схожий хронологический интервал существования. Для раннего неолита Марийского Поволжья даты по неорнаментированной и накольчатой керамике в основном укладываются в период 7000–6100 ВР (Кудашов и др., 2022, с. 40). Материалы раннего этапа верхневолжского неолита определяются исследователями в рамках 7100–6500 ВР (Цветкова, 2014, с. 105). Что касается Волго-Камья, то наиболее ранняя группа по имеющимся датам входит в чуть более поздний интервал 6400–5700 ВР (Лычагина, Цыгвинцева, 2013, с. 27). Памятники приустьевой части Камы датируются в пределах 6600–6000 ВР, что также близко сравниваемым регионам и Марийскому Поволжью (Выборнов, Морозов, 2016, с. 129). Данное обстоятельство позволяет нам сделать выводы по типологическому сравнению более основательными.

Таблица 1. Ранненеолитический каменный инвентарь сравниваемых регионов
 Table 1. Early Neolithic stone inventory of the compared regions

Традиция Инвентарь	Марийское Поволжье	Верхневолжская	Волго-Камская	Нижнее Прикамье
Нуклеусы	призматические аморфные	призматические	торцовые конические призматические	конические призматические аморфные
Орудия на пластинах	до 61%	до 50%	до 55%	до 44%
Пластины ширина	0,7–1,2 см	0,7–1,2 см	0,6–2 см	0,8–1,5 см
Ретушь	нерегулярная односторонняя	нерегулярная односторонняя	нерегулярная односторонняя	нерегулярная односторонняя
Скребки	концевые, стрельчатые	концевые, стрельчатые	концевые, прямоугольные	концевые боковые
Резцы	угловые	угловые	угловые срединные	угловые срединные
Ножи	прямые/овальные	–	прямые выпукло-овальные вогнутые	прямые/овальные
Перфораторы	симметричные	симметричные с плечиками	симметричные с плечиками	симметричные с плечиками
Наконечники	треугольно- черешковые, иволистные	иволистные	листовидные треугольно- черешковые	листовидные треугольно- черешковые ромбические
Деревообрабатывающие	топоры, резе тесла, долото (?)	топоры, резе тесла	тесла, долотовидные орудия, топоры	долота тесла
Утюжки	+	–	–	–

Кремневый инвентарь раннего неолита Среднего лесного Поволжья обладает четкими характеристиками и имеет свой облик (рис. 1). По орудиям и процессу их производства можно сказать об определенных контактах с позднемезолитическим населением, которые позволили не только перенять у последних навыки, но и усовершенствовать некоторые из них (Кудашов, 2020). Сопоставляя кремневые материалы Марийского и

Верхнего Поволжья, а также раннего неолита Прикамья, можно заметить ряд сходств и культурных отличий. В целом коллекции с ранненеолитических марийских памятников свидетельствуют о присваивающем охотничьем–рыболовецком хозяйстве населения. Однако некоторые вопросы нуждаются в более тщательном осмыслении и в продолжении исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А.А., Морозов В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Нижнего Прикамья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 129–139.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. 240 с.

Кудашов А.С. Позднемезолитический и ранненеолитический кремневый инвентарь Марийского Поволжья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Т. I. Самара: СГСПУ, 2020. С. 168–169.

Кудашов А.С., Выборнов А.А., Андреев К.М. Актуальные проблемы радиоуглеродного датирования неолитических комплексов лесного Среднего Поволжья // Вторая Всероссийская конференция (с международным участием): Геохронология четвертичного периода (Москва, 19–22 апреля 2022 г.). М., 2022. С. 40.

Лычагина Е.Л., Цыгвинцева Т.А. Сравнительный анализ раннеолитических культур Прикамья // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 1 (21). С. 22–36.

Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. ПГГПУ. Пермь, 2020. 364 с.

Морозов В.В. Лебединская II стоянка в Нижнем Прикамье (по материалам исследований А.Х. Халикова в 1963 году) // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 21–33.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатый орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2002. С. 293–303.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Цветкова Н.А. Периодизация и культурная история Волго-Окского неолита // Российский археологический ежегодник. Вып. 4./ Глав. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 89–110.

Цветкова Н.А. Начало неолитической эпохи на Верхней Волге // Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 2019а. Т. 64. Вып. 2. С. 683–717.

Цветкова Н.А. Переход от мезолита к неолиту на Верхней Волге по результатам изучения каменной индустрии // Самарский научный вестник. 2019б. Т. 8. №3. С. 119–131.

Шипилов А.В. Культурно-хронологические комплексы Мурзихинской IV стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 313–325.

Информация об авторе:

Кудашов Александр Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); aleksandr.kudashov@gmail.com

REFERENCES

Vybornov, A. A., Morozov, V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. A. (comp.). *Radiouglernaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd Millennia BC.)*. Smolensk: “Svitok” Publ., 129–139 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysyacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.)*. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; “Fän” Publ. (in Russian).

Gusentsova, T. M. 1993. *Mezolit i neolit Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Mesolithic and Neolithic of the Kama-Viatka Interfluve)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

Kudashov, A. S. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* I. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 168–169 (in Russian).

Kudashov A.S., Vybornov A.A., Andreev K.M. 2022. In *Vtoraya Vserossiyskaya konferentsiya (s mezhdunarodnym uchastiem): Geokhronologiya chetvertichnogo perioda (Moskva, 19–22 aprelya 2022 g.). (Second All-Russian Conference (with international participation): Geochronology of the Quaternary period. (Moscow, April, 19–2. 2022))*. Moscow, 40 (in Russian).

Lychagina, E. L., Tsygvintseva, T. A. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 21 (1), 22–36 (in Russian).

Lychagina, E. L. 2020. *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya (Neolithic of the Upper and Middle Kama Regions)* Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Morozov, V. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 21–33 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 293–303 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tsvetkova, N. A. 2014. 2014. In Vishnyatsky, L. B. (ed.-in-chief). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 4. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 89–110 (in Russian).

Tsvetkova, N. A. 2019a. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. Seria 2 (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series 2)* 64. (2), 683–717 (in Russian).

Tsvetkova, N. A. 2019b. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 8 (3), 119–131 (in Russian).

Shipilov A.V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 313–325 (in Russian).

About the Author:

Kudashov Aleksandr S. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; aleksandr.kudashov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.271.279>**КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹**

© 2023 г. Н.С. Дога

Долгое время основными источниками для изучения прикаспийской культуры являлись смешанные памятники Нижнего Поволжья. В связи с этим определение характерных черт каменной индустрии этой культуры было затруднительным. Исследование гомогенных прикаспийских слоев на стоянках Алгай и Орошаемое в степном Поволжье позволило выделить однородную коллекцию каменных изделий. К основным типам орудий были отнесены скребки на пластинах и продольных сколах различной формы, а также ножевидные пластины и ножи. Самым массовым типом находок являются пластины и их сечения без ретуши и с ретушью, нанесенной по одной или двум граням. Основным типом сырья является кварцит. Для изготовления орудий труда носители прикаспийской культуры использовали пластинчатую технику усиленного отжима. Данная техника производства орудий и тип сырья не находят аналогий в местных неолитических культурах. Представляется, что каменная индустрия прикаспийской культуры сформировалась в Северном Прикаспии к 5500 лет BC под влиянием пришлых племен Днепро-Донского междуречья.

Ключевые слова: археология, степное Поволжье, неолит, энеолит, прикаспийская культура, каменная индустрия, усиленный отжим.

STONE INDUSTRY OF THE CASPIAN CULTURE²

N. S. Doga

For a long time, the main sources for study of the Caspian culture were mixed sites of the Lower Volga region. In this regard, it was difficult to determine the characteristic features of the stone industry of this culture. The research of Caspian culture's homogeneous layers on the Algay and Oroschaemoe sites in the stepping Volga region leads to form congenerous collection of stone products. The basic types of tools are scrapers on blades and longitudinal flakes of different forms, knife-shaped pieces and knives. Blades and their sections with retouch on one or two facets and without it are considered the most common type of artefacts. The main type of raw material is quartzite. The Caspian people used a blade production technique by means of forced pressure technique. This technique of making tools and raw material is not found analogies in the local Neolithic cultures. On the author's opinion, stone industry of the Caspian culture was formed to 5500 years BC under the influence of tribes who came from the the Dnieper-Don interfluvium.

Keywords: archaeology, stepping Volga region, Neolithic, Eneolithic, the Caspian culture, stone industry, forced pressure

В разработке вопросов генезиса и хронологического положения прикаспийской культуры исследователи основное внимание уделяют характеристике керамического инвентаря. Однако еще первооткрыватель культуры А.Н. Мелентьев указывал на своеобразие каменной индустрии «прикаспийцев», заключавшееся в преобладании кварцитового сырья и пластинчатости орудий (Мелентьев, 1976, с. 14). Несмотря на эти отличия от сероглазовских материалов, автор относил прикаспийскую культуру к позднему неолиту. Дальней-

шие исследования на территории Северного Прикаспия позволили более полно охарактеризовать прикаспийские материалы и отнести их к периоду энеолита.

К основным типам орудий были отнесены ножевидные пластины, ретушированные со спинки по одной или двум граням, крупные скребки различной формы и острия на пластинах (Барынкин, Васильев, 1985, с. 63). Наряду с инновациями в керамическом инвентаре исследователями была отмечена смена микролитической кремневой индустрии неолита на

1 Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» - № 22-28-00082.

2 The work was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation "Neolithization of the Lower Volga region: an interdisciplinary approach" - No. 22-28-00082.

традицию изготовления крупных кварцитовых изделий без геометрических вкладышей (Барынкин, Васильев, 1985, с. 71, 72). Было высказано предположение о генезисе прикаспийцев на основе местной сероглазовской культуры при влиянии лесостепных культур с гребенчатой керамикой (Васильев, 1981, с. 20, 21).

Позднее прикаспийская культура, наряду с самарской, азово-днепровской и нижнедонской, была отнесена к мариупольской культурно-исторической области (Васильев, Синюк, 1985, с. 27–39). В обобщающей работе по энеолиту Северного Прикаспия была дана общая характеристика каменной индустрии региона: сочетание кремневого и кварцитового сырья, микро- и макропластинчатость комплексов, широкое использование техники двусторонней обработки. Однако сделанные выводы основывались, прежде всего, на материалах хвалынской культуры (Барынкин, 1992, с. 11, 12). Дальнейшие исследования и датирование материалов стоянок с прикаспийскими древностями позволило отнести начало появления прикаспийцев в Северном Прикаспии к 5500 лет ВС.

Представительная коллекция каменных изделий прикаспийской культуры была получена при исследовании стоянок Озинки I и II в степном Поволжье. Доля кварцитовых орудий комплекса составляла 70–80 %. Для изделий из кварцита характерен большой размер, техника расщепления камня пластинчатая. Основными типами орудий являются скребки на пластинах и отщепях, ножевидные пластины, ножи, орудия сочетающие функции ножа и скребка, небольшие пластины – «вкладыши». Встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы, проколки, перфораторы (Лопатин, 1989, с. 138–143).

Широкие изыскания А.И. Юдина в степном Поволжье значительно расширили источниковую базу прикаспийской культуры. В хорошо сохранившихся культурных слоях были обнаружены комплексы с преобладанием кварцитовых орудий, выполненных в пластинчатой технике. Кроме того, исследователем была отмечена еще одна особенность прикаспийского комплекса – сочетание микро- и макротехники. Микротехника использовалась для получения небольших кремневых пластин, а макротехника при изготовлении крупных

кварцитовых пластин и орудий на них (Юдин, 2005, с. 163).

Примечательно, что имеющиеся коллекции каменных артефактов происходили преимущественно со смешанных памятников. Единственным памятником без инокультурной примеси стала стоянка Орошаемое, исследованная А.И. Юдиным в 1984 году. С «воротничковой» керамикой, орнаментированной оттисками шагающей гребенки и зубчатого штампа, залегало 144 каменных изделия. Большинство из них было изготовлено из кварцита: 59 ножевидных пластин шириной от 7 до 35 мм, концевые скребки на пластинах с округлым лезвием и три обломка наконечников стрел с двусторонней обработкой (Юдин, 1986, с. 40, 41).

Дальнейшие исследования позволили выделить на памятнике еще два культурных слоя – неолитический орловский и энеолитический хвалынский. Однако слой прикаспийской культуры отделен от нижележащего орловского и вышележащего хвалынского стерильной прослойкой (Выборнов и др., 2017, с. 85). Этот факт исключает смешивание прикаспийских древностей с материалами других культур. Такая же стратиграфическая ситуация наблюдается и на стоянке Алгай, расположенной в 150 м к востоку от Орошаемого (Выборнов, Юдин, 2017, с. 38–40).

Всего в прикаспийских слоях памятников Алгай и Орошаемое было обнаружено 397 каменных изделия, 76 % которых выполнено из кварцита, а остальные из кремня. Обнаружено несколько нуклеусов из кварцита и кремня конической и призматической формы (рис. 1: 1–4). К самой массовой категории находок относятся кварцитовые пластины и их сечения (рис. 1: 5–20) длиной до 13 см и шириной от 0,8 до 5 см. Большинство из них не имеет вторичной обработки. Ко второму по массовости типу орудий принадлежат концевые скребки на пластинах и продольных сколах с округлым (рис. 2: 2–3, 5–8, 13–4, 18, 22–23), прямым (рис. 2: 1, 9–10, 17, 21) и скошенным рабочим краем (рис. 2: 11–12, 15). Кроме того, встречаются дублированные (рис. 2: 4, 19, 20) и боковые скребки (рис. 2: 16). Их ширина варьируется от 1,5 до 3 см.

Еще одним типом массовых находок являются массивные сколы, которые могли служить заготовками для ножей (рис. 3: 1–5). Ножи имеют прямолезвийную и саблевидную

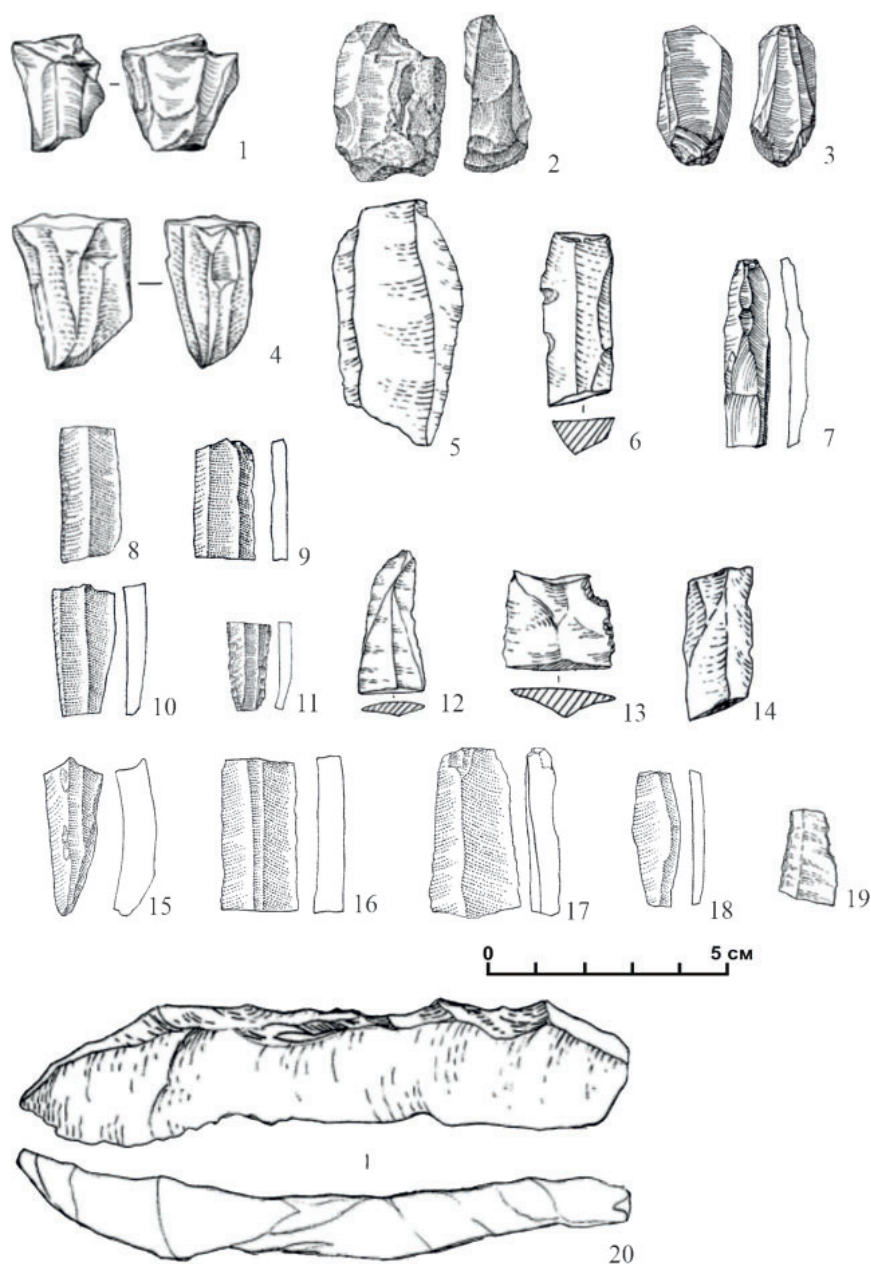

Рис. 1. Материалы стоянок Алгай и Орошаемое: 1–4 – нуклеусы; 6–20 – пластины.

Fig. 1. Materials of the Algay and Oroshaemoe sites: 1–4 – nuclei; 6–20 – blades.

формы (рис. 3: 6–12). Двусторонне обработанные орудия представлены обломками и целыми изделиями наконечников стрел с выемкой в форме «рыбки» (рис. 4: 1–2) и обломком листовидного наконечника (рис. 4: 3). Кроме того, обнаружен нож со сплошной двусторонней ретушью (рис. 3: 12). Примечательны находки изделий с ретушью по продольным граням, нанесенной со спинки или брюшка (рис. 4: 4–6). Эти орудия интерпретируются как «вкладыши». Небольшой процент от всей коллекции составляют симметричные острия

на пластинах с ретушью по обеим граням нанесенной со спинки и брюшка (рис. 4: 7–9).

Полученный за последние годы комплекс орудий труда подтвердил тезис о пластинчатости каменной индустрии прикаспийской культуры. Размеры орудий труда свидетельствуют о применении техники усиленного отжима при их изготовлении. Сочетание микро- и макротехники выражается в наличии на них, так и более мелких кремневых орудий на отщепах и пластинах. Как уже отмечалось

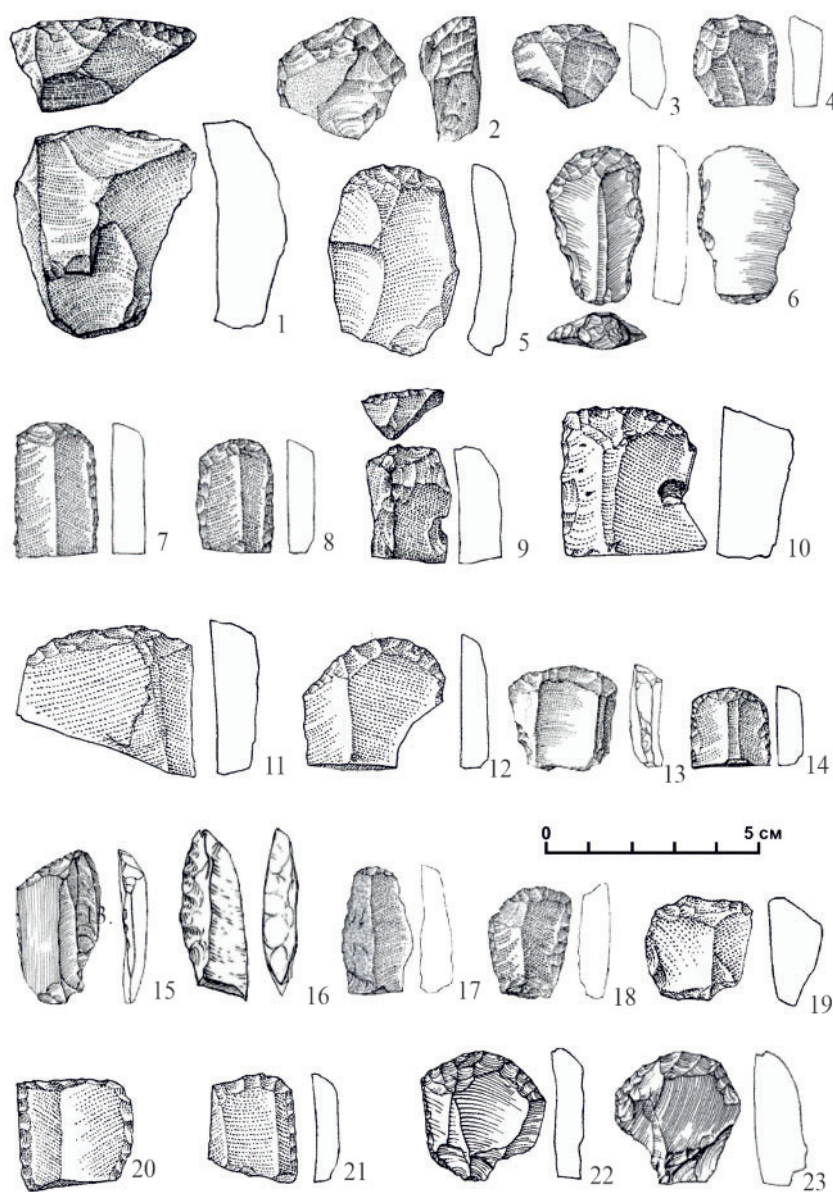

Рис. 2. Материалы стоянок Алгай и Орошаемое: 1–23 – скребки.
Fig. 2. Materials of the Algay and Oroshaemoe sites: 1–23 – scrapers

выше, на стоянках Алгай и Орошаемое прикаспийский слой залегал ниже хвалынского.

Хронологический приоритет прикаспийской культуры подтверждается и представительной серией радиоуглеродных дат по различным материалам. Период бытования прикаспийцев на памятниках относится к интервалу 4900–4800 лет ВС. Датировки хвалынских материалов определяют их возраст – 4600 лет ВС (Выборнов и др., 2022, с. 11, табл. 1). Иначе говоря, такие признаки как кварцитовое сырье, пластинчатость, увеличение размеров орудий и двусторонняя обработка фиксируются в более ранней, чем

хвалынская, прикаспийской культуре. Что касается соотношения степного комплекса прикаспийской культуры и североприкаспийского, то основные типы орудий совпадают. Различия наблюдаются не только в цвете кварцита, на стоянках Северного Прикаспия он имеет желтоватый оттенок, но и в увеличении процента кварцитовых изделий в степном Поволжье.

Прикаспийскую культуру А.И. Юдин относит к нео-энеолитическому этапу и обосновывает автохтонную версию ее происхождения. Помимо прочего, одним из аргументов преемственности между орловской и прикаспий-

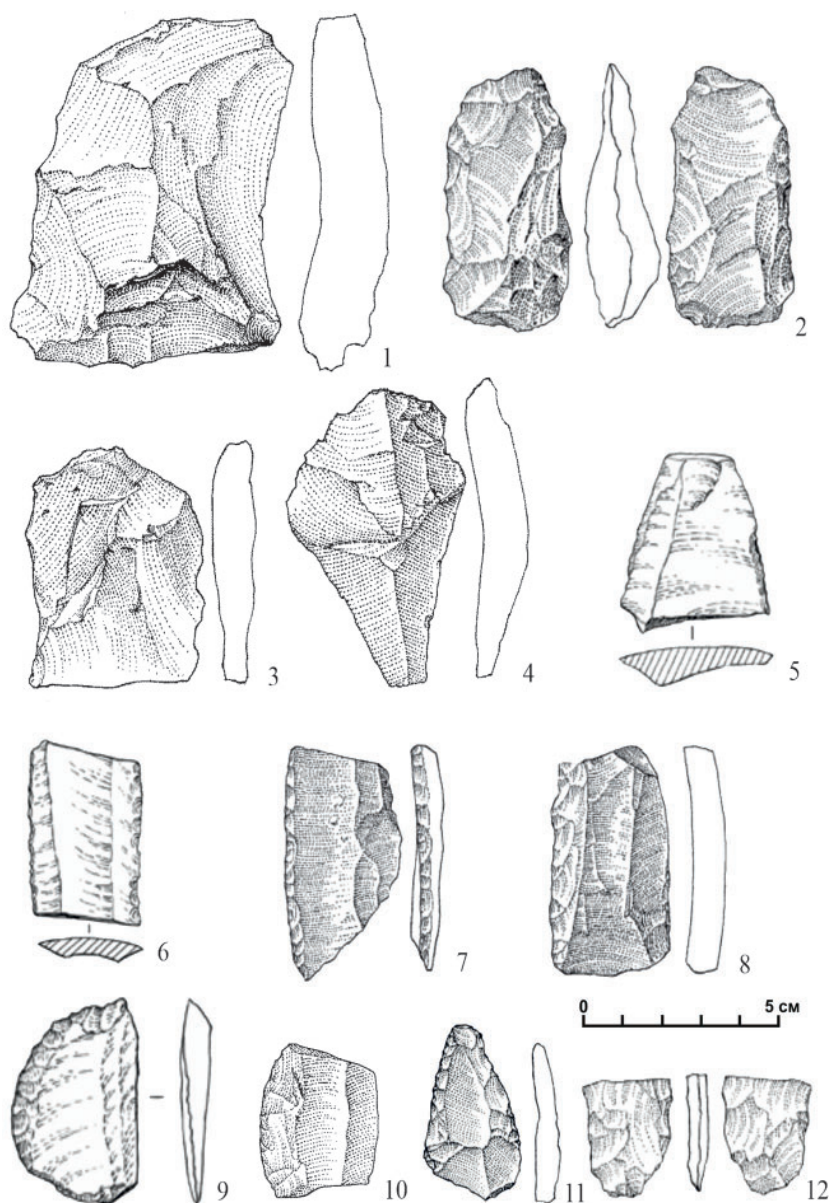

Рис. 3. Материалы стоянок Алгай и Орошаемое: 1–5 – сколы; 6–12 – ножи.
 Fig. 3. Materials of the Algay and Oroshaemoe sites: 1–5 – flakes; 6–12 – knives.

ской культурами является увеличение размера кремневых ножевидных пластин от нижнего слоя к верхнему на стоянке Варфоломеевская. Кроме того, автор отмечает увеличение размера трапеций и процента кварцитовых орудий, а так же появление в верхнем слое крупных кварцитовых пластин и орудий на них. В этой связи необходимо отметить, что в верхнем слое Варфоломеевской стоянки обнаружена керамика прикаспийской культуры, с которой и могут быть связаны крупные кварцитовые пластины (Юдин, 2004, с. 65).

В неолитической коллекции стоянки Алгай так же присутствуют кварцитовые изделия. Однако они выполнены не в технике усилен-

ного отжима, а сам кварцит имеет отличный от прикаспийского цвет. Что касается кремневого сырья, то для орловцев характерен матовый кремнь различных оттенков: серого, полосчатого и молочного. Прикаспийцы же использовали черный прозрачный или белый кремнь, реже светло-серый. Необходимо также отметить, что в материалах прикаспийской культуры не встречаются трапеции со струганной спинкой, столь характерные для позднего неолита. Обнаруженные в прикаспийских комплексах «вкладыши» не являются геометрическими микролитами.

Как уже отмечалось выше, версия генезиса прикаспийской культуры на основе

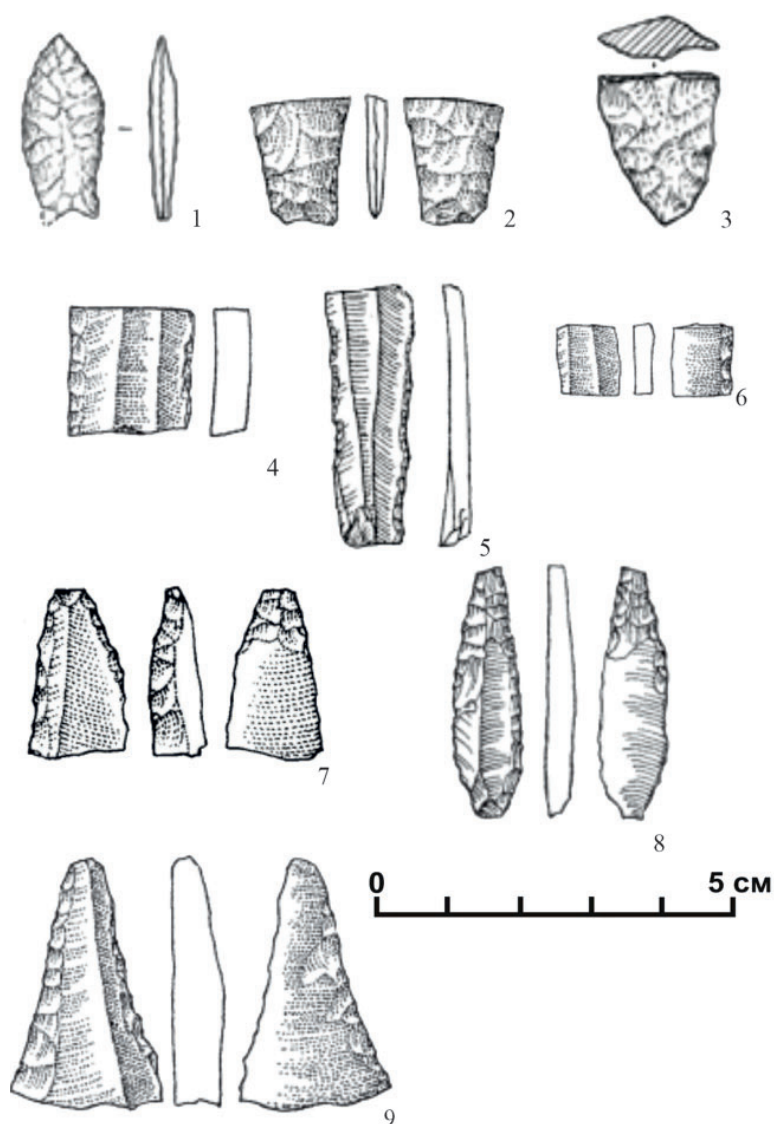

Рис. 4. Материалы стоянок Алгай и Орошаемое: 1–3 – наконечники стрел; 4–6 – «вкладыши»; 7–9 – острия.
Fig. 4. Materials of the Algay and Oroshaemoe sites: 1–3 – arrowheads; 4–6 – «insert-products»; 7–9 – points

местных неолитических племен при влиянии лесостепных культур базируется преимущественно на анализе и сопоставлении керамических комплексов. Н.Л. Моргунова уточняет данную концепцию положением о значительной роли самарской культуры в сложении прикаспийской, используя в аргументации, помимо прочего, технику двусторонней обработки орудий (Моргунова, 2011, с. 46). Однако на сегодняшний день сопоставление каменного инвентаря прикаспийской культуры с инвентарем населения, производившего энеолитическую керамику лесостепного Поволжья затруднительно ввиду отсутствия гомогенных памятников (Королев и др., 2016, с. 188). Вследствие этого провести сравнительный анализ каменного инвентаря

самарской и прикаспийской культур на сегодняшний день не представляется возможным. Однако необходимо отметить, что в каменном комплексе Съезжинского могильника присутствуют крупные пластинчатые орудия труда, изготовленные при помощи техники усиленного отжима (Васильев, Матвеева, 1979, с. 152, рис. 3, 19). Новые даты по материалам Съезжинского могильника относятся к 4800 лет ВС. Иначе говоря, гораздо вероятнее влияние прикаспийского населения на самарскую культуру, а не наоборот.

В последнее время получает распространение концепция генезиса прикаспийской культуры, рассматривающая западное влияние племен азово-днепровской и нижнедонской культур на поздненеолитическое насе-

ление Северного Прикаспия (Выборнов и др., 2021, с. 32). Воротничковая керамика с орнаментацией в виде ленточных композиций, заполненных гребенчатым штампом, появляется в период 1б азово-днепровской культуры. Для этой посуды характерен каменный инвентарь, состоящий из кремневых пластин средних размеров, скребков на пластинах и отщепах, трапеций. На втором этапе появляются двусторонне обработанные наконечники стрел (Котова, 2002, с. 25). По материалам поселения Раздорское на Нижнем Дону для первого этапа нижнедонской культуры характерна техника скалывания крупных пластин, а наряду с кремневым сырьем нижнедонское население начинает использовать кварцит (Кияшко, 1987, с. 74, 75). Второй этап нижнедонской культуры представлен на памятнике материалами третьего слоя. Сосудам с воротничковым оформлением венчика сопутствует каменный инвентарь на пластинах и изделия с двусторонней обработкой (Кияшко, 1987, с. 74, рис. 1, 75).

Материалы нижнедонской культуры также широко представлены в коллекции поселения Ракушечный Яр. Отмечается, что в слоях 4–2 залегают «воротничковая» керамика, украшенная оттисками гребенчатого штампа, и кремневые орудия на длинных пластинах (до 10 см). К ним относятся ножи, хорошо огранные пластины с двускатной спинкой и скребки на удлиненных пластинах различной формы (Белановская, 1995, с. 27). Новейшие изыскания на поселении Ракушечный Яр показали, что в слоях 2Б–3, наряду с другими материалами, залегают керамика с воротничковым оформлением венчика и гребенчатой орнаментацией. Именно в этих слоях фиксируются орудия на крупных пластинчатых сколах, большие скребки на отщепах, кониче-

ский нуклеус, со следами негативов коротких пластинчатых сколов (Цыбрий и др., 2019, с. 21, 22). Таким образом, в материалах азово-днепровской и нижнедонской культур фиксируются признаки, характерные для каменной индустрии прикаспийской культуры – техника скалывания крупных пластин и изготовление орудий на них, двусторонняя обработка и кварцитовое сырье.

Влияние поздненеолитического населения Северного Прикаспия на прикаспийцев прослеживается в орнаментации керамики. Определенные черты сходства наблюдаются и в орудийном наборе. В каменном инвентаре стоянки Тентексор обращает на себя внимание наличие концевых скребков на пластинчатых сколах и острий на массивных пластинах толщиной более 0,5 см (Васильев и др., 1986, с. 21). В немногочисленном орудийном наборе стоянки Приозерная фиксируется скребок на массивном сколе, который мог быть получен при помощи техники усиленного отжима. Но из-за малочисленности каменного инвентаря на поздненеолитических стоянках тентексорского типа в Северном Прикаспии делать выводы о зарождении техники усиленного отжима в позднем неолите преждевременно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для изготовления орудий труда население прикаспийской культуры применяло пластинчатую технику усиленного отжима. Эта техника впервые появляется в Северном Прикаспии в 5500–5400 лет ВС. В степном Поволжье она получает широкое распространение в 4900–4800 лет ВС. Основным сырьем для прикаспийской каменной индустрии служил кварцит. Истоки каменной индустрии прикаспийской культуры прослеживаются в материалах нижнедонской и азово-днепровской культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1992. 26 с.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1985. С. 58–73.
- Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.: СПбГУ, 1995. 200 с.
- Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1986. С. 6–31.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово–Гайском районе Саратовской области в 2016 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2017. С. 30–78.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия СНИЦ РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 185–190.

Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Кулькова М. А., Филиппсен Б. Хронология неолита – энеолита степного Поволжья // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения я. 2022. Т. 27. № 3. С. 6–15.

Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 192 / Отв. ред. И.Т. Кругшликова. М.: Наука, 1987. С. 73–80.

Королев А.И., Козин С.В., Шалатинин А.А. Каменный инвентарь жилища 1 поселения Лебяжинка VI (к постановке вопроса) // Известия СНИЦ РАН. 2016. Т. 18. № 6. С. 188–194.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 267 с.

Лопатин В.А. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 135–146.

Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Е.И. Медведев. Куйбышев: КГПИ, 1976. С. 13–14.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 219 с.

Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., Цыбрий С.В. Исследования 2-го и 3-го слоев поселения Ракушечный Яр в 2016 г. // Археологические записки. Вып. 10 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2019. С. 10–67.

Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 36–56.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Саратовский университет, 2004. 201 с.

Юдин А.И. Прикаспийская культура в системе энеолита Нижнего Поволжья // Известия СНИЦ РАН. 2005. С. 160–167.

Vybornov A.A., Stavitsky V.V., Kulkova M.A. On the Origin of the Caspian Culture // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 31–37.

Информация об авторе:

Дога Наталья Сергеевна, младший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); natalidoga@yandex.ru

REFERENCES

Barynkin, P. P. 1992. *Eneolit i rannaya bronza Severnogo Prikaspiya (Eneolithic and the Early Bronze of the Northern Caspian Sea region)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Barynkin, P.P., Vasil'ev, I.B. 1985. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki na Evropeyskoy territorii SSSR (Archaeological sites on the European USSR)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 58–73 (in Russian).

Belanovskaya, T. D. 1995. *Iz drevneyshego proshlogo Nizhnego Podon'ya: poselenie vremeni neolita i eneolita Rakushechny Yar (From the ancient past of the Lower Don River region: the Neolithic and Eneolithic settlement Rakushechny Yar)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1981. *Eneolit Povolzh'ya. Step' i lesostep' (Eneolithic of the Volga River region. Steppe and forest steppe)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 147–166 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Siniuk, A. T. 1985. *Eneolit Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (voprosy proiskhozhdeniia i periodizatsii kul'tur)* (*Eneolithic of the East European Forest-Steppe (Issues of the Origin and Periodization of Cultures)*). Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. V. 1986. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya* (*Ancient cultures of the Northern Caspian Sea region*). Kuibyshev State Pedagogical Institute, 6–31 (in Russian).

Vybornov, A. A., Iudin, A. I. 2017. In Iudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia*. (*The Archaeological Heritage of the Saratov Region*) 15. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 30–78 (in Russian).

Vybornov, A. A., Iudin, A. I., Vasil'eva, I. N., Kosintsev, P. A., Kul'kova, M. A., Doga, N. S., Popov, A. S. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 19, no. 3, 185–190 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Doga, N. S., Kul'kova, M. A., Philippsen, B. 2022. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4: Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* (*Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International relations*) 3 (27), 6–15 (in Russian).

Kiyashko, V. Ya. 1987. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 192. Moscow: “Nauka” Publ., 73–80 (in Russian).

Korolev, A. I., Kozin, S. V., Shalapinin, A. A. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 18, no. 6, 188–194 (in Russian).

Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Lugansk: “Shliakh” Publ. (in Russian).

Lopatin, V. A. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiya* (*Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin*). Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 135–146 (in Russian).

Melent'ev, A. N. 1976. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (neolit i bronzovyi vek)* (*Issues of Archaeology of the Volga and Ural Regions (Neolithic and Bronze Age)*). Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 13–14 (in Russian).

Morgunova, N. L. 2011. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ia (Eneolithic between the Volga and the Ural Rivers)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Tsybrii, A. V., Tsybrii, V. V., Tsybrii, S. V. 2019. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski* (*Archaeological Notes*) 10. Rostov-on-Don: “Don archaeological society” Publ., 10–67 (in Russian).

Iudin, A. I. 1986. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya* (*Ancient cultures of the Northern Caspian Sea region*). Kuibyshev State Pedagogical Institute, 36–56 (in Russian).

Iudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

Iudin, A. I. 2005. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*, 160–167 (in Russian).

Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V., Kul'kova, M. A. 2021. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4: Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* (*Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International relations*) 1 (26), 6–12 (in English).

About the Author:

Doga Natalia S. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; natalidoga@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.280.287>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ ОРЛОВСКОЙ И ДЖАНГАРСКОЙ КУЛЬТУР¹

© 2023 г. Ф.Ф. Гилязов

В статье представлены результаты сравнительного анализа каменных индустрий орловской и джангарской культур. Опорными памятниками для сравнения каменного инвентаря являются стоянки Варфоломеевская, Алгай, Джангар, Ту-Бузгу-Худук I и II, которые расположены в Северо-Западном Прикаспии и Сыртовом Заволжье. Нуклеусы в каменном инвентаре орловской культуры – конические, плоские и уплощенные, а в джангарской – призматические и кубовидные. Ряд категорий орудий полностью отсутствует в орловской культуре – все четыре типа наконечников стрел, пластины с выделенной головкой, прямоугольники, орудия с двусторонней оббивкой. В оформлении каменных орудий орловской культуры не применялась встречная и противоположная ретушь. В инвентаре стоянок джангарской культуры трапеции со струганной спинкой единичны, тогда как в комплексах орловской они составляют устойчивую группу. Данные культуры при сравнении их каменного инвентаря обнаруживают как сходство, так и различие. По мнению автора, анализ каменных индустрий позволяет выявить маркирующие (культуроопределяющие) признаки неолитических культур Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Северный Прикаспий, неолит, орловская культура, джангарская культура, кремневая индустрия, геометрические микролиты, типологический анализ.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF STONE INDUSTRIES OF THE ORLOVKA AND DZHANGAR CULTURES²

F.F. Gilyazov

Results of comparative analysis of stone industries of the Orlovka and Dzhangar cultures are presented in the article. The main sites for comparison are the Varfolomeevka, Algay, Dzhangar, Tu-Buzgu-Huduk I, II, which are located in the north-west Caspian Sea region and the trans-Volga Syrt region. The nuclei have conical, flat and flattened shape in the Orlovka culture stone inventory, however in the Dzhangar culture nuclei are prismatic and cuboid. Some categories of stone tools are absent in the Orlovka culture – four types of arrowheads, blades with protruding part at the end, rectangles, and tools with double-sided trimming. In the design of stone tools of the Orlovka culture, counter and opposite retouching was not used. Trapezoids with planed back are rare in the Dzhangar culture inventory, whereas in the Orlovka culture they form a stable group. These cultures, when comparing their stone inventory, reveal both similarities and differences. According to the author, the analysis of stone industries makes it possible to identify the marking (culture-defining) features of the Neolithic cultures of the Lower Volga region and the Northern Caspian.

Keywords: archaeology, the Lower Volga region, the north Caspian Sea region, Neolithic, Orlovka culture, Dzhangar culture, flint industry, geometric microliths, typological analysis.

Территория Нижнего Поволжья является одной из важнейших для изучения южного неолита. В культурно-историческом плане материалы неолитических памятников джангарской и орловской культур Заволжья свидетельствуют о сходных этнокультурных процессах, протекавших в ту эпоху в регио-

не. Это позволило исследователям объединить эти культуры в рамках единой культурно-исторической общности. Причем одни рассматривают неолитические памятники в рамках нижневолжской культурно-исторической общности (Васильев и др., 1988, с. 18., Юдин, 2008, с. 369), а другие объединяют их

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» - № 22-28-00082

² The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project “Neolithization of the Lower Volga Region: an Interdisciplinary Approach” - № 22-28-00082

в северокаспийскую культурно-историческую общность (Кольцов, 1990, 2004)

До сих пор среди ученых нет единого мнения о том, являются ли памятники орловского и джангарского типов локальными вариантами одной культуры или они представляют собой разные культурные образования. По мнению А.А. Выборнова, генетическое родство орловских и джангарских памятников несомненно, что подтверждается набором орудий и керамики на памятниках и позволяет говорить о единой культуре с двумя ее локальными вариантами (Выборнов, 2008, с. 28, 29). Иного мнения придерживается П.М. Кольцов, который рассматривает Джангар и Варфоломеевку в рамках самостоятельных культур (Кольцов, 1990, с. 68, 69). Это мнение разделяет А.И. Юдин, но в тоже время он отмечает, что орловская и джангарская культуры настолько близки, что при изменении критериев сходства и различия становится возможным говорить о локальных вариантах или даже одной культуре (Юдин, 2004, с. 152).

Благодаря радиоуглеродному датированию появилась возможность определить точные хронологические рамки бытования культур. На сегодняшний день по различным материалам стоянок орловской культуры получено более 35 радиоуглеродных дат. Хроноинтервал раннего этапа орловской культуры укладывается в рамках 7200–7000 лет ВР. Временные рамки среднего этапа составляют 6900–6700 лет ВР. Границы позднего этапа орловской культуры размещаются в интервале 6600–6200 лет ВР (Выборнов и др., 2022.)

Что касается хронологии джангарской культуры, то для третьего слоя поселения Джангар были получены две даты: 7080 ± 90 и 6990 ± 90 лет ВР. Второй слой был датирован 6780 ± 90 и 6680 ± 90 лет ВР (Кольцов, 2005, с. 252). Для верхнего слоя есть дата 6564 ± 44 лет ВР по нагару и дата по керамике 5480 ± 80 лет ВР (Кольцов, 2005, с. 257). По мнению ряда исследователей, последняя дата явно выбивается из общей серии, что вызывает сомнения в ее валидности (Выборнов, 2008, с. 61, 62). В таком случае справедливо считать, что конец бытования джангарской культуры относится к 6500 лет ВР. Это может объяснить факт отсутствия в джангарской культуре трапеций со струганной спинкой, появление которых в орловской культуре фиксируется в диапазоне

6600–6500 лет ВР. По мнению В.В. Ставицкого, к началу формирования культурного слоя Варфоломеевской стоянки джангарская ветвь развития культуры заканчивается. Кремневый комплекс верхнего слоя поселения Джангар в большей степени соотносится с индустрией нижнего слоя Варфоломеевской стоянки (Ставицкий, 2004, с. 212).

Рассматриваемые памятники расположены в Сыртовом Заволжье (орловская культура) и в Северо-Западном Прикаспии (джангарская культура). Сравнительный анализ будет проводиться с точки зрения возможности выделения культуры на основании особенностей каменных индустрий. Опорными для характеристики орловской культуры являются стоянки Варфоломеевская (Юдин, 2004) и Алгай (Выборнов и др., 2015, 2016, 2017, 2018, 2020, 2021). Для характеристики каменной индустрии Джангарской культуры привлечены материалы памятников Джангар, Ту-Бузгу- Худук I и Ту-Бузгу- Худук II (Кольцов, 2005).

Стоянки орловской культуры характеризуются единообразием каменного сырья. Для изготовления орудий использовался кремнь светло-серого (матового) цвета, часть изделий изготовлена из полосчатого и черного (полупрозрачного) кремня, редко применялся кварцит.

На памятниках джангарской культуры в качестве сырья использовался кремнь в основном галечного и валунного происхождения. Чаще всего встречается кремнь светлого и черного тонов, иногда с голубовато-белой патиной, реже желто-коричневый кремнь и кварцит. Отличительной чертой является использование в единичных случаях в качестве сырья для изготовления орудий вулканического стекла – обсидиана.

Нуклеусы для снятия пластин в джангарской культуре представлены несколькими типами: конусовидным, призматическим и кубовидным (рис. 1: 1–3). Наиболее характерные для орловской культуры типы нуклеусов – плоские, конические и призматические (рис. 2: 1–3).

Для обоих типов памятников характерна пластинчато-отщеповая техника расщепления камня. В орловской культуре преобладают пластины шириной от 0,9 до 1,7 см. Значительно меньше изделий размерами от 0,5 до 0,8 см и редко от 1,8 до 2,2 см. В джангарских

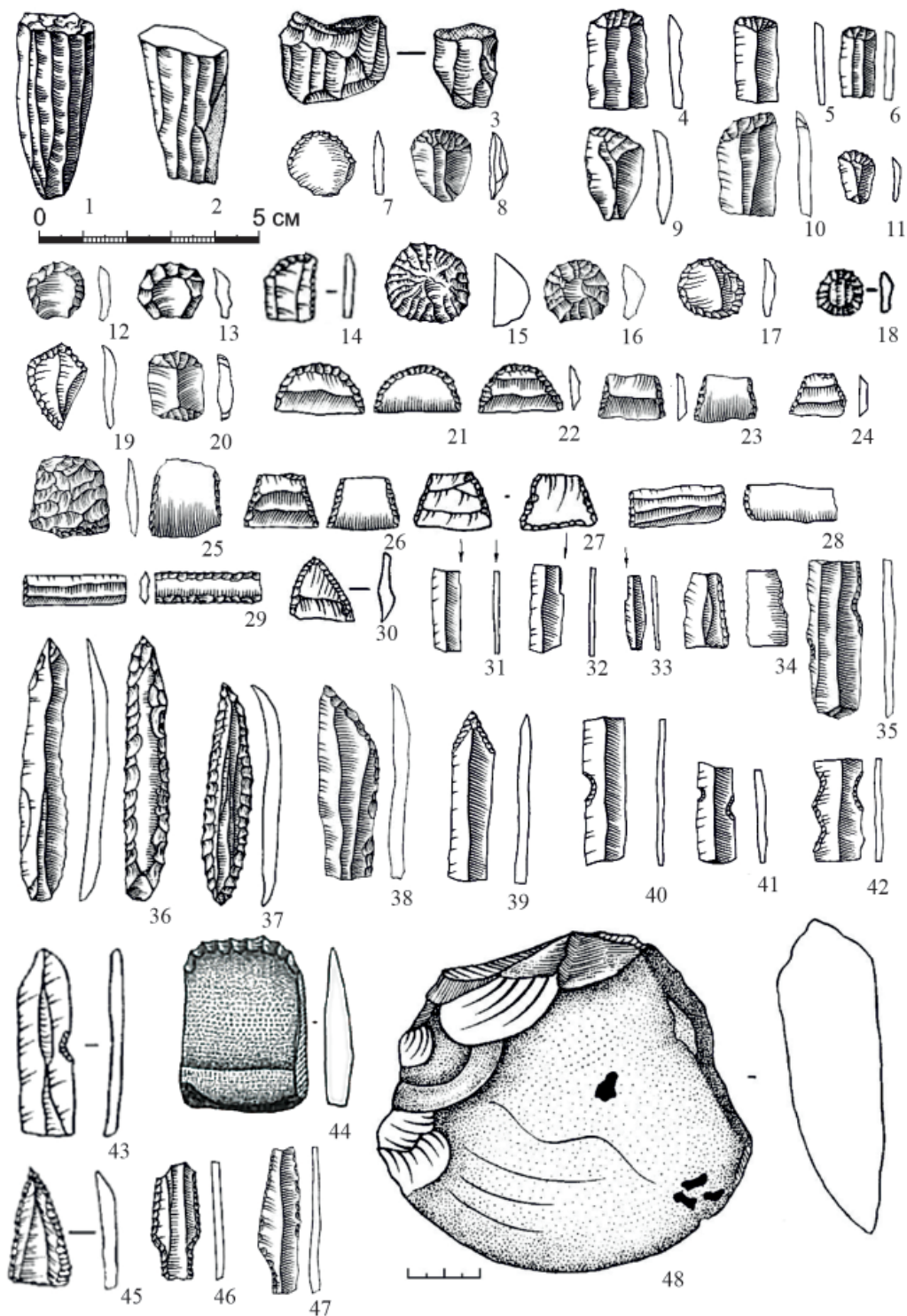

Рис. 1. Каменный инвентарь джангарской культуры.

Fig. 1. Stone inventory of the Dzhangar culture.

комплексах ширина пластин колеблется от 0,5 до 1,2 см.

В данных памятниках орудийный комплекс разнообразен. Наиболее представительна группа скребков, включающая в себя следующие орудия: скребки различных типов на пластинах, пластинчатых отщепах или на

отщепах. Ведущим типом является концевой скребок с округлым, прямым или скошенным рабочим лезвием (рис. 1: 1–11; 2: 4–8). Почти у десятой части таких изделий по одной или двум продольным граням спинки нанесена ретушь (рис. 1: 14; 2: 9, 10). На части скребков рабочее лезвие проходит по всей окру-

ности орудия (рис. 1: 15; 2: 11), но обычно ретушь занимает от 1/3 до 3/4 периметра (рис. 1: 12, 13). В джангарских материалах хорошо представлены круглые скребки и микроскрепки высокой и низкой формы (рис. 1: 15–18). В рассматриваемых культурах выделяется группа скребков со своеобразным оформлением рабочего края. К этой разновидности относятся «стрельчатые» (рис. 1: 19; 2: 13), со «шпорой» (рис. 2: 14), а также «дублированные» скребки (рис. 1: 20; 2: 15). Но они единичны и не составляют устойчивую группу.

Вторую по численности группу орудий в орловской культуре составляют геометрические микролиты: сегменты и трапеции. В джангарских комплексах в дополнение к ним встречаются прямоугольники (рис. 1: 28, 29) и треугольники (рис. 1: 30). Для раннего этапа орловской культуры характерны сегменты с односторонней и гелуанской ретушью (рис. 2: 16, 17), а трапеции единичны (рис. 2: 18–20). На развитом этапе доминируют трапеции со струганной спинкой (рис. 2: 21–23), а на позднем появляются трапеции подпрямоугольного типа (рис. 2: 24–26).

В джангарской культуре сегменты сосуществуют с трапециями, а трапеции со струганной спинкой единичны (рис. 1: 25). Последний тип микролита представлен высокими и низкими формами. Они делятся на: 1) трапеции с ретушированной вершиной (рис. 1: 26); 2) трапеции с ретушированным нижним основанием (рис. 1: 27); 3) трапеции, у которых вершина и боковые края микролита, обработаны мелкой полукрутой ретушью (рис. 1: 24); 4) низкие трапеции, по краям оформленные крутой ретушью (рис. 1: 23). Сегменты по технике вторичной обработки распадаются на два типа: сегменты с односторонней и с двусторонней (гелуанской) обработкой по дуге лезвия (рис. 1: 21, 22).

Перфораторы (острия, проколки и пр.) на джангарских стоянках составляют устойчивую группу. Орудия изготовлены преимущественно на пластинах, имеют симметричную форму, разнообразные способы оформления рабочей части. Среди острий выделяются: скошенные, с треугольным концом и клювовидные (рис. 1: 37–39). Для острий неолита Северо-Западного Прикаспия характерны брюшковые, встречные и противолежащие приемы ретуши, а также техника двусторон-

ней оббивки. В орловской культуре подработка острий с брюшка ограничивалась двумя-тремя фасетками ретуши на рабочем конце (рис. 2: 28), тогда как на джангарских орудиях брюшковая ретушь нанесена по одной или двум сторонам, что является отличительной особенностью комплекса (рис. 1: 36). В орловских материалах следует отметить скошенные и симметричные острия с лицевой ретушью, изготовленные на пластинах и сечениях. Их рабочая часть треугольной формы, а боковые стороны притуплены (рис. 2: 27, 29). Ромбовидные сколы использовались в качестве проколки и перфоратора (рис. 2: 34).

Резцы в джангарской культуре хорошо представлены, тогда как в орловской они единичны. Изготовлены они как на пластинах, так и на отщепках. Эта категория орудий делится на несколько типов: угловые, боковые и косоретушные (рис. 1: 31–33).

Изделия с ретушированными выемками (скобели) изготовлены на всех видах заготовок. Преобладают экземпляры на пластинках с одним или несколькими выемками (рис. 1: 40–43). Выемки расположены на противолежащих краях и оформлены мелкой полукрутой ретушью. Выделяются скобели с узкой ретушированной выемкой, расположенной с брюшка. Противолежащий край пластинки обработан мелкой приостряющей ретушью по всей длине. Есть скобели с широкой выемкой, оформленной с лицевой стороны. Кроме того, представлены изделия с двумя отдельными выемками. По форме они широкие и получены мелкой крутой ретушью со спинки. Вторая сторона заготовки оформлена полукрутой ретушью. В орловских материалах скобелевидные выемки встречаются практически на всех категориях орудий как дополнение (рис. 2: 33). Такие орудия изготовлены на пластинах и отщепках, выемки на краях неглубокие, обработанные мелкой ретушью. Расположение их на рабочих краях пластинок различное. Иногда это две смежные выемки на одном крае (рис. 2: 31) или две выемки на противолежащих краях (рис. 2: 30), имеются и одиночные выемки на продольном крае (рис. 2: 32).

Техника шлифования представлена в обеих культурах и использовалась при изготовлении рубящих орудий и костяных наконечников, проколки (рис. 1: 44). Найдены обломки «утюжков», тесла, абразивные орудия из

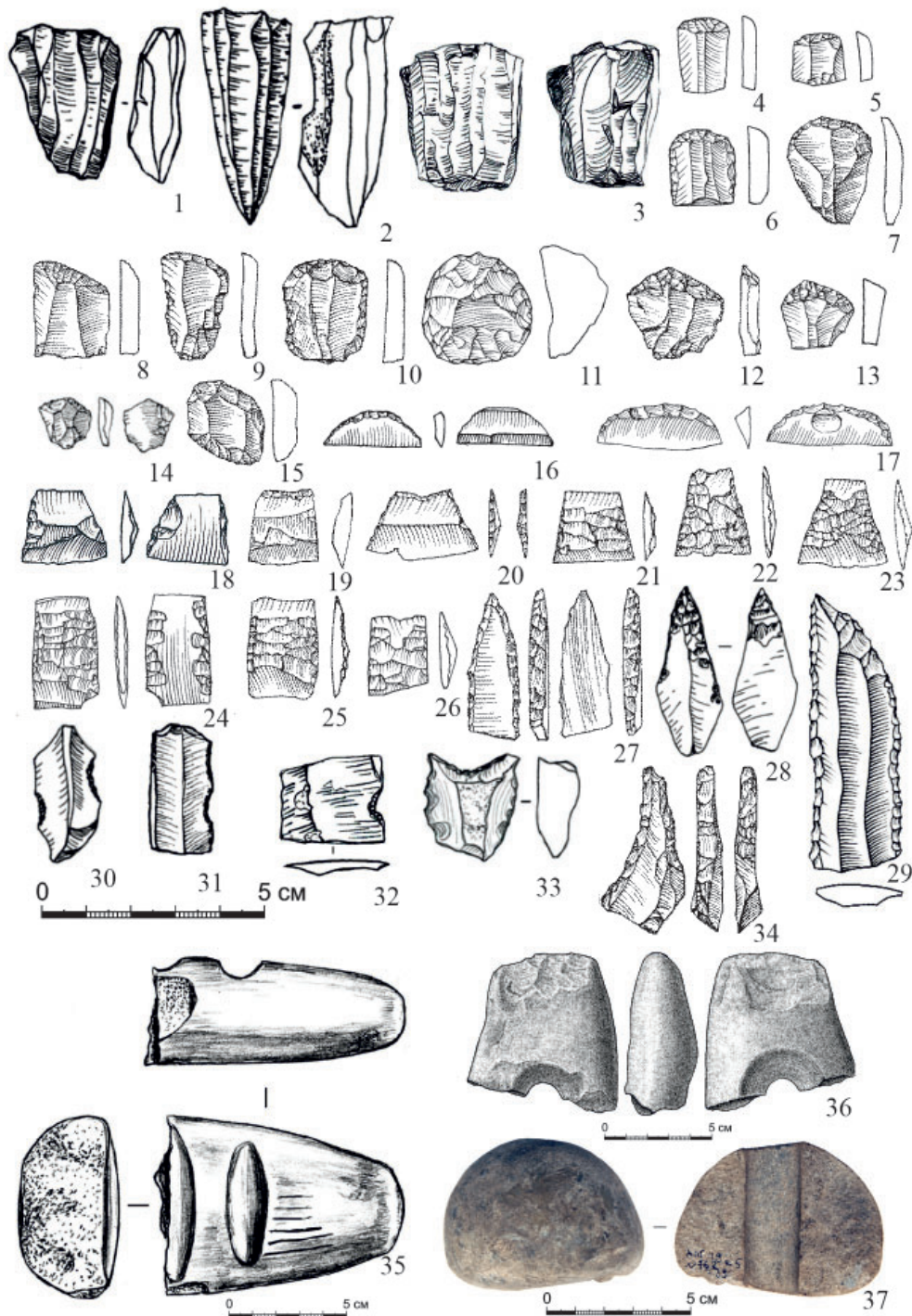

Рис. 2. Каменный инвентарь орловской культуры.

Fig. 2. Stone inventory of the Orlovka culture.

мягкого песчаника и кварцита. На стоянке Варфоломеевка в нижнем слое шлифованные орудия представлены двумя небольшими теслами трапециевидной формы из мягкого камня серо-зеленоватого цвета. Лезвия пришлифованы с двух сторон (Юдин, 2004, с. 70). В слое 2Б найдено еще три шлифованных тесла (Юдин, 2004, с. 75, 82). Из шлифо-

ванных орудий в слое 2А найдено: тесло из молочно-белого кремня, тесло из зеленого нефрита трапециевидной формы, обломок плоского «утюжка» из светло-зеленой породы и навершие булавы из мела (Юдин, 2004, с. 172). На стоянке Алгай в раскопе 2014 года обнаружена половинка каменного «утюжка» с заполированной внешней поверхностью

(рис. 2: 35) (Выборнов, Юдин, 2015, с. 6), а на участке 2016 г. найдено шлифованное тесло, выполненное из мягкой породы камня молочно-белого цвета (Выборнов и др., 2017, с. 38). В раскопе 2017-2018 гг. обнаружены: обломок каменного шлифованного топора (рис. 2: 36), крупное шлифованное орудие, сделанное на ровной плитке и маленький обломок шлифованного орудия из зернистого материала (Выборнов и др., 2018, с. 17, 21). В 2019 г. найдена половинка каменной булавы, выполненной из плотной породы мелкозернистого светло-коричневого песчаника (рис. 2: 37) (Выборнов и др., 2020, с. 123).

На стоянке Джангар в единственном экземпляре найден топор, изготовленный из мелкозернистой кварцевой заготовки подтреугольной формы. Овальное лезвие подшлифовано с двух сторон (рис. 1: 48) (Кольцов, 2005, с. 119).

Отличительной чертой памятников джангарской культуры являются находки наконечников стрел. Изготовлены они на хорошо ограненных пластинчатых сколах. По форме стрелы делятся на несколько разновидностей: треугольные с прямым основанием, листовидные и пластинчатые с черешком (рис. 1: 45–47).

Подводя итоги, можно выделить общее и различное для двух культур. Наиболее характерные нуклеусы орловской культу-

ры – плоские и уплощенные, а для джангарской – призматические и кубовидные. Ряд категорий орудий полностью отсутствует в орловской культуре. Это все четыре типа наконечников стрел, пластины с выделенной головкой, прямоугольники, орудия с двусторонней оббивкой. Если говорить о вторичной обработке, в орловской культуре не применялась техника двусторонней оббивки, встречная и противоположащая ретушь. Подработка острий с брышка ограничивалась двумя-тремя фасетками ретуши на рабочем конце, тогда как на джангарских брышковая ретушь нанесена по одной или двум сторонам, что является отличительной особенностью комплекса. Геометрические микролиты являются еще одним маркером культурного различия: в джангарской культуре единичны трапеции со струганной спинкой, тогда как в орловской они составляют устойчивую группу. В последней, в отличие от джангарской, слабо развита техника резцового скола

Таким образом, данные культуры, находящиеся в одной природной зоне, бытующие в близком хронологическом интервале, различаются. Можно сделать вывод о том, что каменную индустрию применительно к неолитической эпохе Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия допустимо рассматривать как культурно маркирующий признак.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.
- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.
- Выборнов А.А., Юдин А.И.* Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 13 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга 2015. С. 3–33.
- Выборнов А.А., Юдин А.И.* Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2015 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 14 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2016. С. 3–41.
- Выборнов А.А., Юдин А.И.* Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2016 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 15 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2017. С. 30–79.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Барацков А.В., Дога Н.С., Попов А.С., Курбатова Л.А., Гилязов Ф.Ф.* Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2017–2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 16 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2018. С. 3–77.
- Выборнов А.А., Васильева И.Н., Барацков А.В., Гилязов Ф.Ф., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Курбатова Л.А., Рослякова Н.В., Юдин А.И.* Итоги исследования стоянки Алгай в 2019 году в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 118–131.

Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Попов А.С., Юдин А.И., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Результаты раскопок стоянки Алгай в 2020 году в степном Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. 2021. Т. 3, № 2. С. 100–121.

Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Кулькова М. А., Филиппсен Б. Хронология неолита – энеолита степного Поволжья // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 3. С. 6–15.

Кольцов П.М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы археологии Юга Восточной Европы. Элиста: КГУ, 1990. С. 62–71.

Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 156 с.

Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: Воскресенье, 2005. 352 с.

Ставицкий, В.В. Дискуссионные вопросы изучения Нижневолжского неолита // Историко-археологические изыскания. Вып. 6. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 2004. С. 205–218.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Юдин А.И. Нижневолжская неолитическая культурно-историческая общность // Человек, адаптация, культура / Ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 362–373.

Информация об авторе:

Гилязов Филат Фаритович, аспирант кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); filatgiljazov12@gmail.com

REFERENCES

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Iudin, A. I. 2015. In Iudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 13. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 3–33 (in Russian).

Vybornov, A. A., Iudin, A. I. 2016. In Iudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 14. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 30–79 (in Russian).

Vybornov, A. A., Iudin, A. I. 2017. In Iudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 15. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 30–79 (in Russian).

Vybornov, A. A., Iudin, A. I., Baratskov, A. V., Doga, N. S., Popov, A. S., Kurbatova, L. A., Gilyazov, F. F. 2018. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 16. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 3–77 (in Russian).

Vybornov A. A., Vasil'eva, I. N., Baratskov, A. V., Gilyazov, F. F., Kosintsev, P. A., Kulkova, M. A., Kurbatova, L. A., Roslyakova, N. V., Iudin, A. I. 2020. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 9. no 30 (1), 118–131 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Doga, N. S., Popov, A. S., Iudin, A. I., Vasil'eva, I. N., Kulkova, M. A., Roslyakova, N. V., Kosintsev, P. A. 2021. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 3, no. 2. 100–121 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gilyazov, F. F., Doga, N. S., Kulkova, M. A., Philippsen, B. 2022. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 3 (27), 6–15 (in Russian).

Koltsov, P. M. 1990. In *Voprosy arkheologii Yuga Vostochnoy Evropy (Issues on archaeology of the South of Eastern Europe)*. Elista: Kalmyk State University, 62–71 (in Russian).

Koltsov, P. M. 2004. *Poselenie Dzhangar. Chelovek i ego kul'tura v neolite Severo-Zapadnogo Prikaspiya (Dzhangar settlement. Human being and his culture in the Neolithic of the North-Western Caspian Sea region)*. Moscow: "Novyy khronograf" Publ. (in Russian).

Koltsov, P. M. 2005. *Mezolit i neolit Severo-Zapadnogo Prikaspiya (Mesolithic and Neolithic of the North-Western Caspian Sea region)*. Moscow: "Voskresen'e" Publ. (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2004. In Vybornov, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia (Historical and Archaeological Investigations)* 6 Samara: Samara State Pedagogical University, 205–218 (in Russian).

Iudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).

Iudin, A. I. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura (Man, Adaptation and Culture)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 362–373 (in Russian).

About the Author:

Gilyazov Filat F. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; filatgiljazov12@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/903.5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.288.300>

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС¹

©2023 г. А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков

На территории грунтового могильника Екатериновский мыс, расположенного в лесостепной зоне левобережья Самарского Поволжья, в 2013–2018 гг. раскопками было изучено 100 погребений эпохи энеолита, из них 69 с сопровождающим инвентарем. Распределение погребального инвентаря неравномерно, в некоторых захоронениях он представлен одним предметом, в других более многочисленный. При анализе изделий из камня обращается внимание на их расположение в погребениях, степень сохранности, сочетание различных категорий инвентаря в одном погребении. Изделия из камня включают тесла, ножевидные пластины и сколы, кольца, бусины, наконечники и их заготовки, навершия скипетров и булавы. Наиболее многочисленными изделиями из камня являются тесла: в 35 погребениях обнаружено 63 экз. Они представлены целыми и специально поврежденными изделиями, отдельными крупными фрагментами, многочисленными осколками от одного орудия. В расположении погребального инвентаря выявлены закономерности. Тесла преимущественно лежали в области головы, плеч и рук, чаще справа, реже – в области груди, живота, тазобедренных суставов, около бедер. Ножевидные пластины укладывали подобным образом и около левого коленного сустава. Булавы и скипетры располагались около черепа, в области плеч, груди, таза. У одного погребенного наконечник дротика найден в ногах, в другом захоронении скопление наконечников находилось в области таза скелета. Отмечена близость инвентаря и некоторых обрядовых черт погребений с вытянутыми и скорченными костяками. Подчеркивается особая близость материалов могильников Екатериновский мыс и Съезжинского и некоторое сходство с хвалынскими могильниками. Материалы могильника Екатериновский мыс относятся к самарской культуре.

Ключевые слова: археология, Самарское Поволжье, энеолит, самарская культура, Екатериновский мыс, погребальный инвентарь, каменные изделия, тесла, булавы, кремневые пластины.

STONE INVENTORY OF BURIALS OF EKATERINOVSKY CAPE BURIAL GROUND²

A.I. Korolev, A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov

The burial ground without mounds Ekaterinovsky Cape, located in the forest-steppe zone of the left bank of the Samara Volga region, was studied in 2013–2018, when 100 burials of the Eneolithic, 69 of them with accompanying equipment were excavated. Distribution of burial inventory was uneven, in some burials it was represented by one object while in the others it was more numerous. When analyzing stone products, attention is drawn to their location in burials, the degree of preservation, the combination of different categories of inventory in one burial. Stone products include adzes, knife-shaped blades and flakes, rings, beads, arrow-heads and their blanks, the tops of scepters and maces. The most numerous stone products are adzes: 63 copies were found in 35 burials. They are represented by whole and specially damaged items, separate large fragments, numerous fragments from one tool. Regularities were revealed in the arrangement of the burial inventory. Adzes mainly were found in the area of the head, shoulders and arms, more often on the right, less often in the chest, abdomen, hip joints, near the hips. Knife-shaped blades were laid in a similar way and near the left knee joint. Maces and scepters were located near the skull, in the area of the shoulders, chest, pelvis. One buried person had a dart-head found in his legs; in another burial a cluster of points was located in the pelvis of the skeleton. The proximity of the inventory and some ritual features of burials with elongated and twisted bones is noted.

1 Работа выполнена по гранту РФ №22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

2 The work was carried out under the grant of the Russian science foundation No. 22-18-00194 "Epochal transformation of the cultural and physical appearance of the population of the south of the Middle Volga region and the Urals during the Neolithic – Early Iron Age according to the sources of archeology, anthropology, genetics".

The special proximity of the materials of the burial grounds of Ekaterinovsky Cape and S'ezzhee and some similarities with the Khvalynsk burial grounds are emphasized. The materials of the Ekaterinovsky Cape burial ground belong to the Samara culture.

Keywords: archaeology, Samara Volga region, Eneolithic, Samara culture, Ekaterinovsky cape, burial equipment, stone products, adzes, maces, flint blades.

Грунтовый могильник Екатериновский мыс расположен в Самарском Заволжье в пограничье степи и лесостепи. В ходе полевых исследований, проводившихся в 2013–2018 гг., на площади 318 м² было выявлено 100 погребений эпохи энеолита (Королев, Кочкина, Сташенков, 2020, с. 159–161). Основную группу составляют костяки в положении вытянуто на спине, ориентированные головой не только в северном секторе (преимущественно), но и в юго-восточном. Встречаются вторичные захоронения и захоронения черепов. Небольшую группу составляют костяки с признаками скорченности (на спине или с завалом на бок, полусидя с приподнятой верхней частью туловища и согнутыми ногами). В могильнике представлены мужские, женские и детские погребения, последних значительно меньше.

Многочисленность и разнообразие инвентаря ставит этот могильник в ряд выдающихся памятников раннего энеолита Восточной Европы. Целью данной публикации является анализ изделий из камня, выявленных в погребениях, с учетом их расположения при костяках, степени сохранности, сочетания различных категорий инвентаря в одном захоронении. В культурном слое также присутствовал материал. Находки были рассеяны, не составляли скоплений, за исключением случаев, когда они находились на жертвенных площадках и в жертвенных комплексах. В основном находки из культурного слоя соответствуют материалам погребений и жертвенных площадок и комплексов (бусины, резцы бобра и сурка, фрагменты пластин из клыка кабана и кости, тесла и отщепы, сбитые с тесел, каменные кольца и т. д.). Из слоя также происходят орудия из светло-серого, белого, желтоватого кремня, которые с полным основанием можно связывать с могильником.

Две трети погребений (69%) имеет инвентарь. Его распределение в захоронениях неравномерное. В погребениях могильника представлены каменные тесла; ножевидные пластины и сколы, изготовленные из кремня и кварцита, с ретушью и без ретуши; коль-

ца различных размеров с орнаментом и без него; каменные бусины; мелкие округлые и гантелевидные конкреции; абразивная плита (терочник). Есть наконечники дротиков и копий и их заготовки, отщепы кремня, сбитые с тесел, часто с участками шлифовки. Отдельная категория находок – каменные навершия скипетров и булав и их фрагменты.

Особое значение имело расположение инвентаря в пределах костяков. Повторяемость ряда элементов погребального обряда, очевидно, отражает закономерности погребальных традиций. В связи с этим нужно обратить внимание на сохранность изделий. Большой интерес представляет сочетание различных категорий каменного инвентаря в одном погребении.

Особенностью могильника является большое количество тесел в погребениях: в 35 погребениях обнаружено 63 экз. (при наличии единственного крупного фрагмента или многочисленных осколков от одного орудия, составляющих его значительную часть, они также учитывались как тесло). Материалом для их изготовления служил кремнистый известняк (далее для краткости описания – кремень) белого (молочного), желтоватого, светло-серого цвета, серого цвета, а также мелкозернистый камень зеленого цвета.

Тесла имеют различную степень сохранности. Поверхности тесел, представленных в погребениях целыми экземплярами, зашлифованы, лезвия хорошо заточены. В целом количество завершенных целых орудий невелико – всего 16 экз. (15 кремневых и одно из зеленого камня). Обнаружены изделия, завершенные полностью, у которых не была снята фаска по лезвию. Ее ширина составляла всего 1–2 мм, но этого достаточно, чтобы тесло оставалось не пригодным к употреблению. Единичны заготовки, обработанные только сколами и ретушью. Остальные 24 кремневых и 12 зеленокаменных тесел повреждены в большей или меньшей степени. Часто специально разбитые тесла представлены двумя или несколькими крупными обломками, обычно они поддаются частичному ремонту (рис. 1: 1а, 4б). Систе-

матически встречаются в погребениях тесла с намеренно разбитым лезвием – 30 случаев. Иногда лезвие повреждали частично, но чаще его сбивали полностью. Такие тесла образуют довольно большую группу, из них 16 изготовлены из кремня и 8 из зеленого камня. В ходе совершения обряда орудие держали предположительно в одном положении и наносившими ударами разбивали лезвие. Есть примеры сочетания ударов, направленных не только на разрушение лезвия, но и на раскалывание орудия посередине. Чаще этой процедуре подвергали зеленокаменные орудия – четыре случая, кремневые – два. Отдельно отметим зеленокаменное тесло из погр. 31, от которого собрано 67 мелких осколков. Как правило, обушковая часть порче не подвергалась, только у двух тесел обушок сколот косо и у одного – прямо. В трех случаях отмечены сколы с боковой части тесла. Нередко в погребение укладывали крупные фрагменты, возможно, сломанных при использовании орудий. Осколки разбитых тесел найдены в погребениях и культурном слое. Фиксация обряда порчи вещей на примере многих погребений заслуживает особого внимания. Во-первых, степень сохранности инвентаря составляет одну из важных его характеристик, во-вторых, повторяемость случаев специального разрушения тесел отражает существенную сторону погребального обряда, в-третьих, эти факты проливают свет на сферу духовной жизни оставившего могильник населения (Королев, Кочкина, Сташенков, 2018а).

В 19 погребениях выявлено по одному теслу, в семи – по два, в шести – по три, и в трех – по четыре экз. Длина орудий варьирует от 5 см до 20 см. Численно преобладают кремневые – их 49, остальные зеленокаменные. В 26-ти погребениях находились только кремневые орудия, а в шести – только зеленокаменные. В четырех погребениях они располагались вместе. Отмечены единичные (от одного до шести) отщепы от тесел, а также случаи нахождения в погребениях с кремневыми теслами осколков зеленокаменных и наоборот.

Представляет интерес локализация тесел (целых и крупных обломков) в погребении. В большинстве случаев была выявлена следующая ситуация. Часто тесла укладывали между черепом и плечом справа и чаще слева, таких случаев девять (рис. 1: 1, 1а, 3, 3а, 4, 4е, 4г; 3:

1, 1а). В области груди тесла встречены в пяти случаях (рис. 1: 1, 1а; 3: 2, 2г, 4, 4б). Больше всего их зафиксировано в области рук. Около правой руки найдено 13 тесел (рис. 1: 3б; 2: 1, 1а, 4, 4в; 4: 4, 4а, 4е, 4ж). В области левой руки зафиксировано 8 экз. (рис. 1: 2, 3, 3б, 4, 4б, 4в). Можно отметить, что они находились чаще на плечевой кости или около нее, а также около локтя. Реже локализовались около костей предплечья или несколько в стороне от костей руки.

В области тазобедренных суставов справа найдено два и слева одно тесло (рис. 1: 1, 1б; 2: 2, 2а; 4: 4, 4н). В области живота в двух погребениях находилось четыре тесла, и около левого и правого бедер находилось по одному теслу или крупному фрагменту. Неоднократно фиксировалась специальная укладка фрагментов расколотых тесел. Их могли поместить в одном месте, как в погр. 45, где оба обломка лежали рядом на груди справа (рис. 3: 2, 2г). В погр. 72 один обломок крупного тесла лежал около левой плечевой кости, а второй около правого локтя (рис. 2: 3, 3а). В погр. 41 два тесла лежали на правом плече и одно на груди. От последнего собрано 27 отщепов, часть из них удалось подклеить к негативам сколов. В погр. 56 один фрагмент тесла был положен около правой руки, а второй – около левого бедра (рис. 1: 3, 3б). В соседнем погр. 55 тесло лежало около черепа слева, а отщеп от него находился также около левой бедренной кости. В погр. 30 тесло со сбитым лезвием лежало на левом плече погребенного, а осколки были найдены в области таза. Единственное тесло костяка погр. 53 лежало около правого локтя (рис. 2: 1, 1а), в погр. 80 тесло располагалось около правого тазобедренного сустава (рис. 2: 2, 2а). В погр. 77 одно тесло лежало около правого предплечья и еще два в области живота (рис. 2: 4, 4а, 4б). Проведенные подсчеты примерно по половине тесел с выявленной локализацией показали наличие предпочтений при совершении погребального обряда: преимущественное расположение тесел, во-первых, в области верхней половины скелета, во-вторых, в правой его части.

Отметим, что 22 погребения с теслами сопровождалась посыпкой охрой. Тесла есть в составе инвентаря как рядовых, так и неординарных погребений. Неординарность определяется наличием скипетров и булав, роговых наверший, наличием других выде-

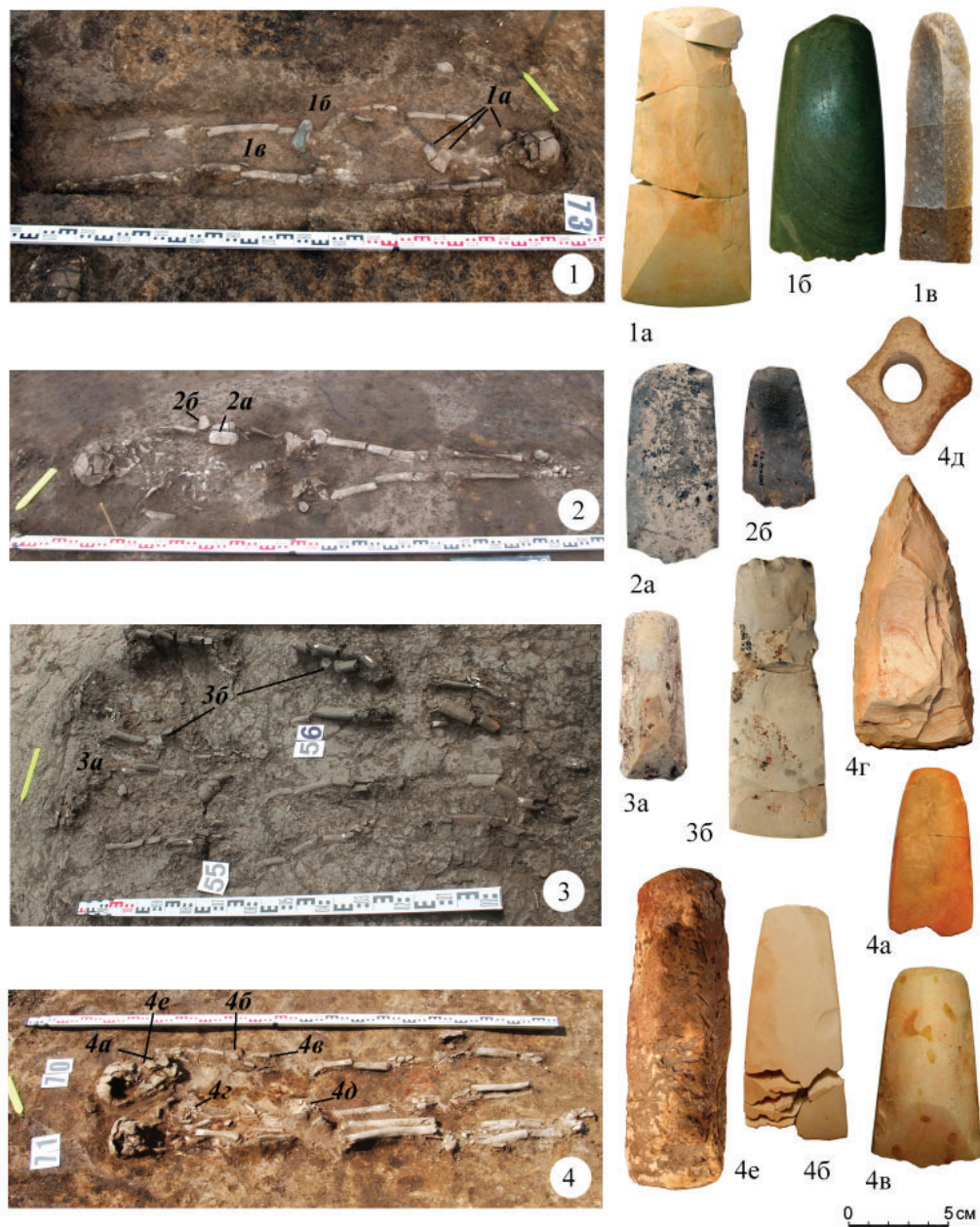

Рис. 1. Могильник Екатериновский мыс. Каменный инвентарь из погребений.

1 – погр. 73 (1а, 1б – тесла; 1в – ножевидная пластина, кварцит); 2 – погр. 39 (2а, 2б – тесла); 3 – погр. 55-56 (3а – погр. 55, тесло; 3б – погр. 56, тесло); 4 – погр. 70-71 (4а, 4б, 4в, 4е – погр. 70, тесла; 4г – погр. 71, заготовка тесла; 4д – погр. 71, навершие булавы).

Fig. 1. The burial ground of Ekaterinovskiy Cape. Stone tools from burials.

1 – grave 73 (1a, 1b – adzes; 1v – knife-shaped blade, quartzite); 2 – gr. 39 (2a, 2b – adzes); 3 – gr. 55-56 (3a – gr. 55, adze; 3b - gr. 56, adze); 4 – gr. 70-71 (4a, 4b, 4v, 4e – gr. 70, adzes; 4г – gr. 71, blank of adze; 4д – gr. 71, the pommel of the mace).

ляющихся из ряда инвентаря изделий или особенно многочисленным инвентарем. Сочетание тесел, каменных скипетров (булав) и (или) роговых зооморфных наверший отмечено в погребениях 40, 45, 46, 55, 71, 76, 85, 93. Обычно такие захоронения сопровождалось и другими категориями вещей. Тесла часто

залегали в погребениях с украшениями (бусами, пронизками, подвесками, зубами животных, нашивками), это погребения 13, 21, 31, 40, 41, 45, 46, 53, 58, 70, 71, 73, 85, 89, 93, 95, 99, 101. В ряде случаев тесла были единственной категорией инвентаря, как в погребениях 5, 8, 27, 30, 39, 56, 65, 72, 77, 80. Несомненно,

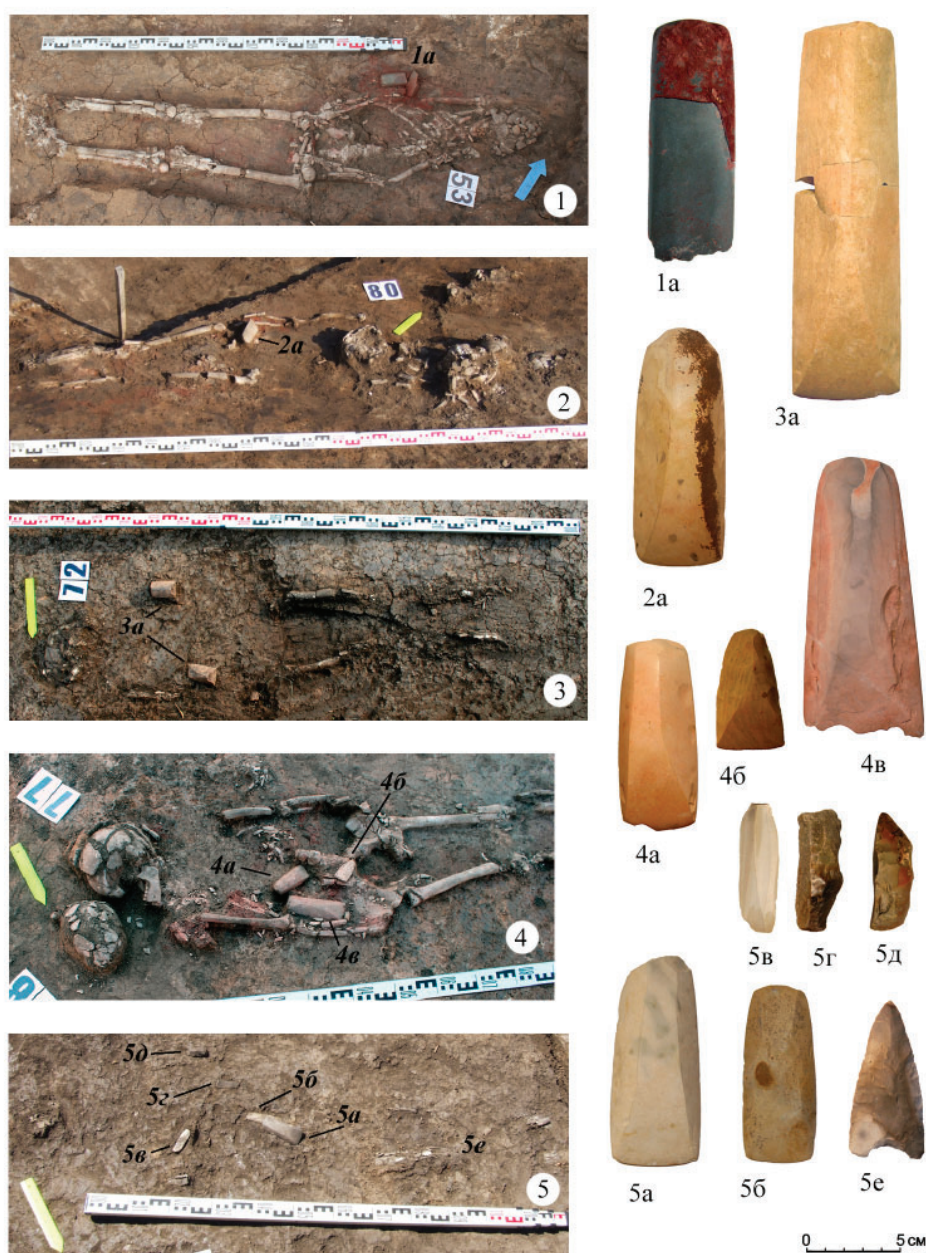

Рис. 2. Могильник Екатериновский мыс. Каменный инвентарь из погребений.

1 – погр. 53 (1а – тесло); 2 – погр. 80 (2а – тесло); 3 – погр. 72 (3а – тесло); 4 – погр. 77 (4а, 4б, 4в – тесла); 5 – погр. 67 (5а, 5б – тесла; 5в – ножевидная пластина, кремнь; 5г – скребок, кварцит; 5д – скребок, кремнь; 5е – наконечник дротика, кремнь).

Fig. 2. The burial ground of Ekaterinovskiy Cape. Stone tools from burials.

1 – gr. 53 (1a – adze); 2 – gr. 80 (2a – adze); 3 – gr. 72 (3a – adze); 4 – gr. 77 (4a, 4b, 4v – adzes); 5 – gr. 67 (5a, 5b – adzes; 5v – knife-shaped blade, flint; 5g – scraper, quartzite; 5d – scraper, flint; 5e – dart-head, flint).

что в погребальном обряде тесла выполняли важную роль. Об этом свидетельствует разнообразие обращения с теслами, которые представлены целыми или в различной степени фрагментированными, уложенными в определенное место погребения. Привлекает внимание отмеченные многократно повторяющиеся

действия по разрушению тесел. Они отражают существование традиции, имеющей значение культурного признака.

Из погребений могильника происходит 15 каменных скипетров и булав. Два скипетра было найдено в стороне от погребений в составе жертвенных комплексов (рис. 4: 5). В

Рис. 3. Могильник Екатериновский мыс. Каменный инвентарь из погребений.

1 – погр. 40 (1а – тесло; 1б – фрагмент скипетра; 1в – тесло; 1г – ножевидная пластина, кремль); 2 – погр. 45 (2а – скипетр; 2б, 2в – булавы; 2г – тесло; 2д, 2е – ножевидные пластины, кварцит); 3 – погр. 52 (3а – браслет; 3б – бусина; 3в – ножевидная пластина, кремль; 3г, 3д – конкреции; 3е – фрагмент скипетра); 4 – погр. 76 (4а – скипетр; 4б – тесло); 5 – жертвенная площадка, навершие булавы.

Fig. 3. The burial ground of Ekaterinovskiy Cape. Stone tools from burials.

1 – gr. 40 (1a – adze; 1b – fragment of a scepter; 1v – adze; 1g – knife-shaped blade, flint); 2 – gr. 45 (2a – scepter; 2b, 2v – maces; 2g – adze; 2d, 2e – knife-shaped blades, quartzite); 3 – gr. 52 (3a – bracelet; 3b – bead; 3v – knife-shaped blade, flint; 3g, 3d – stone nodules; 3e – fragment of the scepter); 4 – gr. 76 (4a – scepter, 4b – adze); 5 – sacrificial platform, the pommel of the mace.

одиннадцати погребениях (18, 40, 45, 46, 52, 69, 71, 76, 79, 90, 93) найдено 13 таких наверший. Эти изделия самим фактом помещения в могилу демонстрируют особое отношение к погребенным. Вопрос их социального статуса следует рассматривать специально, учитывая

всю совокупность данных, так как навершия были выявлены не только во взрослых, но и в детских захоронениях. Отметим сочетание булавы/скипетра с роговыми зооморфными навершиями, ножевидными пластинами и украшениями в погр. 40, 45, 46 (Королев и др.,

2018, с. 287–295; Korolev, Kochkina, Stashenkov, 2019, p. 394–395).

Яркий набор вещей, включая пекторали и нашивки из клыков кабана, обнаружен в погр. 93 (Королев, Кочкина, Сташенков, 2018а, с. 41). Отмечены и другие сочетания категорий инвентаря. Так, в погр. 18 располагались скипетр (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 515, рис. 1: 10), ножевидная пластина и бусы из раковин, в погр. 52 находился фрагмент скипетра, видимо, переделанный в зооморфную фигурку, каменный браслет, бусина, конкреции с отверстиями, пластинчатый скол (рис. 3: 3, 3а-д), в погр. 69 и 79 – только булава. Отдельно отметим погр. 90, в котором костяк находился в скорченном положении и сопровождался крестовидной булавой и костяной ложечкой (Королев, Кочкина, Сташенков, Хохлов, 2018, с.63, рис. 6: 1–2).

Положение булав/скипетров в погребениях не всегда устанавливается надежно. Особенно трудно определить локализацию наконечника относительно костяка в плохо сохранившихся погребениях. Так, можно отметить, что в погр. 46 наконечники располагались рядом с сохранившимся зубом человека в компактно уложенном инвентаре, а в погр. 69 – рядом с остатками черепа (рис. 4: 3, 3а). В уникальном по обряду и составу инвентаря погр. 93 скипетр лежал в месте концентрации вещей в северо-восточной части ямы слева от единственной кости человека. В погр. 79 булава находилась в составе «пакета» (Королев, Кочкина, Сташенков, 2018а, с.41, рис. 1, 1–2). В погр. 18, 40 и 52 фрагменты скипетров находились над левым плечом около черепа (рис. 3: 1, 1б, 3, 3е), а в погр. 76 – справа от черепа (рис. 3: 4, 4а). В погр. 90 булава находилась около правого плеча костяка (Королев и др., 2018, с. 59–61). В погр. 45 находилось сразу три разнотипных наконечника (Королев и др., 2018), одно наконечник лежало на правой стороне груди и еще два на правом плече (рис. 3: 2, 2а-в). Наконечник из погр. 71 локализовалось в области таза (рис. 1: 4, 4д), как и булава из погребения XXXI Мариупольского могильника (Макаренко, 1933, с.78, рис. 37).

Все наконечники имеют просверленные отверстия, относятся к группе втульчатых и представлены разными типами: уплощенно-круглые, крестовидные, зооморфные, ромбические, с выступами – «цапфами». Немаловажным представляется факт сочета-

ния наконечников различных типов в рамках не только одного могильника, но и даже одного погребения

Еще одна категория погребального инвентаря – ножевидные пластины и пластинчатые сколы из кремня и кварцита. Кремень светло-серый блестящий, серый полосчатый, коричнево-серый, молочно-белый, желтовато-серый. Кварцит также различается по сырью: серый с белесым оттенком, мелкозернистый серого цвета, качественный желтовато-серого оттенка. Пластины по размерам различаются от мелких до крупных (до 18 см в длину и до 3,5 см в ширину). Встречаются пластины с обработанными ретушью краями и без обработки.

В 13 погребениях найдено 17 пластин из кремня, из них три пластины и нож на пластинчатом отщепе происходят из погр. 46, два экземпляра из погр. 97, в остальных – по одной. Из пяти погребений происходят 11 кварцитовых пластин, из них один целый экземпляр и пять мелких фрагментов (видимо, от трех пластин) из погр. 46. Две пластины находились в погр. 45, в остальных по одной. Сочетание кремневых и кварцитовых пластин зафиксировано в погр. 46 и 73. Несмотря на небольшое количество пластин, некоторые закономерности их размещения в погребениях можно отметить. В погр. 42, 43, 92, 97 инвентарь был представлен только пластинами. Но чаще они были найдены в погребениях с инвентарем, в том числе с «престижным». Таковы погр. 18, 40, 45, 46, в составе инвентаря которых были наконечники булав/скипетров. В погр. 18, 20, 40, 45, 46, 60, 73, 74, 88 пластины сопровождалось украшениями, а в погр. 40, 45, 46, 73 еще и теслами. В погр. 67 кроме ножевидной пластины располагались наконечник дротика, тесла, два скребка из кремня и кварцита. В погр. 45 одна пластина находилась около левой большой берцовой кости, другая – на бедренной.

В размещении ножевидных пластин в погребениях, там, где их можно было локализовать, в целом повторяется ситуация, отмеченная для тесел. Они лежали справа от черепа – 2 экз., около правой плечевой кости – 1, левой – 3, здесь же найдены сколы кремня и кварцита в погр. 67. В области груди и живота, справа и слева от таза, под левой голенью, зафиксировано по одной пластине. Около левого колена отмечено три пластины.

Рис. 4. Могильник Екатериновский мыс. Каменный инвентарь из погребений.

1 – погр. 58 (1а – кольцо; 1б, 1в, 1г – тесла); 2 – погр. 49 (2а – кольцо); 3 – погр. 69 (3а – навершие булавы); 4 – погр. 85 (4а, 4е, 4н, 4ж – тесла; 4б, 4в, 4г, 4и, 4к, л, 4м, 4з – заготовки наконечников, кремь; 4д – наконечник стрелы, кремь).

Fig. 4. The burial ground of Ekaterinovskiy Cape. Stone tools from burials.

1 – gr. 58 (1a – ring; 1b, 1v, 1g – adzes); 2 – gr. 49 (2a – ring); 3 – gr. 69 (3a – the pommel of the mace); 4 – gr. 85 (4a, 4e, 4n, 4j – adzes; 4b, 4v, 4g, 4i, 4k, l, 4m, 4z – blanks of tips, flint; 4d – arrowhead, flint).

Отметим случаи явно специальной поломки пластин из погр. 45 и 74. К ним были подобраны фрагменты, найденные на некотором отдалении в культурном слое. Интересен вопрос соотношения с материалами могильника ножевидных пластин-вкладышей, которые единично были найдены в культурном слое на

площадке могильника и в составе жертвенного комплекса (Королев, Кочкина, Сташенков, 2020, с. 33, рис. 1, 11–17). Однако в погребениях подобные изделия не встречены.

Интересно, что с точки зрения применения в хозяйственной деятельности человека пластин явно должно быть больше, чем

тесел, а погребальном инвентаре наблюдается обратная ситуация. Примечательно в этом плане сравнение с Мариупольским могильником, для которого характерно большое количество ножевидных пластин, а тесла относятся к редкой категории инвентаря (Макаренко, 1933, с. 28, 34–35). Для более поздних погребений энеолита выявлена иная закономерность: пластины преобладают над каменными теслами (Кореневский, 2012, с. 89).

К числу изделий из камня относятся крупные и небольшие кольца. В пяти погребениях (33, 49, 52, 58, 91) было найдено пять колец. Они представлены целыми экземплярами и фрагментами. Обращают на себя внимание два крупных кольца – браслеты, изготовленные из камня черного цвета. Браслет из погр. 52 обнаружен надетым на плечевую кость. Соответствующее положение браслетов неоднократно зафиксировано в погребениях Нальчикского могильника (Круглов и др., 1941, с. 81, 88, 97, рис. 49: 3). В погр. 91, где костяк практически не сохранился, в охристом пятне найден аналогичный браслет меньшего размера. Разъемные с пропилом маленькие кольца сделаны из серого сланца и камня или минерала бурого цвета. В погр. 58, где было найдено такое кольцо, еще найдены половинки трех разных тесел. В культурном слое также обнаружены одно целое и фрагменты аналогичных колец.

Остановимся на некоторых территориально и хронологически близких аналогиях. В наиболее близком по материалам Съезжинском могильнике кольца отсутствуют. В могильнике мариупольского типа Голубая Криница выявлено аналогичное по форме разомкнутое кольцо (Скоробогатов, 2022, с. 167, рис. 2: 14). Серия каменных разомкнутых колец происходит из разрушенного Ивановского могильника (Моргунова, 1979, с. 16). Фрагмент браслета, цельные и разомкнутые кольца имеются в коллекции Хвалынского I могильника (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 126, рис. 30, 25, 38–40). Браслеты были выявлены в погребении у с. Криволучье (Гольмстен, 1931, с. 9). Цельные кольца получены в Мурзихинском II могильнике (Чижевский, Шипилов, 2018, с. 82, рис. 1: 15). Представительная коллекция колец происходит из Нальчикского могильника (Круглов и др., 1941, табл. V–VI). Обнаружены они в памятниках степной полосы, например, Комаро-

во, курган 7, погр. 18 (Кореневский, 2012, с. 151, рис. 16: 8–10). Примечательно сочетание браслетов и разомкнутых колец в могильниках Екатерининский мыс и Хвалынский I.

Каменные бусины черного, зеленого, коричневого цвета малочисленны. В двух случаях они входили в состав инвентаря «престижных» погр. 40 и 52. В погр. 31, 33, 40, 52 были найдены «гантелевидные» и каплевидные конкреции без специальной обработки. Относительно других категорий инвентаря упомянем найденную в погребении 16 каменную плиту с абразивной поверхностью.

Характеризуя каменный инвентарь из погребений могильника, следует остановиться на возможной корреляции материалов из погребений с вытянутыми на спине костяками с инвентарем, полученным из погребений со скорченными костяками. Достоверные данные, позволяющие охарактеризовать положение костяка как полусидячее, были получены при изучении погр. 90 (Королев и др., 2018, с. 59–61). Отчетливые признаки скорченности с приподнятой верхней половиной туловища и согнутыми коленями вверх ногами зафиксированы в погр. 85. Кроме особой позы костяка, это захоронение отличалось рядом особенностей инвентаря. Важно отметить присутствие наконечника стрелы треугольной формы с прямым основанием (рис. 4: 4д) и оформленных в различной степени заготовок крупных наконечников листовидной формы с приостренным и прямым основанием. Единственной аналогией им на могильнике можно считать наконечник дротика, лежавший в ногах погребенного с вытянутым костяком (погр. 67), но он имел основание с выемкой. Отметим находку кварцитового наконечника аналогичной формы в культурном слое и два наконечника из жертвенного комплекса могильника (Королев, Кочкина, Стащенко, 2020, с. 33, рис. 1: 9–10). Треугольный наконечник стрелы с прямым основанием совпадает по форме с одним из наконечников Криволучского погребения (Гольмстен, 1931, с. 8), с наконечником из Хвалынского II могильника (Горашук, 2010, с. 352, рис. 30: 10), а также с наконечниками, найденными вне погребений Хвалынского I могильника (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 121, рис. 25: 1–4, 6). Наконечник дротика с выемкой в основании близок наконечнику из Нальчикского могильника (Круглов и др., 1941, с. 111, рис. 63: 6).

При костяке погр. 85 также находилось четыре тесла, которые имели небольшие размеры и шлифованную поверхность (рис. 4: 4, 4а, 4ж, 4н). Два тесла – целые, у третьего лезвие сбито с одной стороны типичным для могильника приемом, четвертое расколото поперечным ударом пополам и у него частично повреждено лезвие, что соответствует приведенному выше описанию. Сходство скорченных захоронений с вытянутыми подкрепляется найденной в погр. 85 зооморфной фигуркой на костяной пластине. Некоторые признаки скорченности демонстрирует и погр. 52, в котором обнаружены браслет и каменная бусина. Найденный в этом погребении фрагмент скипетра типологически входит в один ряд с зооморфным скипетром из погр. 46, а небольшие каменные кольца и бусины отмечены в погребениях с вытянутыми костяками. Таким образом, материалы могильника свидетельствуют о синхронности вытянутых и скорченных погребений. Это наблюдение по материалам могильника Екатериновский мыс подтверждает вывод И.Б. Васильева о близости и преемственности материалов Съезжинского и Хвалынского I могильников (Васильев, 1981, с. 34–35).

Подводя итог, необходимо отметить, что для территории Среднего Поволжья такая обширная источниковая база данных по погребальному обряду и инвентарю эпохи энеолита проанализирована впервые. В частности, это относится к скипетрам, для изучения эволюции которых особое значение имеет находка небольшого изделия с цапфами с жертвенной площадки могильника Екатериновский мыс (рис. 3: 5). Оно морфологически близко навершиям из могильников хвалынской культуры. В Хвалынском I могильнике найдено два втульчатых навершия с цапфами (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 114, рис. 18: 7, с. 117, рис. 21: 4–5). Скипетр с боковыми выступами происходит также из Криволучского погребения (Гольмстен, 1931, с. 9). Наличие близких и, возможно, исходных форм на могильнике Екатериновский мыс позволяет наметить развитие этого типа от крестовидного до удлиненного с цапфами (рис. 1: 4д; 4: 3а; 3: 5).

В Хвалынском II и Хлопковском могильнике втульчатых изделий нет. В Хвалын-

ском II могильнике содержится черешковый схематично-зооморфный скипетр и заготовка второго (Горашук, 2010, с. 303–305). В Хлопковском найдены черешковые реалистичный и схематичный скипетры (Малов, 2008, с. 128, рис. 21: 1–2).

Анализ погребального инвентаря и некоторых особенностей обряда подтвердил связь могильников Екатериновский мыс и Съезжинского. Она неоднократно подчеркивалась с позиций наличия общих категорий инвентаря, наличия жертвенных площадок и т.д. (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 515–517; 2019, с. 26–27). Анализ технико-технологических и морфологических характеристик керамики позволил обосновать принадлежность могильника к самарской культуре и высказать предположение о его несколько более поздней хронологической позиции (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 517; 2019, с. 29; Васильева, 2019, с. 43). Остановимся на особенностях каменного инвентаря этих памятников.

Обращает на себя внимание типологическая близость тесел, которые в обоих могильниках представлены как крупными орудиями вытянутых пропорций с четко выведенными гранями, так и небольшими и даже миниатюрными изделиями. В Съезжинском могильнике они изготовлены из аналогичного сырья «грязно-белого, желтого и зеленоватого камня» (Васильев, Матвеева, 1979, с. 160), зеленокаменное тесло представлено единственным экземпляром (всего в трех погребениях обнаружено семь тесел). Это соотношение в целом проявляется в могильнике Екатериновский мыс, где также преобладают кремневые тесла. Характер повреждений на теслах обоих могильников также совпадает (Васильев, Матвеева, 1979, с. 153, рис. 4: 3–4). В погребениях могильника Екатериновский мыс представлены специально фрагментированные крупные пластины и в инвентаре Съезжинского могильника есть сломанная пополам крупная ножевидная пластина (Васильев, Матвеева, 1979, с. 160). Приведенные данные позволяют подкрепить сделанные ранее выводы о культурном единстве двух памятников. Различия в погребальном обряде и инвентаре иллюстрируют хронологическую последовательность этих памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.* Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 160с.
- Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.
- Васильева И.Н.* О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 33–46.
- Гольмстен В.В.* Погребение из Криволучья // СГАИМК. 1931. № 6. С. 7–12.
- Горащук И.В.* Каменные орудия хвалынской культуры // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 287–356.
- Корневский С.Н.* Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М: Таус, 2012. 256 с.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНИЦ РАН. 2015. Т. 17. №3 (2). С. 514–517.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* К изучению обряда порчи вещей по данным могильника Екатериновский мыс // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. В.А. Сарапулкин. Белгород: БелГУ, 2018а. С. 3–10.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Результаты новых исследований могильника Екатериновский мыс // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Председатель редколлегии А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018б. С. 40–42.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013–2016 гг.) // Поволжская археология. 2019. № 1(27). С. 18–32.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Могильник Екатериновский мыс как источник изучения энеолита Восточной Европы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020а. С. 159–161.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Вещь в контексте жертвенного комплекса по данным могильника Екатериновский мыс // Вещь в контексте погребального обряда / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020б. С. 24–34.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А.* Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2018. №3 (25). С. 58–67.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В.* Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Stratum plus. 2018. №. 2. С. 285–302.
- Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Могильник в г. Нальчик // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / МИА. № 3 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 67–146.
- Макаренко М.* Мариупольский могильник. Київ: ВАН, 1933. 151 с.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Изд-во Научная книга, 2008. С. 32–134.
- Моргунова Н.Л.* Ивановская дюна на реке Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 15–20.
- Скоробогатов А.М.* Голубая Криница – грунтовой могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 165–173.
- Чижевский А.А., Шупилов А.В.* Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 80–84.
- Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D.* The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovskiy Cape in the forest-steppe Volga region. // Documenta Praehistorica. XLVI (2019). Pp. 388–397.

Информация об авторах:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@alabin.ru

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru

REFERENCES

Agapov, S. A., Vasil'ev, I. B., Pestrikova, V. I. 1990. *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik (Khvalynsk Eneolithic Burial Ground)* Saratov: Saratov State University (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1981 *Eneolit Povolzh'ya (step' i lesostep') (Chalcolithic of the Volga River area: steppe and forest-steppe)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 147–166 (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 33–46 (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* (6), 7–12 (in Russian).

Gorashchuk, I. V. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsk Eneolithic Burial Grounds and the Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ., 287–356 (in Russian).

Korenevskii, S. N. 2012. *Rozhdenie kurgana (pogrebal'nye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya i Volgo-Don'skogo mezhdurech'ya) (Emergence of kurgan: Burial monuments of the Eneolithic period in The Northern Caucasus and Volga – Don interfluvium)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3 (2), 514–517 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2018. In Sarapulkin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochnoevropeskoj lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Belgorod: Belgorod State University, 3–10 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 40–42 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 18–32 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2020. In Derevianko A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* I. Samara: Samara State Pedagogical University, 159–161 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2020. In Yatsenko, S. A., Kupriyanova, E. V. (eds.). *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada (Article in the burial rite context)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 24–34 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 58–67 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A., Roslyakova, N. V. 2018. In *Stratum plus*. 2, 285–302 (in Russian).

Kruglov, A. P., Piotrovskii, B. B., Podgaetsky, G. V. 1941. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy po arkheologii Kabardino-Balkarii (Materials on the archaeology of Kabardino-Balkaria)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 3. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 67–146 (in Russian).

Makarenko, M. 1933. *Mariyupil'skiy mogil'nik (Mariupol burial ground)*. Kiev: All-Ukrainian Academy of Sciences (in Ukrainian).

Malov, N. M. 2008. In Lopatin V. A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 6. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 32–134 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 15–20 (in Russian).

Skorobogatov, A.M. 2022. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)*. Vol. 11, no. 1, 165–173 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 80–84 (in Russian).

Korolev, A., Kochkina, A., Stashenkov, D. 2019. In *Documenta Praehistorica XLVI*, 388–397 (in Russian).

About the Authors:

Korolev Arkadii I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education. L.Tolstoy St., 47, Samara, 443010, Samara, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

Kochkina Anna F. Head of Department. Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore. Leninskaya Str., 142, Samara, 443041, Russian Federation;; archeo@alabin.ru

Stashenkov Dmitriy A. Candidate of Historical Sciences, Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore. Leninskaya Str., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archeo@list.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.301.313>

КОМПЛЕКС ПАРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ 9–10 БАРБАШИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (ИЗ РАСКОПОК Б.А. ЛАТЫНИНА) В СИСТЕМЕ ХРОНОЛОГИИ МОРДОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

© 2023 г. Д.А. Козлов

В статье рассматриваются материалы погребений 9 и 10 Барбашинского могильника на территории г. Самары, полученные в 1935 г. в ходе раскопок под руководством Б.А. Латынина, представляют собой парный погребальный комплекс женщины и мужчины. Они содержат многочисленные предметы: украшения, предметы быта и оружие. В женском погр. 9 найден довольно редко встречающийся серебряный перстень, имеющий аналогии в северных русских землях. В мужском погр. 10 обнаружены детали и фрагменты поясного набора, имеющие аналогии в других погребальных комплексах мордвы (сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов). У мужчины также обнаружен колчаный крюк, имеющий прототипы в аскизской культуре Южной Сибири и являющийся развитием такого рода изделий в Золотой Орде. Автором на многочисленных аналогиях определяется время жизни людей и период поступления к ним вещей, обнаруженных в погребениях. На основании статистических закономерностей распространения поясных наборов в мордовских могильниках, делается вывод о высоком статусе захороненных людей. При сопоставлении хронологии комплекса и событий первой половины – середины XIV в., делается предположение об участии мужчины в военных компаниях этого времени. Рассматриваемое парное погребение Барбашинского могильника является одним из наиболее хорошо сохранившихся и хронологически важных комплексов мордвы золотоордынского времени.

Ключевые слова: археология, золотоордынское время, Самара, мордва, Барбашинский могильник, Б.А. Латынин, хан Узбек, сарлейские пояса, колчаный крюк, браслет, сьюльгама.

THE COMPLEX OF PAIRED BURIAL OF THE 9-10 BARBASHINSKY BURIAL GROUND (FROM THE EXCAVATIONS OF B.A. LATYNIN) IN THE CHRONOLOGY SYSTEM OF THE MORDOVIAN ANTIQUITIES OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

D.A. Kozlov

The materials of burials 9 and 10 of the Barbashinsky burial ground, obtained in 1935 during excavations under the direction of B.A. Latynin, are considered in the paper. These are the burials of a woman and a man – a pair complex. They contain numerous items: jewelry, household items and weapons. In addition to other jewelry, in the female burial 9 there is a rather rare silver ring, which has analogies in the northern Russian lands. In the male grave 10 in addition to other objects, details and fragments of a belt set were found that have analogies in other Mordovian burial complexes (the Sarleian version of the Golden Horde belt sets). Quiver hook was also found within the male grave. The hook has prototypes in the Askiz culture of Southern Siberia and is the development of such products in the Golden Horde. The author uses numerous analogies to determine the life time of people and the period of receipt of things found in burials. Based on the statistical patterns of the distribution of belt sets in Mordovian burial grounds, it is concluded that buried people had a high status. When comparing the chronology of the complex and the events of the 1st half – the middle of the XIV century, an assumption is made about the participation of men in military companies of this time. The paired burial 9–10 of the Barbashinsky burial ground (1935) is one of the best preserved and chronologically important complexes of the Mordovian people during the Golden Horde time.

Keywords: archaeology, Golden Horde time, Samara, the Mordva, Barbashinsky burial ground, B.A. Latynin, Uzbek Khan, Sarley belts, quiver hook, bracelet, sulgama.

Барбашинский могильник, расположенный на территории г. Самары, является одним из наиболее изученных могильников мордвы золотоордынского времени. В течении XX в. его раскапывали различные исследователи, в целом изучившие не менее 220 погребений (Сташенков, 2014, с. 327). Как показывает обзор золотоордынских материалов из других памятников, такое количество погребальных комплексов близкого возраста (150–170 лет) является достаточно репрезентативной выборкой и позволяет выявлять закономерности различных компонентов материальной культуры, быта и обрядности. Важным моментом изучения Барбашинского могильника является удовлетворительная сохранность его материалов и наличие документации о раскопках, что позволяет сформировать объективную информационную базу для изучения мордовского общества в золотоордынский период. Подобное состояние источниковой базы, к сожалению, не является правилом для многих изучаемых памятников. Например, материалы исследований мордовских могильников Примокшанья данного периода, несмотря на большое количество изученных памятников (21), пока крайне недостаточно опубликованы, а предметы, хранящиеся в коллекциях музеев, часто не имеют необходимой документации, разобщены и депаспортизованы (Ставицкий, 2022, с. 163).

Это можно сказать и об аналогичных материалах Поволжья. На отрезке долины Волги от устья р. Суры до р. Ахтубы исследовано девять могильников, содержащих мордовские погребения или полностью состоящих из таковых. Эти могильники насчитывают около тысячи комплексов, при этом их материалы опубликованы фрагментарно (преимущественно раскопки 1980–2010-х гг.). Особенно это касается материалов из раскопок В.Н. Поливанова на Муранском могильнике, проведенных на рубеже XIX–XX вв., где за несколько лет было исследовано 455 погребений, которые по сей день целостно не опубликованы (Алихова, 1954, с. 260). Все эти факты отчётливо указывают на необходимость широкой публикации материалов предшествующих исследований и их рассмотрения на современном уровне. Одному из таких комплексов Барбашинского могильника и посвящена данная статья.

В 1935 г. раскопки на Барбашинском могильнике проводились по инициативе и

под руководством Б.А. Латынина. За месяц раскопок было исследовано 62 погребения, причём в основном в двух раскопах – А и В, определены примерные границы могильника. Комплексности этим работам придаёт тот момент, что антропологические характеристики останков людей, изучались на месте анатомом и профессором Куйбышевского медицинского института Геннадиевым (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 46). Благодаря этому мы имеем характеристики по полу и возрасту многих вскрытых раскопками скелетов. В настоящее время большая часть коллекции предметов из этих исследований хранится в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина (коллекция КМК КП-23).

Первой публикацией, в которой вкратце были освещены раскопки 1935 г. и даны планы трёх погребений (в том числе и погребения 10 раскопа А), стала статья в итоговом труде по археологическим работам в РСФСР в 1934–1936 гг., вышедшем лишь в 1941 г. (*Поляна им. Фрунзе*, 1941, с. 148–151). С тех пор и вплоть до начала XXI в. материалы раскопок были лишь незначительно введены научный оборот и пережили несколько перемещений вместе с музеем, что отрицательно сказалось на сохранности предметов некоторых комплексов. Только в 2008 г. сотрудниками СОИКМ им. П.В. Алабина Д.А. Сташенковым и А.Ф. Кочкиной была опубликована книга о самарском периоде жизни Б.А. Латынина, в которую вошли архивные материалы учёного из раскопок Барбашинского могильника 1935 г., а также рисунки и фотографии некоторых предметов из погребений, каталог находок по документации музея (Сташенков, Кочкина, 2008).

Раскоп А представлял собой сетку квадратов 3х3 м с прирезками, расположенными по центру проезда между дачными и санаторными участками, и фактически являвшимися единой траншеей, пересекающей могильник с СЗ на ЮВ (рис. 1: 1). Комплексы погребений 9 и 10 расположены в кв. XII и частично в кв. XIII (рис. 1: 2). Уже в процессе написания черновика отчёта по раскопкам памятника Б.А. Латынин высказал предположение о том, что эти погребения связаны между собой и являются парным супружеским захоронением (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 86). Подобные комплексы не являются редкостью у мордвы золотоордынской эпохи, в чём можно

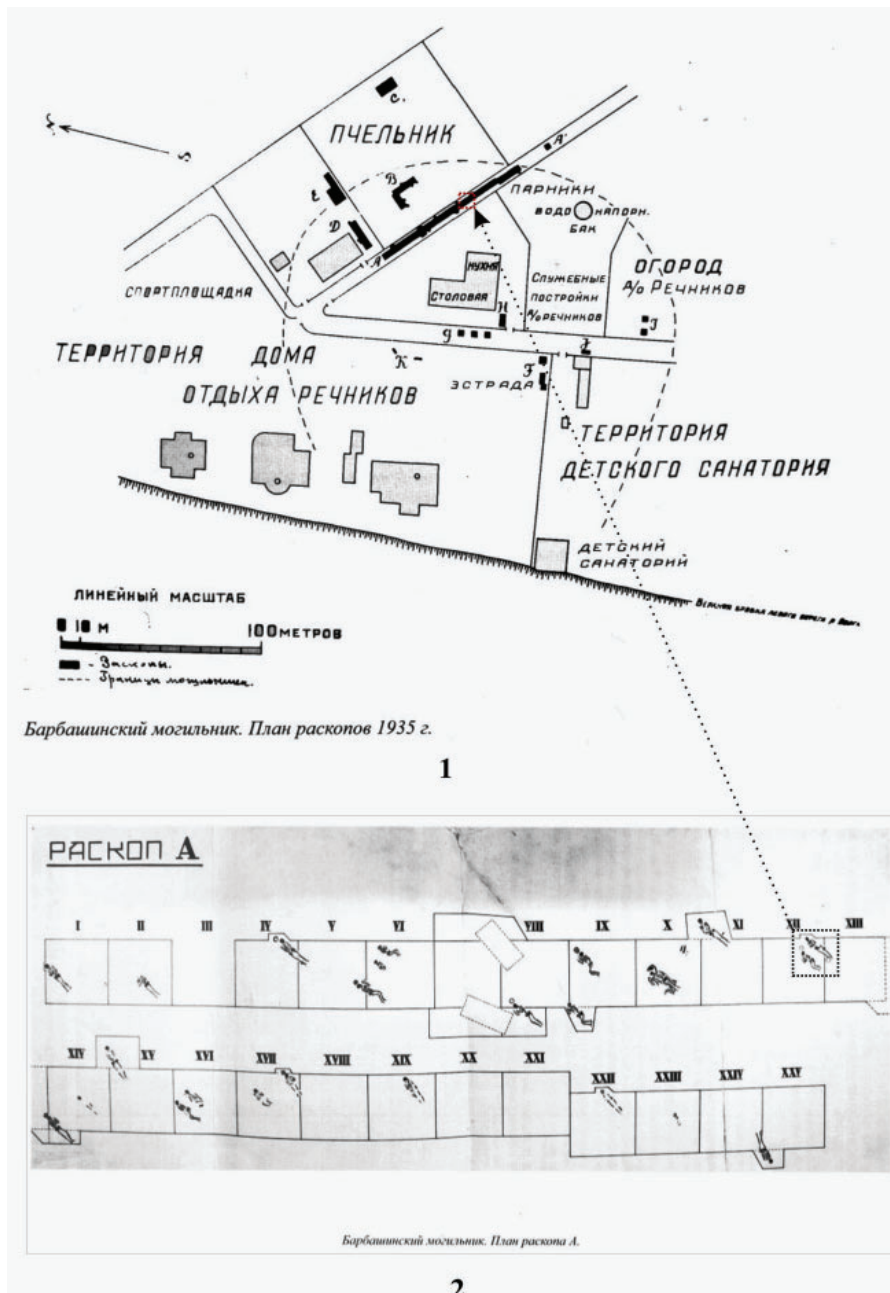

Рис. 1. Схема расположения погр. 9 и 10 на Барбашинском могильнике.

1 – план могильника и раскопов 1935 г.; 2 – схема расположения п. 9–10 в пределах раскопа А (по Д.А. Сташенкову, А.Ф. Кочкиной, 2008).

Fig. 1. The layout of the graves 9 and 10 at the Barbashinsky burial ground.

1 – plan of the burial ground and excavations in 1935; 2 – layout of the graves 9–10 within excavation A (according to D.A. Stashenkov, A.F. Kochkina, 2008).

убедиться на многочисленных примерах из Сарлейского и Аткарского могильников. Данное положение позволяет рассматривать погребения 9 и 10 как синхронные в составе единого комплекса, мужского и женского. Это в свою очередь делает возможным выявить и изучить мужской и женский инвентарь в едином хронологическом диапазоне.

В погр. 9 была обнаружена женщина возрастом более 50 лет, возраст мужчины из погр. 10 соответствовал ей (также более 50 лет) (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 86). Умершие ориентированы головой на ССЗ. В соответствии с традициями захоронений мордовских женщин этого периода женщина была похоронена в скорченном положении на

правом боку с подогнутыми ногами и согнутыми руками. В связи с тем, что в публикации материалов этого погребения отсутствует его схема, она была выполнена на основе схемы раскопа с учётом описания и фотографии (рис. 2: 1). Мужчина похоронен вытянуто на спине. Среди материалов публикации 2008 г. имеются фотографии этого комплекса вместе с погр. 9, отдельно само погр. 10, а также чертеж погр. 10 опубликованный ещё в 1941 г. (рис. 3: 1) (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 58-59).

Женщина и мужчина были похоронены по языческому обряду с многочисленными вещами. У женщины были обнаружены: 10 подкововидных застёжек, лопастная сьюльгама, четыре браслета (по два на каждой руке), три перстня (два на пальцах левой руки и один на правой руке). Застёжки и сьюльгама располагались скоплением от груди до бедер, под которыми отмечены остатки луба, являвшиеся частью украшения. В фондах СОИМК им. П.В. Алабина сохранились почти все предметы из этого погребения, кроме одного перстня (другой сохранился без щитка) и одного дровяного браслета. Один пластинчатый браслет сохранился частично (рис. 2).

Мужчина из погр. 10 был похоронен с более многочисленным и разнообразным инвентарем (рис. 3, 4). Помимо подкововидных застёжек, у него были обнаружены: детали поясного набора из сплава на основе меди (пряжка, накладки, наконечник, привески, обоймицы), находившиеся в районе поясицы; железные пряжки, кресало, нож, наконечник стрелы, топор, медный колчаный крюк, железные скобы и накладки, а также медный котелок у правой ноги. К сожалению, к настоящему моменту не все предметы сохранились в коллекции. Несмотря на утраты, большая часть инвентаря обоих погребений доступна для изучения, их многочисленность и принадлежность к различным категориям делает данный комплекс весьма ценным во многих отношениях.

Материалы из этого комплекса анализировались нами по публикации (Козлов, 2022а, с. 14–28). Однако детальное изучение всех предметов из погр. 9 и 10 непосредственно в коллекции позволяет более точно охарактеризовать материал и сопоставить его с синхронными датированными предметами Восточной Европы для получения более достоверных

выводов о времени жизни людей в историческом и географическом пространстве.

В погр. 9 присутствуют 10 подкововидных застёжек, которые делятся на два подтипа: 1) сделанные из одной проволоки, они двух видов: 1.1 – с гладкими завитыми в цилиндры концами – 6 экз. (рис. 2: 2–7); 1.2 – с концами в виде цилиндров с продольными желобками – 3 экз. (рис. 2: 8–10); 2) витая из двух проволок с тонкой проволочной перевитью – 1 экз. (рис. 2: 11). Отметим, что одна из застёжек имеет ярко выраженный сильный износ цилиндров окончаний, связанный с длительным периодом ношения (рис. 2: 5). Первый вид застёжек имеет многовековую хронологию – с середины XII в. Второй вид, как и витая с перевитью, имеют датированные аналогии в погребении 1 раскопа 4 Барбашинского могильника из раскопок Д.А. Сташенкова 2013 г. (Сташенков, 2014, с. 9–11). Здесь в составе украшений женщины 40–50 лет были обнаружены такие же застёжки вместе с золотоордынскими монетами, из которых наиболее поздняя и новая относится к 1356/57 г. (Сташенков, 2014, рис. 28, с. 21, рис. 30: 2, с. 22). Это позволяет датировать время жизни женщины достаточно уверенно в пределах 1310–1360 гг. Соответственно 1310–1320-ми гг. можно датировать и появление подобных застёжек, не встречающихся в более ранних комплексах рубежа XIII–XIV вв. (четвертая четверть XIII – первая четверть XIV в.), например в погр. 6 Аткарского могильника (Козлов, 2022б, рис. 1: 3, с. 251).

Перстень с ажурной шинкой и ромбическим щитком из погр. 9 (рис. 2: 13) является редкой находкой в Поволжье, так как основной район распространения перстней подобной конструкции – это север Руси – Новгородская земля – Новгород, Старая Русса (Олейников, 2021, рис. 1: 27, с. 272; Седова, 1981, рис. 51: 24–27, с. 134). Здесь они многочисленны и встречаются весь XIV в. (Олейников, 2021, с. 274). При этом отметим то, что в исходном районе производства они изготавливались из оловянисто-свинцового сплава (Седова, 1981, с. 136), барбашинский же экземпляр изготовлен из серебра.

Двулезвийное кресало из мужского погр. 10 (рис. 4: 2) имеет хорошо датированные аналогии. Среди обнаруженных кресал в ходе раскопок в Славенском конце Новгорода (Нутный раскоп), было обнаружено несколько экзем-

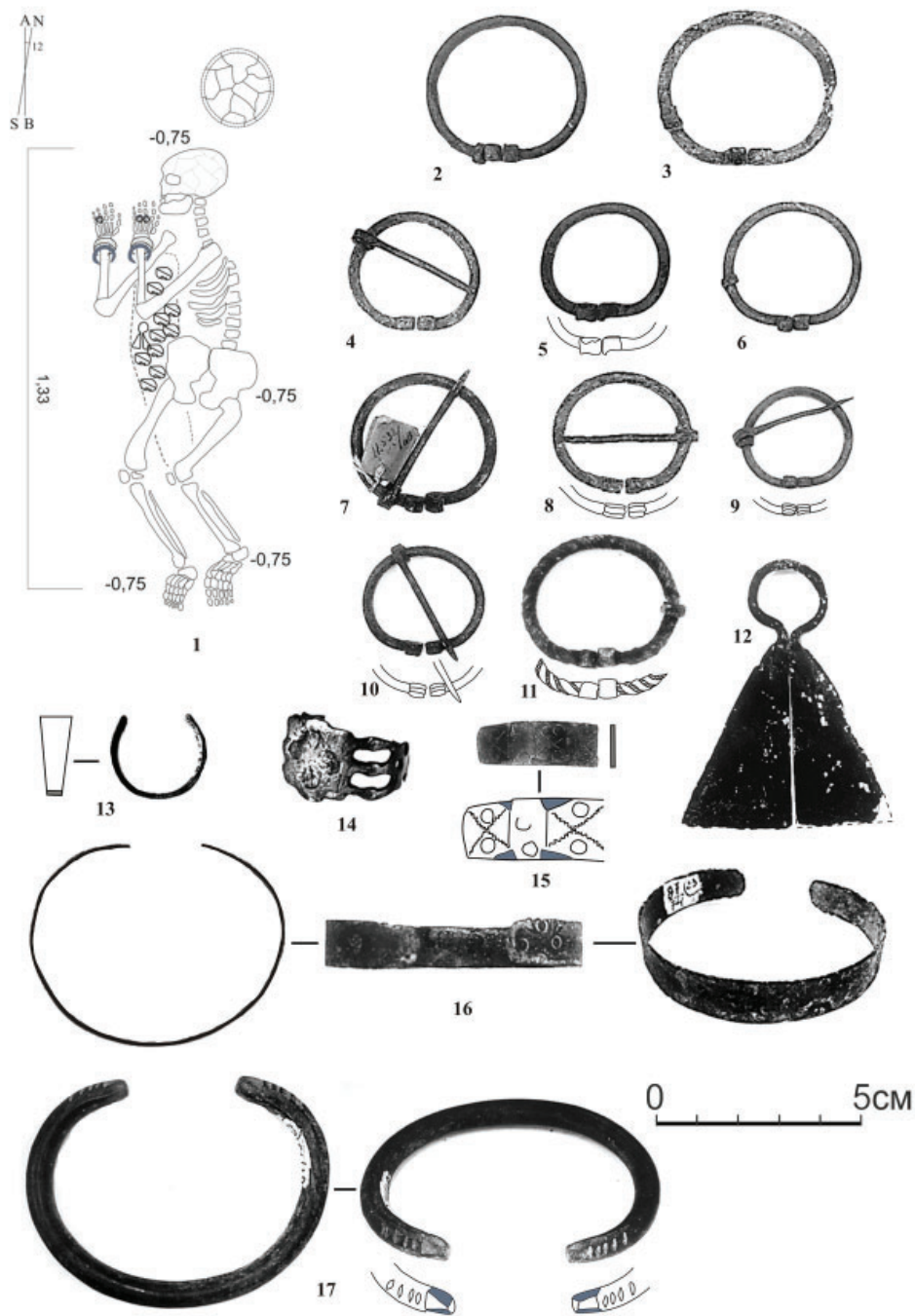

Рис. 2. Комплекс погребения 9:

1 – схема погребения; 2–11 – застёжки; 12 – сьюльгама; 13 – фрагмент шинки перстня; 14 – перстень с ажурной шинкой; 15 – фрагмент пластинчатого браслета; 16 – пластинчатый браслет; 17 – дротовый браслет. 2–13, 15–17 – медь, бронза; 14 – серебро.

Fig. 2. Burial complex 9:

1 – burial scheme; 2–11 – clasps; 12 – sulgama; 13 – fragment of a ring splint; 14 – ring with an openwork splint; 15 – fragment of a plate bracelet; 16 – plate bracelet; 17 – dart bracelet. 2–13, 15–17 – copper, bronze; 14 – silver

пляров кресал подобной формы, датирующиеся 1340–1360-ми гг. (Гайдуков, 1992, рис. 64: 6, 8, с. 155). Имеются подобные экземпляры и из более ранних раскопок культурного слоя Новгорода, например, кресало, обнаруженное

в ярусе 8 (1342 г.) (Колчин, 1959, рис. 84: 9, с. 101). Их отличительная черта это, прежде всего, форма внутреннего выреза – овальная и прямоугольная со скругленными углами (рис. 3: 18). Как видно из материалов Новго-

рода, там все они датируются 1340–1360-ми гг. Подобной формы кресало имеется среди находок из кочевнического «кургана» 53 Царёвского могильника, где в погр. 2, помимо него, были обнаружены также золотоордынские монеты 1344–1347 гг. (Мыськов, 2015, рис. 21: 9, с. 389).

Колчаный крюк, изготовленный из сплава на основе меди, имеет выраженный щиток из треугольной в сечении пластины и три заклёпки с небольшим фрагментом кожаного ремня на тыльной стороне возле одной из них (рис. 4: 1). Характерной чертой формы этого изделия является наличие заостренных выступов на тыльной стороне щитка. Подобная форма щитка имеется на изделии из раскопок в Славенском конце Новгорода (Нутный раскоп), где также присутствует центральная грань (Гайдуков, 1992, рис. 64: 22, с. 155). Изделие датируется тем же периодом, что и кресала, приведенные выше, – 1345–1356 гг. Этот предмет, безусловно, тяготеет к ремесленной традиции аскизской культуры по своей форме и имеет прототипы среди аналогичных изделий каменского этапа (XIII–XIV вв.) аскизской культуры (Кызласов, 1983, табл. XXII: 24, 26, с. 110). При этом как по материалу, так и по деталям формы (заострения), это уже золотоордынское изделие.

Железная пряжка с овальной рамкой ромбовидного сечения (рис. 3: 9), несмотря на широкие рамки бытования подобной формы, также имеет прямую датированную аналогию в материалах Нутного раскопа Новгорода, где обнаружена в слоях 1327–1345 гг. (Гайдуков, 1992., рис. 57: 18, с. 148).

Наконечник стрелы из погр. 10 представляет собой совмещение лопатковидного срезня с ромбической формой режущего действия (рис. 4: 4). Имеется и хорошо выраженный граненый упор для древка стрелы. Подобная форма наконечников пока не обнаруживает аналогий в погребальных комплексах Восточной Европы, но имеет аналогии и близкие варианты среди материалов Брик-Алгинского местонахождения в Башкирии (Гарустович, 2012, рис. 5: 6, 10, 16, с. 223). Это соседние с Самарским Поволжьем земли на территории современной юго-западной Башкирии (Бугульминско-Белебеевская возвышенность). Г.Н. Гарустович на основании анализа нумизматических находок датировал Брик-Алгинское местонахождение второй половиной 1370-х гг. и связывал

его с разгромом купеческого каравана в эпоху «Великой замятни» (Гарустович, 2012, с. 196).

Топор имеет ярко выраженный плавный переход от шейки к обуху (рис. 4, 5). Подобной формы обух имеется у топора из погр. 18–19 Сарлейского могильника (Горюнова, 1948, табл. XI: 9, с. 155). Топоры из мордовских погребений золотоордынского периода рассматривались нами в работе 2022 г., посвященной их эволюции (Козлов, 2022в, с.221–225). Обух топора из погр. 10 р. А Барбашинского могильника (1935 г.) имеет прямую аналогию в погр. 16 Усинского могильника с монетой 1359/60 г. По типологии В.С. Святкина, доработанной нами на датированном материале, топор по форме обуха и щековиц относится к группе Б – типу 4 – подтипу 2 (Козлов, 2022в, рис. 1, с. 223). Ещё один топорик подобной формы, но применявшийся в ювелирном ремесле, обнаружен в культурном слое базара Болгара, где датируется также серединой XIV в. (Болгар..., 2022, с. 76, рис. 81: 3).

Поясной набор состоит из следующих элементов (рис. 3: 16): 1) одной пряжки с рамкой лировидной формы с отдельной осью и язычком без приемника, рамка пряжки орнаментирована продольными желобками; 11 накладок в виде «пальметты» или «лилии» (типа рис. 3: 13), одна из которых с петлей и кольцом для подвешивания, две соединены коромысловидной перемышкой; 26 накладок «лунниц» (типа рис. 3: 12), орнаментированных симметричными побегими растения; одной обоймы с местами от заклёпок, с орнаментом в виде шестилепесткового цветка и коня (рис. 3: 15); двух обоймиц для продевания ремня украшенных продольными желобками (рис. 3: 11); одного наконечника пояса, орнаментированного растительной веткой. Всего на поясе имелось 38 накладок. Все они, как и наконечник пояса, изготовлены методом штамповки, с дальнейшим заполнением неким наполнителем и наклейкой на кожаное полотно.

Матрица по изготовлению полностью идентичных накладок «пальметт», или «лилий» (трехлистников), только в сочетании – в виде креста, обнаружена при раскопках в культурном слое базара Болгара на раскопе CLXXIX (Болгар..., 2022, рис. 80: 3). Сам культурный слой базара датируется серединой XIV в. (Болгар..., 2022, с. 71–72). На основании данной находки вполне возможно, что

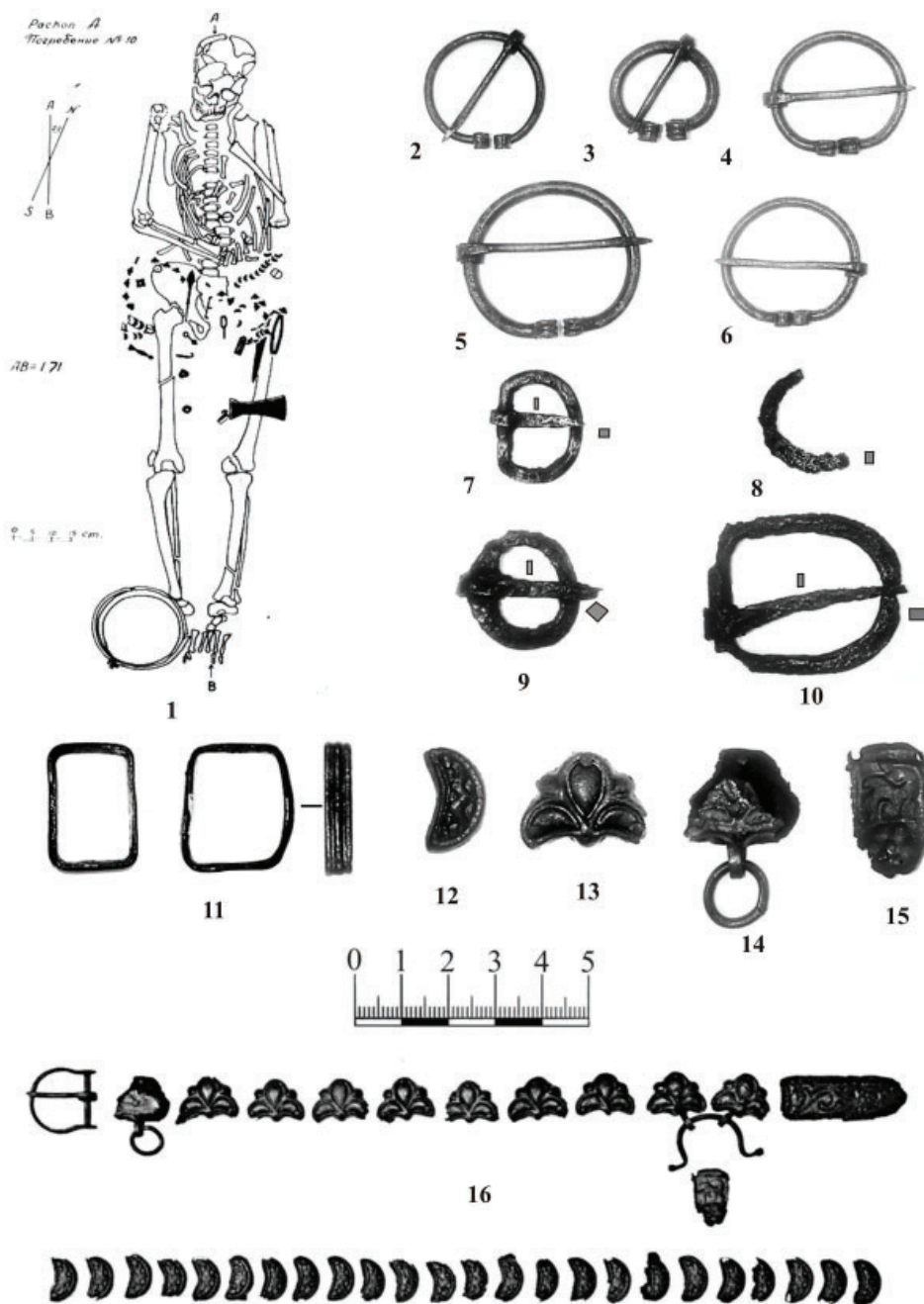

Рис. 3. Комплекс погребения 10:

1 – схема погребения; 2–6 – застёжки; 7–10 – пряжки; 11–15 – детали поясного набора (основные виды); 16 – поясной набор полностью (по Д.А. Сташенкову, А.Ф. Кочкиной, 2008); 2–6, 11–15 – медь; 7–10 – железо.

Fig. 3. Burial complex 10:

1 – burial scheme; 2–6 – clasps; 7–10 – buckles; 11–15 – details of a belt set (main types); 16 – full belt set (according to D.A. Stashenkov, A.F. Kochkina, 2008).

2–6; 11–15 – copper; 7–10 – iron.

детали этих поясных наборов происходят из мастерских Болгара, одного из важнейших центров Золотой Орды.

Коромысловидная перемычка, соединяющая две «пальметты» (рис. 3: 16), на других опубликованных поясных наборах золотоор-

дынского времени в Восточной Европе пока не известна. Знакомство с европейскими образцами XIII–XIV вв. (например, пояс инфанта Кастилии и Леона Фернана де ла Серды, 1255–1275 гг.), позволяет предположить, что эта деталь заимствована оттуда. Усиливает

это предположение то, что европейские поясные наборы и их подражания имели хождение в Золотой Орде. Это наглядно демонстрирует культурный слой базара Болгара, где обнаружены пряжки европейского типа, изготовленные в местной мастерской (Болгар..., 2022, рис. 117: 7). В погр. 3 мордовского могильника у с. Черемис (Среднее Примокшанье), имеется поясной набор с характерными европейскими деталями и золотоордынской монетой 1-й половины XIV в. (Козлов, в печати). Эти факты позволяют наметить европейское влияние на поясные наборы в Золотой Орде.

На основании датированных предметов и исходя из возраста женщины из погр. 9 и мужчины из погр. 10, можно определить период их жизни. Верхний хронологический диапазон попадает на 1350–60-е гг., нижний, наиболее вероятно, находится в диапазоне от 1300 до 1310-х гг. При этом, исходя из наличия в погребении подкововидных застёжек с концами, украшенными желобками и отсутствия подобных в погребениях рубежа XIII–XIV вв. (погр. 6 Аткарского могильника, инвентарь 1290–1300 гг.), и других характерных вещей предшествующей эпохи, можно предположить, что время начала поступления вещей приходится на 1310–1320-е гг. На время молодости (20–30 лет) женщины и мужчины приходится период во второй четверти XIV в. (1320–1330-е гг.), когда в основном и формируется вещевой комплекс.

На основании наличия поясного набора и других атрибутов походного и воинского снаряжения (котелки, колчаные крюки и наконечники стрел, топоры), присутствия двух погребений с конями и сбруей (к. 1 Сарлейского могильника 1988 г., погр. 12 могильника Заречное II), мы высказали предположение, что подобные признаки характеризуют мордовское воинское сословие, упоминаемое в письменных источниках в золотоордынской терминологии – «мордовские князья и мурзы» (Козлов, 2022а, с. 24).

Среди инвентаря мордовских мужских погребений XIII–XIV вв. поясной набор встречается достаточно редко. Так, из 13 мужских погребений Гагинского могильника поясные наборы имеются только в двух (погр. 9 и 16) (Алихова, 1959, с. 185–192). Из 17 мужских погребений раскопок Б.А. Латынина на Барбашином могильнике, поясные наборы встречены только в трех комплексах (погр. 10, 20,

27), из них один с железными деталями (погр. 27). Не встречены полноценные поясные наборы в четырех мужских погребениях в раскопках В.А. Миллера Барбашинского могильника в 1908 г. (Сташенков, 2011, с. 46–59). В материалах раскопок Д.А. Сташенкова в 2011–2013 гг. из пяти мужских погребений только в одном обнаружены железные накладки поясного набора (погр. 1, р. 1) (Сташенков, 2012, рис. 5: 2–8, с. 30). Из девяти мужских погребений Аткарского могильника раскопок 1979–1980 гг. поясной набор обнаружен лишь в двух (погр. 6 и 11) (Монахов, 1991, с. 167–188). На Аткарском могильнике из раскопок С.В. Ляхова 1996–1997 гг. в шести мужских погребениях поясной набор обнаружен только в одном парном комплексе (погр. 36) (Ляхов, 1997, с. 79–97). На приведенном материале видно, что поясные наборы имеются в среднем только у 15% мордовских мужчин, живших в золотоордынскую эпоху. Этот факт, на наш взгляд, статистически подтверждает тезис о принадлежности подобных комплексов к прослойке мордовской знати.

Определение хронологических рамок жизни женщины из погр. 9 и мужчины из погр. 10 Барбашинского могильника, производившееся независимо от датирования, проведенного нами ранее по группе погребений с поясами типа сарлейского, подтвердило наше предположение (Козлов, 2022, с. 24). Также это можно сказать и о причинах появления поясных наборов типа сарлейских (как вариант золотоордынских гарнитур). Из приведенного выше статистического материала по Барбашиному, Аткарскому и Гагинскому могильнику можно выделить количество подобных комплексов. В Барбашином могильнике, судя по опубликованным ранее материалам, подобный поясной набор встречен в погр. 10 р. А 1935 года. В Аткарском могильнике при раскопках 1979–1980 и 1996–1997 гг. обнаружены три поясных набора, но подобные не встречались. В Гагинском могильнике оба комплекса с такими поясами. Таким образом, поясные наборы типа сарлейского встречены в этих памятниках в трех случаях из 10 погребений с поясами. В других памятниках по опубликованным материалам обнаруживаются только такие поясные наборы (Сарлейский могильник, погр. 18–19, 1927 г. и погр. 12 1988 г. – два из двух, Заречное II – погр. 12, 130, 131 – три из трех). Это свидетельству-

Рис.4. Комплекс погребения 10 (продолжение)

1 – колчанный крюк; 2 – кресало; 3 – нож; 4 – наконечник стрелы; 5 – топор. 1 – медь; 2–5 – железо.

Fig.4. Burial complex 10 (continued)

1 – quiver hook; 2 – fire lighter; 3 – knife; 4 – arrowhead; 5 – axe. 1 – copper; 2–5 – iron.

ет об их массовости среди мордовской элиты, определенном «всплеске» и неравномерности появления. Подобное может свидетельствовать о широкой вовлеченности мордовской знати в события своего времени.

«Всплеск» военной активности у мордовских воинов в 1320–1350-х гг. в период расцвета золотоордынской государственности, когда границы государства не подвергались серьезным вторжениям соседей, мы видим в проблемах внутренней политики. Сепаратистские настроения постоянно присутствовали в государстве, созданном из различных этнических и религиозных компонентов, в разной степени интегрированных новой государственностью. Единственным крупным событием примене-

ния военной силы данного периода, в котором упоминаются «мордовские князи с мордвичи», является поход под Смоленск объединенной мордовско-татарско-русской коалиции в 1339/40 г. (Никоновская летопись, 1885, с. 211).

Русские дружины возглавлял великий князь московский Иван Данилович «Калита». Общее руководство войском осуществлял золотоордынский полководец Тоглу-бей (Товлубий) (Юрченок, 2013, с. 67–73). Появление столь серьезных сил и начало боевых действий возле Смоленска отрезвляюще подействовало на смоленского князя, подчинившегося воле хана Узбека и погасившего задолженность по уплате «выхода». Весьма важно,

что по данным русских летописей, после этого успеха награждения получили руководители дружин из русских земель в 1340 г. – московский князь Иван «Калита» и суздальский князь Константин Васильевич, которым хан Узбек отделил части Владимирского княжества. Первый получил большую часть княжества, ранее принадлежавшего тверской династии. Последний получил Городец и Нижний Новгород, став основателем Суздальско-Нижегородского княжества. Как отражение подобных событий, мы видим и в появлении поясных наборов типа сарлейского умордовской знати.

Материалы погр. 9 и 10 р. А Барбашинского могильника из раскопок Б.А. Латынина в 1935 г. являются одним из ценнейших комплексов золотоордынской эпохи, содержащие одновременно предметы, характерные для женщины и мужчины. Анализ находок и сопостав-

ление их с материалами Восточной Европы позволил установить интервал времени жизни этих людей – это примерно 1310–1360-е гг. Они являлись представителями сословия знати мордовского народа, жившими в период расцвета Золотой Орды и умершими в начале эпохи «Великой замятни». Как и ранее, мы связываем появление поясного набора у мужчины из погр. 10 с событиями Смоленского похода 1339/40 г., а в его конструкции обнаруживается западноевропейское влияние. Дальнейшая публикация подобных комплексов, содержащих столь выразительный материал, безусловно, будет способствовать углублению и расширению знаний о материальной культуре не только мордовского народа, но и связанных с ним других народов в рамках Золотой Орды для максимального приближения к пониманию картины объективной реальности того времени.

Благодарность:

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам СОИМК им. П.В. Алабина Д.А. Сташенкову и А.Ф. Кочкиной за помощь и содействие в процессе работы над коллекцией Барбашинского могильника из раскопок Б.А. Латынина 1935 г.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 259–301.

Алихова А.Е. Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Красный октябрь, 1959. С. 169–194.

Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Эвтектика, 1992. 197 с.

Гарустович Г.Н. След Великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Гилем, 2012. 222 с.

Горюнова Е.И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 6–55.

Козлов Д.А. Сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов: распространение, хронология, социокультурный и исторический контекст // Нижний Новгород и его периферия: 800 лет борьбы и дружбы: сб. стат. по мат. 5-х Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, Богородск: Вариант, 2022а. С.14-28.

Козлов Д.А. Накладки аскизского типа из мордовского погребения №6 Аткарского могильника // Археология Евразийских степей. 2022б. №3. С. 249–263.

Козлов Д.А. Эволюция мордовских топоров в эпоху Золотой Орды // Актуальная археология – 6: Материалы Международной научной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г.) / Отв. ред. А. М. Киселева. СПб.: ИИМК РАН, 2022в. С. 221–225.

Козлов Д.А. Мужское погребение с поясным набором и золотоордынской монетой из могильника у с. Черемис в Среднем Примокшанье // Конференция «II Юрчѣнковские чтения: Память прошлого – сценарии будущего». (Саранск, 23 сентября 2022 г.) (в печати).

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Ляхов С.В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Орион, 1997. С. 79–97.

Ляхов С.В. Охранные раскопки с Саратовском левобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: СПИ, 1999. С. 94–100.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Ред. Н.М. Малов. Саратов: СГУ, 1991. С. 167–188.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1885. 169 с.

Олейников О.М. Перстни с изображением руки // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 270–289

Поляна им. Фрунзе [без имени Латынин Б.А.] // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 148–151.

Святкин В.С. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2001. 147 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Ставицкий В.В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 155–166.

Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2011. 96 с.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.

Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования / Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 326–329.

Сташенков Д.А. Раскопки Барбашинского могильника // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: СНЦ, 2014. С. 5–34.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Юрчёнков В.А. Поход Тоглу-бия на Смоленск в 1339/40 г. и «мордовские князи с мордвичи» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3 (27). С. 67–73.

Информация об авторах:

Козлов Дмитрий Александрович, аспирант, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия); demetriy87@gmail.com

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Kuibyshev Archaeological Expedition)* Vol. I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology of the USSR) 42. Moscow: "Nauka" Publ., 259-301 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: "Krasnyi oktiabr" Publ., 169–194 (in Russian).

Gaydukov, P. G. 1992. *Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop (Slavensky End of Medieval Novgorod. Nutny Excavation)*. Moscow: "Evtektika" Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N. 2012. *Sled Velikoy zamyatni (Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga (Trace of the Great Troubles (XIV century site near the village of Brik-Alga))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Goryunova, E. I. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 6–55. (in Russian).

Kozlov, D. A. 2022. Ilyushin, B. A., Chetvertakov, E. V. (eds.) *Nizhniy Novgorod i ego periferiya: 800 let bor'by i druzhby (Nizhny Novgorod and its periphery: 800 years of conflicts and friendship)*. Nizhniy Novgorod, Bogorodsk: "Variant" Publ., 14–28 (in Russian).

Kozlov, D. A. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 249–263 (in Russian).

Kozlov, D. A. 2022. In Kiseleva, A. M. (ed.) *Aktual'naya arkheologiya (Current Archaeology)* 6. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 221–225 (in Russian).

Kozlov, D. A. (in print). In *Konferentsiya «II Yurchenkovskie chteniya: Pamyat' proshlogo – stsennyye budushchego» (Saransk, 23 sentyabrya 2022 g.) (Conference "II Yurchyonkov's readings: memory of the past – scenarios of the future". (Saransk, September 23, 2022)* (in Russian).

Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* Vol. II. Series: Materialy i issledovaniya po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology) 65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th–14th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lyakhov, S. V. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniya v 1996 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1996)* 2. Saratov: "Orion" Publ., 79–97 (in Russian).

Lyakhov, S. V. 1999. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniya v 1997 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1997)* 3. Saratov: Saratov Pedagogical Institute Publ., 94–100 (in Russian).

Monakhov, S. Yu. In Malov, N. M. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 6. Saratov: Saratov State University, 167–188 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Oleinikov, O. M. 2021. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 264, 270–289 (in Russian).

Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis (Patriarch's or Nikon Chronicle). 1885. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) X. Saint Petersburg: "Ministry of Internal Affairs" Publ. (in Russian).

In Golmsten, V. V. (ed.). 1941. *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya (Archaeological Investigations in the Russian Federation in 1934–1936: Brief Reports and Data)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 148–151 (in Russian).

Svyatkin, V. S. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoy polovine II tys. n.e. (Armament and warfare of the Mordovian tribes in the first half of the II millennium AD)*. Samara: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 155–166 (in Russian).

In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike (Archaeological Studies in Samara. Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller at Barbashinsky Burial Ground)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2012. *Novye arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary (New Archaeological Studies on the Territory of Samara)*. Samara: "As Gard" Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, no. 3, 326–329 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Itogi arheologicheskikh issledovaniy v Samarskoj oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnyh jekspeditsij (Results of archaeological research in Samara oblast in 2013. Proceedings of scientific expeditions)*. Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 5–34 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Alexandrovich Latynin. Period of life in Samara)*. Saratov: “Novyi veter” Publ. (in Russian).

Yurchionkov, V. A. 2013. In *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 27 (3), 67–73 (in Russian).

About the Author:

Kozlov Dmitry A. Post-graduate student, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. L. Tolstogo St., 3, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; demetriy87@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/903.5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.314.327>

СКОРЧЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА МАКСИМОВКА I ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

© 2023 г. А.И. Королев, А.А. Шалапинин

Представленные данные о погребениях второй обрядовой группы с костяками в положении сидя и полусидя получены в ходе раскопок на грунтовом могильнике Максимовка I в 2017–2022 гг. Могильник расположен в левобережье среднего течения р. Самара. Анализируются 16 погребений эпохи энеолита. Следы могильных ям встречаются редко. Погребенный помещался в яму с приподнятой верхней частью туловища и упором спиной и затылком о ее стенку. Зафиксирована ориентировка головы погребенных в восточном секторе. Руки были вытянуты вдоль тела кистями на коленях или опирались локтями о дно ямы и кистями в области живота. Ноги согнуты коленями вверх. Среди погребений второй группы присутствуют костяки с обожженными черепами. Они составляют четвертую часть второй группы. Присутствует окраска охрой. Половина погребений содержит инвентарь: подвеску, бисер и бусы из раковины, костяные и раковинные пронизки, резцы сурка, костяные и каменные подвески, бусины из камня и окаменелости, наконечники стрел, кремневые пластины и отщепы, скребки, костяные орудия, кольцо из цветного металла, абразивы, отбойник, кости зайца, кость рыбы. В засыпи могильных ям часто встречаются отдельные фрагменты керамики. Вторичные погребения представлены черепами и сложенными кучкой костями человека. Инвентарь одного из этих погребений совпадает с вещами, найденными в погребениях второй группы. Материалы погребений второй группы близки Мурзихинскому II могильнику. На основании радиоуглеродного датирования, для погребений второй группы намечен широкий хронологический диапазон – 4400–3500 calBC, который позволяет их отнести к позднему энеолиту лесостепного Поволжья.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, энеолит, река Самара, грунтовый могильник Максимовка I, скорченные погребения, вторичные погребения, погребальный инвентарь.

BENT BURIALS AT MAKSIMOVKA I ENEOLITHIC BURIAL GROUND

A.I. Korolev, A.A. Shalpinin

The presented data on burials of the second ritual group with skeletons in a sitting and half-sitting position were obtained during excavations at the Maksimovka I ground burial ground in 2017–2022. The burial ground of the soil type is located on the left bank of the middle reaches of the Samara River. 16 burials of the Eneolithic era are analyzed. Traces of burial pits are rare. The buried was placed in the pit with the upper part of the body raised and the back and the back of the head resting against its wall. Orientation of head was fixed in the eastern sector. The arms were extended along the body with the hands on the knees or rested with the elbows on the bottom of the pit and with the hands in the abdomen. Legs were bent knees up. Among the burials of the second group there are skeletons with burnt skulls. They make up the fourth part of the second group. Ocher coloration was marked. Half of the burials contain inventory: pendant, shell beads and beads, bone and shell threads, marmot cutters, bone and stone pendants, beads made of stone and fossils, arrowheads, flint blades and flakes, scrapers, bone tools, a ring made of non-ferrous metal, abrasives, a chipper, hare bones, fish bones. Separate fragments of ceramics are often found in the backfill of grave pits. Secondary burials are represented by skulls and human bones stacked in a heap. The inventory of one of these burials coincides with the things found in the burials of the second group. The materials of the burials of the second group are close to the Murzikha II burial ground. Based on radiocarbon dating, a chronological range of 4400–3500 calBC is proposed for the burials of the second group, which allows them to be attributed to the Late Eneolithic of the Volga forest-steppe region.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Eneolithic, Samara River, Maksimovka I burial ground, bent burials, secondary burials, burial inventory.

Грунтовый могильник Максимовка I (Бога-товский р-н Самарской области) расположен на окраине одноименного села и занимает пологую возвышенность края террасы левого берега малой р. Съезжая в левобережье среднего течения р. Самара – левом притоке р. Волга. Памятник был открыт в 2017 г. В.А. Цибиным. В том же году было вскрыто тройное погребение №1 эпохи энеолита (Цибин, Шалапинин, 2019, с. 6–16). В 2018 г. экспедицией СГСПУ были проведены рекогносцировочные работы на двух секторах, которые дали еще три захоронения, из которых погр. 3 отнесено к энеолиту (Королев, Мышкин, Шалапинин, 2021, с. 515–530). Всего на 2022 г. на памятнике вскрыто около 484 кв. м и изучено 48 погребений эпох энеолита, бронзы и средневековья. К энеолиту относятся 19 погребений, из них 14 захоронений выделены во вторую группу с костяками в скорченном положении. Ко второй группе отнесено также два из трех вторичных погребений. Энеолитических погребений, видимо, было больше, но часть захоронений была разрушена в ходе хозяйственной деятельности в XX в. и представлена разрозненными скелетами и отдельными костями человека, не позволяющими надежно их атрибутировать.

Целью исследования является анализ погребений, совершенных в позе сидя или полусидя, а также вторичных погребений.

Для погребений второй группы характерна поза костяков в положении сидя или полусидя. Поза сидя устанавливается надежно: часто полностью сохраняется анатомическое положение сидящего человека с согнутыми и поставленными коленями вверх ногами, руками на коленях или в области таза, черепом, обращенным лицевой частью вниз и перекрывающим характерно изогнутый позвоночник, надвинувшиеся ребра и вертикально расположенные лопатки. В тех случаях, когда происходило уплотнение верхней части скелета, ребра и часть позвонков оказывались смещенными на кости таза, а на них в свою очередь оседал череп. При естественной компрессии скелета, в ряде случаев кости ног находились в положении коленями вверх, нижние челюсти также сохраняли анатомическую связь с черепом или находились рядом и смещались вместе с ним, как в погр. 9, 16, 32, 38, 45 (рис. 2: 9; 3: 9; 5: 1). Такое расположение черепа и нижней челюсти при расчистке, как правило, не позволяли опре-

делить положение тазовых костей и позвоночника, и сидячие погребения расчищались в два приема. Отметим такую особенность для погр. 9, 26, 45, где уровень фиксации ступней ног был выше уровня тазовых костей. Череп в детском погр. 3 полностью перекрывал большую часть костей туловища и верхних конечностей (рис. 2: 1). После снятия черепа повторная расчистка дала возможность определить положение костяка сидя. Под черепом была обнаружена костяная подвеска (рис. 2: 2, 4).

Поза полусидя определяется уверенно по расположению костяка. Погребенный помещался в яму с приподнятой верхней частью туловища и упором спиной и затылком о ее стенку. Согнутые в локтях руки опирались о дно ямы, кисти располагались в области таза. Иногда согнутая в локте рука была отведена в сторону и направлена кистью к тазу. Ноги согнуты и поставлены коленями вверх. В связи с приподнятой верхней частью туловища, череп часто смещался в область груди или таза, как например, в погребении 1 костяк 1 и костяк 2 (рис. 1: 1), в погр. 3 (рис. 2: 1), в погр. 27 костяк 2 (рис. 5: 7). В погр. 16 располагались два костяка – женский и мужской (рис. 3: 9). Поза женского костяка 1 по положению позвонков, лопаток, черепу частично расположенному над тазовыми костями устанавливается в позе сидя с руками на коленях. Положение костяка 2 – в позе полусидя с положением рук на тазовых костях. Степень скорченности костяков неодинакова. Присутствуют сильно скорченные в положении сидя с завалом верхней части скелета вперед, например костяки погр. 26 и 32 (рис. 3: 1; 6: 1). Встречены в положении полусидя с незначительно приподнятой верхней частью скелета, как в погр. 38 (рис. 5: 20). Совместное нахождение в парном погр. 16 костяков в позе сидя и полусидя позволяют рассматривать их как варианты ингумации в рамках одной погребальной традиции.

Отметим также, что часть значительно нарушенных костяков можно достаточно уверенно отнести ко второй группе. Среди них погр. 17, 18, 34, 41, 48 (рис. 3: 10; 4: 1, 5–7). От погр. 17 сохранилась южная часть ямы с округлым краем. Костяк сохранился частично, в анатомическом порядке располагались кости ног ниже колен. Кости стоп находились в положении ступнями вниз, берцовые кости в наклонном положении завалились

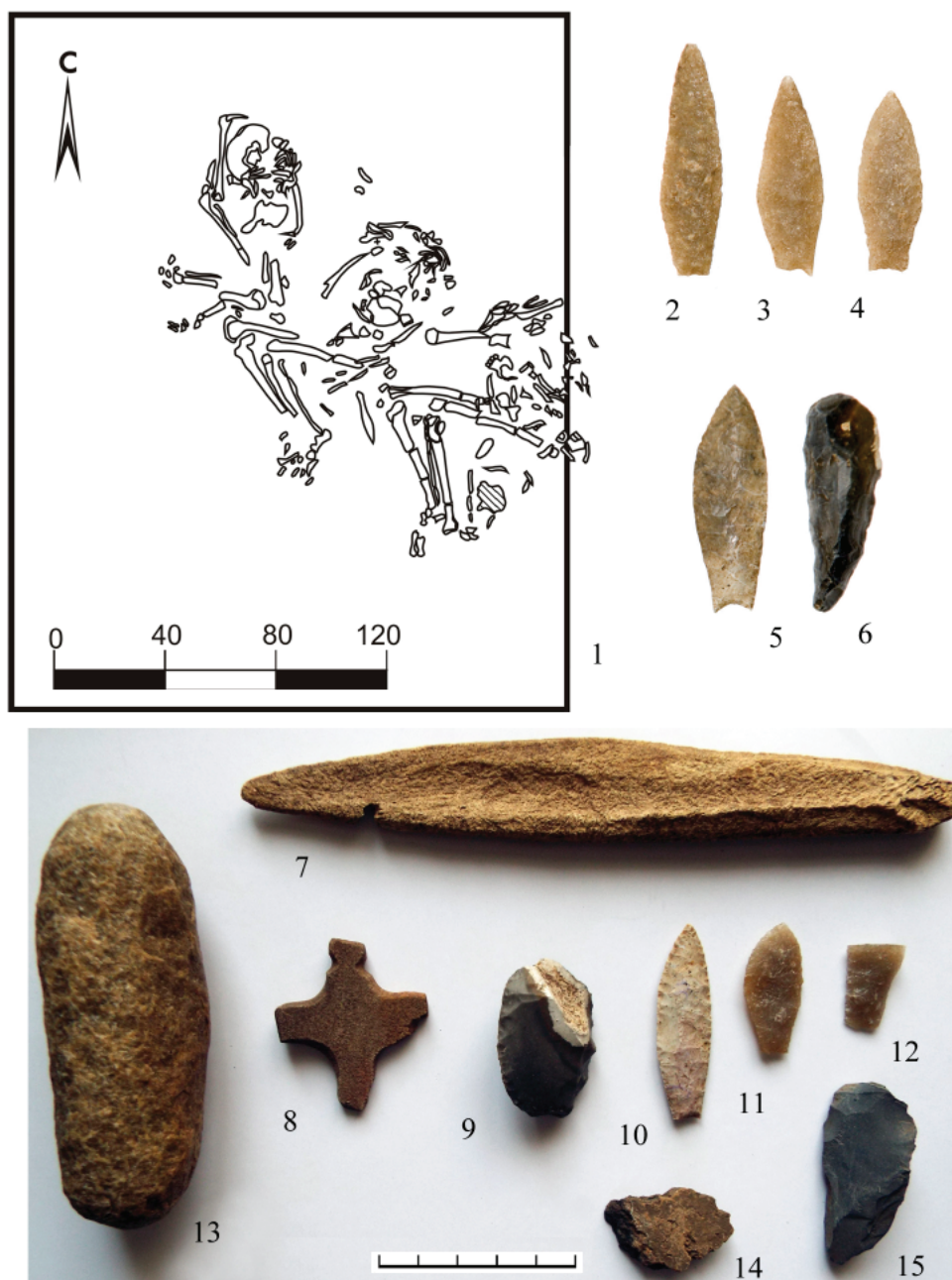

Рис. 1. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 1; 2–6 – инвентарь из разрушенных погребений; 7–15 – инвентарь из погребения 1: 7 – костяное орудие, 8 – подвеска, 9 – скребок, 10–12 – наконечники стрел, 13 – отбойник (пест?), 14 – фрагмент керамики, 15 – скребок. 2–4, 11–12 – кварцит; 5–6, 9–10, 15 – кремь; 7 – кость; 8 – песчаник; 13 – камень зернистой породы; 14 – керамика.

Fig. 1. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 1; 2–6 – inventory of destroyed burials; 7–15 – inventory from burial 1: 7 – bone tool, 8 – pendant, 9 – scraper, 10–12 – arrowheads, 13 – pestle, 14 – ceramic fragment, 15 – scraper. 2–4, 11–12 – quartzite; 5–6, 9–10, 15 – flint; 7 – bone; 8 – sandstone; 13 – granular rock; 14 – ceramics.

Рис. 2. Могильник Максимовка I.

1–2 – погребение 3; 3–7 – инвентарь из погребения 3: 3 – кольцо, 4 – подвеска, 5 – ножевидная пластина, 6–7 – пронизки; 8 – погребение 9; 9–11 – инвентарь из погребения 9: 9 – фрагмент наконечника, 10 – ножевидная пластина, 11 – бисер. 5, 9–10 – кремь; 4, 6–7 – кость; 11 – раковина.

Fig. 2. Maksimovka burial ground I.

1–2 – burial 3; 3–7 – inventory from burial 3: 3 – ring, 4 – pendant, 5 – knife-shaped blade, 6–7 – piercings; 8 – burial 9; 9–11 – inventory from the burial 9: 9 – fragment of the tip, 10 – knife-shaped blade, 11 – beads. 5, 9–10 – flint; 4, 6–7 – bone; 11 – shell.

влево. Первоначальное положение погребенного – лежа на спине или сидя с согнутыми ногами коленями вверх (рис. 4: 1). Сохранившийся инвентарь подтвердил принадлежность погребения ко второй группе. От скелета погр. 34 (рис. 4: 5) остались только нижние части малых берцовых костей, кости стоп и таза. Однако кости стоп сохранили положе-

ние ступнями вниз, малые берцовые кости расположены под углом вверх, а расстояние между костями стоп и таза показывает сильную степень скорченности ног. Положение таза с небольшим наклоном и расстояние в 45 см от него до края ямы позволяют восстановить положение погребенного в позе сидя или полусидя.

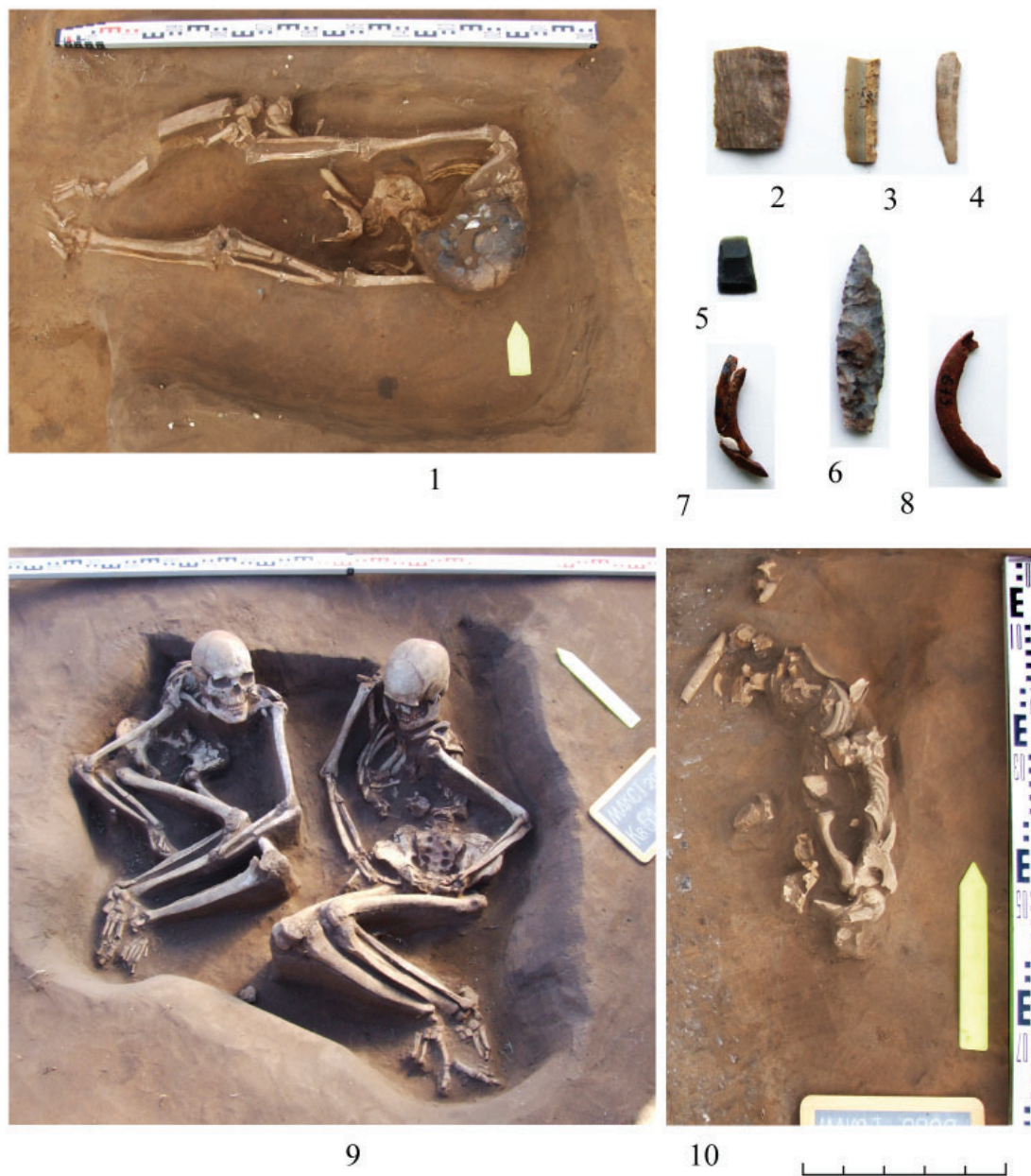

Рис. 3. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 26; 2–8 – инвентарь из погребения 26: 2–4 – ножевидные пластины, 5 – геометрический микролит, 6 – наконечник, 7–8 – резцы сурка; 9 – погребение 16; 10 – погребение 48. 2–4, 6 – кремь; 7–8 – кость.

Fig. 3. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 26; 2–8 – inventory from burial 26: 2–4 – knife-shaped blades, 5 – geometric microlith, 6 – arrowhead, 7–8 – groundhog incisors; 9 – burial 16; 10 – burial 48. 2–4, 6 – flint; 7–8 – bone.

От погр. 18 сохранился обугленный череп и частично кости верхней части скелета (рис. 4: 7). В этом случае положение грудных позвонков, ребер, наклонное положение правой плечевой кости локтем вниз, передает приподнятое положение верхней части туловища погребенного. Аналогичным образом, только без тазовых костей, представлен костяк погр.

41. Но и здесь наклонное, соответствующее позе полусидя, положение верхней части скелета зафиксировано надежно (рис. 4: 6). В сильно разрушенном в ходе строительства дороги погребении 48 от скелета осталась непо потревоженной только небольшая часть верхнего отдела. Но и она позволяет определить положение погребенного человека с

Рис. 4. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 17; 2-4 – инвентарь из погребения 17: 2, 4 – абразивные камни, 3 – бисер; 5 – погребение 34; 6 – погребение 41; 7 – погребение 18; 8 – погребение 28. 2, 4 – песчаник; 3 – раковина.

Fig. 4. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 17; 2-4 – inventory from burial 17: 2, 4 – abrasive stones, 3 – beads; 5 – burial 34; 6 – burial 41; 7 – burial 18; 8 – burial 28. 2, 4 – sandstone; 3 – shell.

приподнятой верхней частью туловища предположительно в позе сидя или полусидя (рис. 3: 10). Таким образом, часть разрушенных погребений аргументировано была отнесена ко второй группе.

Одиночные или индивидуальные погребения являются доминирующими. Парных погребений зафиксировано два – №№16 и 27 (рис. 3: 9; 5: 7). Тройное погребение одно – №1 (рис. 1: 1). Расположение костяков в коллективных погребениях несколько различается.

В погр. 1 и 16 они расположены вплотную, плечом к плечу. Но в погр. 16 костяки несколько развернуты друг к другу. Иначе располагались костяки в погр. 27. Здесь первоначально был устроен в позе полусидя подросток, затем между его ног был посажен ребенок.

Погребенные головой ориентированы в восточном секторе с некоторыми отклонениями: на С был ориентирован скелет в погр. 17, на СВ – скелеты в погр. 1, 16, 3, 9, 34, 48, на ВСВ – скелеты в погр. 8, 41, на В – костяки в

Рис. 5. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 45; 2-6 – инвентарь из погребения 45: 2 – ножевидная пластина, 3 – бусина, 4 – пронизка, 5 – фрагмент керамики, 6 – абразивная плитка (терочник?); 7 – погребение 27; 8-19 – инвентарь (подвески) из погребения 27; 20 – погребение 38. 2 – кремь, 3, 8, 11-14 – окаменелость, 4, 17-19 – кость, 5 – керамика, 6 – песчаник, 16 – раковина.

Fig. 5. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 45; 2-6 – inventory from burial 45: 2 – knife-shaped blade, 3 – bead, 4 – piercing, 5 – ceramic fragment, 6 – abrasive tile (grater?); 7 – burial 27; 8-19 – inventory (pendants) from burial 27; 20 – burial 38. 2 – flint; 3, 8, 11-14 – fossil; 4, 17-19 – bone; 5 – ceramics; 6 – sandstone; 16 – shell.

погр. 26, 32, 45, на ЮВ – костяки в погр. 18 и 27.

Могильные ямы отмечены в девяти случаях и чаще имели неправильно овальные контуры, но есть и с выраженными углами, их два.

Особое внимание привлекают признаки частичной кремации. Остановимся на них подробнее. Среди захоронений второй груп-

пы выделяются костяки с обожженными черепами, это погр. 18, 26, 38, 41. Цвет кости варьирует от черного до бело-серого. В погр. 18 следы воздействия огня отмечены также на верхних ребрах и верхних позвонках скелета. Около этого погребения была зафиксирована площадка распространения углистых пятен, очевидно, следов костра. Это пока единствен-

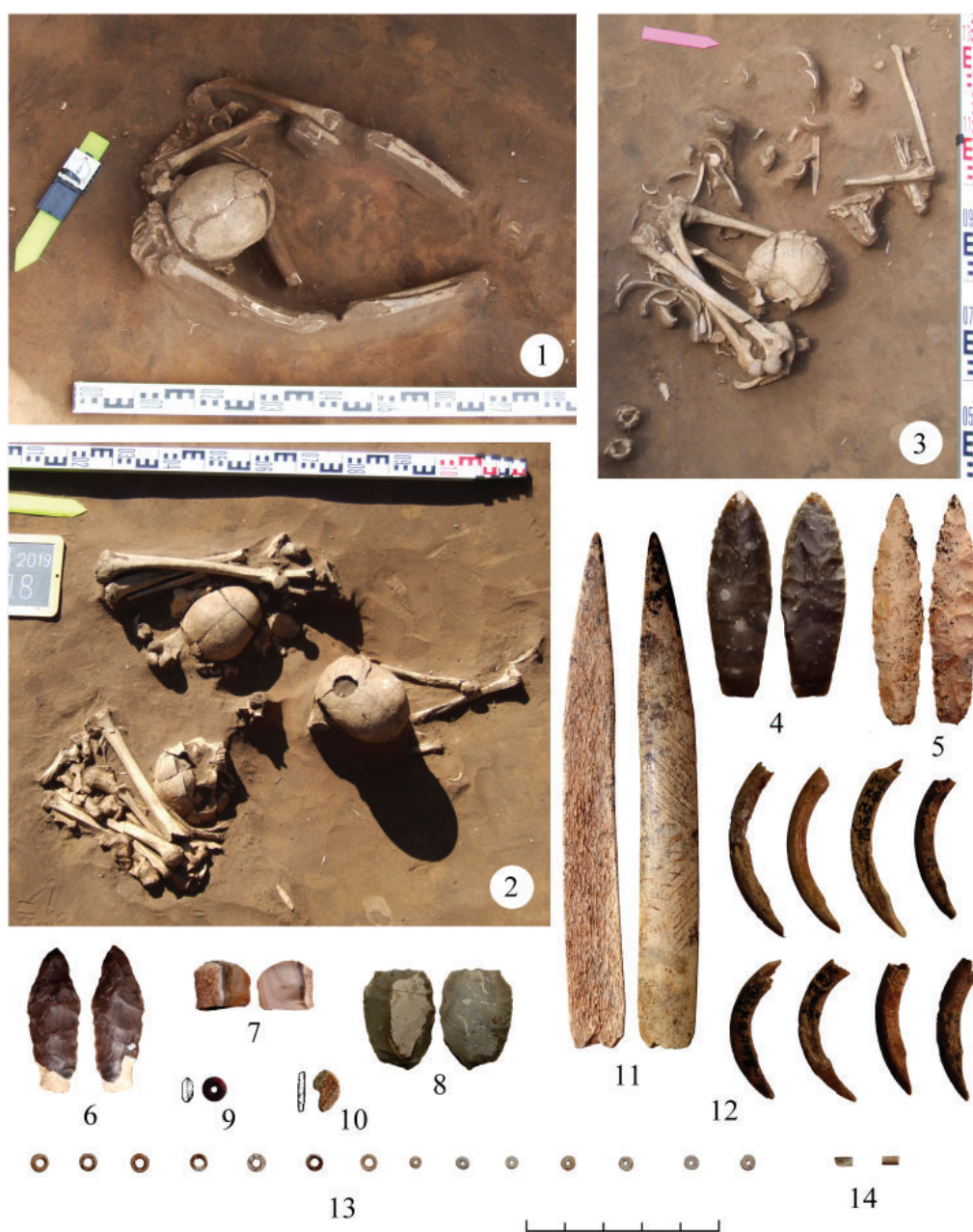

Рис. 6. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 26; 2 – погребение 8, костяки 1–3; 3 – погребение 8, костяк 4; 4–14 – инвентарь из погребения 8: 4–6 – наконечники стрел, 7–8 – скребки, 9 – бусина, 10 – фрагмент подвески, 11 – острие, 12 – резцы сурка, 13 – бисер, 14 – пронизки. 4–8 – кремь; 9 – камень красного цвета; 10, 13–14 – раковина; 11–12 – кость.

Fig. 6. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 26; 2 – burial 8, bones 1–3; 3 – burial 8, bones 4; 4–14 – inventory from burial 8: 4–6 – arrowheads, 7–8 – scrapers, 9 – bead, 10 – suspension fragment, 11 – point, 12 – incisors groundhog, 13 – beads, 14 – piercings. 4–8 – flint; 9 – red stone; 10, 13–14 – shell; 11–12 – bone.

ный случай подобных наблюдений. В погр. 38 отчетливые следы сожжения кроме черепа видны на костях рук и на верхних половинах берцовых костей (рис. 5: 20).

Количество данных пока не велико, но некоторые выводы сделать можно. Очевидно, после засыпи могильной ямы на поверх-

ности оставляли голову погребенного, иногда частично верх туловища, иногда руки и ноги в области коленных суставов. Затем проводилась частичная кремация, после окончания которой, следы костра убирали, и могила засыпалась окончательно. Таким образом, археологически фиксируются два этапа

погребения. Вопрос заключается в том, каков был временной промежуток между этими этапами? Можно предположить, что кремация головы могла осуществляться спустя какое-то время после совершения первого этапа обряда захоронения. К такому выводу подводят некоторые наблюдения. Так, в погр. 26 череп завалился на левое плечо и в таком положении сохранился ко времени раскопок (рис. 3: 1). У него сильно обожжена обращенная кверху правая область, включая часть лобной, затылочной и правую височную кость, а теменная кость – значительно меньше. Можно предположить, что перед сожжением головы прошло время, за которое мышцы и связки шеи ослабли, голова завалилась в сторону и в таком виде подверглась кремации. Нижняя челюсть, располагавшаяся на тазовых костях, следов огня не имеет, как и кости посткраниального скелета. Возможно, нижняя челюсть к этому времени уже отделилась и опустилась на дно ямы.

Высказанное предположение могут подтвердить и некоторые характеристики погр. 38 (рис. 5: 20). Здесь наиболее сильно-му воздействию огня до белого цвета подверглась лицевая часть черепа, включая нижнюю челюсть и верх плечевой кости. Ее нижняя половина воздействия огня не испытала, в то время как локтевая и лучевая кости обгорели на всю длину. Эти же кости правой руки обгорели только в нижней части, располагавшейся в области колен. Видимо, к моменту кремации левая рука распалась в локтевом суставе и на поверхности находились верх плеча и все предплечье, а также диафизы костей правого предплечья. Относительно костей ног отметим, что следы огня есть на верхней половине больших берцовых костей. На бедренных костях следы огня не отмечены, видимо, в отличие от берцовых они были скрыты грунтом и оказались не доступны огню.

Таким образом, можно констатировать практику воздействия огня на части человеческого тела. Такую практику допустимо определить как частичную кремацию. В заполнении могильной ямы погр. 27 признаков сожжения нет, но встречены угольки.

В сидячих погребениях без следов сожжения головы сложнее установить проходил ли акт предания земле умершего одновременно или в два этапа. Есть основания предполагать,

что процесс захоронения мог быть единовременным, по крайней мере, в некоторых случаях. Можно отметить хорошую сохранность скелетов из погр. 16. Длинные кости целые, многие находятся в сочленениях, черепа занимают анатомически правильное положение, а нижние челюсти сохранили связь с черепами. Эти данные показывают, что ингумация и заполнение могильной ямы грунтом произошли в короткий промежуток времени.

В десяти погребениях: 1, 3, 8, 9, 16, 17, 26, 27, 32, 45 присутствует слабо выраженная окраска охрой вишневого оттенка. Нужно отметить такую особенность: в погр. 45 была зафиксирована окраска охрой вишневого оттенка слабой интенсивности. На дне ямы были обнаружены части терочника, под крупным фрагментом которого располагалось пятно яркой красной охры (рис. 5: 6). Нельзя исключать возможности размывания охристой посыпки в рыхлом песчаном грунте.

На могильнике выявлены вторичные погребения 8, 28, 44б. Погребение 8 представляет собой компактно выставленные в овальной яме черепа и преимущественно длинные кости четырех человек, располагавшиеся в трех ярусах. В верхнем были обнаружены череп, расположенный на кучке костей посткраниального скелета, ниже располагались также сложенные кучками кости еще двух индивидов (рис. 6: 2), ниже помещались останки четвертого (рис. 6: 3). Присутствует окраска темной охрой вишневого оттенка. Инвентарь включал орнаментированное костяное острие (рис. 6: 11), 2 скребка (рис. 6: 7–8) и 3 наконечника стрел из кремня (рис. 6: 4–6), каменную бусину (рис. 6: 9), 65 резцов сурка (рис. 6: 12), мелкие раковинные бусины (бисер) и пронизки (рис. 6: 13–14), фрагмент овальной подвески из раковины (рис. 6: 10). Инвентарь этого погребения, а также полученные даты позволили уверенно соотнести его с группой скорченных погребений.

В детском погребении 28 кости посткраниального скелета сложены кучкой, на них поставлен череп (рис. 4: 8). Эти характеристики сближают его с погр. 8 и, следовательно, со второй группой. В погр. 44, где располагались два детских костяка первой группы в положении вытянуто на спине, находились и кости, видимо, двух взрослых индивидов, сложенные «пакетом». Отсутствие следов ямы, инвентаря (за исключением отщепы кремня, кото-

рый относить к инвентарю не бесспорно) не позволяет уверенно говорить об их одновременности. С другой стороны, характеристика костного материала, один уровень фиксации, расположение «пакета» в непосредственной близости от детского костяка, не затрагивая его, сохраняют в силе предположение об их одновременности. Можно отметить сходное сочетание подобных вторичных захоронений и вытянутых погребений в могильнике мариупольского круга Екатериновский мыс (Королев и др., 2018, с. 59).

Для установления хронологического соотношения вытянутых и скорченных погребений большое значение имеет выявленный на могильнике Максимовка I случай перекрывания погр. 26 второй группы погр. 35 с костяком в вытянутом положении. Стратиграфические и типологические данные позволяют отнести погр. 35 к мариупольскому времени раннего энеолита. Зафиксированная стратиграфия погребений подтверждает принадлежность этих погребений к различным этапам энеолита.

Инвентарь встречен в девяти погребениях 1, 3, 8, 9, 17, 26, 27, 41, 45 (в том числе вторичное погр. 8). Он включает раковинные подвески, пронизки, бисер и бусы, костяные пронизки, резцы сурка, костяные и каменные подвески, бусину из окаменелости, наконечники стрел и их фрагменты, кремневые пластины и сколы, скребки, костяные орудия, кольцо из цветного металла, предположительно медное (рис. 2: 3), абразивные плитки, отбойник или пест. В погр. 17 найдены также кости зайца, в погр. 41 – кость рыбы. В засыпи могильных ям часто встречаются отдельные фрагменты керамики (рис. 1: 14; 5: 5), но в погребения сосуды не ставили.

Повторяющейся категорией инвентаря являются наконечники стрел из кремня и кварцита. Они есть в погр. 1, 8, 9, 26 (рис. 1: 10–12; 2: 9; 3: 6; 6: 4–6). Обращают на себя внимание наконечники стрел с зауженным насадом и с выемками в основании или прямым основанием, они есть в погр. 1 и 8 (рис. 1: 10–12; 6: 4–6). Видимо, такая форма наконечника была найдена и в погр. 26, но там обломан насад (рис. 3: 6). В погр. 9 представлен обломок наконечника с насадом приостренной формы (рис. 2: 9). Однотипные и близкие по форме наконечники, очевидно, происходящие из разрушенных погребений, были обнаруже-

ны и переданы археологам местным жителем (рис. 1: 2–5).

Ножевидные пластины и пластинчатые сколы с ретушью и без ретуши также относятся к повторяющейся категории инвентаря. Они обнаружены в погр. 3, 9, 26, 45 (рис. 2: 5, 10; 3: 2–4; 5: 1). Оригинален геометрический микролит – высокая трапеция из полупрозрачного камня зеленого цвета с мелкой краевой ретушью на боковых сторонах по спинке из погр. 26 (рис. 3: 5). Скребки из кремня на пластинах и отщепках найдены в погр. 1 и 8 (рис. 1: 9, 15; 6: 7–8). В погр. 1 был обнаружен крупный отбойник или пест из камня зернистой породы (рис. 1: 13), в погр. 17 и 45 обнаружены крупные абразивные плитки или терочки (рис. 4: 2, 4; 5: 6).

Еще одна распространенная категория инвентаря – украшения. Бусы и бисер изготовлены из раковин, имеют маленькие размеры 0,2–0,4 см в диаметре, они содержались в погр. 8, 9, 17 (рис. 2: 11; 4: 3; 6: 13). Пронизки из раковин были встречены в погр. 8 (рис. 6: 14). В материалах могильника представлены каменные бусины. Одна бусина красного цвета найдена в погр. 8 (рис. 6: 9), вторая – из окаменелости с отверстием естественного происхождения – в погр. 45 (рис. 5: 3). Двенадцать подвесок изготовлены из камня и, возможно, окаменелостей, кости и раковины, происходят из одного погр. 27 (рис. 5: 8–15, 17–19). Еще одна подвеска из песчаника крестовидной формы была найдена в погр. 1 (рис. 1: 8). Пронизы из кости найдены в погр. 3 и 45 (рис. 2: 6–7; 5: 4). В погр. 3 найдено медное украшение (рис. 2: 3) и костяная подвеска с зубчатыми краями и отверстием для подвешивания (рис. 2: 4). Костяной инвентарь включает крупное орудие с выемкой у приостренного конца из погр. 1 (рис. 1: 7), орнаментированное острие из погр. 8 (рис. 6: 12), резцы сурка из погр. 8 и 26 (рис. 3: 7–8; 6: 12).

Впервые в погребениях с сидячими костяками зафиксирован обряд порчи вещей. Абразивная плитка из погр. 45 явно была разбита специально и её крупные части находились в разных местах на дне могильной ямы (рис. 5: 6). Наконечники с прямым и выемчатым основанием, каменные и костяные подвески, мелкие бусины из раковин и костяные пронизки имеют широкую территорию распространения. Полный анализ этих материалов не

входит в число задач данной работы. Внимание привлекают памятники, в которых проявляется сходство не в отдельных категориях инвентаря, а сочетание погребального обряда и инвентаря в комплексе.

Полученные материалы являются достаточно представительными. Близкие аналогии были обнаружены при изучении материалов Мурзихинского II могильника (Чижевский, 2008, с. 367–371). Материалы памятников вполне сопоставимы: в могильнике Максимовка I выявлено 16 погребений второй группы, в Мурзихинском II – 18; они близки, но не идентичны. Оба могильника содержат индивидуальные и коллективные погребения, но в первом доминируют индивидуальные, а во втором коллективные. Положение костяков в позе сидя и преобладание восточного сектора в ориентации погребенных совпадает. Применение огня в погребальном обряде отмечено в обоих могильниках, но в Максимовском есть отчетливые признаки сожжения головы. Различается форма могильных ям: в Максимовском они чаще подовальной формы, иногда с нечеткими углами, а в Мурзихинском ямы круглые и подчетыреугольные.

Большую близость демонстрирует погребальный инвентарь. Отметим ножевидные пластины из кремня и их фрагменты (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 8: 2–3, 36), скребки (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 8: 13, 15, 21, 41). Обращают на себя внимание однотипные наконечники стрел с зауженным насадом и прямым основанием (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 8: 10–11, 16, 40). Аналогичны овальные и каплевидные подвески из камня и кости (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 151, рис. 6: 6, 9–10; 7: 7, 33, 42, 46; 8: 17, 31–33).

Интересно, что совпадают морфологические признаки «разношенных» в результате использования подвесок обоих памятников. Выводы на основе трасологического изучения изготовления и износа подвесок из Мурзихинского II могильника (Чижевский, Голубева, 2019, с. 49–50) можно распространить и на подвески из погр. 27 могильника Максимовка I. Аналогичны костяные подвески с зубчатыми краями. Но в отличие от максимовского украшения (рис. 2: 4) в мурзихинском не одно, а три отверстия (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 151, рис. 7: 36). Столь же близки костяные острия, орнаментированные нарезками в виде

многорядного зигзага (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 8: 30). Привлекает внимание сходство мелкими размерами раковинных бус и бисера (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 7: 1–3; 8: 6). Оба могильника содержат медные украшения. Они различаются: в могильнике Максимовка I найдено кольцо из проволоки с приостренными несомкнутыми концами, аналогичное кольцам Хвалынского I могильника (Агапов, 2010, с. 257–260, рис. 3: 22–23), а в Мурзихинском – фрагмент желобчатого украшения, также близкий хвалынским украшениям (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 155).

Есть и различия в инвентаре. В Мурзихинском II могильнике представлены рубящие орудия, крупные шлифованные изделия с просверленным отверстием, массивные кремневые ножи, резчики, кольцо из камня, орудия рыболовства, костяная и кремневая зооморфная пластика, изделия из янтаря, мелкие конкреции. Есть многочисленные орудия из кости различного назначения, а также керамические сосуды из погребений. В свою очередь, в Максимовском могильнике присутствуют наконечники из кварцита, наконечники с четко выраженной выемкой в основании, напоминающие рыбку, абразивные камни, отбойник (пест?), резцы сурка, трубчатые пронизки из раковин и кости. Можно добавить присутствие на Максимовском могильнике вторичных погребений, связанных со второй группой. Керамика, соответствующая сосудам Мурзихинского II могильника на площадке могильника Максимовка I не выявлена. Отметим, что аналогичные мурзихинским подвески происходят из одного максимовского погребения 27.

Результаты сравнительного анализа материалов обоих могильников дают основания для признания их культурной близости. Они позволяют расширить территорию распространения традиции погребений в позе сидя и полусидя как погребальной нормы в левобережье Волги до южной границы лесостепи. На промежуточной территории выявлены отдельные захоронения с сидячим положением скелета. Таково погребение у с. Старо-Кабаново на р. Белой (Васильев, 2004, с. 50–51). Есть данные о сидячей позе скелета из погребения у с. Криволучье на р. Чагре (Гольмстен, 1931, с. 7) и токского погребения (Богданов, 1992, с. 195). Отметим, что за пределами очерченной

территории изучены отдельные погребения в позе сидя. М.Д. Хлобыстина рассматривает их как малочисленное, хотя и распространенное на большой территории и в широких хронологических рамках, явление (Хлобыстина, 1991, с. 32–35). Такие погребения редки и в Зауралье (Потемкина 1982, с. 169; Шилов, Маслюженко, 2006, с. 188). Происхождение этой традиции в Волго-Уральском регионе правомерно связывать с хвалынской культурой. В Хвалынском I могильнике были отмечены костяки в позе сидя и изучены вторичные

захоронения (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 58). И.Б. Васильев выделил и полусидячее положение костяков (Васильев, 2004, с. 57). Вторичные погребения и скелеты в положении полусидя были выявлены и на могильнике Екатериновский мыс (Королев и др., 2018, с. 61–62).

Таким образом, источниковая база изучения погребального обряда и инвентаря позднего энеолита лесостепного Поволжья существенно дополнилась новыми материалами.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов Д.С. Медные изделия в погребальном обряде Хвалыньских энеолитических могильников // Хвалыньские энеолитические могильники и хвалыньская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 258–284.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалыньский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 160 с.

Богданов С.В. Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. А.Т. Синюк. Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 195–205.

Васильев И.Б. Погребение в «позе сидя» у с. Старо-Кабаново в Башкирии // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 50–66.

Гольмстен В.В. Погребение из Криволучья // СГАИМК. 1931. № 6. С. 7–12.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 58–67.

Королев А.И., Мышкин В.Н., Шалатинин А.А. Результаты работ на грунтовом могильнике Максимовка I в лесостепном Поволжье в 2018 г. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 515–530.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 159–172.

Хлобыстина М.Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // КСИА. Вып. 203 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1991. С. 32–38.

Цибин В.А., Шалатинин А.А. Погребение эпохи энеолита грунтового могильника Максимовка I из Самарского Заволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Том 24. №3. С. 6–16.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.

Чижевский А.А., Голубева Е.Н. Погребение №90 Мурзихинского II могильника. Трасологический анализ каменного инвентаря эпохи энеолита // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 42–51.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 80–84.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 140–163.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Сидячие погребения эпохи энеолита на территории лесостепного Притоболья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 186–191.

Информация об авторах:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

Шалапинин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ООО «Метрикум» (г. Самара, Россия); anton-shalapinin@ro.ru

REFERENCES

Agarov, D. S. 2010. In Agarov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsky Eneolithic Burial Grounds and the Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ., 258–284 (in Russian).

Agarov, S. A., Vasil'ev, I. B., Pestrikova, V. I. 1990. *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik (Khvalynsk Eneolithic Burial Ground)* Saratov: Saratov State University (in Russian).

Bogdanov, S. V. 1992. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepei (Ancient history of the Population of the Volga-Ural Steppes)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 195–205 (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 2004. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archeology of the Urals and the Volga Region) 2*. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 50–66 (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* (6), 7–12 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 58–67 (in Russian).

Korolev, A. I., Myshkin, V. N., Shalapinin, A. A. 2021. In *Oriental Studies*. Vol. 14, no 3, 515–530 (in Russian).

Potemkina, T. M. 1982. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (Volga-Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Period)*. Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 159–172 (in Russian).

Khlobystina, M. D. 1991. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 203. Moscow: "Nauka" Publ., 32–38 (in Russian).

Tsibin, V. A., Shalapanin, A. A. 2019. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)* 3 (24), 6–16 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* Vol. I. Moscow: "Nauka" Publ., 367–371 (in Russian).

Chizhesky, A.A., Golubeva, E. N. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.). (Phenomena of the Early Bronze Age cultures of the steppe and forest-steppe belts of Eurasia: ways of cultural interaction in the V-III millennium BC)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Sciences, 42–51 (in Russian).

Chizhesky, A.A., Shipilov, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 80–84 (in Russian).

Chizhesky, A.A., Shipilov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhesky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 140–163 (in Russian).

Shilov, S. N., Maslyuzhenko, D. N. 2006. In Vasil'eva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 186–191 (in Russian).

About the Authors:

Korolev Arkadii I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education. L.Tolstoy St., 47, Samara, 443010, Samara, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

Shalapinin Anton A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, "Metricum" LLC/ 443081, Samara, Karl Marx Ave., 288, sq. 70. Russian Federation; anton-shalapinin@ro.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.328.338>

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ РАСКОПОК А.С. БАШКИРОВА НА БАРБАШИНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ В 1921 Г. В ФОНДАХ СОИКМ ИМ. П.В. АЛАБИНА

© 2023 г. Н.И. Глазистова

Барбашинский могильник расположен на территории г. Самары и является крупнейшим некрополем золотоордынского периода в Самарском Заволжье. Раскопки А.С. Башкирова в 1921 г. стали первым масштабными исследованиями на памятнике, однако полевая и отчетная документация о них в архивах не найдена. В статье отражены результаты предварительного изучения материалов из раскопок А.С. Башкирова на Барбашинском могильнике в 1921 г. в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина, предпринята попытка их систематизации и рассмотрения в контексте золотоордынских древностей Самарского Заволжья. Также представлена информация об отдельных категориях предметов и наиболее выразительных комплексах, уточнена половозрастная принадлежность погребенных на основании анализа инвентаря. Предметы из коллекции А.С. Башкирова датируются второй половиной XIII – серединой XIV в. Они находят аналогии в древностях мордовских могильников золотоордынского времени Самарского Заволжья и других регионов.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Золотая Орда, мордва, Барбашинский могильник, А.С. Башкиров.

TO CHARACTERISTICS OF THE COLLECTIONS FROM THE EXCAVATION BY A.S. BASHKIROV AT THE BARBASHINSKY BURIAL GROUND IN 1921 IN THE FUNDS OF THE SAMARA MUSEUM FOR HISTORY AND REGIONAL STUDIES NAMED AFTER P.V. ALABIN

N.I. Glazistova

The Barbashinsky burial ground is located on the territory of Samara City and is the largest necropolis of the Golden Horde period in the Samara trans-Volga region. The excavation by A.S. Bashkirov in 1921 was the first large-scale research of this archaeological site. However the field archaeological reports are missing in the archives. This article represents the results of a preliminary study of materials from the excavations of A.S. Bashkirov at the Barbashinsky burial ground in 1921 repositied in the funds of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. An attempt was made to systematize and consider them in the context of the Golden Horde antiquities of the Samara trans-Volga region. Information is also presented on individual categories of artifacts and the most expressive complexes, the gender and age of the buried persons were specified according to the analysis of the inventory. Items from the collection of A.S. Bashkirov are dated back to the second half of the XIII – the middle of the XIV century, and can be compared to the antiquities of the Mordovian burial grounds of the Golden Horde period of the Samara trans-Volga region and other regions.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, Golden Horde, the mordvins, Barbashinsky burial ground, A.S. Bashkirov.

Среди археологических памятников г. Самары особое место занимает Барбашинский могильник, крупнейший некрополь золотоордынского периода в Самарском Заволжье. В фондах СОИКМ им. П.В. Алабина хранятся 10 коллекций из раскопок на могильнике, проводившихся в разные годы с начала XX в. до начала XXI в.

Барбашинский могильник расположен на территории современного г. Самары на левом берегу р. Волги. В начале XX в. на месте памятника находились дачи, Дом отдыха речников. В непосредственной близости от некрополя в устье Барбашина оврага известно местонахождение каменных орудий и золотоордынское селище XIV в.

История изучения памятника насчитывает более столетия. Первые раскопки здесь были организованы В.Н. Глазовым в 1907 г. и В.А. Миллером в 1908 г. (Археологические исследования, 2011, с. 4–10). В дореволюционный период в разные годы исследования на Барбашинском могильнике проводили краеведы и члены Самарского археологического общества К.П. Головкин, Г.О. Досталь, П.Н. Ефимов, Ф.Т. Яковлев (Археологические памятники Самары, 2012, с. 4).

Первые планомерные научные изыскания на памятнике осуществлялись под руководством профессора Самарского университета А.С. Башкирова в 1921 г. Университет ассигновал на проведение этих раскопок один миллион рублей, Алексей Степанович подготовил к печати статью «Археологические раскопки могильника Барбашинской Поляны около Самары летом 1921 г.», однако работа не была опубликована (Кузьминых, Белозерова, 2017, с. 198, 199).

Следующий этап изучения памятника ознаменовался проведением масштабных раскопок под руководством Б.А. Латынина в 1935 г. (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 13–21). В 2011–2013 гг. четыре раскопа было заложено Д.А. Сташенковым в пределах санатория им. В.П. Чкалова на Барбашинской поляне (Сташенков, 2014б, с. 5–34).

Археологические материалы из раскопок на Барбашинском могильнике в XX в. привлекают внимание современных исследователей и постепенно вводятся в научный оборот, однако обобщающей работы о памятнике пока нет. Материалы из раскопок А.С. Башкирова опубликованы частично: некоторые итоги его деятельности и общий анализ вещевого материала представлены в статье Д.А. Сташенкова (Сташенков, 2014а, с. 326–329), наиболее выразительные предметы вошли в каталог, посвященный археологическим памятникам Самары (Археологические памятники Самары, 2012, с. 112, 113 и др.), колчаные накладки из погребений рассматриваются в работе Н.В. Малиновской (Малиновская, 1974, с. 132–175).

В настоящей статье отражены результаты предварительного анализа двух коллекций А.С. Башкирова и предпринята попытка систематизации археологических материалов для рассмотрения их в общем контексте древностей памятника.

В отличие от исследований и любительских сборов предшественников, работы А.С. Башкирова отличались масштабностью: им было исследовано не менее 71 грунтового захоронения второй половины XIII – середины XIV вв. Информация о точном местонахождении раскопа 1921 г., площади исследованной территории, ориентировке костяков до нас не дошла, поскольку отчетная и полевая документация А.С. Башкирова о раскопках на Барбашинском могильнике, к сожалению, в архивах не обнаружена. Любопытно, что уже в 1935 г. в дневнике Б.А. Латынина имеется запись: «При определении места для раскопок пришлось отказаться от всего двора, прилегающего к столовой Д.О.В. (Дома отдыха водников), т. к. он почти целиком, за исключением отдельных кусков, перерыт парниками, переносившимися с места на место. На ней же, по указанию старожилов, были произведены и раскопки 1920 г. – Башкировым, планы которых, к сожалению, в Куйбышеве не сохранились» (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 41). Судьба архива А.С. Башкирова о работах на Барбашинской поляне по сей день остается неясной, однако современные исследователи продолжают вести кропотливую работу по восстановлению малоизвестных событий его биографии и не теряют надежды рано или поздно обнаружить документацию о раскопках в Самарской губернии (Сташенков, 2021, с. 155).

В фондах СОИКМ им. П.В. Алабина хранятся две коллекции из раскопок А.С. Башкирова – КМК КП-15 и КМК КП-61, содержащие в общей сложности около 600 предметов. Как и многие музейные собрания прошлого века, эти коллекции имеют непростую судьбу: в течение столетия они неоднократно подвергались инвентаризации (1938 г. (?), 1948 г. и 1956 г.), музей три раза переезжал в другие здания, что создавало дополнительные потрясения для предметов.

На момент поступления в фонды Самарского губернского музея коллекция из раскопок А.С. Башкирова включала антропологический материал, вещевой инвентарь, органические материалы (остатки кожаной обуви, коры, луба, фрагменты тканей на украшениях). В 1948 г. несколько предметов из раскопок А.С. Башкирова были переданы в краеведческий музей г. Сызрань (акт от 7 октября 1948 г.). В 1956 г. была проведена инвентари-

зация музейных предметов, и часть коллекции А.С. Башкирова была исключена из фондов музея. Антропологический материал, кроме нескольких черепов, был изъят из коллекции, и судьба его неизвестна. Вышеперечисленные обстоятельства создают определённые сложности в работе с наследием А.С. Башкирова.

По причине утраты полевой и отчетной документации о раскопках на Барбашинной поляне в 1921 г., единственным доступным для исследовательской работы документом является Книга учета экспонатов археологических коллекций музея, содержащая описание материалов из раскопок А.С. Башкирова. Согласно ей, на момент инвентаризации в 1936 г. в коллекции КМК КП-15 насчитывалось 504 инвентарных номера (фактически предметов значительно больше, поскольку комплекты из нескольких предметов записывались под одним номером), из них несколько уже отсутствовало на момент переписи (№№ даны с пометкой «отсутствует»).

Опись в Книге учета экспонатов составлена последовательно, по погребениям, для каждого захоронения описан вещевой инвентарь, в некоторых случаях указано местоположение предметов относительно костей («на фалангах», «2 лучевые кости человека, на которых были надеты браслеты»), зафиксировано наличие детских костей в захоронениях, указано наличие остатков кожаной обуви (погр. №№ 6, 11, 16, 15), бляшек с фрагментами кожаного ремня (погр. №№ 57, 3), луба с остатками материи (погр. №№ 10, 14). В документе указывается сохранность предметов на момент составления описи: «обломки», «со следами ткани», «сломан на 2 части», «поломаны», «сохранилась половина», «кости пальца, позеленевшие от перстня».

Ориентировка погребенных и положение костяков в Книге учета экспонатов не зафиксированы. В документе отсутствует информация о семи погребениях (№№ 1, 2, 17, 49, 50, 56, 60); предположительно, они могли быть безынвентарными или разрушенными. В общей сложности в описи содержится информация о 64 погребениях, материал из которых сохранен и доступен для исследования.

По мнению Д.А. Сташенкова, площадь раскопа А.С. Башкирова в 1921 г. составляла не менее 208 квадратов (около 800 кв. м), соотношение женских и мужских погребений

составляло 45:17, т.е. женских было в 2,6 раз больше (Сташенков, 2014а, с. 328). Детальное изучение вещевого материала из захоронений позволило определить половозрастную принадлежность погребенных следующим образом: мужчины – 19, женщины – 29, дети – 3 (в Книге учета экспонатов указано наличие детских костей в погр. №№ 4 и 26, также в погр. №8, возможно, являвшимся захоронением взрослого с ребенком), неопределенные – 13 (женщины или дети).

На сегодняшний день коллекция КМК КП-15 из раскопок А.С. Башкирова в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина весьма выразительна и содержит более 500 предметов: глиняную посуду и ее фрагменты (около 15 сосудов), бронзовые котлы (2 шт.), предметы вооружения и снаряжения всадника (35 шт.), бытовые предметы (15 шт. – кресала, ножи, костяная рукоять ножа), украшения (более 420 шт.), орудия труда (более 20 шт.), среди которых пешня, мотыга, рыболовный крючок, глиняные пряслица (7 шт.), точильные камни, железные топоры (11 шт.).

Для женских комплексов характерно наличие украшений, глиняных сосудов, пряслиц. Украшения представлены серебряными и бронзовыми щитковыми перстнями, браслетами из бронзы и серебра (40 шт.) различных типов, среди которых встречаются проволочные витые, пластинчатые с геометрическим орнаментом, дрововые (рис. 1: 10–13), цепочками, в некоторых случаях с желудевидными подвесками (рис. 1: 3), круглыми (170 шт.) и лопастными (63 шт.) сьюльгами (рис. 1: 1, 2, 4, 8), бусами из полудрагоценных камней (рис. 1: 7), стеклянными бусами и бисером (16 низок и около двух десятков одиночных бус, рис. 1: 6, 9), подвесками из клыков хищников (20 шт.), костей поросенка, кабана, волка (20 шт.) и раковин каури (46 шт., рис. 1: 5). В единичных случаях в захоронениях женщин встречаются восьмеркообразные застежки, кольцевидные серьги с закрученными в спираль концами (6 шт.), серьги в виде знака вопроса с многогранным грузиком на конце (2 шт.), пуговица с бирюзовой поливой (1 шт.), перламутровые пронизки квадратной формы (2 низки). В женском погр. №15 была найдена стеклянная подвеска в виде топорика. Частью погребального инвентаря женщин были лепные плоскодонные неорнаментированные сосуды баночной и горшковидной

Рис. 1. Инвентарь из женского погребения № 64: 1–2 – сюльгамы круглые; 3 – цепочка; 4, 8 – сюльгамы лопатные; 5 – подвески из раковин каури; 6 – бусина стеклянная орнаментированная; 7 – бусина сердоликовая; 9 – низка стеклянных бус; 10–13 – браслеты. 1–4, 8, 10–13 – бронза.

Fig. 1. Finds from the female burial № 64: 1–2 – round clasps; 3 – chain; 4, 8 – paddle clasps; 5 – shell pendants; 6 – ornamental bead of glass; 7 – bead of cornelian; 9 – necklace; 10–13 – bracelets. 1–4, 8, 10–13 – bronze.

формы, в основном фрагментарной сохранности.

В мужских захоронениях часто присутствуют предметы быта и орудия труда: кресала двулезвийные подпрямоугольные (3 шт., рис. 2: 6) и калачевидные (1 шт.), ножи с прямой спинкой (11 шт., рис. 2: 4), клиновидные и лопатные топоры (11 шт.). Нередки в погребениях мужчин предметы воинской атрибути-

ки и конского снаряжения: стремена арочной формы (2 шт.), двусоставные кольчатые удила (4 шт., рис. 2: 1), железные кольца, вероятно, являвшиеся частью упряжи или снаряжения всадника (10 шт.), черешковые наконечники стрел типа срезней (4 шт., рис. 2: 3) и ромбовидной вытянутой формы (4 шт., рис. 2: 2), искусно орнаментированные костяные колчаные накладки (4 фрагмента), пряжки прямоугольной

Рис. 2. Инвентарь из мужского погребения № 47: 1 – удила; 2, 3 – наконечники стрел; 4 – нож; 5 – пряжка; 6 – кресало, 7, 8 – костяные предметы. 1–6 – железо.

Fig. 2. Finds from the male burial № 47: 1 – horse bits; 2, 3 – arrowheads; 4 – knife; 5 – buckle; 6 – fire lighter; 7, 8 – bone objects. 1–6 – iron.

Рис. 3. Инвентарь из детского погребения № 26: 1 – сьюльгама круглая; 2 – бусы. 1 – бронза, 2 – стекло, кашин.

Fig. 3. Finds from the child's burial №26: 1 – round clasp; 2 – beads. 1 – bronze, 2 – glass, Kashin (stonepaste).

(рис. 2: 5) и круглой форм (5 шт.). В нескольких погребениях сохранились мужские поясные наборы, состоящие из накладок в виде полумесяца и розеток, закрепленных на кожаной основе (погр. №№ 30, 52, 65), кольцевидные и лопастные сьюльгамы. Примечательными предметами в коллекции А.С. Башкирова являются бронзовые котлы из мужских погребений №№ 65, 66.

Реже в мужских захоронениях встречались подвески из клыков хищников, фрагменты костяных предметов (рис. 2: 7, 8), рыболовные крючки (погр. №11), наконечники копья (погр. № 66), точильные камни, стеклянные бусы (возможно, представляющие собой женские дары). Примечательной находкой является металлическая накладка с изображением дракона из мужского погр. № 8.

Рис. 4. Инвентарь из погребения № 8: 1 – перфоратор; 2 – отщеп; 3 – осколок гальки; 4 – фрагмент отщепа; 5 – накладка; 6 – бусина; 7 – браслет; 8, 9 – сюльгамы круглые; 10 – перстень; 11 – нож. 1–4 – кремний; 5, 7, 8–10 – бронза; 6 – кашин; 11 – железо.

Fig.4. Finds from the burial № 8: 1 – perforator; 2 – flake; 3 – sliver of pebble stone; 4 – flake fragment; 5 – plate (belt mount); 6 – bead; 7 – bracelet; 8, 9 – round clasps; 10 – finger ring; 11 – knife. 6 – Kashin (stonepaste).

Детские захоронения на раскопе А.С. Башкирова единичны: согласно записям в Книге учета экспонатов, детские кости встречались в трех погребениях (погр. №№ 4, 8, 26). Все детские захоронения являлись одиночными, коллективных погребений детей не зафиксировано. Погребальный инвентарь детей включал кольцевидные серьги с загнутыми концами, пластинчатые браслеты, стеклянные и кашинные бусы, одиночные и входившие в состав ожерелий (рис. 3:

2), лопастные и круглые сюльгамы (рис. 3: 1), подвески из раковины каури.

В засыпях некоторых погребений находились каменные орудия, вероятно, попавшие в средневековые могильные ямы из разрушенных слоев более ранних эпох. В заполнении погр. № 8 были найдены отщеп (рис. 4: 2), осколок гальки (рис. 4: 3), фрагмент отщепа – дистальная часть из мягкого кварцита (рис. 4: 4), проколка-перфоратор с регулярной краевой ретушью по обеим сторонам с прио-

Рис. 5. Инвентарь из мужского погребения № 66: 1 – пешня, 2 – топор, 3 – мотыга, 4 – колчаные накладки.
1–3 – железо, 4 – кость.

Fig. 5. Finds from the male burial № 66: 1 – pick; 2 – axe; 3 – mattock; 4 – quiver pads.
1–3 – iron, 4 – bone.

стренным основанием (рис. 4: 1). Каменные предметы встречались также в засыпях других захоронений: осколок (погр. № 58), проксимальная часть отщепы (погр. № 65), пластина (погр. № 65).

Несколько комплексов из раскопок А.С. Башкирова выделяются неординарностью, на них следует остановиться подробнее. Погр. № 8 было интерпретировано нами как захоронение взрослого с ребенком, на что указывают как антропологические, так и вещевые находки: в описи под номером КП-15/79 в Книге учета экспонатов указаны «кости кисти детской руки» (не сохранились в коллекции), КП-15/88 – «череп человека с челюстью», определенный И.Р. Газимзяновым как череп мужчины 20–30 лет (Газимзянов, 2010, с. 167). Вещевой инвентарь из захоронения характеризуется наличием как мужского компонента (ромбовидная накладка с зооморфным изображением (рис. 4: 5), железный нож (рис. 4: 11), сьюльгамы (рис. 4: 8, 9), так и детского набора

(кашинная бусина с бирюзовой поливой (рис. 4: 6), браслетик малого диаметра или сьюльгам (рис. 4: 7). В погр. № 8 также находился бронзовый перстень малого диаметра с овальным щитком, на котором изображена кисть руки (рис. 4: 10), являющийся подражанием перстням-печатям и отсылающий к религиозной семантике (Олейников, 2021, с. 277). На основании вышеуказанных данных можно допустить, что данное погребение являлось парным захоронением мужчины и ребенка.

Обращает на себя внимание вещевой комплекс из погр. № 66, включающий железный нож, два бронзовых кольца, железную обойму, фрагменты искусно орнаментированных костяных колчаных накладок (рис. 5: 4), железный топор (рис. 5: 2), мотыгу (рис. 5: 3), пешню (рис. 5: 1), медный котел с железной ручкой, а также две стеклянные бусины, бронзовую сьюльгаму, глиняное пряслице и фрагменты глиняных лепных сосудов. По причине отсутствия в коллекции антропологического

Рис. 6. Инвентарь из погребения № 67: 1 – сьюльгама лопастная; 2 – серьга; 3 – бусы; 4 – накладка; 5 – кольцо; 6, 7, 8 – подвески. 1, 2 – бронза; 3 – стекло; 7, 8 – кость.

Fig. 6. Finds from the burial № 67: 1 – paddle clasp; 2 – earring; 3 – beads of glass; 4 – bronze object; 5 – ring; 6, 7, 8 – bone pendants. 1, 2 – bronze; 3 – glass; 7, 8 – bone.

материала из погр. № 66, невозможно достоверно утверждать, было данное захоронение (или подзахоронение) парным или же его можно интерпретировать как мужское захоронение с женским сопровождающим комплексом.

Интерес представляет погр. № 67 (предположительно, женское), инвентарь которого включает бронзовую лопастную сьюльгаму (рис. 6: 1), железное кольцо (рис. 6: 5), кольцевидную серьгу с загнутым концом (рис. 6: 2), стеклянные орнаментированные бусины (рис. 6: 3), плоский бронзовый кружок с отверстием (рис. 6: 4), а также выразительный

набор подвесок из костей животных (рис. 6: 6–8). По данным остеологического анализа, проведенного к.б.н. В.В. Гасилиным, видовая принадлежность животных следующая: фаланги волка – 5 шт., таранные кости поросенка – 4 шт., фаланги молодой свиньи (кабана) – 3 шт., плюсневые кости волка – 6 шт., берцовая кость молодого кабана или свиньи – 1 шт. Костяные привески, по всей видимости, являлись частью ожерелья и носили ритуальный характер.

Отметим, что наличие подвесок из просверленных костей животных характерно для погребений Барбашинского могильника,

исследованных и в другие годы. Из раскопок Б.А. Латынина в 1935 г. известно погребение ребенка 6–8 лет (раскоп D, погр. № 45), инвентарь которого состоял из стеклянных бус, двух бронзовых сьюлгам, шести подвесок из просверленных пяточных костей мелкого млекопитающего, клыка мелкого хищника (возможно, лисицы), составлявших ожерелье (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 95).

В фондах СОИКМ им. П.В. Алабина хранится еще одна небольшая коллекция (30 предметов) из раскопок А.С. Башкирова в 1921 г. на Барбашинской поляне, включающая и материалы любительских раскопок (КМК КП-61). К сожалению, полевая и отчетная документация по ней также отсутствует, точное местонахождение большинства находок неизвестно. Предметы аналогичны инвентарю из раскопок на Барбашинском могильнике других лет: глиняные лепные плоскодонные сосуды баночной и горшковидной формы без орнамента, клиновидный железный топор, двулезвийное подпрямоугольное кресало, лопастные и круглые сьюлгамы, пластинчатый бронзовый браслет, орнаментированный мелкими насечками по краям, глиняное пряслице, железный нож, наконечник стрелы ромбовидной формы, двойная бусина из синего стекла, бронзовая обойма.

Вещевой инвентарь из раскопок А.С. Башкирова в 1921 г. на Барбашинском могильнике отражает специфику материальной культуры и погребального обряда оставившего его населения, является типичным для мордовских памятников золотоордынского периода, укладываемых в хронологические рамки второй половины XIII – середины XIV в. Наличие серебряных украшений в некоторых захоронениях указывает на статусность погребенных людей.

Предметы из раскопок А.С. Башкирова находят близкие аналогии в мордовских могильниках второй половины XIII – середины XIV в. Самарского Заволжья и других реги-

онов: Муранском (Алихова, 1954, с. 259–301; Гисматулин, 2022, с. 181–186), Кузькинском (Сташенков, 2019, с. 413–432), Усинском II могильнике Самарской области (Васильева, 1993, с. 63–66); Комаровском (Моржерин, 2013, с. 140–178) и Аткарском могильниках Саратовской обл. (Монахов, 1991, с. 167–187); в древностях Бокинского могильника Тамбовской обл. (Андреев, 2020, с. 151–166), а также на других участках Барбашинского могильника, исследованных в разные годы (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 142–173; Археологические исследования, 2011, с. 64–92; Сташенков, 2014б, с. 5–34).

Сохранившийся антропологический материал из раскопок А.С. Башкирова представлен 24 черепами, все они принадлежат взрослым людям. По мнению И.Р. Газимзянова, для большей части краниологической серии Барбашинского могильника характерны европеоидные черты с небольшой монголоидной примесью, преимущественно в женской группе. Комплекс относится к субуральскому варианту уральской расы (Газимзянов, 2010, с. 153). Следует отметить, что выводы относительно половой принадлежности погребенных, сделанные на основании анализа вещевого инвентаря, не всегда совпадают с заключениями антропологов. Из восьми захоронений, в которых сохранились и черепа, и вещевой материал (погр. №№ 8, 16, 20, 30, 41, 52, 57, 64) половая принадлежность на основании археологических и антропологических данных совпала лишь в 50% случаев.

Несмотря на недоступность полевой и отчетной документации о раскопках А.С. Башкирова на Барбашинском могильнике в 1921 г., фондовый материал коллекций является перспективным для исследования, требует более тщательного изучения отдельных категорий погребального инвентаря в общем контексте археологии золотоордынских памятников Поволжья.

Благодарность:

Автор выражает благодарность к.и.н. Л.В. Кузнецовой и к.и.н. К.М. Андрееву за помощь в описании предметов из камня.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 259–301.

Андреев С.И. Бокинский могильник средневековой мордвы // РА. 2020. № 2. С. 151–166.

Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2011. 96 с.

Археологические памятники Самары / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: СНЦ РАН, 2012. 160 с.

Васильева И.Н. II Усинский грунтовый могильник XIII – XIV вв. на Самарской Луке / Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 58–76.

Газимзянов И.Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краеведческие записки. Вып. XIV / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. С. 149–172.

Гисматулин М.Р. Материалы Муранского могильника в коллекции УОКМ // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 181–189.

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 196–218.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: Саратовский университет, 1991. С. 167–187.

Моржерин К.Ю. Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 140–178.

Олейников О.М. Перстни с изображением руки // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 270–289.

Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия СНЦ РАН. 2014а. Т. 16. № 3. С. 326–329.

Сташенков Д.А. Раскопки Барбашинского могильника // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2014б. С. 5–34.

Сташенков Д.А. Кузьминский мордовский могильник конца XIII-XIV вв.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 413–432.

Сташенков Д.А. Новые документы о начале научно-педагогической деятельности А.С. Башкирова // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 153–156.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Информация об авторе:

Глазистова Наталья Ивановна, главный научный сотрудник, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); ndetinkina@gmail.com

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Kuibyshev Archaeological Expedition)* Vol. I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology of the USSR) 42. Moscow: "Nauka" Publ., 259-301 (in Russian).

Andreev, S. I. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 151–166 (in Russian).

In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike (Archaeological Studies on the Territory of Samara. Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller at Barbashinsky Burial Ground)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).

In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2012. *Arkheologicheskie pamyatniki Samary (Archaeological sites of Samara)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vasil'eva, I .N. 1993. In Kovalevskaya, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara: "Artefakt" Publ., 58–76 (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XIV. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 149–172 (in Russian).

Gismatullin, M. R. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 181–189 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Belozerova, I. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 196–218 (in Russian).

Malinovskaya, N. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132–175 (in Russian).

Monakhov, S. Yu. 1991. In Mironov, V. G. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 2. Saratov: Saratov State University, 167–187 (in Russian).

Morzherin, K. Yu. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 140–178 (in Russian).

Oleinikov, O. M. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (264), 270–289 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, no. 3, 326–329 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Itogi arheologicheskikh issledovaniy v Samarskoj oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh jekspeditsij (Results of archaeological research in Samara oblast in 2013. Proceedings of scientific research)*. Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 5–34 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 413–432 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 153–156 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Aleksandrovich Latynin. Samara period of life)*. Saratov: "Novyi veter" Publ. (in Russian).

About the Author:

Glazistova Natalia I. Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore. Leninskaya Str., 142, Samara, 443041, Russian Federation; ; ndetinkina@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.339.342>

НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ XIII–XIV ВВ. В ПЕРМСКОМ КРАЕ

©2023г. А.И. Бугарчев, Н.Б. Крыласова

В работе рассматриваются контакты Волжской Булгарии с территорией Пермского Приуралья, в первую очередь, по нумизматическим данным. Авторы указывают, что в XI–XIV вв. торговый путь по реке Каме привёл к образованию факторий и городков, служивших перевалочными пунктами для болгарских и «чулыманских» купцов. Торговля осуществлялась посредством джучидских монет. Приводятся сведения о находках, опубликованных в XX в. Кроме этого, вводятся в научный оборот нумизматические материалы, найденные в XXI в., общим числом 9 экземпляров. Это три серебряные и шесть медных монет, чеканенные в середине – второй половине XIII в. Восемь из них выпущены на монетных дворах Булгарского региона, один дирхам отнесён к сарайской чеканке. Среди мест находок указываются Рождественское городище и город Соликамск.

Ключевые слова: археология, нумизматика, XIII–XIV в., дирхам, динар, Булгар, Пермское Приуралье, Рождественское городище.

FINDS OF JUCHID COINS OF THE XIII–XIV CENTURIES IN PERM REGION

A.I. Bugarchev, N.B. Krylasova

The work considers the contacts of the Volga Bulgaria with the territory of the Perm Urals, primarily according to numismatic data. The authors indicate that in the XI–XIV centuries trade route along the Kama River led to the formation of trading stations and towns that served as transshipment points for the Bulgarian and "Chulyman" merchants. Trade was carried out through Juchid coins. Information is given about the finds published in the XX century. In addition, materials of the XXI century amounts a total of 9 copies. These are three silver and six copper coins minted in the middle – second half of the XIII century. Eight of them were issued at the mints of the Bulgarian region, one dirham was assigned to the Saray coinage. Among the places of finds, the Rozhdestvensk hillfort and are indicated Solikamsk.

Keywords: archaeology, numismatics, XIII–XIV centuries, dirham, dinar, Bulgar, Perm Urals, Rozhdestvensk hillfort.

Связи Среднего Поволжья и Пермской земли по нумизматическим данным известны с X в. Находки куфических дирхамов в виде кладов и единичных находок приводятся в известной работе А.К. Маркова (Марков, 1910). Впоследствии в результате археологических исследований на поселениях и в особенности в могильниках, было обнаружено значительное количество дирхамов, в том числе – болгарской чеканки. Период X–XII вв. характеризуется тесными взаимовыгодными отношениями населения Пермского Предуралья с Волжской Булгарией, на что кроме нумизматического материала указывают многочисленные вещевые находки, а также факт возникновения на Пермской земле болгарских торгово-ремесленных факторий, среди которых особое место занимает Рождественское городище. Об активной торговле

свидетельствуют многочисленные находки весов и различного вида гирек, в частности, на Рождественском городище (Крыласова, 2003, с. 144–149).

Но с началом ордынского периода эти связи резко ослабевают. Материалы ордынского времени на территории Пермского Предуралья представлены единичными находками. На Рождественском городище это отдельные типы бус, бронебойных наконечников стрел, бронзовая деталь хороса, аналогичная находке в золотоордынском Увече (Белавин, Крыласова, 2008, с. 333, с.508), пара медных позолоченных сережек (Крыласова, 2021, рис. 10/А: 3–4). Ослабление контроля за землями, некогда включенными в сферу экономических интересов Волжской Булгарии, способствовало тому, что сюда все активнее начали проникать выходцы из Руси.

Рис. 1. 1 – анонимный, чекан Сарая, вес 0,79 г.; 2 – анепиграфный, без указания монетного двора, вес 1,03 г.; 3 – медный динар с именем ан-Насира, без указания монетного двора, вес 3,13 г.; 4 – медный динар, перечекан с именем каана Мунке, Булгар, вес 2,67 г. Изображения даны без масштаба.

Fig. 1. 1 – anonymous, minted Sarai, weight 0.79 g.; 2 – anepigraphic, without specifying the mint, weight 1.03 g.; 3 – copper dinar with the name of an-Nasir, without specifying the mint, weight 3.13 g.; 4 – copper dinar, re-minted with the name of KaanMunke, Bulgar, weight 2.67 g. Images are given without scale.

Вопросы взаимоотношений населения Пермских земель и Золотой Ордой пока остаются слабо изученными. Поэтому вновь обнаруженный нумизматический материал представляет значительный интерес.

В первой половине XIII века после долгого перерыва в Булгаре были выпущены серебряные и медные монеты. Находки булгарских динаров фиксируются на большой территории – от Иски-Казани на севере до Муранского селища в Самарском Поволжье. На северо-востоке джучидские монеты зафиксированы в Пермском крае. Об этом факте писал известный московский археолог и нумизмат Г.А. Фёдоров-Давыдов. Он указывал на Кудымкарское и Рождественское городища, где были обнаружены экземпляры монет 1251–1259 гг. (то есть с именем каана Мунке). Джучидские монеты обнаружены в г. Чердынь (Фёдоров-Давыдов, 1963, с. 202). Здесь в 1851 г. был найден клад серебряных монет XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 1960, №71). Без подробной атрибуции указаны клады из п. Ташьялудский (находка 1888 г.) и из Чердынского уезда (Фёдоров-Давыдов, 1960, №№290–291).

В XXI веке в результате археологических исследований в Пермской крае нумизматическая база данных пополнилась новой инфор-

мацией. Было найдено три серебряных и шесть медных булгарских монет середины – второй половины XIII в. Подавляющее большинство из них было обнаружено в процессе исследования Рождественского городища, в особенности – в пределах мастерской медника XII–XIII вв., раскапывавшейся в 2018–2019, 2021–2022 гг., где найдены одна серебряная и 4 медные монеты, часть которых уже опубликована (Крыласова, 2021, с. 182) – это дирхам Сарая и два медных динара с именем ан-Насира (Крыласова, рис. 10/1-3).

В целом мы можем говорить о девяти монетах XIII–XIV вв. Приведём их опись.

Серебряные монеты

1. С именем монгольского каана Мунке. Монеты чеканились в Булгаре в период правления каана в 1251–1259 гг.

2. Анонимный, Сарай, вес 0,79 г (№616) (Сычёв, 2022, с. 27, FA 01-FR 02). Данные анонимные фракции выпускались в 671–674 гг.х. (1271–1276), то есть в правление первого золотоордынского хана Менгу-Тимура (665–681 / 1266–1281) (рис. 1: 1).

3. Анепиграфный, С/140¹, вес 1,03 г. Найден в Соликамске. Для датировки дирхама важен факт находки клада 29А, в состав которого входили четыре экземпляра С/140 (Бугарчев,

2020, с. 80–83). Исходя из анализаклада, мы сделали вывод, что монеты С/140 чеканились в период 1300–1320 гг. (Бугарчев, 2020. с. 83) (рис. 1: 2).

Медные монеты

4. С именем ан-Насира (1240-е гг.).
5. С именем ан-Насира, вес 3,13 г. (рис. 1: 3).
6. С именем ан-Насира, вес 3,25 г.
7. С именем ан-Насира.
8. Мунке (1250-е гг.), вес 2,67 г. (рис. 1: 4).
9. Мунке, вес 1,16 г.

Медные динары с именем покойного багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха стали чеканиться в Волжской Булгарии, по нашим представлениям, в 1230-е гг. В 1251 г. или чуть позднее, с приходом к власти Мунке, медные динары стали перечеканиваться новыми штемпелями с именем и тамгой нового правителя. Как место чеканки указывался монетный двор Булгар. Динары и перечеканенные монеты распространились по всей территории Волжской Булгарии. Именно такие монеты появились на территории Пермского края в середине–второй половине

XIII века. Небольшое их количество свидетельствует о значительном ослаблении экономических контактов со Средним Поволжьем в ордынский период. Тем не менее, сейчас можно говорить о сохранении монетного обращения, которое в XIII в. осуществлялось болгарской чеканной продукцией.

Торговый путь по реке Каме подробно исследован А.М. Белавиным (Белавин, 2006, с. 326–330). По его предположению, к XI в. практически всё Прикамье входило в Волжскую Булгарию, став её «финно–угорской периферией» (Белавин, 2006, с. 327). Возникшие на Камском пути болгарские фактории и городки функционировали, предположительно, до XIV века. Они служили перевалочными пунктами для товаров, представлявших интерес для купцов из Пермской земли – «купцов Чулыманских», а также для болгарских торговцев. В частности, тот факт, что Рождественское городище продолжало функционировать в первой половине XIV в., подтверждают находки брактеата эмира Насра II (1301–1320 гг.) и дирхама хана Узбека, чеканенного в 1323 г. в Сарая (Вильданов, 2008, с. 540–541).

Примечание:

Шифр определен по монографии А.З. Сингатуллиной (2003).

ЛИТЕРАТУРА

- Белавин А.М. Камский торговый путь // История татар с древнейших времен. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. С. 326–330.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский фил. Института истории и археологии УрО РАН, 2008. С. 515–535.
- Бугарчев А.И. О кладе болгарских монет начала XIV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года. Москва, 25 и 26 ноября. / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 79–85.
- Вильданов Р.Ф. Монеты из сборов и раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Приложение. Пермь: Пермский фил. Института истории и археологии УрО РАН, 2008. С. 536–542.
- Крыласова Н.Б. Разновесы из коллекции Рождественского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 145–151.
- Крыласова Н.Б. Мастерская болгарского ремесленника–медника на Рождественском городище // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 169–185.
- Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. 149 с.
- Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.
- Сычёв Ю.В. Чеканное серебро Сарая и Укека XIII – начала XIV вв. (поштемпельный анализ). Саратов: Амирит, 2022. 154 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 165–221.

Информация об авторе:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, (г. Казань, Россия); Abugar.61@rambler.ru

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; n.krylasova@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M. 2006. In F. Sh. Khuzin (ed.). *Istoriia tatar (History of the Tatars)* Vol. II. Kazan: “RukhIL” Publ., 326–330 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Bugarchev, A. I. 2020. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia 2020 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2020)*. Moscow: State Historical Museum, 79–85 (in Russian).

Vil'danov, R. F. 2008. In Belavin, A. M., Krylasova, N. B. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University, 536–542 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2003. In Starostin, P. N. (ed.). *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (From Archaeology of the Volga and Cis-Urals Region)*. Kazan: “RITs “Shkola” Publ., 145–151 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 169–185 (in Russian).

Markov, A. K. 1910. *Topografiia kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh) (Topography of Hoards of Oriental (Sassanid and Kufic) Coins)*. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

Sychev, Yu. V. 2022. *Chekannoe srebro Saraya i Ukeka XIII – nachala XIV vv. (poshtempel'nyy analiz) (Sarai and Ukek minted silver coins of the XIII – early XIV centuries (stamp analysis))*. Saratov: “Amirit” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* Vol. I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1963. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* Vol. IV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 9165–221 (in Russian).

About the Authors:

Bugarchev Alexey I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.343.357>

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ НА ТЕРРИТОРИИ Г. САМАРЫ: АНАЛИЗ ТОПОГРАФИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ

©2023 г. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина

На территории современного города Самара известно около 50 памятников археологии всех эпох – от палеолита до Нового времени. При картографировании памятников четко выявляется приуроченность памятников определенных эпох к различным топографическим зонам. Памятники эпохи палеолита и мезолита в черте города сосредоточены в основном на волжской террасе, неолита – в пойме и на первой надпойменной террасе р. Самара. Поселения бронзового века зафиксированы как на первой волжской террасе, так и преимущественно по правому и левому берегу Самара, а также в районе карстовых озер на водоразделах. Большинство поселений этой эпохи оставлено населением срубной культуры. Археологические памятники раннего железного века и раннего средневековья на территории города представлены поселениями, разрозненными погребениями, а также случайными находками. Поселения выявлены на первой волжской террасе, погребения кочевого населения приурочены либо к самарской пойме, к пойменным озерам, либо к карстовым озерам на водоразделах. Памятники золотоордынского времени выявлены на первой террасе Волги. Учет закономерностей расположения археологических памятников будет полезен при планировании археологических работ в зоне хозяйственного освоения. Современное состояние ряда памятников позволяет при условии заинтересованности муниципалитета использовать их для популяризации археологического наследия, в том числе через создание музефицированных комплексов. Первый опыт подобных работ в Самаре уже имеется. Важно оценить, насколько эти попытки соответствуют современным представлениям о музефикации археологических объектов в городском пространстве.

Ключевые слова: археология, город Самара, объекты археологического наследия, картография, охрана историко-культурного наследия, музефикация.

ARCHAEOLOGICAL SITES ON THE TERRITORY OF SAMARA: TOPOGRAPHY ANALYSIS AND PROSPECTS FOR CONSERVATION

D.A. Stashenkov, A.F. Kochkina

On the territory of the modern city of Samara, there are about 50 archaeological sites of all eras – from the Paleolithic to Modern times. When mapping sites, it is clearly revealed that the sites of certain epochs are confined to various topographic zones. The sites of the Paleolithic and Mesolithic era in the city are concentrated mainly on the Volga River terrace, the Neolithic – in the floodplain and on the first floodplain terrace of the Samara River. Settlements of the Bronze Age are recorded both on the first Volga River terrace, and mainly on the right and left banks of Samara River, as well as in the area of karst lakes on watersheds. Most of the settlements of this era were left by the population of the Srubnaya culture. Archaeological sites of the Early Iron Age and the Early Middle Ages on the territory of the city are represented by settlements, scattered burials, as well as random finds. Settlements have been identified on the first Volga River terrace, the burials of the nomadic population are confined either to the Samara floodplain, to floodplain lakes, or to karst lakes on watersheds. Sites of the Golden Horde time were revealed on the first terrace of the Volga River. Taking into account the regularities of the location of archaeological sites will be useful when planning archaeological work in the zone of economic development. The current state of a number of sites allows, subject to the interest of the municipality, to use them to popularize the archaeological heritage, including through the creation of museum complexes. The first experience of such work in Samara is already available. It is important to assess how these attempts correspond to modern ideas about the museumification of archaeological sites in urban space.

Keywords: archaeology, Samara city, archaeological heritage sites, cartography, protection historical and cultural heritage. museumification.

Территория города Самары расположена в центральной части Самарской области, в среднем течении реки Волги, напротив Самарской Луки. На занимаемом городом участке в Волгу впадают два левых притока – реки Сок и Самара. Создание Саратовского водохранилища, северная часть которого омывает территорию города Самары, на эрозионных процессах береговой линии Волги в черте города почти не отразилась.

В геоморфологическом отношении Самара находится на стыке двух провинций – Высокого Заволжья и Низменного Заволжья и, соответственно, двух районов – район террасовых долин Волги и Самары и Сокского возвышенного района с денудационно-эрозионным рельефом (Захаров, 1971, с. 51). Граница этих районов проходит в черте города, что и обуславливает специфику геоморфологической ситуации.

Первая надпойменная терраса р. Волги в районе города Самары тянется узкой полосой от юго-западной части города до ул. Полевой. С поверхности терраса сложена суглинками и глинами, подстилаемыми песками и супесями. Бровка террасы проходит по горизонтали 35–37 м.

Вторая надпойменная терраса р. Волги от устья р. Сок до р. Самара имеет ширину менее 500 м. Терраса сложена мелкими песками с подчиненными прослоями глин, которые залегают на известняках и доломитах пермских пород. В северо-восточном направлении вторая терраса поднимается и переходит в водораздельный склон, образованный выходами на поверхность коренных пермских пород. Наиболее высокая точка водораздельного плато – 145 м в балтийской системе высот.

Первая и вторая надпойменные террасы р. Самара занимают юго-восточную часть города. Наибольшей ширины (4–5 км) первая терраса достигает в районе железнодорожной станции Безымянка.

Северная часть г. Самары по своему геологическому строению входит в состав Сокского возвышенного района провинции Высокого Заволжья. Здесь расположены Соколы горы, являющиеся продолжением жигулевской дислокации. Соколы горы сложены плотными карбонатными породами казанского яруса пермской системы – доломитами с прослоями известняков, мергелей и гипса. Горы, тяну-

щиеся с юго-запада на северо-восток вдоль Волги и левого берега р. Сок, служат водоразделом, разделяющим бассейны рек Волги, Сок и Самара. Центральная часть водораздела представляет собой неширокое волнистое плато, крутой северный склон которого обращен в сторону Сока, а более пологий южный направлен к долине Самары. Поверхность плато расчленена густой овражно-балочной сетью. На Волгу выходят глубокие овраги, наиболее крупные из которых, сохранившиеся в северной и центральной частях города – Коптев, Студеный, Барбашин, Постников. В южной части города древние овраги были засыпаны в XIX–XX вв.

Водораздельные сырты на непо потревоженных участках покрыты лесом. Склоны сыртов изрезаны лощинами, имеющими вид глубоких узких долов с крупными, большей частью задернованными склонами.

На волжских террасах и террасах р. Самара распространены типичные (остаточно-луговые) черноземы, удобные для обработки.

В поймах рек Волги и Самары развита лесолуговая растительность. По балкам сохранились участки ковыльно-разнотравных степей и пойменные леса. Вблизи речного русла, на песчаных отложениях, произрастают ивняки, выше в типичной пойме представлены тополь, ветла, вяз. В сложении травяного покрова подлеска участвуют ежевика, полынь горькая и др.

История изучения археологических памятников, расположенных на территории г.о. Самара

На территории городского округа Самара выявлено около 50 памятников археологии всех эпох – от палеолитических стоянок и мастерских до поселений и некрополей золотоордынской эпохи и Нового времени (рис. 1). Нужно отметить, что в официальном списке УГООКН по состоянию на 2020 г. числилось 36 памятников – 34 выявленных объекта и 2, включенных в список объектов федерального (общероссийского) наследия (Культурное наследие..., 2000, с. 318). В последние годы число выявленных объектов постоянно увеличивается за счет включения в список участков с сохранившимся культурным слоем XIX – начала XX в., фиксируемых в ходе археологических обследований в зоне хозяйственного освоения. В настоящей работе такие участки авторы не учитывают, рассматривая их как

часть единого культурного слоя исторической Самары. Кроме того, не удалось локализовать и нанести на карту некоторые археологические памятники, выявленные в ходе разведок В.В. Гольмстен и ее учеников в 1920-е гг.

Первые археологические находки на территории современного города были совершены в 70-х годах XIX в., когда П.В. Алабин во время краеведческих экскурсий собирал предметы для городского музея. В 1895 г. в «Древностях, найденных в Самарской губернии и хранящихся в Самарском Публичном Музее» он отметил, что «в урочище Барбашина Поляна, ... на берегу р. Волги, при впадении в нее оврага ... найдены два недоделанные из кремня наконечника копий или стрел» (Алабин, 1895, с. 12). В 1907–1908 гг. в зоне дачного строительства на Барбашиной поляне, находившейся тогда в 12 верстах к северу от города Самары, В.Н. Глазовым и В.А. Миллером были проведены рекогносцировочные раскопки, выявившие остатки мордовского могильника XIII–XIV вв. (Археологические исследования..., 2011). Раскопки и сборы на Барбашинском могильнике в 1909, 1916, 1918, 1919 гг. были продолжены К.П. Головкиным, Г.О. Досталем, П.Н. Ефимовым, Ф.Т. Яковлевым (Ключникова, 1995, с. 199; Кочкина, Сташенков, 2005). В 1921 г. профессор Самарского университета А.С. Башкировым были проведены первые масштабные раскопки на Барбашинском могильнике.

Детальное изучение археологических памятников в окрестностях Самары в 1920-е годы связано с деятельностью профессора Самарского университета В.В. Гольмстен и ее учеников – М.Г. Маткина, В.П. Мизиновой, А.А. Марущенко и др. В основном проводились разведочные работы, в редких случаях – раскопки (на станции Кряж, Безымянка, в пос. Зубчаниновка).

Среди памятников, исследованных В.В. Гольмстен и ее учениками на территории современного города, особое место занимает археологический памятник Постников овраг (с 1995 г. памятник федерального значения). На территории Постникова оврага и прилегающего к нему Загородного парка в разные годы открыто 15 стоянок, мастерских, поселений разных эпох – от палеолита до средневековья.

В 1935 г. экспедицией под руководством Б.А. Латынина, высланного из Ленинграда в

Самару, проводились раскопки Барбашинского могильника, в ходе которых было исследовано 62 захоронения (Сташенков, Кочкина, 2008).

В последующие годы целенаправленных исследований на территории Самары не проводилось, однако в ходе эпизодических работ до конца XX в. было выявлено около 20 новых памятников.

С конца 1990-х гг. началось систематическое обследование участков, попадающих в зону хозяйственного освоения в городской черте. Первой масштабной археологической работой новой эпохи было исследование в 1997–1999 гг. участка Покровского городского некрополя старой Самары, попавшего в зону строительства жилого дома по ул. Братьев Коростелевых. Тогда было изучено около 600 захоронений XIX века. Охранно-спасательные работы на Покровском некрополе были продолжены в 2016, 2021 гг.

В 2006–2008 гг. археологами Самарского государственного педагогического университета, Самарского государственного университета, Института истории и археологии Поволжья производились археологические раскопки некрополя Иверского женского монастыря середины XIX – начала XX в. За четыре полевых сезона на территории некрополя было исследовано 68 склепов, в которых обнаружены останки 94 погребенных. В грунтовых погребениях были обнаружены останки 157 погребенных (Кузнецов и др., 2010).

В 2007 г. в ходе археологической экспертизы земельного участка на территории КСП «Волгарь» в Куйбышевском районе г. Самары В.А. Цибин выявил поселения Волгарь I–III. На одном из них – селище эпохи бронзы Волгарь III экспедицией Самарского государственного педагогического университета под руководством О.В. Кузьминой и М.А. Турецкого в 2008 г. было исследовано 300 кв. м.

Впоследствии в 2017 г. в этом же районе при проведении разведочного обследования в зоне предполагаемого строительства М.А. Турецким было обнаружено новое поселение эпохи бронзы – Волгарь IV (Турецкий, 2018).

В 2011–2013 гг. Д.А. Сташенковым обнаружено и обследовано селище Студеный овраг, на котором выделено несколько культурно-хронологических горизонтов – слой бронзового века, представленный фрагментами керамики вольско-лбищенского и маклашеевского

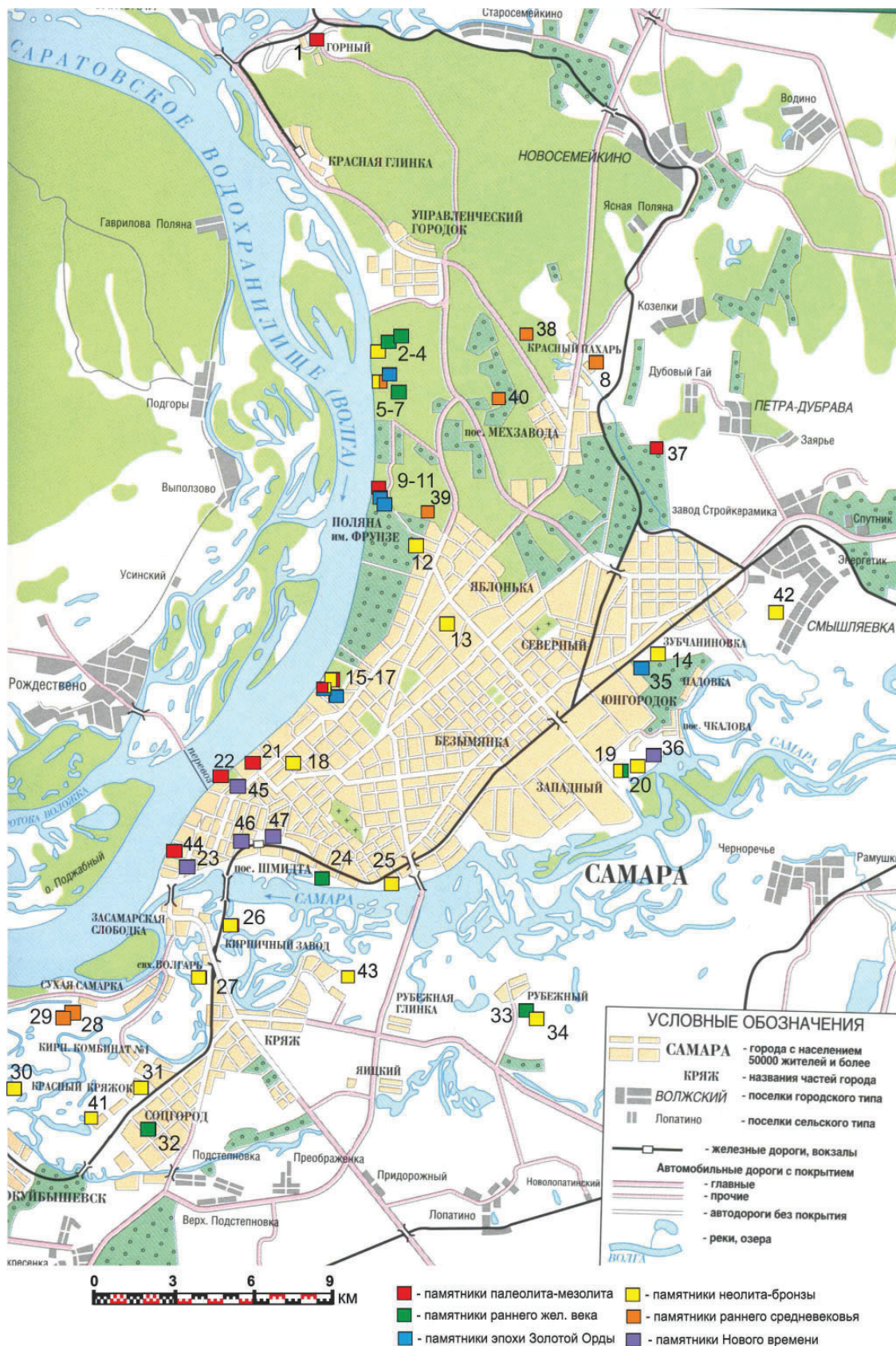

Рис. 1. Археологические памятники и места случайных находок артефактов на территории г. Самары. 1. Местонахождение кремневых изделий у горы Тип-Тяв. Мезолит; 2. Пещера Братьев Греве. Святилище. Бронзовый век; 3. Коптево городище. РЖВ; 4. Урочище Коптево овраг. Каменный жертвенник. РЖВ; 5. Селище Студеный овраг. Бронзовый век, РЖВ, раннее средневековье; 6. Местонахождения Студеный овраг 1 и 2.

Жертвенные комплексы. Золотая Орда, XIV в.; 7. Местонахождение меча-акинака. Студеный овраг. РЖВ; 8. Погребения кочевников на 23–24 км. IX в.; 9. Стоянка палеолита–мезолита в устье Барбашина оврага (Поляна им. Фрунзе); 10. Селище на Барбашинной поляне (Поляне им. Фрунзе) Золотая Орда, XIV в.; 11. Барбашинский могильник. Золотая Орда, XIV в.; 12. Курганный могильник в районе 9-й просеки. Неизвестно; 13. Селище «Воронежские озера». Бронзовый век; 14. Курганный могильник у пос. Зубчаниновка. Бронзовый век; 15. Местонахождения Загородный парк I и II. Бронзовый век; 16. Комплекс памятников в Постниковом овраге (овраг Подпольщиков). Стоянка и мастерские каменного века, поселения бронзового века, РЖВ, средневековья; 17. Захоронение кочевника на пересечении ул. лейтенанта Шмидта и Карла Либкнехта. Средневековье; 18. Погребение на ул. Первомайской. Бронзовый век; 19. Курганный могильник у хутора Истомина (у станции Безымянка). Бронзовый век, РЖВ; 20. Селище «Грачев сад». Бронзовый век; 21. Местонахождение Воскресенский спуск. Палеолит; 22. Местонахождение Ульяновский спуск. Каменный век; 23. Самарская крепость. XVI–XVII вв. Земляная крепость. XVIII в.; 24. Погребение в пос. Шмидта. РЖВ; 25. Селище «у Кирпичных Сараев». Бронзовый век; 26. Поселения Кряж II–III. Неолит – бронзовый век; 27. Поселения Волгарь I–III. Неолит – бронзовый век; 28. Погребение кочевника на 116 км. IX в.; 29. Находки из разрушенного погребения на 113 км. V в.; 30. Находка каменного тесла на 116 км. Энеолит; 31. Курганный могильник Красный Кряжок. Бронзовый век; 32. Находка меча-акинака на 116 км (Долотный переулок). РЖВ; 33. Находка меча-акинака в с. Рубежное. РЖВ; 34. Находка лепного сосуда на Южном кладбище. Бронзовый век; 35. Погребение кочевника в п. Зубчаниновка. Золотая Орда, XIV в.; 36. Фельдшанец. Станция Безымянка. XVIII в.; 37. Стоянка Орлов овраг. Каменный век; 38. Селище Озерки I. Раннее средневековье; 39. Селище «Овраг Барабаш». Средние века; 40. Селище Жигулевские сады. Бронзовый век. Раннее средневековье; 41. Селище «Озеро Большое Лебяжье». Бронзовый век; 42. Селище Smyshlyevskoe. Бронзовый век; 43. Селище Кряж III. Неолит – бронзовый век; 44. Местонахождение эпохи мезолита «21 квартал»; 45. Некрополь Иверского женского монастыря, грунтовый могильник. Новое время; 46. Покровское кладбище, грунтовый могильник. Новое время; 47. Кладбище новое православное, немецкое, военное, старое кладбище православное – Всесвятское кладбище, грунтовый могильник. Новое время.

Fig. 1. Archaeological sites and places of random finds of artifacts on the territory of the city of Samara.

1. Location of flint products at the Tip-Tyav mountain. Mesolithic; 2. The Cave of the Brothers Greve. The sanctuary. The Bronze Age; 3. Koptevo hillfort. Early Iron Age; 4. Koptev ravine tract. A stone altar. Early Iron Age; 5. Ancient village of the Studeny ravine. Bronze Age, Early Iron Age, Early Middle Ages; 6. Location of the Studeny ravine 1 and 2. Sacrificial complexes. The Golden Horde period, XIV century; 7. Location of the sword finding. The Studeny ravine. Early Iron Age; 8. 23–24 km, the burials of nomads, IX c.; 9. Paleolithic–Mesolithic site at the mouth of Barbashin ravine; 10. Settlement on Barbashina glade (Frunze Glade) Golden Horde, XIV c.; 11. Barbashinsky burial ground. The Golden Horde, XIV c.; 12. The burial mound in the area of the 9-th clearing.; 13. Ancient village "Voronezh lakes". The Bronze Age; 14. Kurgan burial ground near the village of Zubchaninovka. The Bronze Age; 15. Locations of Country Park I and II. The Bronze Age; 16. The complex of monuments in the Postnikov ravine (Podpol'shchikov ravine). Camp and workshops of the Stone Age, settlements of the Bronze Age, Early Iron Age, the Middle Ages; 17. Burial of a nomad at the intersection of Lieutenant Schmidt and Karl Liebknecht streets; the Middle Ages; 18. Burial on Pervomaiskaya Street. The Bronze Age; 19. The burial mound at the Istomin farm (at the Bezymyanka station). Bronze Age, Early Iron Age; 20. The village "Grachev garden". The Bronze Age; 21. Location of the Voskresensky descent. Paleolithic; 22. Location Ulyanovsk descent. The Stone Age; 23. Samara fortress. XVI–XVII centuries. An earthen fortress. XVIII; 24. Burial in the village of Schmidt. Early Iron Age; 25. The Village "at the Brick Sheds". The Bronze Age; 26. Settlements of Kryazh II–III. Neolithic – Bronze Age; 27. Settlements of Volgar' I–III. Neolithic – Bronze Age; 28. Burial of a nomad at 116 km. IX c.; 29. Finds from a destroyed burial on 113 km. V century; 30. Stone adze finding at 116 km. Eneolithic; 31. The Krasny Kryazhok burial mound. The Bronze Age; 32. Finding of the akinaka sword at 116 km (Dolotny Lane). Early Iron Age; 33. The discovery of the akinaka sword in the ancient village of Rubezhnoye. Early Iron Age; 34. The discovery of a stucco vessel in the Southern Cemetery. The Bronze Age; 35. Burial of a nomad in the village of Zubchaninovka. The Golden Horde, XIV century; 36. Earthen fortification of Bezymyanka station. XVIII century; 37. The Orlov ravine site. The Stone Age; 38. The ancient village of Ozerki I. Early Middle Ages; 39. Village "Barabashi Ravine". The Middle Ages; 40. The ancient village of Zhiguli gardens. The Bronze Age. Early Middle Ages; 41. The ancient village "Lake Bolshoe Lebyazhye". The Bronze Age; 42. Smyshlyevskoe ancient village. The Bronze Age; 43. The ancient village of Kryazh III. Neolithic – Bronze Age; 44. Location of the Mesolithic era "21 quarter"; 45. Necropolis of the Iversky convent for women, a dirt burial ground. New time; 46. Pokrovskoye cemetery, a dirt burial ground. New time; 47. New Orthodox cemetery, German, military, old Orthodox cemetery – All-Holy Cemetery, dirt burial ground. New time.

типов, и слой раннего средневековья, связанный с праславянским населением.

В 2011–2014 гг. Д.А. Сташенковым были продолжены работы на территории Барбашинского могильника. На четырех раскопах изучено около 200 кв. м, исследовано 17 захоронений. Одно из погребений по находкам монет датируется серединой XIV в. (Сташенков, 2014).

В 2013–2019 гг. в районе Хлебной площади исследовался участок культурного слоя старой Самары, содержащий материалы XVIII–XX вв. (Лифанов, 2013; Модин, Ерохин, 2013; Шмелев, Глазков, 2018; Цибин и др., 2019).

В 2017 г. экспедицией СГСПУ под руководством К.М. Андреева проводились исследования неолитической стоянки Кряж III (Андреев, 2018).

В 2021–2022 г. при исследовании участка с сохранившимся культурным слоем XIX–XX вв. в 21 квартале были выявлены материалы эпохи мезолита (Макогон, Костин, 2022).

В последние годы исследуются и остатки городского некрополя второй половины XIX – начала XX вв. – Всесвятского кладбища, на котором изучено более 2000 захоронений (Кочкина, Цибин, 2020; Вискалин, Костин, 2021).

На основании многолетних исследований на территории современного города можно отметить основные закономерности расположения памятников археологии в городской черте:

1. Памятники эпохи палеолита и мезолита на территории современного города сосредоточены в основном на первой террасе Волги. Наиболее ранние из них представлены отдельными находками – ашельским рубилом, найденным в 1913 г. в окрестностях г. Самары, а также мустьерским ножом-бифасом, обнаруженным в 1938 г. А.В. Збруевой в устье Барбашина оврага, в районе пристани «Поляна им. М.В. Фрунзе» (Збруева, 1947, с. 83–84). Помимо этих находок, в устье Барбашина оврага в ходе разведочного обследования В.В. Гольмстен в начале 1920-х гг. была зафиксирована стоянка эпохи палеолита – мезолита.

Выразительная коллекция материалов палеолита и мезолита происходит из исследований комплекса памятников в районе Постникова оврага. Первый из них был обнаружен осенью 1922 г. М.Г. Маткиным и К.П. Головкиным в ходе археологической экскурсии по береговой

полосе Волги. В устье Постникова оврага ими был зафиксирован культурный слой, наряду с каменными предметами содержащий и керамику бронзового века. В 1924–1929 гг. в ходе работ под руководством В.В. Гольмстен в различных частях оврага было выявлено 11 пунктов находок – стоянок и кремнеобрабатывающих мастерских (Кузнецова, 2000, с. 31). Помимо находок эпохи камня, в Постниковом овраге были выявлены материалы бронзового века и средневековья (Кузнецова, Скупова, 1987).

В 1929 г. исследования в Постниковом овраге проводил В.А. Городцов, которого заинтересовал древнейший палеолитический слой. Не опубликованные дневники раскопок В.А. Городцова хранятся в ОПИ ГИМ (Каталог коллекций..., 1988).

К настоящему времени удалось локализовать основную часть выявленных в 1920-е гг. пунктов в Постниковом овраге. В 2007 г. Д.А. Сташенков выявил в устье оврага участки с сохранившимся материалом эпохи палеолита (Сташенков, 2010, с. 389). Современное состояние памятника федерального значения «Постников овраг» было уточнено в 2013 г. отрядом ИА РАН под руководством А.В. Трусова, обнаружившим и новые пункты – Постников овраг XIII и Постников овраг XIV (Трусов, 2013, Кузнецова, 2022).

Памятники палеолита выявлены и к северу от русла оврага, на высокой террасе Волги. В 1985 г. на территории Загородного парка Л.В. Кузнецова зафиксировала остатки верхнепалеолитической мастерской по первичному расщеплению кремня, получившей название Постников овраг XII (Кузнецова, 2000). К северо-западу от этой мастерской в 2006 г. П.В. Ломейко отметил местонахождение кремневых изделий Загородный парк I, II (Ломейко, 2006).

В 5 км к ЮЗ от Постникова оврага, также на краю волжской террасы, в 1926 г. было обнаружено еще одно палеолитическое местонахождение. При осмотре стенок технической траншеи в районе Воскресенского спуска на глубине 3 м от современной поверхности М.Г. Маткин и А.И. Тереножкин зафиксировали бивень мамонта, осколки кремня и фрагменты костей животных (Кочкина, Сташенков, 2014, с. 11).

Еще южнее в береговой черте и на первой террасе Волги выявлено два мезолитиче-

ских местонахождения – Ульяновский спуск (Сташенков, 2012) и «21 квартал» (Макогон, Костин, 2022).

Таким образом, все известные в настоящее время достоверно палеолитические материалы обнаружены в непосредственной близости от береговой линии Волги. Они приурочены к устьевой части больших оврагов. Важно отметить, что в районе устья Постникова и Барбашинского оврагов имеются выходы галечного кремня, служившего основным сырьем для изготовления орудий. Материалы из Постникова оврага и Воскресенского спуска свидетельствуют о том, что одним из объектов охоты древнего населения этого микрорегиона был мамонт.

Особняком стоит недавно выявленный Е.В. Волковой на водоразделе памятник – стоянка Орлов Овраг, исследование которого начато в 2022 г. экспедицией СГСПУ под руководством К.М. Андреева. Полученный в результате первых исследований материал недостаточно выразителен и не позволяет однозначно определить хронологическую принадлежность этого памятника. Обнаружение этого памятника заставляет обратиться в перспективе к изучению палеоландшафта, выявлению древней овражной сети и русел древних водотоков, к которым и приурочены основные памятники эпохи камня – бронзы.

2. Поселения эпохи неолита расположены в пойме и на первой надпойменной террасе р. Самара. Наиболее выразительные материалы получены при исследовании стоянок Волгарь I–III и Кряж II–III (Андреев, 2018), расположенных на левом берегу Самары среди многочисленных старичных озер. Этот район является наиболее перспективным для выявления памятников эпохи неолита – энеолита внутри современной городской черты.

3. Наиболее многочисленны на территории города могильники и поселения бронзового века. Курганные группы располагались на водоразделе и надпойменной террасе р. Самары, как на левом, так и на правом берегу. К археологически исследованным относятся разрушенное погребение на ул. Первомайской (Васильев, 1975); курган из могильника у Истомина хутора близ ст. Безымянка, раскопанный В.В. Гольмстен (Васильев, 1975); курганный могильник Красный Кряжок, обследованный в 1929 г. В.В. Гольмстен (Кочкина, Сташенков, 2005), погребение на Поляне им. Фрунзе.

Поселения бронзового века зафиксированы как на первой волжской террасе (поселение в овраге Подпольщиков, Студеный овраг), так и преимущественно по правому и левому берегу Самары (поселения «у Кирпичных Сараев», «Грачев сад», у п. Кряж и Волгарь), а также в районе карстовых озер на водоразделах (селище у Воронежских озер). Большинство поселений оставлено населением срубной культуры.

Среди памятников бронзового века выделяется пещера Братьев Греев, расположенная на высоком берегу р. Волги между Барбашиной Поляной и пос. Управленческий. Археологами пещера впервые обследовалась в 1924 г., когда М.Г. Маткин заложил шурф в среднем гроте пещеры, зафиксировав несколько каменных и бронзовых предметов (Васильев, 1975а, с. 84). В 1930 г. при обследовании пещеры предметы абашевской культуры обнаружил П.П. Ефименко (Бадер, 1968; Паничкина, 1953).

В 1968 г. в среднем гроте пещеры Братьев Греев О.Н. Бадер заложил раскоп площадью 64 кв. м. Среди находок были несколько кремневых изделий, бронзовый нож и медное височное кольцо, относящиеся к абашевской культуре (Бадер, 1968, с. 5–8; Бадер, 1969, с. 146). В 1970 г. при исследовании пещеры Г.И. Матвеевой был получен выразительный комплекс предметов бронзового века (Бадер, 1971, с. 34). Раскопки проводились и в 1972 г. При публикации материалов из пещеры Братьев Греев И.Б. Васильев охарактеризовал ее как кратковременную стоянку рыболовов и охотников бронзового века, допуская использование пещеры в качестве культового места (Васильев, 1975а, с. 88–92).

4. Археологические памятники раннего железного века и раннего средневековья на территории города представлены поселениями, разрозненными погребениями, а также случайными находками.

На высоком волжском берегу в Сокольных горах расположено Коптево городище, открытое в 1968 г. О.Н. Бадером и обследованное в 1969 г. Г.И. Матвеевой (Матвеева, 2000, с. 84), в 1974 г. Г.Г. Пятых (Пятых, 1974) и в 2019 г. Е.В. Волковой (Павлов, Волкова, 2019). В тонком культурном слое встречены материалы преимущественно белогорского круга. В 1 км югу от Коптева городища Д.А. Сташенковым исследовано селище Студеный овраг,

материалы которого близки комплексам колочинской культуры и могут датироваться серединой I тыс. н. э.

Ниже по течению Волги на первой террасе в районе Постникова оврага выявлены поселенческие материалы именьковской культуры, маркирующие восточную границу этой общности на самарском участке Поволжья.

Остается недостаточно определенной культурно-хронологическая принадлежность ряда предположительно раннесредневековых поселений, открытых на водоразделе (селища Жигулевские сады и Озерки I).

В береговой полосе р. Самары поселения этого времени не обнаружены. Вероятно, река Самара фиксировала южные границы белогорских и именьковских групп.

Культура кочевников раннего железного века – раннего средневековья представлена сарматскими захоронениями (курганый могильник у ст. Безымянка), гуннским обрядовым комплексом на 113 км и погребениями мадьярского круга на 116 км и на 23–24 км г. Самары. Приурочены эти комплексы либо к самарской пойме, либо к пойменным озерам, а также к карстовым озерам на водоразделах.

5. Памятники золотоордынского времени приурочены к первой террасе Волги. Это русский и мордовский поселок в Постниковом овраге, русско-мордовское поселение в устье Барбашинского оврага, а также большой мордовский могильник, находящийся на Барбашинской поляне (Поляне им. М.В. Фрунзе). К этим памятникам приурочены расположенные в Соколых горах отдельные кладовые комплексы, содержащие железные орудия труда и сельскохозяйственные орудия (местонахождения в Студеном овраге).

6. Период русского освоения Поволжья (XVI–XVII вв.) представлен отдельными находками, обнаруженными в районе первой самарской крепости 1586 г., расположенной на стрелке Волги и Самары. Полноценные исследования проводились северо-восточнее – в районе земляной крепости 1706 г. В ходе исследований 2013–2019 гг. на этом участке получен выразительный материал XVIII–XIX вв. (Лифанов, 2013; Модин, Ерохин, 2013; Шмелев, Глазков, 2018; Цибин и др., 2019), хотя сама крепость не была обнаружена.

Таким образом, проведенный анализ топографии памятников, обнаруженных в черте современного города Самары, дает возмож-

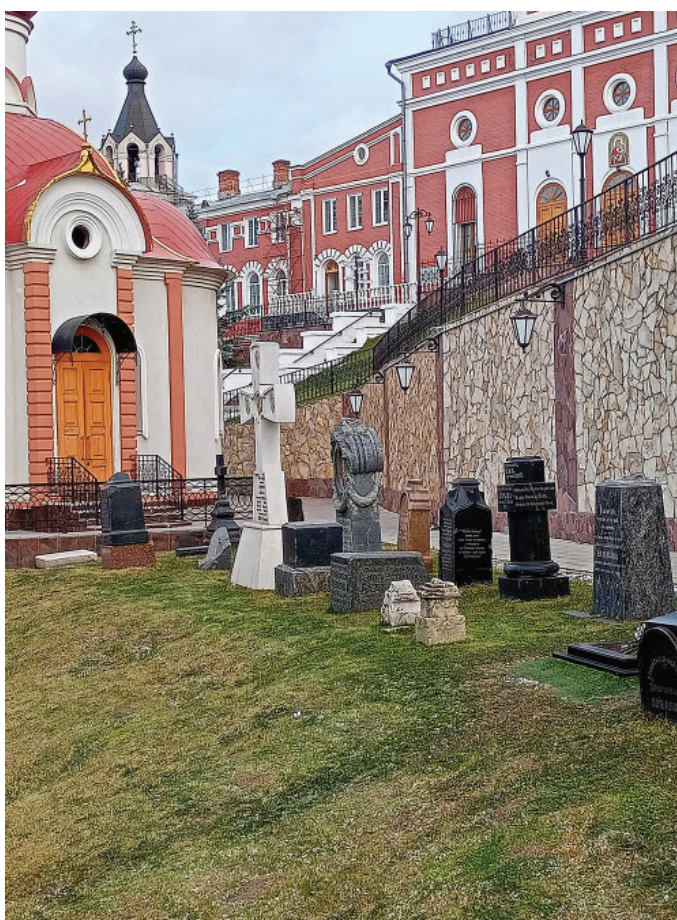
ность прогнозировать выявление новых археологических объектов при целенаправленном обследовании в городской черте. Так, детальное археологическое изучение первой волжской террасы может привести к выявлению памятников эпохи палеолита – мезолита, поселений раннего железного века и раннего средневековья, золотоордынского времени. Обследование надпойменной и первой террас р. Самары должно привести к выявлению новых поселений эпохи неолита – бронзы, а изучение района пойменных и старичных озер на левом берегу Самары – к обнаружению сезонных стоянок и захоронений раннего железного века – раннего средневековья. Обязательно должны осматриваться районы карстовых озер и малых рек на водоразделах.

Часть выявленных при археологических работах памятников в перспективе могут стать объектами музейного показа и использоваться при создании туристических маршрутов. Разработка подобных археолого-туристических маршрутов в Самаре уже проводилась (Кочкина, Сташенков, 2014), однако следующая стадия – музеефикация – пока только начинает реализовываться. В настоящее время в Самаре присутствуют два частично музеефицированных объекта Нового времени – лапидарий на территории Иверского женского монастыря, в котором представлены каменные надгробия второй половины XIX – начала XX вв. (рис. 2: 1) и фрагмент кирпичной кладки усадьбы самарского губернатора Г.С. Аксакова (рис. 2: 2).

Иверский женский монастырь в Самаре оформился в 1860 г. на основе женской религиозной общины, основанной в 1850 г. (Зубова и др., 2001. С. 12–27). На монастырском кладбище были похоронены многие выдающиеся жители Самары, среди них П.В. Алабин с женой, дочерью и зятем, известным архитектором А.А. Щербачевым, граф Н.А. Толстой, отец писателя А.Н. Толстого (Московский, 2001).

Монастырь просуществовал до 1925 г. После разрушения храмов, часовен и монастырского кладбища на этой территории были построены жилые дома для рабочих местных предприятий.

В 1992 г. началось возрождение монастыря. Проведение строительных работ привело к необходимости выполнения охранно-спасательных раскопок на территории кладбища

1

2

Рис. 2. г. Самара. Музеефицированные археологические объекты:

1 – лапидарий на территории женского Иверского монастыря (Волжский пр., 1); 2 – Аксаковский сквер – на месте дома, в котором жила семья Аксаковых (ул. Фрунзе, 161); Памятник С.Т., Г.С. Аксаковым, внучке Ольге. Скульптор И. Мельников (2021 г.).

Fig. 2. Samara. Museumified archaeological sites:

1 – lapidarium on the territory of the Iversky Convent for women (Volzhsky Ave., 1); 2 – Aksakov Square – on the site of the house where the Aksakov family lived (Frunze str., 161); Monument to S.T., G.S. Aksakov, granddaughter Olga. Sculptor I. Melnikov (2021).

(Кузнецов и др., 2010). В ходе работ было установлено, что на территории Иверского некрополя насчитывалось около тысячи погребений, удалось установить личности почти 750 погребенных. Следует отметить, что еще в советское время на территории тогда бывшего монастыря был восстановлен надгробный памятник П.В. Алабина. При благоустройстве территории монастыря была создана аллея, на которой установлены обнаруженные во время раскопок надгробия (рис. 2: 1). Белокаменный крест был установлен над местом перезахоронения останков самарских горожан, обнаруженных во время раскопок.

Территория монастыря открыта для посещения, в том числе с экскурсиями. Следует

признать, что этот уголок Самары, где с почтением сохраняется память об ушедших поколениях горожан, в настоящее время в наибольшей степени соответствует представлениям о музеефицированном пространстве в городской среде. По мнению известного специалиста в области охраны природы в урбанистической среде П. Гобстера, музеефикация должна преобразовать местность и объекты повседневной жизни таким образом, чтобы люди могли осознавать, что они находятся в музее (Gobster, 2007, p. 100).

На территории Самары археологически частично исследованы еще два городских некрополя, находящиеся в историческом центре – Покровское городское кладбище

(существовало в 1805–1857 гг., а фактически до 1870-х гг.) и Всесвятское кладбище (1860–1926 гг.). Однако до сих пор отсутствуют какие-либо пояснительные знаки, не говоря уж о памятных знаках, которые бы выделяли эти места в пространстве города и способствовали сохранению исторической памяти современных жителей.

В 2021 г. также в центре Самары, на пересечении ул. Красноармейской и Фрунзе, было оформлено пространство так называемого Аксаковского сквера, расположенного на месте, где когда-то находился дом губернатора Г.С. Аксакова, сына русского писателя С.Г. Аксакова, написавшего для внучки Ольги сказку «Аленький цветочек». На этом месте установлена скульптурная группа работы скульптора И. Мельникова, запечатлевшая семейство Аксаковых (рис. 2: 2). Археологические раскопки, предварявшие благоустройство сквера, выявили руинированные остатки печи жилого дома предположительно от городской усадьбы Аксаковых и ряд бытовых предметов XIX – начала XX в., типичных для городского культурного слоя. В процесс работ было принято решение сохранить фрагменты печи, соорудив над руинами так называемые «археологические окна».

Археологические окна уже давно превратились в популярный способ показывать культурные слои, к которому нередко прибегают в городах Европы. В последние годы этот способ визуализации археологических материалов получил претворение в жизнь в России (Московский Кремль, Тула, Казань). Сам сквер оказался заполненным системой арт-объектов в виде большеразмерных пластин из каленого стекла с подсветкой, которые должны изображать разлетевшиеся страницы книги с текстом и иллюстрациями сказки «Аленький цветочек» (проект архитектурного бюро Д. Храмова). Действительно, нужно только приветствовать идею создания подобного музейфицированного объекта в центре горо-

да и в непосредственной близости от зданий известных самарских музеев (музей модерна – филиал СОИКМ им. П.В. Алабина; музей-усадьба А.Н. Толстого). Но, возможно, спешка, при которой возводился объект, не позволила выдержать технологические требования к его функционированию. Два «археологических окна» постоянно покрыты конденсатом и теряют свое предназначение. Громоздкость и многочисленность стеклянных панелей не формируют целостность задуманного образа. Тем не менее, этот объект становится частью культурно-туристической жизни Самары.

Среди упущенных возможностей ввести в культурную инфраструктуру города один из уникальных археологических памятников на территории Самары – многослойный памятник в Постниковом овраге (в советское время Овраг подпольщиков). Комплекс разновременных памятников, расположенных преимущественно в приустьевой части оврага в виде отдельных местонахождений, как на левом, так и на правом его берегах, а также на территории Загородного парка, в реестре памятников федерального значения называется «Стоянка, поселение в Овраге Подпольщиков и Загородном парке». На памятнике выявлены материалы от эпохи верхнего палеолита до эпохи Золотой Орды XIV в., хранящиеся в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина. Ни один из проектов реконструкции Загородного парка и жилой застройки этого района, к сожалению, не содержал предложений музейфикации хотя бы фрагмента этого выдающегося археологического памятника.

Немногочисленные музейфицированные археологические объекты в городском пространстве Самары уже стали городскими достопримечательностями, что свидетельствует о перспективности развития такого направления, способствующих популяризации археологии среди жителей и гостей города и формированию осознанно бережного отношения к культурному наследию региона.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Разведки палеолита на Средней Волге в 1954 г. // Записки Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. 1958. Вып. 2. С. 349–357.

Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном Музее. Самара: Губ. тип., 1895. 19 с.

Андреев К.М. Раскопки стоянки Кряж II в 2017 году // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СНЦ, 2018. С. 10–11.

Археологические памятники на территории города Самары / сост. А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков. Самара: СНЦ РАН, 2005. 32 с.

Бадер О.Н. Отчет о работах по обследованию пещер и других археологических памятников района Самарской Луки осенью 1968 г. // Архив СОИКМ.

Бадер О.Н. Северная палеолитическая экспедиция // Археологические открытия 1968 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 145.

Бадер О.Н. Северная палеолитическая экспедиция // Археологические открытия 1970 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 33.

Васильев И.Б. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куйбышев: Кн. изд-во, 1975. С. 49–75.

Васильев И.Б. Остатки бронзового века в пещере братьев Грече // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куйбышев: Кн. изд-во, 1975а. С. 84–92.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. 232 с.

Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 293–346.

Вискалин А.В., Костин Н.В. Археологические наблюдения и охранно-спасательные раскопки на территории объекта археологического наследия «Кладбище новое православное, немецкое, военное, старое кладбище православное» – Всесвятское кладбище» в 2019–2020 гг. // Археологические открытия в Самарской области 2020 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2021. С. 25–26.

В поисках старой Самары: путеводитель по передвижной выставке / сост. А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков. Самара, 2003. 32 с.

Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. 1924. Ч. 1. С. 150–173.

Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН Т. IV. 1928. С. 129–137.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР / Труды Института геологических наук АН СССР. Вып. 64. Серия: Геология. № 17. М.-Л.: АН СССР, 1948. 524 с.

Захаров А.С. Рельеф Куйбышевской области. Куйбышев: кн. изд-во, 1971. 86 с.

Збруева А.В. О находке мустьерского остроконечника близ г. Куйбышева // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 9 / Отв. ред. В. И. Громов. М.: Наука, 1947. С. 83–84.

Зубова О.В., Мельникова Н.В., Радченко О.И., Бочков В.А., Подмарицын А.Г. Православные святыни Самарского края. Самара, 2001. 270 с.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. По Самаре с археологом. Путеводитель по археологическим памятникам. Самара: СНЦ, 2014. 48 с.

Кочкина А.Ф., Цибин В.А. Парфюмерные флаконы из погребений Всесвятского кладбища середины XIX – первой четверти XX века в Самаре // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 16 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2020. С. 388–400.

Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А., Иванова Н.В., Скарбовенко В.А. Итоги изучения некрополя на территории Иверского женского монастыря города Самары // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. 15 / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 251–264.

Кузнецова Л.В. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1989. 40 с.

Кузнецова Л.В. Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 5–80.

Кузнецова Л.В. Новые находки в Постниковом овраге (пункты XIII, XIV, XV) // Самарский край в истории России. Вып. 8. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию основания Самарской губернии и 135-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2022. С. 149–159.

Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю. Постников Овраг – археологический памятник эпохи камня – средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 3–29.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Культурное наследие Самарской области. Т. 2. Объекты археологического наследия / Гл. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2020. 704 с.

Ластовский А.А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 81–140.

Лифанов Н.А. Предварительные результаты археологических работ на территории исторического центра города Самара в октябре 2013 г. // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2014. С. 140–160.

Ломейко П.В., Скарбовенко В.А., Гасилин В.В. Погребение раннесредневекового кочевника на территории города Самары // Самарский край в истории России. Вып. 4 / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2012. С. 73–75.

Макогон А.А., Костин Н.В. Археологические охранно-спасательные раскопки на территории объекта археологического наследия «Культурный слой г. Самара XIX – нач. XX в. (21 квартал)» в 2021 г. // Археологические открытия в Самарской области 2021 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2022. С. 36–37.

Матвеева Г.И. Погребение VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. Е.И. Медведев. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1976. С. 33–39.

Матвеева Г.И. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городищная культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 82–93.

Модин И.Н., Ерохин С.А. Геофизические исследования в археологии: опыт изучения памятников Самарского Поволжья // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2014. С. 140–160.

Московский О.В. Некрополь Иверского женского монастыря. Самара: Книга, 2001. 77 с.

Мышкин В.Н., Денисов А.В., Сташенков Д.А. Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 3. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2007. С. 39–45.

Павлов А.А., Волкова Е.В. Исследование оборонительных укреплений Коптева городища в 2019 г. // Археологические открытия в Самарской области 2019 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. С. 25–26.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2011. 96 с.

Турецкий М.А. Новый памятник эпохи поздней бронзы – поселение Волгарь IV // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СНЦ, 2018. С. 21–22.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Цибин В.А., Кормилицын Д.В., Мясников М.О., Каравашкина Е.А., Шигаев В.Н., Сафронов Е.С., Шигаева К.Д., Мефодьева А.Ю. Результаты охранно-спасательных археологических работ на территории выявленного объекта археологического наследия «Старая Самара. Деревянные сооружения, возведенные не позднее середины XIX века» // Археологические открытия в Самарской области 2018 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2019. С. 25–26.

Шмелёв Д.Д., Глазков А.Н. Археологические исследования памятника «Старая Самара. Деревянные сооружения, возведённые не позднее середины XIX века» // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2018. С. 43–44.

Gobster P.H. Urban park restoration and the «museumification» of nature // Nature and Culture. 2007. Vol. 2. Pp. 95–114.

Информация об авторах:

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@alabin.ru

REFERENCES

Abramova, Z. A. 1958. In *Zapiski Ul'yanovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I.A. Goncharova (Notes of the Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore named after I.A. Goncharov)* 2, 349–357 (in Russian).

Alabin, P. V. 1895. *Drevnosti, naydennye v Samarskoy gubernii i khranyashchiesya v Samarskom Publichnom Muzei (Antiquities found in the Samara Governorate and kept in the Samara Public Museum)*. Samara: “Gubernskaia tipografiia” Publ. (in Russian).

Andreev, K. M. 2018. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2017 goda (Archaeological Discoveries in Samara Region in 2017)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 10–11 (in Russian).

Bader, O. N. Otchet o rabotakh po obsledovaniyu peshcher i drugikh arkheologicheskikh pamyatnikov rayona Samarskoy Luki osen'yu 1968 g. (Report on the works on the research of caves and other archaeological sites of the Samara Bend area in the autumn 1968). Archive of the Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin (in Russian).

Bader, O. N. 1981. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1968 goda (Archaeological Discoveries 1968)*. Moscow: “Nauka” Publ., 145 (in Russian).

Bader, O. N. 1971. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1970 goda (Archaeological Discoveries 1970)*. Moscow: “Nauka” Publ., 33 (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1975. In Bader, O. N. (ed.). *Samarskaya Luka v drevnosti (The Samara Bend in antiquity)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History). Kuybyshev: “Knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 49–75 (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1975. In Bader, O. N. (ed.). *Samarskaya Luka v drevnosti (The Samara Bend in antiquity)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History). Kuybyshev: “Knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 84–92 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1986. *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ya (At the Origins of the History of the Samara Volga Region)*. Kuybyshev: “Kuybyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 2000. In Vasil'eva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e. (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times (Early Iron Age and Middle Ages))*. Moscow: “Nauka” Publ., 293–346 (in Russian).

Viskalin, A. V., Kostin, N. V. 2021. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2020 goda (Archaeological Discoveries in Samara Region in 2020)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 25–26 (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1924. In *Kraevedenie (Local history)* 1, 150–173 (in Russian).

Gol'stem, V. V. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 4. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 129–137 (in Russian).

Gromov, V. I. 1948. *Paleontologicheskoe i arkheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'nykh otlozheniy chetvertichnogo perioda na territorii SSSR (Paleontological and archaeological substantiation of the stratigraphy of the Quaternary continental sediments on the territory of the USSR)* Series: Trudy Instituta

geologicheskikh nauk AN SSSR. (Works of the Institute of Geological Sciences of the Academy of Sciences of the USSR) 64, Series: Geology, no. 17. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zakharov, A. S. 1971. *Rel'ef Kuybyshevskoy oblasti (Relief of the Kuibyshev Oblast)*. Kuybyshev: "Knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1970. In Gromov, V. I. (ed.). *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary)* 9. Moscow: "Nauka" Publ., 83–84 (in Russian).

Zubova, O. V., Mel'nikova, N. V., Radchenko, O. I., Bochkov, V. A., Podmaritsyn, A. G. 2001. *Pravoslavnye svyatyni Samarskogo kraya (Orthodox shrines of the Samara region)*. Samara (in Russian).

Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. (comp.). 2003. *V poiskakh staroy Samary: putevoditel' po peredvizhnoy vystavke (In search of old Samara. Travel exhibition guide)* (in Russian).

Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. (eds.). 2005. *Arkheologicheskie pamyatniki na territorii goroda Samary (Archaeological sites in Samara city area)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2014. *Po Samare s arkheologom. Putevoditel' po arkheologicheskim pamyatnikam (Around Samara with an archaeologist. A travel guide to archaeological sites)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kochkina, A. F., Tsibin, V. A. 2020. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 16. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 338–400 (in Russian).

Kuznetsov, P. F., Turetskiy, M. A., Ivanova, N. V., Skarbovenko, V. A. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) 15. Samara: "Ofort" Publ., 251–264 (in Russian).

Kuznetsova, L. V. 1989. *Paleolit Srednego i Nizhnego Povolzh'ia (Paleolithic of the Middle and Lower Volga Regions)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Sciences (in Russian).

Kuznetsova, L. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. Stone Age)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 5–80 (in Russian).

Kuznetsova, L. V. 2022. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii kraj v istorii Rossii (Samara Region in the History of Russia)* 8. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 149–159 (in Russian).

Kuznetsova, L. V., Skupova, T. Yu. 1987. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Povolzh'e (Archaeological Studies in the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 3–29 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E., Stashenkov, D. A. 2007. *Vera Vladimirovna Gol'stem: materialy k biografii (Vera Vladimirovna Golmsten: Materials for the Biography)*. Samara: "Ofort" Publ. (in Russian)

Stashenkov, D. A. (ed.). 2020. *Kul'turnoe nasledie Samarskoy oblasti (Cultural heritage of the Samara region) 2. Ob"ekty arkheologicheskogo naslediya (Archaeological heritage objects)*. Samara: Samara State Technical University (in Russian).

Lastovsky, A. A. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. Stone Age)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 81–140 (in Russian).

Lifanov, N. A. 2014. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v Samarskoy oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh ekspeditsiy (The results of archaeological studies in the Samara region in 2013. Materials of scientific expeditions)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 140–160 (in Russian).

Lomeiko, P. V., Skarbovenko, V. A., Gasilin, V. V. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii kraj v istorii Rossii (Samara Region in the History of Russia)* 4. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 73–75 (in Russian).

Makogon, A. A., Kostin, N. V. 2022. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2021 goda (Archaeological Discoveries in Samara Region in 2021)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 36–37 (in Russian).

Matveeva, G. I. 1976. In Medvedev, E. I. (ed.). *Ocherki istorii i kul'tury Povolzh'ia (Essays on the History and Culture of the Volga Region)* 1. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 33–339 (in Russian).

Matveeva, G. I. 2000. In Vasil'eva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e. (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times (Early Iron Age and Middle Ages))*. Moscow: "Nauka" Publ., 82–93 (in Russian).

Modin, I. N., Erokhin, S. A. 2014. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v Samarskoy oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh ekspeditsiy (The results of archaeological studies in the Samara region in 2013. Materials of scientific expeditions)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 140–160 (in Russian).

Moskovsky, O. V. 2001. *Nekropol' Iverskogo zhenskogo monastyrya (Necropolis of the Iversky convent)*. Samara: "Kniga" Publ. (in Russian).

Myshkin, V. N., Denisov, A. V., Stashenkov, D. A. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii kraj v istorii Rossii (Samara Region in the History of Russia)* 3. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 39–45 (in Russian).

Pavlov, A. A., Volkova, E. V. 2020. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2019 goda (Archaeological Discoveries in Samara Region in 2019)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 25–26 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2012. *Novye arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary (New Archaeological Studies on the Territory of amara)*. Samara: "As Gard" Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskij period zhizni. (Boris Alexandrovich Latynin. Period of life in Samara)*. Saratov: "Novyi veter" Publ. (in Russian)

In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike (New Archaeological Studies in Samara. Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller at Barbashinsky Burial Ground)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin (in Russian).

Turetskiy, M. A. 2018. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2017 goda (Archaeological Discoveries in Samara Region in 2017)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 21–22 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tsibin, V. A., Kormilitsyn, D. V., Myasnikov, M. O., Karavashkina, E. A., Shigaev, V. N., Safronov, E. S., Shigaeva, K. D., Mefod'eva, A. Yu. 2019. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2018 goda (Archaeological discoveries in the Samara region in 2018)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 43–44 (in Russian).

Shmelev, D. D., Glazkov, A. N. 2018. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2017 goda (Archaeological discoveries in the Samara region in 2017)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 43–44 (in Russian).

Gobster, P. H. 2007. In *Nature and Culture*. (2), 95–114 (in English).

About the Authors:

Stashenkov Dmitriy A. Candidate of Historical Sciences, Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore. Leninskaya Str., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archo@list.ru

Kochkina Anna F. Head of Department. Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore. Leninskaya Str., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archo@alabin.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Хроника

УДК 903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.358.377>

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАНА В 2022 ГОДУ

©2023 г .А.Г. Ситдииков, Р.Р. Саттаров

Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института археологии АН РТ осуществлялась согласно Государственному заданию на 2022–2024 гг. по двум научным направлениям – фундаментальному и прикладному. Основные результаты исследований наиболее наглядно проявились в подготовке и издании академических монографических работ и статей. В 2022 году завершена работа над многотомной монографией «Археология Волго-Уралья», которая обобщает опыт предшествующих публикаций. Всего за отчетный период сотрудниками института опубликовано 16 монографий, 93 научные статьи, проведено 14 научных конференций международного, всероссийского и регионального уровней, организованы 9 экспозиций и выставок. В рамках выполнения государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)» проведены историко-археологические исследования в пяти регионах РФ и в Республике Кыргызстан. Важным событием 2022 года стало включение журнала «Археология Евразийских степей» в международную реферативную базу данных Scopus.

Ключевые слова: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, археология, фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования, конференции, публикации, выставки, охрана археологического наследия, госпрограмма.

A BRIEF OVERVIEW OF THE SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV OF THE TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2022

A.G. Sitdikov, R.R. Sattarov

The research and scientific-organizational works of the Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences were carried out according to the State Task for 2022–2024 in two scientific directions – fundamental and applied. The main research results were clearly manifested in the preparation and publication of academic monographs and articles. In 2022 the multi-volume monograph "Archaeology of the Volga-Urals" was completed, which summarizes the experience of previous publications. In total, during period under review the Institute specialists published 16 monographs, 93 scientific articles, held 14 scientific conferences of international, All-Russian and regional levels, organized 9 displays and exhibitions. Within the implementation of the state program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatars (2020–2024)" historical and archaeological research was conducted in five regions of the Russian Federation and in the Republic of Kyrgyzstan. An important event in 2022 was the inclusion of the "Archaeology of the Eurasian Steppes" journal in the international abstract and citation Scopus database.

Keywords: Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, archaeology, fundamental scientific research, applied scientific research, conferences, publications, exhibitions, protection of archaeological heritage, state program.

Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (далее – Институт) является одним из ведущих археологических академических институтов на территории Европейской части Российской

Федерации. Результаты многолетних работ Института охватывают широкий спектр фундаментальных и прикладных исследований (Ситдииков и др. 2015; Ситдииков, Каримов, 2016; Ситдииков, Каримов, 2017; Ситди-

Рис. 1. Обложки монографий, опубликованных сотрудниками Института археологии имени А.Х. Халикова АН РТ в 2022 г.

Fig. 1. Covers of monographs published by the specialists of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences in 2022.

ков и др., 2018; Бочаров, Асылгараева, 2019; Бочаров и др., 2020; Ситдиков и др., 2021; Ситдиков и др., 2022).

Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института в 2022 г. осуществлялась согласно Государственному заданию на 2022–2024 гг. по двум научным направлениям – исследование преемственности и трансформации археологических культур Северной Евразии и сохранение и изучение историко-культурного наследия Республики Татарстан.

Основные результаты исследований Института наиболее наглядно проявились в подготовке и издании академических монографических работ, статей по археологии и истории Восточной Европы. Опубликовано 16 монографий, 93 научные статьи (в изданиях ВАК – 27, SCOPUS, Web of Science – 22, РИНЦ – 30, международных – 11, российских

– 3), 18 статей в научно-популярных изданиях, подготовлено 24 научных отчета (прил.1; рис. 1).

Институтом завершена работа над коллективной семитомной монографией «Археология Волго-Уралья», которая представляет собой современный академический взгляд на более чем полтора вековой опыт археологических исследований одной из наиболее значимых и уникальных историко-культурных областей евразийского континента. Академическая монография обобщает опыт предшествующих публикаций подобного плана. Это издание объединяет более 20 федеральных и региональных научных и научно-образовательных учреждений Волго-Уралья. В составе авторского коллектива около 100 исследователей – ведущие археологи из крупных научных центров и вузов Казани, Москвы, Ижевска, Самары, Йошкар-Олы, Чебоксар,

Рис. 2. С.Е. Нарышкин проводит презентацию книги «Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв.». Российское историческое общество, 28 июля 2022 года.

Fig.2 S.Ye. Naryshkin holds a presentation of the book “Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th–18th Centuries”, July 28, 2022.

Саранска, Астрахани, Уфы, Сыктывкара, Кирова (Каменный век, 2021; Энеолит..., 2021; Ранний железный..., 2021; Эпоха Великого переселения народов ..., 2022; Средние века (VIII – начало XIII вв.)..., 2022; Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.)..., 2022; Позднее средневековье..., 2022).

В 2020–2021 гг. по поручению президента Российской Федерации В.В. Путина Российским историческим обществом был реализован научно-просветительский проект «Засечные черты России: мониторинг, изучение, популяризация». Координатором подготовки проекта выступил Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Результатом проекта стала коллективная монография «Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XIX вв.», подготовленная специалистами Российского исторического общества, Института археологии РАН, Федерального архивного агентства, Казанского федерального университета и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Презентация издания состоялась 28 июля 2022 г. (рис. 2). В монографии собра-

ны материалы о современном состоянии объектов культурного наследия 19 субъектов Российской Федерации, связанных с историей засечных черт и оборонительных линий XVI–XIX вв. Специалистами из почти двух десятков российских регионов актуализированы сведения о сохранившихся участках оборонительных линий, особое внимание уделено на необходимость их выявления и сохранения (Могилевский и др..., 2022). Проект получил свое продолжение. На данный момент он реализуется по азиатской части нашей страны и охватывает 19 регионов. В нем принимают участие 15 научно-образовательных учреждений.

Рис. 3. Обложка программы V Международного конгресса археологии евразийских степей, г. Туркестан (Казахстан), 12–14 октября 2022 г.
Fig. 3. Cover of the program of the V International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes, Turkistan (Kazakhstan), October 12–14, 2022.

Рис. 4. Участники V Международного конгресса археологии евразийских степей.
Fig. 4. Participants of the V International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes.

Рис. 5. Обложка программы Международной конференции «Реставрация, консервация и музеефикация археологического дерева и органических материалов», г. Казань, 1–5 ноября 2022 г.
Fig. 5. Cover of the program of the International Conference "Restoration, conservation and museumification of archaeological wood and organic materials", Kazan, November 1–5, 2022.

В 2022 г. были проведены научные мероприятия международного, всероссийского и регионального уровней (международных – 5, всероссийских – 7, региональных – 2). Большой научный и общественный резонанс получил V Международный конгресс археологии евразийских степей, прошедший 12–14 октября 2022 г в г. Туркестан Республики Казахстан (рис. 3). В работе конгресса приняли участие ученые и специалисты различных

научных организаций из 28 стран. В рамках пленарных и секционных заседаний заслушаны и обсуждены 213 докладов и сообщений, посвященных актуальным проблемам археологии степных и оседлоземледельческих районов (рис. 4). Материалы конгресса опубликованы в пяти томах, охватывающих пять основных тематических направлений – археология эпохи раннего металла, ранних и средневековых кочевников, древних и средне-

Рис. 6. Открытие второго этапа IX Международной археологической школы в Международном университете туризма и культурного наследия «Шелковый путь», г. Самарканд (Узбекистан), 12 сентября 2022 г.

Fig. 6. Opening of the IX School at the "Silk Road" International University of Tourism and Cultural Heritage. Samarkand (Uzbekistan), September 12, 2022.

вековых городов, а также проблемы сохранения и музеефикации археологического наследия Евразии (Ситдииков, 2022; Ситдииков и др., 2022). Традиция проведения Международного конгресса археологии евразийских степей была заложена на учредительном съезде конгресса в Казани в 2007 г., организаторами которого выступили археологи Академии наук РТ (Ситдииков и др., 2012, с. 233).

Крупным научным, культурным и общественным событием стало проведение в Казани 1–5 ноября 2022 г. Международной конференции «Реставрация, консервация и музеефикация археологического дерева и органических материалов». В работе этого мероприятия приняли участие Государственный советник Республик Татарстан М.Ш. Шаймиев, вице-президент Российской академии наук, директор Института археологии РАН Н.А. Макарова, председатель Правления Российского исторического общества К.И. Могилевский (рис. 5). Данная конференция стала возможной благодаря многолетней работе, которая проводилась в Республике Татарстан по реализации программы по возрождению острова-града Свияжска и древнего Болгара. Проведенные археологические работы на острове Свияжск позволили исследовать уникальный мокрый археологический слой и создать единственный в России Музей археологического дерева «Татарская слободка».

Во время работы конференции состоялось открытие выставки «Мокрая археология» и презентация научного издания каталога

«Музей археологического дерева», подготовленного специалистами Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. В книге представлены предметы из экспозиции музея, впервые опубликованы материалы археологических исследований 2011–2014 гг. из раскопа «Татарская слободка» (Ситдииков, Старков, 2022).

Ежегодно (начиная с 2014 г.) совместно с КФУ проводится научно-образовательный проект «Международная археологическая школа», нацеленный на внедрение в практику археологических исследований новейших научных методик, комплексную реализацию междисциплинарного подхода по изучению археологических памятников и сохранению культурного наследия. Школа способствует обеспечению доступа обучающейся молодежи к актуальной научной информации и археологической научно-исследовательской деятельности; популяризации археологии, истории, реставрации и музейного дела; подготовке новых научных кадров (Ситдииков и др., 2014; Ситдииков и др., 2015; Айтуганова и др., 2016; Воробьева, Голубева, 2019а; Воробьева, Голубева, 2019б).

IX Международная археологическая школа, состоявшаяся в 2022 г., была организована совместно с Международным институтом центрально-азиатских исследований (Самарканд, Узбекистан). Школа проводилась в два этапа: с 15 по 28 августа на базе Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника; с 12 по 25 сентября

Рис. 7. Открытие выставки в Государственной Думе РФ, посвященной к 1100-летию принятия Ислама Волжской Болгарией, г. Москва, май 2022 г.

Fig. 7. Opening of the exhibition in honor of the 1100th anniversary of the adoption of Islam by Volga Bulgaria at the State Duma of the Russian Federation, Moscow, May 2022.

– в Самарканде и Бухаре Республики Узбекистан (рис. 6).

С 2023 г. проект «Международная археологическая школа» включен в перечень мероприятий Международного института центрально-азиатских исследований (МИЦАИ) и будет реализовываться ежегодно при его поддержке в Центральной Азии.

Участниками школы стали более 100 человек из разных стран – России, Белоруссии, Колумбии, Сирии, Турции, Палестины, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана. Молодые исследователи в течение двух недель изучали междисциплинарные подходы к изучению и сохранению историко-культурного наследия в рамках таких научных направлений как «Археозоология», «Древняя керамика: история, технология, реставрация», «Палеоантропология», «Реставрация археологических предметов», «Геоархеология», «Древняя керамика как массовый материал» и «Научная и лабораторная реставрация». По итогам работы археологической школы участникам были предоставлены сертификаты и возможность публикации в очередном номере рецензируемого журнала «Археология Евразийских степей».

Институтом совместно с партнерами был проведен цикл мероприятий, посвященных 1100-летию принятия ислама Волжской Болгарией. Среди них круглые столы, экспозиции и выставки. Центральными мероприятиями стали выставки, проведенные в Государ-

ственной Думе РФ (май и октябрь 2022 г.) и в Казанском Кремле (май 2022 г.). Эти выставки дали возможность окунуться в историю нашей страны через историю ислама, который был принят на территории современной Республики Татарстан 1100 лет назад. Торжественную церемонию открытия выставки в Государственной Думе посетили Председатель Госдумы РФ Вячеслав Володин, Президент Татарстана Рустам Минниханов, а также руководители всех фракций, депутаты. На выставке были представлены основные периоды развития ислама на территории Поволжья: от периода Волжской Болгарии и Золотой Орды до советского времени и современной России, а также исторические факты тесных взаимосвязей Волжской Болгарии и Древней Руси. Посетители могли ознакомиться с уникальными архивными документами, рукописями, украшениями, костюмами и другими экспонатами из фондов Национального музея Республики Татарстан, Национальной библиотеки РТ, Государственного архива Республики Татарстан, Елабужского, Болгарского и Билярского музеев-заповедников (рис. 7).

12–14 октября 2022 г. в Казани с участием Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации М.Ш. Хуснуллина, Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, Вице-президента Российской академии наук директора Института археологии РАН Н.А. Макарова состоялась Международная специализированная выстав-

Рис. 8. Международная выставка-форум «Дорога 2022», г. Казань, 12-14 октября 2022 г.
Fig. 8. International Exhibition-Forum "The Road – 2022", Kazan, October 12–14, 2022.

ка-форум «Дорога 2022», являющаяся крупнейшей в нашей стране отраслевой дискуссионной площадкой, которая объединяет авторитетных международных экспертов и ключевых представителей дорожно-транспортного комплекса России (рис. 8). На форуме Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ совместно с Институтом археологии РАН представили археологические находки, полученные в ходе спасательных археологических исследований в зоне строительства скоростной автомобильной дороги М-12 «Москва – Нижний Новгород – Казань». В ходе спасательных археологических работ изучено 25 памятников археологии различных эпох, общая площадь раскопок составила более 18 га. В ходе раскопок археологи собрали более 370 тысяч археологических находок эпохи мезолита и бронзы, Средневековья и Нового времени.

Активная межрегиональная и международная деятельность осуществляется сотрудниками Института в рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014-2025 годы)», направленной на проведение историко-археологических исследований средневековых городов и изучение историко-культурного тюрко-татарского наследия за пределами Республики Татарстан. Объектами исследова-

ний стали более 20 столичных городов тюрко-татарского мира эпохи средневековья в Северной Евразии. В 2022 г. в рамках реализации программы проведены археологические работы на городище Увек и поселении Хмелевское (Саратовская область), в г. Касимове (Рязанская область), на Царевском городище (Волгоградская область), комплексе мавзолеев Лапас и могильнике Посольский, Селитренном городище (Астраханская область), в долине р. Каракол (Республика Алтай), на городищах Кен-Булун и Телек (Республика Кыргызстан) и др.

Особого внимания заслуживают исследования комплекса мавзолеев у с. Лапас в Харабалинском районе Астраханской области. Комплекс мавзолеев известен достаточно давно, о нем сохранились упоминания в путевых заметках путешественников и дипломатов начиная с XVIII в, где мавзолеи фигурируют как «царские захоронения». Предполагается, что они принадлежат ханам Золотой Орды и их приближенным. Объектом исследований на этот полевой сезон был выбран мавзолей №1. (рис. 9). Полученные результаты позволяют говорить о неординарности изучаемого объекта. В процессе раскопок было установлено, что внутреннее пространство мавзолея было выстлано кирпичным полом, который обмазали тонким слоем алебастрового раствора. Были обнаружены многочисленные

Рис. 9. Археологические исследования комплекса мавзолеев XIV века у с. Лапас Астраханской области
Fig. 9. Archaeological studies of the complex of mausoleums of the XIV century near Lapas village , Astrakhan region.

фрагменты архитектурного декора, покрытых поливой в голубых и синих тонах. Важной находкой, подтверждающей, что раскапываемый объект является мавзолеем, явилось обнаружение фрагмента конструктивного элемента купольных построек – трюпа.

Помимо исследований на территории Российской Федерации центральноазиатским отрядом Института были проведены раскопки на средневековом городище Кен-Булуи, расположенном в Ысык-Атинском районе

Чуйской области Кыргызской Республики. Сравнительный анализ данных, полученных в Чуйской долине, с синхронными памятниками Урало-Поволжского региона дает возможность выявить направления трансфера строительных технологий и материальной культуры средневекового населения степной зоны Евразии.

По итогам полевого сезона в г. Бишкеке на базе Института истории, археологии и этнологии Национальной академии наук Республики

Рис. 10. Круглый стол «Средневековые города на трансконтинентальных торговых маршрутах Евразии: урбанистические центры Чуйской долины и Среднего Поволжья», г. Бишкек, 7 октября 2022 г.

Рис. 10. The round table “Medieval cities on transcontinental trade routes of Eurasia: urban centers of the Chuy Valley and the Middle Volga region”, Bishkek, October 7, 2022.

Кыргызстан 7–8 октября 2022 г. был проведен круглый стол «Средневековые города на трансконтинентальных торговых маршрутах Евразии: урбанистические центры Чуйской долины и Среднего Поволжья», на котором были обсуждены предварительные результаты российско-кыргызстанской экспедиции. В работе круглого стола приняло участие более 30 человек, в том числе сотрудники Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Кыргызского национального университета

им. Ж. Баласагына, Института истории материальной культуры РАН (рис.10).

Усилиями сотрудников Института в значительной степени обеспечивается потребность Республики Татарстан в научных и спасательных археологических исследованиях, историко-культурной экспертизе земельных участков, планируемых под хозяйственное освоение. В 2022 г. были обследованы значительные площади территории Республики Татарстан на наличие объектов культурного наследия. Проведены исследования в виде археологических раскопок общей площа-

дью 5812,5 кв.м, археологических наблюдений общей площадью 2390 кв.м. В рамках реализации археологического обследования земельных участков были проведены археологические разведки на площади около 755 га (48 объектов). Всего для проведения археологических исследований Институтом в Министерстве культуры РФ был получен 41 открытый лист (разрешение) на проведение археологических спасательных работ в зонах новостроек и негативного воздействия водохранилищ.

Сотрудники Института планомерно проводят работы по изучению и сохранению объектов историко-культурного наследия Республики Татарстан, работы по совершенствованию их охраны. В связи с сохранением археологического наследия Республики Татарстан важное место в работе Института занимает ведение музейной деятельности. В 2022 г. продолжилась научная и учетная обработка археологических коллекций, находящихся на дофондовом хранении Музея археологии РТ (далее – МА РТ) с общим количеством около 5000 коллекций (около 550 000 ед. хр.).

В собрание МА РТ принято 75 коллекций (11 024 ед.), в том числе 29 коллекций в основной фонд (844 ед.), 2 коллекции в научно-вспомогательный фонд (1 185 ед.) и 44 коллекции в сырьевой научный фонд (10 990 ед.). Таким образом, по состоянию на 2022 г. фонды МА РТ включают в себя 338 коллекций (92852 ед.). Необходимо отметить, что поступлений такого количества уникальных артефактов археологического и историко-культурного наследия не отмечено в других музеях Татарстана.

Институтом ведется работа по созданию единого электронного реестра научных изданий, который позволял бы отсортировать материалы по категориям и получать к ним доступ в максимально короткие сроки. На конец отчетного года в методическом кабинете всего учтено 17 987 ед. хранения, в научном фонде – 3 410 ед.

Продолжено формирование информационной географической системы «Культурное наследие Татарстана и татарского народа», которая является цифровым пространством, созданным для интеграции гуманитарного знания. Система позволяет хранить и анализировать научные исследования и архивные материалы о языке, археологии и истории,

материальной и духовной культуре народов Татарстана и Поволжья. Ключевые положения программной разработки были востребованы и стали основой создания совместно с Санкт-Петербургским институтом истории РАН в рамках федерального гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации интернет-портал «История письма», впервые представившем в открытом доступе эталонные образцы письма в виде цифровых копий рукописных и эпитафических памятников из архивов России, представляющих историю письменности в разных традициях и на разных языках. В 2022 г. система получила поддержку Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна), которым был выделен сервер для организации хранения данных информационной географической системы. Общие количественные данные, внесенные в геопортал за период 2018–2022 гг., составляет более 90 000 сведений. В этом году в Федеральной службе по интеллектуальной собственности получено свидетельство о государственной регистрации базы данных.

Открытие и работа диссертационного совета при Академии наук Республики Татарстан по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности «Отечественная история» и «Археология» является важным событием в рамках подготовки кадров высшей научной квалификации. В отчетном году состоялись защиты трех кандидатских и одной докторской диссертаций по отечественной истории и археологии.

Институтом издается два журнала «Поволжская археология» и «Археология Евразийских степей». В журналах публикуются результаты археологических исследований, проводимых не только в Волго-Уральском регионе, но и на всем пространстве Евразии, демонстрируются новейшие достижения археологической науки (Мухаметшин, 2021).

В июне 2022 г. Международной исследовательской организацией «SCImago» научный журнал «Поволжская археология» был включен в 1 квартиль (самый высокий из четырех уровней) по базе данных Scopus. А в октябре 2022 г. консультативным советом Scopus по отбору контента принято решение о включении журнала «Археология Евразийских степей» в международную реферативную базу данных Scopus.

Таким образом, уровень выполнения НИР в отчетном году позволил с большим заданием выполнить поставленные перед Институтом задачи и определить дальнейшие перспективы его развития. Возросло качество исследований и публикаций, которые соответствуют международным стандартам. В 2023 г. представляется важным и целесообразным направить основные усилия научных отделов на дальнейшую организацию работы междисциплинарных исследовательских коллективов по завершению приоритетных научных проблем в рамках Государственного задания Института на 2022–2024 гг. Не менее актуальным остается продолжение комплексных, охранно-спасательных исследований, камерального изучения артефактов и создание культурно-хронологических схем, отвечающих современным требованиям археологической науки.

плинарных исследовательских коллективов по завершению приоритетных научных проблем в рамках Государственного задания Института на 2022–2024 гг. Не менее актуальным остается продолжение комплексных, охранно-спасательных исследований, камерального изучения артефактов и создание культурно-хронологических схем, отвечающих современным требованиям археологической науки.

Приложение 1

ПУБЛИКАЦИИ ИНСТИТУТА

Монографии, научные сборники

Археология Волго-Уралья (в семи томах) Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: изд-во АН РТ, 2021. 444 с.: ил.

Археология Волго-Уралья (в семи томах). Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: изд-во АН РТ, 2021. 728 с.: ил.

Археология Волго-Уралья (в семи томах). Т. 3. Ранний железный век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: изд-во АН РТ, 2021. 676 с.: ил.

Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 2 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СГСПУ, 2021. 176 с.: ил.

Беляев Л.А. Первые археологические исследования в Свияжске. 1978 – 1982 годы / Материалы и исследования по археологии Свияжска. Том. 1. Казань: изд-во АН РТ, 2021. 161 с.

Валеев Р.М., Таюрский Д.А., Ситдиков А.Г. и др. Астрономические обсерватории Казанского федерального университета. Т. 1 Изучение и сохранение. Казань: Мастер-Граф, 2022. 400 с.

Валеев Р.М., Таюрский Д.А., Ситдиков А.Г. и др. Астрономические обсерватории Казанского федерального университета. Т. 2. План управления объектом. Казань: Мастер-Граф, 2022. 200 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 1. / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 312 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.) (в пяти томах). Т. 2 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 2. 348 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.) (в пяти томах). Т. 3 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 224 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.) (в пяти томах). Т. 4 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 300 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.) (в пяти томах). Т. 5 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 288 с.

Красильников К.И., Апареева Е.К. Диалог культур в камнерезном искусстве. По материалам статуйных комплексов Степного Подонцовья / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИА АН РТ, 2021. 368 с.: ил.

Могилевский К.И., Гагзуев Р.Г., Иванюк С.А., Хайрутдинов Р.Р., Белорыбкин Г.Н., Обыденнова Г.Т., Воронцов А.М., Меньшов А.В., Валеев Р.М., Коваль В.Ю., Дубман Э.Л., Бессуднов А.Н., Шевченко Э.А., Ситдииков А.Г., Абдуллин Х.М., Жиганов В.М., Самигулов Г.Х., Любичансовский С.В., Голотвин А.Н., Семькин Ю.А., Зеленева Ю.А., Егорушкин Ю.А., Мизис Ю.А., Глазьев В.Н., Богатырев Р.А., Саран А.Ю., Ливцов В.А., Столяров Е.В., Сайфутдинова Г.М., Иванов Д.А., Буланкин В.М. Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. М. Кучково поле, 2022. 388 с.

Ситдииков А.Г., Старков А.С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф, 2022. 500 с.

Центральный базар Болгара и его окружение: междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг. / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 288 с.: ил.

Статьи

Абдуллин Х.М., Сайфутдинова Г.М., Ситдииков А.Г. Картографические материалы как источник исторических сведений развития территории и их использование при определении исторических границ поселений на примере города Буинска Республики Татарстан // Геодезия и картография. 2022. № 1. С. 2–11.

Алешинская А.С., Чижевский А.А., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д. Маклашеевское II городище, палинологический аспект // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 371–381.

Амиров Ш.Ш., Торениязов А.Ж. К проблеме сохранения памятников культурного наследия на территории Республики Каракалпакстан (на примере Пулжайского поселения) // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 900-летию со дня рождения Сулаймана Бакыргани (Хаким ата) (29-30 сентября 2022 г.). Нукус: Илим. С. 62–4.

Асылгараева Г.Ш., Оруджов Э.И., Старков А.С. Археозоологический комплекс Макарьевского городища // Поволжская археология. 2022. №1 (39). С. 178–189.

Ахметгалин Ф.А., Хазиев А.И., Грибов Н.Н. Керамические комплексы старого посада города Касимов (по материалам исследований 2009-2018 гг.) // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 45–53.

Бездудный В.Г., Вафина Г.Х., Мирсиянов И.Ю., Овечкина Л.В., Пигарёв Е.М., Ситдииков А.Г. Предварительные итоги исследований неконтактными методами Лапасского комплекса мавзолеев // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 314–325.

Бугарчев А.И. Джучидские монеты из находок на селище Мурзиха Алексеевского района Республики Татарстан // Человек и природа в бассейне реки Меша и Пестречинском Заказанье в историческом развитии. Уроженец земли Мауля Колый: жизнь, деятельность, наследие и его вклад в духовно-культурную жизнь татарского народа (II Пестречинские научно-краеведческие чтения): материалы Всероссийской научно-практической, историко-краеведческой конференции. Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии». Вып. 22. / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Отечество, 2022. С. 62–64.

Бугарчев А.И. Клад джучидских монет середины XV века из Рыбнослободского района Татарстана // Татары и чувашы – ветви одного древа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (7–8 октября 2021 г.) / Сост. и отв. ред.: Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков. Казань; Чебоксары: Новое время, 2021. С. 149–153.

Бугарчев А.И. Первая книга по нумизматике отдельного археологического памятника Татарстана // Туган Жир – Родной Край. 2021. № 4. С. 220–221.

Бугарчев А.И. Ранний вариант болгарских медных динаров XIII в. // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 152–166.

Бугарчев А.И. Нумизматика Золотой Орды на всероссийских конференциях 2021 г. // Туган Жир – Родной край. 2022. № 3. С. 186–188.

Бугарчев А.И., Мингазов М.Н., Мулюков И.А. Обзор медных джучидских монет из Атрясинского археологического комплекса (Татарстан) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея. Материалы докладов и сообщений (г. Москва, 23-24 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2021. С. 84-88.

Бугарчев А.И., Мухаметшин И.Д., Степанов О.В., Файзрахманов П.Х. О двух группах ордынских пулов XIV в. // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Под общ. ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: ПГПУ, 2022. С. 321–328.

Бугарчев А.И., Павлов А.А. Клад ордынских монет начала XV в. из Дятлово (Лаишевский район РТ) // Человек и природа в бассейне реки Меша и Пестречинском Заказанье в историческом развитии. Уроженец земли Мауля Колый: жизнь, деятельность, наследие и его вклад в духовно-культурную жизнь татарского народа (II Пестречинские научно-краеведческие чтения): материалы Всероссийской научно-практической, историко-краеведческой конференции. Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии». Вып. 22. / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Отечество, 2022. С. 64–65.

Бугарчев А.И., Петров П.Н., Шайхутдинова Е.Ф. Монеты Хаджи-Тархана XV в. из клада Караульная Гора (по материалам из фондов НМ РТ) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г.Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). Т. 5. / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы-Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 242–247.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Клад болгарских монет 1280-х гг. из пос. Приволжский Спасского района Татарстана // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Под общ. ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: ПГПУ, 2022. С. 288–292.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Питрэч районунда табылган урта гасыр акчалары // Человек и природа в бассейне реки Меша и Пестречинском Заказанье в историческом развитии. Уроженец земли Мауля Колый: жизнь, деятельность, наследие и его вклад в духовно-культурную жизнь татарского народа (II Пестречинские научно-краеведческие чтения): материалы Всероссийской научно-практической, историко-краеведческой конференции. Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии». Вып. 22. / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Отечество, 2022. С. 58–59.

Бугарчев А.И., Файзрахманов П.Х., Степанов О.В. Новые находки джучидских монет из Иски-Казани // Туган Жир – Родной Край. 2021. № 4. С. 59–63.

Бугарчев А.И., Фёдорова Е.А. Находки крымских пулов XIV в. на территории Болгарского городища // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9. № 1. С. 115–122.

Бугарчев А.И., Шайхутдинова Е.Ф. Нумизматический комплекс из с. Рождествено (Татарстан) по материалам Музея археологии РТ Института археологии АН РТ // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 169–174.

Валеев Р.М., Бугарчев А.И. Серебряные монеты XIII – начала XIV в. из раскопа CLXXIX Болгарского городища // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 135–144.

Валеева В.А., Баранов В.С. Сохранение информации о музейном предмете в различных формах учётных документов конца XVI-первой трети XX вв // Документ в социокультурном пространстве: теории и цифровые трансформации. Материалы V Международной научно-практической конференции (г. Казань, 27 мая 2022 г.) / Науч. ред.: Л.Е. Савич, А.Р. Мансурова; сост.: Г.В. Матвеева, Ю.Н. Галковская. Казань: Казанский государственный университет культуры и искусств, 2022. С. 412–419.

Валеева В.А., Садриев Н.Р., Старков А.С. Деревянные игрушки Свияжска. Классификационный обзор // Сборник статей научной конференции «Археологическое дерево» (с. Свияжск, 10-12 ноября 2021 г.) С.40–47.

Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. Разведочные исследования в ближайшей округе Увекского городища в 2018-2019 гг. // Археологические открытия. 2019 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 361–363.

Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. Результаты разведочных исследований в окрестностях Увекского городища в 2018-2019 гг. // Археология Евразийских степей. 2022. №3. С. 272–279.

Гайдуков П.Г., Орловская Л.Б., Белозёрова И.В., Чижевский А.А. К 70-летию Сергея Владимировича Кузьминых // РА. 2021. № 3. С. 202–203.

Гайдуков П.Г., Орловская Л.Б., Сорокин А.Н., Белозёрова И.В., Ситдииков А.Г., Чижевский А.А. История, отлитая в металле (к 70-летию Сергея Владимировича Кузьминых) // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 10–13.

Галимова М.Ш. Палеолит Казанского Поволжья: история изучения и новые данные // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 106–120.

Галимова М.Ш., А.Х. Халиков о палеолите Среднего Поволжья (в свете современных данных) // Археология Евразийских степей. 2022. № 5. С. 51–66.

Голубева Е.Н., Галимова М.Ш., Бахматова В.Н. Экспериментально трасологическое исследование каменных подвесок из энеолитических погребений в устье Камы // Поволжская археология. 2022. № 3. С. 107–119.

Губайдуллин А.М. О городищах раннего средневековья на территории Среднего Поволжья // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 136–140.

Губайдуллин А.М. О градостроительстве в Булгарском улусе Золотой орды // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 149–156.

Губайдуллин А.М. О способах возведения оборонительных насыпей городищ на территории Волжской Булгарии // Археология восточно-европейской лесостепи / Отв. ред. В.А. Винничек. Пенза: изд-во ИРР, 2022. С. 280–287.

Дроздова Г.И., Амиров Ш.Ш., Набиуллин Н.Г., Старков А.С. Исследования на территории Казанского Богородицкого монастыря в г. Казани // Археологические открытия. 2019 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 337–338.

Дроздова Г.И. Научное наследие Р.Г. Фахрутдинова (по материалам фонда № 17 март ИА АН РТ) // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 256–268.

Дроздова Г.И. Личный фонд С.С. Айдарова (1928–2014) // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 387–418.

Зубарева М.М., Ахметгалин Ф.А. Изразцы с изображением «Свияжской» вазы // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 141–147.

Казаков Е.П. Взгляд в прошлое // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 160–171.

Казаков Е.П. Постпетрогром в системе угорских средневековых культур Урало-Поволжья // Поволжская археология. 2022. № 2. С. 102–113.

Казаков Е.П., Набиуллин Н.Г., Хуснутдинов Э.А. Новые материалы по исследованиям в исторической части г. Набережные Челны // Камский торговый путь. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Набережные Челны: НГПУ, 2021. С. 143–156.

Каплан П. Ю., Валеева В. А. К вопросу об анализе состояния и сохранении археологической керамики из коллекции Танкеевского могильника (Музей археологии Республики Татарстан) // Актуальная археология 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых (г. Санкт-Петербург, 04–07 апреля 2022 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 295–299.

Кольченко В.А., Тулуш Д.К., Ситдииков А.Г., Бездудный В.Г. Предварительные результаты исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021–2022 гг. // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (Туркестан, 11 – 14 октября 2022 г.) (в пяти томах). Т. 5 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 164–183.

Кондрашин В.В., Иванова Н.В., Хохлов А.А., Цибин В.А. Археологический контекст погребений с древнейшей чумой Михайловского II курганного могильника в степном Поволжье // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 313–340.

Константинов Н.А., Макарова А.С., Лобзова Р.В., Урбушев А.У. Опыт удаления лишайников на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 325–337.

Куклина А.А. Трансформация подходов к изучению неполивной керамики (на примере средневековой массовой керамики с памятников Поволжья) // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 195–201.

Куклина А.А. К вопросу о различиях местной гончарной керамики Болгара раннего и позднего золотоордынского периодов // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 163–168.

Лыганов А.В., Галимова М.Ш. Материалы каменного и бронзового века Усть-Вихлянского археологического комплекса (исследования 2021 г.) // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 68–82.

Лыганов А.В., Морозов, В.В., Смирнов А.Л., Храмченкова Р.Х. Металлические изделия Татарско-Азиевского III поселения эпохи бронзы // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 104–117.

Лыганов А.В., Саттаров Р.Р., Денисов А.В., Иванова Н.В. Селище Озеро Белое I позднего бронзового века в Самарском Поволжье // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 46–59.

Макарова А.С., Каплан П.Ю., Котов Р.В., Федан П.В. Опыт реставрации эпитафических памятников и архитектурных деталей из фондов БГИАМЗ // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 302–307.

Макласова Л.Э. Болимао. Головной убор с жесткой конструкцией (Династия Юань) // Документ в социокультурном пространстве: теории и цифровые трансформации. Материалы V Международной научно-практической конференции / Науч. ред.: Л.Е. Савич, А.Р. Мансурова; сост.: Г.В. Матвеева, Ю.Н. Галковская. Казань: КГУКИ, 2022. С. 426–432.

Морозов В.В., Лыганов А.В., Выборнов А.А., Смирнов А.Л., Батуева Н.С. Муллинское II поселение в Икско-Бельском междуречье: материальная культура, стратиграфия и радиоуглеродная хронология // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 8–45.

Мухаметшин Д.Г. Типология болгарских литых монетовидных подвесок из Ульяновской области // Краеведческие записки. Вып. 19 / Ред. Ю.К. Володина и др.. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2022. С. 259–269.

Мухаметшин Р.Р. Методы и формы электронного обучения и дистанционные образовательные технологии в библиотечно-информационном образовании: смешанное обучение 2.0 // Научные и технические библиотеки. 2022. № 2. С. 91–108.

Мухаметшин Р.Р. Методы и формы электронного обучения с применением дистанционных образовательных технологий: оценки и предпочтения студентов вузов культуры // Научные и технические библиотеки. 2022. № 4. С. 137–153.

Мухаметшин Р.Р. Модели смешанного обучения: предпочтения студентов-библиотекарей (по материалам опроса) // Библиотека и культурное пространство региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пермь, 11–12 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Е.М. Вафина. Пермь: ПГИК, 2021. С. 65–69.

Мухаметшин Р.Р. Электронное, цифровое, дистанционное, смешанное обучение - терминологический анализ // Библиотековедение. 2022. Т. 71. № 1. С. 103–111.

Мухаметшин Р.Р., Абдуллин Х.М. Методологический пример исследования наукометрических показателей по отдельному научному направлению // Научные и технические библиотеки. 2021. № 11. С. 115–130.

Мухаметшин Р.Р., Хадиуллина Р.Р. Онлайн-трансляция и видеозапись занятий как эффективный инструмент при организации электронного обучения // Открытое образование. 2022. Т. 26. № 1. С. 42–50.

Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные археологические работы в г. Казани // Археологические открытия. 2019 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 339–340.

Набиуллин Н.Г., Старков А.С. Археологические разведки в Зеленодольском и Верхнеуслонском муниципальных районах // Археологические открытия. 2019 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2021. С. 341–342.

Пашина Е.В. Описание «Ревизских сказок» города Тетюши 1719-1723 гг. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Вып. 13 / Отв. ред. С.В. Степанов. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. С. 93–96.

Пашина Е.В. Предпосылки возведения крепости Тетюши в последней трети XVI столетия // Военная история России. Материалы XIV Международной военно-исторической конференции. Сборник научных статей. Т. 1. / Под ред.: М.А. Королевой, В.А. Носова, С.А. Пищулина (г. Санкт-Петербург, 18 ноября 2021 г.) СПб.: ГБУ «Дзержинец», 2021. С. 10–16.

Пашина Е.В. Численность и профессиональная занятость жителей посада города-крепости Тетюши в XVII веке // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманит. науки. 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 172–186.

Савич Л.Е., Мухаметшин Р.Р. Проактивность смешанного обучения как перспектива его развития // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3. С. 88–94.

Садриев Н.Р., Старков А.С. Об одном из свидетельств торговых отношений в Свияжске XVI–XVII вв.: деревянные счетные бирки // Сборник статей научной конференции «Археологическое дерево» (с. Свияжск, 10–12 ноября 2021 г.). С. 163–170.

Садриев Н.Р., Федан П.В. Реставрация свинцовых западноевропейских пломб на материалах раскопа с территории посадской части Свияжска // Актуальная археология 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых (г. Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 302–305.

Сайфутдинова Г.М. Цифровые технологии в сохранении археологического наследия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции по актуальным вопросам цифровизации культурного наследия «Наследие в цифре!» (г. Казань, 21–22 сентября 2022 г.).

Салова Ю.А., Пономаренко Е.В., Петрова Д.А. Pure fuel and plant macrofossils from cremation burials of the first millennium AD: the Imen'kovo culture of the Mid-Volga region. 19th Conference of the International Workgroup for Palaeoethnobotany. 2022.

Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В. Бронзовые восьмеркообразные застёжки как хронологические маркеры пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 225–247.

Ситдинов А.Г. Международный конгресс археологии Евразийских степей: этапы становления Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда // Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11 – 14 октября 2022 г.) (в пяти томах). Т. 1 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдинов, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 14–22.

Ситдинов А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2021 г. // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 237–255.

Усманов Б.М., Гайнуллин И.И., Иванов М.А., Хомяков П.В., Губайдуллин А.М., Ермолаев О. П., Абдуллин Х.М., Саламатина Н.С., Гафуров А.М., Касимов А.В. Страна городов: комплексные исследования городищ Волжской Булгарии // Региональные геосистемы. 2021. Т. 45. № 4. С. 481–504.

Федан П.В., Садриев Н.Р. Височные украшения с Танкеевского могильника. Исследование и реставрация // Актуальная археология 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых (г. Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 306–309.

Храмченкова Р.Х., Мухаметшин Д.Г., Ситдинов А.Г., Федан П.В. Медные монеты с Болгарского городища как исторический источник // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10 № 3. С. 584–600.

Храмченкова Р.Х., Ситдинов А.Г., Кольчугин А.Н., Каплан П.Ю. Археометрические исследования строительных материалов средневековых каменных сооружений Болгарского городища // Геоархеология и археологическая минералогия. 2021. Т. 8. С. 63–68.

Хузин Ф.Ш. Bulgar kentleri ve Bulgar kentlerinin köken sorunları // Genel türk tarihi araştırmaları dergisi. 2022. Cilt 4. Sayı 8. S. 999–1008 (на турец. яз.).

Хузин Ф.Ш. Болгар илендә ислам һәм элгәреге шәһәрләр // Фәнни Татарстан. 2022. № 2. Б. 103–114.

Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г. Волжская Булгария и мусульманский мир в X – начале XIII вв. // Ислам в России: история, культура, экономика. Материалы XI Междунар. тюрколог. конф. / Ред. Г.М. Бурдина и др. Казань: КФУ, 2022. С. 85–92.

Чижевский А.А. Каменные молоты ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 159–177.

Шайхутдинова Е.Ф., Касимов А.В., Ситдинов А.Г. Мониторинг и управление состоянием объекта всемирного культурного наследия. Успенский собор // Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2021 (Казань, 21–24 сентября, 2021 г.) / Ред. Р.Н. Минниханов Сборник материалов. Казань: ГБУ «НЦБЖД», 2021. С. 597–601.

Шипилов А.В. Материалы камской неолитической культуры по итогам исследования VI-VII раскопов Игимской стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 95–106.

Шипилов А.В. Характеристика комплексов эпохи неолита, палеометалла и раннего железного века Берёзовогривско-Алексеевского III поселения в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 60–73.

Шипилов А.В., Дога Н.С. Сравнительная характеристика каменного инвентаря носителей керамики русско-азибейского типа и прикаспийской культуры // Изделия из камня и кости в культурах неолита (Санкт-Петербург, 16–18 мая 2022 г.) / Ред. А.А. Выборнов, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 18–19.

Bakhmatova V. N., Golubeva Ye. N., Galimova M. Sh. 2022. Stone pendants from the Eneolithic burials at the Kama-Volga confluence: use-wear and experiment // *Recreating artifacts and ancient skills from experiment to interpretation* / Ed. by Monica Margarit and Adina Boroneant. Targoviste: Cetatea de scaun. P. 221–232.

Khramchenkova R.Kh., Kolchugin A.N., Sitdikov A.G., Kaplan P.Yu. Archeometric research of building materials of medieval stone structures of the Bulgarian settlement // *Spri. Proceed. in Earth, Environ. Sci., Natalia Ankusheva et al. (eds): geoarchaeology and archaeological mineralogy-2021.*

Kocher A., Papac L., Barquera R., Key F.M., Spyrou M.A., Hübler R., Rohrlach A.B., Aron F., Stahl R., Wissgott A., van Bömmel F., Pfefferkorn M., Mitnik A., Villalba-Mouco V., Neumann G.U., Rivollat M., van de Loosdrecht M.S., Majander K., Tukhbatova R.I., Musralina L., Ghalichi A., Penske S., Sabin S., Michel M., Gretzinger J., Nelson E.A., Ferraz T., Nägele K., Parker C., Keller M., Guevara E. K., Feldman M., Eisenmann S., Skourtanioti E., Giffin K., Gnecci Ruscone G.A., Friederich S., Schimmenti V., Khartanovich V., Karapetian M.K., Chaplygin M.S., Kufteer V.V., Khokhlov A.A., Chizhevsky A. A., Stashenkov D.A., Kochkina A.F., Tejedor-Rodríguez C., García-Martínez de Lagrán Í., Arcusa-Magallón H., Garrido-Pena R., Royo-Guillén J.I., Nováček J., Rottier S., Kacki S., Saintot S., Kaverzneva E., Belinskiy A.B., Velemínský P., Limburský P., Kostka M., Loe L., Popescu E., Clarke R., Lyons A., Mortimer R., Chinique de Armas Y., Hernandez Godoy S.T., Hernández-Zaragoza D.I., Pearson J., Binder D., Lefranc P., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Lai L., Zoledziewska M., Beckett J.F., Langová M., Danielisová A., Ingman T., Atiénzar G.G., Paz de Miguel Ibáñez M., Rameta A.R., Sperduti A., Beckett S., Salter S.J., Zilivinskaya E.D., Vasil'ev D.V., von Heyking K., Burger R.L., Salazar L.C., Amkreutz L., Navruzbekov M., Rosenstock E., Alonso-Fernández C., Slavchev V., Kalmykov A. A., Atabiev B.Ch., Batieva E., Calmet M.A., Llamas B., Schultz M., Krauß R., Jiménez-Echevarría J., Francken M., Shnaider S., de Knijff, Eveline Altena, Van de Vijver K., Fehren-Schmitz L., Tung T.A., Lössch S., Dobrovolskaya P.M., Makarov N., Read C., Van Twest M., Sagona C., Ramsel P.C., Akar M., Yener K. A., Ballesterio E.C., Cucca F., Mazzarello V., Utrilla P., Rademaker K., Fernández-Domínguez E., Baird D., Semal P., Márquez-Morfin L., Roksandic M., Steiner H., Salazar-García D.C., Shishlina N., Erdal Y. S., Hallgren F., Boyadzhiev Y., Boyadzhiev K., Küßner M., Sayer D., Onkamo P., Skeates R., Rojo-Guerra M., Buzhilova A., Khussainova E., Djansugurova L.B., Beisenov A.Z., Samashev Z., Massy K., Mannino M., Moiseyev V., Mannermaa K., Balanovsky O., Deguilloux M.-F., Reinhold S., Hansen S., Kitov E.P., Dobeš M., Ernée M., Meller H., Prüfer K., Warinner C., Schiffels S., Stockhammer P.W., Bos K., Posth C., Herbig A., Haak W., Krause J., Kühnert D. Ten millennia of hepatitis b virus evolution In *Science*. 2021.Vol. 374. № 6564. P. 182–188.

Nabiullin N.G., Khramchenkova R.Kh. 2022. The interdisciplinary research of the Bulgar-Tatar town of Juketaw / *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy*. Ankushev M., Ankusheva N., Ankusheva P., Chechushkov I., Epimakhov A. (ed.) *Proceedings of 8th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 20–23 September 2021.* Springer Nature. Switzerland AG.

Starostina I.A., Stoyanov O.V., Khramchenkova R.K. 2022. A method for removing a preserving polymer coating from archeological metal objects. *Polymer Science, Series D*. 15. N.1. P. 57–59.

Szeifert B., Gerber D., Csaky V., Lango P., Stashenkov D.A., Khokhlov A.A., Sitdikov A.G., Gazimzyanov I.R., Volkova E.V., Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Poshekhonova O.E., Sleptsova A.V., Ilyushina V.V., Karacharov K.G., Konikov B.A., Sungatov F.A., Kolonskikh A.G., Botalov S.G., Grudochko I.V., Egyed B., Mende B.G., Turk A., Szecenyi-Nagy A. Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6-14th century populations of the Volga-Ural region In *Human Molecular Genetics*. 2022. N. 31(19). P. 3266–3280.

Zhomartova A.Zh., Shaykhutdinova E.F., Bakirov B.A., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Sitdikov A.G. Structural studies of the brass ingots from the Shcherbet historical complex of the Lower Kama region: neutron diffraction and tomography studies In *Eurasian Journal of Physics and Functional Materials*. 2022. N. 6(3). P. 180–189.

ЛИТЕРАТУРА

Айтуганова Н.Л., Ситдиков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе III Международной археологической школы // *Поволжская археология*. 2016. № 4 (18). С. 334–339.

Бочаров С.Г., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2018 году // *Поволжская археология*. 2019. № 1 (27). С. 208–228.

Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2019 году // *Поволжская археология*. 2020. № 1 (31). С. 196–216.

Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Тюркоязычные кочевники (VIII – начало XIII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 5. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022.

Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. Международная археологическая школа и ее место в патриотическом воспитании студенческой молодежи // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории) / Ред. О.Н. Широков, О.Г. Вязова, Н.А. Петров, М.И. Федулов. Чебоксары: Среда, 2019а. С. 95–99.

Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. О работе VI Международной археологической школы // Археология Евразийских степей. 2019б. № 5. С. 99–112.

Могилевский К.И., Гагжуев Р.Г., Иванюк С.А., Хайрутдинов Р.Р., Белорыбкин Г.Н., Обыденнова Г.Т., Воронцов А.М., Меньшов А.В., Валеев Р.М., Коваль В.Ю., Дубман Э.Л., Бессуднов А.Н., Шевченко Э.А., Ситдииков А.Г., Абдуллин Х.М., Жиганов В.М., Самигулов Г.Х., Любичансовский С.В., Голотвин А.Н., Семькин Ю.А., Зеленева Ю.А., Егорушкин Ю.А., Мизис Ю.А., Глазьев В.Н., Богатырев Р.А., Саран А.Ю., Ливцов В.А., Столяров Е.В., Сайфутдинова Г.М., Иванов Д.А., Буланкин В.М. Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. М. Кучково поле, 2022. 388 с.

Мухаметшин Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Сравнительный анализ наукометрических показателей журнала "Поволжская археология" // Научные и технические библиотеки. 2021. № 4. С. 73–92.

Период Улуса Джучи (вторая треть XIII – первая половина XV вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022.

Позднее средневековье и раннее Новое время (XVI – первая половина XVIII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 7 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: АН РТ, 2022.

Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 676 с.

Ситдииков А.Г. Международный конгресс археологии Евразийских степей: этапы становления // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 1. / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 17–22.

Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18-31 августа 2014г.) // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 294–303.

Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе II Международной полевой Археологической школы // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 264–267.

Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2015 г. // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 276–290.

Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2016 году // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 330–343.

Ситдииков А.Г., Каримов И.Р., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2017 году // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 342–354.

Ситдииков А.Г., Онгарулы А., Воякин Д.А., Поляков А.В., Саттаров Р.Р. V Международный конгресс археологии евразийских степей «Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда» // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 348–356.

Ситдииков А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2020 году // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 119–129.

Ситдииков А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2021 году // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 237–255.

Ситдииков А.Г., Старков А.С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф, 2022. 500 с.

Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 233–241.

Ситдиков А.Г., Шакиров З.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 241–259.

Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 728 с.

Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. 700 с..

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

REFERENCES

Aituganova, N. L., Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 334–339 (in Russian).

Bocharov, S. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 334–339 (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 196–216 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). 2022. *Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Tyurkoyazychnye kochevniki (VIII – nachalo XIII vv.) (Volga Bulgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads (VIII – beginning of the XIII centuries))*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Vorob'eva, E.E., Golubeva, E.N. 2019. In Shirokov, O.N., Vyazova, O.G., Petrova, N.A., Fedulov, M.I. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii i istorii: (k 30-letiiu osnovaniia kafedry arkheologii, etnografii i regional'noi istorii) (Current Issues of Archaeology, Ethnography and History: (Dedicated to the 30th Anniversary of the Department of Archaeology, Ethnography and Regional History))*. Cheboksary: "Sreda" Publ., 95–99 (in Russian).

Vorob'eva, E. E., Golubeva, E. N. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 99–112 (in Russian).

Mogilevskiy K.I., Gagkuev, R.G., Ivanyuk, S.A., Khayrutdinov, R.R., Belorybkin, G.N., Obydenova, G.T., Vorontsov, A.M., Men'shov, A.V., Valeev, R.M., Koval', V.Yu., Dubman, E.L., Bessudnov, A.N., Shevchenko, E.A., Sitdikov, A.G., Abdullin, Kh.M., Zhiganov, V.M., Samigullov, G.Kh., Lyubichansovskiy, S.V., Golotvin, A.N., Semykin, Yu.A., Zeleneev, Yu.A., Egorushkin, Yu.A., Mizis, Yu.A., Glaz'ev, V.N., Bogatyrev, R.A., Saran, A.Yu., Livtsov, V.A., Stolyarov, E.V., Sayfutdinova, G.M., Ivanov, D.A., Bulankin, V.M. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pogranich'ya Rossii XVI–XVIII vv. ("Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th–18th Centuries")*. Moscow: "Kuchkovo pole" Publ. (in Russian).

Mukhametshin, R. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2021. In *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki (Scientific and Technical Libraries)* (4), 73–92 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). 2022. *Period Ulusa Dzhuchi (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.) (Juchi Ulus period (the second third of the XIII – first half of the XV centuries))*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 6. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). 2022. *Pozdnee srednevekov'e i rannee Novoe vremya (XVI – pervaya polovina XVIII vv.) (Late Middle Ages and early modern era (XVI – first half of the XVIII centuries))*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 7. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sitdikov, A. G., Chizhesky, A.A. (eds.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2022. In Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evrasiyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepey (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes)* 1. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 17–22 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 294–303 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 264–267 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Karimov, I. R. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 276–290 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Karimov, I. R. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 330–343 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Karimov, I. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 342–354 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Ongaruly, A., Voyakin, D. A., Polyakov, A. V., Sattarov, R.R. 2022. In *Arkheologiya evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 348–356 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Sattarov, R.R., Asylgaraeva, G. Sh. 2021. In *Arkheologiya evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 119–129 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Sattarov, R.R., Asylgaraeva, G. Sh. 2022. In *Arkheologiya evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 237–255 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. 2022. *Muзей arkheologicheskogo dereva «Tatarskaya slobodka» (Archaeological Wood Museum «Tatarskaya Slobodka»)*. Kazan: “Master-Graf” Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 233–241 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Shakirov, Z. G., Karimov, I. R. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 11 (1), 241–259 (in Russian).

Sitdikov, A.G., Chizhesky, A.A. (eds.). 2021. *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). 2022. *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Известия археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет
КФУ – Казанский федеральный университет
МАР ИААН РТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ.
МарГУ – Марийский государственный университет
МАЭ – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук
НЦАИ ИИ АНРТ – Национальный центр археологических исследований Института истории
НФ МА РТ ИА АН РТ – Научный фонд Музей археологии ИА АН РТ
им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГАИМК – Сообщения Государственной Академии материальной культуры.
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 22.02.2023

Дата выхода в свет 28.02.2023

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 44,18

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

